

Владычица Озера

Дорога без возврата

Анджеу
Санковскии

Владычица Озера

Дорога без возврата

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Анджеу
Санковскии

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRZEJ
SAPKOWSKI

Pani Jeziora
Droga Bez Powrotu

АНДЖЕЙ

САПКОВСКИЙ

Владычица Озера
Дорога без возврата

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Серия основана в 1999 году

Andrzej Sapkowski
PANI JEZIORA
1999
DROGA BEZ POWROTU
1988—1999

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с польского Е.П. Вайсброта

Художник А.Е. Дубовик

Публикуется с разрешения издательства Nowa Publishers
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 29.01.02. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 35,28. Тираж 3 000 экз. Заказ № 127.

Сапковский А.

С19 Владычица Озера. Дорога без возврата: Романы / А. Сапковский; Пер. с пол. Е.П. Вайсброта. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 667, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-004963-3

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

© Andrzej Sapkowski, 1988—1999, 1999

© Перевод Е.П. Вайсброт, 1999

© Перевод Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян, 1999

© ООО «Издательство АСТ», 2002

Владычица Озера

*We are such stuff
As dreams are made on, and our little life
Is rounded with a sleep.*

William Shakespeare

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое, а посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Глядите, — сказал Мерлин, — вон меч, о котором говорил я.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

— Кто эта дева? — спросил Артур.

— Это Владычица Озера, — отвечал Мерлин.

Томас Мэлори. «Смерть Артура»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Озеро было зачарованным. Вне всяких сомнений.

Во-первых, лежало оно совсем рядом с зачарованной долиной Ким Пикка, долиной таинственной, вечно затянутой туманом, славной своими чарами и магическими явлениями.

Во-вторых, достаточно было одного только взгляда.

Водная гладь — глубоко, сочно, незамутненно голубая, словно отшлифованный сапфир. До такой степени зеркально-голубая, что отраженные в ней вершины И Виддфа были прекраснее самих вершин. С озера веял прохладный живительный ветерок, и благословенной тишины не нарушали ни плеск рыбы, ни крик птицы.

Рыцарь тряхнул головой, пытаясь избавиться от охватившего его волнения, но вместо того чтобы продолжать путь по вершинам предгорных холмов, направил коня к озеру — словно влекомый силою магнетических чар, дремлющих там, внизу, на дне, в бездне вод. Конь пугливо ступал по каменному крошеву, тихим похрапыванием давая знать, что и он чувствует магическую ауру.

Спустившись вниз, к самому берегу, рыцарь соскочил с коня и, ведя его за трензеля, подошел к кромке воды, где мелкая волна плескалась среди разноцветных окатышей.

Поскрипывая кольчугой, опустился на колени, распугал мальков и юрких рыбешек, малюсеньких, словно иголки, набрал воды в сложенные горстью ладони. Он пил медленно, осторожно — от льдисто-холодной воды немели губы и язык, заходились зубы.

Когда он вновь зачерпнул воду, до него долетел звук, как бы разлившийся по поверхности озера. Он приподнял голову, конь захрапел, словно давал знать, что слышит и он.

Рыцарь прислушался. Нет, не показалось. Это были звуки пения. Пела женщина, скорее даже — девушка.

Рыцарь, как и всякий рыцарь, воспитывался на песнях бардов и рыцарских романах. А в них в девяти случаях из десяти девичьи песни либо стоны оказываются приманкой, а спешащие на помощь или же на выручку рыцари пренебреженно попадают в ловушки. Нередко смертельные.

Однако любопытство взяло верх. В конце концов, рыцарю-то ведь было всего-навсего девятнадцать годков. Он был зверски смел и чрезвычайно безрассуден. Отличался одним и славился другим.

Проверив, хорошо ли ходит в ножнах меч, он потянул коня туда, откуда доносилось пение. Впрочем, далеко идти не пришлось.

Берег был усеян большими скатившимися со склонов камнями — темные, отполированные до блеска, прямо-таки игрушки великанов, неряшливо брошенные или же просто забытые после окончания игры, они лежали в воде, темнели под прозрачным зеркалом вод, кое-где выступали над поверхностью, омываемые волной словно спины левиафанов. Множество камней виднелось и на берегу — от самой кромки и до опушки леса. Часть их была погружена в песок, лишь немного выступая наружу, предоставляя зрителю домысливать, сколь велики они в действительности.

Из-за этих-то прибрежных валунов и доносилось пение, которое слышал рыцарь. А самой девушки видно не было. Рыцарь толкнул коня, держа его за мундштук, чтобы не ржал и не храпел.

Одежда девушки лежала на валуне, погруженном в воду и плоском, как стол. Сама певунья, стоя по пояс в воде, мылась, плескаясь и напевая. Слов рыцарь не понимал.

И неудивительно.

Девушка — он мог бы побиться об заклад — не была чело-веком из крови и плоти, о чем свидетельствовало тоненькое тело, странный цвет волос, голос. Рыцарь был уверен: если она повернется, он увидит огромные миндалевые глаза. А если отбросит пепельные волосы, под ними, несомненно, приоткроются острые ушки.

Да, это обитательница Faërie, страны чар. Волшебница. Одна из Tylwyth Teg. Из тех, которых пикты и ирландцы называли Daoine Sidhe, Народом Холмов, а саксы — эльфами.

Девушка на мгновение перестала напевать, погрузилась по горлышко, зафыркала, закашлялась и обыкновеннейшим манером ругнулась. Однако рыцаря это не обмануло. Волшебницы, как известно всем, умеют ругаться по-человечески. Порой — не хуже сапожников. И очень даже часто ругань бывает лишь прелюдией к какому-нибудь зловредному фокусу, страстью к которым ворожейки славились: например, раздуть человеку нос до размеров семенного огурца, либо уменьшить его мужескость до величины горошины.

Ни то, ни другое рыцаря не привлекало. Он уже совсем было собрался потихоньку ретироваться, когда его выдал конь. Нет, его конь, верховой, удерживаемый за ноздри, вел себя прилично и тихо, как мышь под метлой. Его выдала лошадь волшебницы, вороная кобыла, которую рыцарь вначале не заметил среди валунов. Жеребец дернул мордой и, будучи скотиной благовоспитанной, ответил. Да так, что эхо пошло по воде.

Волшебница выскочила из воды, продемонстрировав рыцарю все свои ласкающие глаз прелести, и тут же метнулась к камню, на котором лежала одежда. Однако вместо того, чтобы схватить какую-нибудь тряпку и скромно прикрыться, схватила ножны и на удивление ловко вытянула из них меч. На все ушло лишь мгновение, после чего она то ли пригнулась, то ли присела, скрывшись под водой по самый нос, и выставила над водной гладью вытянутую руку с мечом.

Рыцарь вроде бы немного пришел в себя, бросил поводья и, преклонив колено, опустил на влажный песок. Теперь он наконец понял, с кем его свела судьба.

— Пребывай в здравии, — забормотал он, протягивая руки. — Великая сие честь для меня... Великое отличие, о Владычица Озера. Меч сей приму...

— А может, поднимешься с колен и отвернешься? — Волшебница выставила над водой губы. — Может, перестанешь болтать и пялиться и позволишь мне одеться?

Волшебницам не противоречат.

Он слышал плеск воды, когда она выходила на берег, слышал шелест одежды, слышал, как она потихоньку ругается, натягивая рубашку на мокрое тело. Он рассматривал вороную кобылу с гладкой, блестящей, как кротовья шубка, шерстью. Лошадь, несомненно, была чистейших кровей и, конечно, быстрая как ветер. И — конечно же — заколдованная. И ста-

ло быть — столь же несомненно, обитательница Гаёгие, как и ее хозяйка.

— Можешь повернуться.

— Владычица Озера...

— И представиться.

— Галахад из Каэр Бенина. Рыцарь короля Артура, властителя замка Камелот, владыки Теплого Края, а также Думнонии, Дифнита, Повисса, Диффида...

— А Темерия, — прервала она, — Редания, Ривия, Аэдирн, Нильфгаард? Эти названия тебе о чем-нибудь говорят?

— Нет. Никогда таких не слышал.

Она пожала плечами. В руке у нее, кроме меча, были ботинки и курточка, выстиранная и отжатая.

— Так я и думала. А какой у нас теперь день года?

— Сейчас... — Безмерно пораженный, он раскрыл рот. — Второе полнолуние после Бельтайна... Владычица...

— Цири, — закончила она машинально, вертя руками, чтобы лучше расправить одежду на высыхающем теле. Она говорила странно, глаза у нее были зеленые и большие...

Типично женским движением она отбросила влажные волосы, и рыцарь невольно вздохнул. И не только потому, что ухо оказалось самым обыкновенным, человеческим, не эльфийм, а потому скорее, что щека ее была обезображена некрасивым шрамом. Ее ранили! Но, позвольте, разве можно ранить волшебницу?

Она заметила его взгляд, прищурилась, сморщила нос.

— Да, шрам! — сказала она со своим удивительным акцентом. — Чего ты испугался? Неужто шрам для рыцаря такая уж редкость? И такое уродство?

Медленно, обеими руками он снял кольчужный капюшон, откинул волосы.

— Дело и верно неудивительное... для рыцаря, — сказал он не без юношеской заносчивости, демонстрируя собственный, едва затянувшийся шрам, идущий от виска к скуле. — А уродливы только шрамы на чести... Я — Галахад, сын Ланселота Озерного и Элейны, дочери короля Пеллеса, хозяина Каэр Бенина. Рану эту мне нанес гнусный осквернитель дев Бреунис Безжалостный, прежде чем я повалил его в честном поединке. Поэтому, поверь, я действительно достоин получить меч из рук твоих, о Владычица Озера.

— Не поняла.

— Меч. Я готов принять его.

— Это мой меч. Я никому не позволю к нему прикоснуться.

— Но...

— Что «но»?

— Владычица Озера, когда... Она же всегда выныривает из вод и одаряет мечом.

Девушка немного помолчала, потом сказала:

— Понимаю. Как говорится, что ни страна, то обычай. Сожалею, Галахад, или как там тебя, но ты налетел не на ту Владычицу. Я ничего не раздаю. Ничем не одариваю. И не позволяю у себя отбирать. Чтобы все было ясно.

— Но ведь, — расхрабрился Галахад, — ты, Владычица, прибыла из Faërie? Разве нет?

— Я прибыла... — Она ненадолго умолкла, а ее зеленые глаза, казалось, устремлены в пучины пространства и времени. — Прибыла из страны Ривии, из города с таким же названием. От озера Лок Эскалотт. Я приплыла сюда в лодке. Стоял туман. Я не видела берегов. Слышала только ржание Кэльпи... моей кобылы, которая вначале бежала следом за мной.

Она снова раскинула влажную еще курточку на камне, а рыцарь снова вздохнул. Курточка была выстирана, но не вполне. На ней все еще проступали кровавые подтеки.

— Меня принесло сюда течение реки, — начала девушка, либо не видя, что он заметил кровь, либо притворившись, будто не видит. — Течение реки и волшебство единорога... Как называется это озеро?

— Не знаю, — признался он. — Важно, что оно в Гвинедде...

— Гвинедде?

— Само собой. Вон те горы — это И Виддфа. Если держаться правее и ехать лесами, то через два дня доберешься до Динас Диллеу, а дальше — до Каэр Даталя. А река... Ближайшая называется...

— Не имеет значения, как называется ближайшая река. Нет ли у тебя чего-нибудь перекусить, Галахад? Я подыхаю с голоду.

— И что ты уставился? Боишься — исчезну? Унесусь в просторы вместе с твоим сухарем и телячьей колбасой? Не бойся. В моем собственном мире я малость набедокурила и запуталась в Предназначении, так что временно мне нежелательно там появляться. Придется немного побыть в твоём... В

мире, в котором ночью не отыщешь на небе ни Дракона, ни Семь Коз. В котором сейчас второе полнолуние после Беллетэйна, а само слово «Беллетэйн» произносят как «Бельтайн». Ну, чего ты, спрашиваю, пялишься?

— Я не знал, что волшебницы умеют кушать.

— Волшебницы, чародейки и эльфы — все умеют кушать. Правильнее сказать — есть. Потребляют пищу. Пьют и, как говорится, тэ-дэ и тэ-пэ.

— Не понял. Что тэ-пэ?

— Не важно.

Чем внимательнее он ее рассматривал, тем больше рассеивалась аура необычности и тем более человеческой, что ли, нормальной и даже обычной она становилась. Однако он понимал, что она не такая и такой быть не может. Обыкновенные девушки не встречаются у подножий И Виддфа в окрестности Ким Пикка, не купаются нагишом в горных озерах и не отстирывают окровавленную одежду. Независимо от того, как эта девушка выглядит, земным существом она быть не может... И однако же Галахад уже совершенно свободно и без благоговейного страха глядел на ее мышинного цвета волосы, в которых теперь, когда они подсохли, к его удивлению заблестели серебристо-белым прядки седины. На ее тонкие руки, небольшой носик и бледные губы, на ее мужскую одежду немного странного покроя, сшитую из тонкой ткани с непривычно плотным плетением. На ее покрытый удивительным орнаментом странных очертаний меч, который тем не менее отнюдь не выглядел парадным оружием. На ее бледные ступни, облепленные высохшим песком.

— Для ясности, — проговорила она, потирая ступню о ступню, — я не эльфка, а чародейка, то есть волшебница — правда, немного нетипичная. Впрочем, пожалуй, я и не чародейка вовсе.

— А жаль, слово чести!

— Чего тебе, как ты говоришь, жаль?

— Говорят... — Он покраснел и запнулся. — Говорят, что чародейки, ежели им случается повстречать юношей, ведут их в Эльфланд, Страну Эльфов, и там... Под ореховым кустом, на ковре из мхов, велят себя ублажать...

— Понимаю. — Она быстро глянула на него, потом отгрызла солидный кусок колбасы. — Что касается Страны Эльфов, — сказала она, проглатывая колбасу, — так некоторое

время тому назад я оттуда сбежала, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться туда. Что же до ублажения на ковре из мхов, да еще и под ореховым кустом, то, по правде говоря, Галахад, ты налетел не на ту, что надо, Владычицу. Тем не менее искренне благодарю за добрые намерения.

— Владычица! Я же не хотел тебя оскорбить...

— Не оправдывайся.

— Все из-за того, — пробормотал он, — что ты до невозможности красива.

— Еще раз благодарю. Но это ничего не меняет.

Помолчали. Было тепло. Стоящее в зените солнце приятно нагрело камни. Слабый ветерок рябил поверхность озера.

— Что означает... — неожиданно заговорил Галахад странно возбужденным голосом. — Что означает пика с окровавленным наконечником? Что означает и почему страдает король с пробитым бедром? Что означает дева в белом, несущая Грааль, серебряную чашу?

— А кстати, — прервала она, — ты вообще-то как себя чувствуешь?

— Но я же только спросил...

— Я не понимаю твоего вопроса. Это какой-то пароль? Сигнал, по которому распознаются посвященные? Будь добр, разъясни.

— Не сумею.

— Так чего же спрашиваешь в таком случае?

— А потому как... ну... — Его заело. — Ну, в общем... Один из наших взял, да и не спросил, хоть и выпал случай. То ли язык проглотил, то ли устыдился чего-то. Не спросил, вот и свалилась на него куча неприятностей. Так теперь уж мы всегда спрашиваем. На всякий случай.

— Слушай, в твоём мире есть чародеи? Ну, понимаешь, такие люди, которые занимаются магией. Маги. Ведуны, значит.

— Есть Мерлин. И Моргана. Но Моргана — дрянь в общем-то.

— А Мерлин?

— Так, средний.

— Знаешь, где его найти?

— А как же! В Камелоте. При дворе короля Артура. Я как раз туда направляюсь.

— И далеко это?

— Отсюда до Повисса, по реке Гафрен, потом по течению реки до Глевума к Морю Сабрины, а оттуда уж близко до равнин Теплого Края. На все вместе дней этак десять набегит.

— Далековато, однако.

— Можно, — задумался Галахад, — сократить малость, если поехать через Ким Пикка. Но это заколдованная долина. Там страшновато. Там живут Y Dupan Teg, зловредные карлики.

— А меч у тебя для чего? Для фасону?

— А что мечом супротив карлов-то сделаешь?

— Сделаешь-сделаешь, не бойся. Я — ведьмачка. Слышал когда? Э, ясное дело, не слышал. А твоих карлов я не боюсь. У меня среди краснолюдов уйма знакомых.

«Это уж точно», — подумал Галахад.

— Владычица Озера?

— Меня зовут Цири. И не называй меня Владычицей Озера. У меня это вызывает неприятные ассоциации. Неприятные и скверные. Так меня называли в Стране... Как ты назвал ту страну?

— Gaërie, или, как говорят друиды, Аннуин. А саксы — Эльфланд.

— Эльфланд? — Она накинула на плечи полученный от него клетчатый пиктовский плед. — Знаешь, я бывала там. Вошла в Башню Ласточки и — трам-тарарам — оказалась среди эльфов. А они именно так меня называли — Владычица Озера. Мне вначале даже нравилось. Лстило. Пока я не поняла, что в том краю, в той башне и над тем озером никакая я не Владычица, а обыкновенная пленница.

— Уж не там ли, — не выдержал Галахад, — ты испачкала одежду кровью?

Она долго молчала. Наконец ответила:

— Нет, — и ему показалось, что голос у нее слегка дрогнул, — не там. А у тебя острый глаз. Ну что ж, от правды не убежишь, голову в песок прятать нет резону. Да, Галахад. Последнее время я пачкалась частенько. Кровью врагов, которых убивала. И кровью близких, которых пыталась спасти... И которые умирали у меня на руках... Почему ты так на меня смотришь?

— Не знаю, кто ты — богиня или смертная... Но ведь ты обретаешься на грешной земле.

— Будь добр, ближе к делу.

— Я хотел бы, — у Галахада разгорелись глаза, — услышать твою историю. Не соблаговолишь ли ты, Владычица, поведать ее?

— Слишком долго рассказывать.

— У нас есть время.

— И не очень хорошо она заканчивается.

— Не верю.

— Почему?

— Ты пела, когда купалась в озере.

— А ты наблюдателен. — Цири повернулась к нему, стиснула губы, а ее лицо вдруг сморщилось и стало совсем некрасивым. — Да, ты наблюдателен. Но очень наивен.

— Поведай мне свою историю. Пожалуйста.

— Ну что ж, — вздохнула она. — Пусть так, коли хочешь... Расскажу.

Она уселась поудобнее. Он тоже. Лошади гуляли на опушке леса, пощипывали траву.

— С начала, — попросил Галахад. — С самого начала...

— Эта история, — заговорила она после недолгого молчания, плотнее кутаясь в плед, — все больше кажется мне историей без начала. И я вовсе не уверена в том, что она закончилась. Понимаешь, в ней жутко перемешались и переплелись прошлое с будущим. Некий эльф сказал мне, что она похожа на змея, который ухватился зубами за собственный хвост. Имя этого змея тебе полезно знать — Уроборос. А то, что он грызет собственный хвост, означает, что кольцо замкнулось. В каждом миге таится прошлое, настоящее и будущее. В каждом мгновении — вечность. Понимаешь?

— Нет.

— Не беда.

Истинно говорю вам, кто верит снам, тот подобен человеку, что тщится поймать ветер или ухватить тень. Прельщается зыбкими отражениями, зеркалом кривым, которое лжет либо вещает вздор на манер женщины рождающей. Воистину глуп тот, кто миражам сонным верит и спешит призрачным путем.

Однако же, кто снами пренебрегает и не верит им совсем, тот столь же неразумен. Ибо, ежели б сны вообще никакого смысла не имели, то зачем тогда боги, творя нас, даровали нам способность видеть сны?

Премудрость пророка Лебеды, 34:1

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ветерок тронул парящую как котел поверхность озера, погнал по ней клочья тумана. Ритмично скрипели и потрескивали уключины, вынырывающие из вод лопасти весел рассыпали градины блестящих капель. Кондвирамурса опустила руку за борт. Лодка двигалась настолько медленно, что водная гладь почти не взбурлила и не вспенилась на ее ладони.

— Ах, ах, — сказала Кондвирамурса, стараясь придать голосу побольше сарказма. — Ах, какая скорость. Прямо-таки мчимся по волнам. И от скорости аж дух захватывает и голова кругом идет.

Лодочник — невысокий, коренастый и плотный мужчина — гневно и невнятно пробормотал что-то в ответ, даже не подняв головы, покрытой седоватыми, выющимися будто каракуль волосами. Адептке уже вконец осточертело бурчание, покашливание и хрипы, которыми невежа гребец отделялся от ее вопросов с тех самых пор, как она села в лодку.

— Осторожней, — процедила она, с трудом сохраняя спокойствие. — От такой бурной гребли можно и заболеть.

На этот раз крепыш поднял загорелое, темное как дубленая кожа лицо, что-то пробурчал, прокашлялся, движением заросшего седой щетиной подбородка указал на укрепленную на борту деревянную моталку и скрывающуюся в воде леску, натянутую движением лодки. Видимо, считая объяснение вполне достаточным и исчерпывающим, он продолжил грести в прежнем темпе. Весла вверх. Пауза. Весла в воду до половины лопасти. Долгая пауза. Протяжка. Еще более долгая пауза.

— Ага, — медленно сказала Кондвирамурса, поглядывая на небо. — Понимаю. Важна блесна, которая тянется за лодкой и должна двигаться с соответствующей скоростью и на

соответствующей глубине. Главное — рыболовство. На остальное начать.

Сказанное было настолько очевидным, что мужчина даже не потрудился фыркнуть или даже просто кашлянуть в ответ.

— Кому какое дело до того, — продолжала монолог Кондвирамурса, — что я провела в пути целую ночь? Что я голодна? Что ягодицы у меня болят, а между ними свербит от жесткой скамейки? Что мне хочется писать? Нет, главное — ловля рыбы на дорожку. К тому же ловля бессмысленная, ибо никто не клюнет на блесну, которую волокут серединой плеса, да еще и на двадцатисаженной глубине.

Гребец поднял голову, злобеще глянул на Кондвирамурсу и заворчал очень — ну очень даже — ворчливо. Кондвирамурса сверкнула зубами, довольная собой. Грубиян по-прежнему греб медленно. Он был взбешен.

Адептка раскинулась на кормовой скамейке и закинула ногу на ногу. Так, чтобы в разрезе платья было видно побольше.

Мужчина забурчал, крепче стиснул на веслах узловатые пальцы, делая вид, будто глядит только на леску. Темп гребли он, ясное дело, и не думал увеличивать. Адептка, осознавши тщетность своих манипуляций, вздохнула и занялась изучением неба.

Уключины поскрипывали, бриллиантовые капельки ссыпались с лопастей весел.

В быстро рассеивающемся тумане замаячил силуэт острова. И вздымающиеся над ним темные бочковатые очертания башни. Грубиян рыбак, хоть и сидел спиной вперед и не оглядывался, непостижимым образом почувствовал, что они уже почти на месте. Он не спеша сложил весла вдоль бортов, встал, принялся понемногу навивать леску на моталку. Кондвирамурса — все еще нога на ногу — посвистывала, глядя в небо.

Гребец смотал леску до конца, осмотрел блесну — большую латунную ложку, снабженную тройным крючком с хвостиком из красной шерсти.

— Надо же, — сладенько проворковала Кондвирамурса. — Ничего не клюнуло, ай-ай-ай, жалость какая. А интересно, почему бы такая непруха? Может, лодка шла слишком быстро?

Мужчина окинул ее взглядом, в котором при желании можно было прочесть уйму малоприятных слов, фраз и даже целых абзацев. Сел, прохрипел что-то, сплюнул за борт, ухватил весла узловатыми лапами, резко выгнул спину. Весла шлепну-

ли, забились в уключинах, лодка помчалась по озеру стрелой, вода с шумом вспенилась у носа, воронками закружилась за кормой. Отделявшее от острова расстояние в четверть полета стрелы они прошли быстрее, чем гребец успел дважды пробурчать нечто невразумительное. Лодка вылетела на прибрежную гальку с такой скоростью, что Кондвирамурса свалилась со скамейки.

Лодочник забурчал, захрипел, сплюнул. Адептка знала, что в переводе на язык цивилизованных людей это означает: «выматывайся из лодки, ведьма заумная». Знала она также, что нечего и думать, будто ее вынесут, а потому сняла туфельки, провокационно высоко задрала платье и вышла, проглотив проклятие в адрес ракушек, болезненно уколовших ступни.

— Благодарствую, — процедила она сквозь стиснутые зубы, — за прогулку.

Не дожидаясь ответного ворчания и не оглядываясь, Кондвирамурса, как была босиком, направилась к каменным ступеням. Все тяготы и мучения закончились и улетучились бесследно, уступив место возрастающему возбуждению. Наконец-то она на острове *Inis Vitre**, посреди озера *Loc Blest***. В том, почти легендарном месте, которое довелось посетить лишь немногим избранным.

Утренний туман развеялся полностью, на еще тусклом небе уже начал просвечивать красный шар солнца. Вокруг навесных бойниц башни кружили и кричали чайки, мельтешили стрижи.

На площадке, которой завершалась лестница, ведущая с берега на террасу, опершись о статую присевшей оскалившейся химеры, стояла Нимуэ Владычица Озера.

Она была изящная и невысокая, не выше пяти футов. Кондвирамурса слышала, что в молодости ее называли «Локотком», и теперь поняла, насколько удачным было прозвище. И притом не сомневалась, что уже с полвека никто не осмеливался так называть миниатюрную чародейку.

— Я — Кондвирамурса Тилли, — поклонившись, представилась она, все еще держа туфельки в руке, а поэтому немного смущаясь. — Я счастлива гостить на твоём острове, Владычица Озера.

* Стекланный Остров (лат.).

** Озеро благословенных (шотл. + англ.).

— Нимуэ, — поправила маленькая магичка. — Нимуэ, ничего более. Эпитеты, титулы и звания можно отбросить, госпожа Тилли.

— В таком случае я — Кондвирамурса. Кондвирамурса, ничего более.

— Проходи, Кондвирамурса... и ничего более. Побеседуем за завтраком. Думаю, ты голодна?

— Не отрицаю.

На завтрак были творог, зеленый лук, яйца, молоко и ржаной хлеб, поданные двумя молоденькими, тихонькими, пахнущими крахмалом прислужницами. Кондвирамурса ела, чувствуя на себе взгляд миниатюрной чародейки.

— У башни, — неожиданно заговорила Нимуэ, наблюдая за каждым движением адептки и почти за каждым куском, который та отправляла в рот, — шесть этажей, из них один — подземный. Твоя комната расположена на втором надземном, там же размещены все необходимые удобства. Первый этаж, как видишь, хозяйственный, здесь же находятся комнаты прислуги, подземный, а также второй и третий этажи: лаборатории, библиотека и галерея. На все названные этажи и в расположенные в них помещения ты имеешь неограниченный доступ, можешь пользоваться ими и всем, что в них содержится, в любое время и любым образом.

— Поняла. Благодарю.

— На двух верхних этажах мои личные покои и мой личный рабочий кабинет. Эти помещения — только мои. Чтобы избежать недоразумений, знай: я в таких вопросах невероятно шепетильна.

— Приму во внимание.

Нимуэ повернула голову к окну, сквозь которое был виден Ворчливый Господин Гребец, уже разделавшийся с багажом Кондвирамурсы и теперь загружавший лодку удочками, моталкой, сачками, подсечками и прочими причиндалами хитрого рыболовецкого промысла.

— Я малость старомодна, — продолжала Нимуэ. — Но определенными вещами привыкла пользоваться на правах единоличия. Скажем, зубной щеткой, личными покоем, библиотекой, туалетом. И... Королем-Рыбаком. Пожалуйста, не пытайся воспользоваться Королем-Рыбаком.

Кондвирамурса чуть было не захлебнулась молоком. На лице Нимуэ не дрогнул ни один мускул.

— А если... — продолжала она, прежде чем к адептке вернулась способность говорить, — если ему взбредет в голову воспользоваться тобой — откажи.

Кондвирамурса, наконец проглотив молоко, быстро кивнула, воздержавшись от каких-либо комментариев. Хоть ей ужасно хотелось сказать, что рыбаки вообще не в ее вкусе, а грубияны — в особенности. К тому же такие, у которых башка поросла беленькой как сметана порослью.

— Ну-с, та-а-ак, — протянула Нимуэ. — С вступлением мы, стало быть, покончили. Пора перейти к конкретным делам. Тебе интересно, почему из всех кандидаток-адепток я выбрала именно тебя?

Кондвирамурса если вообще и задумывалась над ответом, то лишь для того, чтобы не показаться чересчур самоуверенной. Однако быстро пришла к выводу, что обостренный слух Нимуэ даже самое минимальное отклонение от истины воспримет как режущую ухо фальшь.

— Я — лучшая сновидица в Академии, — ответила она холодно, по-деловому, без лишнего хвастовства. — А на третьем курсе я занимала второе место среди онейроманток.

— Я могла взять ту, что стояла в списке на первом месте. — Нимуэ действительно была откровенна до боли. — Между прочим, мне настойчиво предлагали именно ту «приму», впрочем, насколько я поняла, вроде бы потому, что она дочурочка какой-то важной шишки. А что до сновидения и нейроскопии, то ты не хуже меня знаешь, дорогая Кондвирамурса, что это материя весьма тонкая, и даже самая лучшая сновидица может потерпеть фиаско.

Кондвирамурса с трудом сдержалась, чтобы не сказать, что ее провалы можно пересчитать по пальцам одной руки. Ведь она разговаривала с мэтрессой. «Соблюдай пропорции, geschätzte miss»*, как говаривал один из профессоров Академии, эрудит.

Нимуэ легким наклоном головы одобрила ее молчание.

— У меня свой человек в Академии, — сказала она, помолчав, — поэтому я знаю, что у тебя нет нужды усиливать сновидения дурманящими снадобьями. Это меня радует, поскольку я наркотиков не одобряю...

* Уважаемая барышня (нем. + англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Я сню без всяких порошков, — с легкой гордостью подтвердила Кондвирамурса. — Для онейроскопии мне достаточно иметь зацепку.

— Поясни.

— Ну, зацепку, — кашлянула сновидица. — Предмет, как-то связанный с тем, что мне надобно выяснить. Какую-нибудь вещь. Или картину.

— Картину?

— Да. Я неплохо сню сны по картине.

— О, — улыбнулась Нимуэ. — Если картина поможет, то сложностей не предвидится. Ну а ежели ты уже покончила с завтраком, тогда пошли, самая сновидящая сновидица и вторая среди онейроманток. Будет славно, если я сразу же поясню тебе остальные причины, побудившие меня избрать в помощницы именно тебя.

От каменных стен тянуло холодом, от которого не спасали ни тяжелые гобелены, ни потемневшие от времени панели. Каменный пол охлаждал ноги даже через подошвы туфель.

— За этими дверями, — небрежно указала Нимуэ, — лаборатория. Как уже было сказано, можешь пользоваться ею по собственному усмотрению. Конечно, рекомендуется предельная осторожность. Умеренность желательна, особенно при попытках заставить метлу носить воду.

Кондвирамурса вежливо улыбнулась, хоть шуточка была сомнительного качества. Все наставницы одаривали адептов анекдотами, связанными с мифическими провалами мифического ученика чернокнижника.

Лестница вела наверх, извиваясь наподобие морского змея, казалась бесконечной и была крутой. Прежде чем они оказались на месте, Кондвирамурса вся взмокла и задохнулась сотни раз. По Нимуэ вообще не было видно усталости.

— Прошу сюда. — Она отворила дубовые двери. — Осторожно — порог.

Кондвирамурса вошла и вздохнула.

Перед ней была галерея. Стены — от пола до потолка увешаны старинными картинами, шелушащимся и осыпающимся местами маслом миниатюрами, пожелтевшими гравюрами и ксилографиями, поблекшими акварелями и сепиями. Были тут и яркие модернистские гуаши, и темперы, строго выдержанные в чистых линиях акватины и офорты, литографии и

контрастные меццотинты, притягивающие взгляд выразительными пятнами черноты.

Нимуэ остановилась у висящей ближе к двери картине, изображающей группу людей под гигантским деревом. Молча и выразительно глянула на полотно, потом на Кондвирамурсу.

— Лютик. — Сновидица с ходу сообразила, в чем дело, не заставила чародейку ждать. — Поет свои баллады под дубом Блеобхерисом.

Нимуэ улыбнулась, кивнула. И сделала еще один шаг, остановившись перед следующей картиной. Акварель. Символика. Две женские фигуры на холме. Над ними кружатся чайки, под ними, на склонах холма, чередая тени.

— Цири и Трисс Меригольд, пророческое видение в Каэр Морхене.

Улыбка. Кивок, шаг, следующая картина. Наездник на мчащейся галопом лошади, кругом покореженные ольхи, протягивающие к нему руки-ветви. Кондвирамурса почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Цири... Хм-м-м... Пожалуй, ее поездка на встречу с Геральтом на ферме низушка Хофмайера.

Следующая картина, потемневшее масло. Батальная сцена.

— Геральт и Кагыр обороняют мост на Яруге.

Потом пошло быстро.

— Йеннифэр и Цири: первая встреча в храме Мелитэле. Лютик и дриада Эитнэ в лесу Брокилон. Дружина Геральта в снежной метели на перевале Мальхеур...

— Bravo, превосходно, — прервала Нимуэ. — Отличное знание легенды. Теперь тебе ясна вторая причина того, почему здесь оказалась ты, а не кто-нибудь другой?

Над столиком красного дерева, у которого они присели, нависло гигантское батальное полотно, изображающее, кажется, битву под Бренной. Ключевой момент боя или чья-то безвкусно-героическая смерть. Полотно, вне всяких сомнений, было кисти Николая Цертозы, что легко было определить по экспрессии, шизофренической заботливости о деталях и типичной для автора цветосветовой гамме.

— Да, я знаю легенду о ведьмаке и ведьмачке, — ответила Кондвирамурса. — Знаю и запросто могу пересказать любой ее отрывок. Еще будучи совсем маленькой, я обожала эту историю, зачитывалась ею. И мечтала быть такой же, как Йен-

нифэр. Однако, честно говоря, хоть это и была любовь с первого взгляда, причем любовь совершенно безрассудная, все же великой она не была.

Нимуэ подняла брови.

— Я знакомилась с историей, — заговорила Кондвирамурса, — в популярных изложениях и версиях для юношества, чуть ли не по шпаргалкам... урезанным и упрощенным *ad usum delphini**. Потом, естественно, я взялась за так называемые серьезные и полные версии. Раздутые до избыточности, а порой — и запредельно избыточные. Именно тогда «захлеб» уступил место рассудительности, а страсть — чему-то напоминающему супружеские обязанности. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Нимуэ едва заметным движением головы показала, что понимает.

— Короче говоря, я предпочитаю те легенды, которые строже придерживаются общепринятых для такого рода повествований рамок и условностей, не смешивают вымысел с реальностью. Не пытаются увязать и прямолинейной морали сказки, и глубоко неморальной исторической правды. Я предпочитаю легенды, к которым энциклопедисты, археологи и историки не дописывают послесловий. Такие сказки, в которых «договор» свободен от экспериментов. Я предпочитаю небылицы, в которых, допустим, принц взбирается на вершину стеклянной горы, находит там спящую принцессу, та просыпается от поцелуя, и оба живут долго и счастливо. Так или иначе должна завершаться легенда... Кто писал портрет Цири? Вон тот, *en pied***?

— Нет ни одного портрета Цири. — Голос маленькой чародейки был суровым до сухости. — Ни здесь и нигде в мире. Не сохранилось ни одного портрета, ни одной миниатюры, написанных кем-либо, кто мог бы Цири видеть, знать или хотя бы помнить... На портрете *en pied* изображена Паветта, мать Цири, а написал его краснолюд Руиз Доррит, придворный художник цинтрийских королей. Известно, что Доррит написал портрет десятилетней Цири, тоже *en pied*, но полотно, носившее название «Инфанта с борзой», увы, погибло. Однако вернемся к легенде, твоему к ней отношению и тому, как, по-твоему, легенда должна заканчиваться.

* для детей (лат.).

** во весь рост (фр.).

— Она должна заканчиваться хорошо, — ответила с задорной убежденностью Кондвирамурса. — Добро и справедливость обязаны восторжествовать, зло должно быть примерно наказано, любовь — соединить любящие сердца до могилы. И никто из положительных героев, черт побери, не имеет права погибнуть! А легенда о Цири? Чем заканчивается она?

— Вот именно, чем?

Кондвирамурса на мгновение онемела. Она никак не ожидала такого вопроса, ей почудилось в нем испытание, экзамен. И она молчала, чтобы не попасть впросак.

«Как и чем заканчивается легенда о Геральте и Цири? Это ж любому ребенку известно!»

Она смотрела на выполненную в темных тонах акварель: неуклюжая лодка плывет по затянутому испарениями озеру. На лодке, с длинным шестом в руках, стоит женщина, написанная лишь в виде темного силуэта.

«Именно так заканчивается легенда. Именно так».

Нимуэ читала ее мысли.

— Я бы остереглась утверждать столь категорично, Кондвирамурса. Это вовсе не так уж однозначно.

— Еще будучи ребенком, — начала Нимуэ, — я, четвертая дочь деревенского колесника, слышала эту легенду от странствующего сказителя. Минуты, проведенные в нашей деревне Посвистом, стариком-бродяжкой, были прекраснейшими минутами моего детства. Можно было отдохнуть от работы, глазами души увидеть сказочных див, далекий мир... Мир прекрасный и чудесный... Еще более далекий и чудесный, чем даже ярмарка в городке, до которого от нас было целых девять миль...

Мне тогда было лет шесть-семь. Моей старшей сестре — четырнадцать, и она уже успела нажить себе горб от постоянного вязания. Ведь надо было на что-то жить. Бабья доля. К этому у нас готовили девочек с младенчества. Горбатиться. Вечно горбатиться. Горбатиться и сгибаться над вязанием, над ребенком, под тяжестью живота, который тебе заделывал парень, едва ты успевала оправиться после предыдущих родов.

И вот эти-то дедовы байки разбудили во мне желание узнать нечто большее, чем горб и изнурительная работа, мечту о чем-то большем, нежели урожай, муж и дети. Первой книжкой, которую я купила на деньги, вырученные от продажи со-

бранной в лесу ежевики, была легенда о Цири. Версия, как ты это красиво назвала, упрощенная, «шпаргалка» для детей, *ad usum delphini*. Такая «шпаргалка» была в самый раз для меня. Читала я неважно. Но уже точно знала, чего хочу. А хотела я быть такой, как Филиппа Эйльхарт, как Шеала де Танкарвилль, как Ассирэ вар Анагид.

Нимуэ посмотрела на рисунок гуашью, изображавший погруженный в мягкий кьяроскуро дворцовый зал, стол и сидящих за ним женщин.

— В Академии, — продолжала Нимуэ, — в которую я попала, кстати сказать, лишь со второй попытки — из всей истории магии меня занимали только деяния Великой Ложы. На то, чтобы читать что-либо ради удовольствия, у меня вначале, разумеется, не хватало времени, приходилось... вкалывать, чтобы... Чтобы не отставать от графских и банкирских дочек, которым все давалось играючи и которые посмеивались над деревенской девчонкой...

Она замолчала, с хрустом выламывая пальцы.

— Наконец я нашла время для чтения, но тут выяснилось, что перипетии Геральта и Цири занимают меня гораздо меньше, чем в детстве. Возник такой же, как и у тебя, синдром. Как ты его назвала? «Супружеские обязанности»? Так было до того момента...

Она замолчала, потеряла лицо. Кондвирамурса с изумлением заметила, что у Владычицы Озера дрожит рука.

— Мне было, вероятно, лет восемнадцать, когда... когда случилось нечто такое, что заставило меня вновь заинтересоваться легендой о Цири. И тогда я взялась за нее серьезно, так сказать, научно. Посвятила ей жизнь.

Адептка молчала, хотя внутри у нее все прямо-таки кипело от любопытства.

— Не прикидывайся, будто не знаешь, — жестко сказала Нимуэ. — Всем известно, что Владычицу Озера снедает прямо-таки болезненная страсть, связанная с легендой о Цири. Кругом только и слышишь, что неопасный вначале бзик переродился у меня во что-то похожее на наркозависимость или даже манию. В этих слухах много правды, дорогая моя Кондвирамурса, много правды! А ты, коли уж я взяла тебя в ассистентки, тоже заразишься этой же манией и зависимостью. Ибо таковы мои требования. Во всяком случае, на время практики. Понимаешь?

Кондвирамурса согласно кивнула.

— Тебе только кажется, будто понимаешь. — Нимуэ взяла себя в руки и немного остыла. — Но я тебе это поясню. Постепенно. А когда время придет, объясню все. А сейчас — отдохни...

Она осеклась, глянула в окно, на озеро, на черный штришок лодки Короля-Рыбака, четкий на золотом мерцании вод.

— Пока отдохни. Осмотри галерею. В шкафах и витринах найдешь альбомы и картонные графики, все они тематически связаны со сказанным. В библиотеке собраны все версии легенды, а также большая часть научных разработок. Посвяти им немного времени. Смотри, читай, концентрируйся. Я хочу, чтобы у тебя набрался материал для сна. Зацепка, как ты выразилась.

— Я это сделаю. Госпожа Нимуэ...

— Слушаю.

— Два портрета... Ну, те, что висят рядышком... Тоже не Цири?

— Я же тебе сказала: портретов Цири не существует. Ни одного, — терпеливо повторила Нимуэ. — Более поздние художники изображали ее исключительно в массовых сценах, каждый в меру собственной фантазии. Что касается этих портретов, так тот, что слева, тоже скорее вольная вариация на тему, поскольку представляет нам эльфку Лару Доррен аэп Шиадаль, особу, которой художница знать не могла. Ибо художницей была знакомая тебе, вероятно, по легенде Лидия ван Бредвоорт. Одно из уцелевших полотен, написанных маслом, еще висит в Академии.

— Знаю. А второе?

Нимуэ долго смотрела на картину. На образ худошавой девушки со светлыми волосами и грустным взглядом. Одетой в белое платье с зелеными рукавчиками.

— Ее писал Робин Андерида, — сказала она, отворачиваясь от полотна и глядя прямо в глаза Кондвирамурсе. — А кого он изобразил... Это скажешь мне ты, сновидица и онейромантка. Выясни это. И расскажи мне твой сон.

Мэтр Робин Андерида первым заметил приближающегося императора и согнулся в поклоне. Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь, встала и сделала реверанс, быстрым жестом приказав проделать то же сидевшей в резном кресле девушке.

— Приветствую дам, — кивнул Эмгыр вар Эмрейс. — Приветствую и тебя, мэтр Робин. Как идет работа?

Мэтр Робин быстро откашлялся и снова поклонился, нервно вытирая пальцы о халат. Эмгыр знал, что художник страдает острой агорафобией и болезненно робок. Но кому это мешает? Главное — как он пишет.

Император, как обычно во время поездок, был одет в офицерскую форму гвардейской бригады «Импера» — черные доспехи и плащ с шитьем, изображающим серебряную саламандру. Он подошел, взглянул на портрет. Вначале на портрет — и лишь потом на модель. Худенькую девушку со светлыми волосами и грустными глазами. Одетую в белое платье с зелеными рукавичками и высоким вырезом, в котором виднелось кольцо из перидотов.

— Прекрасно, — бросил он в пустоту — так, чтобы непонятно было, что именно он хвалит. — Прекрасно, мэтр. Извольте продолжать, не обращайтесь на меня внимания. Позвольте вас на одно слово, графиня.

Он отошел к окну, принуждая ее идти следом.

— Я выезжаю, — сказал он тихо. — Государственные дела зовут, благодарю за гостеприимство. И за нее. За принцессу... Хорошая работа, Стелла. Вы вполне заслуживаете похвалы. Обе. И ты, и она.

Стелла Конгрев низко присела в изящном реверансе.

— Ваше императорское величество слишком добры к нам.

— Не хвали дня до захода...

— Ах, — графиня слегка поджала губы, — значит, так.

— Значит, так.

— И что будет с ней, Эмгыр?

— Не знаю, — ответил он. — Через десять дней я возобновлю наступление на Севере. Оно обещает быть нелегким. Очень тяжелая война. Ваттье де Ридо следит за направленными против нас заговорами и противодействующими группировками. К разным, самым различным действиям может принудить меня забота о безопасности государства.

— Это дитя ни в чем не виновно.

— Я сказал — безопасность государства. Безопасность государства не имеет ничего общего со справедливостью. Впрочем... — Он махнул рукой. — Я хочу с ней поговорить. Наедине. Подойди поближе, княжна. Ну, давай, давай. Быстрее. Император приказывает.

Девушка низко присела. Эмгыр внимательно смотрел на нее, мысленно возвращаясь к столь чреватой последствиями аудиенции в Лок Гримере. Он был признателен, более того, восхищался Стеллой Конгрев, которая за минувшие шесть месяцев сумела превратить неуклюжего утенка в маленькую аристократку.

— Оставьте нас, — приказал он. — Прервись, мэтр Робин, промой кисти, скажем. Тебя, графиня, прошу подождать в приемной. А ты, княжна, пройди со мной на террасу.

Выпавший ночью мокрый снег растаял в первых лучах утреннего солнца, но крыши башен и навесные бойницы замка Дарн Рован все еще были влажными и блестели так, словно там что-то горело.

Эмгыр подошел к балюстраде. Девушка, как предписывал этикет, держалась в шаге позади него. Нетерпеливым жестом он подозвал ее и велел подойти ближе.

Долго молчал, обеими руками опершись о перила, вглядываясь в горы и покрывающие их вечнозеленые тисы, резко контрастирующие с меловой белизной каменистых склонов. Поблескивала река — лента расплавленного серебра, змеящаяся по дну котловины.

В воздухе чувствовалась весна.

— Я слишком редко здесь бываю, — бросил Эмгыр.

Девушка молчала.

— Слишком редко приезжаю сюда, — повторил он, поворачиваясь к ней. — А ведь здесь места прекрасные и спокойные. Красивый пейзаж... Ты согласна со мной?

— Да, ваше императорское величество.

— В воздухе уже чувствуется весна. Я прав?

— Да, ваше императорское величество.

Снизу, с придворцовой площади, доносилось пение, перекрываемое скрипом, бряцанием и звоном подков. Эскорт, уведомленный о том, что император собирается отбыть, спешно готовился в путь. Эмгыр помнил, что среди гвардейцев есть один, который любит петь. Часто. И независимо от обстоятельств.

Обожги меня глазками,
Глазками озорными.
Одари меня ласками,
Ласками огневыми.

Вспоминай меня, милая,
Чтобы жизнь уберечь...
Наша доля постылая,
Наш удел — щит и меч...*

— Хорошая баллада, — сказал Эмгыр задумчиво, поглаживая тяжелый золотой императорский алышбанд**.

— Хорошая, ваше императорское величество.

«Ваттье уверяет меня, что уже напал на след Вильгефорца. Что найти его — дело нескольких дней, самое большее — неделя. Предателям отрубят головы, а в Нильфгаард привезут настоящую Цириллу, королеву Цинтры, надо что-то делать с двойником!»

— Подними голову.

Она подняла.

— У тебя есть какие-нибудь желания? — неожиданно резко спросил он. — Жалобы? Просьбы?

— Нет, ваше императорское величество.

— Правда? Любопытно, однако. Ну, я ведь не могу приказывать, чтобы они у тебя были. Подними голову, как пристало принцессе. Надеюсь, Стелла обучила тебя хорошим манерам?

— Да, ваше императорское величество.

«Действительно, хорошо выдрессировали, — подумал он. — Сначала Риенс, потом Стелла. Заставили как следует выучить роль, угрожая, вероятно, что за ошибку или оговорку она заплатит муками и смертью. Предупредили, что ей предстоит играть перед суровой, не прощающей ошибок аудиторией. Перед страшным Эмгыром вар Эмрейсом, императором Нильфгаарда».

— Как тебя зовут?

— Цирилла Фиона Элен Рианнон.

— Твое настоящее имя?

— Цирилла Фиона...

— Не испытывай моего терпения. Имя!

— Цирилла... — Голос девушки надломился словно веточка. — Фиона...

— Достаточно, во имя Великого Солнца, — сказал он сквозь зубы. — Довольно.

* Все рифмованные тексты выполнены переводчиком.

** Алышбанд (искаженное немецкое Halsband), что-то вроде шейного обруча (*тора*).

Девушка громко засопела. В нарушение этикета. Губы у нее дрожали, но этого этикет не возбранял.

— Успокойся, — приказал он тихо, почти мягко. — Чего ты боишься? Стыдишься собственного имени? Боишься его назвать? С ним связано что-то неприятное? Если я спрашиваю, то лишь потому, что хотел бы иметь возможность назвать тебя твоим истинным именем. Но для этого надо знать, как оно звучит.

— Никак, — ответила девушка, и ее огромные глаза неожиданно заблестели, будто подсвеченные пламенем изумруды. — Потому что это имя никакое, ваше императорское величество. Имя в самый раз для того, кто есть никто. До тех пор, пока я остаюсь Цириллой Фионой, я что-то значу... До тех пор, пока...

Голос сорвался так резко, что она невольно схватилась за горло, будто на ней было не кольцо, а удушающая гарота. Эмгыр продолжал сверлить ее взглядом, по-прежнему мысленно одобряя действия Стеллы Конгрев. Но вместе с тем он испытывал злобу. Злобу неоправданную, беспочвенную, а потому особо злую.

«Чего я хочу от этого ребенка? — думал он, чувствуя, как злоба заполняет его, вскипает, вздымается пеной, словно пар в котле. — Что мне нужно от ребенка, которого...»

— Знай, я ни в коей мере не причастен к твоему похищению, девочка, — неожиданно для самого себя резко сказал он. — Ни в коей мере. Я не отдавал такого приказа. Меня обманули...

Его душила злость на самого себя. Он понимал, что совершает ошибку. Уже давно следовало закончить разговор, закончить надменно, властно, грозно, по-императорски. Следовало забыть о девочке и ее зеленых глазах... Какое она имеет значение? Она — двойник, подделка, у нее нет даже собственного имени. Она — никто и ничто. А императоры не беседуют с теми, имя которым «никто». Императоры не признаются в ошибках тем, имя которым «никто». Императоры не просят прощения и не каются перед теми, которые...

— Прости меня, — сказал он, и слова эти — чужие и неприятные — прилипали к губам. — Я совершил ошибку. Конечно, я виновен в случившемся. Виновен. Но вот тебе мое слово: больше тебе ничто не грозит. Больше с тобой ничего плохого не случится. Никакой несправедливости, никакого унижения, никаких неприятностей. Ты не должна бояться.

— Я не боюсь. — Она подняла голову и вопреки этикету взглянула ему прямо в глаза. Эмгыр вздрогнул, пораженный чистотой и доверчивостью ее взгляда. Но тут же выпрямился, высокомерный и царственный до тошноты.

— Проси у меня что хочешь.

Она снова подняла на него глаза, и он невольно припомнил те неисчислимые случаи, когда именно таким способом покупал покой своей совести, покой взамен заведомую подлость. Подло радуясь в душе, что так дешево отделался.

— Проси что хочешь, — повторил он, и поскольку усталость уже брала свое, голос прозвучал как-то более человечески. — Я выполню любое твоё желание.

«Пусть она не глядит на меня, — думал он. — Я не вынесу ее взгляда.

Говорят, люди боятся глядеть мне в глаза. А я-то чего боюсь?

Плевал я на Ваттье де Ридо и его «высшие государственные интересы». Если она попросит, я прикажу отвезти ее домой, туда, откуда ее выкрали. Прикажу отвезти в золотой карете с шестериком лошадей. Достаточно, чтобы она попросила».

— Проси у меня что хочешь, — повторил он.

— Благодарю вас, ваше императорское величество, — сказала девушка, опуская глаза. — Ваше императорское величество очень благородны, щедры. Если у меня и есть просьба...

— Говори.

— Я хотела бы остаться здесь. Здесь, в Дарн Роване. У госпожи Стеллы.

Он не удивился. Он предполагал нечто подобное.

Тактичность удержала его от вопросов, которые были бы унижительны для обеих.

— Я дал слово, — холодно сказал он. — И да будет все по твоему желанию.

— Благодарю, ваше императорское величество.

— Я дал слово, — повторил он, стараясь не избегать ее взгляда. — И сдержу его. Однако, думаю, ты выбрала не самое лучшее. Высказала не то желание. Если ты изменишь...

— Я не изменю, — сказала она, когда стало ясно, что император не закончит фразу. — Да и зачем менять? Я выбрала госпожу Стеллу, выбрала то, чего так мало видела в жизни... Дом, тепло, добрые отношения... Сердечность. Невозможно ошибиться, выбирая такое.

«Бедная, наивная зверушка, — подумал император Эмгыр вар Эмрейс Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. — Если б только ты знала, что именно выбирая такое, совершают самые страшные ошибки».

Но что-то — может, далекое, давно забытое воспоминание — не позволило императору произнести это вслух.

— Интересно, — сказала Нимуэ, выслушав рассказ. — И правда интересный сон. Были еще какие-то?

— О! — Кондвирамурса быстрым и точным взмахом ножа срезала верхушку яйца. — У меня все еще в голове кружится после той сценки! Но это нормально. Первая ночь на новом месте всегда приносит сумасшедшие сны. Знаешь, Нимуэ, о нас, сновидицах, говорят, будто наш дар не в том, что мы умеем снить. Если опустить снения в транс или под гипнозом, то наши сонные видения не отличаются от снов других людей ни интенсивностью, ни разнообразием, ни багажом предвещения. Нас отличает и о нашем даре говорит нечто иное. Мы помним сны. Редко когда забываем, что нам снилось.

— Потому что у вас нетипичная и только вам присущая работа желез внутренней секреции, — оборвала Владычица Озера. — Ваши сны, говоря несколько упрощенно, не что иное, как выделения в организм эндорфина. Как и многие стихийные магические таланты, ваш дар прозаически органичен. Впрочем, к чему я говорю о том, что ты и сама прекрасно знаешь? Я слушаю тебя. Так какие же сны ты помнишь еще?

— Молодого парня, — нахмурила брови Кондвирамурса, — странствующего по голым полям с котомкой за плечами. Голые весенние поля. Вербы... У дороги и на межах. Вербы кривые, дуплистые, растопырившие ветви... Еще не зазеленевшие. Парень идет, осматривается. Наступает ночь. На небе загораются звезды. Одна из них движется. Это комета. Красная, рассыпающая искры, она наискосок пересекает небосклон.

— Bravo, — улыбнулась Нимуэ. — Хоть я и понятия не имею, кого ты видела во сне, можно по крайней мере точно определить дату события. Красная комета была видна в течение шести дней весной в год заключения цинтрийского мира. Точнее, в первые дни марта. В остальных снах тоже появлялись какие-нибудь календарные события?

— Мои сны, — фыркнула Кондвирамурса, подсадивая яйцо, — не календарь огородника. В них нет табличек с дата-

ми. Но, чтобы быть точной, я видела сон о битве под Бренной, вероятно, насмотревшись на полотно Николая Цертозы в твоей галерее. А дата битвы под Бренной тоже известна. Та же самая, что и год кометы. Я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Что-нибудь особенное было в твоём сне о битве?

— Ничего. Кони, люди, оружие. Люди толкались и орали. Кто-то, вероятно, ненормальный, ревел: «Орлы! Орлы!»

— Что еще? Ты сказала, что снов был полный мешок.

— Не помню. — Кондвирамурса осеклась.

Нимуэ улыбнулась.

— Ну, хорошо. — Адептка гордо вскинула голову, не давая Владычице Озера возможности позлословить. — Да, случается, что и я забываю. Идеальных людей не бывает. Повторяю: мои сны — видения, а не каталожные карточки.

— Знаю, — обрезала Нимуэ. — Я не проверяю твои сновидческие способности. Это не экзамен, а анализ легенды. Ее загадок и пробелов. Кстати, у нас получается вовсе не дурственно, в первых же снах ты распознала девушку с портрета, двойника Цири, которую Вильгефорц пытался выдать за наследницу цинтрийского престола.

Они замолчали, потому что в кухню вошел Король-Рыбак. Поклонившись и буркнув что-то, он взял с буфета хлеб, горшок-двойчатку и полотняный сверток. Вышел, не забыв поклониться и снова что-то пробурчать.

— Он сильно хромает, — сказала Нимуэ, по возможности равнодушно. — Он был тяжело ранен. Кабан распорол ему на охоте ногу. Поэтому он почти все время проводит в лодке. В гребле и рыболовстве рана ему не мешает, на лодке он забывает о своей беде. Это очень порядочный и добрый человек. А мне...

Кондвирамурса тактично молчала.

— А мне необходим мужчина, — деловито пояснила миниатюрная чародейка.

«Мне тоже, — подумала адептка. — Черт побери, как только вернусь в Академию, первым делом дам... кому-нибудь себя совратить. Целибат, конечно, вещь хорошая, но не дольше одного семестра».

Нимуэ кашлянула.

— Если ты закончила с завтраком и мечтаниями, идем в библиотеку.

* * *

— Вернемся к твоему сну.

Нимуэ раскрыла папку, перебросила несколько акварелей, вынула одну. Кондвирамурса узнала сразу.

— Аудиенция в Лок Гриме?

— Разумеется. Двойника представляют императорскому двору. Эмгыр делает вид, будто позволил себя обойти, строит хорошую мину при плохой игре. Вот, взгляни; послы Северных Королевств, для которых разыгрывается этот спектакль. А вот здесь мы видим нильфгаардских герцогов, получивших афронт: император пренебрег их дочерьми, отверг предложения вступить в родство. Жаждающие мести, они перешептываются, наклонившись друг к другу, уже готовят заговор и/убийство. Девочка-двойник стоит склонив голову, художник, чтобы подчеркнуть таинственность, даже надел на нее скрывающую лицо вуаль.

— И ничего больше, — продолжила после паузы чародейка, — мы о фальшивой Цири не знаем. Ни одна из версий легенды не сообщает, что случилось с ней впоследствии.

— Однако можно догадываться, — печально заметила Кондвирамурса, — что ее судьбе не позавидуешь. Когда Эмгыр получил оригинал — а мы знаем, что он его получил, — он освободился от фальсификата. Когда я снила этот сон, я не почувствовала трагедии, а ведь в принципе должна была бы что-то ощутить, если б... С другой стороны, то, что я вижу, не обязательно происходило в реальности. Как каждый человек, я вижу сонные миражи, мечты. И... страхи.

— Знаю.

Они беседовали до обеда, просматривая папки и фасцикулы* с гравюрами. У Короля-Рыбака, видимо, выдался удачный день, потому что на обед подали лосося на вертеле. На ужин тоже.

Ночью Кондвирамурса спала скверно. Слишком плотно поела.

Сон не пришел. Она была угнетена, но Нимуэ ничуть не расстроилась. «У нас есть время», — сказала она. — У нас впереди еще много ночей».

В башне Inis Vitre было несколько ванн, можно сказать роскошных, светящихся мрамором и сверкающих латунью, обо-

* пакет, небольшая папка (fasciculum, лат.).

греваемых гипокаустами*, помещенными где-то в подвалах. Кондвирамурса не стеснялась занимать ванны часами, но все равно то и дело сталкивалась с Нимуэ в бане, маленьком деревянном домике с выходящим на озеро помостом. Мокрые, окутанные паром с поливаемых водой раскаленных камней, они вдвоем усаживались на скамеечках, от души похлестывая друг дружку березовыми вениками, и соленый пот ел им глаза.

— Если я правильно поняла, — Кондвирамурса отерла лицо, — моя работа в *Inis Vitre* сводится к тому, чтобы прояснить все белые пятна легенды о ведьмаке и ведьмачке?

— Ты поняла правильно.

— Днем, когда мы рассматриваем картинки, и во время беседы я как бы подзаряжаюсь для сна, чтобы ночью увидеть истинную, никому не известную версию данного события?

На этот раз Нимуэ не сочла нужным подтверждать. Она просто несколько раз прошлась веничком, встала, плеснула на раскаленные камни воды. Бухнул пар, от жара на миг перехватило дыхание.

Нимуэ выпила на себя остатки воды из ушата. Кондвирамурса восхищалась ее фигурой. Несмотря на малый рост, чародейка была сложена на удивление пропорционально. Ее формам и здоровой коже могла бы позавидовать двадцатилетняя девушка. Кондвирамурсе было, кстати сказать, двадцать четыре. И она завидовала.

— Если я даже что-то выясню, — начала она, снова отирая вспотевшее лицо, — то где уверенность, что я вижу истину? То, что было на самом деле? Честное слово, не знаю...

— Об этом через минуту, — отрезала Нимуэ. — Пошли на воздух. Я уже достаточно здесь насиделась. Охладимся, потом поговорим.

Это тоже входило в ритуал. Они выбежали из бани, шлепая босыми ступнями по доскам помоста, и прыгнули в озеро, издавая при этом дикие вопли. Наплескавшись вдоволь, выбрались на помост, принялись отжимать волосы.

Сидевший в лодке Король-Рыбак, встревоженный плеском и воплями, оглянулся, посмотрел на них, прикрыв глаза рукой, но тут же отвернулся и занялся рыбацкими аксессуара-

* Гипокаусты — форма центрального отопления, при котором образующийся в центральной топке горячий воздух пропускается через систему отверстий или труб под полом или внутри стен, прежде всего в фермах.

ми. Кондвирамурсе такое поведение мужчины показалось уни-
зительным и обидным. Ее мнение о Короле-Рыбаке значи-
тельно улучшилось, когда она заметила, что время, которое он
не посвящал рыбной ловле, он отдавал чтению. Он ходил с
книгой даже до ветру. А книга называлась — хо-хо! — не как-
нибудь, а *Speculum aureum** и была произведением серьезным
и сложным. Так что, если в первые дни пребывания на *Inis
Vitre* Кондвирамурса немножко удивлялась Нимуэ, то теперь
перестала. Было ясно, что Король-Рыбак казался невежей и
грубияном исключительно внешне. Скорее всего вел себя так
из соображений безопасности. Мимикрия!

«Тем не менее, — подумала Кондвирамурса, — оскорби-
тельным и необъяснимым афронтом следует считать то, что
он отдает предпочтение удочкам и блеснам, когда на помосте
разгуливают во всей красе две обнаженные мазели, чьи тела
совершенством не уступают телам нимф и наяд, от которых —
ё-мое! — глаз не оторвешь».

— Если я что-нибудь выясню, — вернулась она к теме,
вытирая грудь полотенцем, — то где гарантия, что я увидела
истину? Я знаю все литературные версии легенды от «Полвека
поэзии» Лютика до «Владычицы Озера» Андреа Равикса. Знаю
преподобного Ярре, знаю все научные разработки, не говоря
уж о популярных изданиях. Все прочитанное оставило след,
оказало влияние, я не в состоянии выделить это из моих снов.
Есть ли какая-то возможность продраться сквозь фикции и
выяснить истину?

— Есть.

— И сколь же она велика?

— Столь же, — Нимуэ кивком указала на лодку, стоящую
на приколе, — как у Короля-Рыбака. Сама видишь, он без
передышки закидывает свои крючки. Зацепляет водоросли, кор-
ни, затопленные коряги, стволы, старые башмаки, утоплен-
ниц и черт знает что еще. Но время от времени что-то там
вылавливает приличное.

— Стало быть — удачной ловли, — вздохнула Кондвир-
мурса, одеваясь. — Закидываем невод и ловим. Ищем истин-
ные версии легенды, отпарываем обшивку и подкладку,
простукиваем сундук, надеясь найти второе дно. А что, если
второго дна не существует? При всем уважении к тебе, Нимуэ,
я должна сказать: мы не первые на этой рыбалке. Откуда такая

* Золотое Зеркало (лат.).

уверенность, что какие-да-нибудь подробности, какой-то штришок упущен теми, кто занимался легендой до нас? Что они оставили нам хотя бы одну-единственную рыбешку?

— Оставили, — убежденно сказала Нимуэ, расчесывая мокрые волосы. — То, в чем они сами не разобрались, чего не поняли, они заштукатурили выдумками и красивой ложью. Либо обошли молчанием.

— Например?

— Например, чтобы далеко не ходить, зимовку ведьмака в Туссенте. Все версии легенды обходят эпизод молчанием, отделиваются ничего не говорящей фразой «Герои провели зиму в Туссенте». Даже Лютик, посвятивший своим деяниям в том княжестве две главы, во всем, что касается ведьмака, поразительно немногословен. Так не следует ли узнать, что происходило в ту зиму? После бегства из Бельхавена и встречи с эльфом Аваллак'хом в подземном комплексе *Tir'ná Béa Arainne*. После стычки в Каэд Мырквиде и приключений с друидками. Что делал ведьмак в Туссенте с октября по январь?

— Что делал, что делал! Зимовал, — фыркнула адептка. — Не мог до оттепели перебраться через перевал, вот и зимовал, и скучал. И неудивительно, что позднейшие авторы обходили этот скучный фрагмент лаконичным «Прошла зима». Но если это так уж важно, попытаюсь выяснить. У нас есть какие-нибудь картины или рисунки?

Нимуэ улыбнулась:

— У нас есть даже один рисунок на рисунке.

Наскальная фреска изображала сцену охоты. Тощие, наметанные небрежными движениями кисти человечки с луками и копьями гнались, дико подпрыгивая, за огромным фиолетовым бизоном, на боку которого были намалеваны тигриные полосы, а над лирообразными изогнутыми рогами висело нечто вроде стрекозы.

— Так, — покачал головой Регис. — Стало быть, это и есть картина, нарисованная Аваллак'хом, многознающим эльфом.

— Да, — сухо подтвердил Геральт. — Это она и есть.

— Проблема в том, что в тщательно исследованных нами пещерах нет ни следа эльфов или других созданий, о которых ты упоминал.

— Они здесь были. А сейчас попрятались. Или же убрался вон.

— Сие есть факт бесспорный. Не забывай, аудиенция тебе была дана исключительно после вмешательства фламинки. Видимо, сочли, что одной такой встречи вполне достаточно. После того как фламинка категорически отказалась сотрудничать, я, поверь, не знаю, что еще можно предпринять. Мы таскаемся по пещерам целый день, и я не могу отделаться от ощущения, что таскаемся впустую.

— Я тоже, — горько сказал ведьмак, — не могу отделаться. Никогда не пойму эльфов. Но по крайней мере уже знаю, почему большинство людей не питает к ним нежных чувств. Трудно, понимаешь, отделаться от ощущения, что они насмеются над нами, измываются, презирают. Смеются.

— В тебе говорит антропоморфизм.

— Разве что самую малость. Но ощущение остается.

— Что дальше?

— Возвращаемся в Казд Мырквид за Кагыром, друидки уже наверняка подлатали его оскальпированную головенку. Потом садимся на лошадей и воспользуемся приглашением княгини Анны Генриетты. Не гримасничай, вампир. У Мильвы сломаны ребра, у Кагыра разбита башка, небольшая передышка в Туссенте обоим пойдет на пользу. Надобно также вытянуть Лютика из аферы, потому как, сдается мне, он вяпался крепко.

— Ну что ж, — вздохнул Регис, — да будет так. Стану держаться подальше от зеркал и собак, сторониться чародеев и телепатов. А если меня, несмотря на все, раскроют, рассчитаю на тебя.

— Можешь, — серьезно ответил Геральт. — Я тебя в беде не оставлю. Дружище.

Вампир улыбнулся, а поскольку они были одни, позволил себе показать полный комплект резцов, клыков, коренных и зубов мудрости.

— Дружище?

— Во мне говорит антропоморфизм. Ну ладно, выбираемся из этих пещер, дружище. Ибо здесь, похоже, мы не найдем ничего, кроме, как сказала бы Мильва, ремонтизма.

— Ревматизма... Разве что... Геральт? *Tir ná Béa Aíainne*, эльфий некрополь, судя по тому, что ты видел, находится за наскальной картиной, как раз за этой стеной... Туда можно попасть, если... Ну, понимаешь? Если ее раздолбать. Об этом ты не подумал?

— Нет, не подумал.

* * *

Королю-Рыбаку, видать, снова подфартило, потому что на ужин были копченые гольцы. Рыбы оказались настолько вкусными, что про ученые разговоры забыли. Кондвирамурса объелась снова.

Копченые гольцы отыгрались на сновидице. «Пора спать, — подумала она, второй раз поймав себя на том, что страницы книжки переворачивает машинально, вовсе не улавливая содержания. — Пора!»

Она зевнула, отложила книжку. Раскинула подушки из положения «читать» в положение «отдыхать», заклинанием погасила лампу. Комната моментально погрузилась в непроницаемый, тягучий как патока мрак. Тяжелые бархатные шторы были плотно затянуты — адептка давно уже на практике убедилась, что в темноте видеть сны легче. «Что выбрать? — подумала она, потягиваясь и ворочаясь на простыне. — Отдаться онейроидной стихии или попытаться ловить на крючок?»

Вопреки общераспространенным утверждениям, сновидицы не помнили даже половины своих вещей снов, значительная часть их оставалась в памяти в виде смещения картинок, меняющих расцветки и формы, словно в калейдоскопе, детской игрушке из зеркалец и стеклышек. Еще полбеды, когда перемежающиеся картинки были просто лишены какого-то склада, лада и даже намек на значимость. Тогда можно было спокойно перейти к следующему пункту «повестки дня», вернее, ночи. По принципу: «не помню, значит, и не стоило помнить». На жаргоне сновидиц такие сны назывались ни на что не годной «замазкой».

Худшими и более постыдными были «призраки» — сны, из которых сновидицы запоминали лишь отрывки, клочки знаний, сны, от которых к утру оставался только туманный привкус воспринятого сигнала. Если же «призрак» повторялся, это значило, что имеет место сон, содержащий немалую информационную ценность. Тогда сновидица концентрацией и самовнушением принуждала себя повторно, на этот раз во всех подробностях, вылущить конкретного «призрака». Наилучшие результаты давал метод принуждения себя к новому сну сразу после пробуждения — это называлось «тралением». Если сон не давал себя «зацепить», следовало попытаться вновь вызвать данную картину на одном из последующих сеансов путем concentra-

ции и медитации, упреждающих погружение в сон. Такие программированные сны назывались «загарпуниванием».

После двенадцати проведенных на острове ночей Кондвирамурса заполнила уже три листа, три комплекта снов. Был перечень достойных похвалы успехов — список «призраков», которые сновидица успешно «затрала» или даже «загарпунила». К таким относились сны о бунте на острове Танедд, а также о путешествиях ведьмака и его группы через снежные заносы перевала Мальхеур, через весенние разливы и раскисшие дороги в долине. Был перечень провалов, то есть снов, которые, несмотря на все усилия, так и остались для слушательницы Академии загадкой. И был список, так сказать, рабочих — перечень снов, ожидавших своей очереди.

И был один сон — странный, но очень приятный, — который то и дело возвращался в отрывках и мерцаниях, в неуловимых звуках и шелковистых прикосновениях.

Милый, чудесный сон.

«Хорошо, — подумала Кондвирамурса, прикрывая глаза. — Да будет так».

— Похоже, я знаю, чем занимался ведьмак, зимую в Туссенте.

— Ну-ка, ну-ка. — Нимуэ оторвалась от оправленного в кожу гримуара и поверх очков взглянула на сновидицу. — Наконец-то ты что-то выяснила?

— А как же, — горделиво сказала Кондвирамурса. — Увидела! Ведьмака Геральта и женщину с коротко стриженными черными волосами и зелеными глазами. Не знаю, кто это мог быть. Может, та княгиня, о которой пишет в своих заметках Лютик?

— Видимо, ты читала невнимательно, — немного охладила ее пыл чародейка. — Лютик описывает княгиню Анарьетту детально, а другие источники подтверждают, что волосы у нее были, цитирую: «каштанового цвета, с сияющим, воистину злату подобным ореолом». Конец цитаты.

— Стало быть, не она, — согласилась адептка. — «Моя» женщина была брюнеткой. Ни дать ни взять — настоящий уголь! А сон... хм-м-м... Интересный.

— Слушаю внимательно.

— Они разговаривали. Но это был не совсем обычный разговор.

— И что же в нем было необычного?

— Большую часть времени она держала ноги у него на плечах.

— Скажи, Геральт, ты веришь в любовь с первого взгляда?

— А ты?

— Верю.

— Тогда я знаю, что нас соединило. Притяжение противоположностей.

— Не будь циником.

— Почему? Цинизм, говорят, доказывает наличие интеллекта.

— Неправда. Цинизм, при всем своем интеллектуальном обрамлении, отвратительно неискренен. Я не переношу никаких неискренности. Однако, коли уж мы об этом заговорили... Скажи, ведьмак, что ты любишь во мне больше всего?

— ЭТО.

— Ты из цинизма шарахаешься в тривиальность и банал. Попробуй еще раз.

— Больше всего я люблю в тебе твой ум, твой интеллект и твою духовную глубину. Твою независимость и свободу. Твою...

— Не понимаю, откуда в тебе столько сарказма.

— Это был не сарказм. Это была шутка.

— Терпеть не могу таких шуточек. Тем более не ко времени сказанных. Всему, дорогой мой, свое время, и время всякой вещи под небом. Время молчать и время говорить, время плакать и время смеяться, время насаждать и время вырывать, пардон, собирать посаженное, время шутить и время размышлять...

— Время обнимать и время уклоняться от объятий?

— Не принимай сказанного столь буквально. Давай примем лучше, что сейчас пришло время комплиментов. Любовь без комплиментов отдает физиологией, а физиология плоска. Говори мне комплименты!

— Ни у кого от Яруги до Буины нет такой прелестной попки, как у тебя.

— Везет же! Теперь ради разнообразия ты поместил меня где-то между варварским северными речками. Опуская вообще сомнительное качество метафоры, нельзя было разве сказать: «От Альбы до Вельды»? Или от «Альбы до Сансретуры»?

— Мне ни разу в жизни не доводилось бывать на Альбе. Я стараюсь избегать сравнений, если они не подкреплены личным знанием вопроса.

— И-ах! Так ты серьезно? Отсюда вывод: попок — а речь, как ни говори, все еще о них — ты повидал и опробовал опытным путем достаточно много, чтобы сделать соответствующие сравнительные выводы? А, белоголовый? Так сколько же женщин было у тебя до меня? Э? Вопрос поставлен, ведьмак. Нет-нет, лапы прочь, таким манером ты не отвертишься. Так сколько женщин у тебя было до меня?

— Ни одной. Ты у меня первая!

— Ну то-то же!

Нимуэ уже достаточно долго разглядывала картину, изображающую в мягком кьяроскуро десять сидящих за круглым столом женщин.

— Жаль, — бросила она наконец, — что мы не знаем, как они выглядели на самом деле.

— Великие мэтрессы, — прыснула Кондвирамурса. — Но ведь их портретов — завались! В одной только Аретузе...

— Я сказала: на самом деле, — обрезала Нимуэ. — Я имею в виду не льстивые подобию, намалеванные на основании других, не менее льстивых портретов. Не забывай, было время уничтожения портретов чародеек. Да и самих чародеек заодно. А потом был период пропаганды, когда мэтрессы должны были самою своею внешностью пробуждать уважение, изумление, восхищение и священный ужас. Именно из тех времен идут все Собрания Ложи, заговоры и договоры, полотна и графика, изображающие стол, а за ним десять изумительных, обворожительно прекрасных женщин. А истинных, аутентичных портретов нет. Не считая двух: чудом уцелевший портрет Маргариты Ло-Антиль, что висит в Аретузе на острове Танедд, и портрет Шеалы де Танкарвиль в Эссенаде в Лан Эксетере.

— А написанный эльфами портрет Францески Финдабаир, который выставлен в венгербергской пинакотеке?

— Фальшивка. Когда открыли Двери и эльфы ушли, они забрали с собой или же уничтожили все произведения искусства, не оставили ни одной картины. Мы не знаем, была ли Маргаритка из Долин действительно так прекрасна, как гласит предание. Вообще не знаем, как выглядела Ида Эмеан. А поскольку в Нильфгаарде портреты чародеек уничтожали стра-

стно и старательно, постольку мы не имеем понятия об истинной внешности Ассирэ вар Анагьд и Фрингильи Виго.

— Однако примем и условимся, — вздохнула Кондвирамурса, — что все они были именно такими, как их изображали позже. Властными, добрыми и мудрыми, предусмотрительными, справедливыми и благородными. И прекрасными, убийственно прекрасными... Примем так. Тогда как-то жить становится легче.

Дневные дела в Inis Vitre обрели черты довольно утомительной рутины. Анализ снов Кондвирамурсы, начинающийся за завтраком, обычно затягивался до полудня. Время между полуднем и обедом adeptка проводила на прогулках — да и они вскоре сделались рутинными и скучными. И неудивительно — за один час остров можно было обойти дважды, насмотревшись при этом на такие «увлекательные» объекты, как гранит, карликовая сосна, щебень и галька, беззубки, вода и чайки.

После обеда и долгой сиесты начинались дискуссии, просмотр книг, манускриптов и свитков, разглядывание картин, графики и карт. И длинные, затягивающиеся до ночи диспуты о том, как соотносятся между собой легенда и истина.

А потом были ночи — и сны. Различные сны. Воздержание давало о себе знать. Вместо загадок ведьмачьей легенды Кондвирамурсе снился Король-Рыбак в самых разнообразных ситуациях, начиная от предельно незротичных и кончая эротически экстремальными. В предельно незротическом сне Король-Рыбак волок ее на леске за лодкой. Греб медленно и отупело, так что она погружалась в воду, тонула, задыхалась, и к тому же ее раздирал на части жуткий страх — она чувствовала, что от дна озера отрывается и взмывает к поверхности нечто жуткое, что-то такое, что жаждет заглотить тянущуюся за лодкой наживку, коей была она. Это «нечто» уже вот-вот должно было схватить ее, но тут Король-Рыбак сильнее налегал на весла, утягивая ее за пределы досягаемости челюстей невидимого хищника. Она захлебывалась и просыпалась.

Во сне недвусмысленно и экстремально эротическом она стояла на коленях на дне раскачивающейся лодки, перегнувшись через борт, а Король-Рыбак держал ее за шею и «прочищал» с великим запалом, бурча при этом, хрипя, отхаркиваясь и сплевывая. Несмотря на физическое удовлетворение, Кондвирамурса чувствовала перекручивающий внут-

ренности ужас — что будет, если Нимуэ их прихватит? Неожиданно в воде озера возникало расплывчатое и искаженное яростью лицо маленькой чародейки, и адептка просыпалась вся в поту.

Тогда она вставала, отворяла окна, захлебывалась ночным воздухом, лунным светом, наплывающим от озера туманом.

Потом ложилась и продолжала снить дальше.

У башни *Inis Vitre* была терраса, опирающаяся на столбы и нависающая над озером. Вначале Кондвирамурса не обращала на это обстоятельство внимания, однако в конце концов стала задумываться. Странная терраса — совершенно недоступная. Ни одно известное ей помещение не имело сюда выхода.

Понимая, что жилища чародеек не могут обойтись без таких тайных аномалий, Кондвирамурса не задавала вопросов. Даже когда, прогуливаясь по берегу озера, замечала глядящую на нее с террасы Нимуэ. Террасы, недоступной, видимо, только для непосвященных.

Возмущенная тем, что ее считают простофилей, она обиделась и повела себя так, будто ничего не случилось. Однако вскоре «страшная тайна» перестала быть таковой.

Это произошло после того, как на нее снизошла череда снов, активированных акварелями Вильмы Вессэли. Увлеченная, по-видимому, одним из фрагментов легенды, художница посвятила все свои произведения Цири и Башне Ласточки.

— Странные у меня бывают после этих картинок сны, — посетовала Кондвирамурса на следующее утро. — Я сню... картинки. Все время одни и те же картинки. Не ситуации, картинки. Цири на зубцах башни... Неподвижная картинка.

— И ничего больше? Никаких ощущений, кроме зрительных?

Нимуэ, конечно, знала, что такая способная сновидица, как Кондвирамурса, снит всеми органами чувств — воспринимает сны не только зрительно, как большинство людей, но также слухом, обонянием, осязанием и даже... вкусом.

— Ничего, — покачала головой Кондвирамурса. — Только...

— Ну-ну...

— Мысль. Упорная мысль. Что над тем озером, в той башне, я вовсе не хозяйка, а узница.

— Пойдем со мной.

Как Кондвирамурса и полагала, выйти на террасу можно было только из личных комнат чародейки, чистеньких, ухо-

женных, пахнущих сандалом, миррой, лавандой и нафталином. Надо было воспользоваться маленькой потайной дверью и винтовой лестницей, ведущей вниз. Лишь после этого можно было попасть куда следовало.

В комнате в отличие от остальных помещений на стенах не было ни панелей, ни обоев, простая побелка, а потому здесь было светло. Свет вливался и сквозь огромное трехстворчатое окно, вернее, остекленные двери, ведущие прямо на террасу, что нависла над озером.

Единственными предметами мебели в комнате были два кресла, огромное зеркало в овальной раме красного дерева и что-то вроде стойки с поперечным горизонтальным плечом, на котором, касаясь фестонами пола, висел гобелен размером пять на семь футов.

Скальный обрыв над горным озером. Замок, утопленный в склон обрыва, словно часть каменной стены. Замок, который Кондвирамурса хорошо знала по многочисленным иллюстрациям.

— Цитадель Вильгефорца, место заключения Йеннифэр. Здесь завершилась легенда.

— Верно, — с деланным равнодушием подтвердила Нимуэ. — Здесь завершилась легенда, по крайней мере в ее известных версиях. Мы знаем именно эти версии, поэтому нам кажется, будто мы знаем финал. Цири сбежала из Башни Ласточки, где, как ты выснила, она была в заточении. Убежала, когда сообразила, что с ней намерены сделать. Легенды приводят множество вариантов ее бегства...

— Мне, — перебила Кондвирамурса, — особенно нравится та, в которой говорится о бросании за спину предметов. Гребня, яблока и носового платка. Но...

— Кондвирамурса!

— Прости.

— Версий бегства, как я уже говорила, множество. Но до сих пор не совсем ясно, каким образом Цири из Башни Ласточки попала прямо в замок Вильгефорца... А ты никак не можешь выснить Башню Ласточки? Попытайся выснить замок. Внимательнее приглядишься к гобелену... Ты меня слушаешь?

— Зеркало... Оно магическое, да?

— Нет. Я выдавливаю перед ним прыщи.

— Прости.

— Это зеркало Хартманна, — пояснила Нимуэ, видя сморщенный нос и надутые губы адепки. — Если хочешь, загляни. Но, пожалуйста, будь осторожна.

— А правда ли, — спросила дрожащим от возбуждения голосом Кондвирамурса, — что через Хартманна можно перейти в другие...

— Миры? Конечно. Но не сразу, не без подготовки, медитации, концентрации и множества других действий. Советую тебе быть осторожной, я имела в виду нечто другое.

— Что именно?

— Зеркало действует в обе стороны, Из Хартманна в любой момент может что-нибудь выйти.

— Знаешь, Нимуэ... Когда я смотрю на гобелен...

— Ты сняла?

— Сняла. Но странно. С высоты птичьего полета. Я была птицей... Видела замок снаружи. Но не могла в него проникнуть. Что-то не давало, перекрывало доступ.

— Смотри на гобелен, — приказала Нимуэ. — Смотри на цитадель. Смотри внимательно, сосредоточься на каждой детали. Концентрируйся сильно, глубоко, врежь это изображение в память. Я хочу, чтобы во сне ты туда вошла. Попала внутрь. Очень важно, чтобы ты туда вошла.

Снаружи, за стенами замка, судя по всему, бушевала прямо-таки адская метель, в камине огонь так и гудел, быстро пожирая поленья. Йеннифэр блаженствовала в тепле. Ее теплорешная «келья» была, правда, в тысячи раз теплее той мокрой дыры, в которой она провела, пожалуй, месяца два, но все равно и тут у нее зуб на зуб не попадал. Там она полностью потеряла счет времени, да и потом никто не торопился сообщить ей дату, но она была уверена, что на улице зима, декабрь, может, даже январь.

— Ешь, Йеннифэр, — сказал Вильгефорц. — Ешь, не стесняйся.

Чародейка и не думала стесняться. А если ела медленно и с трудом справлялась с курицей, то исключительно потому, что ее только-только зарубцевавшиеся пальцы все еще были неловкими и почти не гнулись. Удержать нож и вилку ими было трудно. А есть руками она не хотела — предпочитала демонстрировать свое превосходство Вильгефорцу и осталь-

ным пиршествующим гостям чародея. Ни одного из них она не знала.

— Искренне сожалею, но вынужден сообщить тебе, — сказал Вильгефорц, поглаживая пальцами ножку фужера, — что Цири, твоя подопечная, распрощалась с этим миром. Винить за это ты можешь только себя, Йеннифэр. И свое безрассудное, бессмысленное упрямство.

Один из гостей, невысокий темноволосый мужчина, мощно чихнул, высморкался в батистовый платочек. Нос у него был опухший, красный и явно наглухо забитый.

— Будь здоров, — сказала Йеннифэр, на которую зловещие слова Вильгефорца не произвели никакого впечатления. — Откуда бы такая серьезная простуда, милсдарь? Слишком долго стояли на сквозняке после ванны?

Второй гость, годами постарше, крупный, худой, с отвратительно белесыми глазами, неожиданно захохотал. Простудившийся же после ванны мужчина, хоть физиономию ему перекосило от злости, поблагодарил чародейку кивком и короткой простуженной фразой. Однако недостаточно короткой, чтобы она не уловила нильфгаардского акцента.

Вильгефорц повернулся к ней. Он больше не носил на голове золотой «опалубки» для хрустального яблока в глазной впадине, однако выглядел еще чудовищней, чем тогда, летом, когда она увидела его рану в первый раз. Регенерированное левое глазное яблоко уже пришло в порядок, но было заметно меньшего размера, нежели правое. От такой картинки перехватывало дыхание.

— Ты, Йеннифэр, — процедил он, — вероятно, полагаешь, что я лгу, ловлю тебя в силки, пытаюсь застать врасплох? Зачем бы мне это? Известие о гибели Цири потрясло меня не меньше, да что там, гораздо сильнее, чем тебя. В конце концов, я связывал с девушкой вполне конкретные надежды, строил планы, которым предстояло сыграть решающую роль в моей дальнейшей жизни. Теперь девушка мертва, и мои планы рухнули.

— Прекрасно. — Йеннифэр, с трудом удерживая нож непослушными пальцами, пыталась резать нашпигованную черносливом свиную котлету.

— Тебя же, — продолжал чародей, не обращая внимания на комментарий, — связывала с Цири исключительно глупая сентиментальность, на которую в различных пропорциях вли-

яли сожаление о собственном бесплодии и чувство вины. Да, да, Йеннифэр, чувство вины! Ведь ты активно участвовала в скрещивании парочек и, я бы сказал, в откормке производителей, благодаря чему и явилась на свет малютка Цири. И ты перенесла свои чувства на плод генетического эксперимента — кстати сказать, неудачного. Ибо у экспериментаторов не хватило знаний.

Йеннифэр молча пожелала ему успехов, подняв бокал и одновременно искренне моля судьбу, чтобы та не дала бокалу вывалиться из руки. Она постепенно приходила к выводу, что по меньшей мере два пальца из пяти не будут сгибаться очень долго. Возможно, никогда.

Вильгефорц не обратил на ее жест никакого внимания.

— Теперь уже поздно. Это случилось, — прошипел он сквозь зубы. — Однако знай, Йеннифэр, у меня-то знания были. А если б была и девушка, то я своими знаниями наверняка бы воспользовался. Остается лишь сокрушаться. А ведь я мог бы укрепить и подлечить твой эрзац материнского инстинкта. Хоть ты суха и стерильна как камень, с моей помощью ты обрела бы не только дочь, но и внучку. Или, на худой конец, заменитель внучки.

Йеннифэр пренебрежительно прыснула, хотя прямо-таки закипала от ярости.

— С величайшим сожалением вынужден подпортить твоё праздничное настроение, дорогая, — холодно сказал чародей. — Думаю, тебе не очень приятно будет узнать, что ведьмак Геральт из Ривии также почил в бозе. Да-да, тот самый ведьмак Геральт, с которым тебя, да, кажется, и Цири, связывал суррогат чувств — смешная сентиментальность, глупая и преслащенная до тошноты. Знай, Йеннифэр, что наш обожаемый ведьмак распрощался с земной юдолью буквально пламенно и весьма эффектно. Однако тебе не следует ни в чем себя корить. В смерти ведьмака ты не повинна даже в самой что ни на есть наименьшей степени. Всю чехарду устроил я. Отведай маринованных грушек, они, поверь мне, отменны.

В фиалковых глазах Йеннифэр полыхнула холодная ненависть. Вильгефорц рассмеялся.

— Вот такой ты мне нравишься, — сказал он. — Честное слово, если б не димеритовые браслеты, ты б меня наверняка испепелила. Но димерит действует, так что испепелять меня ты можешь исключительно взглядом.

Простуженный чихнул, высморкался и раскашлялся так, что слезы полились из глаз. Высокий и худой рассматривал чародейку своими неприятными рыбьими глазами.

— А куда же подевался милостивый государь Риенс, — спросила Йеннифэр, растягивая слова. — Тот милостивый государь Риенс, который столько всего мне наплел и наобещал бог весть что со мной сотворить? И где сейчас господин Ширру, никогда не упускавший okazji ударить меня и пнуть? Почему стражники, еще недавно хамливые и грубые, теперь ведут себя с робким уважением? Нет, Вильгефорц, ты вовсе не обязан отвечать. Я знаю: то, о чем ты говорил, — одна большая липа. Цири от тебя ускользнула, и Геральт от тебя ускользнул, попутно вроде бы устроив твоим бандитам кровавую баню. И что теперь? Планы рухнули, пошли прахом, ты сам это признал, сны о могуществе развеялись как дым. А чародеи и Дийкстра уже нащупывают вас. Да-да, нащупывают. Неспроста и не из жалости ты перестал меня пытаться и принуждать к сканированию. А император Эмгыр затягивает сеть, и он скорее всего очень, ну очень зол. *Ess a tearth, me tiarn? A'pleine a cales, ellea?*

— Я знаю всеобщий, — сказал простуженный, выдерживая ее взгляд. — А зовут меня Стефан Скеллен. И у меня отнюдь, да-да, отнюдь не полны штаны. Хо, мне до сих пор кажется, что я нахожусь в гораздо более выгодном положении, чем вы, госпожа Йеннифэр.

Долгая речь утомила его, он раскашлялся снова и высморкался в уже вконец промокший батистовый платочек. Вильгефорц стукнул кулаком по столу.

— Кончаем игру, — проговорил он, жутко вращая маленьким глазком. — Учти, Йеннифэр, мне ты больше не нужна. В принципе надо было бы засунуть тебя в мешок и утопить в озере, но я с величайшей неохотой прибегаю к таким методам. До поры до времени, пока обстоятельства позволят либо заставят принять другое решение, ты будешь находиться в изоляции. Однако предупреждаю — я не позволю тебе доставлять мне неприятности. Ежели ты снова решишься на голодовку, знай, я не стану, как это было в октябре, терять время на кормление через трубку. Я просто позволю тебе изголодаться до смерти. А если попробуешь бежать, приказы стражникам будут однозначными. А теперь позволю откланяться. Если, разумеется, ты уже удовлетворила свой голод.

— Нет. — Йеннифэр встала, швырнула салфетку на стол. — Может, я и еще что-нибудь отведала бы, но собравшееся за столом общество отбивает у меня аппетит. Позвольте откланяться.

Стефан Скеллен чихнул и закашлялся. Белесоглазый косил на нее злым глазом и препаскуднейше ухмылялся. Вильгефорц глядел в сторону.

Как обычно, когда ее вели в узилище или из узилища, Йеннифэр пыталась понять, где находится, добыть хотя бы обрывок информации, который мог бы оказаться полезным в задуманном бегстве. И всякий раз ничего не получалось. У огромного замка не было окон, сквозь которые можно было бы увидеть окружающий пейзаж или хотя бы солнце и попытаться определить стороны света. Телепатия невозможна, два тяжелых браслета и ошейник из двумерита эффективно сводят на нет любые попытки воспользоваться магией.

Комната, где ее держали, была холодной и спартански суровой, как келья затворника. Однако Йеннифэр вспомнила тот радостный день, когда ее вытащили из ямы. Из подвала, на дне которого вечно стояла зловонная лужа, а на стенах наросли селитра и соль. Из подвала, где ее кормили объедками, и крысы без всяких трудов вырывали эти жалкие объедки из ее искалеченных пальцев. Когда спустя два месяца ее расковали и, вытащив оттуда, позволили переодеться и искупаться, Йеннифэр не знала, куда деваться от счастья. Новая комната показалась ей королевской опочивальней, а жидкий супец, который ей приносили, — живительным бульоном из ласточкиных гнезд, достойным императорского стола. Ясное дело, очень скоро бульон оказался обычными помоями, удобное ложе — жесткой лежанкой, а королевская опочивальня — тюрьмой. Холодной, тесной камерой, в которой, сделав четыре шага, упираешься в стену.

Йеннифэр выругалась, вздохнула, присела на карло — единственный, кроме лежанки, предмет мебели.

Мужчина вошел так тихо, что она едва услышала.

— Меня зовут Бонарт, — сказал он. — Постарайся запомнить это имя, ведьма. Да вколоти его как следует себе в башку.

— В гробу я тебя видела вместе с твоим затраханном именем!

— Я, — скрежетнул он зубами, — охотник за людьми. Да-да, слушай как следует, чародейка. В сентябре, три месяца назад,

я в Эббинге поймал твоего ублюдка. Ту самую Цирю, о которой тут столько трепя.

Йеннифэр стала слушать внимательнее. Сентябрь, Эббинг. Поймать-то поймал. Да где же она? Может, врет, падла?

— Сероволосая ведьмачка, вышколенная в Казр Морхене. Я заставил ее драться на арене: убивать людей под визг публики. Понемногу, мало-помалу превратил ее в зверюгу. Учил арапником, кулаком и каблуками. Долго учил. Но она сбежала, зеленоглазое змийство.

Йеннифэр неслышно вздохнула.

— Сбежала от меня в мир иной. Но когда-нито мы еще встретимся. Уверен, уж когда-нибудь — да встретимся. Да, чародейка. И ежели я о чем-то сожалею, так только о том, что твоего ведьмачьего любовничка, Геральта, испекли на живом огне. Я охотно дал бы ему попробовать моего клинка, выродку треклятому.

Йеннифэр фыркнула.

— Послушай-ка, Бонарт, или как тебя там. Не смей. Ты ведьмаку и в подметки не годишься. И сравниться с ним не можешь. Ни в чем. Ты, как только что сам выразился, живодер и палач. А герой разве что против щенков.

— Глянь-ка сюда, ведьма.

Он резко распахнул куртку и рубаху, вытянул, путая их, три цепочки с тремя серебряными медальонами. Один изображал кошачью голову, второй — голову то ли орла, то ли грифа, третьего она как следует не рассмотрела. Скорее всего это была волчья голова.

— Таких штучек, — фыркнула она, снова изображая безразличие, — полным-полно на ярмарках.

— Эти не с ярмарки.

— Да неужто?!

— Было время, — прошипел Бонарт, — когда порядочные люди боялись ведьмаков пуще чудовищ. Чудовища, известное дело, сидели по лесам и камышникам, а ведьмаки нагло разгуливали по улицам, заходили в кабаки, вертелись около храмов, всяческих заведений, школ и игровых площадок. Порядочные люди справедливо сочли это непорядком. Поэтому решили поискать кого-нибудь, кто мог бы призвать нахальных ведьмаков к порядку. И нашли. Нелегко, небыстро, не близко, но нашли. Как видишь, у меня на счету — тройка. Ни один выродок больше не появлялся в округе и не пугал по-

ченных граждан своей внешностью. А если б появился, то я разделал бы его точно так же, как предыдущих.

— Во сне? — скривилась Йеннифэр. — Из самострела? Из-за угла? Или, может, подлив яду?

Бонарт спрятал медальоны под рубаху, сделал два шага в ее сторону.

— Дразнишься, ведьма?

— Было такое намерение.

— Так, значит? Ну, сейчас я покажу тебе, сучье вымя, кто кому в подметки годится. С кем я могу соперничать во всем. Да что там, я даже, думаю, покрепче его буду.

Стоявшие за дверью стражники аж подскочили, услышав пробившийся из камеры грохот, треск, гул, вой и скулеж. А если б стражникам когда-либо в жизни довелось слышать рев пойманной в капкан пантеры, то они могли бы поклясться, что в камере находится именно этот хищник!

Потом до стражников долетел страшный рык раненого льва, которого, впрочем, стражники тоже никогда не слышали, да и видели только на гербах. Они переглянулись. Покачали головами. А потом ворвались в комнату.

Йеннифэр сидела, сжавшись, среди обломков лежанки — волосы взъерошены, платье и рубашка разодраны сверху донизу, маленькая девичья грудь бурно вздымается в такт тяжелому дыханию. Из носа текла кровь, на лице быстро увеличивалась припухлость, наливались малиновым цветом царапины на плече.

Бонарт сидел в другом углу среди остатков карла, обеими руками ухватившись за промежность. У него из носа тоже текла кровь, окрашивая седые усы глубоким кармином. Лицо искорежено кровавыми царапинами. Едва зажившие пальцы Йеннифэр были жалким оружием, а вот звенья димеритовых браслетов обладали прекрасными, роскошно острыми краями.

В распухающей на глазах щеке Бонарта, точнехонько посреди скулы, торчала чуть ли не по ручку вбитая обоими зубьями вилка, которую Йеннифэр стащила со стола во время ужина.

— Только против щенков ты годен, изувер, — выдохнула чародейка, пытаясь прикрыть грудь остатками платья. — А от сучек держись подальше. Слабоват ты против них, сопляк!

Она не могла себе простить, что попала не туда, куда целила — в глаз. Ну что ж, мишень была подвижной, а кроме того, полное совершенство недостижимо.

Бонарт рывкнул, встал, выдернул вилку, взвыл и пошатнулся от боли. Изрыгнул мерзкие ругательства.

Тем временем в камеру заглянули еще два стражника.

— Эй вы! — заорал Бонарт, стирая кровь с лица. — Быстрее сюда! Тащите эту сволочугу на середину комнаты, распните крестом и держите, да покрепче!

Стражники переглянулись. Уставились в потолок.

— Идите-ка лучше отседова, господин хороший, — сказал один. — Нам за это не платят.

— А окромя того, — буркнул другой, — нету у нас охоты кончить как Риенс или Ширру.

Кондвирамурса отложила в стопку картинок картон с изображением тюремной камеры и женщины, сидевшей с опущенной головой, в кандалах, прикованной к каменной стене.

— Ее мучили, а ведьмак в это время забавлялся в Туссенте с какими-то брюнетками.

— Осуждаешь? — резко спросила Нимуэ. — Ничего практически не зная?

— Нет. Не осуждаю, но...

— Никаких «но». Замолкни, пожалуйста.

Некоторое время они сидели молча, перекладывая гравюры и акварели.

— Все версии легенды, — Кондвирамурса указала на одну из гравюр, — местом ее кончины, финала, последней битвы Добра со Злом, прямо-таки Армагеддона, называют замок Рыс-Рун. Все, кроме одной.

— Да, — кивнула Нимуэ. — Все, кроме анонимной, мало популярной версии, известной как «Черная книга из Элландера».

— «Черная книга» сообщает, что финал разыгрался в крепости Стигга.

— Именно. Да и другие, канонические моменты легенды, «Книга из Элландера» подает совсем иначе, существенно отклоняясь от канона.

— Интересно, — Кондвирамурса подняла голову, — который из замков изображен на иллюстрациях? Который выткан на гобелене у тебя в кабинете? Которое изображение соответствует истине?

— Этого нам не узнать никогда. Замок — свидетель финала — погиб. Разрушен. От него не осталось и следа, в этом

сходятся все легенды, даже та, которую приводит «Книга из Элландера». Ни одно из приведенных в источниках мест не вызывает доверия. Мы не знаем и никогда не узнаем, как выглядел и где стоял этот замок.

— Но истина...

— Для истины, — резко перебила Нимуэ, — как раз это-то и не существенно. Не забывай, мы не знаем, как в действительности выглядела Цири. Но вот на этом картоне руки Вильмы Вессэли изображена явно она, ведущая бурный разговор с эльфом Аваллак'хом на фоне скульптур капризничающих детей. Это, несомненно, Цири.

— Но, — не сдавалась Кондвирамурса, — твой гобелен...

— Изображает замок, в котором разыгрался финал легенды. Молчали долго. Шелестели переворачиваемые листы.

— Не нравится мне, — проговорила Кондвирамурса, — версия легенды из «Черной книги». Она какая-то... Какая-то...

— Беспощадно правдивая, — закончила Нимуэ, покачав головой.

Кондвирамурса зевнула, отложила «Полвека поэзии», издание дополненное с послесловием профессора Эверетта Денхофа-сына. Разбросала подушки, сменив их расположение «для чтения» в расположение «для сна». Снова зевнула, потянулась, погасила лампу. Комната погрузилась во тьму, нарушаемую только иглами лунного света, что проникал сквозь щели в ставнях. «Что выбрать на эту ночь? — спросила себя адептка, ворочаясь на простыне. — Отдаться на волю судьбы? Или тралить?»

После недолгого раздумья выбрала второе.

Был какой-то туманный, то и дело возвращающийся сон, который никак не удавалось досмотреть до конца. Он рассеивался, исчезал между другими снами, как ниточка основы теряется в разноцветном тканом узоре. Сон, который исчезал из памяти и в то же время упрямо сидел в ней.

Когда она наконец уснула по-настоящему, сон сошел на нее моментально. Стоило закрыть глаза.

Ночное безоблачное небо, светлое от луны и звезд. Горы, на их склонах виноградники, припорошенные снегом. Черный угловатый силуэт здания — зубчатые стены, колонны, столбы, одинокая наружная beffroi*,

* дозорная башня (фр.).

Два наездника. Въезжают в пространство между стенами, слезают с лошадей, входят в портал. Но в зияющее в полу отверстие спускается только один.

Тот, у которого белые волосы.

Кондвирамурса застонала сквозь стон, заметалась на постели.

Беловолосый спускается по ступеням, глубоко-глубоко в подвал.

Идет по темным коридорам, освещает их, то и дело зажигая торчащие в железных захватах лучины. Призрачные тени пляшут по стенам и сводам.

Коридоры, ступени, снова коридоры. Яма, огромный склеп, вдоль стен бочки. Груда кирпичей. Потом разветвляющийся коридор. В обоих разветвлениях тьма. Беловолосый зажигает очередную лучину. Вытягивает меч из ножен на спине. Не знает, по какому коридору пойти. Наконец выбирает правый. Очень холодный, крутой, заваленный хламом.

Кондвирамурса стонет во сне, ее охватывает страх. Она знает, что путь, выбранный беловолосым, ведет к опасности.

И еще она знает, что беловолосый ищет опасности.

Ибо это его занятие.

Адептка мечется на постели, стонет. Она — сновидица, она спит, она в онейроскопическом трансе и неожиданно, провидчески, знает, что произойдет через минуту. «Осторожнее! — хочет крикнуть она, хоть и знает, что крикнуть не сумеет. — Осторожнее, обернись!

Берегись, ведьмак!»

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

*При свете радужной зари,
Крылами хлопая, летят
На токовище глухари,
Подруг себе найти хотят.*

*Вот так и мы самой судьбой
Любовью связаны с тобой...
Я так хочу лобзать тебя,
Златые кудри теребя.*

Лютик.

Из переложений Ф.В.

*Ведьмак, хоть он так спешил, так торопился,
так подгонял своих и так сквернословил, тем не
менее остался в Туссенге почти на всю зиму. Что
послужило тому причиной? Об этом я писать не
стану. Причины были, и все тут, и не о чем гово-
рить. Тем же, кому не терпится ведьмака осудить,
напомню, что у любви множество имен, и не судите
да не судимы будете.*

Лютик. Полвека поэзии

*Those were the days of good hunting and good
sleeping.**

Rudyard Kipling

* Это были дни хорошей охоты и хорошего сна. Редьярд Киплинг

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

Геральт, хоть его и застигло врасплох, отреагировал инстинктивно. Вывернулся, проехав спиной по стене. Бестия пролетела мимо, отбилась от кровли, будто мяч, махнула крыльями и прыгнула вновь, шипя и разеваая жуткий клюв. Но теперь ведьмак был наготове.

Он ударил из короткого замаха, от локтя, целясь чуть ниже горла, под карминовые бусины, огромные, в два раза превышающие индюшачьи. Почувствовал, как клинок рассекает плоть. Инерция удара откинула бестию на землю, к стене. Скоффин вскрикнул, и был это крик почти человеческий. Скоффин метался среди битых кирпичей, размахивал и молотил крыльями, брызгал кровью, разваливая все вокруг себя хлыстообразным хвостом. Ведьмак был уверен, что бой окончен, но чудовище невероятно удивило его, неожиданно ринувшись ему на горло, страшно скрипя, выставив когти, шелкая и клацая клювом. Геральт отпрянул, оттолкнулся плечом от стены, резанул наотмашь снизу, используя силу толчка. Попал. Скоффин снова свалился на осколки кирпичей, вонючая сукровица брызнула на стену и стекла по ней, оставив фантастический узор. Сбитое в прыжке чудовище уже не металось, только дергалось, скрипело, вытягивало длинную шею, раздувало «сопли» и трясло «бусинами». Кровь потоком текла между кирпичами, на которых валялся скоффин.

Геральт запросто мог бы добить его, но не стал этого делать, чтобы не портить шкуры. Спокойно ожидал, пока скоффин изойдет кровью. Отошел на несколько шагов, отвернулся

к стене, расстегнул ширинку и помочился, насвистывая тоскливую мелодию.

Скоффин перестал скрипеть, утих, замер. Ведьмак подошел, слегка ткнул его острием меча. Видя, что все кончено, схватил чудовище за хвост, поднял. Удерживаемый за основание хвоста на высоте бедра, скоффин касался орлиным клювом земли, в раскинутых крыльях было больше четырех футов.

— Легкий ты, куролиск. — Геральт тряхнул бестию, действительно весившую лишь немного больше хорошо откормленного индюка. — Легковат. К счастью, мне платят поштучно, а не пофунтово.

— Впервые. — Рейнарт де Буа-Фресне тихонько свистнул сквозь зубы, выражая тем самым высочайшую степень удивления. Геральт это знал. — Впервые, говорю, вижу такую погань собственными глазами. Чудо чудное, чес-слово, чудо из чудес. Стало быть, это и есть прославленный василиск?

— Нет. — Геральт приподнял чудовище повыше, чтобы рыцарь мог получше его рассмотреть. — Не василиск. Куролиск.

— Какая разница?

— Принципиальная. Василиск, именуемый также регулюсом, — гад, а куролиск, именуемый также скоффином, либо кокатриксией, — орниторептилия, то есть не пресмыкающееся, и не птица. Это единственный известный представитель рода, который ученые называли орниторептилиями, поскольку после долгих дискуссий обнаружили...

— А которые из этих двух, — перебил Рейнарт де Буа-Фресне, которого явно не интересовали мотивации ученых, — взглядом убивает или превращает в камень?

— Никоторый. Это выдумка.

— Тогда почему же люди так их боятся? Этот, к примеру, взять, не такой уж крупный. Он что, действительно может быть опасен?

— Этот, как ты выразился, к примеру, взять, — ведьмак тряхнул добычей, — обычно нападает сзади, а целится точно меж позвонков, либо под левую почку, в аорту. Как правило, достаточно одного удара клювом. А что до василиска, то без разницы, куда он укусит. Его яд — сильнейший из известных нейротоксинов, убивает за одну секунду.

— Бррр... А скажи, которого из них можно прикончить с помощью зеркала?

— Любого. Если садануть прямо по башке.

Рейнарт де Буа-Фресне захохотал. Геральт не смеялся: шутка о василиске и зеркале перестала его забавлять еще в Каэр Морхене — учителя слишком часто ее повторяли. Столь же мало-смешными были шутки о девицах и единорогах. Рекорды глупости и примитивизма побивали в Каэр Морхене неисчислимые версии анекдота о драконихе, которой юный ведьмак на спор вознамерился пожать правую лапу. Заднюю.

Он улыбнулся воспоминаниям.

— Предпочитаю видеть тебя улыбающимся, — проговорил Рейнарт, внимательно глядя на него. — В сто раз и вообще неизмеримо более желаю видеть тебя таким, как сейчас, нежели таким, каким ты был в октябре, после той драки в Друидском Лесу, когда мы ехали в Боклер. Тогда, поверь, ты был мрачен, злобен и обижен на весь белый свет, словно обманутый ростовщик, да к тому же раздражителен, будто мужчина, у которого всю ночь ничего не получалось. Даже под утро.

— Я правда был такой?

— Правда. Поэтому неудивительно, что я предпочитаю видеть тебя именно таким, как сейчас. Я бы сказал: возродившимся.

— Трудотерапия. — Геральт снова тряхнул удерживаемого за хвост куролиска. — Спасительное влияние профактивности на психику. А теперь, чтобы продолжить курс терапии, перейдем к интересам. Есть возможность заработать на скоффине немного больше, чем назначено за его убийство. Он покалечен не сильно, и если у тебя найдется клиент на весь экземпляр, с тем, чтобы изготовить из него чучело, бери не меньше двухсот. Если потребуются загонять по частям, запомни: самое ценное — перья с верхней части хвоста, особенно центральные рулевые. Их можно заточить гораздо тоньше, чем гусиные, пишут они лучше и чище, а сами — тверже. Писака, который в этом что-нибудь смыслит, не задумываясь отдаст по пятерке за штуку.

— У меня есть клиенты на труп для набивки, — усмехнулся рыцарь. — Цех бондарей. Они видели в Кастель Равелло чучело подобной дряни, плешницу или как там ее... Сам знаешь кого, ту, что на другой день после Саовины забили в ямах под руинами старого замка...

— Помню.

— Ну, так бондари видели чучело и просили меня достать им что-нибудь такое же раритетное для украшения цехового

помещения. Куролиск будет в самый раз. Цех бондарей в Туссенте, как ты догадываешься, не жалуется на недостаток заказов и благодаря этому живет припеваючи. Они дадут без звука и двести двадцать. Может, даже и побольше, попробую поторговаться. А что до перьев... Бондари не заметят, если мы выдерем у куролиска из задницы несколько штук и загоним княжеской канцелярии. Канцелярия платит не из своего кошелька, а из княжеской казны, так что не торгуясь выложит не пять, а все десять за перо.

— Преклоняюсь перед рыцарской предприимчивостью... и предпринимательством.

— *Noten omen**. — Рейнарт де Буа-Фресне улыбнулся еще шире. — Мама должна была что-то предчувствовать, давая мне имя лиса-хитреца из известной сказки.

— Тебе надо было стать купцом, а не рыцарем.

— Ага, — согласился рыцарь. — Но что делать: коли уж родился сыном гербового господина, то так и проживешь всю жизнь гербовым господином, наплодив, хе-хе-хе, гербовых господжат. Ничего не попишешь, хоть ты лопни. Впрочем, Геральт, ты тоже не так уж скверно посчитываешь, а меж тем торговлишкой не промышляешь.

— Не промышляю, кстати, по тем же причинам, что и ты. С той лишь разницей, что я так и помру ведьмаком, никаких ведьмачат не наплодив. Пошли отсюда.

Снаружи, у стен небольшого замка, их охватил холод и ветер с гор. Ночь была ясная, небо безоблачное и звездное, лунный свет искрился на виноградниках, укрытых недавно выпавшим, чистейшим снегом.

Стреноженные лошади встретили их фырканием.

— Следовало бы, — сказал Рейнарт, многозначительно глядя на ведьмака, — сразу же встретиться с клиентами и положить в кошель то, что удастся выторговать. Но ты, полагаю, спешишь в Боклер, а? К некоему альковчику?

Геральт смолчал, ибо на такие вопросы не отвечал принципиально. Приторочил тушку скоффина к седлу запасной лошади, сам вскочил на Плотву.

— Встретимся с клиентом, — решил он, поворачиваясь в седле. — Ночь еще молодая, а я голоден. Охотно бы чего-нибудь выпил. Едем в город. В «Фазанщину».

* Имя есть значение (лат.).

Рейна́рт де Буа-Фресне хохотнул, поправил висящий на луке щит в красно-желтых шашечках, забрался на высокое седло.

— Воля ваша, кавалер. Итак, в «Фазанщину». Пшел, Буцефал!

Они шагом поехали по заснеженному склону, вниз, к тракту, четко обозначенному редким строем тополей.

— Знаешь что, Рейна́рт, — неожиданно заговорил Геральт. — Я тоже предпочитаю видеть тебя таким, как сейчас. Разговаривающим нормально. Тогда, в октябре, ты изъяснялся, а точнее — изгилялся с бьющей по нервам идиотской манерностью.

— Чес-слово, ведьмак, я — странствующий рыцарь, — захотел Рейна́рт де Буа-Фресне. — Забыл или как? А рыцарь всегда изъясняется с идиотской манерностью. Это, понимаешь, знак такой, вроде щита вот этого. По нему, как по гербу на щите, распознают наше братство.

— Чес-слово, — сказал Рыцарь Шахматной Доски, — напрасно вы нервничаете, милсдарь Геральт. Ваша подружка наверняка уже выздоровела и о слабости окончательно забыла. Госпожа княжна держит придворных лекарей, те любую хворь вылечат. Чес-слово, нечего беспокоиться.

— Я придерживаюсь того же мнения, — сказал Регис. — Расхмурься, Геральт. Ведь Мильву и друидки лечили...

— А друидки в лечении доки, — добавил Кагыр. — Чему первейшее доказательство моя раздолбанная горняцким кайлом голова, не желаете ли глянуть? Почти как новая. Мильва, уверен, уже здорова. Нет причин тревожиться.

— Вашими б устами...

— Здорова уже, здорова, — повторил рыцарь, — ваша Мильва свежа как огурчик, голову дам на отсечение, и уж наверняка отплясывает на балах. Креңделя выписывает. Пиршествует. А в Боклере при дворе княгини Анарьетты что ни день, то бал либо пир. Ха-ха! Чес-слово, теперь, когда я разделался с обетом, я тоже...

— Вы разделались с обетом?

— Фортуна была ко мне благосклонна! Ибо следует вам знать, что клялся я не хухрой-мухрой какой-нибудь, а журавлем! По весне. Поклялся пятнадцать разбойников-грабителей уложить к Йуле. Ну и теперь свободен я от клятвы. Пить уже могу и говядину есть. К тому ж мне не надо больше скрывать своего имени. Я, позвольте представиться всем, Рейна́рт де Буа-Фресне.

— Очень приятно.

— Касательно упомянутых балов, — проговорила Ангулема, подгоняя лошадь, чтобы поравняться с ними. — Так и нас, надеюсь, не обойдут возможностью насытиться и напиться? Да и поплясать я б тоже охотно поплясала. На балу-то.

— Чес-слово, будет в Боклере все, — заверил Рейнарт де Буа-Фресне. — Балы, пиры, рауты, выпивки и посиделки поэтические. Ведь вы же Лютиковы друзья... Пардон, я хотел сказать Юлиановы. Виконтовы, чес-слово. А оный Юлиан, виконт, весьма мил госпоже княгине.

— А как же, похвалялся, было дело, — хихикнула Ангулема. — А как оно в натуре-то было с той любовью? Не знаете ли, милсдарь рыцарь? Поведайте!

— Ангулема, — проговорил ведьмак. — Тебе это знать обязательно?

— Не обязательно. Но хочется. Не брюзжи, Геральт. И перестань дуться. При виде твоей кислой физиономии придорожные грибы сами маринуются. А вы, милсдарь рыцарь блуждающий, давайте излагайте.

Едущие впереди кавалькады странствующие рыцари распевали рыцарскую песню. Слова песни были глупые до неприличия.

— Случилось это, — начал рыцарь, — годков этак шесть назад. Гостил у нас господин поэт целую зиму и весну, на лютне тренькал, романсы распевал, стихи декламировал. Князь Раймунд в то время в Цинтре посиживал, на сборище. Домой не спешил. Ни для кого не было секретом, что в Цинтре полюбовница у него завелась. А госпожа Анарьетта и милсдарь Лютик... М-да... преудивительнейший это город, Боклер, и прекрасный, любовных чар полный. Сами увидите. В те времена княгиня и господин Лютик это изведали... И не заметили, как от стишка к стишку, от словечка к словечку, от комплиментика к комплименту, цветочку, взгляду, вздоху... Короче говоря, вскоре дошло дело до близкого, стало быть, интереса.

— И очень близкого? — хихикнула Ангулема.

— Очевидцем быть не довелось, — сухо отрезал рыцарь, — а сплетен повторять не обвык. Кроме того, как мазель, несомненно, знает, у любви множество имен, и весьма относительное это понятие: близкое ли было общение или не очень.

Кагыр прыснул в кулак. Ангулеме добавить было нечего.

— Встречались, — продолжал Рейнарт де Буа-Фресне, — княгиня с господином Лютиком тайно месяца, вероятно, два,

от Беллетэйна до Летнего Солстыция. Да позабыли об осторожности. Разошлась весть, начали болтать языки. Милсдарь Лютик не мешкая на коня вскочил и отбыл. Оказалось, поступил вполне разумно. Потому что как только князь Раймунд из Цинтры возвратился, донес ему обо всем один услужливый лакей. Князя, когда узнал он, какой insult на него свалился, какие порожа ему пристроили, такая дикая, можете себе представить, ярость обуяла, что он супницу с борщом на стол опрокинул, потом слугу-доносителя чеканчиком разделал, слова всякие-разные выдавал, затем при свидетелях дал маршалу двора по морде и большое ковирское зеркало вдребезги разнес. Княгиню же в ее собственных покоях заточил и, пытками пригрозив, все из ее княжеского сиятельства вытянул. Сразу же за господином Лютиком погоню учинил, повелев без всякой жалости и разговоров соблазнителя прикончить и сердце из груди вырвать. Вычитавши что-то подобное в какой-то стародавней балладе, вздумал он сердце Лютиково зажарить и ее сиятельство княгиню Анарьетту принудить на глазах всего двора оное сердце откусать. Бррр, тьфу ты, отвратность какая, надо же! На свое счастье, успел-таки господин Лютик сбежать.

— Повезло парняге. А князь, значит, от горестей штиблеты отбросил?

— Скончался светлейший князь. Но не сразу. Инцидент, как я уже сказал, вконец скрутил его, да так, что кровь в нем закипела и апоплексия его схватила и, стало быть, паралич. Лежал он без мала полгода что твой пень. Но поправился. Даже ходить начал было. Только глазами беспрерывно моргал, вот так.

Рыцарь повернулся в седле, прищурился и скривился будто обезьяна.

— Хоть князь сам был известный трахтельман и попрыгунчик, так от этих подмигиваний еще больший из него сделался в амурах *pericolosus**, ибо каждой бабе чудилось, будто это он из аффекта именно ей подмигивает и ей любовные знаки подает. Ну, бабы, известное дело, на такие почитания шибко падки. Их ничуть не смущает, что всем им клеймо похотливых и распутных припечатывают. Что нет, то нет. А князь, как я сказал, моргал много, почти непрерывно, так что все *per saldo* одно на одно выходило. В итоге-то меру в разнузданности он перебрал и в одну из ночей хватил его второй удар. И дух из него вышел. Прямо в алькове.

* опасный, угрожающий опасностью (лат.).

— На бабе? — загоготала Ангулема.

— По правде... — Рыцарь, до того смертельно серьезный, усмехнулся в усы. — По правде-то, под бабой. Однако не в подробностях суть.

— Конечно ж, нет, — серьезно поддержал Кагыр. — Особого траура, мысля, по князю Раймунду не было, а? Пока слушал, мне подумалось...

— Что неверная жена вам милее, чем муж-рогоносец, — по своему обычаю влез в разговор вампир. — Неужто по той причине, что сейчас она здесь властвует?

— И по этой тоже, — разоружающим тоном отвечивал Рейнарт де Буа-Фресне. — Но не только. Раймунд, да будет ему земля пухом, таким был бездельником, вертопрахом, паршивцем и, культурно выражаясь, сукиным сыном, что самого дьявола через полгода довел бы до язвы желудка! А правил в Туссенте семь лет. Зато княгиню Анарьетту народ обожал и обожает.

— Значит, можно рассчитывать на то, — жестко сказал Геральт, — что после князя Раймунда осталось не так уж много неутешных друзей, которые ради того, чтобы отметить круглую дату кончины покойного, готовы устроить Лютику засаду со стилетами?

— Можете рассчитывать. — Рыцарь глянул на него, а взгляд у него был острый и вполне понимающий. — И, чес-слово, расчеты вас не подведут. Я же говорил: поэт мил госпоже Анарьетте, а за госпожу Анарьетту тут любой позволит себя на куски разделить.

Возвернулся рыцарь бравый
Да с войны, войны-забавы!
Ну а милка не ждала.
От другого родила!
Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
Вот и мри за короля!

Из придорожных кустов с карканьем срывались перепуганные рыцарской балладой вороны.

Вскоре из леса они выехали в долину между возвышенностями, на вершинах которых белели башни небольших замков, яркие на фоне синего, расцвеченного фиолетовыми полосами неба. Склоны, насколько хватало глаз, покрывали

стройные, словно солдатские шеренги, ряды ровненько подстриженных кустов. Земля там была устлана красными и золотыми листьями.

— Что это? — спросила Ангулема. — Виноград?

— Виноградная лоза, молодая, а как же, — подтвердил Рейнарт де Буа-Фресне. — Знаменитые долины Сансретуры. Первейшие вина мира дают из созревающих здесь гроздей.

— Факт, — согласился Регис, который, как всегда, знал все обо всем. — Дело в вулканической почве и здешнем микроклимате, обеспечивающем из года в год прямо-таки идеальное сочетание солнечных и дождливых дней. Если к этому добавить традиции, знание и заботливость виноградарей, то мы получим результат в виде продукта высочайшего класса и марки.

— Хорошо вы это выразили, — улыбнулся рыцарь. — Марка — это вещь! О, взгляните хотя бы сюда, вот на этот склон под замком. У нас замки дают названия виноградникам и подвалам, которые расположены глубоко под землей. Вот этот называется Кабель Равелло, с его виноградников получают такие вина, как Эрвелюк, Фьорано, Помино и знаменитое Эст-Эст. Должно быть, слышали. За бочонок Эст-Эста платят столько, сколько за десяток бочонков Цидариского или из нильфгаардских винных погребов под Альбой. А там, гляньте, докуда хватает глаз — другие, небольшие замки и другие виноградники, да и названия тоже, думаю, вам знакомы. Ферментино, Торичелля, Кабельдачья, Туфо, Санкерре, Нурагус, Короната и, наконец, Корво Бьянко, по-эльфьему Gwyn Cerbin. Полагаю, вам не знакомы эти названия?

— Знакомы, фууу... — поморщилась Ангулема. — Особенно после проверки, не налил ли, часом, шельма кабатчик какое-нибудь из них заместо нормального яблочного, потому как тогда, бывало, приходилось утром коня в конюшне оставлять, чтобы за эту Кабелью или Эсту-Эсту расплатиться. Тьфу, черт, не пойму я, небось для больших господ пошло, то, марковое. А мы люди простые, можем и тем, что подешевле, не хуже надраться. И скажу я вам, ибо на собственном опыте испытала: блюется оно одинаково, что после Эста-Эста, что после какой другой рыгаловки, к примеру, яблочной.

— Начав на октябрьские шуточки Ангулемы, — Рейнарт раскинулся за столом, расслабил пояс, — сегодня, ведьмак,

напьемся какой-нибудь лучшей марки и какого-нибудь лучшего года. Кошелек выдержит. Мы подзаработали неплохо. Можно и гульнуть.

— Ясное дело. — Ведьмак кликнул трактирщика. — В конце концов, как говорит Лютик, быть может, существуют и другие методы заработать, но я их не знаю. Поэтому поедем то, чем так славно несет из кухни. Кстати, сегодня в «Фазанищине» что-то тесновато, хоть час уже довольно поздний.

— Сочельник Йуле, — пояснил трактирщик, услышав его слова. — Празднует народишко. Радуетя. Ворожит. Традиция требует, а традиция у нас...

— Знаю, — оборвал ведьмак. — А что сегодня требует традиция на кухне?

— Холодный язык с хреном. Бульон из каплуна с фрикадельками из мозжечка. Зразы-завертушки говяжьи и к этому клецки и капуста.

— Тащи мигом, добрый человек. И к этому... Ну, что к этому, Рейнарт?

— Ежели говядина, — сказал после минутного раздумья рыцарь, — то красное «Коте-де-Блессюр» того года, когда откинула лапти старая княгиня Кароберта.

— Прекрасный выбор, — кивнул трактирщик. — К вашим услугам, господа.

Венок из омелы, наугад брошенный за спину девушкой из-за соседнего стола, упал почти на колени Геральту. Компания зашлась смехом. Девушка призывно зарумянилась.

— Никаких фокусов. — Рыцарь поднял венок и отбросил в сторону. — Это не будет ваш очередной. Он уже занят, дорогая мазель. Он уже в неволе зеленых очей.

— Заткнись, Рейнарт.

Трактирщик принес заказ.

Они ели, пили, молчали, слушали, как веселятся люди.

— Йуле, — сказал Геральт, отставляя кубок. — Мидинваэрн, Зимнее Солнцестояние. Два месяца я тут торчу. Два потерянных месяца.

— Месяц, — холодно и трезво поправил Рейнарт. — Если ты что-то потерял, то лишь месяц. Потом снега завалили перевалы в горах, и ты не выбрался бы из Туссента, хоть сдохни. А то, что дождался здесь Йуле, да и весну скорее всего тоже здесь дождешься, так это есть высшая сила, а посему нечего жалобно скулить и причитать. Что же до сожаления, то не

надо преувеличивать. Все равно я не поверю, что тебе так уж сильно жаль.

— Да что ты знаешь, Рейнарт? Что знаешь?

— Немного, — согласился рыцарь, наливая. — Не очень много сверх того, что вижу. А видел я вашу первую встречу, твою и ее, в Боклере. Помнишь Праздник Бочки? Белые трусики?

Геральт не ответил. Он помнил.

— Дивное это место, дворец Боклер, полное любовных чар, — замурлыкал Рейнарт, наслаждаясь букетом вина. — Один только его вид способен очаровать. Помнишь, как у всех у вас дух захватило, когда вы увидели, ну, тогда, в октябре. Дай-ка вспомнить, как тогда изволил выразиться Кагыр?

— Складный замчишко, — восхищенно сказал Кагыр. — Верно ведь складный и глаз радует.

— Красиво княгиня живет, — сказал вампир. — Следует признать.

— Да уж, вполне ладный, курва его мать, домик, — добавила Ангулема.

— Дворец Боклер, — не без гордости повторил Рейнарт де Буа-Фресне. — Эльфова постройка, только слегка переделанная. Говорят, самим Фарамондом.

— Не «говорят», — возразил Регис. — А несомненно. Стиль. Стиль Фарамонда виден с первого же взгляда. Ясно. Четко. Достаточно посмотреть хотя бы вон на те башенки.

Увенчанные пурпуром черепиц башни, о которых вел речь вампир, врезались в небо стройными белыми обелисками, выходящими из филигранного, расширяющегося книзу здания самого замка. Все это однозначно ассоциировалось со свечами, с которых фестоны воска натекали на мастерски выполненное основание подсвечника.

— У стен Боклера, — пояснил рыцарь Рейнарт, — раскинулся город. Стену, разумеется, возвели позже, вы ведь знаете, эльфы не окружали города стенами. Подгоните лошадей, уважаемые. Путь перед нами долгий. Боклер только кажется близким, горы искажают перспективу.

— Едем.

Они ехали резво, опережая странников и вагантов, телеги и двуколки, груженные темными, словно обомшелыми гроздьями винограда. Потом начались говорливые и пахнущие бродящим соком улочки города, потом мрачный парк, весь заросший

тополями, тисами, барбарисом и самшитом. Потом были клумбы роз, мультифлоры и центифоллии. Потом — резные колонны, порталы и архивольты дворца, слуги и лакеи в ливреях.

Наконец возник Лютик, модно причесанный и роскошно одетый. Ни дать ни взять принц.

— Где Мильва?

— Здорова, не беспокойся. Сидит в покоях, приготовленных для вас. И не желает выходить.

— Почему?

— Об этом позже. А сейчас — пошли. Княгиня ждет.

— Прямо с дороги?

— Таково ее желание.

Зала, в которую они вошли, была полна людей, ярких и пестрых, будто райские птицы. Геральту некогда было приглядываться. Лютик подтолкнул его к мраморным ступеням, у которых в окружении пажей и придворных стояли две женщины, резко выделяющиеся из толпы.

Было тихо, но сделалось еще тише.

У первой женщины нос был острый и курносый, голубые, пронизательные и как бы слегка взволнованные глаза. Каштановые волосы уложены в изумительную — воистину произведение искусства — укрепленную бархатными вставочками прическу, продуманную до мельчайших нюансов, включая и идеальной формы локон в виде полумесяца на лбу. Лиф декольтированного платья переливался тысячами голубых и лиловых полосок на черном фоне, подол был черный, густо усеянный шитьем из маленьких золотых хризантем. Шею обвивало искусными завитками кольцо из обсидиана, изумрудов и ляпис-лазури, заканчивающееся жадеитовым крестом, заходящим чуть ли не в ложбинку между небольшими, поддерживаемыми жестким корсетом грудками. Каре выреза было низким и глубоким, обнаженные миниатюрные плечики, казалось, не гарантировали достаточной опоры — Геральт ежесекундно ожидал, что платье сползет с бюста. Но оно не сползало, удерживаемое в нужном положении таинственными узами портновского искусства и буфами рукавов.

Вторая женщина не уступала первой в росте. На губах у нее была такого же цвета помада. Однако на этом подобие заканчивалось. На ее коротко стриженных черных волосах возлежала сетчатая шапочка, с которой спускалась на лицо до

кончика маленького носика вуалетка. Растительный мотив вуалетки не закрывал прекрасных, блестящих, густо подведенных зеленым контуром глаз. Точно такая же цветная вуаль прикрывала скромный вырез черного платья с длинным рукавом. На ткани сверкали словно случайно разбросанные сапфиры, аквамарины, кристаллики горного хрусталя и золотые ажурные звездочки.

— Ее сиятельство княгиня Анна Генриетта, — вполголоса проговорили за спиной Геральта. — Преклони колени, милостивый государь.

«Интересно, о которой из них, — подумал Геральт, с трудом сгибая больное колено в церемониальном поклоне. — Обе, чтоб мне лопнуть, выглядят равно по-княжески. Господи, по-королевски!»

— Встаньте, милсдарь Геральт, — развеяла его сомнения женщина с каштановыми волосами и острым носиком. — Приветствуем вас и ваших друзей в княжестве Туссент, во дворце Боклер. Мы счастливы принимать у себя особ, прибывших со столь благородной миссией. К тому же имеющих быть в дружбе с милым нашему сердцу виконтом Юлианом.

Лютик поклонился глубоко и размашисто.

— Виконт, — продолжала княгиня, — сообщил нам ваши имена, характер и цель вашей экспедиции, поведал, что привело вас в Туссент. Повествование его взволновало наши сердца. Мы будем счастливы побеседовать с вами на личной аудиенции, милсдарь Геральт. Однако сия встреча несколько задержится, поскольку нас ждет исполнение неких государственных обязанностей. Закончился сбор винограда, традиция велит нам принять участие в Празднике Бочки.

Вторая женщина, та, что в вуалетке, наклонилась к княгине и что-то быстро шепнула. Анна Генриетта взглянула на ведьмака, улыбнулась, прошила тонким язычком по губам.

— Мы желаем, — возвысила она голос, — чтобы наряду с виконтом Юлианом нам прислуживал у Бочки милсдарь Геральт из Ривии.

По группе придворных и рыцарей пробежал шелест — так шумят тронутые ветром сосны. Княгиня Анарэтта одарила ведьмака очередным волооким взглядом и вышла из залы вместе с подружкой и кортежем пажей.

— Черт побери, — совсем не по-рыцарски шепнул Рыцарь Шахматной Доски. — Вот-те на! Немалой вы удостоились чести, господин ведьмак!

— Я не шибко понял, в чем суть дела, — признался Геральт. — Это каким же манером мне придется услужить ее величеству?

— Ее милости, — поправил, подходя, упитанный субъект с внешностью кондитера. — Простите, господа, мое вмешательство, но в данных околечностях я вынужден это сделать. Мы здесь, в Туссенте, строго почитаем традиции и блюдем протокол. Я — Себастьян ле Гофф, камергер и маршал двора.

— Весьма приятно.

— Официальным и протокольным титулом госпожи Анны Генриетты, — камергер и маршал двора не только выглядел кондитером, но и источал аромат крема и глазури, — является «ваше сиятельство», неофициальным — «ваша милость», фамильярным, вне стен дворца, — «госпожа княгиня». Но обращаться к ее сиятельству следует «ваша милость».

— Благодарствую, запомню. А вторая дама? Как ее следует титуловать?

— Ее официальный титул «почтенная», — серьезно поучил камергер. — Но вполне допустимо просто «госпожа». Это родственница княгини, зовут ее Фрингилья Виго. Во исполнение воли ее милости прислуживать при Бочке вам достанется именно ей, госпоже Фрингилье.

— А в чем будет состоять данное прислуживание?

— Ничего особенного. Сейчас поясню. Видите ли, мы уже многие годы используем механические давилни, однако же традиция...

Подворье было заполнено говором и неистовым визгом пишалок, дикой музыкой дудок, назойливым звоном тамбуринов. Вокруг стоящей на помосте бочки плясали и бодались козлы, выраженные в венки скоморохи и кувыркались акробаты. Подворье и окружающие его галереи были заполнены людьми — рыцарями, дамами, дворянами, богато одетыми горожанами.

Камергер Себастьян ле Гофф воздел к небу увитый лозой жезл, потом трижды ударил им о помост.

— Эхо-хо! — крикнул он. — Благородные дамы, господа и рыцари!

— Эхо-хо! — ответствовала толпа.

— Эхо-хо! Вот он, древний обычай! Да одарит нас виноградная гроздь! Эхо-хо! Да дозреет до солнца!

кончика маленького носика вуалетка. Растительный мотив вуалетки не закрывал прекрасных, блестящих, густо подведенных зеленым контуром глаз. Точно такая же цветная вуаль прикрывала скромный вырез черного платья с длинным рукавом. На ткани сверкали словно случайно разбросанные сапфиры, аквамарины, кристаллики горного хрусталя и золотые ажурные звездочки.

— Ее сиятельство княгиня Анна Генриетта, — вполголоса проговорили за спиной Геральта. — Преклони колени, милостивый государь.

«Интересно, о которой из них, — подумал Геральт, с трудом сгибая больное колено в церемониальном поклоне. — Обе, чтоб мне лопнуть, выглядят равно по-княжески. Господи, по-королевски!»

— Встаньте, милсдарь Геральт, — развеяла его сомнения женщина с каштановыми волосами и острым носиком. — Приветствуем вас и ваших друзей в княжестве Туссент, во дворце Боклер. Мы счастливы принимать у себя особ, прибывших со столь благородной миссией. К тому же имеющих быть в дружбе с милым нашему сердцу виконтом Юлианом.

Лютик поклонился глубоко и размашисто.

— Виконт, — продолжала княгиня, — сообщил нам ваши имена, характер и цель вашей экспедиции, поведал, что привело вас в Туссент. Повествование его взволновало наши сердца. Мы будем счастливы побеседовать с вами на личной аудиенции, милсдарь Геральт. Однако сия встреча несколько задержится, поскольку нас ждет исполнение неких государственных обязанностей. Закончился сбор винограда, традиция велит нам принять участие в Празднике Бочки.

Вторая женщина, та, что в вуалетке, наклонилась к княгине и что-то быстро шепнула. Анна Генриетта взглянула на ведьмака, улыбнулась, прошла тонким язычком по губам.

— Мы желаем, — возвысила она голос, — чтобы наряду с виконтом Юлианом нам прислуживал у Бочки милсдарь Геральт из Ривии.

По группе придворных и рыцарей пробежал шепсел — так шумят тронутые ветром сосны. Княгиня Анарьетта одарила ведьмака очередным волооким взглядом и вышла из зала вместе с подружкой и кортежем пажей.

— Черт побери, — совсем не по-рыцарски шепнул Рыцарь Шахматной Доски. — Вот-те на! Немалой вы удостоились чести, господин ведьмак!

— Я не шибко понял, в чем суть дела, — признался Геральт. — Это каким же манером мне придется услужить ее величеству?

— Ее милости, — поправил, подходя, упитанный субъект с внешностью кондитера. — Простите, господа, мое вмешательство, но в данных околичностях я вынужден это сделать. Мы здесь, в Туссенте, строго почитаем традиции и блюдем протокол. Я — Себастьян ле Гофф, камергер и маршал двора.

— Весьма приятно.

— Официальным и протокольным титулом госпожи Анны Генриетты, — камергер и маршал двора не только выглядел кондитером, но и источал аромат крема и глазури, — является «ваше сиятельство», неофициальным — «ваша милость», фамильярным, вне стен дворца, — «госпожа княгиня». Но обращаться к ее сиятельству следует «ваша милость».

— Благодарствую, запомню. А вторая дама? Как ее следует титуловать?

— Ее официальный титул «почтенная», — серьезно поучил камергер. — Но вполне допустимо просто «госпожа». Это родственница княгини, зовут ее Фрингилья Виго. Во исполнение воли ее милости прислуживать при Бочке вам достанется именно ей, госпоже Фрингилье.

— А в чем будет состоять данное прислуживание?

— Ничего особенного. Сейчас поясню. Видите ли, мы уже многие годы используем механические давилки, однако же традиция...

Подворье было заполнено говором и неистовым визгом пищалок, дикой музыкой дудок, назойливым звоном тамбуринов. Вокруг стоящей на помосте бочки плясали и бодались козлы, выраженные в венки скоморохи и кувыркались акробаты. Подворье и окружающие его галереи были заполнены людьми — рыцарями, дамами, дворянами, богато одетыми горожанами.

Камергер Себастьян ле Гофф воздел к небу увитый лозой жезл, потом трижды ударил им о помост.

— Эхо-хо! — крикнул он. — Благородные дамы, господа и рыцари!

— Эхо-хо! — ответствовала толпа.

— Эхо-хо! Вот он, древний обычай! Да одарит нас виноградная гроздь! Эхо-хо! Да созреет до солнца!

— Эхо-хо! Да дозреет!

— Эхо-хо! Да забродит, придавленная! Да наберет силы и вкуса в бочках! Да изольется в кубки и ударит в головы во славу ее сиятельства, во славу прекрасных дам, во славу благородных рыцарей и виноградарей!

— Эхо-хо! Да забродит!

— Да приидет красота!

Из бархатных палаток на противоположной стороне дворя появились две женщины — княгиня Анна Генриетта и ее черноволосяя спутница. Обе были плотно укутаны в пурпурные плащи.

— Эхо-хо! — Камергер ударил жезлом. — Да приидут Юные!

«Юные» были научены, они знали, что им надлежит делать. Лютик подошел к княгине. Геральт — к черноволосяй. Которую, как известно, звали почтенной Фрингильей Виго.

Женщины одновременно скинули плащи, толпа взорвалась грохотом оваций, Геральт сглотнул.

На женщинах были белые, тонюсенькие как паутинки, не доходящие даже до бедер рубашечки на бретельках. И плотно облегающие трусики с оборочками. И ничего больше. Даже украшений. Кроме того, они были без обуви.

Геральт поднял Фрингилью на руки, а она, нисколько не смущаясь, тут же обняла его. За шею. От нее исходил едва уловимый аромат амбры и роз. И женственности. Она была теплой, и тепло это пронзало как наконечник стрелы. Она была податливо-мягкой. И мягкость эта обжигала и дразнила пальцы.

Мужчины поднесли женщин к Бочке. Геральт — Фрингилью, Лютик — княгиню, помогли им встать на сминающиеся под ногами, источающие виноградный сок грозди. Толпа взревела.

— Эхо-хоооо!

Княгиня и Фрингилья возложили друг другу руки на плечи — так легче было удержать равновесие на гроздях, в которые они погрузились до колен. Сок брызгал и бил ключом, женщины, поворачиваясь, топтали виноградные гроздья, хохоча, как маленькие. Фрингилья совершенно непроизвольно стрельнула в ведьмака глазами.

— Эхо-хо! — орала толпа. — Эхо-хо! Да забродит!

Сминаемые грозди исходили соком, мутная жидкость булькала и обильно пенилась вокруг колен топчущихся в бочке женщин.

Камергер ударил жезлом о доски помоста. Геральт и Лютик подошли, помогли женщинам выбраться из бочки. Геральт видел, как Анарьетта укусила Лютика за ухо и как у нее при этом опасно заблестели глаза. Ему показалось, что губы Фрингильи скользнули по его щеке, но было это сознательно или случайно, он, пожалуй, не смог бы сказать. Винный дух сильно ударял в голову.

Геральт опустил Фрингилью на помост, обернул пурпурным плащом, Фрингилья быстро и крепко пожала ему руку.

— Ах, эти древние обычаи, — шепнула она. — Они так возбуждают. Не правда ли?

— Правда.

— Благодарю тебя, ведьмак.

— Я счастлив безмерно!

— Не только ты! Уверю тебя, не только.

— Налей, Рейнарт.

За соседним столом вели очередную зимнюю ворожбу, состоящую в кидании завитой в длинную спиральную полоску кожицы яблока. По форме, в которую кожица уляжется, пытались угадать инициалы будущего партнера. Всякий раз кожа укладывалась буквой «S». Несмотря на это, веселью не было конца.

Рыцарь налил.

— Оказалось, — задумчиво сказал ведьмак, — что Мильва здорова, хоть все еще носила бандаж на бедрах. Тем не менее она сидела в комнате и отказывалась выходить, ни за что не соглашаясь надеть подаренного ей платья. Дело шло к протокольному скандалу, но ситуацию уладил всеведущий Регис. Процитировав с дюжину прецедентов, он вынудил камергер-маршала двора принести лучнице мужскую одежду. Ангुлема же, наоборот, с радостью скинула брюки и верховые сапоги с портянками, а платье, мыло и гребень сотворили из нее вполне симпатичную девушку. Всем нам, что тут говорить, подняли настроение баня и чистая одежда. Даже мне. И во вполне нормальном настроении все мы шли на «личную» аудиенцию.

— Прервись на минуточку, — указал движением головы Рейнарт. — К нам приближаются клиенты. Хо-хо, к тому же не один, а два винодельца. Малатеста, наш клиент, ведет собрата... И конкурента. Чудо из чудес!

— А второй — кто?

— Виноградники Помероль: Их вино, «Коте-де-Блессюр», мы как раз сейчас пьем.

Малатеста, управляющий виноградниками Ферментино, помахал рукой, подошел, ведя спутника: мужчину с черными усами и буйной черной бородой, больше подходящей убийце, нежели чиновнику.

— Позвольте представить, — указал на бородача Малатеста, — господин Алкид Фьерабрас, управляющий виноградниками Помероль.

— Присаживайтесь.

— Мы на минутку. К господину ведьмаку относительно бестии из наших подвалов. Из того, что вы, уважаемый, находитесь здесь, следует, что чудище уже прикончено?

— Намертво.

— Обусловленная сумма, — заверил Малатеста, — поступит на ваш счет у Чанфанелли самое позднее послезавтра. Ох, благодарю вас, господин ведьмак. Стократно благодарю. Такой подвальчик прелестный, сводчатый, ориентированный на север, не слишком сухой, не слишком влажный, ну точь-в-точь такой, какой надо для вина, а из-за этого чудища паршивого им невозможно было пользоваться. Сами видели, пришлось там значительную часть подвалов замуровать, но бестия все равно ухитрилась как-то пролезть. Тьфу-тьфу, откуда она взялась, не угадать. Не иначе как из самого ада...

— Пещеры, вымытые в вулканических туфах, всегда бывают полны чудовищами, — мудро проговорил Рейнарт де Буа-Фресне, который сопровождал ведьмака уже почти месяц и, будучи хорошим слушателем, успел многому научиться. — Дело ясное, где туф, там того и гляди чудище объявится.

— Оно, конечно, может, и туф, — покосился на него Малатеста. — Кем бы он, этот туф, ни был. Но люди болтают, дескать, все потому, что наши подвалы вроде бы с глубокими пещерами связаны, с самим нутром земным. Много у нас таких ям и пещер.

— Да вот хотя бы, к примеру, наши подвалы, — заметил управляющий виноградниками Помероль. — Цельными милями эти ямы тянутся, как и докудова, не знает никто. Те, кто дело это хотел прояснить, не возвернулись. Да и чудовище страшное тоже там видывали. Якобы... Так вот, поэтому и хотел я предложить...

— Догадываюсь, — сухо проговорил ведьмак, — что вы хотите предложить. И соглашаюсь. Я проверю ваши подзем-

лья. Плату установим в зависимости от того, на что я там наткнулся.

— Обижены не будете, — заверил бородач. — Хм, хм... Еще одно дело.

— Слушаю.

— Тот суккуб, что по ночам мужей посещает и... мытарит... Которого ее сиятельство убить повелели... Думаю, убивать его вовсе нет нужды. Ведь чудо это никому не мешает, ежели уж по правде-то... Так, посетит когда... Потревожит чуть-чуть...

— Но только полнолетних, — быстро вставил Малатеста.

— Ну прям мои слова, кум, мои... Так и есть, никому этот суккуб не навредил. А последнее время так и вообще слух о нем как бы затерялся. Полагаю, вас он, милсдарь ведьмак, испугался. Какой же тогда смысл его утюживать. Ведь вам, господин, наличные не помешают. А ежели чего недостает...

— На мой счет у Чьанфанелли, — проговорил с каменным лицом Геральт, — могло бы что-нибудь и поступить. В ведьмачий пенсионный фонд.

— Сделаем.

— А у суккуба волос с блондинистой головки не упадет.

— Ну, стало быть, бывайте. — Оба управляющих встали. — Празднуйте в мире, не станем мешать. Праздник нынче. Традиция. А у нас, в Туссенте, традиции...

— Знаю, — не дал ему договорить Геральт, — святое дело.

Компания за соседним столом шумела. Ворожили Йуле, ворожили при помощи шариков из мякины калача и кости от съеденного карпа. Пили при этом обильно. Трактирщик и девки мотались как угорелые, бегая с кувшинами.

— Упомянутый суккуб, — заметил Рейнарт, подкладывая себе капусту, — стал началом достопамятной серии ведьмачьих контрактов, заключенных тобою в Туссенте. Потом уж клиенты валом повалили, так что отбоя от них не было. Вот только не помню я, который заявился к тебе первым.

— Тебя в тот момент не было. А случилось это на следующее утро после аудиенции у княгини. На которой, впрочем, тебя не было тоже.

— Ничего удивительного. Аудиенция была личная.

— Тоже мне «личная», — усмехнулся ведьмак. — Человек на двадцать, не считая неподвижных как статуи лакеев, малолетних пажей и вконец умученного шута. Среди перечислен-

ных особ был ле Гофф, камергер с внешностью и ароматом кондитера, несколько согбленных под грузом золотых цепей вельмож. Была парочка субъектов в черном, то ли советников, то ли судей. Был знакомый мне по Кээд Мырквиду барон «Бычья Голова». Была, разумеется, Фрингиля Виго, особа, несомненно, приближенная к княгине.

И были мы; вся наша компания, включая Мильву в мужском костюме. Нет, я неверно выразился, сказав, что были все. Не было с нами Лютика. Лютик, он же виконт Кто-то-Там, сидел, раскинувшись в карле ошуюю ее остроносой милости Анарьетты, и топорщил перья что твой павлин. Как и полагалось фавориту.

Анарьетта, Фрингиля и Лютик были единственными особами, которые сидели. Никому больше присесть дозволено не было. А меня радовало уже то, что не было велено опуститься на колено.

Княгиня выслушала мой рассказ — к счастью, редко прерывая. Когда же я взялся вкратце излагать результаты бесед с друидками, она заломила руки жестом, говорящим об ее отчаянии столь же искренне, сколь и преувеличенно. Я знаю, это звучит как какой-то хошерный оксюморон, но, поверь мне, Рейнарт, в данном случае все так именно и было.

— Ах-ах, — проворковала княгиня Генриетта, заламывая руки. — Вы так нас огорчили, господин Геральт. Так огорчили. Поверьте, сочувствие переполняет наши сердца.

Она потянула остреньким носиком, протянула руку, и Лютик незамедлительно вложил ей в пальцы батистовый платочек с монограммой. Княгиня мазнула платочком обе щеки так, чтобы не стереть пудры.

— Ах-ах, — повторила она. — Выходит, друидки ничего не знали о Цири? Были не в состоянии помочь вам? Получается, все ваши усилия пошли прахом и все ваше странствие оказалось ненужным?

— Прахом — наверняка нет, — убежденно ответил ведьмак. — Признаюсь, я рассчитывал получить от друидок какие-нибудь конкретные сведения либо указания, которые могли бы хоть в самом общем виде пояснить, почему Цири оказалась объектом столь яростной охоты. Однако друидки не могли или же не пожелали мне помочь. Так что в этом смысле действительно я ничего не выгадал. Но...

Он перешел на шепот. Не ради повышения уровня драматизма. Просто решал, насколько может быть откровенен перед собравшимися.

— Я знаю, что Цири жива, — наконец сухо сказал он. — Вероятнее всего, была ранена. И все еще в опасности. Но жива.

Анна Генриетта вздохнула, снова воспользовалась платочком и пожала руку Лютику.

— Обещаем вам, — проговорила она, — нашу помощь и поддержку. Гостите в Туссенте сколь пожелаете. Ибо должно вам знать, что мы бывали в Цинтре, знали и дарили своей дружбой Паветту, знали и любили малютку Цири. Всем сердцем мы скорбим вместе с вами, господин Геральт. Если требуется, вам окажут посильную помощь наши ученые и астрологи. Вы должны, мы глубоко в это верим, отыскать какую-то тропинку, какое-то указание или след, которые укажут вам нужный путь. Не действуйте опрометчиво. Вам нет нужды спешить. И можете оставаться здесь по собственному желанию, вы милый и приятный нам гость.

— Благодарю, ваше сиятельство, — поклонился Геральт, — за добрые слова и ласку. Однако мы тронемся в путь, как только немного передохнем. Цири все еще в опасности. Да и мы тоже. Если слишком долго засиживаться на одном месте, опасность не только возрастает, но и начинает угрожать людям доброжелательно к нам относящимся. И всем окружающим. А этого мы ни за что не хотели бы допустить.

Княгиня какое-то время молчала, размеренными движениями, будто кошку, поглаживая Лютика по руке.

— Благородны и справедливы слова ваши, — сказала она наконец. — Но опасаться вам нечего. Гнавшиеся за вами бандиты нашими рыцарями разгромлены так, что ни один свидетель их поражения не ушел живым. Нам рассказал об этом виконт Юлиан. Любого, кто осмелится вас обеспокоить, ждет та же участь. Вы — под нашей защитой и покровительством.

— Я умею это ценить. — Геральт снова поклонился, мысленно проклиная болевшее колено и не только его. — Однако не смею умолчать о том, о чем господин виконт забыл вашей милости поведать. Разбойники, которые гнались за мной от Бельхавена и которых доблестные рыцари вашей милости отважно разгромили в Каэд Мырквиде, действительно были бандитами высшей разбойничьей гильдии, но нильфгаардского цвета.

— Ну и что?

«А то, — чуть не сорвалось у него с языка, — что если нильфгаардцы заняли Аэдирн за двадцать дней, то на твое игрушечное княжество им хватит двадцати минут».

— Идет война, — сказал он вместо этого. — То, что случилось в Бельхавене и Каэд Мырквиде, можно рассматривать как рейд по тылам. Обычно это вызывает репрессии. В военное время...

— Война, — перебила его княгиня, подняв кверху острый носик, — наверняка уже кончилась. Относительно этого мы писали нашему кузену Эмгыру вар Эмрейсу. Мы направили ему меморандум, в котором потребовали немедленно положить конец бессмысленному кровопролитию. С войной уже наверняка покончено, наверняка уже заключен мир.

— Не так уж наверняка, — холодно ответил Геральт. — За Яругой буйствуют меч и огонь, льется кровь. Нет никаких признаков того, что война идет к завершению. Я бы сказал — совсем наоборот.

Он тут же пожалел о сказанном.

— То есть? — Носик княгини, казалось, стал еще острее, а в голосе прозвучала противная, скрипуче-ворчливая нотка. — Верно ли я слышу? Война продолжается? Почему нам об этом не сообщили? Господин министр Трембли?

— Ваше сиятельство, я... — забормотал, преклоняя колени, один из златоносцев, позвякивая цепями. — Я не хотел... огорчать... беспокоить... ваше сиятельство...

— Стража! — взвыла ее сиятельство. — В башню его! Вы в немилости, милостивый государь! Господин камергер! Господин секретарь!

— Мы здесь, ваше сиятельство!

— Пусть наша канцелярия немедленно подготовит резкую ноту нашему кузену, императору Нильфгаарда. Мы требуем, чтобы немедленно, незамедлительнейше он прекратил воевать и заключил мир. Ибо война и несогласие суть вещи скверные. Несогласие разрушает, а согласие возводит!

— Ваша милость, — еле выговорил маршал двора-кондитер, белый как сахарная пудра, — абсолютно правы. Абсолютнейше!

— А вы что тут делаете? Мы отдали приказы! Действуйте же! Одна нога тут, другая там!

Геральт незаметно осмотрелся. У дворян были совершенно каменные лица, из чего следовало, что подобные инциден-

ты при здешнем дворе дело не новое и не редкое. Он твердо решил с этого момента исключительно поддакивать госпоже княгине. И никак не более того.

Анарьетта тронула платочком кончик носа, затем улыбнулась Геральту.

— Как видите, — сказала она, — ваши опасения были беспочвенны. Вам нечего опасаться, и вы можете гостить у нас сколько пожелаете.

— Так точно, ваше сиятельство.

В тишине четко слышался скрип короеда в каком-то из предметов древней мебели. И ругательства, коими старший конюх поносил коня на далеком дворе.

— Есть у нас, — прервала молчание Анарьетта, — также просьба к вам, господин Геральт, как к ведьмаку.

— Так точно, ваше сиятельство.

— Это просьба многих благородных дам Туссента и также наша. Ночное чудовище беспокоит здешние дома. Дьявол, призрак, суккуб в обличье женском, но столь бесстыдным, что описать его мы не решаемся, терзает достойных и верных супругов. Навещает по ночам альковы, позволяет себе безобразные распутства и отвратительные половые извращения, о которых нам не позволяет говорить присущая нам скромность. Вы как специалист наверняка знаете, в чем дело.

— Так точно, ваше сиятельство!

— Туссентские дамы просят вас положить предел этой мерзости. А мы присоединяемся к их просьбе и заверяем вас в нашем благоволении.

— Так точно, ваше сиятельство!

Ангудема отыскала ведьмака и вампира в дворцовом парке, где они прогуливались и вели секретные разговоры.

— Вы мне не поверите, — просипела она, — не поверите, если я вам скажу. Но это чистейшая правда.

— Говори же.

— Рейнарт де Буа-Фресне, странствующий Рыцарь Шахматной Доски, вместе с другими странствующими рыцарями стоит в очереди к княжескому казначею. И знаете, за чем? За месячным жалованьем! Очередь, скажу я вам, длиной в пол-полета стрелы, а от гербов аж в глазах рябит. Я спросила Рейнарта, в чем, мол, дело, а он мне: странствующие-де рыцари тоже есть хотят.

— И что же здесь странного?

— Шуткуешь небось? Странствующие рыцари странствуют из благородных побуждений! А не за месячное жалованье!

— Одно, — очень серьезно сказал вампир Регис, — не исключает другого... Поверь мне, Ангулема.

— Верь ему, Ангулема, — сухо подтвердил Геральт. — Перестань бегать по дворцу в поисках сенсаций, составь-ка лучше компанию Мильве. Она в жутком настроении, ей нельзя оставаться одной.

— Верно. У тетечки, видать, месячные, потому как злая она вроде осы. Я думаю...

— Ангулема!

— Иду, иду...

Геральт и Регис остановились у клумбы уже слегка примерзших роз центифолий. Но как следует поговорить не сумели. Из-за оранжереи вышел худющий мужчина в модном плаще цвета умбры.

— Добрый день. — Он поклонился, отряхнул колени куньим колпаком. — Дозвольте спросить, кто из ваших милостей есть ведьмак, Геральтом именуемый, своим ремеслом славящийся?

— Я есть ведьмак, Геральтом именуемый. В чем дело?

— Я — Жан Катильон, управляющий виноградниками Капель Торичелья. А дело, понимаешь, в том, что нам в виноградники очень и даже весьма ведьмак нужен. Я удостовериться, понимаешь, хотел бы, не пожелаете ли вы по милости своей...

— Так в чем дело-то?

— Тут, понимаешь, такая штука получается, — начал управляющий Катильон. — Из-за этой войны, чтобы ее черт побрал, купцы реже, понимаешь, приезжают, запасы готового продукта растут, мест для бочек начинает не хватать. Мы подумали, невелика беда, ведь под замком целые мили ям тянутся, все глубже и глубже, аж до нутра, понимаешь, земли, почитай, эти ямы достигают. Под Торичельей тожить ямочку я отыскал, прелестненькую, кругленькую с таковым же, понимаешь, сводом и не шибко сухую, не шибко мокрую, аккурат подходящую, чтобы в ней вину славненько было...

— И что? — не выдержал ведьмак.

— Почудилось нам, понимаешь, что в тех ямах чудит какой-то чудовищ, видать, из земных глыбей прилезший. Двух человек изжег, до костей им телеса изжарил, а одного осле-

пил, понимаешь, потому как он, чудовищ, значит, плюется и рыгается каким-то жручим щелоком или щелочью.

— Сольпуга, — кратко определил Геральт. — Также ядницей именуемая.

— Ну вот, извольте, — улыбнулся Регис. — Сами видите, господин Катильон, что имеете дело с профессионалом. Профессионал, можно сказать, с неба к вам свалился. А кстати, к странствующим здесь рыцарям вы, случаем, не обращались уже с этой, как вы изволили выразиться, бедой? У княгини их целый полк, рыцарей-то этих, а такие миссии — так это ж их специальность, суть их существования. И оправдание...

— Никакая не суть, — помотал головой управляющий Катильон. — Их суть — тракты охранять, перевалы, потому, понимаешь, ежели купцы сюда не допрут, то все мы с сумой в странствующие, значит, по миру пойдем. Кроме того, рыцари храбрые и боевитые, понимаешь, но только когда на коне. Под землю такой не полезет! Сверх же того они доро...

Катильон осекся и замолчал. Лицо у него было как у человека, которому — ежели нет бороды — не во что плюнуть. И который очень об этом сожалеет.

— Дорого берут, — закончил Геральт, даже без особого ехидства. — Знай же, добрый человек, я беру дороже. Свободный рынок. И свободная конкуренция. Ибо я, если уж мы шлепнем контракт, сойду с коня и полезу под землю. Обдумайте это. Но не очень тяните-то, потому что я в Туссенте долго не задержусь.

— Ты меня поражаешь, — сказал Регис, как только управляющий ушел. — В тебе неожиданно воспрят ведьмак? Заключаешь сделки? Берешься за чудовищ?

— Да и я сам удивлен, — честно признался Геральт. — Отреагировал как-то автоматически, меня словно подтолкнуло что-то. Откажусь. Любую предложенную сумму я могу счесть недостаточно высокой. Всегда. Вернемся к нашей беседе...

— Погоди. — Вампир указал взглядом на дорожку. — Что-то мне подсказывает, что к тебе спешит очередной клиент.

Геральт мысленно выругался. По обрамленной кипарисами аллее к ним шли два рыцаря. Первого он узнал сразу, огромную бычью голову на снежно-белом поле невозможно было перепутать ни с чем другим. Второй рыцарь, высокий, седовласый, с благородно-угловатой физиономией, словно высеченной из гранита, был обладателем голубой туники и одной трети золотого креста, усеянного лилиями.

Остановившись в положенных по этикету двух шагах, рыцари поклонились. Геральт и Регис ответили поклонами, после чего все четверо выдержали установленное рыцарским регламентом молчание, имеющее длиться десять ударов сердца.

— Позвольте представить, — пробасил Бычья Голова, — барон Пальмерин де Лонфаль. Меня, как, возможно, господа помнят, зовут...

— Барон де Пейрак-Пейран. Как можно забыть!

— У нас дело к господину ведьмаку, — перешел к сути Пейрак-Пейран. — В разрезе, я бы так выразился, профессиональных проблем.

— Слушаю.

— Лично.

— У меня нет секретов от господина Региса.

— Но у благородных господ они, несомненно, имеются, — улыбнулся вампир. — Поэтому, с вашего позволения, я хотел бы осмотреть вон тот прелестный павильончик, вероятно, храм задумчивости... Господин де Пейрак-Пейран... Господин де Лонфаль...

Они обменялись поклонами.

— Я обращаюсь в слух, — прервал молчание Геральт, и не думая ожидать, пока прозвучит десятый удар сердца.

— Проблема, — Пейрак-Пейран понизил голос до шепота и испуганно оглянулся, — в том суккубе... Ну, в том ночном кошмаре, что посещает... Которого вам княгиня и дамы поручили уничтожить. И сколько же вам за сие убийство обещано?

— Простите, но это профессиональная тайна.

— Разумеется, разумеется, — проговорил Пальмерин де Лонфаль, рыцарь с лилиевым крестом. — Ситуация истинно достойная вашего положения. Истинно. Я серьезно опасаюсь, что пошатну вашу решимость выполнить пожелания дам, но тем не менее, слово чести, предложение внесу. Откажитесь от контракта, господин ведьмак. Не охотьтесь на суккуба, оставьте его в покое. Ничего дамам и княгине не говоря. А мы, господа из Туссента, слово чести, перекроем предложение дам. Удивим вас нашей щедростью.

— Предложение, — холодно сказал ведьмак, — действительно не очень далеко от неуважения.

— Господин Геральт. — Лицо у Пальмерина де Лонфалья было жестким и серьезным. — Я скажу вам, почему мы осмелились на такой шаг. Прошел слух, что вы убиваете исключи-

тельно тех чудовищ, кои являются угрозой. Реальной угрозой. Не воображаемой, из невежества или предрассудков родом. Позвольте заметить, что суккуб никому ничем не угрожает и не пакостит. Так, просто посещает в снах... Время от времени... И немного... э-э-э... как бы это сказать, ублажает...

— Но исключительно полнолетних, — быстро добавил Пейрак-Пейран.

— Дамы из Туссента, — сказал Геральт, оглядываясь, — вряд ли обрадуются, узнав о нашем разговоре. Княгиня тоже.

— Полностью с вами согласны, — буркнул Пальмерин де Лонфаль. — Желательна секретность сверх всякой меры. Не следует пробуждать спящих святош...

— Откройте мне счет в одном из местных краснолюдских банков, — медленно и тихо сказал Геральт. — И поразите меня своей щедростью. Предупреждаю, поразить меня не просто.

— И все же мы постараемся, — гордо пообещал Пейрак-Пейран.

Они обменялись прощальными поклонами.

Вернулся Регис, который, конечно, все слышал своим вампирьим слухом.

— Теперь, — сказал он не улыбаясь, — ты, конечно, тоже можешь утверждать, что это был невольный рефлекс и необъяснимый импульс. Но объяснить, откуда взялся новый банковский счет, тебе будет трудновато.

Геральт глядел куда-то ввысь, более того, поверх крон кипарисов.

— Кто знает, — сказал он, — может, все-таки мы проведем здесь несколько дней. А с учетом Мильвовых ребер, может быть, даже больше, чем несколько. Может, несколько недель. Ведь не помешает обрести на это время финансовую независимость?

— Так вот откуда у тебя счет у Чьанфанелли, — покачал головой Рейнарт де Буа-Фресне. — Ну-ну. Если б княгиня узнала, были бы точно смены в должностях, была бы новая раздача патентов. Ха, возможно, и я бы маленько подрос? Чес-слово, жаль, что у человека нет задатков к доносительству. А теперь расскажи об известном выпивоне, на который я так рассчитывал. Мне так хотелось побывать на том пиру, поесть и попить. А меня выслали на границу, на вышку, в холод и собачью пургу. Эх, хóля-хóля, рыцарская доля...

— Великому и шумно разрекламированному пиру, — начал Геральт, — предшествовала серьезная подготовка. Надо было отыскать Мильву, прятавшуюся в конюшнях, надо было убедить ее, что от ее участия в банкете зависит судьба Цири и чуть ли не всего мира. Надо было почти что силой натянуть на нее платье. Потом заставить Ангилему поклясться, что она поведет себя как подобает даме и уж обязательно постарается избегать слов «курва» и «жопа». Когда наконец мы всего этого добились и уже намеревались было взяться за вино, появился камергер ле Гофф, маршал двора, пуще прежнего воняющий глазурью и надутый как свиной пузырь.

— В данных циркумстанциях* я вынужден пояснить, — загундосил камергер ле Гофф, — что за столом ее милости нет мест первых и последних, никто не может обижаться на то, что ему предназначено положение за столом, кое покажется ему ниже его достоинства. Однако же мы здесь, в Туссенте, строго блюдем и чтим давние традиции и обычаи и придерживаемся обсерванции**. В соответствии же с оными обычаями, традициями и...

— Переходите, милостивый государь, к делу.

— Пиршество назначено на завтра. Мне надобно рассадить гостей в соответствии с честью и рангом.

— Ясно, — серьезно проговорил ведьмак. — Значится, так: самый достойнейший из нас, как рангом, так и честью, — Лютик.

— Господин виконт Юлиан, — произнес камергер, задрав нос, — являет себя гостем экстраординарно почетным. И как таковой одесную ее милости усажен будет.

— Ясно, — повторил ведьмак, серьезный как сама смерть. — А относительно нас... виконт не пояснил, у кого ранг, титул и честь, в смысле —¹ достоинства каковы?

— Пояснил лишь, — каплянул камергер, — что ваши милости пребывают здесь инкогнито с рыцарской миссией, деталей каковой, как и истинных имен, гербов и титулов, выдавать вам нет возможности, ибо того не допускают ваши обеты.

— Именно так оно и есть. Тогда в чем же проблема?

* обстоятельство (*circumstantia*, *лат.*) — устаревшее.

** строгое следование законам, правилам, установлениям (*observantium*, *лат.*) — устаревшее.

— В том-то и проблема, чтобы правильно рассадить гостей! Вы — гости, к тому же соратники господина виконта, стало быть, мне должно усадить вас ближе к голове стола... Промеж баронов. Но ведь не может быть, чтобы все вы, ваши милости и госпожи, оказались ровней, ибо так никогда не бывает, поскольку быть не может, чтобы все, повторяю, ровней были. Ежели кто из вас рангом либо родом выше, то должен при верхнем столе сидеть, при княгине...

— Он, — ведьмак не колеблясь указал на вампира, который неподалеку в задумчивости любовался занимающим чуть ли не всю стену гобеленом, — граф. Но об этом — ша! Это тайна, покрытая мраком веков.

— Понял! — Камергер чуть не захлебнулся от восторга. — В данных циркумстанциях... Я усажу его одесную графини Ноттурн и благородно урожденной тетушки госпожи, то бишь ее светлости княгини.

— Не пожалеете ни вы, ни благородно урожденная тетушка. — У Геральта было совершенно каменное лицо. — Равных ему нет ни в смысле обычаев, ни в искусстве конверсации*.

— Безмерно рад слышать. Вы же, милсдарь из Ривии, усядетесь рядом с почтенной госпожой Фрингильей. Такова традиция. Вы несли ее к Бочке, вы... хм-м-м... ее рыцарь как бы...

— Понятно.

— Ну и славно. Ах, господин граф...

— Слушаю, — удивился вампир, который как раз отошел от гобелена, изображающего битву гигантов с циклопами.

— Нет-нет, ничего, — улыбнулся Геральт. — Мы просто беседуем.

— Ага, — кивнул Регис. — Не знаю, заметили ли вы, господа... Но у этого циклопа на гобелене, о, вон у того с пальцами... Гляньте на пальцы его ног. У него, я не боюсь это сказать, две левых ноги.

— Да-да, — без тени удивления подтвердил камергер ле Гофф. — Таких гобеленов в Боклере множество. Умелец, который их ткал, был истинным мастером своего дела, но страшно много... э... пил. Служитель муз, сами понимаете, господа...

— Нам пора, — проговорил ведьмак, избегая взгляда разгоряченных вином девушек из-за соседнего стола, за которым

* диалога.

занимались ворожкой — Собираемся, Рейнарт. Расплачиваемся и на лошадей — едем в Боклер.

— Знаю, куда тебе невтерпех, — осканился в ухмылке рыцарь. — Не бойсь, твоя зеленоглазая ждет. Только что пробило полночь. Расскажи, как пир прошел?

— Расскажу и едем.

— И едем.

Вид установленных гигантской подковой столов однозначно говорил о том, что осень подходит к концу и дело идет к зиме. Меж громоздящихся на тарелках, подносах и блюдах кушаний особое место занимала дичь во всех возможных видах и вариантах. Были там огромные кабаны туши, олени окорока и кострецы, самые разнообразные паштеты, заливные и розовые пластины мяса, по-осеннему украшенные грибами, клюквой, сливовыми повидлами и боярышниковым соусом. Была осенняя птица — тетерева, глухари и фазаны, эффектно поданные с крыльями и хвостами, были запеченные цесарки, перепела и куропатки, читки, бекасы, рябчики и дрозды. Были редкостные деликатесы: дрозды-рябинники, запеченные целиком, без потрошения, поскольку ягоды можжевельника, которыми нафаршировали этих маленьких пичужек, сами по себе создавали соответствующую приправу. Не обошлось и без форели из горных озер, судаков, налимов и щучьей печени. Зеленью разнообразила стол малая валерьяница, позднеосенний салат, который, если возникала такая потребность, можно было выгresti даже из-под снега.

Цветы заменяла омела.

В центре закругления, во главе стола, где восседала княгиня Анарьетта и наиболее уважаемые гости, на огромном серебряном подносе помещалось украшение вечера. Среди трюфелей, вырезанных из моркови цветов, половинок лимонов и артишоковых сердец возлежала гигантская стерлядь, а на ее спинке стояла на одной ноге запеченная целиком цапля с золотым кольцом в поднятом клюве.

— Клянусь цаплей! — воскликнул, поднимая кубок, Пейрак-Пейран, хорошо знакомый ведьмаку барон с бычьей головой в гербе. — Цаплей клянусь защищать рыцарскую честь и честь дома и приношу обет никогда-приникогда никому не уступать поля боя!

Обет наградили громкой овацией. И принялись за еду.

— Клянусь цаплей! — рявкнул другой рыцарь с воинственно торчащими во все стороны метельчатыми усами. — До последней капли крови в жилах своих защищать границы и ее сиятельство Анну Генриетту! А чтобы доказать свою верность, клянусь изобразить на щите цаплю и целый год драться инкогнито, имя свое истинное и герб свой истинный скрывая, а именоваться Рыцарем Белой Цапли! Пью за здоровье ее княжеского сиятельства!

— Здравия! Счастья! Виват! Да здравствует ее милость!

Анаретта поблагодарила легким кивком головы, украшенной филигранной диадемой. Бриллиантов на княгине было столько, что, даже просто проходя мимо стекла, она могла покрыть его поверхность царапинами. Рядом с княгиней, глуповато улыбаясь, сидел Лютик. Немного поодаль, между двумя матронами, восседал Эмиель Регис, вампир. Одет он был в черный кафтан и выглядел точь-в-точь как положено вампиру. Услуживал матронам и забавлял их конверсацией, они же увлеченно слушали.

Геральт схватил блюдо с заливным судаком, украшенным петрушкой, и подал сидящей по левую сторону Фрингилье Виго, на которой было платье из лилового атласа и невероятно шикарное кольцо из аметистов. Фрингилья, поглядывая на него из-под черных ресниц, подняла кубок и загадочно улыбнулась.

— Твое здоровье, Геральт. Рада, что нас посадили рядышком.

— Не хвали день до захода... — Геральт не dokonчил и улыбнулся. Настроение у него было в принципе неплохое. — Пир еще только начинается.

— Совсем наоборот. Он уже достаточно затянулся, и пора бы тебе начать делать мне комплименты. Долго я еще буду ждать?

— Ты обворожительно прекрасна.

— Ну, не так уж сразу с места в карьер, — засмеялась она, и ведьмак мог бы поклясться, что сказала она это совершенно искренне. — Страшно подумать, до чего мы можем в таком темпе дойти к концу возлияния. Начни с... хм... Ну, скажи, что платье я выбрала со вкусом и что лиловый мне к лицу.

— Лиловый цвет тебе к лицу, но, честно говоря, мне ты больше понравилась в белом.

Он заметил в ее изумрудных глазах вызов. И боялся его принять. Уж в таком-то хорошем настроении он все же не был.

Напротив них посадили Кагыра и Мильву. Кагыр сидел между двумя молоденькими и беспрестанно щебечущими дворяночками, кажется, баронессами.

У лучницы в кавалерах оказался пожилой, угрюмый и молчаливый как камень рыцарь с лицом, изъеденным оспинами.

Немного дальше расположилась Ангулема, верховодя и вызывая суматоху среди юных странствующих рыцарей.

— Что такое? — верещала она, поднимая серебряный нож с закругленным концом. — Без острия? Неужто бояться, что мы примемся тыкать друг в друга, или как?

— Такие ножи, — пояснила Фрингилья, — употребляются в Боклере со времен княгини Каролины Роберты, бабки Анны Генриетты. Кароберта прямо-таки из себя выходила, когда во время выпивок гости ковыряли ножами в зубах. А ножом с закругленным концом в зубах не поковыряешь.

— Что верно, то верно, — согласилась Ангулема, шельмовски гримасничая. — К счастью, подали еще и вилки!

Она сделала вид, будто сует вилку в рот, но под грозным взглядом Геральта остановилась. Сидящий по правую руку от нее молодой рыцарь зашелся бараньим фальцетом. Геральт взял тарелку с уткой в желе, подал Фрингилье. Он видел, как Кагыр разрывается на части, выполняя капризы баронессочек, а те глаз с него не сводят. Видел он и то, как юные рыцари увиваются вокруг Ангулемы, наперебой подавая ей кушанья и ржа над ее немудреными шутками.

Он видел, как Мильва крошит хлеб, уставившись взглядом в скатерть.

Фрингилья, казалось, читает его мысли.

— Неудачно попала твоя неразговорчивая подружка, — шепнула она, наклонившись к нему. — Что делать, такое случается, когда распределяют места за столом. Барон де Трастамара не грешит галантностью. И словоохотливостью.

— Может, оно и к лучшему, — тихо ответил Геральт. — Истекающий слюногалантностью дворянин был бы хуже. Я Мильву знаю.

— Ты уверен? — Она быстро взглянула на него. — А не меришь ли ты ее своей собственной меркой? Кстати, достаточно жестокой.

Он не ответил, а вместо этого налил ей вина. И счел, что теперь самое время кое-что выяснить.

— Ты чародейка, верно?

— Верно, — согласилась она, очень умело скрывая удивление. — Как ты догадался?

— Я воспринимаю ауру, — не стал он вдаваться в подробности. — Да и опыт некоторый есть.

— Чтобы все было ясно, — проговорила она через минуту, — я не собираюсь никого вводить в заблуждение. Однако и не обязана громогласно извещать всех о своей профессии или надевать островерхий колпак и черный плащ. Зачем пугать детей? Я имею право на инкогнито. Тоже.

— Не возражаю.

— Я сижу в Боклере, потому что здесь собрана хоть и не самая большая, зато самая богатая библиотека известного мира. Кроме университетской, конечно. Но университеты очень ревностно следят за своими полками, а здесь я — родственница и подруга Анарьетты и мне дозволено все.

— Можно позавидовать.

— Во время аудиенции Анарьетта намекала на то, что здешние книги могут содержать полезные для тебя сведения. Не удивляйся ее несколько театральной экзальтации. Такова уж она есть. А то, что в книгах ты можешь что-нибудь найти, действительно не исключено. Более того, вполне правдоподобно. Достаточно знать, что искать и где.

— Всего-то?

— Энтузиазм твоих ответов воистину воодушевляет и побуждает к разговору. — Она слегка сощурилась. — Догадываюсь о причине. Ты не доверяешь мне, правда?

— Может, еще по рябиновке?

— Клянусь цаплей! — Молодой рыцарь с конца подковы встал и перевязал себе глаз шарфом, полученным от соседки по столу. — Клянусь не снимать шарфа до тех пор, пока не будут под корень вырублены бандиты с перевала Сервантеса!

Княгиня выразила признательность покровительственным наклоном искрящейся бриллиантами диадемки.

Геральт рассчитывал на то, что Фрингиля не продолжит разговор.

Он ошибся.

— Ты не веришь мне и не доверяешь, — сказала она. — Ты нанес мне вдвойне болезненный удар. Ты не только сомневаешься в том, что я искренне хочу тебе помочь, но к тому же не веришь, что я действительно могу это сделать. Ох, Геральт! Ты до живого задел мое самолюбие и возвышенные стремления.

— Послушай...

— Нет! Не выкручивайся. Терпеть не могу мужчин, которые всячески пытаются вывернуться.

— А каких мужчин терпишь?

Она снова сощурилась, все еще держа нож и вилку в рабочем положении.

— Список длинный. И мне не хочется утомлять себя подробностями. Замечу лишь, что достаточно высоко в нем стоят мужчины, которые ради любимой женщины готовы идти на край света, бесстрашные, рискованные; пренебрегающие опасностями. И не сдающиеся, даже если кажется, что шансов на успех уже нет.

— А остальные пункты списка? — не выдержал он. — Другие мужчины, которые в твоём вкусе? Тоже психи?

— А что есть истинная мужественность, — она кокетливо наклонила голову, — если не смешанные в нужной пропорции класс и сумасбродство.

— Дамы и господа, бароны и рыцари! — громко воскликнул камергер де Гофф, отрываясь от стула и обеими руками поднимая гигантский кубок. — В данных обстоятельствах я позволю себе произнести тост: за здоровье сиятельнейшей княгини Анны Генриетты!

— Здоровья и счастья!

— Урррра!

— Да здравствует! Виват!

— А теперь, дамы и господа, — камергер поставил кубок, торжественно кивнул лакеям, — теперь... *Magna Bestia**.

На подносе, который четверо прислужников вынуждены были нести на чем-то вроде лектики, въехала в залу гигантская зажаренная туша, наполнив помещение изумительным ароматом.

— *Magna Bestia*! — грохнули хором пиршествующие. — Уррррра!

— Что еще, черт побери, за бестия? — забеспокоилась Ангелема. — Не стану я есть, пока не дознаюсь, что это такое.

— Лось, — пояснил Геральт. — Целиком зажаренный лось.

— И не какой-нибудь там лошишко, — проговорила Мильва, откашлявшись. — В быке было цетнаров семь.

— Сохатый. Семь цетнаров и сорок пять фунтов**, — хрипло проговорил сидящий рядом с ней молчаливый барон. Это были первые слова, произнесенные им с начала пиршества.

* Великий Зверь (лат.).

** Цетнар (центнар) — в средневековой Европе от 40,5 до 64,8 кг. Фунт — от 400 до 560 г.

Может, и стало бы это началом разговора, но лучница покраснела, уткнулась взглядом в скатерть и снова принялась крошить хлеб.

— Уж не вы ли, барон, — спросил Геральт, которого за живое задела слова Фрингильи, — уложили эту громадину?

— Не я, — возразил молчун. — Мой племянник. Отличный стрелок. Но это мужская тема, я бы так сказал... Прошу прощения. К чему утомлять дам?

— А из какого лука? — спросила Мильва, все еще уставившись в скатерть. — Наверняка не слабее, чем из семидесятки.

— Ламинат. Слоями тис, ясень, акация, склеенные жилами, — медленно ответил барон, заметно удивленный. — Двойной гнутый зефар. Семьдесят пять фунтов силы.

— А натяжение?

— Двадцать девять дюймов. — Барон говорил все медленнее, казалось, он выплевывает отдельные слова.

— Действительно, махина, — спокойно сказала Мильва. — Из такого положишь олененка даже за сто шагов. Если стрелок действительно хороший.

— Я, — кашлянул барон, словно немного обиженный, — с четверти сотни шагов попадаю, я бы сказал, в фазана.

— С двадцати-то пяти, — Мильва подняла голову, — я в белку всажу.

Барон, опешив, откашлялся, быстро подставил лучнице еду и напиток.

— Добрый лук, — пробормотал он, — половина успеха. Но не менее важно качество, я бы сказал, стрелы. А также, видишь ли, милсдарыня, по моему мнению, стрела...

— За здоровье ее сиятельства Анны Генриетты! За здоровье виконта Юлиана де Леттенхофа!

— За здравие! Виват!

— ...а она послала его к черту, — завершила очередной нехороший анекдот Ангулема. Юные рыцари зашлись не менее дурашливым хохотом.

Баронесски Келина и Ника слушали Кагыра с открытыми ртами, пылающими очами и горящими огнем щеками. У верхнего стола рассуждениям Региса внимала вся высшая аристократия. До Геральта — даже при его ведьмачьем слухе — доходили сквозь гул лишь отдельные слова, однако он сообразил, что речь идет об упырях, ведьмах, суккубах и вампирах. Регис размахивал серебряной вилкой и доказывал, что наи-

лучшим противоядием «супротив вампиров» являются серебро, золотой песок, наилегчайшие прикосновения к коим для вампира абсолютно и несомненно убийственны. «А чеснок?» — выпрашивали дамы. «Чеснок тоже хорошо действует, — соглашался Регис, — но малопривлекателен в общении, поскольку страшно смердит».

Тихо поигрывала на гуслях и дудках капелла на галерейке, похвалялись своим искусством акробаты, жонглеры и огнеглотатели. Утомленный шут пытался смешить, но где уж ему было до Ангулемы. Потом появился медвежатник с медведем, а медведь к общей потехе испугался и наклап кучу на полу. Ангулема погрузстнела и слегка угасла — с такими конкурентами ей трудно было тягаться.

Остроносая княгиня неожиданно жутко разгневалась. Из-за какого-то случайно брошенного слова кто-то из баронов впал в немилость и под эскортом стражей и лично маршала двора был препровожден в Башню. Впрочем, мало кого — кроме самого барона — взволновал этот инцидент.

— Слишком быстро-то ты отсюда не выведешь, маловерный, — проговорила Фрингиля Виго, покачивая кубок. — Хотя с радостью выехал бы прямо сейчас, ничего из этого не получится.

— Снова прошу: не читай у меня в мыслях.

— Прости. Они были такими яркими, что у меня получилось невольно.

— Я слышу это уже не в первый раз.

— Ты даже не представляешь себе, сколько я знаю. Пожалуйста, отведай артишоков, они полезны, хорошо влияют на сердце. Сердце — важный орган у мужчины. Второй по счету, если говорить о значимости.

— Я думал, самое важное — класс и сумасбродство.

— Достоинствам духа должно идти в паре с достоинствами тела. Это обеспечивает совершенство.

— Совершенных не бывает.

— Это не аргумент. Надо стараться. Знаешь что? Пожалуй, попрошу: подай-ка мне рябчика.

Она расскла птицу на блюде так быстро и резко, что ведьмак даже дрогнул.

— Так быстро ты отсюда не уедешь, — повторила она. — Впервые, в этом нет никакой нужды. Тебе ничто не угрожает.

— Ну ничегошеньки, действительно, — не выдержал он. — Нильфгаардцы перепугаются строгой ноты, отправленной

княжеской канцелярией. А если даже вдруг возьмут да рискнут напасть, то их турнут отсюда поклявшиеся цеплей странствующие рыцари с шарфами на глазах.

— Тебе ничто не грозит, — повторила она, не обращая внимания на сарказм. — Туссент повсеместно считается сказочным княжеством, смешным и нереальным, кроме того, вследствие специфичности винной продукции, пребывающим в состоянии перманентного опьянения и неизменного вакхического веселья. Как таковое, никто его не воспринимает всерьез, но тем не менее оно пользуется определенными привилегиями. В конце концов, Туссент поставляет вина, а без вин, каждому известно, нет жизни. Поэтому в Туссенте не действуют никакие агенты, шпионы или тайные службы. И ему не нужна армия, вполне достаточно странствующих рыцарей с перевязанными глазами. Никто не нападет на Туссент. По твоей mine вижу, что я не до конца тебя убедила?

— Скажем так: не до самого.

— А жаль, — сощурилась Фрингиля. — Люблю, чтобы доходило до конца. Не переносу, когда не получается или получается наполовину. И недосказанностей тоже не люблю. Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, считает, что ты — покойник, беглецы донесли ему, что друидки всех вас спалили живьем. Фулько делает что может, лишь бы прикрыть эту неприятную историю, носящую явные признаки скандала. Впрочем, тут у него свой интерес и собственная карьера. Даже если до него дойдет, что ты жив-живехонек, будет поздно. Версия, которую он привел в рапортах, уже будет считаться канонической.

— А ты многое знаешь.

— Я никогда этого не скрывала. Так что аргумент, касающийся нильфгаардской погони, отпадает. А других, которые оправдывали бы твой скорый отъезд, попросту нет.

— Интересно...

— Но реально. Из Туссента можно выехать через четыре перевала, ведущих на четыре стороны света. Который выбираешь? Друидки не сказали тебе ничего и отказались сотрудничать. Эльф с гор исчез.

— Слушай, а ты и верно многое знаешь.

— Это мы уже установили.

— И жаждешь мне помочь.

— А ты от моей помощи отказываешься. Не веришь в искренность моих намерений. Не доверяешь мне.

— Послушай, я...

— Перестань объясняться. Откушай еще артишоков.

Кто-то снова клялся цаплей. Кагыр источал комплименты баронессочкам, подвыпившую Ангулему слышно было на весь стол. Молчаливый барон, оживленный дискуссией о луках и стрелах, начал чуть ли не ухаживать за Мильвой.

— Изволь отвесть кабаньей ветчинки. Эх, я бы сказал... Есть в моих владениях такие кабаньи места, где от зверя не продохнуть. Они там прямо-таки ордами валандаются...

— О!

— Там попадаются преотменные экземпляры. Цетнара по три штука. Сезон в разгаре... Если б милостивая государыня изъявила желание... Мы могли бы, я б так сказал, совместно на охоту...

— Мы тут, понимаете, так-то долго уж не засидимся. — Мильва странно просительно глянула на Геральта. — Потому как, с вашего позволения, у нас есть дела поважнее, чем неже-ли, значит, охота... Хотя, — добавила она быстро, видя, что барон хмурится, — с величайшим желанием я с вашей милостью на черного бы зверя пошла...

Изыртое оспинами лицо барона тут же пошло красными пятнами.

— Ну, если не на охоту, то хоть бы к себе приглашаю. Я бы так сказал — в резиденцию. Покажу свои коллекции лосиных и оленьих рогов, трубки и сабли.

Мильва уставилась в скатерть.

Барон схватил поднос с дроздами-рябинниками, подал ей, потом наполнил кубок вином и сказал:

— Прошу прощения, я не придворный. Веселить не обучен. Да и с придворной болтовней у меня не шибко...

— Я, — откашлялась Мильва, — в лесу воспитывалась. Умею ценить тишину.

Фрингилья отыскала под столом руку Геральта и крепко пожала. Геральт глянул ей в глаза. И не мог угадать, что в них таится.

— Я тебе доверяю, — сказал он. — Верю в искренность твоих намерений.

— Не лжешь?

— Клянусь цаплей.

Городской стражник, видимо, по случаю Йуле, здорово набрался, поскольку перемещался неуверенно, задевал алебар-

дой вывески и громко, но бестолково вешал, что уже десятый час, хотя в действительности было далеко за полночь.

— Поезжай в Боклер один, — неожиданно сказал Рейнарт де Буа-Фресне, как только они вышли из кабака. — Я останусь в городе. До утра. Пока, ведьмак.

Геральт знал, что у рыцаря в городе есть дружески к нему расположенная дама; муж которой много разъезжал по делам. Они не разговаривали об этом никогда, поскольку о таких вещах настоящие мужчины не болтают.

— Пока, Рейнарт. Позаботься о скоффине. Чтобы не протух.

— На улице мороз.

Действительно, стоял мороз. Улочки были мрачны и пусты. Лунный свет лился на крыши, бриллиантово блестел на свисающих с застрех ледяных сосульках, но не проникал в глубину переулков. Подковы Плотовы цокали по брусчатке.

«Плотно, — подумал ведьмак, — направляется к дворцу Боклер. Хорошая гнедушка! Ценный подарок от Анны Генриетты и Лютика».

Он подогнал лошадь.

Он торопился.

После торжества все встретились за завтраком, к которому привыкли спускаться в дворцовую кухню. Там, неизвестно почему, их всегда принимали с удовольствием. Обязательно находилось что-нибудь тепленькое, прямо из горшка, со сковороды или с вертела, всегда отыскивались хлеб, сало, корейка и соленые рыжики. Никогда не было нехватки в кувшине-двух какого-нибудь белого или красного продукта знаменитых местных виноградарей.

Они всегда ходили туда. Две проведенные в Боклере недели. Регис, Геральт, Кагыр, Ангулема и Мильва. Только Лютик завтракал в другом месте.

— Ему, — комментировала Ангулема, намазывая хлеб маслом, — сало с ошурками* приносят прямо в лежанку! И низко кланяются!

Геральт был склонен верить, что так оно и есть. И именно сегодня решил удостовериться лично.

Лютика он нашел в рыцарской зале. На голове у поэта красовался карминовый берет, огромный как буханка пекле-

* шкварки.

ванного хлеба, сам «виконт» был облачен в выдержанный в соответствующих тонах богато расшитый золотой нитью дублет. Бард сидел на карле с лютней на колене и небрежными кивками реагировал на комплименты окружающих дам.

Анны Генриетты, к счастью, на горизонте не наблюдалось. Геральт не колеблясь нарушил протокол и смело приступил к акции. Лютик заметил его тут же.

— Соблаговолите оставить нас одних, ваши милости. — Он напыжился и истинно по-королевски махнул рукой. — Слуги пусть также удалятся.

Окружающие заплодировали, и не успело еще эхо аплодисментов заглухнуть, как они оказались в рыцарской зале наедине с латами, картинами, паноплиями* и сильным запахом пудры, оставшимся после дам.

— Шикарная забава, — оценил без излишнего ехидства Геральт, — так вот запросто выгнать их, а? Надо думать, приятно отдавать приказы монаршьим мановением бровей, одним хлопком, единым властным жестом? Глядеть, как пятятся словно раки, сгибаясь перед тобой в поклонах? Шикарная забава? А? Милостивый государь фаворит?

— Тебя интересует что-то конкретное? — поморщившись, кисло спросил Лютик. — Или просто потрепаться приспичило?

— Меня сильно интересует нечто вполне конкретное. Настолько сильно, что сильнее не бывает.

— Так говори. Я слушаю.

— Нам нужны верховые лошади. Три. Мне, Кагыру и Ангугеме. И две запасные. Итого три хорошие верховые плюс две под багаж. Под багаж в крайнем случае сгодятся мулы, груженные провиантом и фуражом. Настолько, думаю, твоя княгиня тебя оценивает? Э? Это ты у нее отработал, надеюсь?

— Никаких проблем. — Лютик, не глядя на Геральта, принялся настраивать лютню. — Меня только удивляет твоя поспешность. Я бы сказал, она удивляет меня столь же сильно, сколь и твой глуповатый и неуместный сарказм.

— Тебя удивляет поспешность?

— Именно. Октябрь кончается, погода заметно портится. В любой день на перевалах может выпасть снег.

— А тебя, значит, удивляет поспешность, — покачал головой ведьмак. — Кстати, хорошо, что напомнил. Обеспечь нас еще теплой одеждой. Шубами.

* декоративный мотив, составленный из оружия.

— Я думал, — медленно проговорил Лютик, — что мы переждем здесь зиму. Что останемся здесь...

— Если хочешь, — не задумываясь, бросил Геральт, — останься.

— Хочу. — Лютик неожиданно встал, отложил лютню. — И остаюсь.

Ведьмак громко втянул воздух. Помолчал. Он смотрел на gobelen, на котором была изображена битва титана с драконом. Титан, твердо стоя на двух левых ногах, пытался выломать у дракона челюсть, а дракон, насколько можно было понять, особой радости от этого не испытывал.

— Я остаюсь, — повторил Лютик. — Я люблю Анарьетту. И она любит меня.

Геральт хранил молчание.

— Вы получите еще одну лошадь, — молвил поэт. — Для тебя я прикажу подобрать породистую кобылку — по имени Плотва, разумеется. Вы будете накормлены, обуты и тепло одеты. Но я от души советую подождать до весны. Анарьетта...

— Правильно ли я расслышал? — Ведьмак наконец прокашлялся. — Уж не обманывает ли меня слух?

— Разум у тебя притупился несомненно, — буркнул трубадур. — Что касается других органов чувств, не знаю. Повторяю: мы любим друг друга, Анарьетта и я. Я остаюсь в Туссенте. С ней.

— В качестве кого? Фаворита? Любовника? А может, князя-консорта?

— Формально-правовой статус мне в принципе безразличен, — честно признался Лютик. — Но исключать нельзя ничего. Супружества тоже.

Геральт снова помолчал, любуясь борьбой титана с драконом.

— Лютик, — сказал он наконец. — Если ты пил, то трезвей поскорее. Если не пил, напейся. Тогда и поговорим.

— Я не очень понимаю, — поморщился Лютик, — что тебя так волнует?

— А ты подумай малость.

— В чем дело? Тебя так взволновала моя связь с Анарьеттой? Быть может, ты намерен воззвать к моему рассудку? Перестань. Я все продумал. Анарьетта меня любит...

— А тебе знакома, — прервал Геральт, — такая поговорка: княжья милость на пестрых конях ездит? Даже если твоя Ана-

рьетта не легкомысленна, а таковой она мне, прости за откровенность, кажется, то...

— То что?

— А то, что лишь в сказках княгини связываются с музыкантами и... свинопасами.

— Во-первых, — надулся Лютик, — даже такой простак, как ты, должен был слышать о морганатических браках. Привести тебе примеры из древней и новейшей истории? Не надо? Во-вторых, тебя, вероятно, это удивит, но я вовсе не из последних простолюдинов. Мой род де Леттенхоф идет от...

— Слушаю я тебя, — снова прервал Геральт, уже готовый вспылить, — и удивляюсь. Неужто это мой друг Лютик? Неужто мой друг Лютик и вправду лишился разума? Неужто тот самый Лютик, которого я всегда знал и считал реалистом, ни с того ни с сего погрузился в мир иллюзий и там обретається? Раскрой глаза, кретин!

— Ага, — медленно проговорил Лютик, кривя губы. — Какая любопытная перемена ролей. Я — слепец, а ты вдруг стал остроглазым и прытким наблюдателем. Обычно бывало наоборот. И чего же, хотелось бы узнать, я не замечаю из того, что столь очевидно для тебя? Э? На что я должен, по-твоему, раскрыть глаза?

— А хоть бы и на то, — процедил ведьмак, — что твоя княгиня — балованный ребенок, из которого выросла избалованная нахалка и буффонка. На то, что она допустила тебя к своим прелестям, увлеченная новизной, и ты незамедлительно вылетишь в трубу, как только явится новый трубадур с новым и более увлекательным репертуаром.

— Невероятно низко и вульгарно то, что ты говоришь. Надеюсь, ты сознаешь это?

— Я сознаю трагедию отсутствия у тебя признаков сознания. Ты сумасшедший, Лютик.

Поэт молчал, поглаживая гриф лютни. Прошло время, прежде чем он заговорил. Медленно и раздумчиво.

— Мы отправились из Брокилона с сумасшедшей миссией. Идя на сумасшедший риск, мы кинулись в сумасшедшую и лишенную малейших шансов на успех погоню за миражем. За призраком, сонным видением, за сумасшедшей мечтой, за абсолютно невоплотимыми идеалами. Мы кинулись в погоню, как глупцы, как психи. Но я, Геральт, не произнес ни слова жалобы. Не называл тебя сумасшедшим, не высмеивал. Пото-

му что в тебе жили надежда и любовь. Они руководили тобой в этой сумасбродной эскападе. Впрочем, мною тоже. Но я уже догнал свой мираж, и мне не просто повезло, что сон осуществился, а мечта исполнилась. Моя миссия закончена. Я нашел то, что так трудно найти. И намерен сохранить что нашел. И это — сумасшествие? Сумасшествием было бы, если б я отринул это и выпустил из рук.

Геральт молчал столь же долго, как и Лютик. Наконец сказал:

— Чистая поэзия. А в этом с тобой состязаться трудно. Больше я не произнесу ни слова. Ты выбил у меня из рук аргументы. С помощью, согласен, не менее, а может быть, и более точных и весомых аргументов. Бывай, Лютик.

— Бывай, Геральт.

Дворцовая библиотека действительно была огромна. Зал, в котором она размещалась, по меньшей мере двукратно превышал размерами зал рыцарский. И у нее был стеклянный потолок. Благодаря чему было светло. Однако Геральт подозревал, что из-за этого летом здесь бывает чертовски жарко.

Проходы между шкафами и стеллажами были узенькими и тесными. Он шел осторожно, чтобы не скинуть книги. Приходилось переступать через фолианты, валявшиеся на полу.

— Я здесь, — услышал он.

Середина библиотеки тонула в книгах, сложенных в кучи и пирамиды. Многие валялись совершенно хаотично, поодиночке либо живописными кучами.

— Здесь я, Геральт.

Он углубился в межкнижные каньоны и ущелья. И нашел ее. Она стояла на коленях посреди разбросанных инкунабул, листая их и приводя в относительный порядок. На ней было скромное серое платье, для удобства немного подтянутое вверх. Геральт отметил, что картина сия невероятно привлекательна.

— Не возмущайся здешним разгардашем, — сказала она, отирая лоб предплечьем, потому что на руках у нее были грязные от пыли, тонкие шелковые перчатки. — Здесь сейчас проводится инвентаризация и каталогизирование. Но по моей просьбе работы прервали, чтобы я могла побыть в библиотеке одна. Когда я работаю, терпеть не могу, чтобы посторонние дышали мне в затылок.

— Прости. Мне уйти?

— Ты не посторонний. — Она слегка сощурила зеленые глаза. — Твой взгляд... доставляет мне удовольствие. Не стой так. Садись сюда, на книги.

Он присел на «Описание мира», изданное in folio.

— Этот ералаш, — Фрингиля широким жестом повела вокруг, — неожиданно облегчил мне работу. Мне удалось добраться до книг, которые обычно лежат где-то на дне, под опоклой. Которую нельзя тронуть.

Княгинины библиотекари титаническими усилиями разобрали завалы, благодаря чему дневной свет узрели некоторые жемчужины письменности, самые настоящие белые вороны.

— Взгляни. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

— «Speculum augeum»? Видел.

— Совсем забыла. Прости. Ты многое повидал. Предполагалось, что это комплимент, а не сарказм. А кинь взгляд сюда. Это Gesta Regum**. С нее мы и начнем, чтобы ты понял, что такое твоя Цири в действительности, чья кровь течет в ее жилах... Мина у тебя еще более кислая, чем обычно, знаешь? В чем причина?

— В Лютике.

— Расскажи.

Фрингиля слушала, сидя на стопке книг и положив ногу на ногу.

— Ну что ж, — вздохнула она, когда он окончил. — Признаюсь, я ожидала чего-то подобного. У Анарьетты, я давно заметила, просматриваются симптомы влюбленности.

— Влюбленности? — приснул ведьмак. — Или великобарской фанаберии?

— Ты, — она проницательно глянула на него, — похоже, не веришь в искреннюю и чистую любовь?

— Как раз о моей-то вере, — отрезал он, — дебатировать нечего. Она никакого отношения ко всему сказанному не имеет. Речь идет о Лютике и его глу...

Он осекся, неожиданно потеряв уверенность.

— С любовью, — медленно проговорила Фрингиля, — все обстоит так же, как с почечными коликами. Пока не схватит, даже не представляешь себе, что это такое. А когда об этом рассказывают. — не веришь.

* «Золотое Зеркало» (лат.).

** Бремя власти (лат.).

— Что-то в этом есть, — согласился ведьмак. — Но есть и различия. От почечных колик рассудок не спасает. И их не лечит.

— Любовь смеется над рассудком. И в этом ее притягательная сила и прелесть.

— Скорее глупость.

Фрингиля встала, подошла к нему, стянула перчатки. Ее глаза под сенью ресниц были темными и глубокими. От нее исходил запах амбры, роз, библиотечной пыли, истлевших бумаг, свинцового сурика и типографской краски, порошка чернильного орешка, стрихнина, которым пытались травить библиотечных мышей. У этого запаха было мало общего с афродизиями. Тем удивительнее, что он действовал.

— Ты не веришь, — сказала она изменившимся голосом, — в неожиданный импульс? В бурное притяжение? В столкновение летящих по пересекающимся траекториям болидов? В катаклизм?

Она протянула руки, коснулась его плеч. Он коснулся ее плеч. Их лица сближались, пока еще медленно, чутко и напряженно, губы соприкасались осторожно и нежно, как будто боялись спугнуть какое-то очень-очень настороженное существо.

А потом болиды столкнулись и произошел взрыв. Катаклизм.

Они упали на кучу фолиантов, разбехавшихся под их тяжестью во все стороны. Геральт уткнулся носом в декольте Фрингили, крепко обнял ее и схватил за колени. Подтянуть ее платье выше талии мешали разные книги, в том числе полные искусно выполненных вензелей и украшений «Жития пророков», а также «*De haemorrhoidibus*»*, интересный, хоть и противоречивый медицинский трактат. Ведьмак отпихнул огромные тома в сторону, нетерпеливо рванул платье. Фрингиля охотно приподняла бедра.

Что-то упиралось ей в плечо. Она повернула голову. «Искусство акушерской науки для женщин». Быстро, чтобы не будить лиха, она глянула в противоположную сторону. «О горячих сероводородных водах». Действительно, становилось все горячее. Краешком глаза она видела фронтиспис раскрытой книги, на которой возлежала ее голова. «Заметки о кончине неминуемой». «Еще того не лучше», — подумала она.

Ведьмак расправлялся с ее трусиками. Она приподнимала бедра, но на этот раз чуть-чуть, так, чтобы это выглядело случайным движением, а не оказанием помощи. Она не знала

* К вопросу о геморроидах (лат.).

его, не знала, как он реагирует на женщин. Не предпочитает ли тех, которые прикидываются, будто не знают, чего от них ждут, тем, которые знают. И не проходит ли у него желание, если трусики снимаются с трудом.

Однако никаких признаков потери желания ведьмак не проявлял. Можно сказать, совсем наоборот. Видя, что время не ждет, Фрингиля жадно и широко развела ноги, перевернув при этом кучу уложенных один на один свитков, которые тут же лавиной низверглись на них. Оправленное в тисненую кожу «Ипотечное право» уперлось ей в ягодицу, а украшенный латунной оковкой «Codex diplomaticus»* — в кисть Геральту. Геральт мгновенно оценил и использовал ситуацию: подsunул огромный томище туда, куда следовало, Фрингиля пискнула: оковка оказалась холодной. Но только какое-то мгновение.

Она громко вздохнула, отпустила волосы ведьмака и обеими руками ухватилась за книги. Левой — за «Начертательную геометрию», правой — за «Заметки о гадах и пресмыкающихся». Державший ее за бедра Геральт случайным пинком повалил очередную кипу книг, однако был слишком увлечен, чтобы обращать внимание на сползающие по его ноге фолианты. Фрингиля спазматически постанывала, задевая головой страницы «Заметок о кончине...».

Книги с шелестом сдвигались, в носу свербило от резкого запаха слежавшейся пыли.

Фрингиля крикнула. Ведьмак этого не слышал, поскольку она сжала ноги у него на ушах. Он скинул с себя мешающую действовать «Историю войн» и «Журнал всяческих наук, для счастливой жизни потребных». Нетерпеливо воюя с пуговицами и крючками верхней части платья, он перемещался с юга на север, непроизвольно читая надписи на обложках, корешках, фронτισписах и титульных страницах. Под талией Фрингили — «Идеальный садовод». Под мышкой, неподалеку от маленькой, прелестной, призывно торчащей грудки, — «О солтысах бесполезных и строптивых». Под локтем — «Экономия, или Простые указания, как создавать, разделять и использовать богатства».

«Заметки о кончине неминуемой» он уже прочитал, прильнув губами к ее шее, а руками находясь вблизи «Солтысов...». Фрингиля издала странный звук: то ли крик, то ли стон, то ли вздох...

* Дипломатический кодекс (лат.).

Отнести его к какой-либо определенной разновидности восклицаний было сложно.

Стеллажи задрожали, стопки книг закачались и рухнули, повалившись словно скалы-останцы после крупного землетрясения. Фрингиля крикнула снова. На сей раз с грохотом свалилось первое издание «*De larvis scenicis et figuris comicis*»* — истинная белая ворона, за нею рухнул «Перечень общих команд для кавалерии», потянув за собой украшенную прелестными гравюрами «Геральдику» Иоанна Аттрейского. Ведьмак охнул, пинком вытанутой ноги свалив новые тома. Фрингиля опять крикнула, громко и протяжно, свалила каблуком «Размышления или медитации на дни все всего года», интересное анонимное произведение, которое неведомо как оказалось на спине у Геральта. Геральт подрагивал и читал ее поверх плеч Фрингили, невольно узнавая, что «Замечания...» написал доктор Альбертус Ривус, издала Цинтрийская Академия, а отпечатал мэтр-типограф Иоганн Фробен-младший на втором году царствования его величества короля Корбетта.

Воцарившуюся тишину нарушал только шорох сползающих книг и переворачивающихся страниц.

«Что делать, — думала Фрингиля, ленивыми движениями руки касаясь бока Геральта и твердого уголка «Размышлений о природе вещей». — Предложить самой? Или ждать, пока предложит он? Только б не подумал, что я робкая... или нескромная...

А как повести себя, если предложит он?»

— Пойдем и поищем какую-нибудь постель, — предложил немного хрипловато ведьмак. — Нельзя так безобразно обращаться с книгами — источником знания.

«Тогда мы отыскиали постель, — вспоминал Геральт, пуская Плотву в галоп по парковой аллее. — Постель в ее комнате, в ее алькове. Мы отдавались любви, будто помешанные, ненасытно, жадно, алчно, словно после многих лет воздержания. Как бы про запас, так, будто воздержание снова грозило нам.

Мы поведали друг другу многое. Поверяли весьма тривиальные истины. Изливали прекраснейшую ложь. Но ложь эта, хоть и была ложью, говорила не для обмана».

Возбужденный галопом, он направил Плотву прямо на присыпанную снегом клумбу роз и заставил лошадь перепрыгнуть ее.

* «Театральные маски и комические представления».

«Мы любили. И говорили. И наша ложь была все прекраснее. И все лживее.

Два месяца. От октября по Йуле.

Два месяца сумасшедшей, самозабвенной, ненасытной, бурной любви».

Подковы Плотвы зацокали по плитам двора дворца Боклер.

Быстро и бесшелестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи с алебардами, убивающие скуку дежурства болтовней и сплетнями, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров.

Он был недалеко от дворцовой кухни. Но не вошел туда. Не присоединился к компании, которая там управлялась с бочонками и чем-то жареным. Постоял в тени, послушал.

Говорила Ангулема.

— Это какое-то прям, курва ее мать, зачарованное место, весь ихний Туссент. Какое-то заклятие висит над всей тутошной долиной. А уж над дворцом-то и подавно. Меня удивлял Лютик, поражал ведьмак, но теперь меня и саму чего-то томит под животом... Тьфу ты, я поймала себя на том, что... что там говорить. Послушайте, уезжать отсюда надо. И как можно скорее.

— Скажи это Геральту, — пробурчала Мильва. — Ты ему это скажи.

— Верно, поговори с ним, — сказал Кагыр довольно саркастически. — В одну из тех кратких минут, когда его удастся поймать. В перерыве между чародейкой и охотой на чудовищ. Между обоими занятиями, которыми он вот уже два месяца забивает время, чтобы забыть...

— Тебя и самого-то, — отмахнулась Ангулема, — поймать можно в основном в парке, где ты играешь в серсо со своими мазельками-баронессочками. Эх, да что там, зачарованное это место, весь тутошний Туссент. Регис по ночам куда-то исчезает, у тетечки — рябомордый барон...

— Заткнись, девчонка! И перестань называть меня тетечкой!

— Но-но, — примирительно встрял Регис. — Девочки, прекратите. Мильва, Ангулема. Да восторжествует согласие. Ибо согласие возводит, несогласие разрушает. Как говаривает ее милость Лютикова княгиня, владычица сей страны, дворца, хлеба, масла и огурчиков. Кому еще налить?

Мильва тяжело вздохнула.

— Слишком долго мы тут сидим. Слишком длинно, говорю, сидим тут в праздности. Дуреем из-за этого.

— Хорошо сказано, — проговорил Кагыр. — Очень хорошо сказано.

Геральт осторожно ретировался. Бесшелестно. Как летучая мышь.

Быстро и бесшелестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи, ни лакеи, ни пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров. Крысы слышали, поднимали усатые мордочки, становились столбиками. Но не пугались. Они его знали.

Он ходил здесь часто.

В алькове витал аромат очарования и волшебства, амбры, роз и женского сна. Но Фрингиля не спала.

Она присела на постели, откинула одеяло, своим видом околдовывая его и овладевая им.

— Наконец-то ты здесь, — сказала она, потягиваясь. — Ты непрослительно забываешь обо мне, ведьмак. Раздевайся и быстрее сюда. Быстро, как можно быстрее.

Быстро и бесшелестно прошла она по коридорам. Никто не видел, никто не слышал ее. Ни стражи, лениво сплетничающие на посту, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда она проходила мимо канделябров. Крысы слышали. Поднимали усатые мордочки, становились столбиком, следили за ней черными бусинками глаз. Но не пугались. Они ее знали.

Она ходила здесь часто.

Был во дворце Боклер коридор, а в конце коридора комната, о существовании которой не знал никто. Ни нынешняя владелица замка, княгиня Анарьетта, ни самая первая владелица, прапрабабка Анарьетты, княгиня Адемарта, ни капитально перестраивавший замок архитектор, знаменитый Петр Фарамонд, ни работавшие в соответствии с проектом и указаниями Фарамонда каменщики. Да что там, даже сам камергер ле Гофф, который, как считалось, знал в Боклере все, не знал о существовании коридора и комнаты.

Коридор и комната, замаскированные сильнейшей иллюзией, были известны исключительно первоначальным конст-

рукторам замка, эльфам. Позже, когда эльфов уже не было, а Туссент стал княжеством, — немногочисленной группе чародеев, связанных с княжеским домом. В частности, Арториусу Виго, магистру магических тайн, крупному специалисту в области иллюзий. И его юной племяннице Фрингилье, обладавшей особым даром иллюзионистики.

Быстро и бесшестельно пройдя по коридорам дворца Боклер, Фрингилья Виго остановилась перед участком стены между двумя колоннами, украшенными лиственным аканфом. Тихо произнесенное заклинание и быстрый жест заставили стену — которая была иллюзией — исчезнуть, приоткрыв коридор. Казалось, глухой. Однако в конце коридора были задрапированные иллюзией двери. И за ними — темная комната.

Войдя в комнату, Фрингилья, не теряя времени, запустила телекоммуникатор. Овальное зеркало помутнело, потом разгорелось, осветив помещение и выхватив из мрака древние, тяжелые от пыли гобелены на стенах. В зеркале проявилась ниша, погруженный в мягкое кьяроскуро зал, округлый стол и сидящие за ним женщины. Девять женщин.

— Мы слушаем, мазель Виго, — сказала Филиппа Эйльхарт. — Что нового?

— К сожалению, — ответила, откашлявшись, Фрингилья, — ничего. Со времени последней телесвязи — ничего. Ни одной попытки сканирования.

— Скверно, — сказала Филиппа. — Не скрываю, мы рассчитывали на то, что вы что-нибудь обнаружите. Прошу по крайней мере сказать нам... ведьмак уже утихомирился? Можете удержать его в Туссенте хотя бы до мая?

Фрингилья Виго помолчала. У нее не было ни малейшего желания сообщать Ложе, что только за последнюю неделю ведьмак дважды называл ее «Йеннифэр», причем в такие моменты, когда у нее были все основания ожидать собственного имени. Но у Ложи, в свою очередь, были все основания ожидать от нее правды. Искренности. И верных выводов.

— Нет, — наконец ответила она. — До мая, пожалуй, нет. Однако я сделаю все, что в моих силах, чтобы удерживать его как можно дольше.

КОРРЕД, чудовище из многочисленного семейства *Strigoformes* (см.), в зависимости от региона именуемый также корриганом, руттеркином, румпельштыльцем, кренчиком либо месмером. Одно о нем можно сообщить — вреден до невозможности. Это такой, прямо сказать, дерьмогнусник, такой сучий хвост, что ни о внешности евойной, ни об обычаях писать мы не станем, поскольку истинно говорю вам: жаль слова тратить на эту дрянность.

Physiologus

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Колонный зал дворца Монтекальво заполнял аромат, представляющий собой удивительную смесь запахов старинных деревянных панелей, истекающих воском свечей и десяти разновидностей духов. Десяти специально подобранных ароматических смесей, коими пользовались десять женщин, восседавших за круглым дубовым столом в креслах с поручнями в виде сфинксов.

Напротив Фрингильи Виго сидела Трисс Меригольд в светло-голубом, застегнутом под горлышко платье. Рядом с Трисс, держась в тени, устроилась Кейра Мец. Ее огромные серьги из многофасеточных цитринов то и дело разгорались тысячами манящих взгляд разблесков.

— Прошу продолжать, мазель Виго, — поторопила Филиппа Эйльхарт. — Нам не терпится узнать окончание истории и предпринять соответствующие шаги.

На Филиппе — что случалось с ней исключительно редко — не было никаких драгоценностей, кроме приколотой к киноварного цвета платью большой камей из сардоникса. Фрингилья уже успела ознакомиться со сплетней и знала, кто подарил Филиппе камео и чей профиль на ней вырезан.

Сидящая рядом с Филиппой Шеала де Танкарвилль была вся в черном, лишь самую малость украшенной бриллиантами. У Маргариты Ло-Антиль на бордовом атласном платье было литое золото без камней. Зато у Сабрины Глевиссиг в колье, серьгах и перстнях красовались любимые ею ониксы, гармонировавшие с цветом глаз и одежды.

Ближе всех к Фрингилье сидели обе эльфки — Франческа Финдабаир и Ида Эмеан аэп Сивней. Маргаритка из Долин выглядела, как всегда, по-царски, хотя ни прическа, ни кар-

миновое платье сегодня, в виде исключения, не похвалялись излишеством, а диадема и колъе отливали пурпуром не рубинов, а скромных и со вкусом оправленных гранатов. Ида же Эмеан была одета в выдержанные в осенних тонах муслин и тюль, столь тонкие и воздушные, что даже при едва ощутимом сквознячке, вызванном движением обогреваемого из единого центра воздуха, они порхали и трепетали словно анемоны.

Ассирэ вар Анагид, как обычно в последнее время, вызвала удивление элегантностью скромной, но изысканной. В небольшом декольте облегающего темно-зеленого платья красовался одинокий изумрудный кабошон в золотой оправе на золотой же цепочке. Холеные ногти, покрытые очень темной зеленью, придавали композиции привкус истинно чарующей экстравагантности.

— Мы ждем, мазель Виго, — напомнила Шеала де Танкарвиль. — Время идет.

Фрингиля откашлялась.

— Наступил декабрь. Пришло Йуле, потом Новый год. Ведьмак успокоился настолько, что имя Цири уже не всплывало в каждой беседе. Вылазки на чудовищ, которые он предпринимал регулярно, казалось, поглощают его без остатка. Ну, скажем, не вполне без остатка-то...

Фрингиля понизила голос. Ей почудилось, будто в лазурных глазах Трисс Меригольд промелькнула вспышка ненависти. Но в конце концов это мог быть просто отблеск мерцающего пламени свечей. Филиппа хмыкнула, поигрывая камеей.

— К чему такая скромность, мазель Виго? Мы среди своих. В обществе женщин, которые знают, что, кроме удовольствия, дает секс. Все мы пользуемся этим инструментом, когда возникает потребность. Продолжайте.

— Если днем он еще как-то пытался демонстрировать независимость и гордыню, — заговорила Фрингиля, — то ночами был полностью в моей власти. Говорил мне все, пел дифирамбы моей женственности — учитывая его возраст, достаточно, надо признать, щедрые. А потом засыпал. В моих объятиях, припав устами к моей груди. В поисках, полагаю, суррогата материнской любви, которой не знал никогда.

Теперь-то уж она была уверена, что это не отблеск свечей. «Хорошо, извольте, ревнуйте, завидуйте, — подумала она. — Завидуйте мне. Благо, есть чему завидовать».

— Да, он был всецело в моей власти.

* * *

— Возвращайся в постель, Геральт. Ведь не рассвело еще, черт побери!

— У меня контракт. Надо ехать в Помероль.

— Я не хочу, чтобы ты ездил в Помероль.

— У меня контракт, и я дал слово. Управляющий виноградниками будет ждать меня у ворот.

— Все твои вылазки на чудовищ глупы и бессмысленны. Что ты хочешь доказать, убивая в пещере очередное страшилище? Свою мужественность? Я знаю способы получше. Короче — возвращайся в постель. Не поедешь ты ни в какой Помероль. Во всяком случае, не так быстро. Управляющий может подождать, кто он такой, в конце концов, твой управляющий? Я хочу заниматься с тобой любовью.

— Прости. У меня на это нет времени. Я дал слово.

— А я хочу заниматься любовью!

— Если хочешь присутствовать при моем завтраке, начинай одеваться.

— Ты меня не любишь больше, Геральт. Ты меня больше не любишь? Ответь!

— Надень то перламутрово-серое платье, что с аппликациями из норки. Оно тебе очень к лицу.

— Он был всецело под моими чарами, исполнял любое мое желание, — повторила Фрингиля. — Делал все, чего я от него требовала. Так было.

— Да верим мы, верим, — невероятно сухо произнесла Шеала де Танкарвилль. — Продолжай.

Фрингиля кашлянула в кулак.

— Трудности были с его компанией, — снова заговорила она. — Странной шайкой, которую он называл дружиной. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, который все время приглядывался ко мне и краснел от натуги, пытаясь меня припомнить. Но никак не мог, потому что в Дарн Дыффе, родовом замке его дедов, я бывала, когда ему было лет шесть или семь. Мильва, девица на первый взгляд задиристая и строптивая. Однако мне дважды довелось застать ее плачущей в уголке конюшни. Ангулема — ветреное дитя. И Регис Терзиефф-Годфрой. Тип, раскусить которого я так и не сумела. Вся эта шайка влияла на ведьмака, и я не могла этого нейтрализовать.

«Хорошо, хорошо, — подумала она, — не поднимайте так высоко брови, не кривите рты. Погодите. Это еще не конец. Вы еще услышите о моем триумфе».

— Каждое утро все они собирались на кухне в нижнем этаже замка Боклер. Кухарь любил их, сам не зная почему. Всегда что-нибудь подносил им настолько обильное и настолько вкусное, что завтрак обычно затягивался на два, порой и на три часа. Я не раз ела с ними вместе с Геральтом. Поэтому знаю, какие абсурдные разговоры они привыкли вести.

По кухне, опасливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы — одна черная, другая пестрая. Поглядывая на завтракающую компанию, куры склевывали с пола крошки.

Компания, как и каждое утро, собралась в дворцовой кухне. Кухарь любил их, неизвестно почему. Всегда у него находилось для них что-нибудь вкусненькое. Сегодня это были яичница, супчик на мучной закуске, тушеные баклажаны, кроличий паштет, половинка гуся и колбаса со свеклой, а ко всему прочему — большой кусок козьего сыра. Ели с аппетитом, в молчании. Не считая Ангулемы, которая молчать не умела.

— А я вам говорю: для начала устроим здесь бордель. А когда уже сделаем все, что надо сделать, вернемся и устроим дом разврата. Я осмотрела место. Здесь есть все. Одних только цирюлен насчитала девять да восемь аптек. А вот бордель всего один. И никакой конкуренции. Мы откроем более роскошный. Купим одноэтажный домик с садиком...

— Смилуйся, Ангулема. •

— Исключительно для почтенной клиентуры. Я буду бордельмаман. Уверяю вас, мы зашибем здесь хорошие денежки и заживем не хуже шикарных господ. В конце концов меня изберут советницей, и тогда-то уж я вам наверняка не дам помереть, потому что как только меня изберут, так я изберу вас, не успеете и оглянуться...

— Ангулема, ну пожалуйста... Отведай бульон с паштетом. Некоторое время стояла тишина.

— На что нынче охотишься, Геральт? Трудная работа?

— Очевидцы, — ведьмак поднял голову над тарелкой, — дают противоречивые описания. Следовательно, либо прыскирник, а значит, работа предстоит достаточно трудная, либо делихон, то есть — средней трудности, или же нажемрик, то есть — сравнительно легкая. А может выйти и так, что работа

и вовсе легкая, потому что последний раз чудовищ видели перед Ламмасом прошлого года. Они могли перебраться из Помероля за тридевять земель.

— Чего им и желаю, — сказала Фрингиля, обглаживая гусиное бедрышко.

— А как там, — неожиданно переменил тему ведьмак, — у Лютика? Я видел его так давно, что все сведения о нем черпаю из распеваемых в городе пашквилей.

— У нас положение не лучше, — улыбнулся, не разжимая губ, Регис. — Знаем только, что наш поэт уже вступил с госпожой княгиней Анарьеттой в отношения столь близкие, что позволяет себе даже при свидетелях достаточно фамильярно именовать ее Ласочкой.

— Точненько бьет, — сказала с набитым ртом Ангулема. — У госпожи княгини действительно какой-то ласочкин нос. Не говоря уж о зубах.

— Идеальных людей не бывает, — сощурилась Фрингиля.

— Правда ваша, тетечка.

Куры, черная и пеструшка, обнаглели настолько, что принялись клевать башмаки Мильвы. Лучница отогнала их пинком и выругалась. Геральт уже давно приглядывался к ней. Теперь решился

— Мария, — сказал он серьезно, даже сурово. — Я знаю, что наши беседы трудно назвать серьезными, а шутки — изысканными. Но тебе вовсе не обязательно демонстрировать нам столь уж кислую мину. Что-нибудь случилось?

— Именно что случилось, — сказала Ангулема. Геральт успокоил ее резким взглядом.

Слишком поздно.

— Да что вы знаете? — Мильва резко встала, чуть не повалив стул. — Ну, что вы знаете-то? Чтоб вас бес разорвал и холера! В задницу меня поцелуйте все вы. Все! Ясно?!

Она схватила со стола кубок, осушила до дна, потом, не задумываясь,хватила им об пол. И выбежала, хлопнув дверью.

— Дело очень даже серьезное, — подтвердил Регис. — Не ожидал я от нашей милой лучницы столь экстремальной реакции. Как правило, так ведет себя тот, кому, простите за вульгаризм, дают от ворот поворот. Но в данном конкретном случае имело место явление, я бы сказал, обратного характера.

— О чем, гуль вас раздери, вы говорите? — занервничал Геральт. — А? Может, кто-нибудь скажет наконец, в чем тут дело?

- Не в чем, а в ком. В бароне Амадисе де Трастамаре.
- Рябомордом охотнике?
- В нем самом. Он признался Мильве в любви. Три дня назад на охоте. Он ее уже месяц как на охоту таскает...
- Одна охота, — Ангулема бесстыже сверкнула зубками, — продолжалась два дня. С ночевкой в охотничьем домике, понял? Даю голову на...
- Замолкни, девушка. Говори, Регис.
- Торжественно и формально он просил ее руки. Мильва отказала, кажется, в достаточно резкой форме. Барон казался человеком рассудительным, однако воспринял отказ как незрелый юноша, надулся и незамедлительно выехал из Боклера. А Мильва с тех пор ходит как пыльным мешком пришибленная.
- Слишком уж мы тут засиделись, — буркнул ведьмак. — Слишком.
- И кто это говорит? — произнес молчавший до тех пор Кагыр. — Кто это говорит?
- Простите. — Ведьмак встал. — Поговорим, когда вернусь. Управляющий виноградником Помероль ждет меня. А точность — вежливость ведьмаков.

После бурного бегства Мильвы и ухода ведьмака оставшиеся завтракали в молчании. По кухне, пугливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы, одна черная, другая пестрая.

— Есть у меня, — заговорила наконец Ангулема, поднимая на Фрингилию глаза поверх тарелки, которую протирала корочкой хлеба, — одна проблема.

— Понимаю, — кивнула чародейка. — Ничего страшного. И давно была последняя менструация?

— Да ты что! — Ангулема вскочила, переполошив кур. — Ничего похожего! Дело совсем в другом.

— Ну, так слушаю.

— Геральт хочет меня здесь оставить, когда отправится в дальнюю дорогу.

— Ого!

— Не перебивай меня, ладно? Я хочу ехать с ним, с Геральтом, потому как только с ним я не боюсь, что Одноглазый Фулько снова меня сцапает здесь, в Туссенте...

— Ангулема, — прервал ее Регис. — Не сотрясай попусту воздух. Мазель Виго слушает, но не слышит. Она занята только одним: отъездом ведьмака.

— Ого, — повторила Фрингиля, поворачиваясь к нему и сощуриваясь. — О чем это вы изволили упомянуть, господин Терзиефф-Годфрой? Отъезд ведьмака? И куда ж он отъезжает? Если можно знать?

— Может, не сегодня, может, не завтра, — мягко ответил вампир, — но в один из грядущих дней наверняка. Никого не обижая.

— Я не чувствую себя обиженной, — холодно ответила Фрингиля. — Разумеется, если вы имели в виду именно меня. Что же касается тебя, Ангулема, то будь спокойна: проблему отъезда из Туссента я с Геральтом обговорю. Ручаюсь, ведьмак примет к сведению мое мнение на этот счет.

— Ну конечно, — фыркнул Регис. — Я предчувствовал, я знал, что именно так вы и ответите, мазель Фрингиля.

Чародейка долго глядела на него, наконец сказала:

— Ведьмак не должен уезжать из Туссента. И если вы желаете ему добра, то не должны его к этому подталкивать. Где ему еще будет так хорошо, как здесь? Он купается в роскоши. Здесь у него есть его обожаемые чудовища, на которых он охотится, совсем неплохо на этом зарабатывая, тут живет его сподвижник — фаворит ее сиятельства княгини, сама княгиня благоволит ведьмаку. В основном из-за того суккуба, который раньше посещал альковы. Да-да, господа, Анарьетта, как и все высокородные дамы Туссента, невероятно рада присутствию здесь ведьмака. Ибо суккуб перестал навещать их супругов. Однозначно. Туссентские дамы скинулись на специальную премию, которую вот-вот внесут на счет ведьмака в банке Чьянфанелли. Приумножая тем самым наличные, которые он там уже собирал.

— Красивый жест со стороны туссентских дам. — Регис не опустил глаз. — Да и премия вполне заслуженна. Не так легко было устроить, чтобы суккуб перестал навещаться. Можете поверить, мазель Фрингиля.

— И верю. Кстати, один из дворцовых стражников утверждает, что видел суккуба. Якобы. Ночью, на зубцах Башни Кароберты. В обществе другого упыря. Вроде бы — вампира. Демоны прохаживались, клялся стражник, и выглядели так, будто давно знакомы. Может, вам что-либо известно об этом, господин Регие? Не проясните ли?

— Нет. — У Региса даже веко не дрогнуло. — Не проясню. Есть многое на земле, небе и зубцах башен, что и не снилось нашим мудрецам.

— Такое, несомненно, случается, — кивнула головкой Фрингиля. — Относительно же того, что ведьмак якобы при- готовился выезжать, возможно, вам известно что-нибудь больше? Ибо мне, к примеру, он ничего о своих намерениях не говорил, а, как правило, говорить привык обо всем.

— Само собой, — проворчал Кагыр. Фрингиля не обратила на это внимания.

— Так как, господин Регис?

— Нет, — после минутного молчания ответил вампир. — Нет, милдарыня Фрингиля, не извольте беспокоиться. Ведьмак отнюдь не одаряет нас большим доверием или конфиденциальностью, нежели вас... госпожа. Он не нашептывает нам на ушко никаких секретов, которые скрывал бы от вас... госпожа.

— Тогда откуда же, — Фрингиля была холодна как мрамор, — эти сведения о выезде?

— Тут, понимаете ли, — у вампира и на сей раз не дрогнуло веко, — все совсем так, как в полной юношеского очарования поговорке нашей обожаемой Ангулемы: со временем наступает такой момент, когда надо либо срать, либо освободить сральню. Пардон... Иными словами...

— Не трудитесь продолжать, — резко оборвала его Фрингиля. — Вполне достаточно и этих, как вы изволили выразиться, полных юношеского очарования слов.

Молчание длилось. Куры, черная и пестрая, ходили и клевали что попало. Ангулема вытирала испачканный свеклой нос. Вампир задумчиво шуршал шкуркой от колбасы.

— Благодаря мне, — наконец нарушила молчание Фрингиля, — Геральт ознакомился с родословной Цири, известными лишь немногим линиями и тайнами ее генеалогии. Благодаря мне он знает теперь то, о чем еще год назад даже понятия не имел. Благодаря мне он обладает нужной информацией, а информация — это оружие. Благодаря мне и моей магической защите ему не угрожает вражеское сканирование, а значит — и наемные убийцы. Благодаря мне и моей магии колено у него больше не болит, и он может его безболезненно сгибать. На шее у него изготовленный моим искусством амулет, возможно, не столь совершенный, как тот, ведьмачий, но все же... Благодаря мне — и только мне — весной или летом, обладающий знанием, охраняемый, здоровый, подготовленный и вооруженный, он сможет начать борьбу с врагами. Если кто-либо из при-

существующих сделал для Геральта больше, дал ему больше, пусть заявит об этом. Я охотно уступлю ему первенство.

Куры клевали башмаки Кагыра, но юный нильфгаардец, не обращая на них внимания, язвительно произнес:

— Действительно, никто из нас не давал Геральту больше, чем вы, госпожа.

— Я так и знала, что ты скажешь именно это!

— Не в том дело, мазель Фрингиля... — начал было вампир.

Чародейка не дала ему закончить.

— Тогда в чем? В том, что он спит со мной? Что нас связывает взаимная симпатия? В том, что я не желаю, чтобы он сейчас уезжал? Не хочу, чтобы его угнетало чувство вины? То самое покаянное чувство, которое толкает в дорогу вас?

Регис молчал. Кагыр тоже не произнес ни слова. Ангулема посматривала то на одного, то на другого, явно не очень понимая, о чем идет речь.

— Если то, что Геральт отыщет Цири, — сказала чародейка, — записано на скрижалях Предназначения, то так тому и быть. Независимо от того, отправится ли ведьмак в путь или будет сидеть в Туссенте. Предназначение настигает людей. А не наоборот. Это вы понимаете? Вы понимаете это, господин Регис Терзиефф-Годфрой?

— Лучше, чем вы думаете, мазель Виго. — Вампир покрутил пальцами колбасную шкурку. — Но для меня, благоволите простить, Предназначение — не свиток, начертанный рукою Великого Демиурга, не воля Небес и не бесспорное решение какого-то там Провидения, а результирующая множества, казалось бы, не связанных между собой фактов, событий и действий. Я был бы склонен согласиться с вами в отношении того, что Предназначение настигает людей... и не только людей. Однако я не очень верю, будто не может быть и наоборот. Ибо такая точка зрения есть не что иное, как удобный фатализм, дифирамбы отупению и гнусности, перина, набитая пухом, и пленительное тепло женского лона. Короче говоря — жизнь во сне. А жизнь, госпожа Виго, может, и есть сон, может, и оканчивается сном... Но сие есть сон, который надобно «проснить» — простите за неологизм — активно. Поэтому, госпожа Виго, нас ждет дорога.

— Счастливого пути! — Фрингиля встала, почти так же резко, как недавно Мильва. — Извольте! На перевалах вас ждут метель, мороз и... Предназначение. Как же, однако, зверски

вы жаждете искупления! Путь свободен! Но ведьмак останется здесь. В Туссенте! Со мной!

— Полагаю, — спокойно возразил вампир, — что вы заблуждаетесь, госпожа Виго. Сон, коий снится сейчас ведьмаку, признаю это с поклоном, есть сон волшебный и прекрасный. Чарующий. Но любой сон, если он затягивается надолго, превращается в кошмар. А от такового мы пробуждаемся с криком.

Девять женщин, сидящих за огромным круглым столом замка Монтекальво, впились глазами в десятую, Фрингилию Виго. Фрингилию, которая неожиданно начала заикаться.

— Геральт выехал на виноградники Помероль восьмого января утром. А вернулся... Кажется, восьмого же ночью... Либо девятого к полудню... Этого я не знаю... Я не уверена...

— Более четко, — мягко попросила Шеала де Танкарвилль. — Пожалуйста, более четко, мазель Виго. А ежели какая-то часть рассказа вас смущает, можете ее просто-напросто опустить.

По кухне, осторожно вышагивая когтистыми лапами, ходила пеструшка. Пахло бульоном.

Дверь с грохотом распахнулась. В кухню ворвался Геральт. На покрасневшем от ветра лице красовался синяк и черно-фиолетовый струп засохшей крови.

— Давай, дружина, упаковывайтесь! — провозгласил он без лишних вступлений. — Выезжаем! Через час и ни минутой позже я хочу видеть всех вас на холме за городом, там, где стоит столб. С поклажей, в седлах, готовых к дальнему и трудному пути.

Сказанного было достаточно. Все как будто ожидали этого уже давно и так же давно были готовы.

— Я мигом! — крикнула, вскакивая, Мильва. — Я и за полчаса сберуся!

— Я тоже. — Кагыр встал, бросил ложку, внимательно глянул на ведьмака. — Но хотелось бы знать, в чем дело? Каприз? Любовники повздорили? Или и верно — дорога?

— Верно, дорога. Ангулема, ты что кривишься?

— Геральт, я...

— Не дрожи. Я тебя тут не брошу. Я переменял решение. За тобой, соплячка, нужен глаз да глаз. Едем, я сказал. Собирайся, приторачивайте выюки. И по одному, чтобы и виду не

подавать, за город, к столбу на холме. Через час там встречаемся.

— Обязательно, Геральт! — крикнула Ангулема. — А, курва, наконец-то!

Мгновение спустя на кухне остались только Геральт, курица-пеструшка да вампир, спокойно прихлебывающий бульон с клецками.

— Ждешь особого приглашения? — холодно поинтересовался ведьмак. — Почему сидишь, вместо того чтобы вычлнить мула Драакуля? И прощаться с суккубом?

— Геральт, — спокойно сказал Регис, зачерпывая добавки из супницы, — на прощание с суккубом мне достаточно того же времени, что тебе на расставание со своей чернушкой. Предпоживши, что ты с вышеупомянутой чернушкой вообще намерен прощаться. А между нами говоря, ребятишек ты, конечно, мог отправить упаковывать вещички воплями, грубостью и пинками. Мне же полагается нечто большее, хотя бы учитывая мой преклонный возраст. Попрошу несколько слов объяснений.

— Регис...

— Объяснений, Геральт. И чем скорее, тем лучше. Я тебе помогу. Итак, вчера утром, в соответствии с договоренностью, ты встретился у ворот с управляющим виноградниками Помероль...

Алкид Фьерабрас, чернобородый управляющий виноградниками Помероль, с которым Геральт познакомился в «Фазанщине» в сочельник Йуле, ждал ведьмака у ворот с мулом, одет же и экипирован был так, словно им предстояло отправиться бог весть куда, чуть ли не на край света, аж за Врата Сольвейги и перевал Эльскердег.

— Это, и верно, не близко, — бросил он, узрев кислую мину Геральта. — Вы, милсдарь, пришли из большого мира, так вам наш маленький Туссент видится захолустьем, думаете, мол, тут от границы до границы шапкой докинуть можно, к тому же шапкой сухой. Так вот, ошибаетесь. До виноградников Помероль, а туда мы и направляемся, немалый кус пути, ежели мы к полудню доберемся, то, почитай, повезло.

— Стало быть, ошибка, — сухо проговорил Геральт, — что мы так поздно отправляемся.

— Оно, может, и ошибка. — Алкид Фьерабрас глянул на него и фукнул в усы. — Но я не знал, что вы из тех, кто прят-

ко подымается чуть свет. Потому как у больных господ такое встречается нечасто.

— Я не большой господин. Ну, в путь, милсдарь управляющий. Не будем терять времени на пустую болтовню.

— Ну, прям-таки мои слова.

Чтобы сократить дорогу, поехали через город. Геральт сперва собрался протестовать: опасался заблудиться в незнакомых, забитых людьми улочках. Однако оказалось, что управляющий Фьерабрас прекрасно знал город и часы, когда на улицах не бывает толчеи. Они ехали быстро, не встречая никаких трудностей.

Въехали на рынок, миновали эшафот. И виселицу с повешенным.

— Опасная это штука, — кивком указал управляющий, — рифмы складывать да песенки распевать. Особенно публично.

— Суровые тут принципы. — Геральт мгновенно сообразил, в чем дело. — В других местах за пашквили самое большее — позорный столб.

— Все зависит от того, на кого пашквиль, — резонно заметил Алкид Фьерабрас. — И как зарифмован. Наша милостивая госпожа княгиня очень добра и любима... но если уж взовьется...

— Песню, как говаривает один мой знакомый, не задушишь, не убьешь...

— Песню — да. Но песенника — вполне. Извольте. Вот доказательство.

Они пересекли город, выехали через Бочарные Ворота прямо в долину реки Блессюры, быстрым потоком пенящейся на быстринах. Снег на полях лежал только в бороздах и межах, но было довольно холодно.

Мимо проехал рыцарский разъезд, направляющийся, вероятно, к перевалу Сервантеса, на приграничный пост Ведету. В глазах рябило от намалеванных на щитах и вышитых на плащах и пополах грифов, львов, сердец, лилий, звезд, крестов, шевронов и прочей геральдической шелухи. Стучали копыта, полоскались знамена, гремела громкоголосая глупейшая песня о рыцарской доле и милашке, которая, вместо того чтобы ожидать, поспешила выскочить замуж.

Геральт взглядом проводил разъезд. Вид странствующих рыцарей напомнил ему о Рейнарте де Буа-Фресне, который только что вернулся со службы и восстанавливал силы в объятиях своей «мещаночки», муж которой, торговец, обычно не

возвращался по утрам и вечерам, вероятно, задерживаемый где-то в пути взбухшими реками, полными зверья лесами и другими выкрутасами стихий. Ведьмак и не думал выдергивать Рейнарта из объятий любовницы, но искренне сожалел, что не отложил выполнение контракта с виноградниками Помероль на более позднее время. Он полюбил рыцаря, ему не доставало его общества.

— Поехали, господин ведьмак.

— Поехали, господин Фьерабрас.

Поехали трактом вверх по течению речки. Блессюра извивалась и петляла, но мостиков было множество, так что удлинять путь за счет объездов не приходилось.

Из ноздрей Плотвы и мула вырывался пар.

— Как думаете, господин Фьерабрас, долго зима продержится?

— На Саовину был мороз. А пословица гласит: «Коль на Саовину мороз, нацепляй кулек на нос».

— Понимаю. А ваша лоза? Ей мороз не повредит?

— И холоднее бывало.

Поехали молча.

— Поглядите, — проговорил наконец Фьерабрас, — там, в котловине, лежит деревушка Лисьи Ямы. На тамошних полях, просто удивительно даже, горшки растут.

— Не понял?

— Горшки, говорю. Родятся в лоне земли, сами по себе, исключительное чудо природы, без всякой помощи человеческой. Как где в другом каком месте картошка либо репа, так в Лисьих Ямах горшки растут. Всяческого рода и всяческих конфигуранциев.

— Вы серьезно?

— Чтoб я так здоров был! Поэтому Лисьи Ямы устанавливают партнерские контакты с деревней Дудно в Мехте. Там, народ говорит, земля крышки для горшков рожает.

— Всяческого рода и конфигуранциев?

— Ну, прям в яблочко попали, господин ведьмак. В яблочко.

Поехали дальше. Молча. Блессюра шумела и пенилась на перекатах.

— А звона там, гляньте, милсдарь ведьмак, руины древнего града Дун Тынне. Страшных сцен, если верить сказкам, насмотрелся этот град. Свидетелем, стало быть, был. Вальге-

риус, которого называли Удалым, убил там кроваво и жестоко неверную жену, любовника оной, мать оной же, сестру оной же и оной же брата также. А потом сел и заплакал неведомо почему.

— Слышал я об этом.

— Так, значит, бывали здесь.

— Нет.

— Ну, стало быть, далеко сказка разносится.

— Прямо в яблочко попали, господин управляющий.

— А вон та, — указал ведьмак, — стройная башня, вон там, за тем страшным бургом? Что такое?

— Там-то? Храм.

— Какого божества?

— А кто ж его знает?

— И верно. Кто ж.

Ближе к полудню они увидели виноградники. Полого спускающиеся к Блессюре склоны холмов, ошетилившиеся ровно обрезанной лозой, сейчас диковинные и голые. На макушке самого высокого холма, овеваемые ветром, врезались в небо башни, толстый донжон и барбакан замка Помероль.

Геральта заинтересовала ведущая к замку дорога — наезженная, избитая копытами и ободьями колес не меньше, чем главный тракт. Видать, к замку Помероль с тракта частенько кто-то наведывался. Он воздержался от вопросов, пока не заметил близ замка несколько покрытых парусиной телег, солидных и крепких экипажей, используемых в дальних поездках.

— Купцы, — пояснил управляющий. — Виноторговцы.

— Купцы? — удивился Геральт. — Как так? Я думал, горные перевалы занесены снегом, а Туссент отрезан от мира. Каким же чудом прибыли сюда купцы?

— Для купцов, — серьезно сказал управляющий Фьерабрас, — нет плохих дорог, во всяком случае, для тех, кто по-серьезному относится к своему ремеслу. У них, милсдарь ведьмак, такой принцип: если цель привлекает, средство должно найтись.

— Действительно, — медленно проговорил ведьмак, — принцип очень меткий и достойный подражания. В любой ситуации.

— Несомненно. Но, сказать по правде, некоторые из купцов торчат здесь с осени, выехать не могут. Однако духом не

падают, говорят, мол, ну и что, зато весной будем первыми, прежде чем конкуренты объявятся. У них это называется «мыслить позитивно».

— И против этого принципа трудно возражать, — кивнул Геральт. — Еще одно меня интересует, господин управляющий. Почему купцы сидят здесь, на отшибе, а не в Боклере? Иль княгиня не спешит предложить им гостеприимство? Может, брезгает купцами?

— Отнюдь, — возразил Фьерабрас. — Госпожа княгиня всегда приглашает их, они же вежливо отказываются. И живут при виноградниках.

— Почему?

— Боклер, говорят, сплошь пиры, балы, гулянки, попойки и любвишки. Человек, говорят, только паршивеет, дуреет и время тратит, вместо того чтобы думать об интересе. А мыслить след о том, что действительно важно. О цели, что светит. Неустанно. Не распыляя мыслей на какие-то там финтифлюшки. Тогда, и только тогда, можно намеченной цели достигнуть.

— Истинно, господин Фьерабрас, — медленно проговорил ведьмак. — Я рад нашей совместной поездке. Я многое обрел из наших бесед. Поверьте, многое.

Вопреки ожиданиям ведьмака, они не поехали к замку Помероль, а проследовали несколько дальше, на горб за котловиной, на котором возвышался очередной замочек, поменьше размером и гораздо более запущенный. Замочек назывался Зурбарран. Предвкушение близкой работы радовало Геральта. Темный, обнесенный крепостной стеной с обрушившимися зубьями Зурбарран выглядел один к одному как зачарованные руины, несомненно, кишачие чарами, дивами и чудовищами.

Внутри, во дворе, вместо призраков и чудовищ копошились несколько человек, поглощенных занятиями столь чародейскими, как перекачивание бочек, очистка досок и сбивание их же при помощи гвоздей. Несло свежим деревом, свежей известкой, несвежими кошками, прокисшим вином и гороховой похлебкой. Похлебку вскоре и подали.

Проголодавшиеся в пути, опаленные ветром, холодом, они ели, охоче и молча. С ними потчевался похлебкой подчиненный управляющего Фьерабраса, представленный Геральту под именем Шимон Гилька. Прислуживали две светловолосые девушки с длинными, не меньше двух локтей, косами. Обе по-

сылали ведьмаку взгляды столь красноречивые, что он решил как можно скорее покончить с похлебкой и заняться работой.

Шимон Гилька чудовища не видел. Как оно выглядит, знал исключительно с чужих слов.

— Черный был, пол-нет, как смола, но ковда по стене полз, кирпичи скрозь ево видать было. Все одно, как желе был, пол-нет, господин ведьмак, или как бы, с твоово позволения, клей какой-то. А лапищи у ево предлинные и тонкие, и уйма тех лапищев при ем, восемь, а-то и поболее даже. А Йунтек этак стоял-стоял и глазел, аж вконец стукнуло ево, и он заорал: «Сгинь, пропади!» И еще экзорцизму доложил: «Да чтоб ты сдох. Морда твоя, мать ее так-перетак!», тогда чудище прыг-прыг-прыг. Запрыгало, пол-нет, и только ево и видели. Сбегло в пропасти пещер. Тады парни так говорили: коли тута у вас чуды, так гоните повышение в оплате труда. Потому как здесь условия вредные для здоровья, а ежели не хотите, то мы в цех войдем с жалобой. Аль, говорят, деменстрацию устроим. А я им на то: ваш, говорю, цех, может меня в задницу...

— А когда видели чудовище последний раз? — перебил Геральт.

— Дык недели две тому. Так где-то перед Йуле.

— Вы говорили, — ведьмак посмотрел на управляющего, — что перед Ламмасом.

Алкид Фьерабрас покраснел в местах, не прикрытых бородой. Гилька, тот, что Шимоном звался, фыркнул.

— Стал-быть так, господин управляющий: ежели хотите управлять, требуется почащее к нам ездить, а не токмо в Боклере в конторе задницей табуретки полировать. Так я думаю...

— Не интересуют меня ваши мысли, — прервал Фьерабрас. — О чудовище говорите.

— Дык я уж выговорил. Все чево было.

— Жертв не было? Ни на кого оно не нападало?

— Не-а. Однако в позатом годе пропал у нас один парнишка без вести, пол-нет? Некоторые болтали, мол, энто чудище ево в пещеры уволокло и сожрало. Другие же, что никакое не чудище, а тот парнишка по собственной надумке гикнулся, и все из-за долгов и элементов. Потому как он, пол-нет, в кости игрывал жуть, а до того еще пузо надул мельничихе, а та мельничиха в суд побегла, а судья повелел парнишке элементы платить.

— Ни на кого больше, — безжалостно прервал рассуждения Геральт, — чудовище не нападало? Никто другой его не видел?

— Не-а.

Одна из девушек, подливая Геральту местного вина, прохалась ему грудью по уху и многообещающе подмигнула.

— Пошли, — быстро сказал ведьмак. — Нечего лясы точить да время терять. Проводите меня в подвалы.

Амулет Фрингильи, как это ни печально, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В то, что оправленный в серебро и отшлифованный хризопраз заменит его ведьмачий медальон с волчьей головой, Геральт не верил вообще. Впрочем, Фрингилья вовсе на этом и не настаивала. Однако заверяла с большой убежденностью, что после подстройки к психике ведьмака амулет будет способен на многое, в частности, сможет предупреждать о возможных опасностях.

Однако то ли волшебство Фрингильи не удалось, то ли Геральт и амулет сильно расходились в понимании того, что следует считать опасностью, а что нет, во всяком случае, хризопраз едва ощутимо дрогнул, когда, направляясь в подвалы, ведьмак перешел дорогу большому рыжему коту, который, задрав хвост, шествовал через двор. Впрочем, сам кот, видимо, получил все же какой-то сигнал от амулета, ибо сбежал, дико мяуча.

Когда же ведьмак спустился в подвалы, медальон то и дело нервно вибрировал, причем в ямах сухих, прибранных и чистых, в которых единственной угрозой были вина в огромных бочках. Тому, кто, забыв о самоконтроле, улегся бы, раскрыв рот, под шпунтом, угрожал сильный перепой. И ничего больше.

Однако медальон даже не шелохнулся, когда Геральт покинул рабочую часть подвалов и спустился ниже по лестнице и ходкам. Ведьмак уже сообразил, что под большинством виноградников Туссента располагались древние шахты. Было ясно, что, когда саженцы лозы начали плодоносить и приносить хорошую прибыль, эксплуатацию шахт прекратили, а сами выработки забросили, частично приспособив штреки и ходки под винные погреба и подвальчики. Замки Помероль и Зурбарран стояли над древними сланцевыми лавами. Здесь все было изрыто шурфами и приямками — достаточно минутной

невнимательности, чтобы оказаться на дне одного из них со сложными переломами. Часть шурфов прикрыли прогнившими уже досками, которые под присыпанной их сланцевой пылью почти не отличались от почвы. Неосторожно ступать на такое перекрытие было опасно, о чем, по идее, медальон и должен был предупреждать. Но не предупреждал.

Не предупредил он также, когда из навала сланца, в каких-то десяти шагах от Геральта, выскочила серая размытая фигура, заскребла почву когтями, дико подпрыгнула, пронзительно взвыла, а затем с визгом и хохотом помчалась по штрекам и нырнула в одну из зияющих в стене ниш.

Ведьмак выругался. Магическая штучка кое-как еще реагировала на рыжих кошек, но оставляла без всякого внимания гремлины. «Придется поговорить об этом с Фрингильей», — подумал Геральт, подходя к нише, в которой скрылось существо.

И тут амулет сильно задрожал.

— Точно вовремя, — хмыкнул ведьмак. Но тут же задумался глубже. В конце концов, медальон мог быть и не так уж глуп. Стандартная и любимая тактика гремлинов сводилась к тому, чтобы сбегать и устроить засаду, из которой они поражали преследуемого неожиданным ударом острых как серпы шпор. Гремлин мог поджидать там, в темноте, и медальон сигнализировал об этом.

Геральт ждал долго, сдерживая дыхание, напрягая слух. Амулет спокойно и мертвецки тихо лежал у него на груди. Из дыры несло мерзким смрадом. Но стояла мертвая тишина. А ни один гремлин не выдержал бы так долго в тишине.

Не раздумывая, ведьмак залез в нишу, оказавшуюся устьем ходка, и пополз на четвереньках, задевая спиной за шершавые камни. Долго ползти не пришлось.

Что-то хрустнуло и зашелестело, почва прогнулась, и ведьмак поехал вниз вместе с несколькими цетнарами песка и щебня. К счастью, продолжалось это недолго. Под ним была не бездонная пропасть, а обычная яма. Он влетел в нее, как дерьмо из канализационной трубы, и с треском рухнул на кучу прогнившего дерева. Вытряхнул из волос и выплюнул изо рта песок, громко выругался. Амулет дрожал не переставая, метался у него на шее, будто засунутый за пазуху воробей. Ведьмак с трудом удержался, чтобы не сорвать его и не выкинуть к чертовой матери. Во-первых, это разозлит Фрингилью. Во-вторых, получалось, что у хризопраза были вроде бы и еще ка-

кие-то другие волшебные свойства. Геральт надеялся, что, когда проявятся эти другие свойства, амулет станет действовать более четко.

Пытаясь встать, он нащупал рукой круглый череп. И понял, что то, на чем он лежал, вовсе не сгнившее дерево.

Он поднялся и быстро осмотрел кучу костей. Человеческие. И все эти люди в момент смерти были закованы в кандалы, и, вероятнее всего, на них не было одежды. Кости были раскрошены и обглоданы. Когда их грызли, люди могли уже быть мертвы. Впрочем, могли и не быть.

Из ямы его вывел штрек, длинный и прямой как стрела. Сланцевая стена была обработана довольно гладко. Это уже не походило на копи.

Неожиданно он вышел в огромную каверну, потолок которой тонул во мраке, а в центре располагалась гигантская, черная, бездонная пропасть, через которую был переброшен каменный, слишком уж изящный на вид мосток.

Со стен гулко капала вода, отзываясь эхом. Из пропасти веяло холодом и тянуло вонью. Амулет вел себя спокойно. Геральт ступил на мосток внимательно и осторожно, стараясь держаться подальше от разваливающихся перил.

За мостком оказался еще один коридор. В гладко обработанных стенах Геральт приметил ржавые держатели для факелов. Здесь тоже были ниши, в некоторых стояли статуйки из песчаника, однако годами капавшая вода изгладила их и превратила в бесформенных истуканов. В стены были заделаны плиты с барельефами. Выполненные из более стойкого материала, они сохранились лучше. Геральт узнал женщину с лунными рогами, башню, ласточку, кабана, дельфина, единорога.

Услышал голос.

Остановился, затаил дыхание.

Амулет дрогнул.

Нет, это не обман слуха, не шорох осыпающегося сланца, не эхо капавшей воды. Голос. Человеческий голос.

Геральт прикрыл глаза, напряг слух. Локализовал.

Голос — он мог поклясться — исходил из очередной ниши, из-за очередной скульптурки, размытой, но не настолько, чтобы утратить округлые женские формы. На сей раз медальон оказался на высоте. Сверкнуло, и Геральт неожиданно заметил в стене проблеск металла. Он схватил размытую фигуру женщины в объятия, крепко сжал, повернул. Раздался скрежет, стен-

ка ниши развернулась на стальных навесах, открыв винтовую лестницу.

Сверху снова донесся голос.

Геральт не стал раздумывать.

Наверху обнаружилась дверь. Она открылась легко, без скрипа. За дверью — маленькое сводчатое помещение. Из стен торчали четыре огромных латунных цилиндра, концы которых расширялись, образуя раструбы. Посредине, между раструбами, стояло кресло. А в нем... скелет. На черепе с отвалившейся нижней челюстью сохранились остатки берета, на костях — лохмотья некогда очень богатой одежды, на шее золотая цепь, а на ногах погрызенные крысами ботинки из тисненой козловой кожи с сильно загнутыми мысами.

В одной из труб послышалось чихание, такое громкое и неожиданное, что ведьмак даже подскочил. Потом кто-то трубно высморкался. Усиленный латунными трубами звук был прямо-таки адским.

— Будьте здоровы, — послышалось в трубе. — Ну вы и сморкаетесь, Скеелен.

Геральт столкнул скелет с кресла, не преминув снять и спрятать в карман золотую цепь. Потом сам уселся у раструба.

У одного из них голос был басовитый, глубокий и гулкий. Когда он говорил, латунная труба даже вибрировала.

— Ну вы и сморкаетесь, Скеелен. Где это вы так простудились? И когда?

— Не стоит об этом, — ответил простуженный. — Вцепилась, проклятая хвороба, и держится, то отпустит, то снова схватит. Даже магия не помогает.

— Может, есть смысл сменить магика? — послышался другой голос, скрипучий, будто заржавленные дверные петли. — Вильгефорц пока что не может похвастаться особыми успехами. Вот что, мне кажется...

— Давайте не будем, — вступил в разговор кто-то, говоривший с характерным затягиванием слогов. — Не для того мы съехались сюда, в Туссент. На край света.

— На паршивый край света!

— Этот край света, — сказал простуженный, — единственная известная мне краина, у которой нет собственной службы безопасности. Единственный уголок империи, не наштигованный агентами Ватье де Ридо. Все считают здешнее вечно весе-

лое и полупьяное княжество опереточным, и никто не принимает всерьез.

— Такие «уголки», — сказал затягивающий слог, — всегда считались и были раем для шпионов и любимым местом их встреч. А потому притягивали и контрразведку, и агентов, и всяческого рода соглядатаев и подслушивателей.

— Возможно, так было раньше. Но не в эпоху бабьего застоя, которое тянется в Туссенте почти сотню лет. Повторяю, мы здесь в безопасности. Здесь нас никто не найдет и не подслушает. Мы можем изображать из себя купцов, спокойно обговорить весьма животрепещущие также и для ваших княжеских милостей проблемы. Для ваших личных благ и латифундий.

— Я презираю все личные блага, вот что! — возмутился скрипучий. — И не ради личного я сюда явился! Меня волнует исключительно благо империи. А благо империи, милостивейшие государи, это — крепкая династия! Ибо несчастьем и огромным злом для империи будет, если на трон усядется какой-нибудь гнилой плод паршивой крови, потомок физически и душевно больных северных корольков. Нет, господа! На это я, Ветт из де Веттов, клянусь Великим Солнцем, не буду взирать в бездействии! Тем более что моей дочери уже было почти обещано...

— Твоей дочери, де Ветт? — зарычал гулко-басовитый. — А что тогда говорить мне? Я, который поддержал сосунка Эмгыра еще тогда, в борьбе против узурпатора? Ведь именно из моей резиденции кадеты отправились штурмовать дворец! А еще раньше что? Именно у меня он прятался! Еще будучи мальком, он лакомо поглядывал на мою Эйлан, улыбался, комплименты расточал, а за гардиной, я-то знаю, сиськи ее тискал. А теперь что? Другая императрица? Такой афронт? Такая обида? Император Вечной Империи выше дочерей древних родов ставит приبلуду из Цинтры? А? Сидит на троне по моей милости и мою Эйлан отвергать смеет? Нет, этого я не потерплю!

— И я тоже! — крикнул очередной голос, высокий и возбужденный. — Мною он тоже пренебрег! Ради цинтрийской приبلуды бросил мою жену!

— По счастливой случайности, — проговорил человек, затягивающий слог, — приبلуду отправили на тот свет. Что следует из сообщения господина Скеллена.

— Я внимательно выслушал сообщение господина Скеллена, — сказал скрипучий, — и пришел к выводу, что из него

не следует ничего, кроме того, что приبلуда исчезла. Если же исчезла, значит, может объявиться вновь. С прошлого лета она исчезала и возникала неоднократно! Ведь так? Да уж, ничего не скажешь, господин Скеллен, разочаровали вы нас весьма, вот что! Вы и ваш чародей Вильгефорц.

— Не время сейчас об этом, Йоахим. Не время оскорблять друг друга и обвинять. Вбивать клинья в наше единство. Мы должны быть монолитны и едины. И решительны. Ибо не имеет значения, жива цинтрийка или нет. Император, единожды безнаказанно оскорбивший и унизивший древние роды, будет это делать и дальше! Нет цинтрийки? Ну, так через несколько месяцев он представит нам императрицу из Зеррикании или Зангвебара! Нет, клянусь Великим Солнцем, этого мы не допустим!

— Не допустим, и все тут. Верно говоришь, Ардал! Род Эмрейсов не оправдал ожиданий, и каждый день, который Эмгыр просидит на троне, приносит вред империи, вот что. А ведь есть, есть, кого на престол возвести. Юный Воорис...

Послышался громкий чих, затем чихавший трубно высморкался и сказал:

— Конституционная монархия. Самое время учредить конституционную монархию, прогрессивный режим. А потом — демократию... Власть народа, стало быть...

— Император Воорис, дорогой Стефан Скеллен. Воорис, который возьмет в жены мою Эйлан либо одну из дочерей Йоахима. И тогда я — Великий Коронный Канцлер, де Ветт — фельдмаршал. Вы же, Стефан, — граф и министр внутренних дел. Разве что как приверженец какого-то там народа откажетесь от титула и должности, а?

— Оставим в покое исторические процессы; — примирительно сказал простуженный. — Их все равно не удержать в узде. На сегодня же, ваша милость Великий Коронный Канцлер аэп Даги, если у меня и есть какие-то возражения относительно принца Воориса, так в основном потому, что это человек с железным характером, гордый и несгибаемый, на которого нелегко будет влиять.

— Если мне будет дозволено кое-что подсказать, — проговорил тот, что затягивал слоги, — у принца Воориса есть сын, малыш Морвран. Этот кандидат значительно лучше. Во-первых, у него более основательные права на престол как по мечу, так и по кудели. Во-вторых, это ребенок, за которого править будет регентский совет. То есть мы.

— Глупости! Справимся и с отцом! Отыщется способ!

— Подсунем ему, — предложил возбужденный, — мою жену!

— Погодите, граф Бруанне. Сейчас не время. Господа, советоваться надо о другом, вот что. Я хотел бы заметить, что Эмгыр вар Эмрейс пока еще на троне.

— А как же, — согласился простуженный, трубя в платок. — Правит и живет, чувствует себя прекрасно как телом, так и умом. Второе особенно не следует подвергать сомнению после того, как он вытурил вас обоих из Нильфгаарда вместе с теми войсками, которые могли быть вам верны. Тогда как же вы собираетесь осуществлять переворот, любезный князь Ардаль, ежели в любой момент вас могут послать в бой во главе Группы Армий «Восток»? Да и князю Йоахиму тоже, пожалуй, пора присоединиться к своим войскам при Специальной Оперативной Группе «Вердэн».

— Оставь колкости при себе, Стефан Скеллен. И не корчи рожиц, которые только в твоём понимании делают тебя похожим на твоего нового принципала, чародея Вильгефорца. К тому же учти, Филин, что если Эмгыр что-то подозревает, так виной тому именно вы. Ты и Вильгефорц. Признавайся, вы хотели поймать цинтрийку и торговать ею, включив это в цену милости Эмгыра? Теперь, когда девушка мертва, торговать нечем, верно? Эмгыр разорвет вас лошадьми, вот что. Не сносить вам головы, ни тебе, ни чародею, с которым ты связался вопреки нам!

— Никому из нас не сносить головы, Йоахим, — вставил бас. — Надо взглянуть правде в глаза. Наше положение ничуть не лучше, чем у Скеллена. Ситуация сложилась так, что все мы оказались на одной телеге.

— Но усадил нас в эту телегу именно Филин! Мы собирались действовать скрытно, а теперь что? Эмгыр знает все! Агенты Ваттё де Ридо разыскивают Филина по всей империи! А нас, чтобы отделаться, вар Эмрейс отослал на войну, вот что!

— Как раз это-то меня и радует, — проговорил тот, что растягивал слоги. — Этим бы я и воспользовался. Затянувшейся войной, уверяю вас, все уже сыты по горлышко. Армия, простой люд, а прежде всего купцы и предприниматели. Сам факт окончания войны будут приветствовать по всей империи с огромной радостью, независимо от того, как она закончится. А ведь вы, господа, командуя армиями, можете на результат войны повлиять, я бы так сказал, не отходя от свое-

го штандарта. Ведь в случае успешного завершения военного конфликта вас увенчают лаврами победителей! А в случае неудачи вы сможете выступить в качестве посланцев Провидения, сторонников переговоров, поборников справедливости, положивших конец кровопролитию!

— Правда, — сказал после недолгого молчания скрипучий. — Клянусь Великим Солнцем, это правда. Вы верно рассуждаете, господин Леуваарден.

— Эмгыр, — проговорил бас, — отправив нас на фронт, тем самым накинул себе удавку на шею.

— Эмгыр, — сказал возбужденный, — еще жив, дорогой князь. Жив и чувствует себя прекрасно. Не следует делить шкуру неубитого медведя.

— Не следует, — поддержал бас. — Сначала медведя надобно убить.

Молчание затянулось.

— Итак, покушение. Смерть?

— Смерть.

— Смерть!

— Смерть. Вот единственное решение проблемы. У Эмгыра есть сторонники, пока он жив. Стоит Эмгыру умереть, и нас поддержат все. На нашу сторону встанет аристократия, потому что аристократия — это мы, а сила аристократии в солидарности. Нас поддержит значительная часть армии, особенно та часть офицерского корпуса, которая припомнит Эмгыру чистки после соddenского поражения. И на нашей стороне будет народ.

— Ибо народ темен, глуп, и им легко манипулировать, — закончил, высморкавшись, Скеллен. — Достаточно крикнуть: «Уррра!», произнести пламенную речь со ступеней сената, открыть тюрьмы и скостить налоги.

— Вы абсолютны правы, — произнес затягивающий слог. — Теперь я понимаю, почему вы так ратуете за демократию.

— Предупреждаю, — заскрипел тот, кого называли Йоахимом, — что так гладенько у нас дело не пройдет, господа. Наш план предусматривает смерть Эмгыра. А не следует закрывать глаза на то, что у Эмгыра много приверженцев, в его распоряжении корпус внутренних войск, у него фанатично преданная гвардия. Непросто будет пробиться сквозь ряды бригады «Импера», а она — нечего себя обманывать — будет драться до последнего бойца.

— И здесь, — заявил Стефан Скеллен, — нам предлагает свою помощь Вильгефорц. Нам не придется осаждать дворец или пробиваться сквозь ряды «Имперы». Все сделает один террорист, владеющий практической магией. Да. Как это случилось в Третогоре перед самым бунтом магов на Танедде.

— Король Радовид Реданский?

— Так точно.

— У Вильгефорца есть такой террорист?

— Есть. Чтобы доказать, что мы полностью вам доверяем, господа, я назову этого террориста. Чародейка Йеннифэр, которую мы держим в узилище.

— В узилище? Но говорят, Йеннифэр — сообщница Вильгефорца.

— Она его пленница. Заколдованная и загипнотизированная, запрограммированная как голем, она осуществит покушение. А затем покончит жизнь самоубийством.

— Что-то не очень мне по душе заколдованные ведьмы, — сказал тягучий, из-за явной неприязни еще более растягивая слоги. — Лучше был бы герой, пламенный идейный мститель...

— Мстительница, — оборвал его Скеллен. — Она подходит как нельзя лучше, господин Леуваарден. Йеннифэр будет мстить за зло, причиненное ей тираном. Эмгыр преследовал и довел до смерти ее воспитанницу, невинное дитя. Этот жестокий самодержец, этот извращенец, вместо того чтобы заботиться об империи и народе, преследовал и истязал детей. За это его настигнет рука мстителя...

— Я считаю, — пробасил Ардаль аэп Даги, — это прекрасно.

— Я тоже, — проскрипел Йоахим де Ветт.

— Отлично! — возбужденно рыкнул граф Бруанне. — Да покарает рука мстителя тирана и вырожденца за совращение чужих жен! Пусть свершит правое дело десница справедливости! Отлично!

— Еще одно, — протянул Леуваарден. — Чтобы доказать, что вы, господин граф Скеллен, полностью нам доверяете, сообщите, пожалуйста, где сейчас пребывает господин Вильгефорц.

— Господа... Я... Я не имею права...

— Это будет гарантия. Поручение в искренности и приверженности делу.

— Не бойся предательства, Стефан, — добавил аэп Даги. — Никто из присутствующих не выдаст, как бы парадоксально это ни звучало. При других обстоятельствах, возможно, меж

нами и нашелся бы человек, который захотел бы купить себе жизнь, выдав остальных. Но все мы прекрасно знаем, что предательством не купим ничего. Эмгыр вар Эмрейс не прощает. Он просто не умеет прощать. Вместо сердца у него осколок льда. И поэтому он должен умереть.

Стефан Скеллен колебался недолго.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Пусть это будет доказательством моей искренности. Вильгефорц скрывается в...

Ведьмак, сидевший у раструба, до боли сжал кулаки. Напряг слух. И память.

Сомнения ведьмака в никчемности амулета Фрингили оказались напрасны и рассеялись мгновенно. Стоило ему войти в большую каверну и приблизиться к каменному мостку над черным провалом, как медальон начал дергаться и рваться уже не как воробей, а как большая и сильная птица. Ворон, например.

Геральт успокоил амулет и замер словно истукан, стремясь к тому, чтобы слух его не обманули ни шелест, ни громкое дыхание. Он ждал. Он знал, что по другую сторону провала за мостком что-то есть, что-то таится во тьме. Возможно, это «что-то» скрывалось и за спиной, а мосток был ловушкой. Он не мог позволить схватить себя. Он ждал. И дождался.

— Привет, ведьмак, — услышал он. — Мы тебя ждали.

Голос, шедший из мрака, звучал странно. Но Геральт уже слышал такие голоса, знал их. Голоса существ, не привыкших общаться при помощи речи. Умея пользоваться аппаратом легких, диафрагмой, трахеями и гортанью, эти существа не до конца владели аппаратом артикуляционным даже в тех случаях, когда их губы, нёбо и язык имели строение полностью подобное человеческому. У выговариваемых такими существами слов был не только странный акцент и интонация, они вдобавок содержали звуки, неприятные для человеческого уха — от твердых и щелкающих до шипящих и скользко мягких.

— Мы ждали тебя, — повторил голос. — Знали, что ты придешь, если тебя приманить слухами. Что влезешь сюда, под землю, чтобы преследовать, хватать, убивать. Отсюда ты уже не выйдешь. Не увидишь солнца, которое так любил.

— Покажись.

В темноте за мостком что-то шевельнулось. Мрак словно сгустился в одном месте и принял человеческий, в общих чер-

тах, облик. Существо, казалось, ни мгновения не оставалось в одной и той же позе, не стояло на месте. Оно изменялось постоянно, проделывая быстрые нервные мерцающие движения. Ведьмак уже видывал таких существ.

— Корред, — холодно бросил он. — Можно было ожидать здесь что-то подобное. Даже поразительно, как я не наткнулся на тебя раньше.

— Надо же! — В голосе подвижного существа прозвучала издевка. — В темноте, а узнал. А этого узнаешь? И того? И того вон?

Из тьмы беззвучно, словно духи, возникли еще три существа. Одно, прятавшееся за спиной корреда, судя по форме и общему облику, тоже было гуманоидом, но ростом пониже, сгорбленным и сильно походившим на обезьяну. Геральт знал, что это кильмулис.

Два других чудища, как справедливо подозревал ведьмак, прятались по его сторону мостка, готовые отрезать ему обратный путь. Первый слева заскреб когтями, словно гигантский паук, замер, перебирая многочисленными конечностями. Прыскирник. Последнее существо, больше похожее на семисвечник, вынырнуло, казалось, прямо из потрескавшейся сланцевой стены. Геральт не мог определить, что это такое. Ни в одной из ведьмачьих книг такие монстры не упоминались.

— Я не хочу ссоры, — сказал он, немного рассчитывая на тот факт, что существа начали с разговора, а не просто прыгнули ему в темноте на шею. — Я не хочу с вами ссоры. Но если вы начнете драку, я буду защищаться.

— Мы это учили, — прошипел корред. — Поэтому нас здесь четверо. Поэтому мы заманили тебя сюда. Ты отравил нам жизнь, сволочной ведьмак. Ты залез в наипрекраснейшие карсты и провалы в этой части мира, чудесное место для зимовки. Мы зимуем здесь почти от начала истории. А теперь ты явился сюда, чтобы охотиться на нас, негодяй. Ты преследуешь нас, вылавливаешь, убиваешь корысти ради. Хватит. С этим пора кончать. И с тобой тоже.

— Послушай, корред...

— Повежливее, — буркнуло существо. — Терпеть не могу хамства.

— Тогда как же к тебе об...

— Господин Швайцер.

— Значит, так, господин Швайцер, — проговорил Геральт, внешне миролюбиво и покладисто. — Я вошел сюда. Не скры-

ваю, как ведьмак, с ведьмачьим намерением. Я предлагаю опустить этот вопрос. Однако случилось здесь, в подземельях, нечто такое, что изменило ситуацию радикально. Я узнал нечто для меня чрезвычайно важное. Такое, что может изменить всю мою жизнь.

— Ну и дальше что?

— Мне необходимо, — Геральт был само спокойствие и терпение, — немедленно выйти на поверхность. Незамедлительно, без минуты промедления отправиться в дальний путь. Дорогой, которая может оказаться дорогой без возврата. Вряд ли я когда-либо вернусь сюда...

— Таким фортелем ты думаешь купить себе жизнь, ведьмак? — зашипел господин Швайцер. — Не выйдет. Ничего твои просьбы не дадут. Мы поймали тебя в силки и уже не выпустим. Убьем, чтобы сохранить жизнь не только себе, но и другим нашим единокровцам. В бою за нашу и, я бы сказал, вашу свободу.

— Я не только не вернусь в эти места, — терпеливо продолжал Геральт, — но и вообще откажусь от ведьмачьей работы. Я никогда больше не убью ни одного из вас...

— Врешь! Врешь с перепугу!

— Нет. — Геральт и на этот раз не позволил себя прервать. — Я уже сказал, мне необходимо немедленно отсюда выйти. Поэтому я предлагаю вам на выбор два решения. Первое: вы поверите в мою искренность, и я отсюда выйду. Второе: я выйду отсюда по вашим трупам.

— Третье, — кашлянул корред, — ты сам будешь трупом.

Ведмак с шипением вытянул меч из ножен.

— Не единственным, — сказал он спокойно. — Не единственным, господин Швайцер.

Корред некоторое время молчал. Державшийся у него за спиной кильмулис покачивался и покашливал. Прыскирник сгибал и распрямлял конечности. Семисвечник постоянно изменял форму. Теперь он выглядел ободранной елочкой с двумя большими фосфоресцирующими глазами.

— Докажи, — наконец сказал корред, — свою искренность и добрую волю.

— Как?

— Отдай свой меч. Ты утверждаешь, что перестанешь ведьмачить. Но ведьмак — это его меч. Брось его в пропасть. Или сломай. Тогда мы позволим тебе выйти.

Геральт несколько секунд стоял неподвижно, в тишине было слышно, как капает вода со свода и стен. Потом медленно, не спеша, вертикально и глубоко всадил меч в расщелину. И переломил клинок сильным ударом сапога. Сталь лопнула, и звон эхом прокатился по пещерам.

Вода капала со стен, стекала, будто слезы.

— Не могу поверить, — очень медленно сказал корред. — Не могу поверить, что человек может быть настолько глуп.

Они бросились на него все разом, мгновенно, без крика, без приказа, без команды. Первым через мосток мчался господин Швайцер, выпустив когти и выставив клыки, которых не постыдился бы и волк.

Геральт позволил ему приблизиться, а потом развернулся в бедрах и ударил, разрубив ему нижнюю челюсть и горло. В следующий момент он уже был на мостке, ударом наотмашь располосовал кильмулиса, тут же сжался и припал к земле — вполне своевременно, — а прыгнувший на него семисвечник пронесся поверху, едва задев за куртку шпорами когтей. Ведьмак отпрыгнул от прыскирника, от тонких лап, крутящихся словно крылья ветряной мельницы. Удар одной из лап угодил Геральту по голове. Геральт заплясал, проделывая финт и окружая себя широкими взмахами меча. Прыскирник прыгнул снова, но промахнулся, ударился о перила и, проломив их, рухнул в пропасть, сопровождаемый каменным градом. До сих пор он не издал ни малейшего звука, сейчас же, падая в пропасть, завыл. Вой не утихал долго.

На Геральта набросились с двух сторон: с одной семисвечник, с другой — кровоточащий кильмулис, который, хоть и был ранен, сумел подняться. Ведьмак прыгнул на перила мостка, чувствуя, как трутся один о другой сползающие камни, как сотрясается мосток. Балансируя, выскочил за пределы шпористых лапиц семисвечника и оказался за спиной у кильмулиса. У кильмулиса не было шеи, и Геральт ударил его в висок. Череп оказался прямо-таки железным, пришлось ударить второй раз. На это ушло немного больше времени, чем хотелось бы.

Он получил по голове, боль вспыхнула в глазах и разлетелась в голове фейерверком огней. Он завертелся, окружив себя широкой защитой и чувствуя, как стекает из-под волос кровь, стараясь понять, что произошло. Чудом избежав второго удара шпорой, понял. Семисвечник изменил форму — теперь он действовал неправдоподобно длинными лапами.

Это было опасно: из-за сместившегося центра тяжести у семисвечника нарушилось равновесие. Ведьмак поднырнул под лапы, сокращая дистанцию. Семисвечник, видя, что ему грозит, словно кот перевернулся на спину и выставил задние лапы, такие же шпористые, как и передние. Геральт проскочил над ним, рубя в прыжке. Почувствовал, как клинок врезается в тело, собрался, развернулся, рубанул еще раз, припав на колени. Существо закричало и, резко выбросив вперед голову, дико клацнуло зубами перед самой грудью ведьмака. Его огромные глаза светились в темноте. Геральт оттолкнул его сильным ударом оголовка меча, резанул вблизи и снес левую половину челюсти. Но даже теперь, оставшись лишь с одной правой, это странное, не фигурирующее ни в одной из ведьмачьих книг существо щелкало зубами еще добрых несколько секунд. Потом умерло, страшно, почти по-человечески, вздохнув.

Лежащий в луже крови корред конвульсивно дрожал.

Ведьмак встал над ним.

— Не могу поверить, — очень медленно проговорил он. — Не могу поверить, что кто-то может быть настолько глуп, чтобы купиться на такую простую иллюзию, как та, что была мною продемонстрирована с переломленным мечом.

Неизвестно, в состоянии ли был корред понять его слова. Да, впрочем, ему это было безразлично.

— Я предупреждал, — сказал он, вытирая кровь, текущую по щеке. — Предупреждал, что мне необходимо выйти отсюда.

Господин Швайцер сильно задрожал, захрипел и застонал. Потом затих и замер.

Вода капала со свода и стен.

— Ты удовлетворен, Регис?

— Теперь — да.

— А посему, — ведьмак встал, — давай беги и улаковывайся. Да поживее.

— Это не отнимет у меня много времени. Omne a mea mesum porto*.

— Что-что?

— У меня багажа немного.

— Тем лучше. Через полчаса за городом.

— Буду.

* Все свое ношу с собой (лат.).

* * *

Он ее недооценил. Она перехватила его. Сам виноват. Вместо того чтобы торопиться, надо было поехать на зады дворца и оставить Плотву в большой конюшне, предназначенной для странствующих рыцарей, персонала и прислуги. В которой стояли и лошади дружины. Он не сделал этого, а в спешке и по уже установившейся привычке воспользовался княжеской конюшней. А ведь мог бы догадаться, что в княжеской конюшне обязательно найдется стукач.

Она прохаживалась от бокса к боксу, пиная солому. На ней была короткая рысья шубка, белая атласная блузка, черная юбка для верховой езды и высокие сапоги. Кони фыркали, чувствуя пышущую от нее ярость.

— Так-так, — сказала она, увидев его и изгибая хлыст, который держала в руке. — Сбегаём! Не попрощавшись! Ибо письмо, которое лежит у меня на столе, — не прощание. Во всяком случае, не после того, что нас связывало. Насколько я понимаю, твое поведение вызвано невероятно важными причинами, объясняющими и оправдывающими его.

— Объясняющими и оправдывающими. Прости, Фрингилья.

— «Прости, Фрингилья», — повторила она, яростно кривя губы. — Как кратко, как экономно, как просто и без претензий, какая забота о чистоте стиля. Письмо, которое ты оставил мне, даю голову на отсечение, вероятно, выглядит столь же изысканно. Без излишнего многословия, если говорить об аргументах

— Я должен ехать, — выдавил он. — Ты догадываешься почему. И из-за кого. Прости меня, прошу. Я намеревался сбежать скрытно, втихую. Я не хотел, чтобы ты пыталась поехать с нами.

— Напрасные страхи, — процедила она, сгибая хлыст в кольцо. — Я не поехала бы с тобой, даже если б ты умолял, валялся у меня в ногах. О нет, ведьмак. Поезжай один, один погибай, один подыхай на перевалах. У меня нет перед Цири никаких обязательств. А перед тобой? Знаешь ли, сколько таких, как ты, умоляло меня дать им то, что досталось тебе и что ты сейчас с презрением отбрасываешь, зашвыриваешь в угол?

— Я никогда тебя не забуду.

— И-эх, — прошипела она. — Ты сам даже не догадываешься, как мне хочется сделать, чтобы это было правдой. И даже не с помощью магии, а просто при помощи этого хлыста!

— Ты этого не сделаешь.

— Ты прав. Не сделаю. Не смогу. Я буду вести себя как подобает опостылевшей и брошенной любовнице. Классически. Уйду, высоко подняв голову. Достоинно и гордо. Глотая слезы. Позже я буду реветь в подушку. А потом сойду с другим.

Она уже почти кричала.

Он не произнес ни слова. Она тоже умолкла. Наконец сказала совершенно иным голосом:

— Геральт. Останься со мной. Мне кажется, я люблю тебя. — Она почувствовала, что он колеблется. Явно колеблется. — Останься со мной. Прошу. Я никогда никого не просила и не думала, что попрошу. Тебя — прошу.

— Фрингиля, — ответил он, помолчав. — Ты женщина, о которой мужчина может только мечтать. Я виноват лишь в том, что мечтать не способен.

— Ты, — сказала она, тоже помолчав и кусая губы, — как рыболовный крючок, который вырвать можно только вместе с кровью и мясом. Что делать, я сама виновата: знала, на что шла, играя с опасной игрушкой. К счастью, я знаю также, как управиться с последствиями. В этом я превосхожу остальное бабское племя.

Он молчал.

— Впрочем, — добавила она, — разбитое сердце хоть и болит долго, гораздо дольше, чем сломанная рука, но срастается гораздо, гораздо быстрее.

Он и на этот раз не сказал ничего. Фрингиля посмотрела на синяк у него на щеке.

— Ну, как мой амулет? Хорошо действует?

— Просто великолепен. Благодарю.

Она кивнула.

— Куда едешь? — спросила она совершенно иным голосом и тоном. — Что ты узнал? Тебе уже известно место, где скрывается Вильгефорц, верно?

— Верно. Только не проси меня сказать, где это. Я не скажу.

— Я у тебя эту информацию покупаю. Баш за баш.

— Ах так?

— У меня есть достаточно ценные сведения, — продолжала она. — А для тебя — так просто бесценные. Я продам их тебе взамен за...

— ...за спокойную совесть, — закончил он, глядя ей в глаза. — За доверие, которым я тебя почтил. Кажется, только что шла речь о любви? А теперь уже начинается торг?

Она молчала долго. Потом резко, сильно ударила хлыстом по голенищу.

— Йеннифэр, женщина, именем которой ты несколько раз называл меня ночью в самые неподходящие для этого моменты, никогда не предавала ни тебя, ни Цири. Она никогда не была сообщницей Вильгефорца. Чтобы спасти Цири, она пошла на невероятный риск, потерпела поражение и попала в руки Вильгефорца. Осенью прошлого года он пытками принудил ее сканировать, чтобы отыскать Цири. Жива ли она — неизвестно. Больше я ничего не знаю. Клянусь.

— Благодарю тебя, Фрингилья.

— Уходи.

— Я верю тебе, — сказал он, не двигаясь с места. — И никогда не забуду, что было между нами. Я верю тебе, Фрингилья. Я не останусь с тобой, но, пожалуй, я тоже тебя любил... По-своему. Прошу тебя, то, что ты сейчас узнаешь, сохрани в величайшей тайне. Убежище Вильгефорца находится в...

— Подожди, — прервала она. — Скажешь это позже, выдашь это позже. А сейчас, перед отъездом, попрощайся со мной. Так, как должен попрощаться. Не записками, не детскими извинениями. Прощайся со мной так, как этого хочу я.

Она скинула рысью шубу, бросила на кучу соломы. Рывком разорвала блузку, под которой не было ничего. Упала на шубку, потянула его за собой. На себя. Геральт ухватил ее за шею, подтянул юбку, сразу же понял, что перчатки снять уже не успеет. На Фрингилье, к счастью, перчаток не было. И трусиков тоже. К еще большому счастью, на ней не было и шпор. К счастью — потому что через мгновение каблуки ее верховых сапог уже были буквально везде — если б она носила шпоры, страшно подумать, что могло случиться.

Когда она крикнула, он поцеловал ее. Придушил крик.

Лошади, чувствуя необузданную человеческую страсть, ржали, топали, бились в боксах о перегородки, так что пыль и сено сыпались с потолка.

— Цитадель Rhys-Rhun в Назаире, у озера Муредах, — торжественно закончила Фрингиля Виго. — Там убежище Вильгефорца. Я вытянула это из ведьмака прежде, чем он уехал. У нас достаточно времени, чтобы его опередить. Он ни в коем случае не успеет добраться туда до апреля.

Девять женщин, собравшихся в колонном зале дворца Монтекальво, покачали головами, одарили Фрингию взглядами, полными признательности.

— Рыс-Рун, — повторила Филиппа Эйльхарт, обнажая зубы в хищной улыбке и поигрывая прищипленной к платью камеей из сардоникса. — Рыс-Рун в Назаире. Ну, до скорой встречи, господин Вильгефорц. До скорой встречи!

— Когда ведьмак туда доберется, — прошипела Кейра Мец, — он найдет развалины, от которых уже не будет даже нести гарью.

— И дохлятиной, — обаятельно улыбнулась Сабрина Глевиссиг.

— Bravo, мазель Виго, — кивнула Шеала де Танкарвилль, сделав такой жест, которого Фрингиля никогда не ожидала бы от известной чародейки. — Отличная работа.

Фрингиля склонила голову.

— Bravo, — повторила Шеала. — Свыше трех месяцев в Туссенте... Но, вероятно, имело смысл.

Фрингиля Виго обвела взглядом сидящих за столом чародеек: Шеала, Филиппа, Сабрина Глевиссиг, Кейра Мец, Маргарита Ло-Антиль и Трисс Меригольд. Франческа Финдабаир и Ида Эмеан, чьи глаза, подчеркнутые ярким эльфийм макияжем, не выражали абсолютно ничего. Ассирэ вар Анагид, глаза которой выражали и беспокойство, и озабоченность.

— Имело, — призналась она.

Совершенно искренне.

Небо из темно-голубого постепенно становилось черным. Морозный вихрь гудел в виноградниках. Геральт застегнул волчью доху и обернул шею шерстяным шарфом. Чувствовал он себя прекрасно. Воплощенная любовь, как обычно, воз-

несла его на вершины физических, психических и моральных сил, стерла остатки каких-либо сомнений, прояснила и оживила мысли. Он только жалел, что теперь надолго будет лишен этой чудотворной панацеи.

Голос Рейнарта де Буа-Фресне вырвал его из задумчивости.

— Надвигается скверная погода, — сказал странствующий рыцарь, глядя на восток, откуда налетал вихрь. — Поспешите. Если ветер принесет снег и прихватит вас на перевале Мальхеур, вы окажетесь в ловушке. И тогда молитесь об оттепели всех богов, каких вы только знаете, почитаете и о каких слышали.

— Понятно.

— Первые дни вас будет вести Сансретура, держитесь реки. Минуете трапперскую факторию, доберетесь до места, в котором в Сансретуру впадает правый приток. Его течение укажет вам дорогу на перевал Мальхеур. Если же по воле божьей вы все-таки преодолеете Мальхеур, не особенно радуйтесь, потому что впереди вас еще будут ждать перевалы Сансмерси и Монблан. Перейдя оба, вы спуститесь в долину Саддат. В Саддате теплый микроклимат, почти как в Туссенте. Если б не бедная почва, там сажали бы виноград...

Он оборвал себя, устыдившись осуждающих взглядов.

— Ясно. Ближе к делу. У устья Саддата лежит городок Карависта. Там проживает мой кузен, Ги де Буа-Фресне. Посетите его и сошлитесь на меня. Если окажется, что кузен скончался либо впал в старческий маразм, запомните: направление вашего пути — равнина Маг Деира, потом долина реки Сильты. Дальше, Геральт, уже по картам, которые ты скопировал у местного картографа. Ну а коли уж мы упомянули картографа, то я не очень понимаю, чего ради ты испытывал о каких-то замках...

— Об этом забудь, Рейнарт. Ничего такого не было. Ничего ты не слышал, ничего не видел. Даже если тебя станут пытаться. Понятно?

— Понятно.

— Всадник, — предостерег Кагыр, сдерживая брыкающегося жеребца. — Всадник мчится к нам галопом со стороны дворца.

— Если один, — ослабилась Ангулема, поглаживая висящий при седле топорик, — то невелика беда.

Всадником оказался Лютик, мчащийся во весь опор, не жалея коня. О диво, конем был мерин поэта Пегас, который скакать не любил и не привык.

— Ну, — сказал трубадур, задыхаясь так, словно не он скакал на мерине, а мерин на нем. — Ну, слава всевышнему. Я боялся не поймать вас.

— Неужто едешь с нами?

— Нет, Геральт. — Лютик опустил глаза. — Не еду. Остаюсь в Туссенте с Ласочкой. То есть с Анарьетгой. Но не могу же я, в самом деле, с вами не попрощаться. Пожелать счастливого пути.

— Поблагодари княгиню за все. И постарайся оправдать нас за то, что мы так неожиданно, как это? Ну, совсем позеррикански, в смысле — не прощаясь. Объясни как-нибудь.

— Вы дали рыцарский обет, вот и все. Любой в Туссенте, включая и Ласочку, это понимает. А здесь... Возьмите. Пусть это будет моим вкладом.

— Лютик, — Геральт принял у поэта тяжелый кошель, — на отсутствие денег мы не жалуемся. Ты напрасно...

— Пусть это будет моим вкладом, — повторил трубадур. — Наличные никогда не помешают. Кроме того, они не мои, я позаимствовал дукаты из личной шкатулки Ласочки. Что так смотрите? Женщинам деньги не нужны. Да и зачем они им? Пить не пьют, в кости не играют, а женщинами... Ну, женщины-то, черт побери, они сами и есть. Ну, бывайте! Поезжайте, а то я еще, чего доброго, разревусь. А когда все кончится, на обратном пути загляните в Туссент, все мне расскажите. И я хочу обнять Цири. Обещаешь, Геральт?

— Обещаю.

— Ну все. Бывайте.

— погоди. — Геральт развернул лошадь, подъехал вплотную к Пегасу, незаметно вытащил из-за пазухи письмо. — Постарайся, чтобы это письмо дошло...

— До Фрингильи Виго?

— Нет. До Дийкстры.

— Да ты что, Геральт? Спятил? И как я смогу это сделать, по-твоему?

— Найди способ. Знаю, ты сумеешь. А теперь — прощай. Давай морду, старый дурень.

— Давай морду, друг. Я буду ждать вас.

Они глядели ему вслед, видели, как он едет рысью в сторону Боклера.

Небо темнело.

— Рейнарт! — Ведьмак повернулся в седле. — Поехали с нами?

— Нет, Геральт, — помолчав, ответил Рейнарт де Буа-Фресе. — Я рыцарь странствующий, но не странный. Во всяком случае, не настолько странный, чтобы оказаться сумасшедшим.

В большом колонном зале замка Монтекальво царило необычное возбуждение. Привычную светотень канделябров сегодня заменяла млечная яркость большого магического экрана. Изображение на экране дрожало, мерцало, пропадало и возникало вновь, усиливая возбуждение и напряженность. И нервозность.

— Да-а, — сказала Филиппа Эйльхарт, хищно ухмыляясь. — Жаль, я не могу там быть. Немного движения мне бы не помешало. И немного азарта.

Шеала де Танкарвилль едко взглянула на нее, но ничего не сказала. Франческа Финдабаир и Ида Эмеан заклинаниями стабилизировали изображение и увеличили так, чтобы оно заняло всю стену. Они четко видели черные вершины гор на фоне темно-синего неба, звезды, отражающиеся в поверхности озера, темную угловатую глыбу замка.

— Я все еще не уверена, — проговорила Шеала, — не ошиблись ли мы, доверив руководство ударной группой Сабрине и юной Мец. Кейре сломали на Танедде ребра, у нее может возникнуть желание отомстить. А Сабрина... Ну, эта чересчур обожает действия и азарт. Верно, Филиппа?

— Мы уже говорили об этом, — отрезала Филиппа, и голос у нее был кислый словно сливовый маринад. — Установили все, что следовало установить. Никто не будет убит без крайней необходимости. Группа Сабрины и Кейры войдет в Рыс-Рун тихо, как мышка, на цыпочках, тики-топ. Вильгефорца возьмут живым, без единой царапины, без единого синячка. Это мы решили. Хотя я по-прежнему считаю, что следовало бы некоторых проучить. Чтобы те немногие, там, в замке, которые переживут эту ночь, до конца жизни просыпались бы с криком, когда им приснится то, что случилось.

— Месть, — сухо проговорила чародейка из Ковира, — есть наслаждение для умов заурядных, слабых и мелочных.

— Возможно, — со спокойной улыбкой согласилась Филиппа. — Однако наслаждением она от этого быть не перестает.

— Давайте прекратим. — Маргарита Ло-Антиль подняла фужер искрящегося вина. — Предлагаю выпить за здоровье мазели Фрингильи Виго, стараниями которой убежище Вильгефорца было обнаружено. Воистину, мазель, это была добротная, образцовая работа.

Фрингилья поклоном поблагодарила за тост. В черных глазах Филиппы она заметила что-то вроде насмешки, в лазурном взгляде Трисс Меригольд — отвращение. Улыбок Францески и Шеалы она постичь не могла.

— Начинают, — сказала Ассирэ вар Анагьд, указывая на вызванную чарами картину.

Уселись поудобнее. Чтобы лучше видеть, Филиппа заклинанием приглушила свет.

Было видно, как от скал отделяются быстрые черные фигуры, бесшумные и юркие, словно летучие мыши. Как на бреющем полете опускаются на зубцы и навесные бойницы замка Рыс-Рун.

— Почти сотню лет, — буркнула Филиппа, — не держала я метлы между ногами. Еще немного — и вообще забуду, что значит летать.

Шеала, всматривавшаяся в изображение, успокоила ее нетерпеливым шиканьем.

В окнах черной громады замка кратко блеснул огонь. Раз, другой, третий. Они знали, что это. Запертые двери и внутренние цепи разлетелись вдребезги под ударами шаровых молний.

— Они внутри, — тихо произнесла Ассирэ вар Анагьд, единственная, кто наблюдал картину не на стене, а вглядываясь в лежащий на столе хрустальный шар. — Ударная группа внутри. Но что-то у них неладно. Не так, как должно бы.

Фрингилья почувствовала, как кровь от сердца отливает куда-то вниз, к животу. Она уже знала, что именно не так, как должно было бы быть.

— Госпожа Глевиссиг, — продолжала докладывать Ассирэ, — включает прямой коммуникатор.

Пространство между колоннами зала неожиданно разгорелось, в материализующемся овале они увидели Сабрину Гле-

виссиг в мужской одежде, с волосами, перехваченными на лбу шифоновым шарфом, и лицом, зачерненным полосками маскирующей краски. За спиной чародейки просматривались грязные каменные стены, на них висели обрывки лохмотьев, некогда бывших гобеленами.

Сабрина указала на них затянутой в перчатку рукой, с которой свисали длинные полоски паутины.

— Только этого, — сказала она, бурно жестикулируя, — тут полным-полно! Только этого! Дьявол меня побери, что за идиотизм, какой провал...

— Говори понятней, Сабрина.

— Что понятней? — взвизгнула каэдвенская магичка. — Что тут можно сказать понятней? Не видите? Это замок Рыс-Рун! Он пуст! Пуст и грязен! Это чертовски пустая развалюха! Нет тут ничего! Ничего!

Из-за спины Сабрины выглянула Кейра Мец, с маскирующей раскраской на лице выглядевшая как черт из ада.

— В этом замке, — спокойно подтвердила она, — нет и не было никого. Уже лет пятьдесят. Всего каких-то пятьдесят годов здесь не появлялась ни одна живая душа, если не считать пауков, крыс и летучих мышей, у которых, как известно, душ нет. Мы десантировались не туда.

— Вы проверили, не иллюзия ли это?

— Ты нас детьми считаешь, Филиппа?

— Слушайте обе, — Филиппа Эйльхарт нервно пригладила волосы, — наемницам и адепткам скажете, что это были учения. Заплатите им и возвращайтесь. Возвращайтесь немедленно! И с хорошей миной, слышите? Делайте хорошую мину!

Овал коммуникатора погас. Осталось только изображение на стенном экране. Замок Рыс-Рун на фоне черного, усеянного звездами неба. И озеро, в котором эти звезды отражались.

Фрингиля Виго уставилась в крышку стола. Она чувствовала, что приливающая к щекам кровь вот-вот разорвет кожу.

— Я... поверьте... — выдавила она наконец, не в силах больше переносить молчания, заполнившего колонный зал замка Монтекальво. — Я... поверьте, я... действительно не понимаю...

— А я — понимаю, — сказала Трисс Меригольд.

— Этот замок, — задумчиво проговорила Филиппа, совершенно не обращая внимания на сообщниц. — Этот замок... Рыс-Рун... следует уничтожить. Превратить в развалины, в груды

кирпичей и камней. А когда об этом деянии начнут слагать легенды и сказания, надо будет подвергнуть их тщательной цензуре. Вы улавливаете мою мысль?

— Вполне, — кивнула молчавшая до того Францеска Финдабаир.

Ида Эмеан, тоже молчавшая, позволила себе многозначительно фыркнуть.

— Я... — Фрингиля Виго все еще сидела словно оглушенная. — Я действительно не понимаю... Как такое могло случиться...

— Ох, — после очень долгого молчания сказала Шеала де Танкарвилль, — ничего особенного, мазель Виго. Идеальных людей не бывает.

Филиппа тихонько прыснула в кулак. Ассирэ вар Анагьд вздохнула и воздела глаза к потолку.

— В конце концов, — добавила Шеала, выпатив губы, — с каждой из нас такое когда-нибудь да случалось. Каждую из нас, здесь сидящих, когда-нибудь обольстил, использовал, обманул и выставил на посмешище какой-нибудь мужчина.

*«Дитя, я пленился твоей красотой,
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».*

И. В. Гете

Все уже когда-то было, все уже когда-то случилось и все уже когда-то было описано.

Высогота из Корво

ГЛАВА ПЯТАЯ

Полдень сошел на лес зноем и духотой, а совсем еще недавно темная, как жадеит, гладь озера запылала золотом, заиграла солнечными бликами. Цири пришлось заслонить глаза рукой: отраженный от воды свет слепил, отзывался болью в зрачках и висках.

Она проехала сквозь прибрежные заросли, загнала Кэльпи в озеро, так чтобы вода покрыла кобыле колени. Вода была настолько прозрачной, что в отбрасываемой лошадью тени Цири даже с высоты седла различала цветную мозаику дна, беззубок и водоросли. Видела она и маленького рака, с чувством собственного достоинства ползущего меж камней.

Кэльпи заржала. Цири дернула поводья, выехала на мель, а не на берег, потому что берег был песчаный, выстланный камнями, а это не позволяло ехать быстро. Кобыла пошла вдоль самой кромки, ступая по твердой гальке дна. И почти сразу — рысью, а в этом-то Кэльпи была мастерицей, не хуже настоящей ездовой лошади, которую тренировали не под седло, а для брички или ландо. Но Цири быстро пришла к выводу, что рысь — все же слишком медленно. Ударом пяток и голосом Цири послала кобылу в галоп. Они неслись в блестящих на солнце, как капли расплавленного серебра, брызгах разлетающейся во все стороны воды.

Цири не замедлила темп даже тогда, когда увидела башню. Мчалась быстро, так быстро, что обыкновенная лошадь, наверно, пала бы. Но в дыхании Кэльпи не пробивалось ни малейшего храпа, а ее галоп по-прежнему был легкий и непринужден.

Она влетела во двор со всего разгона, под звон копыт, остановила кобылу так, что несколько мгновений копыта скользили по плитам с протяжным скрежетом. Остановилась совсем

рядом с поджидавшими у башни эльфками. Чуть ли не наехав на них. Это доставило ей удовольствие, потому что две из них, обычно невозмутимые и бесстрастные, сейчас невольно попятились.

— Не бойтесь, — фыркнула она. — Не задавлю. Если не захочу.

Эльфки быстро успокоились, лица снова разгладились, глаза стали равнодушно-самоуверенными.

Цири соскочила, — вернее, споркнула с седла. В глазах у нее был вызов.

— Bravo, — сказал светловолосый эльф с треугольным лицом, выходя из тени под аркой. — Отличный спектакль. Loc'hlaith.

Когда она вошла в Башню Ласточки и оказалась среди цветущей весны, он назвал ее так же. Loc'hlaith. Но это было давно, и на Цири такие вещи уже перестали действовать.

— Никакая я не Владычица Озера, — огрызнулась она. — Я тут — пленница. А вы — тюремщики! И нечего суп-ритатуй именовать консоме-де-валяем*. Надо называть вещи своими именами. А ну-ка! — бросила она одной из эльфов. — Лошадь протереть. Когда остынет, напоить. И вообще — позаботиться!

Светловолосый эльф едва заметно улыбнулся.

— Действительно, — сказал он, глядя, как эльфки, не вымолвив ни слова, отводят лошадь в конюшню. — Ты тут — всеми обижаемая, бесправная узница, а они — строгие тюремщики. Невооруженным глазом видно.

— За что купил, за то и продал. — Она подбоченилась, задрала нос, смело глянула ему в глаза, бледно-голубые, как аквамарины, и не очень строгие. — Обращаюсь с ними, как и они со мной. А тюрьма есть тюрьма!

— Ты удивляешь меня, Loc'hlaith.

— А ты меня, видать, за дурочку держишь! И даже не представлялся.

— Извини. Я — Crevan Espane aep Caomhan Macha. Я, если ты знаешь, что это значит, — Aen Saevherne.

— Знаю. — Она не смогла полностью скрыть удивления. — Знающий. Ведун... Эльфий чародей.

— Можно сказать и так. Для удобства я пользуюсь более коротким, но равнозначным именем: Avallac'h. Так ты и можешь ко мне обращаться.

* бульон с гренками (иск. фр.).

— Кто тебе сказал, — нахмурилась она, — что мне вообще захочется к тебе обращаться? Ведун ты или нет, все едино — надзиратель, а я...

— Узница, — саркастически закончил он. — Это я уже слышал. К тому же узница, с которой скверно обращаются. Разгуливать по округе тебя, видимо, принуждают силой, меч на спине ты носишь в наказание, как и модную и достаточно дорогую одежду, во много раз более элегантную и чистую, нежели та, в которой явилась сюда. Но, несмотря на столь жуткие условия, ты не сдаешься. Отвечаешь на наносимые тебе обиды резкостями. С величайшей отвагой и запалом бьешь зеркала, представляющие собой выдающиеся произведения искусства.

Она покраснела. Страшно злая на самое себя.

— О, — быстро сказал он. — Можешь бить сколько твоей душе угодно, в конце концов, это ведь всего-навсего неодушевленные предметы. Правда, изготовили их семь столетий назад. Не желаешь ли прогуляться со мной по берегу озера?

Налетевший ветер смягчил жару. Да и огромные деревья и башни давали тень. У воды залива был цвет мутной зелени. Густо покрытая листьями и усыпанная желтыми шариками кувшинок, она больше походила на луг. Водяные курочки-камышницы, покрякивая и кивая красными клювами, быстро кружили вокруг листьев.

— Зеркало... — пробормотала Цири, вертя каблуком влажную гальку. — За него прости. Обозлилась я. Вот и все.

— Ах-ах...

— Они меня третируют. Твои эльфки. Когда я обращаюсь к ним, делают вид, будто не понимают. А когда обращаются ко мне, то говорят специально так, чтобы их не понимала я. Они мною пренебрегают.

— Ты прекрасно говоришь на нашем языке, — спокойно пояснил он. — Но все же для тебя это язык чужой. Кроме того, ты пользуешься *hen llinge*, а они *ellilon'om*. Различия невелики, но все же есть.

— Тебя я понимаю. Каждое слово.

— В разговорах с тобой я пользуюсь *hen llinge*, языком эльфов твоего мира.

— А ты? — Она отвернулась. — Из которого мира ты? Я не ребенок. Достаточно ночью поглядеть на небо. Там нет ни одного знакомого мне созвездия. Этот мир — не мой. Не мое место. Я попала сюда случайно... И хочу выйти отсюда. Уехать.

Она наклонилась, подняла камень, сделала такое движение, будто хочет кинуть его в озеро, туда, где плавали курочки, однако под его взглядом сдержалась.

— Даже если уехать на целое стае, — сказала она, не скрывая огорчения, — я все равно оказываюсь у озера. И вижу эту башню. Независимо от того, в которую сторону поеду, как повернусь, всегда рядом озеро и эта башня. Всегда. От нее невозможно удалиться. А значит, это тюрьма... Хуже, чем яма, чем темница, хуже, чем комната с зарешеченными окнами. Знаешь почему? Потому что сильнее унижает. Ellilon или не ellilon — меня злит, когда надо мной насмеются и демонстрируют превосходство. Да-да, нечего жмуриться. Ты мною тоже пренебрегаешь и тоже насмеяешься. И еще удивляешься, что я злюсь?

— Я и верно удивляюсь. — Он широко раскрыл глаза. — Безмерно.

Она вздохнула. Пожала плечами.

— Я вошла в башню больше недели назад, — сказала она, пытаюсь сохранять спокойствие. — Попала в иной мир. Ты ждал меня, сидя на камне и наигрывая на флейте. Ты даже удивился тому, что я так долго не приходила. Ты назвал меня моим именем, лишь потом взялся за свои глупости о Владычице Озера... Потом исчез, ничего не объяснив. Оставив меня в... тюрьме. Называй это как хочешь. Я называю издевательством и злонамеренным унижением.

— Но ведь прошло всего восемь дней, Zireael.

— Угу, — скривилась она. — Стало быть, мне повезло? Потому что ведь могли быть и восемь недель? Или восемь месяцев? Или восемь... — Она умолкла.

— Дитя, — тихо сказал он, — ты далеко ушла от Лары Доррен. Ты потеряла ее наследие, потеряла вместе со своей кровью. Ничего странного в том, что женщины не понимают тебя, а ты — их. Ты не только разговариваешь иначе; ты иначе мыслишь. Совершенно иными категориями. Что такое восемь дней или восемь недель? Время не имеет значения.

— Ладно! — зло воскликнула она. — Согласна, я не мудрая эльфка, я глупый человек. Для меня время имеет значение, я считаю дни, даже часы считаю. И высчитала, что прошло много и дней, и часов. Я уже не хочу от вас ничего, обойдусь без объяснений, мне безразлично, почему здесь весна, почему на водопой к озеру приходят единороги, а ночью на небе светят

другие созвездия. Меня абсолютно не интересует, откуда ты знаешь мое имя и каким образом тебе стало известно, что я явлюсь сюда. Я хочу лишь одного. Вернуться к себе. В свой мир. К людям. Таким, которые мыслят, как я. Теми же категориями.

— Ты вернешься к ним. Спустя какое-то время.

— Я хочу сейчас! — крикнула она. — А не спустя какое-то время! Потому что ваше время — вечность! По какому праву вы удерживаете меня? Почему я не могу уйти? Я вошла сюда сама! По собственной воле! У вас нет на меня никаких прав!

— Ты вошла сюда сама, — спокойно подтвердил он. — Но не по своей воле. Тебя привело Предназначение, которому мы немного помогли. Ибо тебя здесь давно и долго ждали. Очень долго. Даже и по нашему счету времени.

— Ничего я не поняла!

— Мы ждали долго, — он не обратил внимания на ее слова, — опасаясь только одного: сумеешь ли ты войти. Ты сумела. Подтвердив тем самым свою кровь, свою родословную. А это значит, что здесь, а не среди Dh'oine, твое место. Ты — дочь Лары Доррен ээп Шиадаль!

— Я — дочь Паветты! Я даже не знаю, кто такая эта твоя Лара!

Он поморщился, но всего чуть-чуть, почти незаметно.

— В таком случае будет лучше, если я объясню тебе, кто такая «моя» Лара. Поскольку время торопит, охотнее всего я взялся бы за объяснение в пути. Но беда в том, что ради неумного спектакля ты чуть не загнала лошадь.

— Загнала? Хо! Ты еще не знаешь, что эта кобыла может выдержать. А куда мы поедем?

— Если не возражаешь, я и это поясню тебе в пути.

Цири придержала храпящую Кэльпи, видя, что сумасшедший галоп не имеет смысла и ничего не даст.

Аваллак'х не лгал. Здесь, на открытой равнине, на лугах, среди зарослей вереска, из которых торчали менгиры, действовала та же сила, что в окрестности Tor Zireael. Можно было мчаться очертя голову в любом направлении, но примерно после одного стае оказывалось, что ты едешь по кругу.

Цири пошлапала храпящую Кэльпи по шее, глядя на группу спокойно едущих эльфов. Как только Аваллак'х сказал, чего от нее хотят, она рванула в галоп, стараясь убежать от них

по возможности дальше, оставить позади и их, и их бесстыдное, не уместающееся в голове предложение.

Теперь они снова перед ней. На расстоянии примерно стае. Аваллак'х не лгал. Убежать отсюда невозможно.

Единственное, что дал галоп, так это остудил голову, приморозил ярость. Теперь она была гораздо спокойнее. Но до сих пор дрожала от злости.

«Ну и влипла, — подумала она. — И как меня угораздило лезть в эту Башню?»

По телу пробежала дрожь. И она тут же успокоилась.

«Жива, — подумала она, оглядываясь. — Битва еще не окончена. Битву закончит смерть, все остальное лишь перерыв в битве. Передышка. Этому меня научили в Казр Морхене».

Она пустила лошадь шагом, потом, видя, что кобыла снова гордо подняла голову, пошла рысью вдоль ряда менгиров. Травы и вересковый кустарник доходили до стремян.

Довольно быстро она догнала Аваллак'ха и трех эльфов. Едва улыбающийся ведун вопросительно глянул на нее аква-риновыми глазами.

— Пожалуйста, Аваллак'х, — кашлянула она. — Скажи, что это была грустная шутка.

По его лицу пробежало подобие тени.

— Я не привык так шутить, — сказал он. — А если ты сочла сказанное шуткой, то позволю себе повторить еще раз со всей серьезностью: мы хотим иметь от тебя ребенка, Ласточка, дочь Лары Доррен. Лишь после этого мы позволим тебе уйти, вернуться в свой мир. Выбор, естественно, за тобой. Ручаюсь, сумасшедшая гонка помогла тебе принять решение. Каков будет твой ответ?

— Нет, — жестко ответила она. — Категорически и однозначно — нет. Я не согласна. И все тут.

— Что делать? — Он пожал плечами. — Признаться, я разочарован. Ну что ж, это твой выбор.

— Как можно вообще требовать подобное? — дерзко выкрикнула она. — Как ты вообще посмел? По какому праву?

Он спокойно смотрел на нее. Цири почувствовала на себе взгляды и остальных эльфов.

— Мне кажется, — сказал Аваллак'х, — историю твоего рода я изложил во всех подробностях. Мне казалось, ты понимаешь. Поэтому твои вопросы удивляют. Мы имеем право и можем требовать, Ласточка. Твой отец, Крегеннан, забрал у

нас ребенка. Ты его нам вернешь. Возвратишь долг. Мне это представляется логичным и справедливым.

— Мой отец... Я не помню своего отца, но его звали Дани. Не Крегеннан. Я тебе уже сказала!

— А я уже ответил, что несколько смешных поколений людей не имеют для нас значения.

— Но я не хочу! — заорала Цири так, что кобылла заплясала под нею. — Не хочу, понятно тебе? Не хочуууу!!! Мне отвратительна сама мысль о том, что мне присадят какого-то дерматического паразита, меня тошнит при одной мысли, что этот паразит будет во мне расти, что...

Она осеклась, видя лица эльфов. На двух рисовалось безбрежное изумление. На третьем — безбрежная ненависть. Аваллак'х многозначительно кашлянул.

— Проедем немного вперед, — холодно сказал он, — и поговорим с глазу на глаз. Твои взгляды, Ласточка, пожалуй, излишне радикальны, чтобы высказывать их при свидетелях.

Они долго ехали молча.

— Я сбегу от вас, — первой заговорила Цири. — Вы не удержите меня против моей воли. Я сбежала с острова Танедд, сбежала от жрецов и нильфгаардцев, убежала от Бонарта и Филина. Убегу и от вас. Я найду способ и против ваших чар.

— Я думал, — ответил он, помолчав, — тебе важнее друзья. Йеннифэр, Геральт.

— Ты об этом знаешь? — удивленно вздохнула она. — Ну да. Правда. Ведь ты — ведун! Поэтому обязан знать, что именно о них я и думаю. Там, в моем мире, они сейчас, в этот момент, в опасности. А вы намерены держать меня здесь... в тюрьме. По крайней мере девять месяцев. Сам же видишь, у меня нет выбора. Я понимаю, что вам важен ребенок, Старшая Кровь, но я не могу. Попросту не могу.

— Выбор, как я сказал, за тобой. Однако тебе следует знать кое-что. Было бы несправедливо это от тебя скрывать. Отсюда сбежать невозможно, Ласточка. Поэтому, если ты откажешься действовать с нами заодно, то останешься здесь навсегда. Своих друзей и свой мир ты никогда не увидишь.

— Наглый и отвратительный шантаж!

— Если же, — не отреагировал он на ее крик, — ты согласишься пойти нам навстречу, мы докажем тебе, что время не имеет значения.

— Не понимаю.

— Время здесь течет иначе, чем там. Если ты окажешь нам услугу, мы отблагодарим тебя. Сделаем так, что ты восполнишь время, которое потеряла здесь, среди нас. Среди Народа Ольх.

Она молчала, уставившись на черную гриву Кэльпи. «Надо тянуть, — подумала она. — Как говорил Весемир в Каэр Морхене: «Когда тебя собираются вешать, попроси стакан воды. Никогда не известно, что может произойти, пока его принесут».

Одна из эльфов неожиданно вскрикнула и свистнула.

Конь Аваллак'ха заржал, забил копытами. Эльф успокоил его, что-то крикнул эльфам. Цири увидела, как одна из них выхватила лук из висящей при седле кожаной петли, приподнялась в стременах, прикрыла рукой глаза.

— Сохраняй спокойствие, — сказал Аваллак'х.

Цири вздохнула.

В каких-нибудь двухстах шагах от них через заросли вереска галопом мчались единороги. Целый табун, голов тридцать, не меньше.

Цири уже видела единорогов, в основном на рассвете, они подходили порой к озеру у Башни Ласточки. Однако никогда не позволяли ей приблизиться. Исчезали, словно духи.

Табун вел огромный жеребец странной красноватой масти. Он вдруг остановился, пронзительно заржал, встал на дыбы. Совершенно невыполнимым для любого коня образом он танцевал на задних ногах, перебирая в воздухе передними.

Цири с изумлением отметила, что Аваллак'х и три эльфы тянут хором какую-то странную монотонную мелодию.

Кто ты?

Она тряхнула головой.

Кто ты? — снова прозвучал вопрос у нее в мозгу, забился в висках. Распев эльфов неожиданно повысился на тон. Рыжий единорог заржал, табун ответил тем же. Земля задрожала, когда они уносились.

Песнь Аваллак'ха и эльфов оборвалась. Цири увидела, как ведун украдкой оттирает пот со лба. Эльф уголком глаза взглянул на нее, понял, что она заметила.

— Не все тут так ладно, как кажется, — сухо сказал он. — Не все.

— Вы боитесь единорогов? Но ведь они умные и мирные. Он не ответил.

— Я слышала, — продолжала Цири, — что эльфы и единороги любят друг друга.

Он отвернулся.

— Считай, — холодно сказал он, — что ты была свидетельницей ссоры любовников.

Больше она вопросов не задавала.

Ей хватало собственных неприятностей.

Вершины холмов были украшены кромлехами и дольменами. Они напоминали Цири тот камень из-под Элландера, у которого Йеннифэр учила ее магии. «Как давно это было, — подумала она. — Много веков тому назад».

Одна из эльфок крикнула снова. Цири посмотрела в ту сторону, куда она указала. Прежде чем успела сообразить, что ведомый рыжим жеребцом табун возвращается, крикнула вторая эльфка. Цири поднялась на стременах.

С противоположной стороны, из-за холма, вылетел другой табун. Ведущий его единорог был синеватый в яблоках.

Аваллак'х быстро проговорил несколько слов. Это и был тот труднопонимаемый Цири язык *ellilon*, но она поняла, тем более что эльфки как по команде схватились за луки. Аваллак'х повернулся лицом к Цири, и она почувствовала, как в голове у нее начинает шуметь. Это был шум подобный тому, какой издает приложенная к уху морская раковина.

Не сопротивляйся, — услышала она голос. — Я должен прыгнуть и перенести тебя в другое место. Тебе угрожает смертельная опасность.

Издаleка до них донесся свист, протяжный крик. А мгновение спустя земля задрожала от подков.

Из-за холма появились всадники. Целый отряд.

На конях были попоны, на наездниках гребенчатые шлемы, за спинами развевались плащи, киноварно-малиновые, подобные отсвету пожара на небе, подсвеченном лучами заходящего солнца.

Свист, крик.

Наездники лавиной мчались на них.

Прежде чем они приблизились на полстае, единорогов уже не было. Они исчезли в степи, оставив за собой облако пыли.

Командир всадников, черноволосый эльф, сидел на гигантском как дракон караковом жеребце, покрытом, как и все лошади отряда, попной, вышитой под драконью чешую, и вдобавок несущим на голове прямо-таки демонический рога-

тый букраньон*. Как и у остальных эльфов отряда, у черноволосого под киноварно-малиново-кармазинным плащом была кольчуга, изготовленная из колечек невероятно малого диаметра, благодаря чему она облегала тело мягко, словно шелковая ткань.

— Аваллак'х, — сказал он, приветствуя.

— Эредин.

— Ты мой должник за оказанную услугу. Расплатишься, когда я потребую.

— Распłacусь, когда потребуешь.

Черноволосый слез с коня. Аваллак'х слез тоже и жестом приказал спешиться Цири. Они поднялись на холм к странной формы белым камням, обросшим бересклетом и карликовыми кустиками цветущего мирта.

Цири смотрела на эльфов. Они были одного роста, то есть оба чрезвычайно высоки. Но лицо Аваллак'ха было мягким, а черноволосый лицом напоминал хищную птицу. «Светлый и черный, — подумала Цири. — Добрый и злой. Свет и тьма...»

— Позволь, Зиреазль, представить тебе Эредина Бреакк Гласа.

— Очень приятно, — поклонился эльф. Цири ответила наклоном головы. Не слишком изящно.

— Откуда ты узнал, — спросил Аваллак'х, — что нам грозит опасность?

— Я и не знал. — Эльф внимательно разглядывал Цири. — Мы патрулируем равнину. Разошлась весть, что единороги стали беспокойными. Неведомо почему. То есть теперь уже ведомо. Из-за нее, ясное дело.

Аваллак'х не подтвердил, но и не опроверг. Цири же гордым взглядом ответила на взгляд черноволосого эльфа. Несколько мгновений они глядели друг на друга, но ни он, ни она не хотели первыми опустить глаза.

— Значит, это и есть Старшая Кровь, — отметил эльф. — Aen Hen Ichaeg, наследница Шиадаля и Лары Доррен? Что-то не очень хочется в это верить. Самая обыкновенная девчонка. Dh'oine. Человечья самочка.

Аваллак'х смолчал. Лицо у него было неподвижным и безразличным.

— Предположим, — продолжал черноволосый, — что ты не ошибся. Более того, примем за факт — ведь ты, говорят,

* голова быка, по образцу древнеримских воинов.

никогда не ошибаешься, — что в этом существе сидит глубоко укрытый ген Лары. И верно, если приглядеться как следует, можно заметить определенные признаки, свидетельствующие о родословной этой малютки. Есть у нее в глазах что-то напоминающее Лару Доррен. Не правда ли, Аваллак'х? Кто, если не ты, больше других способен это оценить?

Аваллак'х и на этот раз не отозвался. Цири заметила на его бледном лице признаки румянца. И удивилась. И задумалась.

— Короче говоря, — скривил губы черноволосый, — есть в этой маленькой Dh'oine что-то стоящее, что-то прекрасное. Я замечаю. И у меня такое ощущение, будто я увидел золотой самородок в куче... перегноя.

Глаза Цири вспыхнули. Аваллак'х медленно повернул голову.

— Ты говоришь, — сказал он, четко выговаривая слова, — совсем как человек, Эредин.

Эредин Бреакк Глас улыбнулся, показав зубы. Цири уже видела такие зубы, очень белые, очень мелкие и очень нечеловеческие, ровные, как из-под оселка. Ни резцов, ни клыков. Она видела такие зубы у мертвых эльфов, лежавших рядами во дворе пограничной заставы в Каздвене. Насмотрелась она на такие зубы у Искры. Но когда улыбалась Искра, зубы выглядели красиво, у Эредина же — как у упыря.

— А что, эта девочка, — сказал Эредин, — которая пытается убить меня взглядом, уже знает причину своего появления здесь?

— Конечно.

— И готова сотрудничать?

— Еще не вполне.

— Не вполне, — повторил Эредин. — Ха, скверно. Поскольку характер сотрудничества требует, чтобы оно было полным. Иначе как полным — попросту невозможно. А поскольку от Tig ná Lia нас отделяет всего полдня езды, хорошо бы знать, к чему мы пришли.

— Зачем торопиться? — Аваллак'х слегка выпятил губы. — Что мы выгадаем на спешке?

— Вечность. — Эредин Бреакк Глас посерьезнел, в его зеленых глазах что-то вспыхнуло и тут же погасло. — Однако это твое дело, Аваллак'х. Твоя забота. И твоя ответственность.

— Это сказал ты.

— Это сказал я. А теперь простите, но обязанности зывают. Оставляю вам эскорт для безопасности. Переночевать сове-

тую здесь, на этом холме. Если отправитесь в путь на заре, в Тир на Лиа прибудете своевременно. *Va fail!* Да, еще одно.

Он наклонился, обломал и сорвал покрытую цветками ветку мирта. Поднес ее к лицу, потом с поклоном вручил Цири.

— Это мои извинения, — сказал он кратко. — За необдуманные слова. *Va fail! Luned.*

Он быстро отошел, через минуту земля дрогнула под копытами, когда он уезжал с частью отряда.

— Только не говори, — пробурчала Цири, — что мне пришлось бы с ним... Что это он... Если это он, то никогда в жизни...

— Нет, — медленно сказал Аваллак'х. — Не он. Будь спокойна.

Цири поднесла ветку к лицу. Чтобы Аваллак'х не заметил возбуждения и интереса, охвативших ее.

— Я спокойна.

Сухой чертополох и вереск уступили место буйной зеленой траве, влажным папоротникам, сырая почва зажелтела лютиками, залиловела люпинами. Вскоре показалась река, лениво текущая в обрамлении плакучих ив. У хрустально-прозрачной воды был слегка коричневатый оттенок. Пахло торфом.

Аваллак'х наигрывал на своей флейте синкопированную мелодийку. Погрустневшая Цири усиленно размышляла.

— Кто, — заговорила она наконец, — должен стать отцом ребенка, который вам так необходим? А может, отцовство не имеет значения?

— Отцовство имеет значение. Надо понимать, ты приняла решение?

— Нет, не надо понимать. Просто выясняю для себя некоторые вопросы.

— Готов помочь. Что ты хочешь знать?

— Ты прекрасно знаешь что.

Несколько минут ехали молча. Цири смотрела на лебедей, гордо плывущих по реке.

— Отцом ребенка, — спокойно и по-деловому сказал Аваллак'х, — будет Ауберон Муиркетах. Ауберон Муиркетах — наш... Как это вы говорите... Верховный вождь.

— Король? Король всех *Aen Seidhe*?

— *Aen Seidhe*, народ Гор, это эльфы твоего мира. Мы же — *Aen Elle*. Народ Ольх. А Ауберон Муиркетах, да, верно, наш король.

— Король Ольх?

— Можно сказать и так.

Ехали молча. Было очень тепло.

— Аваллак'х...

— Слушаю.

— Если я решусь, то потом... позже... я буду свободна?

— Ты будешь свободна и уйдешь, куда захочешь. Если не решишь остаться. С ребенком.

Она пренебрежительно фыркнула, но ничего не сказала.

— Так ты решила?

— Решу, когда будем на месте.

— Мы уже на месте.

Из-за ветвей плакучих ив, спускающихся к воде словно зеленые занавеси, Цири увидела дворцы. Никогда в жизни ей не встречалось ничего подобного. Построенные из мрамора и алебаstra, они больше походили на ажурные беседки и казались столь нежными, воздушными и легкими, словно это были не здания, а призраки зданий. Цири так и казалось, что вот-вот повеет ветер и дворцы-игрушки исчезнут вместе с заволакивающим реку туманом. Но когда ветер повеял, туман исчез, зашевелились ветви ив и по реке пошла рябь, дворцы вовсе не исчезли и исчезать, судя по всему, не собирались. Они только стали еще красивее.

Цири восхищенно смотрела на террасы, на выступающие из воды подобно цветам водяных лилий башенки, на висящие над рекой мосточки, на фестоны плюща, на лесенки, ступеньки, изящные балюстрады, на арки и галереи, перистили, колонны и колонки, на большие и маленькие купола, на стройные, напоминающие спаржу зубцы и башенки на крышах.

— Тир на́ Лиа, — тихо сказал Аваллак'х.

Чем ближе они подъезжали, тем сильнее щемило сердце от прелести этого места, сильнее стискивало горло, и слезы наворачивались на глаза. Цири смотрела на фонтаны, на мозаики и терракоты, на статуи и памятники. На ажурные элементы строений, предназначения которых не понимала. И на конструкции, относительно которых была уверена, что они не служили ничему. Кроме эстетики и гармонии.

— Тир на́ Лиа, — повторил Аваллак'х. — Тебе когда-нибудь доводилось видеть подобное?

— Конечно. — Она пересилила спазм в горле. — Когда-то я видела остатки чего-то очень похожего. В Шаэраведде.

Теперь долго молчать пришла очередь эльфа.

* * *

Они переехали на другой берег по изогнутому дугой ажурному мостку, казавшемуся таким хрупким, что Кэльпи долго сторонилась и пофыркивала, прежде чем отважилась ступить на него.

Цири внимательно смотрела, стараясь не упустить ничего из той красоты, изящества и прелести, которые являл взору сказочный город Тир на Лиа. Во-первых, она прямо-таки сгорала от любопытства, во-вторых, не переставала думать о бегстве и внимательно искала малейшую возможность.

На мостах и террасах, в аллеях и перистиллях, на балконах и внутренних галереях она видела прогуливающих длинноволосых эльфов в облегающих одеждах и коротких плащах, вышитых диковинными лиственными мотивами. Видела красиво причесанных и ярко окрашенных эльфов в воздушных платьях или же мужских костюмах.

Перед портиком одного из дворцов их встретил Эредин Брекк Глас. По его краткому приказу вокруг них закружились маленькие, одетые в серое эльфочки. Аваллак'х, Эредин и другие встреченные до сих пор эльфы были чрезвычайно высокого роста. Чтобы заглянуть им в глаза, ей приходилось заирать голову. Серые эльфочки были гораздо ниже. «Другая раса, — подумала она. — Раса слуг. Даже здесь, в сказочном мире, должен быть кто-то, кто вкалывает, пока бездельничают хозяева».

Вошли во дворец. Цири вздохнула. Она была королевских кровей, воспитывалась во дворцах. Но таких мраморов и малахитов, такого алебаstra, подделанного под мрамор, паркета, мозаик, зеркал и канделябров не видела никогда. В этом блистательном чреве дворца она почувствовала себя скверно, неловко, не на месте, пыльной, потной и дурно пахнущей после проделанного пути.

Аваллак'х же, наоборот, вообще не обращал ни на что внимания. Отряхнул перчаткой брюки и голенища сапог, оставив без внимания тот факт, что пыль осела на зеркала. Потом побарски бросил перчатки склонившейся перед ним эльфочке.

— Ауберон? — спросил кратко. — Ждет?

Эредин улыбнулся:

— Ждет. Ему не терпится. Он требовал, чтобы Ласточка явилась незамедлительно, не теряя ни минуты. Я отговорил его.

Аваллак'х поднял брови.

— Зиреазель, — очень спокойно пояснил Эредин, — должна пойти к королю без какого-либо волнения и без давления с

нашей стороны, отдохнувшая, спокойная, в хорошем настроении. Хорошее настроение ей обеспечат ванна, новая одежда, новая прическа и макияж. Столько времени Ауберон, надо думать, еще выдержит. Мне кажется.

Цири глубоко вздохнула и взглянула на эльфа. Просто поразительно, каким симпатичным он ей сейчас показался. Эредин выставил напоказ свои ровные, без клыков, зубы.

— Одно только тревожит меня, — проговорил он. — Соболиный блеск в глазах нашей Ласточки. Наша Ласточка стреляет глазами налево и направо что твой горноста́й, высматривающий дырку в клетке. Ласточка, я это вижу, еще далека от соития без каких-либо предварительных условий.

Аваллак'х смолчал. Цири, разумеется, тоже.

— Я нисколько не удивляюсь, — продолжал Эредин. — Иначе и быть не может. Это же кровь Шиада́ль и Лары Доррен. Однако выслушай меня очень внимательно, Зиреаэ́ль. Отсюда убежать невозможно. Нет никаких способов преодолеть Geas Cratadh. Заклинание Барьера.

Взгляд Цири явно говорил, что она не поверит, пока не убедится лично.

— Если даже каким-то чудом ты выйдешь за Барьер, — Эредин не спускал с нее глаз, — то знай, это приведет к твоей гибели. Наш мир только выглядит красиво. Но несет смерть, в особенности несведущим. Раны, нанесенные рогом единорога, не залечивает даже магия. Знай также, — продолжал он, не дождавшись комментариев, — что тебе никак не поможет твой стихийный дар. Ты не выскочишь, даже не пытайся. А если тебе все же как-то удастся, знай: мои Deard Ruadhri, Красные Всадники, сумеют догнать тебя даже в бездне времени и пространства.

Она не очень поняла, что он имеет в виду. Но ее насторожило то, что Аваллак'х вдруг нахмурился и поморщился, явно недовольный речью Эредина. Так, словно Эредин сказал слишком много.

— Идем, — бросил он. — Следуй за мной. Сейчас мы отдадим тебя в руки дам. Надо, чтобы ты выглядела привлекательно. Первое впечатление важнее всего.

Сердце било молотом, кровь шумела в висках, руки слегка дрожали. Она сдержала дрожь, сжав кулаки. Успокоилась, сделав несколько глубоких вдохов и медленных выдохов. Расслабилась плечи, пошевелила занемевшей от волнения шеей.

Еще раз осмотрела себя в огромном зеркале. Картинка ей понравилась. Еще влажные после купания волосы были подстрижены и зачесаны так, чтобы хоть немного прикрыть шрам. Макияж удачно подчеркивал глаза и губы, неплохо смотрелся разрезанная до середины бедра серебристо-серая юбка, черный жилетик и тоненькая блузка из жемчужного крепа. Картину завершал фуляр на шее.

Цири поправила и выровняла фуляровый платок, сунула руку меж ляжек, поправляя и там все, что требовалось. А под юбкой у нее были действительно поразительные вещи — трусики, тонкие как паутинка, и доходившие почти до трусиков чулочки, совершенно непостижимым образом державшиеся без подвязок.

Она потянулась к ручке двери. С опаской, так, словно это была не ручка, а спящая кобра.

«Past, — подумала она невольно по-эльфы, — я выдерживала и мужиков с мечами. Выдержу и одного с...»

Она прикрыла глаза. И вошла в комнату.

Пусто. На малахитовом столике книга, бокал. На стенах странные рельефы и барельефы, драпри, яркие гобелены. В углу — статуя.

А в другом углу — ложе с балдахином. Сердце у Цири снова забилось сильнее. Она слотнула.

Краешком глаза заметила движение. Не в комнате. На террасе.

Он сидел там, полуобернувшись к ней.

Хотя уже немного понимая, что у эльфов все выглядит не так, как она привыкла думать и видеть, Цири тем не менее испытала легкий шок. Всякий раз, когда речь заходила о короле, ей, неведомо почему, чудился Элвилл из Вердэна, невесткой которого она чуть было не стала. Думая о короле, она видела неповоротливого, заплывшего жиром, пропахшего луком и пивом толстяка с красным носом и налитыми кровью глазами, неопрятного бородатого старика со скипетром и державой в опухших, покрытых печеночными бляшками руках.

Но у балюстрады стоял совсем другой король.

Он был очень худощав и — это было видно — очень высок. Его длинные, ниспадающие на плечи и спину волосы были пепельные, как у нее, сильно прореженные седыми прядками. На нем был черный бархатный жилет. На ногах типичные эльфы высокие сапоги с многочисленными застежками по всей голени. Кисти рук — узкие, белые, с длинными пальцами.

И занимался он тем, что пускал мыльные пузыри, то и дело макая соломинку в блюдечко с мыльной водой. Переливающиеся всеми цветами радуги пузырьки плыли вниз, к реке.

Они тихо кашлянула.

Король Ольх повернул голову. Цири не могла сдержать вздоха. У него были необыкновенные глаза. Светлые, как расплавленный свинец, бездонные. И полные невероятной тоски.

— Ласточка, — проговорил он. — Зиреазль. Благодарю за то, что пожелала прийти.

Она сглотнула, не зная, что сказать. Ауберон Муиркетах поднес соломинку к губам и послал в пространство очередной пузырь.

Чтобы сдержать дрожь в руках, она сплела их, выламывая пальцы. Потом нервно прошлась по волосам. Эльф, казалось, всецело поглощен мыльными пузырями.

— Ты нервничаешь?

— Нет, — солгала она. — Нет...

— Куда-нибудь спешишь?

— Конечно!

Пожалуй, она вложила в голос чуть лишку развязности, почувствовала, что балансирует на грани приличия. Однако эльф не обратил на это внимания. Выдул на конце соломинки огромный пузырь, покачивая, придав ему форму огурца. Долго любовался своим произведением.

— Я не покажусь тебе слишком назойливым, если спрошу, куда ты так спешишь?

— Домой! — фыркнула она, но тут же поправилась, добавив спокойным тоном: — В свой мир.

— Куда-куда?

— В свой мир!

— Ах так? Прости. Я мог бы поклясться, что ты сказала: к своим причудам. И очень удивился, поверь. Ты говоришь на нашем языке превосходно, но над произношением следует еще поработать.

— Так ли уж важно, как я произношу слова? Ведь я тебе потребна не для разговоров.

— Ничто не должно стоять на пути к совершенству.

На конце соломинки вырос очередной пузырь, оторвался, поплыл и лопнул, натолкнувшись на ветку ивы. Цири вздохнула.

— Стало быть, ты спешишь в твой мир, — проговорил, помолчав, король Ауберон Муиркетах. — «Твой». Действительно, вы, люди, не страдаете избытком скромности.

Он поболтал соломинкой в блюдечке, беззаботным, казалось, дуновением окружил себя роем радужных шариков.

— Человек, — сказал он. — Твой косматый предок по мечу появился на свет гораздо позже, чем курица. А я никогда не слышал, чтобы у какой-либо курицы были претензии к миру... Почему ты крутишься и топчешься на месте, словно обезьянка? То, что я говорю, должно тебя заинтересовать. Ведь это история. Ах, прости, догадываюсь, история тебя ничуть не интересует, а лишь нагоняет тоску.

Большой искрящийся пузырь поплыл к реке. Цири молчала, покусывая губы.

— Твой косматый предок, — продолжал эльф, помешивая соломинкой в блюдечке, — быстро научился пользоваться оттопыренным большим пальцем и зачатками интеллекта. С их помощью он проделывал разные фокусы, как правило, столь же смешные, сколь и страшные. То есть я хотел сказать, что если б проделываемые им фокусы не были столь страшными, то были бы смешны.

Очередной пузырь. Сразу после него второй и третий.

— Нас, Aen Elle, в принципе мало интересовало, что творит твой предок. Мы, в противоположность Aen Seidhe, нашим собратьям, уже давно ушли из «твоего» мира. Мы избрали себе иной, более любопытный универсум. Ибо в те времена — тебя удивит то, что я скажу, — можно было достаточно свободно перемещаться между мирами. При толике дара и ловкости, разумеется. Ты, несомненно, понимаешь, что я имею в виду.

Цири закипала от любопытства, но упорно молчала, зная, что эльф слегка подсмеивается над ней. И не хотела облегчать ему задачу.

Ауберон Муиркетах улыбнулся. Повернулся. На шее у него висел золотой алышбанд, знак власти, носящий на Старшей Речи название *torc'h*.

— Mire lured.

Он легко дунул, медленно вращая соломинку. У отверстия вместо одного, как раньше, большого пузыря повисло несколько.

— Пузырек при пузырьке, при пузырьке пузырек, — замурлыкал он. — Эх, так было, так было... Мы говорили, какая

разница, побудем немного здесь, немного там, ну и что из того, что Dh'oine захотели во что бы то ни стало уничтожить свой мир вместе с собой? Пойдем куда-нибудь еще... В другой пузырек...

Обжигаемая его палящим взглядом, Цири кивнула, облизнула губы. Эльф снова улыбнулся, страхнул пузырьки, дунул еще раз, теперь уже так, что на конце солминки образовалась огромная гроздь из множества маленьких, слепившихся меж собой пузырьков.

— Наступила Конъюнкция. — Эльф поднял увешанную пузырьками соломинку. — Миров стало еще больше. Но двери захлопнулись. Они закрыты для всех, кроме горстки избранных. А время уходит. Двери надобно отворить. Срочно. Это императив. Ты понимаешь это слово?

— Я не дура.

— Конечно, нет. — Он повернул голову. — Просто не можешь быть душой. Ведь ты — Aen Hen Ichaer, Старшая Кровь. Подойди ближе.

Когда он протянул к ней руку, она невольно стиснула зубы. Но коснулся он только ее предплечья, а потом запястья. Она почувствовала, как по руке пробежали приятные мурашки. Отважилась глянуть в его необыкновенные глаза.

— Я не верил, когда говорили, — шепнул он. — Но это правда. У тебя глаза Шиададь. Глаза Лары.

Она потупилась. Чувствовала себя неуверенно и глуповато.

Король Ольх оперся локтем о перила балюстрады, а подбородок положил на ладонь. Несколько минут, казалось, его интересовали исключительно плавающие по реке лебеди.

— Благодарю тебя за то, что ты пришла, — сказал он наконец, не поворачивая головы. — А теперь иди и оставь меня одного.

Она отыскала Аваллак'ха на террасе у реки в тот момент, когда он садился в лодку в обществе прекраснейшей эльфки с волосами цвета соломы. На губах у эльфки была помада фисташкового цвета, а на щеках и висках золотились переливающиеся пылинки.

Цири собиралась повернуться и уйти, но тут Аваллак'х сначала остановил ее жестом, а потом пригласил в лодку. Она замялась. Не хотела разговаривать при свидетеле. Аваллак'х что-то быстро сказал эльфке и послал ей воздушный поцелуй.

Эльфка пожала плечами и ушла. Только один раз обернулась, чтобы показать Цири глазами, что о ней думает.

— Если можешь, воздержись от замечаний, — сказал Аваллак'х, когда она присела на ближайшую к носу скамеечку. Сам он тоже сел, вынул флейту, заиграл, нисколько не интересуясь лодкой. Цири беспокойно обернулась, но лодка плыла точно по середине реки, не отклоняясь ни на дюйм в сторону спускающихся к воде ступеней, столбов и колонн. Странная это была лодка. Цири таких не видела никогда, даже на Скеллиге, где насмотрелась на все, что в состоянии держаться на воде. У лодки был высокий изящный нос в виде ключа с бородкой, сама лодка была очень узкой и неустойчивой. Действительно, только эльф мог сидеть в такой штуковине и наигрывать на флейте, вместо того чтобы держаться за руль и весла.

Аваллак'х перестал играть.

— Что тебя тяготит?

Он выслушал, поглядывая на нее и непонятно чему улыбаясь.

— Ты обманута, — отметил он, а не спросил. — Обманута, разочарована, а прежде всего возмущена.

— Вовсе нет. Не возмущена!

— И правильно, — посерьезнел эльф. — Ауберон отнесся к тебе с уважением, как благородный Aen Elle. Не забывай, мы, Народ Ольх, никогда не торопимся. У нас достаточно времени...

— Он сказал мне совсем другое.

— Я знаю, что он тебе сказал.

— И в чем тут дело, ты тоже знаешь?

— Конечно.

Она уже научилась многому. Даже вздохом, даже дрожью век не выдала нетерпения и злости, когда он опять взялся за флейту и заиграл. Мелодично, грустно. Долго.

Лодка плыла. Цири считала проплывающие над их головами мосты.

— У нас есть, — заговорил он, как только они проплыли под четвертым мостом, — более чем серьезные основания предполагать, что твоему миру грозит гибель. Климатическая катастрофа колоссального масштаба. Ты — эрудитка и, несомненно, сталкивалась с Aen Ithlinne Speath. Пророчеством Итлины. В этом пророчестве сказано о Белом Хладе. Мы считаем, что в виду имеется гигантское оледенение. А поскольку так сложилось, что девяносто процентов льдов твоего мира скопилось на

северном полушарии, постольку оледенение может угрожать существованию большинства живых... объектов. Они попросту вымрут от холода. Те, что выживут, погрязнут в варварстве, уничтожат друг друга в безжалостных войнах за пищу, станут добычей спятивших от голода хищников. Вспомни слова Пророчества: Час Презрения, Час Топора, Час Волчьей Пурги.

Цири не перебивала, опасаясь, как бы он снова не взялся за флейту.

— Столь необходимый нам ребенок, — продолжал Аваллак'х, поигрывая флейтой, как палочкой, — потомок и носитель гена Лары Доррен, того гена, который мы специально создали, может спасти обитателей тамошнего мира. У нас есть основания предполагать, что потомок Лары — и твой, конечно, — будет обладать способностями, тысячекратно более сильными, нежели те, которыми обладаем мы, ведуны. И которыми в зачаточной форме обладаешь ты. Ты ведь знаешь, о чем я говорю? Верно?

Цири уже успела привыкнуть к тому, что такие риторические построения, внешне имеющие форму вопроса, фактически не только не требовали, но совсем наоборот — запрещали давать ответы.

— Короче говоря, — продолжал Аваллак'х, — речь идет о возможности перемещения между мирами не только твоей собственной, как ни говори, не очень-то значительной osoby. Речь идет о раскрытии Ard Gaeth, гигантских и устойчивых Врат, сквозь которые прошли бы все. До Конъюнкции нам это удавалось. Мы хотим добиться этого и теперь. Мы эвакуируем из погибающего мира обитающих там Aen Seidhe. наших собратьев, которым мы обязаны помочь. Мы не могли бы жить с мыслью, что сделали для их спасения не все, что-то упустили. Можешь поверить, мы не упустим ничего. И спасем, эвакуируем из того мира всех, кому угрожает гибель. Всех, Зиреазль. Людей тоже.

— Да ну? — не выдержала она. — Dh'oine тоже?

— Тоже. Теперь ты сама видишь, сколь необходима, как многое от тебя зависит. Как важно, чтобы ты набралась терпения. Как важно, чтобы сегодня вечером пошла к Ауберону и осталась у него на всю ночь. Поверь, его поведение не было демонстрацией неприязни. Он знает, что для тебя все очень непросто, знает, что настойчивой поспешностью может задеть тебя и обидеть. Он знает многое, Ласточка. Не сомневаюсь, что ты это заметила.

— Заметила, — фыркнула она. — Заметила также, что течение относит нас далеко от Тир на Лиа. Пора взяться за весла. Которых, впрочем, я что-то не вижу.

— Потому что их нет. — Аваллак'х поднял руку, покрутил кистью, щелкнул пальцами. Лодка остановилась. Некоторое время стояла на месте, потом поплыла против течения.

Эльф уселся поудобнее, поднес к губам флейту и всецело погрузился в музыку.

Вечером Король Ольх пригласил ее отужинать. Когда она вошла, шурша шелками, он жестом предложил ей место за столом. Слуг не было. Ухаживал за ней он сам.

Ужин состоял из нескольких видов овощей. Были также грибы — варенные, жаренные, тушенные в соусе. Таких грибов Цири никогда не едала. Были грибы белые и тоненькие будто нитки, с нежным и мягким вкусом, были коричневые и черные, мясистые и ароматные.

Ауберон не жалел розового вина. На первый вкус легкое, оно ударяло в голову, расслабляло, развязывало язык. Не успела Цири оглянуться, как уже повествовала ему о вещах, о которых никогда б не подумала, что кому-нибудь скажет.

Он слушал. Терпеливо. А она неожиданно вспомнила, зачем пришла, нахмурилась и умолкла.

— Насколько я понял, — он подложил ей совершенно новых грибов, зеленоватых и пахнущих шалотом*, — ты считаешь, что с неким Геральтом тебя связывает Предназначение?

— Именно так. — Она подняла фужер, уже носящий многочисленные следы ее губной помады. — Предназначение. Он, то есть Геральт, предназначен мне, а я ему. Наши судьбы связаны. Так что лучше бы мне отсюда уйти. Сейчас же. Ты понимаешь?

— Признаться, не очень.

— Предназначение, — она отхлебнула из фужера, — сила, которой лучше не вставать на пути. Поэтому я думаю... Нет-нет, благодарю, пожалуйста, не подкладывай больше, я наелась так, что вот-вот лопну.

— Ты сказала, что думаешь...

— Я думаю, было ошибкой притащить меня сюда. И принудить к... Ну, ты знаешь, о чем я. Мне надо отсюда уйти, поспешить ему на помощь... Ибо мое Предназначение...

* лук-шалот.

— Предназначение, — прервал король, поднимая фужер. — Предопределение. Нечто неизбежное. Механизм, который ведет к тому, что практически бесконечное множество событий, которые невозможно предвидеть, должно завершиться только так, а не иначе. Так, да?

— Именно!

— Независимо от обстоятельств и условий результат должен оказаться вполне определенным. Что предназначено, должно свершиться. Так? Нет?

— Так!

— Тогда куда и зачем ты намерена идти? Пей вино, радуйся мгновению, радуйся жизни. Чему суждено, то случится, коли это неизбежно.

— Аккурат! Все вовсе не так уж хорошо!

— Ты противоречишь самой себе.

— Неправда.

— Ты противоречишь противоречию, а это уже порочный круг.

— Нет, — тряхнула она головой. — У тебя получается, что сиди себе у озера и жди погоды! А что суждено — случится! Нет! Само по себе ничего случиться не может!

— Софизм.

— Нельзя впустую транжирить время. Этак можно прозевать нужный момент! Тот единственный нужный, соответствующий, неповторимый. Ибо время не возвращается никогда!

— Послушай, — прервал он. — Взгляни-ка сюда.

На стене, на которую он указал, размещался рельеф, изображающий огромного чешуйчатого змея. Гад, свернувшийся восьмеркой, вгрызался в собственный хвост. Цири уже видела нечто подобное, но не помнила где.

— Это, — сказал эльф, — древнейший змей Уроборос. Он символизирует бесконечность и сам является бесконечностью. Он — вечный уход и вечное возвращение. Он есть то, что не имеет ни начала, ни конца. Время — как древнейший Уроборос. Время — уходящие мгновения, песчинки, пересыпающиеся в песочных часах. Время — моменты и события, которыми мы так охотно пытаемся его измерять. Но древнейший Уроборос напоминает нам: в любом моменте, в любом мгновении, в любом событии содержатся прошлое, настоящее и будущее. В любом мгновении сокрыта вечность. Каждый уход это одновременно и возвращение, каждое прощание — встреча, каж-

дое возвращение — расставание. Все одновременно суть и начало, и конец.

И ты тоже, — сказал он, больше не глядя на нее, — суть одновременно начало и конец. А поскольку мы ведем речь о Предназначении, знай, что это как раз и есть твое Предназначение. Быть началом и концом. Понимаешь?

Она на мгновение заколебалась. Но его пылающий взгляд заставил ее ответить.

— Понимаю.

— Раздевайся.

Он проговорил это так беззаботно, так равнодушно, что она чуть не вскрикнула от ярости. Дрожащими руками начала расстегивать жилет.

Пальцы не слушались, крючочки, пуговицы и тесемочки были неудобными и тугими. Хоть Цири и спешила как могла, желая поскорее покончить со всем, разоблачение тянулось раздражающе долго. Но эльф, казалось, не торопится. словно в его распоряжении и правда вечность.

«Как знать, — подумала она, — а может, оно и верно так?»

Уже совершенно нагая, он переступала с ноги на ногу, паркет охлаждал ступни. Он заметил это и молча указал на ложе.

Постель была из норок. Мягчайших, теплых, ласкающих тело.

Он лег рядом, в одежде, даже в сапогах. Когда он коснулся ее, она невольно напряглась, немного злая на себя, потому что намеревалась до последней минуты разыгрывать из себя гордую и неприступную. Зубы, что уж долго говорить, у нее стучали, однако его электризирующее прикосновение, как ни странно, успокаивало, а пальцы учили и приказывали. Указывали. В тот момент, когда она начала понимать указания верно и даже с опережением, она прикрыла глаза и представила себе, что это Мистле. Но ничего не получилось: очень уж он отличался от Мистле.

Он рукой поучал, что надо сделать. Она послушалась, даже с желанием выполнила. Торопливо.

Он же не спешил вообще. Добился того, что под его ласками она размякла, словно шелковая тряпочка. Довел ее до того, что она начала постанывать. Кусать губы. До резких, сотрясающих все естество, спазм.

Того, что он сделал потом, она никак не ожидала: встал и ушел, оставив ее распластанной, нервно дышащей и дрожащей.

И даже не обернулся.

Кровь ударила Цири в виски. Она свернулась калачиком на норковых простынях. И начала ругаться. От ярости, стыда и унижения.

Утром она отыскала Аваллак'ха в перистиле за дворцом, среди скульптур. Скульптуры — странное дело — изображали эльфийх детей. В основном капризничавших. Особенно интересен был тот, около которого стоял эльф: малыш с искаженной злостью мордашкой, стиснутыми кулачками, стоящий на одной ножке.

Цири долго не могла оторвать взгляда от скульптурки, а под животом чувствовала тупую боль. Лишь когда Аваллак'х поторопил ее, она рассказала обо всем. Уклончиво и заикаясь.

— Он, — серьезно сказал Аваллак'х, когда она закончила, — более шестисот пятидесяти раз видел дымы Саовины. Поверь мне, Ласточка, это много даже для Народа Ольх.

— А мне-то что? — проворчала она. — Мы договорились. Вы, я думаю, научились у краснолюдов, ваших побратимов, что такое контракт? Я свое сделала! Отдалась! Какое мне дело, что он не может или не хочет? Мне без разницы, что это — старческая немощь или я его не привлекаю. Может, он брезгует Dh'oine? Может, как Эредин, видит во мне только самородок в куче перегноя?

— Надеюсь, — лицо Аваллак'ха, небывалое дело, изменилось и сморщилось, — надеюсь, ты не сказала ему ничего подобного?

— Не сказала. Хотя и очень хотелось.

— Остерегайся. Ты не знаешь, чем рискуешь.

— Мне все едино. Я заключила контракт. Или выполняйте условия, или разрываем уговор и я становлюсь свободной.

— Берегись, Зиреазль, — повторил он, указывая на статуэтку капризничавшего малыша. — Не будь такой, как этот мальчик. Следи за своими словами. Старайся понять. А если чего-то не понимаешь, ни в коем случае не действуй опрометчиво. Помни, время не играет никакой роли.

— Неправда!

— Не будь, пожалуйста, строптивым ребенком. Повторяю еще раз: наберись терпения. Потому что это твой единственный шанс получить свободу.

— Да неужто? — чуть не закричала она. — Начинаю сомневаться! Начинаю подозревать, что ты обманул меня! Что все вы меня обманули...

— Я обещал тебе, — лицо Аваллак'ха оставалось таким же мертвым, как камень статуй, — что ты вернешься в свой мир. Я дал слово. Подвергать слово сомнению — тяжкая обида для Аеп Elle. Чтобы от нее уберечься, я предлагаю окончить разговор.

Он хотел уйти, но она преградила ему путь. Его аквамаринные глаза превратились в щелочки, и Цири поняла, что имеет дело с очень опасным эльфом. Но отступать было поздно.

— Очень уж это по-эльфьему, — прошипела она, — оскорбить и не давать возможности отыграться.

— Берегись, Ласточка.

— Послушай! — Она гордо вскинула голову. — Ваш Король Ольх с задачей не справился. Это более чем ясно. Не имеет значения, в нем ли причина или во мне. Но я желаю выполнить договор и покончить с этим раз и навсегда. Так пусть того ребенка, который вам так необходим, заделает мне кто-нибудь другой.

— Ты даже не понимаешь, что говоришь!

— А если причины во мне, — проговорила она с той же интонацией, с тем же выражением лица, — значит, ты ошибся, Аваллак'х. Притащил в свой мир не того, кого надо.

— Ты не понимаешь, что говоришь, Зиреазль.

— Если же, — крикнула она, — все вы мною брезгуете, то воспользуйтесь методами скотоводов, выращивающих осломудов! Что, не знаешь? Жеребцу показывают кобылу, а потом завязывают глаза и подставляют ослицу!

Он даже не пытался отвечать. Бесцеремонно отвернулся и ушел по аллее.

— А может, ты сам? — рывкнула она. — Хочешь, отдамся тебе? А? Не пожертвуешь ли собой? А? Ведь у меня вроде бы глаза Лары?!

В два прыжка он оказался рядом, его руки змеями протянулись к ее шее и сжали, словно стальные клещи. Она поняла, что стоит ему захотеть, и он удушит ее как цыпленка.

Но он отпустил ее. Наклонился. Заглянул в глаза.

— Кто ты такая, — спросил необыкновенно спокойно, — что осмеливаешься бесчестить ее имя? Кто ты такая, что осмеливаешься осыпать меня оскорблениями? О, я знаю, я вижу, кто ты такая. Ты не дочь Лары. Ты дочь Крегеннана, бездум-

ная, невежественная, самовлюбленная Dh'oïne, прямо-таки типичный представитель расы, которая ничего не понимает, но стремится все разрушить и уничтожить, превратить в руины одним прикосновением, измарать и испоганить одной лишь мыслью! Твой предок украл у меня мою любовь, отнял ее у меня, самовлюбленно и невежественно отнял у меня Лару. Но тебе, достойной его дщери, я не позволю отнять у меня память о ней!

Он отвернулся. Цири поборола спазм.

— Аваллак'х...

Взгляд.

— Прости меня. Я вела себя бездумно и низко. Подло. Прости меня, Аваллак'х. И если можешь — забудь.

Он подошел к ней. Обнял.

— Я уже забыл, — тепло проговорил он. — Не будем к этому возвращаться.

Когда вечером она вошла в королевские покои, умытая и причесанная, Ауберон Муиркетах сидел за столом, склонившись над шахматной доской. Он молча приказал ей сесть напротив.

И выиграл за девять ходов.

Следующую партию она играла белыми, а он выиграл за одиннадцать ходов.

Только тогда он поднял глаза — светлые необыкновенные глаза.

— Разденься, пожалуйста.

В одном его нельзя было упрекнуть — он был деликатен и несколько не торопился.

Когда — как и в прошлый раз — он поднялся с ложа и молча ушел, Цири приняла это безропотно. Но почти до рассвета не могла уснуть.

А когда окна посветлели от зари и она наконец уснула, ей приснился очень странный сон.

Высогота, склонившись, отряхивает от росы ловушку на ондатр. Шумят тронутые ветром камыши.

Я чувствую себя виновным, Ласточка. Это я подсказал тебе идею безумной эскапады. Показал путь к той проклятой Башне.

— Не упрекай себя, Старый Ворон. Если б не Башня, меня схватил бы Бонарт. Здесь я по крайней мере в безопасности.

Здесь ты не в безопасности.

Высогота выпрямляется.

За его спиной Цири видит холмы, голые и пологие, выступающие из трав, словно изогнутые хребты затаившихся в засаде чудовищ. На одном из холмов огромный валун. Рядом с валуном две фигуры. Женщина и девочка. Ветер рвет и развеивает черные волосы женщины.

Горизонт полыхает молниями.

Хаос протягивает к тебе руки, доченька. Дитя Старшей Крови, девочка, вплетенная в Движение и Перемены, в Гибель и Возрождение. Предназначенная и сама являющаяся Предназначением. Из-за закрытых дверей Хаос протягивает к тебе свои когти, по-прежнему не зная, станешь ли ты его орудием или помехой в его планах. Не зная, не сыграешь ли ты случайно роль песчинки в шестеренках Часов Судьбы. Хаос боится тебя, Дитя Предназначения. А хочет сделать все, чтобы страх испытывала ты. Поэтому насылает на тебя сны.

Высогота наклоняется. За его спиной небо полыхает заревом пожаров. По равнине галопом мчатся тысячи всадников. Всадников в красных плащах.

Dearg Rundhri.

Послушай меня внимательно, Ласточка. Старшая Кровь, текущая в твоих жилах, дает тебе огромную власть. Ты — Владычица Мест и Времени. У тебя гигантская Сила. Не позволяй ее у себя отобрать и использовать для подлых целей преступникам и негодяям. Защищайся! Вырвись из их нечистоплотных рук!

— Легко сказать. Они окружили меня здесь каким-то магическим барьером и сделали своей узницей.

Ты — Владычица Мест и Времени. Тебя невозможно запереть.

Высогота выпрямляется. У него за спиной плоскогорье, каменистая равнина, на ней — остовы кораблей. Десятки остовов. А дальше — замок, черный, грозный, оскалившийся зубцами стен, возвышающийся над горным озером.

Они погибнут, если ты не поможешь им. Ласточка. Только ты можешь их спасти.

Губы Йеннифэр, потрескавшиеся и разбитые, шевелятся беззвучно, кровоточат. Фиолетовые глаза блестят, горят на исхудалом, сморщенном, почерневшем от муки лице, прикрытом бурей растрепанных, грязных, черных волос. В углублении пола — вонючая лужа, кругом бегают крысы. Пронизывающий холод каменных стен. Холод кандалов на кистях рук, на щиколотках ног.

Ладони и пальцы Йеннифэр — сплошная масса запекшейся крови.

— Мамочка! Что они с тобой сделали?!

Мраморные ступени, ведущие вниз. Лестница в три этажа. Va'esse deireadh aer eigeap... Что-то кончается... Что?

Ступени. Внизу огонь, горящий в железных корзинах. Пылающие гобелены.

«Пошли, — говорит Геральт. — По ступеням вниз. Мы должны. Так надо. Другой дороги нет. Только эта лестница. Я хочу увидеть небо».

Его губы не шевелятся. Они синие, и на них кровь. Кровь, всюду кровь. Вся лестница в крови...

Другой дороги нет. Нет, Звездоокая.

— Как! — кричит она. — Как я могу им помочь? Я в другом мире! Я заперта здесь. Я бессильна!

Тебя нельзя запереть.

«Все уже описано, — говорит Высогота. — Даже это. Взгляни под ноги».

Цири с ужасом видит, что стоит в море костей. Среди черепов, берцовых костей и поломанных ребер.

Только ты можешь предотвратить это, Звездоокая.

Высогота выпрямляется. У него за спиной зима, снег, метель. Воеет и свищет вьюга.

Перед ней, в метели, на коне, Геральт. Цири узнает его, хотя на голове у него меховая шапка, а лицо укутано шерстяным шарфом. За ним маячат другие всадники, их фигуры размыты, так сильно укутаны, что невозможно распознать, кто есть кто.

Геральт смотрит на нее. Но не видит. Снег застит ему глаза.

— Геральт! Это я! Здесь!

Он не видит ее. И не слышит в вое вьюги.

— Герааальт!!!

«Это муфлон, — говорит Геральт. — Это всего-навсего муфлон. Возвращаемся».

Всадники исчезают, растворяются в пурге.

— Гераааальт! Нет! Нееет!

Она проснулась.

Утром сразу же пошла в конюшню. Даже не позавтракав. Не хотела встречаться с Аваллак'хом, не желала разговаривать с ним. Предпочитала избегать настырных, вопрошающих,

любопытствующих; липнувших взглядов других эльфов и эльфов. В любом другом случае демонстративно равнодушные, к делам королевского алькова эльфы проявляли интерес, а у стен дворца, Цири не сомневалась, были уши.

Она отыскивала в боксе Кэльпи, нашла седло и упряжь. Не успела оседлать кобылу, как рядом уже оказались слуги, серые эльфки, маленькие, на голову ниже обычных Aep Elle. Они помогли ей управиться с лошастью, кланяясь и лстыиво улыбаясь.

— Благодарю, — сказала она. — Я управилась бы сама, но благодарю. Вы очень любезны.

Ближайшая к ней эльфка широко улыбнулась, и Цири вздрогнула,

Потому что у девушки в числе других зубов были и клыки...

Она подскочила к ней так быстро, что та чуть не присела от испуга. Отвела волосы от уха. Обычное, закругленное.

— Ты человек?

Девушка, а вместе с ней и остальные прислужницы, бросились на колени, упали на глинобитный пол. Наклонили голову, ожидая наказания.

— Я... — начала Цири, теребя ремень поводьев. — Я...

Она не знала, что сказать. Девушка все еще стояла на коленях. Лошади беспокойно фыркали и топтались в боксах.

Снаружи, уже в седле, уже мчась галопом, она все еще никак не могла собраться с мыслями. Человеческие девушки. Слуги, но не это главное. Главное то, что в этом мире есть Dh'oine...

«Люди, — тут же мысленно поправила она. — Я начинаю мыслить как эльфы!»

Из задумчивости ее вывело громкое ржание и прыжок Кэльпи. Она подняла голову и увидела Эредина на темно-гнедом жеребце, без демонического букраньона и большей части остальных боевых причиндалов. Только кольчуга по-прежнему поблескивала под плащом, переливающимся множеством оттенков красного. Жеребец приветливо и хрипло заржал, мотнул головой и ощерил на Кэльпи желтые зубы. Кэльпи, придерживаясь принципа, что дело надо иметь с хозяином, а не со слугой, потянулась зубами к уху эльфа. Цири резко натянула поводья.

— Поосторожней, — сказала она. — Держи дистанцию. Моя кобыла чужаков не любит. И может укусить.

— Тех, которые кусаются, — окинул он ее злым взглядом, — взнуздывают железными мундштуками, чтобы кровь брызнула. Чудесный способ сбить спесь. У коней тоже.

Он рванул трензеля жеребца так сильно, что конь захрипел и сделал несколько шагов назад, с морды потекла пена.

— Зачем тебе кольчуга? — Цири окинула эльфа взглядом. — На войну собрался?

— Совсем наоборот. Жажду покоя. У твоей кобылы, кроме норова, есть еще какие-нибудь достоинства?

— Например?

— Померяемся в беге?

— Почему бы нет? — Она приподнялась на стремянах. — Туда, в сторону вон тех кромлехов...

— Нет, — прервал он. — Туда — нет.

— Почему?

— Запретная территория.

— Конечно, для всех?

— Конечно, не для всех. Мы, Ласточка, слишком ценим твое общество, чтобы рисковать остаться без тебя самой либо кого-нибудь еще.

— Кого-нибудь еще? Ты, конечно, имеешь в виду не единорогов?

— Не хочу утомлять тебя разговорами о том, что именно я имею в виду.

— Не понимаю.

— Знаю, что не понимаешь. Для того, чтобы понимать, эволюция не дала тебе достаточного количества извилин. Послушай, если хочешь наперегонки, предлагаю вдоль берега. Вон туда. До Порфириового Моста, третьего по счету. Потом через мост на другой берег, дальше — вдоль берега по течению, финиш у впадающего в реку ручья. Ты готова?

— Всегда готова!

Он криком послал жеребца вперед, и тот рванулся как ураган. Не успела еще Кэльпи стартовать, а он уже был далеко. Жеребец шел так, что земля дрожала, но с Кэльпи сравняться не мог. Она догнала его быстро, еще перед Порфириовым Мостом. Мост был узкий. Эредин крикнул, и жеребец, что казалось совершенно невероятным, помчался быстрее. Цири моментально сообразила, в чем дело. На мосту ни за что не уместились бы две лошади. Одна должна была задержаться.

Но задерживаться Цири не собиралась. Приникла к гриве, и Кэльпи стрелой вырвалась вперед. Отерлась о стремя эльфа, влетела на мост первой. Эредин вскрикнул, жеребец встал на дыбы, ударился боком об алебастровую статую, свалил ее с цоколя, рассыпав в пыль.

Цири, хохоча, как упырица, не оглядываясь прогалопировала через мост.

У ручья спешила и подождала.

Он подъехал через минуту, шагом. Улыбающийся и спокойный.

— Мои поздравления, — сказал кратко, слезая с лошади. — И кобыле, и амазонке.

Хоть гордость и распирала Цири как павлина, она лишь пренебрежительно фыркнула.

— Ну что? Не придется тебе нас взнуздывать железом до крови?

— Разве только с твоего согласия, — двусмысленно улыбнулся он. — Есть кобылы, которым по душе грубая ласка.

— Совсем недавно, — она заносчиво поглядела на него, — ты приравнял меня к перегну. А теперь уже заговорил о ласках?

Он подошел к Кэльпи, прошелся рукой, пошлепал ее по шее, покачал головой, убедившись, что она сухая. Кэльпи дернула головой и протяжно взвизгнула. Эредин повернулся к Цири.

«Если он и меня пошлепает, — подумала она, — то пожалеет».

— Пойдем со мной.

Вдоль впадающего в реку ручья, что сбежал с крутого, густо поросшего лесом склона, наверх вела лестница, выложенная плитами омшелого песчаника. Ступени были весьма преклонного возраста, многовековые, потрескавшиеся, испещренные щелями от корней деревьев. Лестница шла зигзагами, то и дело пересекала ручей. Их окружил лес, дикий лес, полный старых деревьев — ясеней и грабов, тисов, яворов и дубов, ближе к земле опутанных зарослями орешника, тамариска и смородины. Пахло полынью, шалфеем, крапивой, влажными камнями, весной и плесенью.

Цири шла молча, не спеша, контролируя дыхание, и следила за нервами. Она понятия не имела, чего от нее хочет Эредин, но предчувствия были не из лучших.

Рядом с очередным водопадиком, шумно сбегающим с каменного порожка, располагалась каменная терраса, а на ней, в тени большого куста дикой сирени, стояла беседка, увитая плющом и традесканцией. Внизу виднелись кроны деревьев, лента реки, крыши, перистили и террасы Тир на Леа.

Они немного постояли.

— Мне так и не сказали, — первой нарушила молчание Цири, — как называется эта река.

— Easnadh.

— Вздых? Красиво. А ручей?

— Tuathe.

— Шепот. Тоже красиво. Почему никто не сказал, что в вашем мире живут люди?

— Потому что эта несущественная информация не имеет для тебя никакого значения. Войдем в беседку.

— Зачем?

— Войдем.

Первое, что она увидела, был деревянный топчан. Цири почувствовала, как в висках стучит кровь. «Ну конечно, — подумала она, — можно было ожидать. Читала же я в храме роман Анны Тиллер о старом короле, юной королеве и жаждущем власти претенденте-князе. Эредин безжалостен, самолюбив и решителен. Знает, что истинный король, истинный владыка — тот, у кого в руках королева. Он настоящий мужчина. Кто обладает королевой, тот обладает королевством. Здесь, на этом топчанчике, будет положено начало государственному перевороту...»

Эльф присел за мраморный столик, указал Цири на второй стул. Вид из беседки, казалось, интересует его больше, чем она, а на топчан он и глазом не повел.

— Ты останешься здесь навсегда, — заговорил он неожиданно, застав ее врасплох. — Ты, моя амазонка, легкая как мотылек, останешься здесь до конца твоей мотылиной жизни.

Она молчала, глядя ему прямо в глаза. Глаза не выражали ничего.

— Тебе не позволят отсюда уйти, — повторил он. — Они отмахнутся от того, что вопреки пророчествам и мифам ты — никто и ничто, существо, абсолютно ничего не значащее. Они не поверят в это и не дадут тебе уйти. Они обманули тебя посулами, чтобы обеспечить твоё послушание, но и не думали своего обещания выполнять. Никогда.

— Аваллак'х, — хрипло проговорила она, — дал мне слово. И сказал, что сомневаться в слове эльфа — для него оскорбление.

— Аваллак'х — ведун. У ведунов свой кодекс чести, в котором каждая вторая фраза говорит о том, что цель оправдывает средства.

— Не понимаю, зачем ты все это говоришь. Или... чего-то от меня хочешь? Похоже, у меня есть нечто очень нужное тебе. И ты намерен поторговаться. Что, Эредин? Моя свобода взамен за... За что?

Он долго смотрел на нее. А она напрасно искала в его глазах какое-нибудь указание, какой-нибудь сигнал, знак. Хотя что-то...

— Ты наверняка, — медленно начал он, — уже успела немного узнать Ауберона. Наверняка заметила, что он невероятно честолюбив. Есть многое, чего он не одобрит никогда, с чем никогда не согласится. Скорее умрет.

Цири молчала, покусывая губы и поглядывая на топчан.

— Ауберон Муиркетах, — продолжал эльф, — никогда не обратится к магии либо иным средствам, которые могут изменить положение дел. А такие средства есть. Хорошие, сильные, гарантированные средства. Гораздо более эффективные, нежели аттрактанты, которыми слуги Аваллак'ха насыщают твою косметику.

Он быстро провел рукой над темной с прожилками поверхностью стола, а когда отвел руку, на столе остался маленький флакончик из серо-зеленого нефрита.

— Нет, — прохрипела Цири. — Ни в коем случае. На это я не согласна.

— Ты не дала мне закончить.

— Не считай меня дурушкой. Я не дам ему того, что в этом флакончике. И не надейся!

— Ты слишком торопишься с выводами, — сказал Эредин медленно, глядя ей в глаза. — Пытаешься выше себя прыгнуть. А такие фокусы всегда кончаются падением. Очень болезненным падением.

— Я сказала — нет.

— Подумай как следует. Независимо от того, что находится в этом флаконе, ты выиграешь. Выиграешь в любом случае, Ласточка.

— Нет!

Движением таким же быстрым, как раньше, воистину достойным иллюзиониста, эльф убрал флакончик со стола. Потом долго молчал, глядя на реку Вздох, поблескивающую среди деревьев.

— Ты умрешь здесь, мотылек, — сказал он наконец. — Тебе не позволят отсюда уйти. Но это твой выбор.

— Мы договорились. Моя свобода за...

— Свобода, — хмыкнул он. — Ты все время толкуешь о свободе. А что ты сделаешь, получив ее? Куда отправишься? Пойми же наконец, от твоего мира тебя отделяет сейчас не только пространство, но и время. Время здесь течет иначе, чем там. Те, кого ты знала там детьми, сейчас уже дряхлые старики, а твои ровесники — давным-давно скончались.

— Не верю!

— Вспомни ваши легенды. Легенды о людях, тайно исчезнувших и вернувшихся спустя годы для того лишь, чтобы взглянуть на заросшие бурьяном могилы близких. Ты думаешь, это фантазии, байки, высосанные из пальца? Ошибаешься! Людей похищали на целые столетия, их уносили наездники, которых вы называете Диким Гоном. Похищенные, использованные, а потом отброшенные, как скорлупка выпитого яйца. Зиреазль, ты умрешь здесь, тебе не будет дано увидеть даже могилы друзей.

— Я не верю тому, что ты говоришь.

— Верить — не верить, дело твое. А свою судьбу ты выбрала сама. Возвращаемся. У меня к тебе просьба, Ласточка. Не согласишься ли ты перекусить со мной в Тир на Лиа?

Несколько ударов сердца голод и дикое желание боролись в Цири со злостью, страхом перед отравлением и общей неприязнью.

— Охотно, — опустила она глаза. — Благодарю за предложение.

— Благодарить должен я. Пошли.

Выходя из беседки, она еще раз кинула взгляд на топчан и подумала, что Анна Тиллер была глупой и экзальтированной графоманкой.

Медленно, в молчании, вдыхая ароматы мяты, шалфея и крапивы, они спускались к реке Вздох. По лестнице вниз. Вдоль берега ручья, который назывался Шепот.

Когда вечером, надушенная, с еще влажными после ароматной ванны волосами, она вошла в королевские покои, то застала Ауберона на софе, склонившимся над книгой. Молча, одним лишь жестом, он приказал ей сесть рядом.

Книга была богато иллюстрирована. Правду говоря, в ней вообще не было ничего, кроме иллюстраций. У Цири, которая всеми силами пыталась играть роль светской дамы, кровь прилила к щекам. В храмовой библиотеке Элландера ей довелось

видеть несколько таких произведений. Но с книгой Короля Ольх они не могли сравниться ни богатством и разнообразием, ни художественностью исполнения.

Они рассматривали долго, молча.

— Пожалуйста, разденься.

На этот раз он разделся тоже. Тело у него было худощавое и мальчишечье, без капельки жира, прямо как у Гиселера, как у Кайлея, как у Реефа, которых она не раз видела купающимися в ручьях или горных озерах. Но от Гиселера и Крыс так и разило энергией, так и било жизнью, жизненной силой, окруженной ореолом серебряных капелек водяных брызг.

А от Короля Ольх веяло холодом вечности.

Он был терпелив. Несколько раз казалось, что уже вот-вот — и все же ничего из этого не получилось. Цири была зла на себя, уверенная, что это результат ее неопытности и парализующего неумения. Он заметил это и успокоил ее. Как обычно, очень эффективно. И она уснула. В его объятиях.

Но утром его уже не было рядом.

На следующий вечер Король Ольх впервые проявил нетерпение.

Она застала его склонившимся над столом, на котором лежало оправленное в янтарь зеркало. Зеркало было засыпано белым порошком.

«Начинается», — подумала она.

Ауберон небольшим ножичком собрал наркотик в два валика. Взял со стола серебряную трубочку и втянул порошок в нос, сначала в левую ноздрю, потом в правую. Его глаза, обычно блестящие, словно немного пригасли и потускнели, заслезнились. Цири сразу поняла, что это не первая порция.

Он сформировал на столе два новых валика, пригласил ее жестом, подал трубку. «А, да что там, — подумала она, — Легче пойдет».

Фисштех был невероятно сильный.

Немного погодя оба уже сидели на ложе, прижавшись друг к другу, и пялились на луну слезящимися глазами.

— Зашнурованная ночь, — сказала она по-эльфьему, вытирая нос рукавом шелковой блузки.

— Зачарованная, — поправил он, вытирая глаз. — Ensh'eass, а не en'leass. Тебе следует поработать над произношением.

— Поработаю.

— Разденься.

Сначала казалось, что все будет хорошо, что наркотик подействовал на него так же возбуждающе, как и на нее. А на нее он подействовал так, что она сделалась активной и предприимчивой, больше того, прошептала даже ему на ухо несколько очень неприличных — в ее понимании — слов. Это вроде бы немного разгорячило его, эффект был, хм-м-м, осязаем, в определенный момент Цири показалось, что все вот-вот получится. Но все отнюдь не было «вот-вот». Во всяком случае, не до конца.

И именно тут он занервничал. Встал, накинул на худощавые плечи соболиный мех. Стоял так, отвернувшись, глядя в окно и на луну. Цири села, обхватила колени руками. Она была разочарована и зла, но одновременно на нее снизошла какая-то совершенно не свойственная ей сентиментальность. Явно действовал крепкий наркотик.

— Виной всему я, — пробормотала она. — Шрам на лице меня уродует, я знаю, знаю, что ты видишь, глядя на меня. Маловато во мне осталось от эльфки. Золотой самородок в куче перегноя.

— Ты невероятно скромна, — процедил он, резко обернувшись. — Я бы сказал — жемчужина в свином дерьме. Бриллиант на пальце разложившегося трупа. В порядке работы над языком отыщи еще и другие сравнения. Завтра я проведу экзамен, маленькая Dh'oine. Человеческое существо, в котором ничего, абсолютно ничего не осталось от эльфки.

Он подошел к столу, взял трубку, склонился над зеркалом. Цири сидела будто каменная и чувствовала себя так, словно ее оплевали.

— Я прихожу сюда не из-за любви к тебе! — чуть не пролаяла она. — Меня шантажируют, и ты прекрасно об этом знаешь! Но я соглашаюсь и делаю это ради...

— Ради кого? — запальчиво прервал он, совсем не по-эльфьему. — Ради меня? Ради заточенных в твоём мире Аеп Seidhe? Ты, глупая девчонка! Ты желаешь это ради себя, ради себя ты приходишь сюда и пытаешься мне отдалиться. Потому что в этом твоя единственная надежда, единственная спасительная соломинка. И скажу тебе еще: молись! Истово молись своим человеческим идолам, божкам или тотемам. Ибо или я, или Аваллак'х и его лаборатория. Поверь мне, я не хотел бы попасть в лабораторию и познать это «или».

— Мне все равно, — сказала она глухо, скорчившись на постели, — я согласна на все, лишь бы получить свободу. Чтобы иметь наконец возможность освободиться от вас. Уйти. В мой мир. К моим друзьям.

— Твои друзья? — насмешливо спросил он. — Вот они, твои друзья!

Он резко отвернулся и подсунул ей под нос запорошенное наркотиком зеркало.

— Здесь твои друзья, — повторил он. — Погляди, полюбуйся.

Он вышел, развевая распахнутыми полами шубы.

Вначале в мутном стекле она видела только собственное неясное отражение. Но почти тут же зеркало посветлело, стало млечно-белым, заполнилось дымом. А потом возникло изображение.

Йеннифэр, висящая в бездне, напрягшаяся, с руками, вздымающимися кверху. Рукава платья раскинуты, как крылья птицы. Волосы колеблются, между ними шмыгают маленькие рыбки. Целые косяки искрящихся юрких рыбок. Некоторые уже щиплют щеки и глаза. От ног Йеннифэр спускается ко дну озера веревка, на конце веревки увязшая в иле и водорослях большая корзина с камнями. Наверху, высоко, сверкает и поблескивает поверхность озера.

Платье Йеннифэр колеблется в том же ритме, что и волосы.

Запыленную фисштехом поверхность зеркала затягивает дым.

Геральт, стеклянисто-белый, с закрытыми глазами, сидит под свисающими со скалы длинными сосульками, неподвижный, обледеневший. Наносимый метелью снег быстро засыпает его. Белые волосы уже стали белыми льдинками, белые сосульки уже свисают с бровей и ресниц, с губ. А снег все идет и идет, все больше увеличивается сугроб, покрывающий ноги Геральта, все выше пушистые холмики снега на его плечах. Вьюга воет и свистит...

Цири сорвалась с постели, с размаху ударила зеркалом о стену. Треснула янтарная рамка, стекло разлетелось на миллион осколков.

Она узнавала, знала, помнила такого рода видения. Из своих давних снов.

— Неправда все это! — крикнула она. — Ты слышишь, Ауберон? Я не верю! Это неправда! Это всего лишь твоя злоба, бессильная и хилая, как и ты сам! Твоя злоба...

Она опустила на паркет. И расплакалась.

* * *

Цири подозревала, что у стен дворца есть уши. На следующее утро она не могла отделаться от скользких взглядов, чувствовала за спиной усмешки, ловила шепотки.

Аваллак'ха не было нигде. «Знает, — подумала она, — знает, что случилось, и избегает меня. Заранее, еще прежде, чем я встала, уплыл либо уехал куда-нибудь подальше со своей поглащенной эльфкой. Не желает со мной разговаривать, не хочет признаться, что его план рухнул!»

Нигде не было и Эредина. Впрочем, это вполне нормально, он часто уезжал со своими Dearg Ruadhri, Красными Всадниками.

Цири вывела Кэльпи из конюшни и поехала за реку. Все время лихорадочно размышляла, не замечая вокруг ничего.

«Бежать отсюда. Не все ли равно, лживыми или правдивыми были изображения в зеркале. Ясно одно — Йеннифэр и Геральт там, в моем мире. И там, рядом с ними, мое место. Необходимо отсюда убежать, убежать немедленно. Должен же найтись какой-то способ. Я вошла сюда сама, значит, должна сама и выйти. Эредин говорил, что у меня дикий, стихийный магический дар, то же самое подозревал и Высогота. Из Тор Зиреазль, которую я исследовала детально, выхода не было. Но, возможно, здесь есть и другая башня...»

Она посмотрела вдаль, на холм, на виднеющийся на нем кромлех. «Запрещенный район, — подумала она. — Ха! Похоже, это очень далеко. Пожалуй, туда меня Барьер не пропустит. Нечего и пытаться. Пойду по течению реки. Туда я еще не ездила».

Кэльпи заржала, затрясла головой, резко брыкнулась. Не позволила себя развернуть, пошла рысью в сторону холма. Цири изумилась настолько, что несколько мгновений не реагировала, позволяя кобыле бежать. Лишь потом крикнула и натянула поводья. Кэльпи поднялась на дыбы, заржала, мотнула крупом и пошла галопом. Туда же.

Цири больше не удерживала ее, не пыталась управлять. Она была безгранично удивлена. Но достаточно хорошо знала Кэльпи. У кобылы был нор, однако не такой уж дурной! Подобное ее поведение должно было что-то означать.

Кэльпи пошла медленнее, перешла на рысь. Она бежала по прямой к увенчанной кромлехом вершине холма.

«Примерно одно стае, — подумала Цири. — Сейчас начнет действовать Барьер».

Кобыла вбежала на каменистую площадку между плотно стоящими омшелыми и потрескавшимися монолитами, вырастающими из гущи усеянных колючками кустов ежевики, и остановилась как вкопанная. Единственное, что у нее двигалось, были уши.

Цири попыталась ее завернуть. Сдвинуть с места. Напрасно. Если б не жилы, пульсирующие на горячей лошадиной шее, она могла б поклясться, что сидит не на живой лошади, а на статуе. Внезапно что-то коснулось ее спины. Что-то острое, что-то, что проткнуло одежду и болезненно укололо. Она не успела обернуться. Из-за камней без единого звука появился единорог рыжей масти и решительно сунул ей рог под мышку. Сильно. Резко. Она почувствовала, как по боку течет теплая струйка крови.

С другой стороны выдвинулся еще один единорог. Этот был совершенно белый, от краешков ушей до кончика хвоста. Только ноздри розовые, а глаза черные.

Белый единорог приблизился. Медленно, очень медленно положил голову ей на лоно. Возбуждение было столь сильным, что Цири охнула.

Я вырос, — прозвучало у нее в голове. — *Вырос, Звездоокая. Тогда, в пустыне, я не знал, как мне следует себя вести. Теперь уже знаю.*

— Конек? — ахнула она, все еще болтаясь на двух колющих ее рогах.

Меня зовут Иуарраквакс. Ты помнишь меня, Звездоокая? Помнишь, как лечила меня? Спасала?

Он отступил, повернулся боком. Она увидела шрам у него на ноге. И узнала. Она помнила.

— Конек! Это ты! Но ведь ты был совсем другой масти!!!

Я вырос.

В голове неожиданная путаница, шепоты, голоса, крики, ржание. Рога отошли назад. Она увидела, что второй единорог, тот, что стоял у нее за спиной, синий в яблоках.

Старшие учатся тебе, Звездоокая. Они учатся тебе через меня. Еще немного, и они смогут разговаривать с тобой. Сами скажут, чего от тебя хотят.

Какофония в голове Цири взорвалась диким гомоном. И почти тут же смягчилась, поплыла потоком понятий и ясных мыслей.

Мы хотим помочь тебе убежать, Звездоокая.

Она молчала, хотя сердце забилося сильнее.

Где сумасшедшая радость? Где благодарность?

— А чего ради, — дерзко бросила она, — откуда такое желание помогать мне? Так уж сильно вы меня любите?

Мы вообще тебя не любим. Но это не твой мир. Это не место для тебя. Ты не можешь здесь оставаться. Мы не хотим, чтобы ты осталась.

Она стиснула зубы. Хоть и была возбуждена перспективой, помотала головой. Конек — Иуарраквакс — застриг ушами, начал грести землю копытами, глянул на нее черным глазом. Рыжий единорог топнул так, что земля под ней задрожала, грозно закрутил рогом. Гневно фыркнул. И Цири поняла.

Ты нам не доверяешь.

— Не доверяю, — тихо проговорила она. — Здесь каждый играет в какую-то свою игру, а меня, несведущую, пытается использовать. Почему я должна верить именно вам? Между вами и эльфами, это видно сразу, нет дружбы, я сама видела там, в степи, как дело чуть не дошло до драки. Я вполне могу думать, что вы хотите мною воспользоваться для того, чтобы насолить эльфам. Они мне тоже не очень-то нравятся, как бы там ни было, они заперли меня здесь и принуждают делать то, чего я вовсе не хочу. Но использовать себя я не позволю.

Рыжий тряхнул головой, его рог снова проделал опасное движение. Синий заржал. В голове у Цири загудело как в колоде, а проявившаяся мысль была нехорошей.

— Ага! — крикнула она. — Вы такие же, как и они! Или подчинение и послушание, или смерть! Я не боюсь! А использовать себя не дам!

Она опять ощутила сумятицу и хаос. Прошло немного времени, прежде чем из хаоса проявилась позволяющая себя прочесть мысль.

Это прекрасно, Звездоская, что ты не любишь, когда тебя используют. Нам именно это и нужно. Именно это мы хотим обеспечить тебе. Себе. И всему миру. Всем мирам.

— Не понимаю.

Ты — грозное оружие. Нельзя допустить, чтобы это оружие попало в руки Короля Ольх, Лиса и Ястреба.

— Кого-кого? — прошептала она. — Ах... — «Лис, crevan, это Аваллак'х. А кто из них Ястреб — это я знаю слишком хорошо!»

Король Ольх стар. Но Лис и Ястреб не могут обрести власть над Ard Gaeth, Вратами Миров. Однажды они уже ее получили.

Однажды они уже ее утратили. Теперь не могут ничего, только плутать, блуждать среди миров маленькими шажками, одни, бессильные, как призраки. Лис — до Тир на Беа Араинна, Ястреб и его Всадники — до Спирали. Дальше не могут, нет сил. Поэтому они мечтают о Ard Gaeth и власти. Мы покажем тебе, каким образом они уже однажды использовали такую власть. Покажем тебе это, Звездоокая, когда ты будешь отсюда уходить.

— Я не могу уйти. Меня связали чарами. Барьер. Geas Garath.

Тебя нельзя удержать. Ты — Владычица Миров.

— Ну да! У меня нет никакого стихийного магического дара, я не властвую ни над чем. А от Силы я отказалась там, в пустыне, год назад. Конек — свидетель.

В пустыне ты отказалась от фокусничанья. От Силы, которая в крови, отказаться невозможно. Она по-прежнему с тобой. Мы научим тебя, как ею воспользоваться.

— А случайно, не в том ли дело, — крикнула она, — что Силу и власть над мирами, которые у меня якобы есть, вы вознамерились заполучить?

Нет, не так. Нам твоя сила ни к чему. Мы обладали ею всегда.

Поверь им, — попросил Иуарраквакс. — Поверь, Звездоокая.

— При одном условии.

Единороги подняли головы, раздули ноздри, казалось, из их глаз посыпались искры. «Они не любят, — подумала Цири, — когда им ставят условия, они не любят даже звучания этого слова. Pest, не знаю, правильно ли я поступаю... Лишь бы только все не окончилось трагично...»

Мы слушаем. Что за условие?

— Иуарраквакс пойдет со мной.

Под вечер набежали тучи, стало душно. Над рекой поднялся плотный липкий туман. А когда на Тир на Лиа опустилась тьма, вдалеке тихим ворчанием заговорила гроза, озаряя горизонт сполохами молний.

Цири уже давно была готова. В черной одежде, с мечом за спиной, взволнованная и напряженная, она с трудом дождалась темноты.

Тихо пересекла пустой вестибюль, проскользнула вдоль колоннады, вышла на террасу. Река Easnaadh смолой блестела в темноте, шумели ивы.

По небу прокатился далекий гром.

Цири вывела Кэльпи из конюшни. Кобыла знала, что ей полагается делать, и послушно потрусила в сторону Порфиروهого Моста. Цири несколько секунд смотрела ей вслед, глянула на террасу, при которой стояли лодки.

«Не могу, — подумала она. — Покажусь ему еще раз. Может, так мне удастся немного задержать погоню? Это рискованно, но иначе я не могу».

В первый момент ей показалось, что его нет и королевские покои пусты. Такая в них стояла тишина и мертвенность.

Его она заметила не сразу. Он сидел в углу, в кресле, в белой рубахе, распахнутой на худощавой груди. Рубаха была сшита из такой тонкой ткани, что облепляла тело словно мокрая.

Лицо и руки Короля Ольх были почти такими же белыми, как рубаха.

Он поднял на Цири глаза. В них была пустота.

— Шиадаль? — шепнул он. — Хорошо, что ты пришла. Знаешь, ведь говорили, ты умерла.

Он разжал кулак, что-то упало на ковер. Флакон из серо-зеленого нефрита...

— Лара. — Король Ольх покачал головой, коснулся шеи, словно его душил толстый королевский *torc'h*. — *Saemm a me, luned*. Иди ко мне, доченька. *Saemm a me, elaine*.

В его дыхании Цири ощутила смерть.

— *Elaine blath, feinne wedd...* — затянул он. — *Mire, luned*, у тебя развязалась ленточка... Позволь...

Он хотел поднять руку, но не смог. Вздохнул глубоко, резко поднял голову, взглянул ей в глаза. На этот раз осмысленно.

— Зиреазль. *Loc'hlaiddh*. Ты действительно — Предназначение, Владычица Озера. И моя. Как получается. *Va'esse deireadh aер eigeap*, — продолжал он, помолчав, а Цири с изумлением поняла, что его слова и движения начинают кошмарно замедляться. — Да, — вздохнув, договорил он. — А все же хорошо, что иногда что-то начинается.

Из-за окна до них долетел протяжный гром. Буря была еще далеко. Но быстро приближалась.

— Несмотря на все, — сказал он, — мне страшно не хочется умирать, Зиреазль. И меня ужасно огорчает, что все же приходится. Кто бы мог подумать? Я полагал, что не стану сожалеть. Жил я долго, познал все. Утомился... И все же теперь испытываю сожаление. И знаешь, что еще? Наклонись. Я скажу тебе на ушко. Пусть это будет нашей тайной.

Она наклонилась.

— Я боюсь, — прошептал он.

— Я знаю, — ответила она тоже шепотом.

— Ты здесь?

— Здесь.

— *Va faill, l'uned.*

— Прощай, Король Ольх.

Она сидела рядом, держа его руку в своей до тех пор, пока он не утих и не угасло его легкое дыхание. Она не утирала слезы. Пусть текут...

Буря приближалась. Горизонт полыхал молниями.

Быстро сбежала по мраморным ступеням на террасу с колоннами, рядом с которыми покачивались лодки. Отвязала одну, крайнюю, ту, что присмотрела еще с вечера. Оттолкнулась от террасы длинным шестом красного дерева, который предварительно вытащила из карниза. Потому что сомневалась, что лодка станет ее слушаться так же, как Аваллак'ха.

Лодка бесшумно пошла по течению. В Тир на Лиа было тихо и темно. Только статуи на террасах провожали ее мертвыми взглядами. Цири считала мосты.

Небо над лесом осветилось заревом молний, спустя некоторое время протяжно заворчал гром.

Третий мост.

Что-то промчалось по мосту, тихо, ловко, словно огромная черная крыса. Лодка покачнулась, когда он спрыгнул ей на нос. Цири бросила шест, выхватила меч.

— И все-таки, — прошипел Эредин Бреакк Глас, — ты вознамерилась лишить нас своего общества?

Он тоже выхватил меч. В коротком проблеске молнии она успела рассмотреть оружие. Клинок с односторонним лезвием, слегка изогнутый, лезвие блестящее, несомненно, острое, рукоять длинная, гарда — в виде круглой ажурной пластины. То, что эльф умеет пользоваться таким мечом, было ясно с первого взгляда.

Неожиданно он качнул лодку, сильно опершись ногой о борт. Цири ловко забалансировала, уравнивала лодку сильным наклоном тела, почти тут же сама попыталась проделать такой же трюк, прыгнув на борт обеими ногами. Эредин покачнулся, но удержал равновесие и бросился на нее с мечом. Она парировала удар, прикрывшись инстинктивно, потому что

мало что видела. Ответила быстрым ударом снизу. Эредин отбил и ударил сам. Цири отразила удар. От клинков, словно от кресал, летели снопы искр.

Бреакк снова качнул лодку — сильно, чуть не перевернув. Цири заплясала, балансируя вытянутыми руками. Он отступил к носу, опустил меч.

— Где ты этому научилась, Ласточка?

— Ты удивишься, если скажу.

— Вряд ли. То, что по реке можно преодолеть Барьер, ты сообразила сама или кто-то тебе подсказал?

— Не имеет значения.

— Имеет. И мы это выясним. Есть такие способы. А теперь — брось меч и возвращаемся.

— Как же! Жди!

— Возвращаемся, Зиреазль. Ауберон ждет. Сегодня ночью, ручаюсь, он будет отважен и темпераментен.

— Как же, — повторила она. — Ты перегнул со своим средством для повышения темперамента. Тем, которое ему дал. А может, это вовсе и не было средство для подогрева темперамента?

— О чем ты?

— Король умер.

Эредин мгновенно подавил изумление, резко кинулся на нее, раскачивая лодку. Балансируя, они обменялись яростными ударами, и по воде пронесся громкий звон стали о сталь.

Молния озарила ночь. Над их головами мелькнул мост. Один из последних мостов Тир на Лиа. А может, последний?

— Ты наверняка понимаешь, Ласточка, — хрипло сказал Эредин, — что только оттягиваешь неизбежное. Я не могу тебе позволить уйти.

— Почему? Ауберон умер. А ведь я — ничто и ничего не значу. Ты сам это сказал.

— Потому что это правда. — Он поднял меч. — Ничего не значишь. Так — маленькая моль, которую можно пальцами растереть в блестящую пыльцу, но которая, если это допустить, может проесть дыру в драгоценной ткани. Так — зернышко перца, совершенно незначительное, но если его по невнимательности разжевать, оно испоганит самое изысканное блюдо и заставит сплюнуть, хотя так хотелось бы насладиться едой. Вот что ты такое. Ничто. Докучливое ничто.

Молния. При ее свете Цири увидела то, что хотела увидеть. Эльф поднял меч, размахнулся, вскочил на скамейку. У

него было преимущество в высоте. Следующую стычку он должен был выиграть.

— Не следовало поднимать на меня оружие, Зиреазель. Теперь уже поздно. Я тебе этого не прощу. Я не убью тебя, о нет. Но несколько недель в кровати, в бинтах, тебе наверняка не повредят.

— погоди. Сначала я хочу тебе кое-что сказать. Открыть некую тайну.

— И что ж ты можешь мне сказать? — фыркнул он. — Что такое, чего я не знаю, ты можешь мне открыть? Какую такую истину ты можешь мне прояснить?

— А такую, что ты не проплывешь под мостом.

Он не успел среагировать, ударился о мост затылком, отлетел к корме, потерял равновесие. Цири могла просто вытолкнуть его из лодки, однако боялась, что этого будет недостаточно, что он не откажется от преследования. Кроме того, именно он, умышленно или нет, убил Короля Ольх. А за это ему полагалась боль.

Она коротко ткнула его в бедро под самой кольчугой. Он даже не вскрикнул. Вылетел за борт, плюхнулся в реку, вода сомкнулась над ним.

Цири обернулась и наблюдала. Нескоро он выплыл. Нескоро выполз на спускающиеся к воде мраморные ступени и долго лежал неподвижно, истекая водой и кровью.

— Тебе повезло: несколько недель в кровати, в бинтах, тебе наверняка не повредят, — буркнула она, схватила свой красного дерева шест и сильно оттолкнулась. Река Вздох набирала скорость, лодка плыла все быстрее. Вскоре позади скрылись во тьме последние строения Тир на Лиа.

Больше Цири не оглядывалась.

Сначала сделалось очень темно, когда лодка заплывла в старый лес, меж деревьев, чьи ветви сходились над поверхностью реки, образуя свод. Потом посветлело, лес кончился, оба берега заросли ольховником, камышами, очеретом. В чистой прежде реке появились клочки травы, водоросли, древесные стволы. Когда небо освещивалось молниями, она видела на воде круги, когда гремел гром, слышала, как плещется испуганная рыба. Что-то постоянно хлопало и шлепало, чмокало и чавкало. Несколько раз недалеко от лодки появлялись большие фосфоресцирующие глаза. Порой лодка вздрагивала, столкнувшись с чем-то большим и живым. «Не все здесь так ладно.

Для непривычных этот мир — смерть», — мысленно повторяла она слова Эредина.

Река расширилась, разлилась. Появились островки и рукава. Она позволяла лодке плыть, куда несло течение. Но начала побаиваться. Что, если по ошибке поплывет не по нужному рукаву?

Едва успела об этом подумать, как с берега, из зарослей, долетело ржание Кэльпи и мощный сигнал единорога.

— Ты здесь, Конек!

Надо спешить, Свездоокая. Двигайся за мной.

— В мой мир?

Вначале я должен тебе кое-что показать. Так приказали Старшие.

Они ехали вначале лесом, потом по степи, густо изрезанной оврагами и впадинами. Сверкали молнии, гремел гром. Гроза приближалась, поднялся ветер.

Единорог завел Цири в одну из впадин.

Здесь.

— Что «здесь»?

Слезь с лошади и посмотри.

Она спустилась на землю. Грунт был неровный. Она споткнулась. Что-то хрустнуло и осунилось под ногами. Сверкнула молния, и Цири глухо вскрикнула.

Ее окружало море костей.

Песчаные склоны впадины оползали, скорее всего подмытые дождями. И приоткрыли то, что скрывали. Кладбище. Морг. Огромный навал костей. Берцовых, тазовых, реберных, фаланг пальцев, черепов.

Цири наклонилась и подняла один.

Сверкнула молния, и Цири вскрикнула. Она поняла, чьи останки здесь покоятся.

У черепа, носящего след удара оружием, среди прочих зубов сохранились клыки.

Теперь ты понимаешь, — зазвучало у нее в мозгу. — *Теперь ты знаешь. Это сделали они. Аен Elle. Король Олх, Лис, Ястреб. Этот мир вовсе не был их миром. Он стал им после того, как они его завоевали. Когда отворили Ard Gaeth, обманув и использовав нас так же, как теперь пытаются обмануть и использовать тебя.*

Цири выпустила череп из рук.

— Сволочи! — крикнула она в ночь. — Убийцы!

По небу с грохотом прокатился гром. Иуарраквакс громко предупреждающе заржал. Она поняла. Взлетела в седло одним прыжком, криком послала Кэльпи в галоп.

По их следам шла погоня.

«Когда-то так уже было, — думала она, захлебываясь бьющим в лицо ветром. — Так уже когда-то было. Такая скачка, дикая, во тьме, в ночи, полной страшилищ, призраков и упырей».

— Вперед, Кэльпи!

Головокружительный галоп, слезятся глаза. Молния вспарывает небо, в ее свете Цири видит ольхи по обеим сторонам дороги. Кривые деревья отовсюду протягивают к ней узловатые руки-ветви, хлопают черными пастями дупел, бросают вслед проклятия и угрозы. Кэльпи пронзительно ржет, мчится так быстро, что копыта, кажется, едва касаются земли. Цири прижимается к шее кобылы. Не только для того, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, но и чтобы не налететь на ветки ольх, которые так и стремятся повалить ее или стащить с седла. Ветки свисают, тянутся, хлещут, пытаются вцепиться ей в одежду. Искореженные стволы раскачиваются, дупла хлопают и гудят.

Кэльпи дико ржет. Единорог отвечает тем же. Он — снежно-белое пятно во мраке, указывающее путь.

Мчись, Звездоокая! Мчись что есть сил!

Ольх все больше, все труднее уклоняться от их ветвей. Вскоре они совсем преграждают дорогу.

Позади крик. Голоса погони.

Иуарраквакс ржет. Цири принимает его сигнал. Понимает его значение. Еще плотнее прижимается к шее Кэльпи. Нет нужды подгонять кобылу. Подгоняемая страхом лошадь мчится головоломным галопом.

Снова сигнал от единорога, более четкий, бьющий в мозг. Это указание, даже — приказ.

Прыгай, Звездоокая. Ты должна прыгнуть. В другое место, в другое время.

Цири не понимает, но пытается понять. Очень старается понять, концентрируется. Концентрируется так сильно, что кровь начинает шуметь и пульсировать в ушах...

Молния. А потом неожиданная тьма. Бархатистая и черная, черная чернотой, которую не освещает ничто.

В ушах шум

* * *

На лице ветер. Холодный ветер. Капельки дождя. В ноздрях запах сосны.

Кэльпи брыкается, фыркает, топает. Шея у нее мокрая и горячая.

Молния. Почти сразу же за ней гром. При свете молнии Цири видит Иуарраквакса, трясущего мордой и рогом, сильно гребущего землю копытами.

— Конек?

Я здесь, Звездоокая.

Небо усеяно звездами. Украшено созвездиями. Дракон, Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан.

А почти над самым горизонтом — Око.

— Получилось, — вздохнула Цири. — У нас получилось, Конек! Это мой мир!

Его сигнал настолько четок, что Цири понимает все.

Нет, Звездоокая. Мы убежали из их мира. Но здесь вовсе не то место, не то время. Впереди еще немалый путь.

— Не оставляй меня одну.

Не оставляю. Я твой должник. Я обязан расплатиться. До конца.

Одновременно с поднявшимся ветром небо темнеет на западе, наплывающие волнами тучи гасят созвездия одно за другим. Гаснет Дракон. Гаснет Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан. Гаснет Око, светящееся ярче и дольше других.

Коротким светом молнии разгорелся вдоль горизонта небо-склон. Ветер усилился, сыпанул в глаза пылью и сухими листьями.

Единорог заржал, выдал ментальный сигнал.

Нельзя терять ни минуты. Единственная наша надежда в быстром бегстве. В нужное место и нужное время. Поспешим, Звездоокая.

«Я — Владычица Мира. Я — Старшая Кровь.

Я — кровь от крови Лары Доррен, дочери Шиадаль».

Иуарраквакс заржал, поторопил. Кэльпи поддержала протяжным фырканием. Цири натянула поводья.

— Я готова, — сказала она.

Шум в ушах. Блеск и свет. А потом — тьма.

Суд над Йоахимом де Веттом, приговор и казнь большинство историков обычно объясняют бурной, жестокой и тиранической натурой императора Эмгыра. Нет недостатка (особенно у авторов — любителей беллетризации) в догадках и гипотезах о мести и разборках совершенно личного свойства. Теперь пришло время сказать правду, одну только правду, и ничего, кроме правды, которая любому серьезному исследователю вполне очевидна. Герцог де Ветт командовал оперативной группой «Вердэн» таким образом, для которого определение «неудачно» следует считать исключительно деликатным. Имея под началом двукратно превосходящие силы, он отступил на север, а всю активность подчиненных ему подразделений направил на борьбу с вердэнскими гверильясами. Группа «Вердэн» обращалась с населением исключительно изуверски. Результат можно было легко предсказать, ибо он был неизбежен: если зимой силы инсургентов составляли неполных полтысячи человек, то весной восстала почти вся страна. Преданного империи короля Эрвила убили, и восстание возглавил его сын, принц Кистрин, симпатизировавший нордлингам. Имея на фланге десанты пиратов из Скеллиге, с фронта — наступающих из Цидариса нордлингов, а на тылах — повстанцев, де Ветт запутался в хаосе борьбы и терпел поражение за поражением. Тем самым он задержал наступление Группы «Центр» и, как установлено, вместо того чтобы связывать крыло нордлингов, группа «Вердэн» связывала Менно Коегоорна. Нордлинги незамедлительно перешли к контрударам, разорвали кольцо вокруг Майены и Марибора, сведя на нет шансы быстрого повторного захвата этих важных укреплений.

Неспособностъ и глупостъ де Ветта имели также чисто психологический аспект. Лопнул миф о непобедимости Нильфгаарда. Кармии нордлингов начали сотнями присоединяться добровольцы.

Рестиф де Монтолон.

«Северные войны — мифы, ложь и полуправда».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Чего уж скрывать, Ярре был сильно разочарован. Воспитание в храме и его собственная открытая натура привели к тому, что он верил в людей, в их доброту, благожелательность и бескорыстие. От этой веры мало что осталось.

Он уже две ночи проспал на дворе, в остатках стогов, а теперь дело шло к тому, что таким же образом он проведет и третью ночь. В тех селах, где он просил пустить его на ночлег, отвечали либо угрюмым молчанием, либо ругательствами и угрозами. Не помогало, когда он говорил, кто он и какова цель его странствия.

Очень, очень разочаровали его люди.

Смеркалось быстро. Паренек быстро шагал по тропинке среди полей. Высматривал стог, отчаявшийся и убитый перспективой очередной ночи под открытым небом. Правда, март выдался исключительно теплым, но ночью становилось по-настоящему холодно. И по-настоящему страшно.

Ярре глянул на небо, на котором, как и каждую ночь уже почти неделю, видна была красно-золотая пчела кометы, пересекающей небо с запада на восток, и протянувшийся за нею мерцающий огненный хвост. «Интересно, — думал Ярре, — что в действительности может предвещать это удивительное, упоминаемое во многих пророчествах явление?»

Задерживаться он не стал. Делалось все темнее. Дорожка шла вниз, в заросли кустов, принимающих в полумраке самые причудливые очертания. Снизу, оттуда, где было еще темнее, веяло холодом, неприятным запахом гниющих трав и чем-то еще.

Чем-то очень нехорошим.

Ярре остановился. Попробовал убедить себя, что по спине и плечам ползает не страх, а холод. Впустую.

Берега заросшего лозняком и искривленными ивами канала, черного и блестящего, как свежевывлитая смола, стягивал невысокий мостик. В тех местах, где балки прогнили и провалились, зияли продолговатые дыры, перила были сломаны, стойки погружены в воду. За мостиком ивы росли плотнее. Хоть до настоящей ночи было еще далеко, хоть далекие луга за каналом все еще светились висящей на стеблях трав пряжей тумана, здесь, меж ив, царила тьма. Во мраке Ярре нечетко различал развалины какой-то постройки, вероятно, мельницы, шлюза или угрекопильни.

«Надо перейти мостик, — подумал он. — Ничего не поделаешь, надо. Хоть я кожей чувствую, что там, во тьме, затаилось что-то недоброе, на другую сторону канала перейти надо. Я просто обязан перейти канал, как это сделал бы мифический вождь или герой, о котором я читал в истлевших манускриптах в храме Мелитэле. Перейду канал, и тогда... Как там было? Карты брошены? Нет — кости брошены. Позади останется мое прошлое, впереди раскинется мое будущее».

Он ступил на мостик и тут же понял, что предчувствие его не обмануло. Понял еще прежде, чем увидел. И услышал.

— Ну что? — прохрипел один из тех, что загородили ему дорогу. — Не говорил я? Говорил, мол, посидеть малость и кто-нито притопает.

— Верно, Окультих. — Второй из вооруженных толстыми палками типов слегка шепелявил. — И верно, ты у нас не хуже ворожеи аль волхва. Ну, прохожий, шам-один идет! Давай, чего там у тебя ешь, хошь по доброте швоей, иль дернуть тебя придешша?

— У меня ничего нет! — что было сил крикнул Ярре, хоть и невелика была надежда на то, что кто-нибудь услышит и примчится на выручку. — Я бедный странник! У меня нет ни гроша в кармане! Что ж отдавать-то вам? Палку эту? Одежду?

— И энто тожить, — сказал шепелявый, и в его голосе было что-то такое, что заставило Ярре вздрогнуть, — потому как надобно тебе знать, странничек убогий, по правде-то мы тут, при желании будучи, девки какой-никакой дожидались. Но коли ночь уж на носу, никто, видать, не придет из девок-то, и стало быть, на безрыбье и рак рыба. Хватайте, ребята!

— У меня нож! — взвизгнул Ярре. — Предупреждаю!

У него действительно был нож. Ярре умыкнул его из храмовой кухни за ночь до бегства и спрятал в суме. Но ни разу

не пускал в дело. Его парализовало — и поразило — сознание того, что все это бессмысленно и никто ему не поможет.

— Нож у меня, говорю!

— Это ж надо! — усмехнулся шепелявый, подходя ближе. — Нож у него, вишь ты. Кто б мог подумать!

Ярре не мог бежать. Ужас превратил его ноги в два врытых в землю столба. Горло петлей стянул спазм.

— Эгей! — вдруг крикнул третий молодым и удивительно знакомым голосом. — Я ж его навряд бы знаю! Ну да, ну конечно ж, знаю я его! Отстаньте, говорю, знакомый это. Ярре! Ты меня узнаешь? Мэльфи я! Эй, Ярре! Узнаешь друга Мэльфи?

— У... узнаю. — Ярре изо всех сил боролся с отвратительным, неодолимым, незнакомым ему раньше ощущением. Только когда почувствовал боль в бедре, которым ударился о бревна моста, понял, что это за ощущение.

Ощущение потери сознания.

— Ого, вот так неожиданность, — повторил Мэльфи. — Вот-те случай так случай! Во, глянь-ка, своячка случилось встругнуть! Из Элландера знаконца! Друга! А, Ярре?

Ярре проглотил кусок твердой и тягучей словно подметка солонины, которой его угостила странная компания, заел печеной репой. Он не ответил, только кивнул в сторону окружающей костер шестерки.

— И куда ж ты направляешься-то, Ярре?

— В Вызиму.

— Ха! Так и нам ведь в Вызиму! Во совпадение-то! А, Мильтон? Ты Мильтона-то помнишь, Ярре?

Ярре не помнил, не был уверен, видел ли его вообще когда-нибудь. Впрочем, Мэльфи тоже слегка преувеличивал, величая его другом. Это был сын бондаря из Элландера. Когда они вместе посещали начальную храмовую школу, Мэльфи регулярно и чувствительно колотил Ярре и называл его при этом ублюдком, зачатым без отца и матери в крапиве. Так тянулось около года, по окончании которого бондарь забрал сына из школы, поскольку стало ясно, что подросток годен исключительно для бочек. Так Мэльфи, вместо того чтобы в поте лица своего познавать секреты чтения и чистописания, в поте того же лица строгал клепки в мастерской отца. А когда Ярре выучился и по рекомендации храма был принят на должность помощника писаря в городском суде, бондарь-сын, по приме-

ру отца, кланялся ему в пояс, совал презенты и демонстрировал дружбу.

— ...в Вызиму идем, — продолжал свое повествование Мэльфи. — В армию. Все мы туда как один в армию идем. Вон те, понимаешь, Мильтон и Огрёбок, сыновья кметовы, по данной повинности набраны. Сам знаешь...

— Знаю. — Ярре окинул взглядом кметовых сыновей, светловолосых, одинаковых как братья, грызущих какое-то неизвестное испеченное на углях едово. — По одному с десяти ланов. Ланный контингенс*. А ты, Мэльфи?

— Со мной, — вздохнул бондарев сын, — все вышло так: по первому разу, когда цеха должны были выделять рекрутов, отец откупился и жребий не тянул. Но номер не прошел, пришлось тянуть второй раз, потому как так решил город... Сам знаешь...

— Знаю, — снова подтвердил Ярре. — Дополнительный набор контингенса Совет города Элландера установил законом от шестнадцатого января. Это было необходимо, учитывая опасность нильфгаардского нападения.

— Нет, Щук, ты токо послушай, как поёт, — хрипло влез в разговор крепкий и остриженный чуть не наголо тип, которого называли Окультихом и который первым окликнул его на мосту. — Господинчик! Вумник какой!

— Умник, — протяжно поддержал второй крупный парень с вечно прилепленной к круглой физиономии глуповатой усмешкой. — Мудрила, ишь!

— Заткнись, Клапрот, — медленно прошепелявил тот, кого называли Щуком, самый старший среди них, рослый, с отвислыми усами и подбритым затылком. — Ешли умник, годитша пошлушать, кады треплецца. Пользительность от того может быть. Наука, значицца. А наука никому никогда не навредила. Ну, почти никогда. И почти никому.

— Что верно, то верно, — согласился Мэльфи. — Он, Ярре, стало быть, и впрямь не дурак, читательный и писательный... Ученый. Он же ж в Элландере за судебного писаря трудился, а в храме Мелитэе у него в попечительности цельный книго-сбор был...

— А чего ж тады, любопытштвую, — прервал Щук, рассматривая Ярре сквозь дым и искры, — такой шубедно-храмовшко-защранный книжник делает на вызимшском большаке?

* Контингенсный (уст.) — поставленный в обязательном порядке.

— Как и вы, — повторил юноша. — В армию иду записываться.

— А чегой-то, — глаза Шука блеснули, отражая свет, как глаза большой рыбины в свете лучины на носу лодки, — чего, интересуюсь, шудебно-храмовшкой мудрец в армии найти может? Потому как ведь не по набору идет? Э? Ведь же каждый дурак знает, што храм ишключен иж контингенша и не обяжан рекрутов поштавлять. Да и то ишшо каждый дурень жнает, што каждый шуд швого пишарчука от шлужбы может защитить и не обявлять. Дык как же энто получаецца, милшдарь чиновник?

— Иду в армию добровольцем, — объяснил Ярре. — Сам иду, по своей воле, не по контингенсу. Частично по личным побуждениям, но в основном из чувства патриотического долга.

Компания взревела громким гудливым, хоровым хохотом.

— Гляньте, ребята, — проговорил наконец Шук, — какие шупроворечивошты порой в человеке шидят. Две натуры. Вот, парень. Кажалось бы, ученый и бывалый, к тому ж, нешоменно, от рожжения не дурак. Жнать бы должен, што на войне творщица, понимать, кто кого бьет и того и гляди шовшем доконает. А он, как шами шлышали, беж принуждения, по швоей воле, из патеротичной обяжанношты, хотит к проигрывающей партии приштать.

Никто не прокомментировал. Ярре тоже молчал.

— Этакая патеротичная обяжанношть, — сказала наконец Шук, — обнаковенно больноголовым пришучна, хочь, может, и храмово-шудебным вошпитанникам тож. Но тута речь шла и о каких-то личных побуждениях. Шильно я любопытштвую, какие это такие личные побуждения у его?

— Они настолько личные, — отрезал Ярре, — что я не стану о них говорить. Тем более что вы, милсдари, и о своих побуждениях не очень торопитесь рассказать.

— Глянь-ка, — проговорил, нарушив минутную тишину, Шук, — ежели б какой-никакой проштак так шо мной жаговрил, то б он ш ходу по мордашам огреб. Но ежели ученый пишарчук... Такому прошнаю... на первый раж. И ответчу: я тожить до войшка иду. И тожить добровольцем.

— Дабы, словно какой больноголовый, пристать к проигрывающим? — Ярре сам удивился, откуда в нем вдруг взялось столько наглости. — Попутно обирая странников на мостах?

— Он, — захохотал Мэльфи, упреждая Шука, — все еще обижается на нас из-за засады на мосте. Перестань, Ярре. То

так, игранка была. Шутковали мы. Невинная такая шутка-то! Верно, Щук?

— Ага. — Щук зевнул, щелкнул зубами. — Игранки такие, невинные. Жижнь тошклива, ошовеешь вконец. Точно навроде теленка, которого в жарез ведут. Потому токмо шуткой либо игранкой ее шебе можно ражвешелить. Ты так не шши-таешь, пишарчук?

— Считаю. В принципе.

— Ну и порядок. — Щук не спускал с него слезящихся глаз. — Потому как иначе никчемной был бы иж тебя для наш компаньон, и лучше б тебе в Выжиму одному идтить. Да хочь бы и сразу.

Ярре смолчал. Щук потянулся.

— Я шказал, што хотел. Ну, ребята, пошутковали мы, поигралишя, а теперича и передохнуть надьтъ. Ежели к вечеру хочим в Выжиму попашть, то ш шолнышком отправляцца будем.

Ночь была очень холодной. Несмотря на усталость, Ярре, свернувшись калачиком под епанчой и поджав ноги чуть не до подбородка, уснуть никак не мог. Когда же наконец уснул, то спал скверно, его все время будили сны. Большую часть он не запомнил. Кроме двух. В первом сне знакомый ведьмак Геральт из Ривии сидел под нависшей со скалы длинной сосулькой. Неподвижный, обледеневший и до половины засыпанный валящим снегом. Во втором сне Цири на вороной кобыле, прижавшись к гриве, мчалась галопом между искореженными ольхами, пытающимися схватить ее кривыми ветками.

Да еще перед самым рассветом приснилась ему Трисс Меригольд. После прошлогоднего пребывания в храме чародейка снилась ему несколько раз. Сны принуждали Ярре делать то, чего он впоследствии очень стыдился.

Сейчас, надо понимать, ничего постыдного не случилось. Просто было очень холодно.

Утром действительно, едва взошло солнце, все семеро отправились в путь. Мильтон и Огрёбок, кметовы сыновья из ланного контингенса, подбадривали себя солдатской песенкой:

Слышишь звон солдатских лат?
На войну спешит солдат!
Прочь, девчонка, кыш с дороги!

Уноси скорее ноги,
А не то прижму к груди!
«Жми, родименький, не жди!»

Шук, Окультих, Клапрот и примкнувший к ним бондарев сын Мэльфи рассказывали друг другу забавные истории и анекдоты, невероятно, по их мнению, смешные.

— ...а нильф и спрашивает: «Чем это тут так воняет?» А эльф ему: «Говном!» Ха-ха-ха!

— Ха-ха-хаааа!

— Ха-ха-ха! А такой слышали? Идут нильф, эльф и краснолюд. Глядят, мýша летит...

Чем сильнее разгорался день, тем больше они встречали на большаке других странников, кметских телег, армейских подразделений. Некоторые телеги были загружены нехитрым скарбом, за этими банда Шука шла чуть ли не опустив носы до земли, будто гончие, подбирая что упало — то морковку, то картофелину, то репу, порой даже луковицу. Часть «добычи» предусмотрительно прятали на черный день, часть тут же поедали, не прерывая изложения анекдотов.

— А нильф, фуууу! И обделался по самые уши! Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

— Хаа, хаа, хаа! О боги, не выдержи... Обделался! Хааа, хааа...

— Хеее, хеее, хеее!

Ярре ждал случая и повода, чтобы отделиться. Не нравился ему Шук, не нравился ему Окультих. Не нравились ему взгляды, которыми Шук и Окультих окидывали обгонявшие их купеческие возы, кметские упряжки и сидящих на фурманках женщин и девушек. Не нравился ему насмешливый тон Шука, когда тот то и дело заводил речь о целесообразности идти в добровольцы в тот момент, когда поражение и гибель очевидны и предопределены.

Запахло пашней. Дымом. В долине, среди ровных клеточек полей, рощиц и блестящих, как зеркальца, рыбных прудиков, виднелись крыши построек. Временами долетали далекий лай собак, мычание вола, крик петуха.

— Видать, не бедны эти деревушки, — прошепелявил Шук, облизывая губы. — Небольшие, но ищущие.

— Здесь, в долине, — поспешил объяснить Окультих, — низушки живут и хозяйствуют. У них все искусно и ладно. Хозяиственный народец, карлички энти.

— Нелюди проклятые, — просипел Клапрот. — Кобольды чертовы. Они тут хозяйничают, а настоящему человеку из-за таких беда и нищета! Таким даже война не помеха.

— На вшакий шлучай, — Щук растянул рот в неприятной ухмылке, — жапомните, молодцы, эту деревушку. Ту, крайнюю, среди бережок, у шамого лешу. Жапомните как следоват. Ежели когда-нить захоцца мне туда в гошти, не хотелось бы плутать.

Ярре отвернулся, прикинувшись, будто не слышит, будто видит только большак.

Они шли. Мильтон и Огрёбок, кметовы сыновья из ланного набора, затанули новую песню. Не такую армейскую, добрую. Немного даже как бы пессимистическую. Которую можно было — особенно после предыдущих намеков Щука — считать недобрый предзнаменованием.

А на войне, как на войне,
Хлебнешь несчастья вдвойне.
Не важно, стар ты или млад,
Фельдмаршал, сотник иль солдат,
Уж коли смерть тебя найдет,
То стороной не обойдет...

— Вон у того, — оценил угрюмо Окультих, — должны быть бабки. Если у ево бабков нету — пусть меня в монахи постригут.

Человеком, из-за которого Окультих шел на такой огромный риск, был бродячий торговец, идущий рядом с двуколкой, запряженной ослом.

— Бабки бабками, — прошепелявил Щук, — а ошлик тоже деньгу стоит. Пошли-ка побынтрей, молодцы.

— Мэльфи, — схватил Ярре бондаря за рукав, — разуй глаза-то! Не видишь, к чему дело идет?

— Так то ж всего лишь шуточки. — Мэльфи вырвал рукав. — Шуткует Щук, шуткует.

Двуколка торговца была одновременно ларьком и могла превращаться в прилавок за несколько минут. Конструкцию, которую тасил осел, украшали яркие, с размахом наклеенные надписи. Судя по ним, торговец предлагал бальзамы и охранные амулеты, эликсиры, фильтры и магические притирки, стиральные средства, а сверх того искатели металлов, золотого песка и трюфелей, а также безотказные приманки для рыб, уток и девок.

Торговец, худой и сильно придавленный бременем лет субъект, оглянувшись, увидел их, выругался и подогнал осла. Но осел, как всякий осел, и не думал идти быстрее.

— Начну-кось я с ево, — тихо бросил Окультих. — Да и на тележке чегой-нибудь отыщется.

— Ну, молодцы! — скомандовал Шук. — Раз-два! Управимша ш делом, пока мало швидетелев на большаке.

Ярре, не понимая, откуда у него вдруг взялось столько мужества, несколькими большими шагами опередил компанию и обернулся, загородив от них торговца.

— Нет, — сказал он, с трудом выдавливая слова из перехваченного спазмом горла. — Я не позволю...

Шук медленно распахнул кафтан и показал засунутый за пояс длинный нож, даже на глаз острый как бритва.

— А ну, отойди, пишарчук, — зловеще прошепелявил он. — Ешли шея дорога. Я думал, ты пригодишша в нашей компании, ан нет, уж шлишком тебя, погляжу, твой храм швятым шделал, шлишком уж ты ладаном провонял. А ну, отыгупи ш дороги, иначе...

— А что тут происходит, а?

Из-за окружающих большак толстых раскидистых верб, самого распространенного элемента исменского пейзажа, появились две странные фигуры.

У обоих мужчин были нафабранные и торчащие кверху усики, цветные штаны с буффами, стеганные, украшенные ленточками кафтаны и огромные мягкие бархатные береты с пучком перьев. Кроме висящих на широких поясах тесаков и кинжалов, у обоих за спинами виднелись двуручные мечи длинной, пожалуй, в сажень, с рукоятками в локоть и большими изогнутыми гардами.

Ландскнехты, подпрыгивая, застегивали штаны. Ни один не сделал даже движения в сторону рукоятей страшных мечей, однако Шук и Окультих мгновенно сникли, а гигантский Клап-рот опал, как надувная игрушка, из которой выпустили воздух.

— Мы тута... Ну, мы воще-то ничево... — зашепелявил Шук. — Ничего плохого...

— Только шуткуем, — пропищал Мэльфи.

— Никому никакого ущерба не сделано, — неожиданно проговорил согбенный годами торговец. — Никому!

— Мы, — быстро вставил Ярре, — идем в Вызиму, в армию записываться. Может, и вам с нами по пути, милостивые государи?

— И верно, — фыркнул ландскнехт, с ходу сообразив, в чем дело. — И мы в Вызиму, можете идти с нами. Безопасней будет.

— Безопасней, это уж точно, — многозначительно добавил второй, окидывая Щука долгим взглядом. — Все ж должно добавить, что мы недавно видели здесь, в окрестности Вызимы, конный патруль. Уж очень они вешать скоры, патрульные-то. Хреновая будет судьба разбойника иль грабителя, которого на деле прихватят.

— И очень это хорошо. — Щук слегка воспрял духом, ощерился щербато. — Очень это даже хорошо, милшдари, что ешть на поганцев закон и кара, правильный это порядок. Двигаем в путь, в Выжиму, в армию, по патеротическому жову души. Вжывает, штало быть, наш патеротижм.

Ландскнехт посмотрел на него долго и вполне презрительно, потом пожал плечами, поправил меч за спиной и пошел по дороге. Его спутник, Ярре, а также торговец с осликом и двуколкой двинулись следом, а позади, на небольшом удалении, потопала Щукова рвань.

— Благодарю вас, — сказал после долгого молчания торговец, подгоняя осла хворостинкой, — господа солдаты. Да и тебе благодарность, молодой господин.

— А, ерунда, — махнул рукой ландскнехт. — Мы привыкли.

— Разные всякие в армию прутся. — Его спутник оглянулся через плечо. — Как выпадет деревне или городку доля выдать с каждого десятого ланя по солдату, так пользуются случаем, чтобы от самой большой сволочи отделаться. Вот. А потом тракты полны такими, а, да что говорить, паршивцами. Ну ничего, уж там, в армии, их вышколят, вымуштрует ефрейторская палка, научит негодяев порядку, когда раз-другой пройдутся меж строя солдат.

— Я, — поспешил пояснить Ярре, — иду записываться добровольцем, не по принуждению.

— Похвально, похвально. — Ландскнехт поглядел на него, подкрутил нафабренные кончики усов. — И то, вижу, что тебя с детства из другой глины лепили. Как же ты к ним-то пристал?

— Случай столкнул.

— Доводилось мне уже видывать, — голос солдата был серьезен, — такие «случайные» столкновения и связи, когда побратавшихся под одну общую шибеницу волокли. Сделай откуда выводы, парень.

— Сделаю.

* * *

Прежде чем закрытое облаками солнце достигло зенита, большак вывел их на тракт. Здесь пришлось остановиться надолго. Тут же толпилась и солидная группа путников, пришедших раньше. Ярре и его компания вынуждены были задержаться — тракт был забит войсками.

— На юг, — многозначительно пояснил один из ландскнехтов. — На фронт. К Марибору и Майене

— Чьи знаки? — указал головой второй.

— Реданцы, — сказал Ярре. — Серебряные орлы на кармазине.

— Точно угадал. — Ландскнехт похлопал его по плечу. — Башковитый парень. Реданская армия, которую королева Гедвига нам на подмогу прислала. Мы теперь единством сильны. Темерия, Редания, Аэдирн, Каэдвен — все мы теперь союзники, одного дела приверженцы.

— И пора уж, — проговорил у них за спиной Шук с явным ехидством.

Ландскнехт обернулся, но промолчал.

— Ну, так присядем, — предложил Мэльфи, — дадим культяпам передохнуть. Этому войску конца-края не видно, много времени пройдет, пока дорога освободится.

— Посидим, — сказал торговец, — вон там, на горке. Оттуда обзор получше.

Прошла реданская конница, за ней, взбивая пыль, маршировали пращники и щитоносцы. Дальше уже виднелась колонна идущих шагом латников на лошадях.

— Вон те, — указал на латников Мэльфи, — под другим знаком идут. У них черные штандарты, чем-то белым напестренные.

— Эх, глухое захолустье. — Ландскнехт глянул на него. — Герба собственного короля не знаешь. Это ж серебряные лилии, голова садовая.

— Черное поле, усеянное серебряными лилиями, — сказал Ярре, и ему тут же захотелось показать, что уж кто-кто, а он-то не глухое захолустье. — На давнем гербе королевства Темерии, — начал он, — был изображен шагающий лев. Но темерские коронные князья пользовались измененным гербом: добавляли к щиту дополнительное поле с тремя лилиями, потому что в геральдической символике лилия есть знак королевского сына, наследника трона и скипетра.

— Мудрила засранный... — прошипел Клапрот.

— Пусть говорит, а ты заткнись, конская морда, — грозно сказал ландскнехт. — Продолжай, парень. Это интересно.

— А когда принц Гоидемар, сын старого короля Гардика, шел в бой против повстанцев дьяволицы Фальки, темерская армия именно под его началом, под его гербом с лилиями, билась и победила решающим образом. И когда Гоидемар после отца унаследовал трон, он в память о тех победах и чудесном избавлении жены и детей из вражеских рук сделал королевским гербом три серебряные лилии на черном поле. А позже король специальным рескриптом государственный герб изменил тем, что усеял черный щит серебряными лилиями... Таким он и остался, темерский герб, до сих дней. В чем все вы легко можете убедиться сами, поскольку по тракту идут как раз темерские копейщики.

— Очень ловко, — сказал торговец, — все это ты нам объяснил, юноша.

— Не я, — вздохнул Ярре, — а Ян из Аттре, ученый-геральдик.

— Да и ты не хуже. Видать, тоже ученый.

— В шамый раш для рекрута, — вполголоса буркнул Шук, — чтобы дать прикончить шебя под шеребряными лилиями жа короля и Темерию.

Послышалось пение. Гортанное, воинственное, гулкое как штормовая волна, как грохот приближающейся бури. Следом за темерцами шла ровным плотным строем другая армия. Серая, почти бесцветная кавалерия, над которой не развевались ни хоругви, ни штандарты. Перед едущими во главе колонны командирами несли украшенный конскими хвостами шест с поперечиной, к которой были прибиты человеческие черепа.

— Вольная Компания, — указал на серых всадников ландскнехт. — Кондотьеры. Наемное войско.

— Сразу видать, — вздохнул Мэльфи, — боевые. Мужик к мужику! А уж ровненько идут, будто на параде.

— Вольная Компания, — повторил ландскнехт. — Посмотрите, кметы и желторотики, на настоящих солдат. Эти уже в бою побывали, именно они, кондотьеры, что шли под знаменами Адама Пангратта, Молли, Фронтини и Абатемарко, перевесили чашу весов под Майеной, благодаря им развалилось нильфгаардское кольцо, их надо благодарить за то, что крепость освобождена.

— Головой ручаюсь, — добавил другой, — боевые и мужественные люди, кондотьеры, в битве не отступают, что твоя

скала. Хоть и за деньги Вольная Компания служит, как из их песни понять можно.

Отряд приближался, песня гремела все сильнее и громче, но на удивительно грустной и злой ноте.

Нам не нужны ни почести, ни троны,
Нам не милы поблажки королей.
А нам нужны за нашу кровь и стоны
Дукаты, те, что солнца посветлей.

Штандарты не целуем мы и руки,
Нам почести и слава ни к чему,
Мы терпим боль, презрение и муки,
Лишь поклоняясь злату одному.

— Эх, у таких служить, — снова вздохнул Мэльфи. — С такими вместе воевать... Добился бы человек и славы, и шмоток.

— Глаза меня обманывают, или как? — Окультих поморщился. — Во главе второй-то хоругви... Баба? Так они под бабской командой воюют, наемники-то?

— Это точно баба, — подтвердил ландскнехт. — Но не какая-нибудь. Это Джулия Абатемарко, ее называют Сладкой Ветреницей. Воин что надо! Под ее командой кондотьеры раздолбали рейд Черных и эльфов под Майеной, хоть у нее под командой всего дважды по пять сотен бойцов было, а на нильфовых три тысячи вдарили!

— Довелось мне краем уха прошлышать, — проговорил Щук странным, слащаво-заискивающим и одновременно злым тоном, — что не много эта победа дала, впустую пошли отпущенные на наемников дукаты. Шобралша Нильфгаард и снова жадал нашим перцу, да еще какого! И Майену обратно опояшал. А может, уж и захватил крепость-то? А может, уж шуды нацелилша? Может, вот-вот ждешя будет? Может, эти продажники кондотьеры давно нильфгаардским золотом перекуплены. А может...

— А может, — оборвал его рассердившийся солдат, — в морду хочешь, хам? Учти, за оскорбление наших войск шибеницей карают! Заткнись, пока я добрый!

— Ооооо! — Дубина Клапрот, широко раскрыв рот, разрядил ситуацию. — Ооо, гляньте-ка! Какие чудные недомерки!

По дороге, под глухой грохот литавр, трубный рев кобз и дикий свист пищалок, топал отряд пехоты, вооруженной але-

бардами, гизармами, бердышами, цепами и палицами, толстые концы которых были утыканы кремнями и железными шипами. Одетые в меховые бурки, кольчуги и островерхие колпаки, солдаты были действительно непривычно невысоки.

— Краснолюды с гор, — пояснил ландскнехт. — Одно из подразделений Махакамской Добровольческой Рати.

— А ведь я-то думал, — бросил Окультих, — что краснолюды не с нами, а супротив нас. Мол, предали нас эти вшивые карлы и теперича с Черными в сговоре.

— Ты думал. — Ландскнехт сочувственно глянул на него. — А чем, интересно? Ты, недотепа, если б в супе таракана съел, так в кишках у тебя завелось бы больше ума, чем в башке. Те, что там идут, — одно из подразделений краснолюдской пехоты, которую прислал нам в помощь Брувер Гоог, староста махакамский. Они в большинстве тоже в бою побывали, крупные потери понесли, ну, тогда их под Вызиму отправили на переформировку.

— Боевой народ эти краснолюдины, — подтвердил Мэльфи. — Когда мне один такой в элландерском трактире по уху дал, так у меня в том ухе аж до Йуле звенело.

— Краснолюдский отряд — последний в колонне, — заслонил ландскнехт глаза ладонью. — Конец маршу. Сейчас тракт освободится. Собираемся — и в путь, потому как скоро уже полдень.

— Столько военного люда на юг топает, — сказал продавец амулетов и чудодейственных снадобий, — что, несомненно, бо-ольшая будет война. Бо-о-льшие будут на людей несчастья! Бо-ольшое поражение армий. Гибнуть будет народ тысячами от меча и пожоги. Взять, господа, хотя бы тот вон комет, что по небу кажную ночь видать, красный хвост огненный за собою волочит. Ежели у комета хвост синий али бледный, сие на зимние хвори, лихоманки, плевры, флегмы и простужения. А также несчастья водные, таковые, како наводнения, ливни или другие ненастья и напасти. Красный же цвет указывает, что это комет горячки, крови и огня, а также железа, кое из огня рождается. Страшные, страшные несчастья на народ свалятся! Бо-ольшие погромы будут и резня. Како сказано в том пророчестве: «Будут трупы лежать трудами по локтей двунадесять, на опустошалай земле будут волки выть, а человек след другого человека целовать будет». Ох, горе нам, горе!

— Почему нам? — холодно перебил ландскнехт. — Комета высоко летит, из Нильфгаарда ее тоже видеть, не говоря уж о долине Ины, откуда, говорят, Менно Коегоорн движется. Черные тоже в небо глядят и комету видят. Так почему же не принять, что она не нам, а им поражение ворожит? Что это их трупы будут грудами уложены?

— Точно! — буркнул второй ландскнехт. — Это им горюто, Черным!

— А ловко вы это, милсдари, сообразили!

— Конечно.

Они миновали окружающие Вызиму леса, вышли на луга и пастбища. Здесь паслись целые табуны лошадей, самых разных — кавалерийских, упряжных, тягловых тяжелых першеронов. Травы, как обычно в марте, на лугах было что кот наплакал, но стояли скирды и телеги, полные сена.

— Ну, видить? — облизнул губы Окультих. — И-эх, коняшки! И никто не стерегет! Бери-выбирай!

— Заткни хлебало, — прошипел Щук и подхалимски улыбнулся ландскнехтам выщербленными зубами. — Он, гошпода, в кавалерии вожмечталща шлужить, потому так на этих коняг жырытша.

— В кавалерии! — бросил ландскнехт. — Ишь что хаму мечтается! Конюхом ему быть, навоз из-под лошадей вилами выгребать да на тачке вывозить!

— Швятую иштину, милшдарь, говорите.

Двинулись дальше, наконец добрались до дамбы, идущей вдоль прудов и каналов. И неожиданно над верхушками ольх увидели красные черепицы вздымающихся над озером башен вызимского замка.

— Ну, стало быть, мы почти на месте, — сказал торговец. — Чуете?

— Фууу! — скривился Мэльфи. — Что за вонь? Что такое?

— Наверно, шолдаты ш голодухи подошли на королевешкой шлужбе, — забурчал у них за спинами Щук, но так, чтобы ландскнехты не расслышали.

— Чуть нос не своротит, э? — засмеялся один. — Верно, тут тысячами стоял люд военный на передыхе, а военный люд есть должен, а как поест, так бздит, прошу прощения. Таким уж фортеlem природа людей сделала, и тут уж ничего не попишешь. Ну а то, что высрано, то в те вон рвы вывозят, вывали-

вают, даже не присыпая. Зимой, пока мороз дерьмо прихватывал, оно как-то держалось, а с весны... Тьфу!

— И постоянно новые приходят и на старую кучу наваливают. — Второй ландскнехт тоже сплюнул. — А громкое жужжание слышите? Это мухи. Тут их тучи целые, ранней весной невиданное дело! Заверните носы кто чем может, не то в глаза и рот полезут, паскуды! И чем быстрее отсюда уберемся, тем лучше!

Миновали рвы, но отделаться от вони не удавалось. Даже наоборот. Ярре мог бы поклясться, что чем ближе они подходили к городу, тем вонь становилась плотнее, насыщеннее, но в то же время понятнее, масштабнее и богаче оттенками. Воняли окружающие город воинские обозы и палатки. Вонял гигантский лазарет. Вонял многолюдный и шумливый пригород, вонял вал, воняла земля у валов, воняли ворота, воняли площадки и улочки, воняли стены возвышающегося над городом замка. К счастью, ноздри быстро привыкли, и вскоре «добровольцам» было все равно, навоз ли это, падаль, кошачья моча или очередной пункт раздачи пищи.

Мухи были повсюду. Они настырно звенели, лезли в глаза, в нос. Их невозможно было отогнать. Проще — раздавить прямо на лице... либо разжевать.

Как только они вышли из тени ворот, в глаза им бросилась огромная картина на стене, изображающая рыцаря с нацеленным в них пальцем. Надпись под картиной кричала огромными буквами: «ТЫ УЖЕ ЗАВЕРБОВАЛСЯ В СОЛДАТЫ?»

— Уже, уже, — буркнул ландскнехт. — К сожалению.

Таких картин было множество, можно сказать — что ни стена, то картина. В основном — тот же рыцарь с пальцем, довольно часто попадалась Мать-Родина с развевающимися седыми волосами, за спиной у нее пылали деревни и висели младенцы, насаженные на острия нильфгаардских пик. Попадались также изображения эльфов с окровавленными ножами в зубах.

Ярре вдруг обернулся и увидел, что они остались одни: он, ландскнехты и торговец. Щук, Окультих, кметские новобранцы и Мэльфи испарились.

— Да-да, — подтвердил предположение ландскнехт, внимательно на него глядя. — Смылись твои дружки при первой же возможности, за первым же углом, замели след хвостами. И

знаешь, что я тебе скажу, парень? Хорошо, что ваши дорожки разошлись. И не стремись к тому, чтобы сошлись снова.

— Жаль Мэльфи, — проворчал Ярре. — В принципе-то он неплохой парень.

— Каждый сам выбирает свою судьбу. А ты — пошли с нами. Покажем, где вербовочный пункт.

Они вышли на небольшую площадь, посреди которой на каменном возвышении стоял позорный столб. Вокруг позорного столба толпились жаждущие развлечений горожане и солдаты. Закованный в цепи осужденный, только что получивший грязью в лицо, плевался и плакал. Толпа рычала и корчилась от смеха.

— Эй! — крикнул ландскнехт. — Гляньте-ка, кого закандалили-то! Это ж Фусон. Интересно, за что его так?

— За земледелие, — поспешил разъяснить тучный горожанин в волчьей дохе и фетровой шапке.

— За что?

— За земледелие, — с нажимом повторил толстяк. — За то, что он сеял!

— Хо! Ну это уж вы, простите, навалили, будто вол после долгой жвачки, — засмеялся ландскнехт. — Я Фусона знаю, он сапожник, сапожников сын и сапожников внук. В жизни он не пахал, не сеял, не жал. Ну, говорю, лягнули вы с этим сеянием, аж дух пошел.

— Собственные слова бейлифа! — распетушился мужчина. — Он будет у позорного столба до зари стоять за то, что сеял! А сеял он, злостник, по нильфгаардскому наущению и за нильфгаардские сребреники... Дивное, правду сказать, зерно сеял, какое-то, похоже, заморское... О, вспомнил. Дефетизму*, вот чего.

— Верно-верно! — воскликнул продавец амулетов. — Слышал я, говорили о том, нильфгаардские шпионы и эльфы морширят, колодцы, источники и ручьи разными ядами отравляют: то дурманом, то цикутой, то лепрой, то дефетизмами всякими.

— Ага, — кивнул горожанин в волчьей дохе. — Вчера двух эльфов повесили. Как пить дать за это ж самое отравление.

— За углом этой улочки, — показал ландскнехт, — корчма, в которой заседает вербовочная комиссия. Там растянута боль-

* Дефетизм (Defaitisme; *фр.*) — пораженчество, отсутствие веры в победу.

шая тряпка, на ней темерские лилии, кстати, знакомые тебе, парень, так что попадешь безошибочно. Ну, будь здоров! Дай нам боги встретиться в лучшие времена. Бывайте и вы, господин перекупщик.

Торговец громко кашлянул.

— Милостивые государи, — сказал он, копаясь в баулах и шкатулках, — позвольте за вашу помощь... Во знаки благодарности...

— Не беспокойтесь, добрый человек, — улыбнувшись, сказал ландскнехт. — Помогли, вот и все. И на том конец, что тут говорить...

— А может, чудотворную мазь от прострелов? — Торговец отыскал что-то на дне шкатулки. — Может, универсальное и безотказное средство супротив бронхита, подагры, паралича? Перхоть тоже облегчает. Может, бальзам смоляной супротив ужаления пчелиного, змеиноного и вампирьего? Или талисман для защиты от последствий дурного сглаза?

— А может, у вас есть, — серьезно спросил второй ландскнехт, — что-нибудь для защиты от последствий скверной жратвы?

— Есть! — крикнул, расцветая, торговец. — Вот весьма эффективное средство, из магических кореньев изготовленное, пахучими зельями приправленное. Достаточно трех капель после еды. Прошу, берите, милостивые государи!

— Благодарствуйте. Я пошутил. Ну, бывайте! Бывай и ты, парень. Успеха тебе!

— Вежливые, воспитанные и приличные, — оценил торговец, когда солдаты скрылись в толпе. — Не каждый день таких встречаешь. Ну и ты тоже помог мне, юнош. Что ж подарить-то тебе? Амулет громоотводный? Противоядие? Черепаший камень, супротив ведьмовых прелестностей действующий? Хм. Есть и трупий зуб против лести чужой, есть и кусок усушенного дявольского дерьма, его хорошо в правом башмаке носить...

Ярре оторвал взгляд от людей, яростно смывающих со стены дома надпись «ДОЛОЙ ПОГАНУЮ ВОЙНУ», и сказал:

— Бросьте. Мне пора.

— О! — воскликнул торговец, вытаскивая из шкатулки латунный медальончик в форме сердечка. — Это должно тебе пригодиться, юнош, потому что эта вещь в самый раз для юных. Это раритет редкостный, у меня такой только один. Чудодейственный амулет. Он делает так, что о носящем его милка не

забудет никогда, даже ежели их разделяет время и версты. Взгляни, вот тут отворяется, а внутри листок из тонкого папируса, на этом листике достаточно написать магическими чернилами, красными, они у меня есть, имя любимой, и она не забудет, сердца не отринет, не покинет и не предаст. Ну?

— Хм-м-м. — Ярре слегка покраснел. — И не знаю даже...

— Какое имя? — Торговец погрузил тонко оструганную палочку в магические чернила. — Написать?

— Цири. То есть — Цирилла.

— Готово. Бери.

— Ярре! А ты, черт побери, что тут делаешь?

Ярре резко обернулся. «Я надеялся, — подумал он машинально, — что оставил позади свое прошлое. Все. И что теперь все будет новым. А тут чуть не на каждом шагу наталкиваешься на старых знакомых».

— Господин Деннис Кранмер?

Краснолюд в тяжелой шубе, кирасе, с карвашами* на предплечьях и лисьей шапке с пучком перьев, окинул быстрым взглядом паренька, торговца, потом снова паренька.

— Что ты тут делаешь, Ярре? — сурово спросил он, топорща брови, бороду и усы.

Юноша несколько мгновений молчал, решая, не солгать ли, а для достоверности не вплести ли в ложь версию благонастроенного торговца. Но почти тут же раздумал. Деннис Кранмер, служивший некогда в гвардии князя Элландера, пользовался репутацией краснолюда, которого трудно обмануть. Так что и пробовать не стоило.

— Хочу в армию вступить.

Он знал, каким будет следующий вопрос.

— А Нэннеке разрешила?

Отвечать не было нужды.

— Ты сбежал! — затряс бородой Деннис Кранмер. — Просто сбежал из храма. А Нэннеке и жрицы там рвут у себя волосы на головах.

— Я оставил записку, — бухнул Ярре. — Господин Кранмер, я не мог... Я должен был... Негоже бездействовать, когда враг на пороге... В грозный для отчизны час... А к тому же она... Цири... Матушка Нэннеке ни за что не соглашалась, хотя три четверти девушек из храма послала в армию, а мне не позволила... А я не мог...

* железный наплечник

— Вот и сбежал, — нахмурился краснолюд. — Тысяча чертовых дьяволов, я обязан связать тебя и отправить в Элландер с курьерской почтой! Чтобы там заперли тебя в яме под замком и держали, пока жрицы не явятся за посылкой. Я должен... — Он гневно засопел. — Ты когда последний раз ел, Ярре? Когда у тебя во рту последний раз была горячая пища?

— По-настоящему горячая? Три... Нет, четыре дня назад.

— Пошли.

— Ешь медленнее, сынок, — посоветовал Золтан Хивай, один из дружков Денниса Кранмера. — Вредно жрать наспех, не прожевывая как следует. Куда ты так спешишь? Поверь, никто у тебя эту пищу не отберет.

Ярре не был так уж в этом уверен. В главном зале постоянного двора «Под кудлатым мишкой» как раз шел кулачный бой. Под аккомпанемент рева дружков из Добровольческой Рати и аплодисменты городских проституток два приземистых и широких как печки краснолюда дубасили друг друга кулачищами так, что аж гул стоял. Скрипел пол. Падали столы, стулья и посуда, а брызги разлетающейся из разбитых носов крови сыпались вокруг дождем. Ярре только и ждал, когда кто-нибудь из бойцов рухнет на их офицерский стол, свалив деревянный поднос со свиными рульками, миску пареного гороха и глиняные кувшины. Он быстро проглотил уже откушенный кусок сала, исходя из соображений, что то, что проглочено, — твое.

— Я не очень понял, Деннис, — второй краснолюд, которого называли Шелдоном Скагтсом, даже головы не повернул, хотя один из бойцов чуть не задел его, размахивая руками, — если этот парень — жрец, то что его вынудило вербоваться? Ведь жрецам кровь проливать не полагается.

— Он воспитанник храма, а не жрец.

— Никогда, черт побери, не мог уразуметь этих путаных человеческих предрассудков. Ну, над чужими верованиями смеяться нехорошо... Однако получается, что этот парень, хоть и в храме воспитывался, не имеет ничего против пролития крови. Особенно нильфгаардской. Ну как, парень?

— Оставь его в покое, Скагтс.

— Почему ж? Я охотно отвечу. — Ярре откусил кусок рульки и забросил в рот горсть гороха. — Дело обстоит так: проливать кровь можно на войне справедливой. При защите высших интересов. Поэтому я и записываюсь. Родина-Мать зовет.

— Вы сами видите, — Шелдон Скагге повел взглядом по спутникам, — сколь правды в утверждении, будто люди — раса близкая нам и родственная, будто мы выросли из того же корня, что и они. Самое лучшее тому доказательство сидит между нами и трескает горох. Иными словами, уйму таких же дурных голов можно встретить и меж юных краснолюдов.

— Особенно после Майенского похода, — холодно заметил Золтан Хивай. — После выигранной баталии всегда возрастает наплыв добровольцев. Наплыв прекратится, как только разойдется весть одвигающемся вверх по Ине войске Менно Коегоорна, оставляющем за собою лишь землю и воду.

— Только б тогда не начался «наплыв» в обратную сторону, — буркнул Кранмер. — Я как-то добровольцам не очень доверяю. Между прочим, каждый второй дезертир — бывший доброволец.

— Как вы можете... — Ярре чуть не подавился. — Как вы можете, господин, говорить такое... Я из идейных соображений... Иду на войну справедливую и праведную. Родина-Мать...

От удара, который, как показалось юноше, потряс фундамент здания, один из дерущихся краснолюдов рухнул, пыль из щелей пола взвилась под потолок. Однако на этот раз побежденный, вместо того чтобы вскочить и садануть соперника, неловко и бестолково шевелил конечностями, очень напоминающая большого перевернутого на спину майского жука.

Деннис Кранмер встал.

— Вопрос решен, — сказал он громко, оглядывая зал. — Место командира роты, пустующее после геройской смерти Эльканы Фостера, павшего на поле брани под Майеной, получает... Как там тебя, сынок? Запомнил я.

— Бласко Грант. — Победитель кулачного боя выплюнул на пол зуб.

— ...получает Бласко Грант. Есть еще какие-либо спорные вопросы касательно продвижения по службе? Нет? Ну и славно. Хозяин! Пива! Так о чем мы говорили-то?

— О войне справедливой, — принялся перечислять Золтан Хивай, загибая пальцы. — О добровольцах. О дезертирах.

— Именно, — прервал Деннис. — Я знал, что хотел к чему-то вернуться. Речь шла о дезертирующих и предающих добровольцах. Мне вспоминается цинтрийский корпус Виссегерда. Сволочи, оказывается, даже не сменили штандарта. Мне об этом сказали кондотьеры из Вольной Компании из отряда Джу-

лии Сладкой Ветреницы. Под Майеной хоругвь Джулии столкнулась с цинтрийцами. Они шли в авангарде нильфгаардской облавы, под теми же знаменами со львами...

— Их призвала Родина-Мать, — угрюмо вставил Скаггс. — И императрица Цири.

— Тише, — прошипел Деннис.

— Верно, — проговорил молчавший до тех пор четвертый краснотолд, Ярпен Зигрин. — Тише. И к тому ж тише тихости! И не от страха перед шпиками, а потому, что не следует болтать о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия.

— А ты, Зигрин, — выпятил бороду Скаггс, — такое понятие, значит, имеешь?

— Имею. И скажу одно: Эмгыр вар-Эмрейс ли, бунтовщики ли чародеи с Танедда, или даже сам дьявол не сумели бы ни к чему принудить эту девушку. Не сумели бы ее сломать. Я это знаю. Потому что знаю ее. Вся разрекламированная свадьба с Эмгыром — мистификация. Мистификация, на которую дали себя поймать всякие дурни... Иное, говорю вам, у этой девушки предназначение. Совершенно иное...

— Ты так говоришь, — проворчал Скаггс, — будто и вправду ее знал, Зигрин.

— Перестань, — неожиданно буркнул Золтан Хивай. — Что до предназначения, так он прав. Я в это верю. Есть у меня к тому основания.

— А! — махнул рукой Шелдон Скаггс. — Что болтать попусту? Цирилла, Эмгыр, предназначение... Далекие это дела... А вот дело поближе, господа, так это, значит, Менно Коегорн и Группа Армий «Центр».

— Угу, — вздохнул Золтан Хивай. — Что-то сдается мне, не обойдет нас тяжкая баталия. Может, самая крупная, какую знает история.

— Многое, — пробурчал Деннис Кранмер, — да, многое она решит...

— И еще больше — завершит.

— Все. — Ярре отрыгнул, прикрыв по обыкновению рот ладонью. — Все кончится.

Краснотолды какое-то время молча глядели на него.

— Не совсем, — наконец сказал Золтан Хивай, — я тебя понял, юноша. Не пожелаешь ли пояснить, что имел в виду?

— В княжеском совете, — неуверенно начал Ярре, — в Элландере, значит, говорили, что победа в этой гигантской

войне важна потому, что... Что это великая война, которая положит конец всем войнам.

Шелдон Скаггс фыркнул и оплевал себе бороду пивом. Золтан Хивай зарычал во весь голос:

— Вы так думаете, господа?

Теперь пришел черед фыркнуть Деннису Кранмеру. Ярпен Зигрин хранил молчание, глядя на юношу внимательно и как бы соболезнующе.

— Сынок, — сказал он наконец очень серьезно. — Глянь. Вон там, у стойки, сидит Евангелина Парр. Она, надо признать, довольно велика. Да что там, даже огромна. Однако при всех своих размерах она, несомненно, отнюдь не такая курва, которая в состоянии перекурвить всех остальных курв.

Свернув в тесный безымянный переулок, Деннис Кранмер остановился.

— Должен тебя похвалить, Ярре, — сказал он. — Знаешь, за что?

— Нет.

— Не прикидывайся. Передо мной — не надо. Достоин похвалы то, что ты и глазом не моргнул, когда шел разговор о Цирилле. Еще более похвально, что даже рта не раскрыл... Ну, ну, не изображай из себя глупенького. Я много знаю о том, что творилось у Нэннеке за храмовыми стенами, можешь поверить, многое. А если тебе этого мало, то знай, что я слышал, какое имя тебе торговец на медальоне выписал. Так и держись дальше. — Краснолюд тактично сделал вид, будто не замечает румянца, выступившего на лице юноши. — Держись так и дальше, Ярре. И не только когда речь идет о Цири... Ты на что пилишься?

На стене стоящего в конце улочки амбара красовалась начертанная известкой надпись: «ЗАНИМАЙСЯ ЛЮБОВЬЮ, А НЕ ВОЙНОЙ». А чуть ниже кто-то накарябал гораздо меньшими буквами: «Сри каждое утро».

— Ты лучше в другую сторону гляди, дуралей, — бросил Деннис Кранмер. — Только за чтение таких надписей можно здорово отхватить, а ежели что не вовремя ляпнешь, проучат тебя у столба, кровавую кожу с хребта сдерут. Здесь суд скорый! Очень даже скорый!

— Я видел, — проворчал Ярре, — сапожника в кандалах. Якобы за сеяние дефетизма.

— Это «сеяние», — серьезно сказал краснолюд, потянув паренька за рукав, — скорее всего состояло в том, что, проводя сына в армию, он плакал, вместо того чтобы выкрикивать патриотические лозунги. За более серьезные «посевы» тут кают иначе. Пошли покажу.

Онй вышли на небольшую площадь. Ярре попятился, зажав руками нос и рот. На огромной каменной шибенице висело несколько трупов. Некоторые — судя по виду и запаху — висели уже давно.

— Вон тот, — указал Деннис, отгоняя мух, — малевал на стенах и заборах глупые надписи. Тот — утверждал, что война — дело господ и рекрутированные нильфгаардские кметы ему не враги. Третий по пьянке рассказывал такой вот анекдот: «Что есть пика? Это оружие вельмож, палка, у которой на каждом конце — бедняк». А вон там, на самом краю, видишь бабу? Это бордельмаман из армейского борделя на колесах, который она украсила надписью: «Тыкай, солдат, сегодня, потому как завтра уже можешь не суметь».

— И только за это...

— Кроме того, у одной из девочек оказался триппер. А это уже параграф о диверсии и умышленном снижении боеспособности.

— Я понял, господин Кранмер. — Ярре вытянулся так, как, по его мнению, должен был стоять солдат. — Но за меня не беспокойтесь. Я никакой не дефетист...

— Ни хрена ты не понял и не перебивай, потому как я еще не кончил. Последний всяк, тот, что уже как следует провокация, виновен только в том, что в ответ на болтовню провокатора-шпики прореагировал восклицанием: «Вы совершенно правы, милостивый государь, вы совершенно правы. Именно: дважды два — четыре!» Вот теперь скажи, что ты понял.

— Понял. — Ярре украдкой осмотрелся. — Буду внимательным. Но... Господин Кранмер... Как тут в действительности...

Краснолюд тоже оглянулся.

— В действительности, — тихо сказал он, — все обстоит так, что Группа Армий «Центр» маршала Менно Коегоорна в количестве около ста тысяч солдат идет на север. В действительности, если б не восстание в Вердэне, они уже были бы здесь. В действительности хорошо было бы, если б начались переговоры. В действительности у Темерии и Редании нет сил, чтобы сдержать Коегоорна. В действительности никак уж не перед стратегическим рубежом Понтара.

— Река Понтар, — шепнул Ярре, — находится к северу от нас.

— Именно это я и хотел сказать. Но помни: об этом ни гу-гу.

— Буду за собой следить. А когда окажусь в отряде, тоже надо? Там тоже можно налететь на шпики?

— В линейной части? Вблизи линии фронта? Скорее всего — нет. Шпики потому такие усердные до линии фронта, что боятся сами туда попасть. Кроме того, если вешать каждого солдата, который брюзжит, жалуется и выражает недовольство, то воевать некому будет. Но ты, Ярре, как и в случае с Цири, лучше помалкивай. В закрытый рот, запомни мои слова, ни одна навозная муха не влетит. Никогда. А теперь пошли, провою до комиссии.

— Замолвите там за меня словечко? — Ярре с надеждой взглянул на краснолюда. — А? Господин Кранмер?

— Ну и дурной же ты парень, писарчук! Здесь армия! Хлопотать за тебя все одно, что у тебя на спине золотой нитью вышить: «НЕДОТЕПА»! Жизни бы у тебя в отряде не было, парень.

— А к вам... — заморгал Ярре. — В ваш отряд...

— И не думай даже!

— Потому что у вас, — горько сказал юноша, — только для краснолюдов место, верно? Не для меня, человека. Верно?

— Верно.

«Не для тебя, — подумал Деннис Кранмер. — Не для тебя, Ярре. Потому что я все еще не расплатился с Нэннеке. И поэтому хочу, чтобы ты живым вернулся с войны. А Добровольческая Рать Махакама состоит из краснолюдов, из существ чуждой и худшей расы. Ее всегда будут посылать с самыми опасными заданиями на самые скверные участки. Туда, откуда не возвращаются. Туда, куда не послали бы людей».

— Как же тогда сделать, — нахмурился Ярре, — чтобы попасть в хороший отряд?

— А который, по-твоему, отряд настолько хорош, чтобы так уж рваться в него?

Ярре отвернулся, слыша пение, набравшее силу как волна прибоя, разливающееся словно грохот быстро приближающейся бури. Пение громкое, буйное, сильное, жесткое как сталь. Он уже слышал такое пение.

По улочке, ведущей от замка, выстроившись по трое, двигался шагом отряд кондотьеров. Впереди, на сивом жеребце,

под украшенным человеческими черепами шестом ехал командир, седовласый мужчина с орлиным носом и опадающим на латы гаркапом*.

— Адам «Адью» Пангратт, — проворчал Деннис Кранмер.

Песня кондотьеров гремела, гудела, грохотала. Контрапунктный звон подков о брусчатку заполнял улочку до самых крыш, взвизывался над ними высоко в голубое небо над самым городом.

Не станут ныть любовницы и жены,
Когда падут на грудь земли солдаты...
Пусть выются над погибшими вороны.
Зато живым достанутся дукаты...

— Вы спрашиваете, который отряд... — сказал Ярре, не в силах оторвать взгляда от кавалеристов. — Да хотя бы вот этот! В таком хотелось бы...

— У каждого своя песенка, — тихо прервал краснолюд. — И каждый по-своему на грудь Земли-Матушки падет. Как ему выйдет. И либо заплачут по нему, завоют, либо нет. На войне, писарчук, только поют да маршируют ровно, в строю стоят ровно. А потом, в бою, — каждому то, что ему писано. В Вольной ли Компании «Адью» Пангратта, в пехтуре ли, в обозах ли... В блестящих латах и с красивым султаном или в лаптях и завшивевшем кожушке... На резвом ли скакуне или за щитом... Каждому свое. Как выпадет! Ну а вот и комиссия, видишь вывеску над входом? Туда тебе дорога, коли солдатом стать надумал. Иди, Ярре. Ну, бывай. Увидимся, когда все кончится.

Краснолюд провожал взглядом юношу, пока тот не скрылся в дверях корчмы, занятой рекрутской комиссией.

— Или не увидимся, — добавил он тихо. — Неведомо, кому что писано. Что кому выпадет.

— На коне ездешь? Из лука или арбалета стреляешь?

— Нет, господин комиссар. Но умею писать и каллиграфии обучен, а также знаю Старшие Руны... Знаю Старшую Речь.

— Мечом рубить? Копьем орудовать?

— ...я читал «Историю войн», произведения маршала Пеллигрима. И Родерика де Новембра...

— А может, хоть готовить-то умешь? Кухарить?

* коса парика, защищающая шею от ударов (Haarzopf, нем.).

— Нет, не умею... Но я неплохо считаю.

Комиссар поморщился и махнул рукой.

— Мудрец начитанный! Это который же сегодня? Выписать ему бумагу в бэ-эм-пэ. В бэ-эм-пэ служить будешь, парень. Отправляйся с этой бумагой на южный край города, а потом через Мариборские Ворота к озеру.

— Но...

— Попадешь точненько. Следующий!

— Эй, Ярре! Эй! Погоди!

— Мэльфи?

— Я. Надо же! Я! — Бондарь покачулся, придержался за стену. — Точно ж я! Хе-хе!

— Что с тобой?

— Со мной, что ли? Хе-хе! А ничего! Пригубил малость Нильфгаарду на погибель пил, стало быть. Ух, Ярре, рад тебя видеть, потому как думал, ты у меня куда-то потерялся... Дружок ты мой...

Ярре попятился, словно его ударили. От бондаря несло не только скверным пивом и еще более отвратительным самогоном, но к тому же луком, чесноком и черт знает чем еще. И несло чудовищно.

— А где, — спросил он ехидно, — твоя почтенная компания?

— Ты о Щуке, что ль? — поморщился Мэльфи. — Так я тебе скажу: пес с ним! Знаешь, Ярре, я думаю, паршивый это был человек.

— Bravo! Быстро же ты его раскусил.

— А то! — Мэльфи напыжился, не заметив издевки. — Крутил, понимаешь, все, да только шиш меня обманешь! Я те скажу, чего он задумал. Пошто сюда, в Вызиму, намылился! Небось думаешь, Ярре, он и его оборвыши в армию шли? Как и мы? Фига с маслом. Ежели так думаешь, тошибко ошибаешься. Знаешь, чего он задумал? Не поверишь!

— Поверю.

— Ему, — торжественно закончил Мэльфи, — ему лошади нужны были и форма военная. Он надумал где-нито тут стибрить. Потому как удумал в военной одежде на разбой идти.

— Чтоб его палач повесил!

— И побыстрее! — Бондарев сын слегка покачулся, прислонился к стене и расстегнул штаны. — Жаль мне токмо, что Огрёбок с Мильтоном, дундуки, лбы деревенские, дали себя

окрутить, пошли за Шуком. Так и их палач уже подвесить готов! Ну... в общем, накласть мне на них, лаптежников, понимаешь? А как у тебя-то, Ярре?

— В смысле?

— Ну, пристроили тебя куда-нито комиссары? — Мэльфи пустил струю на каменную стену. — Спрашиваю, потому как я уже записался. Мне надо за Мариборские Ворота, на южный край города. А тебе куда?

— Тоже на южный.

— Ха! — Бондарев сын несколько раз подпрыгнул, отряхнулся, застегнул ширинку. — Так, может, вместе воевать будем?

— Не думаю. — Ярре взглянул на него свысока. — Я получил назначение в соответствии с моей квалификацией. В бэ-эм-пэ.

— Знамо дело. — Мэльфи икнул и дыхнул на него убийственной смесью газов. — Ты ж ученый! Таких умников небось на важные дела берут, а не на мелочишку какую. Что делать! Но покамест маленько еще вместе походим. На южный край города все ж вместе нам дорога.

— Так получается.

— Ну, так пошли.

— Пошли.

— Пожалуй, здесь, — решил Ярре, глядя на окруженный палатками плац, на котором перемещивал пыль отряд оборванцев с длинными палками на плечах. У каждого оборванца, как заметил юноша, к правой ноге был привязан клочок сена, а к левой — пучок соломы.

— Похоже, не туда мы попали, Мэльфи.

— Сено! Солома! — слышались на плацу крики командовавшего оборванцами ефрейтора. — Сено! Солома! Держи равнение, так-растак мать вашу!

— Над палатками штандарты развеваются, — сказал Мэльфи, — глянь сам, Ярре. Те самые лилии, о которых ты на большаке долбал. Штандарт есть? Есть. Армия есть? Есть. Стал-быть здесь. Верно попали.

— Ты, может, да. Я наверняка нет.

— А вона там, у забора, стоит какой-то чин. У него спросим. Ну а потом пошло быстрее.

— Новенькие? — расставил ноги сержант. — С вербовки? Бумагу. Чего, мать вашу, стоишь будто столб? На месте

шагом марш! Чего, говорю, стоите, курвы? Нале-во! Кру-гом! А, курва! И напра-во! Бегом марш! Кру-гом, курва! Слушай и запоминай! Допрежь всего, курва, к провиант-мастеру! Получить обмундирование. Кольчугу, накладки кожаные, пику, курва, шлем и корд! Потом на муштру! Быть готовыми к переключке, курва, в сумерки! Маааарш!

— Минуточку. — Ярре неуверенно осмотрелся. — У меня, кажется, другое назначение.

— Чесеево?

— Простите, господин офицер, — покраснел Ярре. — Я только о том, чтобы избежать возможной ошибки... Поскольку господин комиссар четко... четко говорил о назначении в бэ-эм-пэ, вот я и...

— Ты на месте, парень, — фыркнул сержант, немного помягчавший от того, что его возвели в офицеры. — Тут как раз и есть твое назначение. Приветствую тебя в бэ-эм-пэ, Бригаде М...звонев Пехотинцев.

— А почему ж бы это, — повторил Рокко Хильдебранд, — и что это за мода такая — вашим милостям дань платить? Мы уже все, что следовало, уплатили.

— Эх-ма, гляньте-ка на нижушка-умника. — Рассеявшийся в седле уворованного коня Щук залыбился друзьям. — Уплатил уже! И полагает, что вше. Ну прям как тот петух, что думал, будто в курятник попадет, а попал-то в ошип!

Окультих, Клапрот, Мильтон и Огрёбок согласно загоготали. Шутка была что надо. А забава обещала быть еще лучше.

Рокко заметил отвратительные липкие взгляды грабителей, оглянувшись: На пороге халупы стояла Инкарвиллея Хильдебранд, его жена, а также Алоэ и Жасмина — дочери.

Щук со товарищи, паскудно усмехаясь, поглядывали на низушек. Да, несомненно, забава намечалась преотличнейшая.

К живой изгороди с другой стороны дороги приближалась племянница Хильдебранда, Импотъента Вандербек, ласково именуемая Импи. Это была действительно складная девушка. Усмешки бандюг стали еще плотояднее и отвратительнее.

— Ну, недомерок, — поторопил Щук. — Гони королевской армии денежки, гони жратву, гони лошадей, выводите коров из коровника. Мы не намерены ждешь штоять до ночи. Нам надобно ишшо нешколько деревень нонче наведать.

— А почему, собственно, мы обязаны платить и давать? — Голос Рокко Хильдебранда слегка дрожал, но в нем по-преж-

нему звучали настойчивость и упорство. — Вы говорите, мол, это на армию, мол, это для нашей же охраны. А от голода, спрашиваю я, кто нас охранит? Мы уже и зимние уплатили, и на довольствие, и душевые, и поземельные, и подымные, и огневые, и зерновые, и бог знает какие еще! Мало того, так четверо из этого поселка, в том числе и мой собственный сын, упряжками в военных обозах правят! И не кто иной, как шу-ряк мой, Мило Вандербек по прозвищу Руст-Рыжик, является полевым хирургом, важной персоной в армии... Стало быть, мы с избытком наш ланный контингенс выполнили... Так чего ради нам платить? За что и на что? И почему?

Шук долго глядел на жену низушка, Инкарвиллею Хильдебранд из дома Бибервельт. На его пухленьких дочек, Алоэ и Жасмину. На красивенькую, как куколка, наряженную в зеленое платьице Импи Вандербек. На Сэма Хофмайера и его деда, старика Холофернеса. На бабу Петунью, яростно долбящую грядку мотыгой. На остальных низушков из поселка, побольше — на женщин и подростков, опасно выглядывающих из домов и из-за заборов.

— Почему, спрашиваешь? — зашипел он, наклонясь в седле и заглядывая в изумленные глаза низушка. — Я те скажу почему. Потому что ты — паршивый нижушек, чужак, приبلуда. Кто тебя, нелюдя отвратного, обирает, тот богов радует. Кто тебя, нелюдя, допекает, тот исполняет добрую и патеротичную обязанность. А также потому, что меня аж тошнит от желания твое гнездо нелюдское в дым обратить. Потому, что меня аж ошкома берет этих твоих недомерок оттрахать. И потому, что наш тут пятеро молодцев, а ваш — горсть недоделанных зашранцев. Теперь понимаешь почему?

— Теперь понимаю, — медленно проговорил Рокко Хильдебранд. — Идите отсюда вон, Большие Люди. Идите прочь, негодяи. Ничего мы вам не дадим.

Шук выпрямился, потянулся к висящему при седле корду.

— Бей! — рывкнул он. — Бей-убивай!

Движением быстрым, почти неуловимым, Рокко Хильдебранд наклонился к тачке, выхватил спрятанный под рогожей самострел, подкинул приклад к щеке и всадил Шуку бельт прямо в распахнутый для крика рот. Инкарвиллея Хильдебранд из дома Бибервельт размахнулась, и в воздухе закружился серп, точно и с разгону угодив в горло Мильтону. Кметов сын рывнул кровью и дал козла через конский круп, комично разма-

хивая ногами. Огрёбок взвыл и рухнул под копыта лошади, в его животе, вбитый по деревянную ручку, торчал секач деда Холофернеса. Дубина Клапрот замахнулся на старика палицей, но слетел с седла, нечеловечески визжа, получив прямо в глаз пикировочную иглу, запущенную Импи Вандербек. Окультих развернул коня и собрался драпать, но бабка Петунья подскочила и вцепилась зубьями мотыги ему в бедро. Окультих зарычал, свалился, нога застряла в стремях, испуганная лошадь потащила его через ограду, по острым колышкам. Грабитель рычал и выл, а вслед за ним, словно две волчицы, мчались бабка Петунья с мотыгой и Импи с кривым ножом для прививки деревьев. Дед Холофернес трубно высморкался.

Все событие — начиная с окрика Щука и кончая сморканием деда Холофернеса — заняло примерно столько времени, сколько требуется, чтобы произнести фразу: «Низушки невероятно прыткие и безошибочно метают всякого рода сельхозорудия».

Рокко присел на ступенях халупы. Рядом пристроилась его жена, Инкарвиллея Хильдебранд из дома Бибервельт. Их дочери, Алоэ и Жасмина, пошли подсобить Сэму Хофмайеру дорезать раненых и обдирать убитых.

Возвратилась Импи в зеленом платье с руками, окровавленными по локти. Бабка Петунья тоже возвращалась, она шла медленно, посапывая, постанывая, опираясь на испачканную мотыгу и держась за поясицу. «Эх, стареет наша бабка, стареет», — подумал Хильдебранд.

— Где закапывать разбойников-то, господин Рокко? — спросил Хофмайер.

Рокко Хильдебранд обхватил жену за плечи, глянул на небо.

— В березовой рощице, — сказал он. — Рядышком с предыдущими.

Сенсационное приключение сэра Малькольма Гатри из Бремора стремительно ворвалось на полосы многих газет. Даже лондонская «Дэйли мейл» посвятила ему несколько строк в рубрике «Bizarre», однако, поскольку не все наши читатели знакомятся с прессой, издаваемой южнее Твида, а если и знакомятся, то с более серьезными, нежели «Дэйли мейл», изданиями, мы решили напомнить суть события... 10 марта текущего года мистер Малькольм Гатри отправился на рыбалку на озеро Лох-Гласкарнох. И там мистер Гатри наткнулся на возникшую из тумана и пустоты (sic!) юную девушку с уродливым шрамом на лице (sic!), ехавшую верхом на вороной кобыле (sic!) в сопровождении белого единорога (sic!). Девушка задала онемевшему от изумления мистеру Гатри вопрос на языке, который мистер Гатри лгбезно определил как, цитируем: «Пожалуй, французский или какой-то иной континентальный диалект». Поскольку мистер Гатри не владеет ни французским, ни каким-либо иным континентальным диалектом, разговора не получилось. Девушка и сопровождавший ее зверинец исчезли или, выражаясь словами мистера Гатри, «растаяли как сон золотой».

Наш комментарий: «золотой сон» мистера Гатри был, несомненно, того же золотого цвета, что и виски single malt, которое мистер Гатри любил, как нам стало известно, попивать достаточно часто и в таких количествах, которые объясняют появление белых единорогов, белых мышек и возникающих из ничего чудовищ на озерах. А наш вопрос звучит так: «Что мистер Гатри намеревался делать с удочкой нб Лох-Гласкарнох за четыре дня до окончания периода, запрещающего рыболовство?»

«Inverness Weekly» от 18.03.1906 года

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поднялся ветер, небо на западе начало темнеть, наплывающие волнами облака одно за другим гасили созвездия. Погас Дракон, погасла Зимняя Дева, погасли Семь Коз. Облака закрыли горящее ярче и дольше других Око. Небосклон вдоль горизонта осветили короткие вспышки молний. С глухим грохотом прокатился гром. Ветер резко усилился, сыпанул в глаза пыль и сухими листьями.

Единорог заржал и послал ментальный сигнал. Цири сразу же поняла, что он хотел сказать.

Нельзя тянуть. Единственная наша надежда в быстром бегстве. В нужное место и нужное время. Поспешим, Звездодок.

«Я — Владычица Миров, — напомнила она себе самой. — Я — Старшая Кровь, у меня власть над миром и пространством. Я — кровь от крови Лары Доррен».

Иуарраквакс заржал, поторопил. Кэльпи поддержала его протяжным фырканием. Цири натянула перчатки.

— Я готова.

Шум в ушах. Вспышка и яркость. А потом — тьма.

Воды озера и предвечерняя тишина несли ругань Короля-Рыбака, который на своей лодке тянул и дергал леску, пытаясь освободить блесну, зацепившуюся за дно. Глухо плеснуло опущенное весло.

Нимуэ нетерпеливо кашлянула. Кондвирамурса отвернулась от окна, снова склонилась над акварелями. Особенно привлекал взгляд один из картонов: девушка с развевающимися волосами верхом на вздыбленной вороной кобыле. Рядом — белый единорог, тоже поднявшийся на дыбы. Его грива развевается так же, как волосы девушки.

— Пожалуй, только относительно одного этого фрагмента легенды, — заметила адептка, — мнения историков не разошлись. Они единодушно считают его вымыслом и сказочным украшательством либо же тонкой метафорой. А художники и графики назло и наперекор ученым облюбовали именно этот эпизод. Пожалуйста, что ни картинка, то Цири и единорог. Например — здесь: Цири и единорог на обрыве у приморского пляжа. А тут, смотри, Цири и единорог на фоне прямо-таки пейзажа из наркотического транса, ночью, под двумя лунами.

Нимуэ молчала.

— Словом, — Кондвирамурса отложила картоны на стол, — всюду Цири и единорог. Цири и единорог в лабиринте мест. Цири и единорог в бездне времен.

— Цири и единорог, — сказала Нимуэ, глядя в окно, на озеро, на лодку и мечущегося в ней Короля-Рыбака. — Цири и единорог появляются из небытия, как призраки, висят над гладью вод одного из озер... А может — одного и того же озера, связывающего, как застежка, времена и места всякий раз разные — и все же всегда одни и те же?

— Не поняла.

— Призраки. — Нимуэ не смотрела на нее. — Пришельцы из иных измерений, иных плоскостей, иных мест, иных времен. Видения, изменяющие чью-то жизнь. Изменяющие и свою жизнь, свою судьбу... Не ведая о том. Для них это попросту... очередное место. Не то место, не то время... Снова, в который уже раз подряд, не то место, не то время...

— Нимуэ, — вымученно улыбнулась Кондвирамурса. — Напоминаю: здесь я — снящая, именно я нахожусь тут для того, чтобы наблюдать сонные видения и онейроскопии. А ты ни с того ни с сего начинаешь вещать так, словно то, о чем говоришь, видела... во сне.

Королю-Рыбаку, судя по резко усилившейся ругани, блесну отцепить не удалось, леска порвалась. Нимуэ молчала, глядя на рисунки. На Цири и единорога.

— Все это, — очень спокойно сказала она наконец, — я действительно видела во сне. Видела во сне множество раз. И однажды видела наяву.

На поездку из Члухова в Мальборк при определенных условиях может, как известно, уйти даже и пять дней. А по-

сколько письма члуховского комтура* Винриху фон Книпротде, Великому магистру ордена, должны были дойти до адресата не позже, чем в Троицын день, рыцарь Генрих фон Швельборн тянуть не стал, а отправился на следующее утро после праздника Вознесения, чтобы иметь возможность ехать спокойно и не бояться опоздать. *Langsam, aber sicher***. Такое поведение рыцаря очень нравилось его эскорту из шести конных стрелков под командой Хассо Планка, сына пекаря из Кельна. Арбалетчики и Планк больше привыкли к таким господам-рыцарям, которые ругались, орали, погоняли и приказывали гнать во весь опор, а потом, все равно не успев к сроку, всю вину валили на несчастных ландскнехтов, отговариваясь враньем, недостойным рыцаря, к тому же рыцаря Ордена. Было тепло, хоть и пасмурно. Время от времени моросило, яры затягивал туман. Поросшие буйной зеленью холмы напоминали рыцарю Генриху его родную Тюрингию, матушку, а также то, что у него больше месяца не было женщины. Едущие позади арбалетчики тупо напевали балладу Вальтера фон дер Фогельвейде. Хассо Планк дремал в седле.

Wer gute Fraue Liebe hat
Der schamt sich aller Missetat***...

Странствие протекало спокойно и, кто знает, может, таковым оставалось бы и до конца, если б не то, что ближе к полудню рыцарь Генрих заметил неподалеку от тракта поблескивающий плес озера. А поскольку завтра была пятница и имело смысл заблаговременно запастись постной пищей, рыцарь приказал спуститься к воде и поискать какую-нибудь рыбацкую хибару.

Озеро было большое и даже обзавелось собственным островом. Никто не знал его настоящего названия, но оно, несомненно, было Святым. В здешней языческой стране — словно в насмешку — каждое второе озеро именовалось Святым.

Подковы захрустели по устилающим берег ракушкам. Озеро затягивал туман, но все же было видно, что с людьми здесь жидковато. Ни лодки, ни сетей и вообще ни живой души. «Придется поискать в другом месте, — подумал Генрих фон Швель-

* командор (историч.).

** Медленно, но верно (нем.).

*** Кто любит прекрасную женщину,
тот стыдится всяческих злодеяний (нем.).

борн. — А если нет, ничего не поделаешь. Поедим, что есть в мешках, даже если это ветчина, а в Мальборке исповедуемся, капеллан назначит епитимью и освободит от греха».

Он уже собирался отдать приказ, когда в голове под шлемом что-то зашумело, а Хассо Планк дико заорал. Фон Швельборн глянул и остолбенел. И перекрестился.

Перед ними из ничего возникли две лошади — белая и вороная, а мгновение спустя он с ужасом увидел, что из выпуклого лба белой лошади торчит закрученный винтом рог. Увидел он также, что на вороной кобыле сидит девушка с пепельными волосами, зачесанными так, чтобы они заслоняли щеку. Мираж, похоже, не касался ни земли, ни воды, а выглядел так, словно повис над стелющимся по глади вод туманом.

Вороная лошадь заржала.

— Uups, — вполне отчетливо произнесла девушка с пепельными волосами. — Ire lokke, ire tedd! Squaess' me.

— Святая Урсула, покровительница, — забормотал Хассо, побледнев как смерть. Арбалетчики замерли, раскрыв рты и осеняя себя крестными знамениями.

Фон Швельборн тоже перекрестился, затем нетвердой рукой вытянул меч из ножен, притороченных под тебеньком.

— Heilige Maria, Mutter Gottes, — рявкнул он. — Steh mir bei!*

Рыцарь Генрих не опозорил в тот день своих храбрых предков фон Швельборнов, в том числе и Дитриха фон Швельборна, храбро бившегося под Дамьеттой и одного из немногих, которые не убежали, когда сарацины волшебством запустили на крестоносцев черного демона. Пришпорив коня и вспомнив неустрашимого предка, Генрих фон Швельборн ринулся на привидение, разбрызгивая вылетающие из-под конских копыт крошки беззубок.

— Орден и святой Георгий!

Белый единорог совершенно по-геральдически поднялся на задние ноги, черная кобыла заплясала. Девушка испугалась, это было видно с первого же взгляда. Генрих фон Швельборн бурей мчался на них. Как знать, чем бы все кончилось, если б озеро вдруг не покрыл туман, а таинственный мираж лопнул, распался на разноцветные осколки, словно витраж, в который швырнули камнем. И все исчезло. Все — белый единорог, вороная лошадь, странная девушка...

* Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас! (нем.)

Мерин Генриха фон Швельборна с плеском влетел в озеро, остановился, мотнул головой, заржал, принялся грызть зубами удила.

С трудом усмирив закапризничавшего коня, Хассо Планк подлетел к рыцарю. Фон Швельборн глубоко дышал и сопел, чуть ли не сипел, а глаза у него были выпучены, как у рыбы.

— Клянусь мощами святой Урсулы, святой Кордулы и всех одиннадцати тысяч кельнских дев-мучениц... — выдавил из себя Хассо Планк. — Что это было, *edler Herr Ritter**? Чудо? Явление?

— *Teufelwerk*, — простонал фон Швельборн, только теперь бледнея от изумления и щелкая зубами. — *Schwarze Magie! Zauberey!*** Проклятое, языческое и чертовское наваждение.

— Лучше поедem отсюда, благородный господин. Да поскорее... До Пельплина недалеко, только бы церковные колокола услышать.

У самого леса, на возвышенности, рыцарь Генрих фон Швельборн оглянулся последний раз. Ветер разогнал туман, в местах, закрытых стеной леса, зеркальная поверхность озера поматовела и пошла рябью.

Над водой кружил огромный орел-рыболов.

— Безбожный, языческий мир, — пробормотал Генрих фон Швельборн. — Много, много трудов, работ и огня ждет нас, прежде чем Орден Немецких Госпитальеров наконец изгонит отсюда дьявола.

— Конёк, — сказала Цири укоризненно и одновременно насмешливо, — не хотелось бы быть назойливой, но я немного тороплюсь в свой мир. Я нужна близким, ты же знаешь. А мы сначала оказываемся у какого-то озера и налетаем на какого-то смешного простака в клетчатом костюме, потом на толпу грязных и орущих лохмачей с палицами, наконец на психа с черным крестом на плаще. Нет, нет! Не те времена, не те места! Очень тебя прошу, Конек, поднатужься как следует. Очень тебя прошу.

Иуарраквакс заржал, вскинул рогом и передал ей что-то, какую-то мысль. Цири поняла не до конца. Задумываться не было времени, потому что в голове у нее опять разлился холодный свет, в ушах зашумело, а в затылке похолодало.

И ее снова поглотило черное бархатное ничто.

* высокородный господин рыцарь (нем.).

** Чертовщина. Черная магия! Колдовство! (нем.)

* * *

Нимуэ, заливаясь веселым смехом, потянула мужчину за руку, они сбегали к озеру, петляя меж невысоких березок и ольшинок, вывороченных с корнями и поваленных стволов. Выбежав на пляж, Нимуэ сбросила сандалии, приподняла платье, зашлепала босыми ногами по прибрежной воде. Мужчина тоже скинул ботинки, но в воду входить не спешил, а сбросил плащ и разложил на песке.

Нимуэ подбежала, закинула ему руки на шею и поднялась на цыпочки, однако, чтобы ее поцеловать, мужчине все равно пришлось сильно наклониться. Не напрасно Нимуэ называли Локотком — но теперь, когда ей уже исполнилось восемнадцать и она была адепткой магических искусств, называть ее так могли лишь самые близкие подруги. И только некоторые мужчины...

Мужчина, не отрываясь от губ Нимуэ, сунул руку в разрез ее платья.

Потом все пошло быстро. Они оказались на расстеленном на песке плаще, платье Нимуэ подвернула повыше талии, ее бедра крепко охватили бедра мужчины, а руки впились ему в спину. Когда он ее брал, как всегда слишком нетерпеливо, она стиснула зубы, но быстро нагнала его, сравнялась, подхватила ритм. Опыт и сноровка у нее были.

Мужчина издавал смешные звуки. Поверх его плеч Нимуэ видела медленно плывущие по небу кучевые облака фантастических форм.

Что-то зазвенело — так звонит затопленный на дне океана колокол. В ушах зашумело. «Магия», — подумала она, отворачивая голову, чтобы высвободиться из-под щеки и руки лежащего на ней мужчины.

На берегу озера — повиснув над его поверхностью — стоял белый единорог. Рядом — вороная лошадь. А в седле вороной лошади сидела...

«Но я же знаю эту легенду, — пронеслось в мозгу Нимуэ. — Я знаю эту сказку! Я была ребенком, маленькой девчушкой, когда слышала ее от деда Посвиста, бродячего сказочника. Ведьмачка Цири. Со шрамом на щеке... Вороная кобыла Кэльпи... Единорог... Страна эльфов...»

Движения мужчины, вообще не заметившего появившейся картины, стали резче, издаваемые им звуки — смешнее.

— Uuups, — сказала девушка, сидевшая на вороной кобыле. — Опять ошибка! Не то место, не то время. Вдобавок, если не ошибаюсь, совершенно несвоевременно. Простите.

Картина поблекла и лопнула, лопнула, как лопаются раскрашенное стекло, вдруг разлетелась, распалась на тысячи радужных мерцающих искорок, бликов и мигающих золотинок. А потом исчезла.

— Нет! — крикнула Нимуэ. — Нет! Не исчезай! Я не хочу!

Она распрямила колени и хотела высвободиться из-под мужчины, но не могла — он был тяжелее и сильнее ее. Мужчина застонал и икнул.

— Ооооох, Нимуэ... Ооооох!

Нимуэ вскрикнула и впилась ему зубами в плечо.

Они лежали на плаще, возбужденные и жаркие. Нимуэ смотрела на берег озера, на шапки взбитой волнами пены. На наклоненные ветром камыши. На бесцветную, безнадежную пустоту, пустоту, которая осталась от рассеявшейся легенды.

По носу адепки бежала слеза.

— Нимуэ... Что-то случилось?

— Случилось. — Она прижалась к нему, все еще глядя на озеро. — Молчи. Обними меня и ничего не говори. Молчи.

Мужчина высокомерно улыбнулся.

— Я знаю, что с тобой, — сказал он хвастливо. — Земля содрогнулась?

Нимуэ печально улыбнулась.

— Не только, — ответила она после недолгого молчания. — Не только.

Блеск. Тьма. Следующее место.

Следующее место было мрачным, зловещим и отвратительным.

Цири инстинктивно сжалась в седле, потрясенная — как в буквальном, так и переносном значении этого слова. Потому что подковы Кэльпи ударили с разбега во что-то болезненно твердое, плоское и неуступчивое, как камень. После долгого движения в мягком небытии ощущение твердости оказалось настолько неожиданным и неприятным, что кобыла заржала и резко кинулась вбок, выбивая на почве стаккато, от которого зазвенели зубы.

Второе потрясение, метафорическое, ей принесло обоняние. Цири застонала и прикрыла руками рот и нос, чувствуя, как глаза моментально заполняются слезами.

Вокруг стоял кислый, ядовитый, плотный и липкий смрад, ужасающе удушливый, не поддающийся определению, не по-

хожий ни на один известный ей запах. Это была — в чем она ничуть не сомневалась — вонь разложения, трупная вонь окончательного разложения и распада, вонь гниения и уничтожения — причем создавалось впечатление, что то, что сейчас прекращало свое земное существование, воняло ничуть не лучше и при жизни. Даже в период своего расцвета.

Цири скукожилась, и ее вырвало. Сдержаться она не могла. Кэльпи фыркала и трясла головой, сжимала ноздри. Единорог, материализовавшийся рядом с ними, присел на задние ноги, подскочил и брыкнулся. Твердое основание ответило сотрясением и громким отзвуком.

Вокруг них стояла ночь, ночь темная и грязная, окутанная липким и вонючим покровом мрака.

Цири подняла глаза, надеясь отыскать звезды, но наверху не было ничего, только бездна, местами подсвеченная нечетким красноватым заревом, словно бы далеким пожаром.

— Uuups, — сказала она и скривилась, чувствуя, как на губах оседают кисло-гнилостные испарения. — Фуууу-эх! Не то место, не то время. Ни в коем случае не они!

Единорог фыркнул и кивнул, его рог описал короткую и крутую дугу.

Скрипящая под копытами Кэльпи почва была камнем, но камнем странным, прямо-таки неестественно ровным, интенсивно выделяющим запах гари и грязного пепла. Прошло какое-то время, прежде чем Цири сообразила, что перед глазами у нее не что иное, как дорога. Неприятная и нервирующая своей твердостью. Цири направила кобылу на обочину, очерченную чем-то таким, что некогда было деревьями, теперь же лишь отвратительными и голыми скелетами. Трусами, увешанными обрывками тряпок, словно бы действительно остатками сгнивших саванов.

Единорог предостерег ее ржанием и ментальным сигналом. Но было уже слишком поздно...

Сразу же за странной дорогой и иссохшими деревьями начиналась осыпь, а тут же под ней — чуть ли не отвесный откос, почти пропасть. Цири вскрикнула, кольнула пятками бока сползающей вниз кобылы. Кэльпи рванулась, перемешивая копытами то, из чего состояла осыпь. Это были отбросы. В основном какие-то странные сосуды. Они не крошились под подковами, не хрустели, но лопались отвратительно мягко, клейко, словно огромные рыбы пузыри. Что-то захлюпало и замигало, под-

нявшаяся вонь чуть не свалила Цири с седла. Кэльпи дико ржала, топтала навал мусора, стараясь выбраться наверх, на дорогу. Цири, задыхаясь от вони, ухватилась за шею кобылы.

Удалось. Неприятную вначале твердость странной дороги они встретили с радостью и облегчением.

Цири, дрожа, взглянула вниз, на осыпь, оканчивающуюся в черной глади озера, заполнявшего дно котловины. Поверхность озера была мертвой и блестящей. Так, словно это была не вода, а застывшая смола. За озером, за свалкой, за кучами пепла и отвалами шлака небо краснело далеким заревом пожаров, прорезаемым полосами дымов.

Единорог фыркнул. Цири хотела вытереть манжетой слезящиеся глаза, но тут же поняла, что весь рукав покрыт пылью. Пыль покрывала ее бедра, луку седла, гриву и шею Кэльпи.

Вонь удушала.

— Жуть, — забормотала она. — Отвратность... Мне кажется, вся я липну. Выбираемся отсюда... Выбираемся отсюда, да поскорее, Конёк.

Единорог застриг ушами, захрапел.

Только ты можешь это сделать. Действуй.

— Я? Сама? Без твоей помощи?

Единорог кивнул рогом.

Цири почесала затылок, вздохнула, прикрыла глаза. Сконцентрировалась.

Вначале было только недоверие, отчаяние, страх. Но на нее быстро снизошла холодная ясность знания и Силы. Она понятия не имела, откуда берутся эти знание и Сила, в чем их корни и источник. Но знала, что может. Что сумеет, если захочет.

Она еще раз кинула взгляд на замершее и мертвое озеро, дымящиеся терриконы отбросов, скелеты деревьев. Небо, подсвеченное далеким заревом.

— Хорошо, — Цири наклонилась и сплюнула, — что это не мой мир. Очень хорошо.

Единорог многозначительно заржал. Она поняла, что он хотел этим сказать.

— Если даже и мой, — она вытерла платочком глаза, губы и нос, — то одновременно и не мой, потому что далекий во времени. Несомненно, удаленный во времени. Ведь это прошлое либо...

Она осеклась.

— Прощлое, — повторила она глухо. — Я глубоко верю, что это прошлое.

* * *

Прямо-таки прорвавший тучи ливень, под который они попали в следующем месте, показался им настоящей благодатью. Дождь был теплый и благоуханный, в нем смешались запахи лета, трав, грязи и перегноя, дождь смывал с них дрянь, очищал, доставляя истинное блаженство и отдохновение.

Как всякое чересчур долгое отдохновение, так и это обернулось монотонной, надоедливой и непереносимой нудностью. Вода, которая вначале обмывала, вскоре начала утомительно вымачивать, литься за воротник и опасно охлаждать. Поэтому они постарались поскорее выбраться отсюда. Из этого чересчур дождливого места.

Потому что оно тоже не было нужным местом. И нужным временем.

Следующее место было очень теплым, здесь стояла жара, поэтому Цири, Кэльпи и единорог высыхали и исходили паром, словно три кипящих чайника. Они находились на иссушенной солнцем вересковой пустоши на краю леса. Сразу же было видно, что это огромный лес, просто пуща, густые дикие и непроходимые дебри. В сердце Цири забились надежда — ведь это мог быть и Брокилон, то есть наконец-то место знакомое и соответствующее.

Они медленно двинулись вдоль опушки. Цири пыталась рассмотреть хоть что-нибудь, что могло бы подсказать, где они в действительности находятся. Единорог похрапывал, высоко поднимал голову и рог, осматривался. Он был спокоен.

— Думаешь, Конёк, — спросила она, — за нами могут гнаться?

Храп, понятный и однозначный даже без телепатии.

— Мы еще не сумели убежать достаточно далеко?

То, что он в ответ мысленно передал ей, она не разобрала. «Далеко» и «близко» — такие понятия не существуют? Какая спираль? Она не могла понять, о чем он. Но его беспокойство передалось и ей.

Жаркое вересковье не было нужным местом и нужным временем. Это они поняли под вечер, когда жара стала спадать, а на небе над лесом вместо яркой луны взошли две. Одна большая, другая маленькая.

Следующим местом оказался берег моря, крутой обрыв, с которого были видны гривастые, разбивающиеся о скалы при-

чудливые волны. Запах моря, ветер, крики крачек, чаек, пересмешников и глупышей, белой шевелящейся массой покрывающих выступы обрыва.

Море уходило за горизонт, затянутый темными тучами.

Внизу, на каменистом пляже, Цири неожиданно обнаружила полузаваленный галькой гигантский рыбий скелет с чудовищно огромным черепом. Зубы, торчавшие в выбеленных временем челюстях, были не меньше трех пядей длины, а в пасть, казалось, можно въехать на лошади и спокойно, не задевая за позвоночник, продефилировать под порталами ребер.

Существуют ли в ее времени и в ее мире подобные рыбы, Цири не знала.

Они проехали по краю обрыва, а чайки и альбатросы совсем не пугались и неохотно уступали им дорогу, более того, пытались клюнуть и ущипнуть Кэльпи и Иуарраквакса. Цири сразу же поняла, что здесь никогда не видели ни человека, ни лошади, ни единорога.

Иуарраквакс фыркал, тряс головой и рогом, явно беспокоился. Оказалось, не напрасно.

Что-то затрещало, совсем как раздираемое надвое полотно. Крачки взлетели, крича и хлопая крыльями, белое облако на мгновение затянуло все вокруг. Воздух над обрывом неожиданно завибрировал, затуманился, как залитое водой стекло, и лопнул. В трещины влилась тьма, а из тьмы высыпали всадники. Вокруг плеч у них развевались плащи, красно-амарантово-кармазинный цвет которых напоминал зарево пожара на небе, освещенном блеском заходящего солнца.

Dearg Ruadhri, Красные Всадники.

Еще не успели утихнуть гомон птиц и тревожное ржание единорога, а Цири уже заворачивала лошадь и посылала ее в галоп. Но воздух разорвался, и с другой стороны, из разрыва, развевая плащами-крыльями, вылетели новые конники. Полукруг облавы замыкался, прижимая их к пропасти. Цири крикнула, выхватывая Ласточку из ножен.

Единорог призвал ее резким сигналом, врезавшимся в мозг словно игла. На этот раз она поняла сразу. Он указывал дорогу. Прорыв в кольце. Сам же поднялся на дыбы, пронзительно заржал и ринулся на эльфов, грозно выставив рог.

— Конёк!

Спасайся, Звездоокая! Не дай себя схватить!

Она прижалась к гриве.

Двое эльфов с арканами в руках загородили ей дорогу. Попытались накинуть арканы на шею Кэльпи. Кобыла ловко отвела голову, ни на миг не замедляя бега. Цири одним взмахом меча рассекла другую петлю, криком подогнала Кэльпи. Кобыла мчалась как вихрь.

Но на пятки уже наступали другие всадники, она слышала их крики, топот копыт, хлопанье плащей. «Что с Коньком? — подумала она. — Что они сделали с ним?»

Рассуждать было некогда. Единорог прав, нельзя им позволить снова схватить себя. Необходимо нырнуть в пространство, укрыться, затеряться в лабиринте мест и времен. Она сконцентрировалась, с ужасом ощущая одну лишь пустоту и странный звонкий, нарастающий шум.

«Они пытаются взять меня заклинаниями, — подумала она. — Связать чарами. Глупости! У чар есть предел. Я не позволю им приблизиться ко мне!»

— Быстрее, Кэльпи! Быстрее!

Вороная кобыла вытянула шею и понеслась как ветер. Чтобы еще сильнее уменьшить сопротивление воздуха, Цири легла ей на шею.

Крики за спиной, мгновение назад громкие и опасно близкие, утихли, заглушенные гомоном испуганных птиц. Потом стали совсем тихими. Далекими.

Кэльпи мчалась так, что свистело в ушах.

В далеких криках погони слышались нотки ярости. Всадники поняли, что им не справиться. Что они никогда не догонят вороной кобылы, летящей без усталости, легко, мягко и изящно, словно гепард.

Цири не оглядывалась. Но знала, что за ней гнались долго. До того момента, когда их собственные лошади начали хрипеть и храпеть, спотыкаться и почти до земли опускать ощеренные и покрытые пеной морды. Только тогда они сдались, лишь посылая ей вслед проклятия и бессильные угрозы.

Кэльпи неслась как вихрь.

Место, в которое она сбежала, было сухим и ветреным. Резкий воющий ветер быстро осушал слезы.

Она была одна. Снова одна. Одна как перст.

Странник, вечный путник, моряк, затерявшийся в бескрайних морских просторах, в архипелаге мест и времен.

Моряк, потерявший надежду.

Ветер свистел и выл, гнал по истрескавшейся земле шары высохших трав.

Ветер осушал слезы.

В черепе холодная ясность, в ушах шум, однообразный шум, как в закрученном чреве морской раковины. Мурашки по шее. Черное и мягкое ничто.

Новое место. Другое время.

Архипелаг мест.

— Сегодня, — сказала Нимуэ, кутаясь в шубу, — будет хорошая ночь. Я чувствую.

Кондвирамурса не ответила, хотя подобные заверения слышала уже не раз, поскольку не первый вечер они посиживали на террасе. Перед ними пылающее закатом озеро, позади — магическое зеркало и магический гобелен.

С озера, усиленная бегущим по воде эхом, доносилась ругань Короля-Рыбака. Король-Рыбак вообще привык крепким словом выражать недовольство рыбацкими неудачами — неудачными засечками, подсечками и так далее. Однако в этот вечер, судя по силе и репертуару ругательств, дело у него шло особенно скверно.

— У времени, — сказала Нимуэ, — нет ни начала, ни конца. Время — вроде змея Уробороса, схватившего зубами собственный хвост. В каждом мгновении скрывается вечность. А вечность складывается из мгновений, которые создают ее. В этом архипелаге плавать можно, хоть навигация чрезвычайно затруднена и очень легко заблудиться. Хорошо, чтоб был маяк, дающий свет. Хорошо иметь возможность услышать в тумане призыв...

Она на мгновение умолкла.

— Как кончается интересующая нас легенда? Нам — тебе и мне — кажется, будто мы знаем как. Но змей Уроборос вцепился зубами в собственный хвост. То, как окончится легенда, решается сейчас. В этот миг. Окончание легенды будет зависеть от того, сможет ли — а если сможет, то когда, — затерявшийся в архипелаге мгновений моряк увидеть свет маяка. Услышать призыв.

С озера донеслись ругань, плеск, скрип весел в уключинах.

— Сегодня будет хорошая ночь. Последняя перед летним солнцестоянием. Луна идет на ущерб. Солнце из Третьего Дома

переходит в Четвертый — в знак Козлорыбы. Самое лучшее время для девиаций*. Самое лучшее... Соберись, Кондвирамурса.

Кондвирамурса, как и много раз прежде, послушно сконцентрировалась, постепенно погружаясь в состояние, близкое к трансу.

— Поищи ее, — сказала Нимуэ. — Она где-то там, среди звезд, среди лунного света. Среди различных мест. Она там. Одна, ждет помощи. Мы поможем ей, Кондвирамурса.

Концентрация, кулаки на висках. В ушах шум, идущий как бы изнутри морской раковины. Вспышка света. И тут же мягкое и черное ничто.

Было место, в котором Цири видела пылающие костры. Прикованные цепями к столбам женщины дико и пронзительно кричали, умоляя пощадить их, а собравшиеся вокруг люди рычали, смеялись и плясали. Было место, в котором полыхал огнем огромный город, пламя гудело, с заваливающихся крыш во все стороны летели искры, и черный дым затягивал небо. Было место, где огромные двуногие ящеры дрались, сцепившись друг с другом, и яркая кровь лилась ручьями из-под клыков и когтей.

Было место, в котором не было ничего, кроме тьмы, заполненной голосами, шепотами и тревогой.

Были и другие места. Но ни одно из них не было тем, которое она искала.

Перенос из места в место шел у нее уже так хорошо, что она начала экспериментировать. Одним из немногих мест, которых она не боялась, были теплые вересковые пустоши на опушке дикого леса, над которыми висели две луны. Вызвав в памяти образ этих лун и мысленно твердя, чего именно она хочет добиться, Цири сконцентрировалась, напряглась, погрузилась в ничто.

Удалось уже со второй попытки.

Ободренная, она решилась на еще более смелый эксперимент. Было ясно, что, кроме различных мест, она посещала и различные времена. Об этом говорил Высогота, говорили эльфы, упоминал единорог. Ведь она смогла — хоть и непред-

* вдохновение (*devinatio, lat.*).

намеренно — однажды уже сделать это! Когда ее ранили в лицо, она сбежала от преследователей во время, прыгнула на четыре дня вперед, потом Высогота не мог досчитаться этих дней. Ничего у него не сходилось...

Не в этом ли было ее спасение? Прыжок во времени?

Она решила попытаться. Пылающий город, к примеру, не мог гореть вечно. А если попасть туда до пожара? Либо после него?

Она попала точно в самое сердце пожара, опалив себе брови и ресницы и вызвав ужасный переполох среди бегущих из полыхавшего огнем города погорельцев. И тут же сбежала на дружественное вересковье.

«Пожалуй, не стоит так рисковать, — подумала она. — Кто знает, чем это кончится? С местами у меня получается лучше, а значит, будем придерживаться мест. Попытаемся попасть в места знакомые, такие, которые я помню, и такие, которые вызывают у меня приятные ассоциации».

Начала она с храма Мелитэле, представив себе ворота, дом, парк, мастерские, общежитие послушниц и адептов, комнату, в которой жила с Йеннифэр. Она концентрировалась, прижав кулаки к вискам, вызывая в памяти лица Нэннеке, Эурнэйд, Катье, Йоли Второй.

Ничего не получилось. Она попала на какие-то туманные и кишачие москитами болота, заполненные посвистом черепаш и громким кваканьем лягушек.

Попробовала поочередно — не с лучшим результатом — Каэр Морхен, Острова Скеллиге, банк в Горс Велене, в котором работал Фабио Сахс. Отказалась от Цинтры: знала, что город захвачен нильфгаардцами. Вместо этого попыталась попасть в Вызиму, город, в котором она и Йеннифэр когда-то производили закупки.

Аарениус Кранц, ученый, алхимик, астроном и астролог, ерзал на жестком стульчике, прильнув глазом к окуляру телескопа. Комета первой величины и мощности, которую можно было почти неделю видеть на небе, заслуживала того, чтобы ее наблюдать и исследовать. Такая комета — Аарениус Кранц знал — с огненным красным хвостом обычно предвещает большие войны, пожары и резню. Сейчас, правда, комета малость припозднилась, поскольку война с Нильфгаардом шла уже полным ходом, а пожары и резню можно было предсказать сле-

пую — и безошибочно, поскольку без них не обходилось ни дня. Отлично зная движения небесных сфер, Аарениус Кранц все же надеялся высчитать, когда, через сколько лет или столетий, комета появится вновь, предвещая очередную войну, к которой, если знать, можно подготовиться лучше, чем к теперешней.

Астроном встал, помассировал ягодичы и пошел облегчить мочевой пузырь. С террасы, через балюстраду. Он всегда отливал с террасы прямо на клумбу пионов, начхав на замечания экономки. До дворовой уборной было далеко, терять время на пустое хождение, во-первых, не пристало ученому, а во-вторых, бросать работу и ходить далеко по нужде — значит растерять ценные мысли, а уж этого ни один уважающий себя ученый позволить себе не мог.

Аарениус Кранц себя уважал.

Он встал у балюстрады, расстегнул штаны, глядя на отражающиеся в воде озера огни Вызимы. Облегченно вздохнул, возвел очи горе, к звездам, и подумал при этом: «Звезды и созвездия — Зимняя Дева, Семь Коз, Жбан. Если верить некоторым теориям — никакие это не мерцающие огоньки, а миры. Иные миры. Миры, от которых нас отделяет время и пространство... Я глубоко убежден, что когда-нибудь станут возможны путешествия к этим иным мирам, в эти иные времена и пространства. Да, наверняка когда-нибудь такое станет возможным. Отыщется способ. Но для этого потребуется совершенно новый образ мыслей, новая животворящая идея, разрывающая сдерживающий ее ныне жесткий корсет, именуемый рациональным познанием...

«Ах, — думал он, подпрыгивая, — если б это случилось... Если б озарило, если б напасть на след. Всего лишь одна, неповторимая оказия...»

Внизу, под террасой, что-то сверкнуло, ночная тьма разорвалась, из блеска появилась лошадь. С седоком. Девушкой.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась девушка. — Простите, если не вовремя. Нельзя ли узнать, что это за место? И какое это время?

Аарениус Кранц сглотнул, открыл рот и забормотал.

— Место, — терпеливо и четко повторила девушка-наездница. — Время.

— Эээ... Ну... Того... Беее...

Лошадь фыркнула. Девушка вздохнула.

— Ну что ж, вероятно, я снова не туда попала. Не то место. Не то время! Но ответь мне, человек! Хотя бы одним понятным словечком. Ведь не могла же я попасть в мир, в котором люди утратили способность к членораздельной речи?

— Эээ...

— Одно словечко.

— Хэээ...

— Да чтоб тебя удар хватил, болван, — сказала девушка. И исчезла. Вместе с лошадью.

Аарениус Кранц закрыл рот. Немного постоял у балюстрады, вглядываясь в ночь, в озеро и отражающиеся в нем далекие огни Вызимы. Потом застегнул штаны и вернулся к телескопу.

Комета быстро обегала небо. Ее следовало наблюдать, не упускать из поля зрения стекла и глаза. Следить, пока она не исчезнет в просторах космоса. Это был шанс, а ученому нельзя упускать шансы.

«А может, попытаться по-другому, — подумала она, глядя на две луны над вересковым, у которых теперь был вид серпов, одного поменьше, другого — побольше и не столь серповидного. — Может, не воображать себе места и лица, а крепко захотеть? Крепко. Очень крепко, изо всех сил...

Почему б не попробовать?

Геральт. Я хочу к Геральту. Я очень-очень хочу к Геральту».

— Надо же! — закричала она. — Славно вляпалась, чтоб те провалиться!

Кэльпи, бухая клубами пара из ноздрей и переступая зарывшимися в снег ногами, подтвердила, что думает так же.

Метель свистела и выла, слепила, острые иголки снега кололи щеки и руки. Мороз прошивал насквозь, хватал суставы будто волк. Цири дрожала, сутулилась и прятала шею за тонкой и вовсе не спасающей от холода преградой поднятого воротника.

Слева и справа вздымались величественные громады скал, серые каменные монументы, вершины которых скрывались где-то высоко во мгле и метели. На дне котловины ревела быстрая, вспучившаяся река, густая от снега и обломков льдин. Кругом было белым-бело. И холодно.

«Вот и все, на что я способна, — подумала Цири, чувствуя, как у нее замерзает в носу. — Вот и вся моя Сила. Хороша ж

из меня Владычица Миров, ничего не скажешь! Хотела попасть к Геральту, а попала в самую сердцевину какой-то захлапанной глухоты, зимы и метели!»

— Ну, Кэльпи, давай двигай, не то окостенеешь! — Она ухватила за поводья ничего не чувствующими от холода пальцами. — Вперед, вперед, вороная! Я знаю, это вовсе не то место, какое надо. Сейчас я вытащу нас отсюда, сейчас мы вернемся на наше теплое вересковье. Но мне надо сосредоточиться, это требует времени. Поэтому двигай! Ну, вперед!

Кэльпи пыхнула паром из ноздрей.

Метель завывала, снег прилипал к лицу, таял на ресницах. Морозная вьюга выла и свистела.

— Гляньте! — заорала Ангулема, стараясь перекрыть вихрь. — Гляньте туда! Там следы. Кто-то там проехал!

— Что? — Геральт сдвинул шарф, которым обмотал голову, чтобы не отморозить уши. — Что ты сказала, Ангулема?

— Следы! Следы лошади!

— Откуда здесь лошадь? — Кагыру тоже приходилось кричать, метель усиливалась, река Сансретура, казалось, шумела и гудела все сильнее. — Откуда бы тут взяться лошади?

— Смотрите сами!

— Действительно, — бросил вампир, единственный, кто явно не очолен, поскольку, совершенно очевидно, был маловосприимчив и к низким, и к высоким температурам. — Следы. Но лошадиные ли?

— Лошадь исключается. — Кагыр сильно потер щеки и нос. — Лошадь на безлюдье? Нет. Следы наверняка оставило какое-то дикое животное. Скорее всего муфлон.

— Сам ты муфлон! — взвизгнула Ангулема. — Если я сказала — лошадь, значит, лошадь!

Мильтва, как обычно, предпочла практику теории. Соскочила с седла, наклонилась, сдвинула на затылок лисий колпак.

— Девчонка права, — вынесла она приговор минуту спустя. — Это лошадь. Пожалуй, даже подкованная, но сказать трудно, метель застилает следы. Поехала туда, вон в то ущелье.

— Ха! — Ангулема захлопала в ладоши. — Я знала! Кто-то здесь живет! Неподалеку! Поехали по следам, может, попадем в какую-нибудь халупу? Может, нам позволят обогреться? Может, угостят?

— Несомненно, — усмехнулся Кагыр. — Скорее всего бельтом из арбалета.

— Умнее будет придерживаться плана и реки, — огласил решение всезнающий Регис. — Тогда нет опасности заблудиться. А в пойме Сансретуры должна быть трапперская фактория, там нас угостят с гораздо большей вероятностью.

— Геральт! Что скажешь?

Ведьмак молчал, не отрывая глаз от кружащихся в снежном вихре снежинок.

— Едем по следам, — наконец решил он.

— Вообще-то... — начал вампир, но Геральт не дал ему договорить.

— По следам копыт! Вперед!

Они подогнали лошадей, но далеко не уехали. Зашли в ущелье не больше чем на четверть стае.

— Конец, — отметила Ангулема, глядя на гладкий и девственно чистый снег. — Было — нету! Прямо как в эльфьем цирке.

— Что теперь, ведьмак? — Кагыр повернулся в седле. — Следы кончились. Замело их.

— Их не замело, — возразила Мильва. — Сюда, в яр, метель не доходит.

— Тогда что же с лошастью?

Лучница пожала плечами, ссутулилась в седле, втянув голову в плечи.

— Куда подевалась лошадь? — не сдавался Кагыр. — Исчезла? Улетела? А может, нам просто померещилось? Геральт, что скажешь?

Метель завывала над ущельем, замела, запуржила снегом.

— Почему, — спросил вампир, — ты велел ехать по этим следам, Геральт?

— Не знаю, — признался ведьмак после недолгого молчания. — Что-то... Я что-то почувствовал. Что-то меня подтолкнуло. Не важно что. Ты был прав, Регис. Возвращаемся к Сансретуре и будем держаться реки, не отходя от нее и не тыркаясь в стороны. Это может скверно кончиться. Если верить Рейнарту, настоящая зима и отвратительная погода ждут нас лишь на перевале Мальхеур. Когда доберемся туда, нам надо быть в полной силе. Не стойте так, возвращаемся.

— Не выяснив, что произошло с таинственной лошастью?

— А что тут выяснять? — горько бросил ведьмак. — Замело следы, вот и все. Впрочем, может, это и верно муфлон?

Мильва посмотрела на него странно, но от комментариев воздержалась.

Когда вернулись к реке, следов уже не было. Их замело, засыпало мокрым снегом. В свинцово-сером потоке Сансретуры густо плыла шуга, крутились и вертелись осколки льдин.

— Я вам кое-что скажу, — проговорила Ангулема. — Но обещайте, что не станете смеяться.

Они обернулись. В натянутой на уши шерстяной шапке с помпоном, покрасневшими от холода щеками и носом, одетая в бесформенный кожан костюм девушка выглядела забавно. Ни дать ни взять — толстый кобальд.

— Я вам кое-что скажу относительно этих следов. Когда я была у Соловья в ганзе, то болтали, будто зимой на перевалах гоняет на зачарованном сивом коне Король Гор, владыка ледовых демонов. Повстречаться с ним — верная смерть. Что скажешь, Геральт? Возможно ли, чтобы...

— Все, — отрезал он, — все возможно. В путь, команда! Нас ждет перевал Мальхеур.

Снегопад усиливался, колот все сильнее, ветер дул, буран свистел и выл голосами ледовых демонов.

То, что вересковье, на которое она угодила, не было тем самым вересковьем, Цири поняла сразу. Не надо было дожидаться вечера, было ясно, что двух лун она здесь не увидит.

Лес, по опушке которого она поехала, тоже был диким и непроходимым, как и тот, но различия все же имелись. Здесь, например, было гораздо меньше берез и гораздо больше буков. Там не видно было и не слышно птиц, здесь же их было полным-полно. Там между кустиками вереска проглядывали лишь песок да мох, здесь же прямо-таки коврами пластался зеленый плаун. Даже выпрыгивающие из-под копыт Кэльпи кузнечики были здесь какие-то другие. Более привычные. А потом...

Сердце забилося сильнее. Она увидела тропинку, заросшую и запущенную. Уходящую на первый взгляд в глубь леса.

Цири присмотрелась внимательнее и убедилась, что странная тропинка дальше по вересковью не идет, а обрывается здесь. И что она не ведет в лес, а из него выходит. Не рассуждая дольше, она ткнула бок кобылы каблуком и въехала меж деревьев. «Буду ехать до полудня, — подумала она, — если до полудня ни на что не наткнусь, вернусь и поеду в противоположную сторону, за вересковье».

Она ехала шагом под сводом крон, внимательно посматривая по сторонам, стараясь не пропустить чего-нибудь важ-

ного. Поэтому не прозевала старичка, выглядывавшего из-за ствола дуба.

Старичок, низенький, но отнюдь не согбенный, был одет в льняную рубаху и штаны из того же материала. На ногах — огромные и смешные лыковые лапти. В одной руке — суковатая клюка, в другой — ивовая корзинка. Лица Цири как следует не разглядела, оно скрывалось за обшарпанными и обвисшими полями соломенной шляпы, из-под которых торчали обгоревший нос и седая взлохмаченная борода.

— Не бойся, — сказала она. — Я не сделаю тебе дурного.

Седобородый переступил с лаптя на лапоть и снял шляпу. Лицо у него оказалось круглое, усеянное старческими пятнами, но свежее и не очень морщинистое, брови редкие, подбородок маленький и скошенный, длинные седые волосы заплетены на затылке в косичку, макушка — совершенно лысая, блестящая и желто-зеленая, как арбуз.

Она видела, что старик смотрит на ее меч, на выступающую над плечом рукоять.

— Не бойся, — повторила она.

— Хо-хо, — промямлил он. — Хо-хо, девушка. Старичок-Лесовичок не боится. Он не из пугливых, о нет.

Он улыбнулся. Зубы были большие, сильно выдающиеся вперед из-за неправильного прикуса и срезанной челюсти. Вот почему он так мямлит!

— Старичок-Лесовичок не боится странников, — повторил он, говоря о себе в третьем лице. — Даже разбойников. Старичок-Лесовичок — убогий, горемыка. Старичок-Лесовичок спокойный, никому не мешает. Хо-хо!

Он снова улыбнулся. И когда улыбался, казалось, состоит исключительно из одних передних зубов.

— А ты, милая девушка, не боишься Лесовичка?

— Представь себе — нет, — фыркнула Цири. — Я тоже не из пугливых.

— Хе-хе-хе! Ишь ты!

Он шагнул к ней, опираясь на клюку. Кэльпи фыркнула. Цири натянула поводья.

— Лошадь чужих не любит, — предупредила она. — Может укусить.

— Хе-ха! Лесовичок знает. Нехорошая, неуважительная кобылка! А откедова, любопытствую, милая девушка путь держит? И куда, к примеру, направляется?

— Долгая история. Куда ведет эта тропинка?

— Хе-хе! Так ты, стало быть, не знаешь?

— Будь добр, не отвечай вопросом на вопрос. Куда я приеду по этой тропе? Что это вообще за место? Какое это... время?

Старичок снова выставил зубы, пошевелил ими, как нутрия.

— Хе-хе, — промямлил он. — Гляди-кось! Какое, говоришь, время? Ох, издалека, видать, прибыла ты, девушка, к Лесовичку-то!

— И верно, издалека, — безразлично кивнула она. — Из других...

— ...мест и времен, — dokonчил он. — Дед знает. Дед догадался.

— О чем? — спросила она с некоторой опаской. — О чем ты догадался? Что тебе известно?

— Лесовичок многое знает. Ему многое известно.

— Говори!

— Ты, милая девушка, голодна небось, — выставил он зубы. — И пить хочешь? И раздражена? Ежели пожелаешь, Лесовичок проводит тебя в терем, накормит, напоит. Угостит.

У Цири долго не было ни времени, ни возможности думать об отдыхе и пище. Сейчас от слов странного старца у нее свело желудок, кишки завязались узлом, а язык сбежал куда-то далеко. Старец наблюдал за ней из-под полей шляпы.

— У Старичка-Лесовичка, — замямлил он, — в хате еда есть. Есть ключевая вода. Есть и сено для кобылки, плохой кобылки, которая хотела доброго деда укусить. Хе-хе! В хате у Старичка-Лесовичка есть все. Да и поболтать о местах и временах можно будет. Тут совсем недалеко, о нет. Воспользуетесь, девица-скиталица? Не побрезгуете приглашением убогого дедка-горемыки?

Цири сглотнула.

— Веди.

Лесовичок развернулся и пошлепал по едва заметной стежке через пушу, отмеряя дорогу энергичными взмахами клюки. Цири ехала следом, то и дело наклоняясь под ветвями и удерживая поводьями Кэльпи, которая явно вознамерилась укусить старичка или, на худой конец, сжевать его шляпу.

Вопреки заверениям, ехать было вовсе не так уж близко. Когда они добрались до места, до полянки, солнце уже стояло почти в зените.

«Терем» Лесовичка оказался красочной развалюхой, подпертой жердями. Крышу явно чинили часто и с помощью под-

ручного материала. Стены были обшиты кожами, смахивающими на свиные. Перед хатой стояла деревянная конструкция в виде перекладки на двух кольях, невысокий стол и пень с воткнутым в него топором. За хатой виднелась печка из камня и глины, на которой стояли большие закопченные чугуны.

— Вот и дом Старичка-Лесовичка. — Старичок не без гордости ткнул клюкой. — Здесь Старичок-Лесовичок живет-поживает. Здесь спит. Здесь готовит себе еду. Если есть из чего готовить. Труд. Великий это труд — добыть пищу в дебрях. А любит ли девушка-странница перловую кашу?

— Любит. — Цири снова сглотнула. — Девушка-странница любит все.

— С мяском? С жирком? Со шкварками?

— Ммм...

— А не видать, — Лесовик окинул ее оценивающим взглядом, — чтобы девица-красавица последнее время часто мяском-то и шкварками баловалась, нет, не видать. Худенькая такая, худобущая. Кожа да кости! Хе-хе! А это что такое? Ну, у девицы-странницы-красавицы за спиной?

Цири оглянулась, позволив себя купить самым древнейшим и самым примитивнейшим фокусом.

Страшный удар сучковатой клюкой угодил ей прямо в висок. Рефлекса хватило лишь на то, чтобы поднять руку, рука частично амортизировала удар, способный раздробить череп, как куриное яйцо. Но все равно Цири оказалась на земле — оглушенная, ошарашенная, полностью дезориентированная.

Старичок-Лесовичок, ощерившись, подскочил к ней и прошелся клюкой еще раз. Цири снова успела заслонить голову руками. В результате обе руки бессильно повисли. Левая почти наверняка была сломана, кости запястья, вероятно, потрескались.

Старичок-Лесовичок, прыгая, подлетел к ней с другой стороны и саданул клюкой в живот. Она крикнула, свернувшись калачиком. Тогда он ястребом кинулся на нее, перевернул лицом к земле, прижал коленями. Цири напряжилась, резко дернулась назад, промахнулась, нанесла сильный удар локтем. Дед яростно гикнул и треснул ее кулаком по затылку с такой силой, что она зарылась лицом в песок. Схватил за волосы и прижал к земле носом и губами. Она начала задыхаться. Старик наклонился над ней, все еще прижимая голову к земле, сорвал со спины и отбросил в сторону меч. Потом занялся

своими брюками, отыскал застёжку, расстегнул. Цири взвыла, давясь песком и отплевываясь. Он прижал ее сильнее, лишил возможности двигаться, закрутив волосы в кулаке. Сильным рывком стянул с нее брюки.

— Хе-ха, — заныл он, со свистом дыша. — А недурная попка попалась Дедушке-то! Ху, хууу, давненько, давненько Дедушка таких не пользовал.

Цири, чувствуя отвратительное прикосновение его сухой когтистой руки, взвизгнула, сплевывая песок и иголки.

— Лежи спокойно, девка. — Она слышала, как он сопит, слюнявит, треплет ее ягодицы. — Дедушка уже немолод, не сразу, помаленьку... Но не пугайся. Дедушка сделает, что требуется, хе-хе! А потом Дедушка перекусит, хе-хе, перекусит сытненько...

Он осекся, зарычал и завизжал.

Чувствуя, что хватка ослабевает, Цири дернулась, вырвалась и вскочила, словно распрямляющаяся пружина. И увидела, что произошло.

Кэльпи, подкравшись тихарем, схватила Старичка-Лесовичка зубами за косичку на затылке и почти подняла в воздух. Старик выли и визжал, дергался, размахивал и дрыгал ногами, наконец сумел-таки вырваться, оставив в зубах кобылы длинный седой клочок волос. Вознамерился было схватить свою клюку, но Цири пинком выбила ее за пределы досягаемости. Вторым пинком она собралась угостить его в соответствующее место, но движения сдерживали брюки, стянутые до середины бедер. Время, ушедшее на то, чтобы их подтянуть, Лесовик использовал превосходно. Он несколькими прыжками подскочил к пеньку, вырвал топор, взмахом отогнал все еще не успокоившуюся Кэльпи, зарычал, выставил вперед страшные зубищи и кинулся на Цири, воздевая оружие для удара.

— Я оттрахаю тебя, девка, — дико завыл он. — Даже если мне вначале придется разрубить тебя на кусочки! Деду — все едино: целиком или по порциям!

Она думала, что справится с ним запросто. В конце концов, это был всего лишь старый, дряхлый старикан. О, не тут-то было!

Несмотря на чудовищной величины лапти, он крутился волчком, скакал не хуже кролика, а топором с гнутым топориком размахивал с ловкостью рубшика. После того как темное наточенное острие несколько раз чуть не скользнуло по ней, Цири поняла, что единственное ее спасение — бегство.

Но спасло ее не бегство, а стечение обстоятельств. Пятясь, она задела ногой свой меч. И мгновенно подняла его.

— Брось топор, — выдохнула она, с шипением вытаскивая Ласточку из ножен. — Брось топор на землю, паршивый старикашка. Тогда, может, я подарю тебе жизнь. И не рассеку на... порции.

Он остановился. Сопел, хрипел, борода у него была безобразно оплевана. Однако оружия не бросил. Она видела, как он перебирает пальцами топориче. Видела в его глазах дикую ярость.

— Ну! — Она закрутила мечом. — Подсласти мне день...

Мгновение он глядел на нее, словно не понимая, потом выставил зубы напоказ, вытаращил глаза, зарычал и кинулся на нее. Цири надоели шутки. Она ушла от удара быстрым полуоборотом и резанула снизу по обеим поднятым рукам повыше локтей. Дед выпустил топор из брызжущих кровью рук, но тут же прыгнул на нее снова, целясь растопыренными пальцами в глаза. Она отскочила и коротко хлестнула его по шее. Больше из жалости, чем по необходимости: с перерезанными венами на обеих руках он и без того неизбежно изошел бы кровью.

Он лежал, невероятно тяжело расставаясь с жизнью, не смотря на разрубленные позвонки, продолжая извиваться как червь. Цири встала над ним. Остатки песка все еще скрежетали у нее на зубах. Она выплюнула их прямо ему на спину. Прежде чем кончила отплевываться, он умер.

Странная конструкция перед хатой, напоминавшая виселицу с перекладиной, была снабжена железными крючьями и таями. Стол и пенек были скользкими, липли к рукам от жира, противно пахли.

Походило на бойню.

На кухне Цири нашла котел с остатками хваленной перловой каши, обильно сдобренной жиром и полной кусочков мяса и грибов. Она была очень голодна, но что-то заставило ее воздержаться, не есть. Она только выпила воды из кувшина, сжевала маленькое сморщенное яблоко.

За халупой оказался ледник со ступенями, глубокий и холодный. Там стояли горшки с жиром. Под потолком висело мясо. Остатки половины тушки.

Она выскочила из ледника, спотыкаясь на ступеньках так, словно за ней гнались демоны. Повалилась в крапиву, вскочила, нетвердыми шагами добежала до халупы, обеими руками ухвати-

лась за одну из подпирающих стену жердей. Хотя желудок у нее был почти совершенно пуст, ее рвало очень бурно и очень долго.

Висевшие в леднике остатки полутушки некогда были телом ребенка.

Идя на запах, она нашла в лесу заполненную водой и тиной яму, в которую заботливый Старичок-Лесовичок выбрасывал отходы и то, что не удавалось съесть. Глядя на выступающие из тины черепа, ребра и тазобедренные кости, Цири с ужасом понимала, что в живых осталась исключительно благодаря любвеобильности страшного старца и тому, что Лесовику приспичило пошалить. Если б голод оказался сильнее похоти, он предательски ударил бы ее топором, а не клюкой. Потом подвесил бы за ноги к деревянной перекладине, выпотрошил, снял кожу, разложил на столе, разделал и порубил на пенечке... на порции.

Хоть от головокружения она едва держалась на ногах, а левая рука распухла и страшно болела, Цири все же нашла в себе силы оттащить трупик и столкнуть его в вонючую тину, туда, где уже лежали кости жертв. Потом вернулась, завалила ветками и лесным подстилом вход в ледник, обложила хворостом жерди, поддерживающие халупу, столбы и всю дедову провизию, затем все тщательно подпалаила с четырех сторон.

Вдохнула только тогда, когда занялось как следует, а огонь разбушевался и разгулялся на славу. Когда уже стало ясно, что никакой кратковременный дождь не помешает стереть следы этого места.

С рукой было не так уж плохо. Правда, она опухла, болела, но ни одна кость вроде не была сломана.

Когда наступил вечер, на небе действительно взошла луна. Одна. Но Цири как-то удивительно не хотелось признавать этот мир своим.

И торчать в нем дольше, чем требуется.

— Сегодня, — промурлыкала Нимуэ, — будет хорошая ночь. Я это чувствую.

Кондвирамурса вдохнула.

Горизонт пылал золотом и пурпуром. Пурпурно-золотая полоса протянулась на водах озера от горизонта до острова.

Они сидели на террасе, в креслах, позади было зеркало в раме красного дерева и гобелен, изображающий притулившийся к каменной стене замок, что глядится в воды горного озера.

«Который уже это вечер, — подумала Кондвирамурса, — который уже вечер мы сидим вот так, до самой темноты и позже тоже, в темноте? Безрезультатно. Только болтая».

Похолодало. Чародейка и адептка укрылись шубами. С озера доносился скрип уключин, но лодки Короля-Рыбака видно не было, она терялась в слепящем зареве заката.

— Мне довольно часто снится, — вернулась Кондвирамурса к прерванной беседе, — что я в ледовой пустыне, в которой нет ничего, только белизна снега и навалы искрящегося на солнце льда. До самого горизонта — ничего, только снег и лед. И тишина. Тишина, звенящая в ушах. Противоестественная тишина. Тишина смерти.

Нимуэ кивнула, словно показывая, что знает, о чем речь. Но ничего не сказала.

— И вдруг, — продолжала адептка, — вдруг мне начинает казаться, будто я что-то слышу, чувствую, как лед дрожит у меня под ногами. Опускаюсь на колени, разгребаю снег. Под снегом лед, прозрачный как стекло, как на чистых горных озерах, когда камни на дне и плавающие рыбы видны сквозь саженную толщу воды. Я в моем сне тоже вижу. Хотя толщина ледяного слоя десятки, может, и сотни саженей, но это не мешает мне видеть... И слышать... Людей, взывающих о помощи. Там, внизу, глубоко подо льдом... лежит замерзший мир.

Нимуэ смолчала и на этот раз.

— Конечно, я знаю, — продолжала адептка, — в чем источник этого сна. Пророчество Итлины. Знаменитый Час Белого Хлада и Век Волчьей Пурги. Мир, умирающий среди снегов и льдов, чтобы, как гласит пророчество, через много веков возродиться вновь. Чище и лучше.

— В то, — сухо сказала Нимуэ, — что мир возродится, я глубоко верю. В то, что будет лучше, — не очень.

— Не поняла.

— Ты слышала, что я сказала.

— И не ослышалась? Нимуэ, Белый Хлад предсказывали уже неоднократно, и всякий раз, когда наступала холодная зима, говорили, что вот-де, он, хлад-то этот, и пришел. Сегодня даже дети не верят, что зима, какая она ни будь, может угрожать миру.

— Это ж надо! Дети не верят, а я, представь себе, верю.

— Исходя из каких-то рациональных соображений? — с легкой иронией спросила Кондвирамурса. — Или исключительно из мистической веры в безошибочность эльфьих пророчеств?

Нимуэ долго молчала, пощипывая мех шубы.

— Земля, — начала она наконец слегка менторским тоном, — имеет форму шара и вращается вокруг Солнца. С этим ты согласна? Или, может, тоже входишь в какую-нибудь модную секту, утверждающую нечто противоположное?

— Нет. Не вхожу. Я признаю гелиоцентризм и согласна с теорией шарообразности Земли.

— Прекрасно. Полагаю, ты согласишься с тем, что ось вращения Земного шара наклонена, а Земля вокруг Солнца движется не по правильной окружности, а по эллипсу?

— Я это учила. Но я не астроном, поэтому...

— Не надо быть астрономом, достаточно мыслить логически. Поскольку Земля обегает Солнце по эллиптической орбите, постольку в своем движении она оказывается то ближе, то дальше от Солнца. Чем больше Земля удаляется от центрального светила, тем — я думаю, это логично, — на ней делается холоднее. А чем меньше ось вращения Земли отклонена от вертикали, тем меньше света достается Северному полушарию.

— Тоже логично.

— Оба эти фактора, то есть эллиптичность орбиты и степень наклона оси мира, подвержены изменениям. Считают, что изменения эти цикличны. Эллипс может то больше, то меньше отличаться от окружности, ось мира может наклоняться то менее, то более. Экстремальные условия, если говорить о климате, вызывает одновременное проявление этих факторов: максимального растяжения эллипса и минимального отклонения оси от вертикали. Обегая Солнце Земля получает в афелии очень мало света и тепла, а ситуация в полярных районах усугубится еще и неудачным наклоном оси.

— Ясно.

— Меньше света на Северном полушарии — значит более продолжительное залегание снегов. Белый и блестящий снег отражает солнечные лучи, температура опускается еще ниже. Благодаря этому снег сохраняется еще дольше, на все больших площадях не тает вообще либо растаивает на очень недолгое время. Чем больше снега вообще, тем больше не растаявшего, в частности, тем большую площадь занимает белая и блестящая отражающая поверхность.

— Поняла.

— Снег идет, идет, идет, и его все больше. Заметь, вместе с морскими течениями с юга поступают массы теплого воздуха, которые собираются над вымороженным Северным полуша-

рием. Теплый воздух конденсируется и выпадает в виде снега. Чем больше разность температур, тем обильнее снегопады. Чем обильнее снегопады, тем больше белого, не тающего снега. Тем холоднее. Чем больше разность температур и обильнее конденсация влаги, содержащейся в воздушных массах.

— Поняла.

— Снежный покров становится настолько тяжелым, что превращается в спрессованный лед. Ледник. На который, как мы уже знаем, продолжает падать снег, тем самым еще больше уплотняя его. Ледник растет, он становится не только толще, но и разрастается вирирь, покрывая все большие территории. Белые пространства...

— ...отражают солнечные лучи, — кивнула Кондвирамурса. — Холодно, холоднее, еще холоднее, совсем холодно. Белый Хлад, напроороченный Иглиной. Но возможен ли катаклизм? Действительно ли есть опасность того, что лед, который лежит на севере всегда, начнет вдруг двигаться к югу, сдвинет, спрессует и прикроет все? С какой скоростью разрастается ледяная шапка на полюсе? На сколько дюймов ежегодно?

— Возможно, тебе известно, — сказала Нимуэ, глядя на озеро, — что единственный незамерзающий порт в Заливе Праксены — это Понт Ванис?

— Известно.

— Ну так пополни знания: сто лет тому назад не замерзал ни один из портов Залива. Сто лет назад — тому есть многочисленные свидетельства — в Тальгаре созревали огурцы и тыквы, в Каингорне выращивали подсолнечник и люпин. Сейчас не выращивают, ибо вегетация названных овощей и растений невозможна, там просто-напросто холодно. А знаешь ли ты, что в Каэдвене были виноградники? Вина из тамошнего винограда, правда, были не из самых лучших, о чем говорят их невысокие цены, известные по сохранившимся документам. Но все равно их воспевали каэдвенские поэты. Сегодня в Каэдвене виноград не растет вообще. Потому что теперешние зимы в отличие от прежних стали гораздо холоднее, а сильный холод убивает виноградную лозу. Не то что замедляет вегетацию, а просто-напросто убивает. Уничтожает.

— Понимаю.

— Да, — задумалась Нимуэ. — Что еще добавить? Разве то, что снег выпадает в Тальгаре в середине ноября и передвигается к югу со скоростью свыше пятидесяти миль в сутки? Что в конце декабря — начале января метели случаются над Аль-

бой, где еще сто лет назад снег был сенсацией? А то, что снега тают, а озера вскрываются у нас в апреле, знает каждый ребенок! И каждый ребенок удивляется, почему же в таком случае этот месяц именуется в народе «месяцем цветов», то есть «цветнем»? Тебя это не удивляет?

— Не очень, — призналась Кондвирамурса. — К тому же у нас, в Виковаро, говорят не «цветень», а «лжецвет», или, по-эльфьему, «бирке». Но я понимаю, о чем ты. Название месяца пришло к нам из древних времен, когда в цветне-апреле действительно все цело...

— Эти «древние» времена — всего сто, сто двадцать лет. Почти вчера, девушка. Итлиная была абсолютно права. Ее предсказание исполняется. Мир погибнет под слоем льда. Цивилизация погибнет по вине Разрушительницы, которая могла, имела возможность открыть путь спасения. Как известно из легенды, она этого не сделала.

— По причинам, о которых легенда умалчивает. Либо поясняет с помощью туманного и наивного моралитета.

— Правда. Но факт остается фактом. Белый Хлад — это факт. Цивилизация Северного полушария обречена на гибель. Она погибнет под льдом разрастающегося ледника, под слоем вечной мерзлоты и льдом. Однако паниковать не следует, потому что впереди у нас еще есть немного времени.

Солнце полностью скрылось, с поверхности озера слетел слепящий отблеск, и на воду легла дорожка более мягкого, не режущего глаз света. Над башней Inis Vitre вошла луна, яркая, как перерубленный пополам золотой талер.

— И долго? — спросила Кондвирамурса. — И долго, потвоему, это протянется? То есть сколько в нашем распоряжении времени?

— Много.

— Сколько, Нимуз?

— Каких-нибудь три тысячи лет.

На озере Король-Рыбак шлепнул по воде веслом и выругался.

Кондвирамурса громко вздохнула.

— Ты малость успокоила меня, — сказала она, помолчав. — Но лишь самую малость.

Следующее место оказалось одним из противнейших, какие Цири посетила, и, бесспорно, вошло в первую десятку, причем в начало десятки.

Это был порт, портовый канал. Она видела лодки и галеры у причалов и свай, видела лес мачт, видела паруса, тяжело обвисшие в неподвижном воздухе. Кругом ползал и клубился дым. Дым вонючий.

Он вырывался из-за покосившихся развалюх, приткнувшихся у канала. Оттуда доносился громкий, захлебывающийся плач ребенка.

Кэльпи захрапела, сильно дернула мордой, попятилась, звеня копытами по мостовой. Цири глянула вниз и увидела дохлых крыс. Они валялись повсюду. Мертвые, скрученные в муках грызуны с бледными розовыми лапками.

«Что-то тут не так, — подумала Цири, чувствуя, как ее охватывает ужас. — Что-то тут не так. Бежать отсюда. Бежать как можно скорее!»

Под обвешанным сетями и веревками столбом сидел мужчина в разорванной рубахе и склоненной к плечу головой. В нескольких шагах от него лежал второй. Непохоже было, чтобы они спали. Даже не дрогнули, когда подковы Кэльпи зацокали по камням совсем рядом с ними. Цири наклонила голову, проезжая под свисающими с веревок лохмами, выделяющими терпкую вонь.

На дверях одной из лачуг красовался крест, начерченный мелом или белой краской. Из-под крыши вырывался черный дым. Ребенок продолжал плакать, вдали кто-то кричал, кто-то поблизости кашлял и хрипел. Выла собака.

Цири почувствовала, как по руке что-то ползает. Взглянула. Рука, словно тмином, была усеяна черными запятыми блох.

Цири взвизгнула во весь голос. Сотрясаясь от ужаса и отвращения, начала отряхиваться и резко размахивать руками. Испуганная Кэльпи рванулась с места в галоп. Цири чуть не свалилась. Сжимая бока кобылы бедрами, она обеими руками прочесывала и трепала волосы, отряхивала курточку и рубашку. Кэльпи галопом влетела в затянутую дымом улочку. Цири вскрикнула от ужаса.

Она ехала сквозь ад, сквозь преисподнюю, сквозь наикосмарнейший из кошмаров. Между домами, помеченными белыми крестами. Между тлеющими кучами тряпья. Между мертвыми, лежащими поодиночке, и теми, что лежали кучами, один на другом. И между живыми — оборванными полуголыми привидениями с запавшими от боли щеками, ползающими в дерьме, кричащими на языке, которого она не понимала, про-

тягивающими к ней исхודהвшие, покрытые ужасными кровавыми коростами руки.

Бежать! Бежать отсюда!

Даже в черном небытии архипелага мест и времен Цири еще долго чувствовала тот дым и смрад.

Следующее место тоже было портом. Здесь тоже были сваи, был укрепленный бревнами канал, на канале коги, баркасы, шхуны, лодки, а над ними лес мачт. Но здесь, в этом месте, над мачтами весело покрикивали чайки, а пахло знакомо и привычно: мокрым деревом, смолой, морем и рыбой во всех трех основных вариантах: свежей, несвежей и копченой.

На палубах ближайшей коги ругались двое мужчин, стараясь перекричать друг друга возбужденными голосами. Она понимала, что они говорят. Речь шла о цене на сельдь.

Неподалеку была таверна, из ее раскрытых дверей вырывалась затхлая вонь и запах пива, слышались голоса, звон, смех. Кто-то орал гнусную песенку, все время одну и ту же строфу:

Luned, v'ard t'elaine arse
Aen a meath a'il aen sparse!

Она поняла, где оказалась. Еще прежде, чем прочла на корме название одного из галеасов: «Evall Muige» и порт приписки: «Bassala». Да, она знала, куда попала.

В Нильфгаард.

Она сбежала раньше, чем кто-либо обратил на нее особое внимание.

Однако, прежде чем успела нырнуть в ничто, блоха — последняя из тех, что ползали по ней в предыдущем месте и которая пережила путешествие во времени и пространстве, притаившись в складках курточки, — длинным прыжком соскочила на портовую сваю.

В тот же вечер блоха поселилась в вылинявшей шерсти крысы, старого самца, ветерана множества крысиных битв, о чем свидетельствовало откушенное у самого черепа ухо. В тот же вечер блоха и крыса прошли на корабль. А уже на следующее утро отправились в рейс. На холке*, старом, запущенном и донельзя грязном.

* Холк (или — хулк) — большой, обычно трехмачтовый торговый парусник.

Холк назывался «Катриона». Этому названию суждено было войти в историю. Но тогда об этом никто еще не знал.

Следующее место — хоть действительно трудно было в это поверить — поразило Цири картиной воистину идиллической. Над спокойной ленивой рекой, несущей воды меж склонившимися над нею ивами, ольхами и дубами, совсем рядышком с мостом, стягивающим берега изящной каменной дугой, среди мальв стоял покрытый камышами трактир, увитый диким виноградом. Над крыльцом покачивалась вывеска с золочеными буквами. Буквами, совершенно незнакомыми Цири. Но на вывеске красовалось вполне удачное изображение кошки, поэтому она предположила, что трактир называется «У черной кошки».

Струившийся из трактира аромат еды притягивал как магнит. Цири не стала раздумывать. Поправила меч на спине и вошла.

Внутри было пусто, только за одним столом сидели трое мужчин. Деревенские на вид. На нее они даже не взглянули. Цири присела в углу, спиной к стене.

Трактирщица, полная женщина в чистейшем фартуке и рогатом чепце, подошла и спросила о чем-то. Ее голос звучал непривычно звонко, но мелодично. Цири указала пальцем на раскрытый рот, пошлепала себя по животу, затем срезала с курточки одну из серебряных пуговиц и положила на стол. Видя удивленный взгляд, она взялась было за вторую пуговицу, но женщина удержала ее движением руки и слегка шипящими, но приятно звучащими словами.

Эквивалентом пуговицы оказалась миска густой овсяной похлебки, глиняный горшочек фасоли с копченой грудинкой, хлеб и кувшин разбавленного вина. Проглотив первую ложку, Цири подумала, что, пожалуй, расплатится. Но сдержалась. Ела медленно. Наслаждаясь едой.

Трактирщица подошла, вопросительно зазвенела, приложив щеку к сложенным ладоням. Останется ли гостя на ночь?

— Не знаю, — сказала Цири. — Возможно. Во всяком случае, благодарю за предложение.

Женщина улыбнулась и ушла на кухню.

Цири расстегнула пояс, откинулась спиной к стене. Задумалась, что делать дальше. Место — особенно по сравнению с несколькими предыдущими — было приятным, вызывало же-

ление остаться подольше. Однако она знала, что излишняя доверчивость может оказаться опасной, а неосторожность — губительной.

Черная кошка, точно такая, как на вывеске трактира, явилась неведомо откуда, потерялась о ее щиколотку, выгибая спинку. Цири погладила ее, кошка слегка ткнулась головкой в ее руку, села и принялась вылизывать шкурку на груди. Цири глядела.

Она видела Ярре, сидевшего у костра в кругу каких-то неприятных на вид оборванцев. Все грызли что-то, что напоминало куски древесного угля.

— Ярре?

— Так надо, — сказал юноша, глядя в пламя костра. — Я читал об этом в «Истории войн», произведении маршала Пеллигрима. Так надо, когда родина в опасности.

— Что надо? Уголь грызть?

— Да. Именно так. Родина-Мать зовет. А частично из личных побуждений.

— Цири, не спи в седле, — говорит Йеннифэр. — Мы подъезжаем.

На домах города, к которому они подъезжают, на всех дверях и воротах видны большие кресты, нарисованные мелом или белой краской. Клубится плотный и вонючий дым, дым от костров, на которых жгут трупы. Йеннифэр, кажется, этого не замечает.

— Мне надо сделать себя красивее.

Перед ее лицом, над ушами лошади, висит зеркальце. Гребень танцует в воздухе, расчесывает черные локоны. Йеннифэр действует только чарами, совсем не пользуясь руками, потому что...

Потому что ее руки — месиво застывшей крови.

— Мамочка! Что они с тобой сделали?

— Поднимись, девочка, — говорит Койон. — Пересиль боль и поднимись на гребень! Иначе ты станешь трусить. Ты хочешь до конца жизни умирать от страха?

Его желтые глаза нехорошо горят. Он зевает. Его острые зубки блещут белизной. Это вовсе не Койон. Это кошка. Черная кошка...

Шагает многомильная колонна солдат, над ними колыхается лес пик, развевается море хоругвей. Ярре тоже идет, на голове у него круглый шлем, на плече пика, такая длинная, что ему приходится крепко держать ее обеими руками, иначе

она его перевернет. Грохочут бубны, вопят дудки, гудит солдатское пение. Над колонной носятся и каркают вороны. Множество ворон...

Берег озера, на пляже шапки взбитой пены, выброшенные и сгнившие камыши. На озере остров. Башня. Зубчатый, топорщащийся наростами навесных бойниц донжон. Над башней темно-синее вечернее небо, светит луна — блестящий, перерубленный пополам золотой талер. На террасе в креслах две женщины, закутанные в шубы. Мужчина в лодке...

Зеркала и gobelen.

Цири поднимает голову. Напротив нее за столом сидит Эредин Бреакк Глас.

— Ты не можешь не знать, — говорит он, показывая в улыбке ровные зубы, — что только оттягиваешь неизбежное. Ты — наша, и мы достанем тебя.

— Аккурат!

— Ты вернешься к нам. Немного поболтаешься по местам и временам, потом натолкнешься на Спираль, а на Спирали мы тебя достанем. В свой мир и свое время ты уже не возвратишься никогда. Впрочем, и поздно уже. Тебе просто не к кому возвращаться. Люди, которых ты знала, давно умерли, их могилы поросли бурьяном и провалились. Их имена забыты. Твое, впрочем, тоже.

— Лжешь! Не верю!

— Веришь — не веришь, дело твое. Повторяю: вскоре ты наткнешься на Спираль; а я уже буду там ждать. Ведь ты втайне этого желаешь, *me elaine lured*.

— Ты не иначе как бредишь!

— Мы, *Aen Elle*, чувствуем такие вещи. Ты была мною увлечена, ты хотела меня и боялась своего желания. Ты хотела меня и продолжаешь хотеть, *Зиреазэл!* Меня. Моих рук. Моего прикосновения...

Когда он прикоснулся, она резко вскочила, перевернула кубок — к счастью, пустой. Хотела схватиться за меч, но тут же успокоилась. Она сидела в трактире «У черной кошки» и, видимо, уснула, задремала за столом. Рука, коснувшаяся ее волос, была рукой полной хозяйки. Цири терпеть не могла таких фамильярностей, но женщина прямо-таки излучала расположение и доброту, за которые нельзя было отплатить грубостью. Цири позволила гладить себя по голове, улыбаясь, слушала мелодичную, позванивающую речь. Она была утомлена.

— Мне надо ехать, — сказала она наконец.

Женщина улыбнулась, певуче зазвенела. «Как получается, — подумала Цири, — что во всех мирах, местах и временах, на всех языках и наречиях единственно это слово всегда звучит понятно? И всегда похоже?»

— Да, к маме. Моя мама ждет меня.

Трактирщица проводила ее во двор. Прежде чем Цири оказалась в седле, женщина вдруг крепко обняла ее, прижала к пышному бюсту.

— До свидания. Благодарю за прием. Вперед, Кэльпи!

Она направилась прямо на дугообразный мост над спокойной рекой. Когда подковы кобылы зазвенели по камням, она оглянулась. Женщина все еще стояла перед трактиром.

Концентрация. Кулаки к вискам. В ушах шум, как изнутри морской раковины. И неожиданно мягкое и черное ничто.

— Bonne Chance, ma fille!* — крикнула ей вслед Тереза Ляпен, трактирщица из постоянного двора «Au chat noir»** в Пон-сюр-Жонн у тракта, ведущего из Мелуна в Оксерр. — Удачи в пути!

Концентрация, кулаки у висков. В ушах шум, словно изнутри морской раковины. Вспышка. И неожиданно мягкое и черное ничто.

Место. Озеро. Остров. Башня. Луна, словно талер, перерубленный пополам, его блеск отражается в воде светлой дорожкой. На дорожке лодка, в лодке мужчина с удочкой...

На террасе... Две женщины?

Кондвирамурса не выдержала, взволнованно крикнула и тут же прикрыла рот рукой. Король-Рыбак с плеском упустил якорь, ворчливо выругался, потом раскрыл рот, да так и замер. Нимуэ даже не дрогнула.

Прочерченная лунной дорожкой гладь озера задрожала и покрылась рябью, как под ударом ветра. Ночной воздух над зеркалом вод лопнул — так лопается разбитый витраж. Из трещины появилась вороная лошадь. На ней — всадница.

Нимуэ спокойно протянула руку, произнесла заклинание. Висящий на стояке гобелен неожиданно разгорелся, расцвел феерией разноцветных огоньков. Огоньки отразились в овале зеркала, заплескались, закружились в стекле, как цветные пчелы,

* Удачи, девочка! (фр.).

** «У черной кошки» (фр.).

и неожиданно выплыли радужным призраком, расширяющейся лентой, от которой стало светло как днем.

Вороная кобыла поднялась на дыбы, дико заржала. Нимуэ резко развела руки, выкрикнула формулу. Кондвирамурса, видя возникающее в воздухе и увеличивающееся изображение, сконцентрировалась сильнее. Изображение тут же набрало резкость. Вырисовался портал. Ворота, за которыми возникло...

...плоскогогорье, усеянное остатками кораблей. Замок, прикипший к острым скалам обрыва и возвышающийся над черным зеркалом горного озера...

— Сюда! — пронзительно крикнула Нимуэ. — Вот дорога, по которой ты должна идти! Цири, дочь Паветты! Войди в портал, ступай путем, ведущим на встречу с Предназначением! Да замкнется кольцо времен! Да погрузит змей Уроборос зубы свои в хвост свой!

— Прекрати блуждания! Спешి, спеши на помощь близким! Это верный путь, ведьмачка!

Кобыла заржала снова, снова принялась месить копытами воздух. Девушка в седле крутила головой, глядя то на Нимуэ, то на изображение, порожденное гобеленом и зеркалом. Откинула волосы, и Кондвирамурса увидела у нее на щеке безобразный шрам.

— Доверься мне, Цири! — крикнула Нимуэ. — Ведь ты меня знаешь! Ты уже однажды видела меня!

— Я помню, — услышала она. — Верю. Благодарю.

Они видели, как подстегнутая поводьями кобыла легким танцующим шагом вбежала в свет портала. Прежде чем изображение затуманилось и расплылось, они увидели, как пепельноволосая девушка машет им рукой, обернувшись в седле.

Потом все исчезло. Поверхность озера успокоилась, разгладилась лунная дорожка.

Было так тихо, что казалось, будто они слышат хриплое дыхание Короля-Рыбака.

Сдерживая навертывающиеся слезы, Кондвирамурса крепко обняла Нимуэ. Она чувствовала, как дрожит миниатюрная чародейка. Так, обнявшись, они сидели какое-то время. Молчали. Потом обе повернулись туда, где исчезли Врата Миров.

— Удачи тебе, ведьмачка! — воскликнули они в унисон. — Удачи тебе на пути!

Неподалеку от того луга, места той жестокой сечи, в коей, почитай, вся сила Севера сошлась со всей мощью нильфгаардской, стояли ранее два рыбацких поселения: Старые Жопки и Бренна. Однако ж поелику к тому часу Бренна была уже пожжена дотла, то говорили поначалу о Битве под Старыми Жопками. Теперь же говорят не иначе как «Битва под Бренной», и тому есть две причины. *Primo*, отстроенная Бренна стала ныне большим и цветущим поселением, а Старые Жопки многие лета не заселялись и след по ним простыл, зарос крапивой, пыреем и лопухами. *Secundo*, как-то не личило такое название великим достопамятным и трагическим боям. Да и верно, как же так: баталия, в которой тридцать с лишком тысяч бойцов полегло, — и вдруг мало что Жопки, так еще и Старые?

Так и вышло, что во всей исторической и военной литературе принято стало писать о Битве под Бренной, как у нас, так и в нильфгаардских источниках, коих, к слову сказать, гораздо боле, чем нежелли наших.

Достопочтенный Ярре-старший из Элландера.
Annales seu Cronicae Incliti Regni Temeriae

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Кадет Фиц-Остерлен — оценка неудовлетворительная. Садитесь. Хочу обратить ваше внимание, господин кадет, на то, что отсутствие знаний о знаменитых и важных битвах в истории своей родины в принципе недостойно любого патриота и доброго гражданина, а для будущего офицера — попросту скандально! Позволю себе сделать еще одно небольшое замечание. За все двенадцать лет, кои я преподаю в этом училище, я не припомню ни одного экзамена на офицерское звание, на котором не был бы задан вопрос о Битве под Бренной. Посему невежество в этом вопросе практически перечеркивает шансы на карьеру в армии. Впрочем, коли вы барон, так вам вовсе не обязательно быть офицером: можно испробовать свои силы в политике. Либо дипломатии. Чего от всей души вам и желаю, кадет Фиц-Остерлен. А мы, господа, возвратимся под Бренну. Кадет Путткаммер!

— Я!

— Подойдите к карте. Продолжайте. С того места, на котором господина барона покинуло красноречие.

— Слушаюсь! Причиной, заставившей фельдмаршала Менно Коегоорна произвести маневр и совершить ускоренный бросок на запад, были доклады разведки, сообщившей, что армия нордлингов идет на выручку блокированной крепости Майена. Маршал решил перекрыть нордлингам путь и принудить их к решающему бою. Для этого он разделил силы Группы Армий «Центр». Часть оставил под Майеной, с остальными силами двинулся быстрым маршем.

— Кадет Путткаммер! Вы не писатель-беллетрист! Вы — будущий офицер! Что за определение «остальные силы»? Про-

шу дать точный *ordre de bataille** ударной группой маршала Коегоорна. Используя военную терминологию.

— Слушаюсь, господин ротмистр! Под командой фельд-маршала Коегоорна стояли две армии: Четвертая Конная Армия под началом генерал-майора Маркуса Брайбана, патрона нашей школы...

— Прекрасно, кадет Путткаммер.

— Подлиза сраный, — прошипел со своей парты кадет Фиц-Остерлен.

— ...а также Третья Армия под командованием генерал-лейтенанта Реца де Меллис-Стока. В состав Четвертой Конной Армии, насчитывавшей более двадцати тысяч солдат, входили дивизия «Венендаль», дивизия «Магна», дивизия «Фрундеберг», Вторая Виковарская Бригада, Седьмая Даэрлянская Бригада, а также бригады «Наузикаа» и «Врихелд», а также... хмм... а также дивизия...

— Дивизия «Ард Феаинн», — бросила Джулия Абатемарко. — Если, разумеется, вы чего-нибудь не напутали. У них на прапоре точно было большое серебряное солнце?

— Так точно, полковник! — твердо ответил командир разведки. — Несомненно, было.

— «Ард Феаинн», — проворчала Сладкая Ветреница. — Хммм... любопытно. Получается, что в трех маршевых колоннах, которые вы якобы видели, на нас идет не только вся Конная, но и часть Третьей. Нет! На слово не поверю! Необходимо увидеть собственными глазами. Ротмистр, на время моего отсутствия бандерой** командуете вы. Приказываю послать связного к полковнику Пангратту...

— Но, полковник, умно ли, лично...

— Выполняйте!

— Слушаюсь!

— Это большой риск, полковник! — перекричал командир разведки гул копыт идущих галопом лошадей. — Можно налететь на разъезд...

— Не болтай. Веди!

Отряд промчался вниз по теснине, вихрем пронесся по долине речки, влетел в лес. Здесь пришлось притормозить. Движение затрудняли плотно растущие деревья, кроме того, они

* порядок прохождения битвы (фр.).

** Бандера, хоругвь — воинское подразделение всех типов кавалерии, насчитывающее 100–200 человек; оно же — рота.

действительно могли случайно наткнуться на разведывательные разезды либо передовое охранение, несомненно, высланные нильфгаардцами. Правда, разведка кондотьеров заходила неприятелю с фланга, не с фронта, но фланги наверняка тоже были защищены. Так что операция выглядела чертовски рискованной. Но Сладкая Ветреница любила такие спектакли. И во всей Вольной Компании не нашлось бы солдата, который не пошел бы за ней. Даже в ад.

— Здесь, — сказал командир разведки. — Вот эта башня.

Джулия Абатемарко покрутила головой. Башня была кривая, разрушенная, ошестинившаяся сломанными балками, ажурная от проломов и дыр, в которых западный ветер играл, как на свирели. Неизвестно, кто и зачем построил на безлюдье эту башню. Но что построил давно, было известно.

— Эта хреновина не обрушится под нами?

— Наверняка нет, полковник.

В Вольной Компании кондотьеры обращались к начальству не «по-господски», а только по званию.

Джулия быстро взобралась, почти взбежала на вершину башни. Командир разведки присоединился лишь через минуту, а уж сопел словно бугай, покрывающий корову. Опершись о кривой парапет, Сладкая Ветреница с помощью монокуляра осматривала долину, высунув язык и выпатив изящный задок. Видя это, командир разведки почувствовал, как его пробирает дрожь. Однако быстро успокоился.

— «Ард Феаинн», несомненно, — облизнулась Джулия Абатемарко. — Вижу также даэрлянцев Элана Трахе, есть там и эльфы из бригады «Врихедд», наши старые знакомцы из-под Марибора и Майены... Ага! Вот и черепа. Знаменитая бригада «Наузкаа»... Вижу и языки пламени на пропорцах дивизии латников «Деитвен»... И белую хоругвь с черным алерионом* — знаком дивизии «Альба»...

— Вы узнаете их, — буркнул в ответ командир разведки, — действительно, как старых знакомых...

— Я окончила военную Академию, — отрезала Сладкая Ветреница. — Я — офицер и цензус**. Ладно, все, что хотела увидеть, я увидела. Возвращаемся в бандеру.

— На нас идут Четвертая Конная и Третья, — сказала Джулия Абатемарко. — Повторяю, вся Четвертая Конная и, пожа-

* Алерيون — геральдический орел без клюва и когтей.

** выпускник, сдавший специальный экзамен на офицерское звание.

луй, вся кавалерия Третьей. За хоругвями, которые я видела, вздымается туча пыли. Там тремя колоннами идут, на мой взгляд, тысяч сорок конников. А может, больше. Может...

— Может быть, Коегоорн разделил Группу Армий «Центр», — закончил Адам «Адью» Пангратт, командир Вольной Компании. — Взял только Четвертую Конную и конников из Третьей без пехоты, чтобы идти быстрее. Эй, Джулия, будь я на месте коннетабля Наталиса или короля Фольтеста...

— Знаю, — Глаза Сладкой Ветреницы вспыхнули. — Знаю, что бы ты сделал. Ты послал бы к ним гонцов?

— Конечно.

— Наталис — тертый калач. Возможно, завтра...

— Возможно, — не дал ей закончить «Адью». — И даже думаю, что будет. Подгони коня, Джулия. Хочу тебе кое-что показать.

Они быстро отъехали, значительно обогнав остальную часть войска. Солнце уже почти коснулось холмов на западе, леса и кустарники поймы перечеркивали долину длинными тенями. Но видно еще было достаточно хорошо, чтобы Сладкая Ветреница с ходу поняла, что хочет ей показать «Адью» Пангратт.

— Здесь, — подтвердил он ее догадку, поднимаясь на стременах, — здесь я принял бы завтра бой. Если б командовал армией.

— Удачное место, — согласилась Джулия Абатемарко. — Ровно, твердо, гладко... Есть где построиться... Хммм... От тех вон холмов до тех вон прудов... Мили три будет... А лучшего места для командира, чем тот вон холм, и не придумаешь.

— Верно говоришь. А там, глянь, в середине, еще одно озерко или рыбный пруд, вон, который там блестит... Можно использовать... Речка тоже сгодится для рубежа, потому что и невелика, и болотиста... Как, Джулия, ее?.. Мы ведь там вчера проходили. Помнишь?

— Забыла. Вроде бы Хохля. Или как-то так...

Кто тамошнюю округу знает, тот свободно сможет представить себе все, что происходило, тем же, кои не столь хорошо со всем сим знакомы, поясню, что левое крыло королевского войска до того места доходило, где ныне поселение Бренна расположено имеет. Во времена же битвы никакого поселения там не было, потому как в позатом году эльфами-Белками спалена она была до земли. Так вот там, именно что на левом крыле, стоял

реданский королевский корпус, коим граф Руйтер руководил. А было в оном корпусе народу восемь тысяч в пехоте и коннице преотменной.

Середина королевской силы стояла как раз насупротив холма, кой после Шибеничным — Висельным, стало быть, — поименовали. Там, на холму на том, стояли король Фольтест со свитою и коннетабль Ян Наталис, на всю битву с высоты холма обозрение имевшие. Здесь главные силы войска нашего сгруппированы были — двенадцать тысяч доблестных темерских и реданских инфантеристов, в четыре огромных четверобочка уформованных, десятью хоругвями конницы охраняемых, стоявших аж до северного края пруда, местными жителями Золотым именуемого. Серединная группировка имела во второй линии резервную рать — три тысячи вызимской и мариборской пехоты, коими воевода Бранибор верховодил.

От южного же края Золотого Пруда по сам ряд садков рыбных и заворот речки Хотли на позиции в милю широтой стояло войска нашего крыло правое, состоящее из Добровольческой Рати Махакамских краснолюдов, восьми хоругвей легкой кавалерии и бандеры знаменитой Вольной Кондотьерской Компании. Команду над правым крылом держали кондотьер Адам Пангратт и краснолюды Барклай Эльс.

Насупротив, в миле почитай али двух, на поле голом, за лесом, построил нильфгаардское войско фельдмаршал Менно Коегоорн. Стоял там народ железный, аки стена черная, полк при полку, рота при роте, эскадрон при эскадроне, покуда хватало глаз конца им не было. А по лесу хоругвев* и пик вообразить себе можно было, что не токмо широкий, но и зело глубокий строй там устроен. Потому как было того войска сорок и шесть тысячей, о чем в то время мало кто ведал, и хорошо, потому как иначе у многих наших при видимости той нильфгаардской мощи сердце и защемило.

А даже и у нахрабрейших воинов сердца забились под латами, аки молоты кузнечные, ибо явно стало, что сечь, да к тому ж кровавая теперь тут почнется, и мало кому из тех, что в строях стоят, заход солнца дадено узреть будет.

Ярре, поддерживая сползающие с носа очки, еще раз прочитал написанное, вздохнул, потер лысину, затем взял губку, немного сжал ее и стер последнюю фразу.

* Хоругвь (здесь), пропор — флаг, флажок и т.д.

Ветер шумел в листьях липы, звенели пчелы. Дети, как все дети мира, пытались перекричать друг дружку.

По ноге старика ударил летящий по траве мяч. Прежде чем он, неуклюжий и неловкий, успел наклониться, кто-то из его внучат пронесся, словно маленький волчонок, и, не останавливаясь, схватил мяч. Стол покачнулся. Ярре правой рукой удерживал чернильницу, культей левой придерживал листки бумаги.

Звенели тяжелые от золотых шариков акациевой пыльцы пчелы.

Ярре продолжил свой труд.

Утро было хмурым, но солнце пробивалось сквозь облака и со своей высоты явно о проходящих часах напоминало. Задул ветер, залопотали и зашумели пропорцы, словно многих птиц стая, что к полету вспархивает. А Нильфгаард как встал, так и стоял, аж все удивляться почали, почему бы это маршал Менно Коегоорн не дает своим войскам приказа выступить?

— Когда? — Менно Коегоорн оторвался от карт, окинул военачальников взглядом. — Когда, спрашиваете, я прикажу начинать?

Никто не отозвался. Менно поочередно взглянул на своих командиров. Самыми напряженными и встревоженными выглядели те, кому предстояло оставаться в резерве: Элан Трахе, командир Седьмой Даэрлянской, и Кеес ван Ло из бригады «Наузикаа». Явно нервничал также Удер де Вынгальт, адъютант маршала, у которого было меньше всех шансов принять активное участие в бою.

Те, кому предстояло ударить первыми, казались спокойными, более того — явно скучающими. Маркус Брайбан зевал. Генерал-лейтенант Рец де Меллис-Сток ковырял мизинцем в ухе, то и дело осматривая палец, словно и верно ожидал увидеть на нем что-то заслуживающее внимания. Оберштер* Рамон Тырконнель, молодой командир дивизии «Ард Феаинн», тихо посвистывал, уставившись в одному ему известную точку на горизонте. Оберштер Лиам аэп Муир Мосс из дивизии «Де-итвен» листал свой неразлучный томик поэзии. Тибор Эггебрахт из дивизии тяжелых копейщиков «Альба» почесывал затылок концом хлыста.

* Оберштер (оберстер) — в прежних полках немецкой и польской пехоты — полковник (в настоящее время — оберст).

— Атаку начнем, — сказал Коегоорн, — как только вернутся патрули. Меня беспокоят холмы на севере, господа офицеры. Прежде чем ударить, я должен знать, что там творится, за теми холмами.

Ламарр Флаут трусил. Трусил чудовищно, страх ползал у него по кишкам, ему казалось, что в утробе у него по меньшей мере дюжина скользких, покрытых вонючей слизью угрей яростно пытается отыскать лазейку, через которую можно было бы выбраться на волю. Час назад, когда патруль получил приказы и отправился на разведку, Флаут в глубине души надеялся, что утренний холод разгонит тревогу, что страх задушит рутина, отшлифованный ритуал, жесткий и суровый церемониал службы. Он ошибся. Теперь же, по прошествии часа и, пожалуй, пяти миль — далеко, опасно далеко от своих, глубоко, опасно глубоко на территории врага, близко, смертельно близко от неведомой опасности, — только теперь страх показал, на что он способен.

Они остановились на опушке пихтового леса, предусмотрительно не высываясь из-за растущих здесь больших можжевельников кустов. Перед ними, за полосой невысоких елочек, раскинулась широкая котловина. Туман стлался по верхушкам трав.

— Никого, — отметил Флаут. — Ни живой души. Возвращаемся. Мы уже, пожалуй, далековато зашли.

Вахмистр покосился на него. Далеко? Отъехали едва на милю. К тому же ползли, словно хромые черепахи.

— Стоило бы еще, — сказал он, — заглянуть за те холмы, господин лейтенант. Оттуда, думается мне, обзор будет лучше. Далеко, на обе долины. Если кто туда тащится, мы не сможем его не заметить. Так как? Шмыгнем, господа? Тут всего парочка стае.

«Парочка стае, — подумал Флаут. — На открытой местности, будто на сковороде!» Угри извивались в животе, настойчиво искали выход из его внутренностей. Во всяком случае, один-то уж наверняка. Флаут определенно чувствовал, что угорь — на верном пути.

«Я слышал звон стремян. Фыркание лошади. Там, в сочной зелени, меж молодых пихточек на песчаном склоне. Что-то там пошевелилось. Чья-то фигура?

Нас окружают?»

По обозу ходил слух, что несколько дней назад кондотьеры из Вольной Компании напали из засады на разъезд бригады «Врихедд», взяли живым одного эльфа. Говорят, кастрировали его, вырвали язык, обрубили пальцы рук... А под конец выдавили глаза. Теперь-то, насмехались они, никаким манером ты не поиграешь со своей эльфьей подружкой. И даже не сможешь глянуть, как она забавляется с другими.

— Ну, господин лейтенант, — кашлянул вахмистр. — Сбегаем за холмы-то?

Ламарр Флаут сглотнул слюну.

— Нет, — сказал он. — Нельзя терять время. Мы убедились: здесь врага нет. Необходимо доложить командованию. Возвращаемся!

Менно Коегоорн выслушал рапорт, оторвал глаза от карты.

— По подразделениям! — приказал кратко. — Господин Брайбан, господин де Меллис-Сток. Наступать!

— Да здравствует император! — рывкнули Тырконнель и Эггебрахт.

Менно как-то странно посмотрел на них.

— По подразделениям, — повторил он. — Да осияет Великое Солнце вашу славу.

Мило Вандербек, низушек, полевой хирург, известный под прозвищем Руст-Рыжик, жадно втянул изумительную смесь запахов йода, нашатыря, спирта, эфира и магических эликсиров, заполнявших палатку. Он хотел насытиться этим ароматом — здоровым, чистым, невинным, незамутненным, незараженным и клинически стерильным — сейчас. Руст-Рыжик знал, что долго он таким не продержится.

Взглянул на операционный стол, девственно белый, и хирургические аксессуары — десятки инструментов, вызывающих уважение и доверие бесстрастным, грозным величием холодной стали, сияющей чистотой металла, порядком и эстетикой расположения.

При инструментах возился его персонал — три женщины. «Тьфу, — мысленно поправился Руст-Рыжик. — Одна женщина и две девушки. Тьфу, еще раз: одна старая, хоть и прелестно выглядящая баба. И двое детей».

Магичка и знахарка по имени Марти Содергрен, волонтерка Шани, студентка из Оксенфурта, Июля, жрица из храма Мелитэле в Элландере.

«Мартин Содергрен я знаю, — подумал Русти, — работал с этой красоткой не раз. Чуть-чуть нимфоманка со склонностью к истерии, но это не страшно, пока действует ее магия. Анестезирующие, дезинфицирующие и останавливающие кровотечение чары.

Июля. Жрица, вернее — адептка. Девушка с красотой бесхитростной и заурядной как льняное полотно, с большими, сильными крестьянскими руками. Храм позаботился о том, чтобы эти руки не калечила тяжкая и грязная изнурительная работа в поле. Но не смог скрыть происхождения девушки».

«Нет, — подумал Русти, — за нее я в принципе не беспокоюсь. Это руки кметки — верные руки, им доверять можно. Кроме того, воспитанницы храма редко подводят, в моменты отчаяния не расслабляются, а ищут опоры в своей вере, в своей мистике. Интересно, что это им помогает».

Он взглянул на рыжеволосую Шани, ловко заправляющую в закривленные иголки хирургическую нить.

«Шани. Дитя зловонных городских закоулков, попавшее в Оксенфуртский университет благодаря собственной жажде знаний и невероятным самоограничениям родителей, оплачивающих ее учебу. Жак. Франтиха. Веселый шалопай. Что она умеет? Иглы заправлять? Накладывать жгуты? Держать крючки? М-да, вопрос. А что, если она свалится в обморок, упустит крючки и рухнет носом в распоротый живот оперируемого?»

«Люди такие нежные, — подумал он. — Ведь просил же я, чтобы мне дали эльфку. Или кого-нибудь из моего народа. Так нет же. Видите ли, не доверяют.

Мне, впрочем, тоже не доверяют.

Я — низушек. Нелюдь.

Чужак!»

— Шани!

— Слушаю, господин Вандербек?

— Русти. То есть для тебя — господин Русти. Что это, Шани? И для чего оно?

— Экзаменуете, господин Русти?

— Отвечай, девушка.

— Это распатор. Для снятия надкостницы при ампутациях. Чтобы надкостница не лопалась под зубьями пилы, чтобы получить чистый и гладкий распил! Вы удовлетворены? Я угадала?

— Тише, девушка, тише.

Шани пятерней пригладила волосы.

«Интересно, — подумал он. — Нас здесь четверо медиков. И все рыжие! Фатум, что ли?»

— Прошу вас, девушки, — бросил он, — выйти из палатки. Они вышли, хотя все три фыркнули себе под нос. Каждая по-своему.

Перед палаткой, пользуясь последними минутами сладкого безделья, сидела группа санитаров. Русти окинул их суровым взглядом, принюхался, проверяя, не успели ли уже набраться.

Кузнец, огромный парнище, пыхтел около напоминающего пыточную скамью стола, упорядочивая инструменты для вылушивания раненых из лат, кольчуг и погнутых забрал шлемов.

— Там, — начал Русти без предисловий, указывая на поле, — вот-вот начнется бойня. И тут же появятся первые раненые. Все вы знаете, что делать, каждый знает свои обязанности и свое место. Если каждый будет делать то, что делать обязан, ничего плохого случиться не может. Ясно?

Ни одна из «девушек» не ответила.

— Там, — продолжал Русти, снова указывая на поле, — каких-то сто ерундовых тысяч солдат сейчас примутся калечить, уродовать и убивать друг дружку. Весьма изысканными методами. Нас, с учетом двух других госпиталей, двенадцать медиков. Мы ни за что на свете не сумеем помочь всем пострадавшим. Даже исчезающе малому проценту требующих нашей помощи. Да этого от нас даже и не ожидают. Но мы будем лечить! Ибо это, простите за банальность, суть нашего существования. Помогать страждущим. Так поможем — банально — стольким, скольким сможем помочь.

Никто опять не ответил. Русти повернулся.

— Мы не сумеем сделать больше, чем в состоянии сделать, — сказал он тише и теплее. — Но давайте постараемся все, чтобы того, что мы сделать не сможем, было по возможности меньше.

— Двинулись, — сказал коннетабль Ян Наталис и вытер вспотевшую руку о бедро. — Ваше королевское величество, Нильфгаард двинулся. Они идут на нас!

Король Фольтест, сдерживая танцующего сивого коня в расшитой лилиями попоне, показал коннетаблю свой прекрасный, достойный красоваться на монетах профиль.

— Стало быть, надлежит принять их достойно. Милсдарь коннетабль! Господа офицеры!

— Смерть Черным! — в один голос рывкнули кондотьер Адам «Адю» Пангратт и граф де Руйтер.

Коннетабль глянул на них, потом выпрямился в седле и набрал воздуха в легкие:

— По хоругвям!

Вдали глухо гудели нильфгаардские литавры и барабаны, надрывались рожки, роги и боевые трубы. Земля, по которой разом ударили тысячи копыт, дрогнула.

— Сейчас, — проговорил Анди Бибервельд, низушек, старшина обоза, откидывая волосы с небольшого остроконечного ушка. — Вот-вот...

Тара Хильдебранд, Диди Хофмайер «Хмельник» и прочие ездовые, сбившиеся вокруг старшины, покивали головами. Они тоже слышали глухой монотонный топот копыт, долетавший из-за холмов и из-за леса. Слышали нарастающий, словно гудение шмелей, рев и глухой гул. Чувствовали, как дрожит земля.

Рев и гул резко усилились, подскочили на тон выше.

— Первый залп лучников. — У Анди Бибервельда был опыт, он видел, вернее, слышал не одну битву. — Будет и второй.

Он был прав.

— Теперь-то уж сойдутся!

— Ллучч... ше зза-залезем под ввозы, — предложил, беспокойно вертясь, Вильям Хардботтом по прозвищу Заика, — гговорю вввам.

Бибервельд и остальные низушки поглядели на него с сочувствием. Под телеги? Зачем? От места боя их отделяла почти четверть мили. И даже если какой-нибудь разъезд заберется сюда, к обозу, разве спасет кого-нибудь сидение под телегой?

Рев и гул нарастали.

— Все, — сказал Анди Бибервельд.

И снова оказался прав.

С расстояния в четверть-мили, из-за холмов и из-за леса, сквозь рев и лязг железа о железо до обозников долетел четкий, чудовищный, вздымающий волосы на голове звук.

— Кавалерия. — Бибервельд облизнул губы. — Кавалерия напоролась на пики...

— Ттт... только, — выдавил побледневший Заика, — ннне зна... в чем у них тттам лллошади провинились... у кккурвиных ддетей!

Ярре неведомо уже который раз стер губкой написанную фразу. Прикрыл глаза, вспоминая тот день, тот миг, когда

столкнулись две армии. Когда оба войска, словно разъяренные сторожевые псы, кинулись друг другу на горло, схватились в смертельной хватке.

Он искал слова, которыми можно было бы это описать. Напрасно.

Клин конницы с разгона врезался в квадрат пехотинцев. Словно гигантский кинжал дивизия «Альба» крушила все, что защищало доступ к живому телу темерской пехоты — пики, копья, алебарды, дротики, рубели, щиты. Словно кинжал дивизия «Альба» врзалась в живое тело, и полилась кровь. Кровь, в которой теперь топтались и скользили кони. Но острие кинжала, хоть и врезавшееся глубоко, не коснулось ни сердца, ни какого-либо другого жизненно важного органа. Вместо того чтобы разорвать и разрезать на части темерский квадрат, клин дивизии «Альба» вошел в него и споткнулся. Увяз в эластичной и вязкой как смола толпе пешего люда.

Вначале это выглядело неопасно. Голова и фланги клина состояли из элитных тяжеловооруженных рот. Клинки и мечи ландскнехтов отскакивали от щитов и блях, как молоты от наковален, невозможно было добраться и до защищенных ладрами* лошадей. И хотя то один, то другой латник все же падал с коня (либо вместе с конем), мечи, топоры, чеканы и шестоперы кавалеристов укладывали напирающих пехотинцев прямо-таки штабелями, и увязший было в пехоте клин дернулся и начал вбиваться глубже.

— Альбаааа! — Младший лейтенант Девлин азп Меара услышал крик оберштера Эггебрахта, прорвавшийся сквозь рев, вой и ржание. — Вперед, «Альба»! Да здравствует император!

Конники рванулись, рубя, давя и полосуюя. Из-под копыт визжащих и хрипящих лошадей летели плеск, скрип и хруст.

— Альбаааа!

Клин завяз снова. Ландскнехты, хоть и прореженные и окровавленные, не поддались, нажали, стиснули конников тисками так, что затрещало. Под ударами алебард, бердышей и боевых цепов надломились и остановились латники первой линии. Поражаемые двурогами и пиками, стаскиваемые с седел крючьями гизарм и рогатин, безжалостно избиваемые железными кистенями и палицами кавалеристы дивизии «Альба»

* защитные пластины. Могут быть и металлическими (нем. leder — кожа).

начали умирать. Врезавшийся в квадрат пехоты клин — еще недавно грозное, безжалостно калечащее железо, увязшее в живом организме, — теперь больше напоминал ледяную сосульку, зажатую в огромном крестьянском кулаке.

— Темерияааа! За короля, ребята! Бей Черных!

Но ландскнехтам тоже было нелегко. «Альба» не давала себя разорвать, мечи и топоры вздымались и падали, рубили, кололи, резали, и каждого сваленного с седла конника пехота оплачивала немалой кровью.

Оберштер Эггебрахт, которого ткнули в щель между пластинами лат острым, тонким как шило наконечником пики, закричал, покачнувшись в седле. Прежде чем ему успели прийти на помощь, страшный удар боевого топора смёл его с коня. Пехота сомкнулась над ним.

Штандарт с черным алерионом с золотым перисониумом* на груди покачнувшись и упал. Латники, а среди них и младший лейтенант Девлин аэп Меара, кинулись в ту сторону, рубя, топча, вереща.

«Хотел бы я знать, — подумал Девлин аэп Меара, выдергивая меч из разрубленного капалина и черепа темерского ландскнехта, — хотел бы я знать, — подумал он, широким ударом отбивая нацеленный в него зубчатый наконечник гизармы, — хотел бы я знать, зачем все это. Почему все это. И из-за кого все это».

— Эээ... И тогда собрался совет великих мэтресс... наших Почтенных Матерей... Э... Память о которых вечно будет жить в наших сердцах... Ибо... Э... Мэтрессы из Первой Ложи... установили... Эээ... Установили...

— Адептка Абонда. Ты не готова. Оценка — неудовлетворительная. Садись.

— Но я учила, правда учила...

— Садись.

— На кой ляд нам изучать такие древности? — забурчала Абонда, садясь. — Кого это сегодня интересует? Кому это сегодня нужно?.. И какая от этого польза...

— Тише! Адептка Нимуэ!

— Я здесь, госпожа магистр.

— Вижу. Ты можешь ответить на вопрос? Если нет, сядь и не отнимай у меня попусту время.

* полукруглая полоска на груди геральдического орла либо алериона.

— Я могу.

— Слушаю.

— Потому что хроники говорят нам, что Совет мэтресс собрался в замке Лысая Гора, чтобы решить, как покончить с пагубной войной между императором и владыками Севера. Почтенная Мать Ассирэ, святая мученица, поведала, что владыки Севера не перестанут воевать, пока как следует не истекут кровью. А Почтенная Мать Филиппа, святая мученица, ответила: «Дадим же им великий и кровавый, страшный и жестокий бой, доведем их до такого боя. Пусть армии императора и войска королей изойдут в этом бою кровью, и тогда мы, Великая Ложа, заставим их заключить мир». Так все и вышло. Почтенные Матери сделали так, что случилась битва под Бренной. А владыки принуждены были заключить цинтрийский мир.

— Очень хорошо, адептка Нимуэ. Я поставила бы тебе оценку «отлично»... если бы не твое «потому что» в начале изложения. Фразу не положено начинать со слов «потому что». Садись. А теперь о цинтрийском мире нам расскажет...

Прозвучал звонок на перемену. Но слушательницы не вскочили, сопровождая конец урока визгом и хлопанием парт. Они хранили молчание и благовоспитанное спокойствие. Ведь они уже не были детьми, уже учились в третьем классе! Им было по четырнадцать лет.

А это обязывает.

— Ну, здесь ничего добавить нельзя. — Русти оценил состояние первого раненого, истекавшего кровью на незапятнанной прежде девственной белизне операционного стола. — Бедренная кость раздроблена... Артерия уцелела, иначе б вы принесли труп. Похоже на удар топором, причем твердое крыло седла выполнило роль пенька дровосека. Извольте посмотреть...

Шани и Иоля наклонились. Рыжик потерял руки.

— Как я сказал, здесь ничего не добавит. Можно лишь отнять. За работу, Иоля. Жгут, крепче. Шани — нож. Не этот, двусторонний. Ампутиационный.

Раненый не сводил бегающего взгляда с их рук, следил за их действиями глазами перепуганного, схваченного в силки животного.

— Немножко магии, Марти, если можно попросить, — кивнул низушек, наклоняясь над пациентом так, чтобы полностью перекрыть ему поле зрения. — Буду ампутировать, сынок.

— Нееее! — заорал раненый, дергая головой и пытаясь увернуться от рук Марти Содергрена. — Не хочуууу!

— Если не ампутую, умрешь.

— Лучше умереть... — Под влиянием магии целительницы раненый говорил все медленнее. — Лучше умереть... чем быть калеккой... Дайте мне умереть... Умоляю... Дайте мне умереть!

— Не могу. — Рыжик поднял нож, поглядел на лезвие, на все еще блестящую, незапятнанную сталь. — Не могу я позволить тебе умирать. Так уж сложилось, сынок, что я врач.

Он решительно вонзил острие и сделал глубокий разрез. Раненый взвыл. Дико, нечеловечески.

Гонец осадил коня так резко, что из-под копыт брызнул дерн. Два адъютанта вцепились в узду, удержали покрытого пеной жеребца. Гонец спрыгнул на землю.

— От кого? — крикнул Ян Наталис. — Ты от кого?

— От господина де Руйтера... — выдавил гонец. — Мы остановили Черных... Но у нас очень большие потери... Господин де Руйтер просит помощи...

— Нет помощи, — после краткого молчания ответил коннетабль. — Вы должны выстоять. Должны!

— А здесь, — указал Рыжик с видом коллекционера, демонстрирующего свою коллекцию, — взгляните, дамы, прекрасный образчик удара в живот... Кто-то нас немного выручил, осуществив на несчастном любительскую лапаротомию*... Хорошо, что его несли заботливо, не растеряли по дороге важнейших органов... То есть я предполагаю, что не растеряли. Как считаешь, Шани? А почему вдруг такая мина, девочка? До сих пор ты знала мужчин исключительно снаружи?

— Поврежден кишечник, господин Рустин.

— Диагноз столь же точный, сколь и очевидный! Здесь даже осмотр не нужен, достаточно понюхать. Иоля, платок. Марта, все еще много крови, будь любезна, удели нам еще толику своей бесценной магии. Шани, зажим. Поставь сосудистую клемму, ты же видишь, что льется. Иоля, нож.

— Кто берет верх? — неожиданно совершенно здраво, хоть и не совсем членораздельно, спросил оперируемый, вращая вытаращенными глазами. — Скажите... кто... побеждает?

— Сынок, — Рыжик наклонился над раскрытой, кровавой и пульсирующей брюшной полостью, — поверь, это самое

* вскрытие брюшной полости (мед.).

последнее, о чем я стал бы беспокоиться, оказавшись на твоём месте!

...завязался тогда на крыле левом и в середине линии бой жестокий и кровавый, но тут, хоть и велики были ярость и напор Нильфгаарда, разбились их ряды о королевское войско, как волна морская разбивается, налетев на скалу, ибо отборный стоял здесь королевский солдат, боевые мариборские, вызимские и третогорские хоругви латников, а также вельми стойкий темерский ландскнехт, профессиональный наемник, коего конница не устрасила.

Так там и воевали, воистину как море со скалою суши, такой шел бой, в коем не угадаешь, кто верх берет, поелику хоть волны в скалу неустанно бьют, не слабеют, а отступают затем лишь, чтобы ударить снова, а скала стоит, как стояла, все ей средь волн бурных видать.

Иначе шло дело на королевского войска крыле правом.

Будто опытный ястреб, коий знает, куда упасть и насмерть клюнуть, так и фельдмаршал Менно Коегоорн знал, где удар нанести. Собрав в кулак железный свои отборные дивизии, копейщиков «Деитвен» и латников «Ард Феаинн», ударил он в стык линии повыше Золотого Пруда, туда, где стояли хоругви бруггенские. Бруггенцы геройское сопротивление оказывали, однако послабее показались и оружием, и духом. Не сдержали нильфгаардского напору. Вскачь помчались им на поддержку две бандеры Вольной Компании под старым кондотьером Адамом Панграатом и Нильфгаард остановили, обильно, однако же, заплатив за это своею кровию. Но стоящим на правом фланге краснолюдям из Добровольческой Рати страшная угроза окружения глянула в очи, а всему королевскому войску разорванием рядов загрозил.

Ярре погрузил перо в чернильницу. Внучата в глубине сада пискливо кричали, их смех звенел словно стеклянные колокольчики.

Однако же заметил грозящую опасность чуткий навроде журавля Ян Наталис, в миг единый уразумел, что там светит. И не мешкая гонца послал к краснолюдям с приказом полковнику Эльсу...

При всей своей семнадцатилетней наивности корнет Обри понимал, что добраться до правого крыла, передать приказ и снова вернуться на командирский холм можно самое большее за десять минут. Ни в коем случае не дольше. Конечно, на Чиките, кобыле изящной и быстрой как лань.

Однако еще прежде, чем он домчался до Золотого Пруда, корнет понял, что, во-первых, неизвестно, когда он доберется до правого крыла, и, во-вторых, неизвестно, когда ему удастся вернуться. И еще он понял то, что ему очень даже пригодится резвость Чикиты.

На поле, к западу от Золотого Пруда, кипел бой. Черные секлись с бруггенской конницей, защищающей боевые порядки пехоты. На глазах у корнета из скопища людей и коней внезапно, словно искры, словно осколки разбитого витража, выпали и беспорядочно рванулись к речке Хотли фигурки в зеленых, желтых и красных плащах. За ними черной рекой разливалась повода нильфгаардцев.

Обри резко осадил кобылу, рванул поводья, готовый развернуться и бежать, сойти с дороги беглецов и преследователей. Однако чувство долга взяло верх. Корнет прильнул к конской шее и пошел головокружительным галопом.

Вокруг стояли крик и рев, мелькали, как в калейдоскопе, фигурки, сверкали мечи, неслись звон и грохот. Некоторые припертые к пруду бруггенцы отчаянно сопротивлялись, сбившись в кучу вокруг знамени с якорным крестом. На поле Черные добивали рассеянную, лишенную поддержки пехоту.

Неожиданно все заслонил черный плащ со знаком серебряного солнца.

— Evgur, nordling!

Обри крикнул, поднятая криком Чикита сделала прямо-таки олений прыжок, спасая ему жизнь и вынося за пределы досягаемости нильфгаардского меча. Над головой засвистели стрелы, завывли бельты, в глазах снова замелькали разноцветные фигурки.

«Где я? Где свои? Где враг?»

— Evgur, morv, nordling!

Грохот, стук, ржание лошадей, крик.

— Стой, молокосос! Не туда!

Женский голос. Женщина на вороном жеребце, в доспехах, волосы развеваются, лицо забрызгано кровью. Рядом — конники в латах.

— Ты кто? — Женщина размазала кровь рукой, в которой держала меч.

— Корнет Обри... Флигель-адъютант коннетабля Наталиса... С приказом полковникам Пангратту и Эльсу...

— Тебе не добраться туда, где дерется «Адью». Давай к краснолюдям. Я — Джулия Абатемарко... Вперед, черт побери! Нас окружают! Галопом!

Он не успел возразить. Да и смысла не было.

Через две-три минуты сумасшедшего галопа из пыли возникла масса пехоты, квадрат, наподобие черепахи прикрытый панцирем из деревянных щитов и на манер подушечки для иголок ошетилившийся копиями. Над квадратом развевалось большое золотое знамя со скрещенными молотами, а рядом с ним торчал шест с конскими хвостами и человеческими черепами.

На квадрат, наскакивая и тут же отбегая, словно псы, рвущиеся укусить размахивающего палкой деда, бросались нильфгаардцы. Дивизию «Ард Феинн» из-за огромных солнц на их плащах невозможно было перепутать ни с какой другой.

— Бей, Вольная Компания! — крикнула женщина, закрутив мечом мельницу. — Отработаем дукаты!

Конники — а с ними и корнет Обри — ринулись на нильфгаардцев. Стычка длилась всего несколько минут. Но была жуткой. Потом стена щитов раскрылась перед ними. Они оказались внутри четырехугольника, в толпе, среди краснолюдов в кольчугах, шлемах с бармицами и остроконечных шоломах, среди реданской пехоты, легкой бруггенской кавалерии и закованных в латы кондотьеров.

Джулия Абатемарко (Сладкая Ветреница, кондотьерка, только теперь сообразил Обри) потянула его к пузатому краснолюду в шишаке, украшенном красной шкофией*, неуклюже сидящему на нильфгаардском коне в ладрах, в седле пикинеров с большими луками, на которое он взобрался, чтобы иметь возможность смотреть по-над головами пехотинцев.

— Полковник Барклай Эльс?

Краснолюд одобрительно кивнул шкофией, заметивши кровь, что забрызгала корнета и его кобылу. Обри невольно покраснел. Это была кровь нильфгаардцев, которых кондотьеры рубили рядом с ним. Сам он не успел даже меча вытянуть.

— Корнет Обри.

— Сын Анзельма Обри?

— Младший.

— Ха! Я знаю твоего отца! Что там у тебя от Наталиса и Фольгеста, корнетик?

— Центру группировки грозит прорыв... Господин коннетабль приказывает Добровольческой Рати как можно скорее

* небольшой султан на шлеме или военной шапке.

свернуть фланг и отойти к Золотому Пруду и речке Хотле... Чтобы поддержать...

Слова корнета заглушили рев, храп и визг коней. Обри вдруг сообразил, до чего бессмысленные он привез приказы. Как мало они значат для Барклая Эльса, для Джулии Абатемарко, для всего этого краснолюдского четырехугольника под золотым знаменем с молотами, развевающимся над черным морем окружающих, штурмующих со всех сторон нильфгаардцев.

— Я опоздал, — простонал он. — Я прибыл слишком поздно...

Сладкая Ветреница фыркнула. Барклай Эльс оскалился.

— Нет, малыш, — сказал он. — Просто Нильфгаард пришел слишком рано.

— Поздравляю дам и себя с удачной резекцией тонкого и толстого кишечника, спленектомией* и сшивкой печени. Обращаю внимание на время, понадобившееся нам, чтобы ликвидировать последствия того, что за доли секунды было сотворено нашему пациенту во время боя... Советую это воспринять как материал для философских размышлений. А теперь мазель Шани зашьет нам пациента.

— Но я этого еще никогда не делала, господин Русти.

— Когда-то надобно начинать. Шейте красное с красным, желтое с желтым, белое с белым. Так наверняка будет хорошо...

— Это ж надо! — рванул бороду Барклай Эльс. — Что ты говоришь? Что говоришь ты, младший сын Анзельма Обри? Что мы тут, получается, баклуши бьем? Мы, курва его мать, не дрогнули даже под напором! Ни на шаг не отступили! Не наша вина, что эти му... эээ... из Бругге не сдержали!

— Но приказ...

— Задом я давлю такие приказы!

— Если мы не закроем брешь, — перекричала рев Сладкая Ветреница, — Черные прорвут фронт. Фронт прорвут! Раскрой мне ряды, Барклай! Я ударю! Я прорвусь!

— Вырежут вас, прежде чем доберетесь до пруда! Погибнете там зазря.

— Так что ты предлагаешь?

Краснолюд выругался, сорвал с головы шишак, хватанул им о землю. Глаза у него были дикие, налитые кровью, страшные.

* удаление селезенки (мед.).

Чикита, напуганная криками, плясала под корнетом насколько позволяла теснота.

— Давай сюда Ярпена Зигрина и Денниса Кранмера! Мигом!

Оба краснолюда вырвались из яростного боя, это было видно с первого же взгляда. Оба были в крови. Стальной наплечник одного носил след настолько сильного удара мечом, что пластины встали торчком. У другого голова была обвязана тряпицей, сквозь которую проступала кровь.

— Все в порядке, Зигрин?

— Интересно, — вздохнул краснолюд, — почему все об этом спрашивают?

Барклай Эльс отвернулся, отыскал взглядом корнета и впил-ся в него глазами.

— Стало быть, так, самый младший сын Анзельма, — прохрипел он. — Король и коннетабль приказывают нам прийти и поддержать их? Ну, так раскрой глаза шире, корнетик. Будет на что посмотреть.

— Холера! — рывкнул Русти, отскакивая от стола и размахивая скальпелем. — Почему? Чертов хрен, почему так должно быть?

Никто ему не ответил. Марти Содергрэн только развела руками. Шани наклонила голову. Июля шмыгнула носом.

Пациент, который только что умер, глядел вверх, глаза у него были неподвижные и стеклянные.

— Бей-убивай! На погибель сволочам!

— Равняйся! — рычал Барклай Эльс. — Держи шаг! Держи строй! И плотней! Плотней, мать вашу так-растак!

«Мне не поверят, — подумал корнет Обри. — Ни за что мне не поверят, когда я стану об этом рассказывать. Этот квадрат дерется в полном окружении... Охваченный со всех сторон кавалерией, разрываемый на части, его рубят, давят, колют... И этот квадрат идет. Идет ровный, плотный, даже со щитами. Идет, переступая через трупы и топча их, толкает перед собой конницу, толкает перед собой элитную дивизию «Ард Феаинн». И идет».

— Бей!

— Держи шаг! Держи шаг! — рычал Барклай Эльс. — Держи строй! Песню, курва ваша мать, песню! Нашу песню! Вперед, Махакам!

Из нескольких тысяч краснолюдских плотов вырвалась знаменитая махакамская боевая песня.

Ху-у! Ху-у!
Строй держи! Печатай шаг!
Мы прикроем ваш бардак!
Нам не греться на печи!
В бой! Вперед, бородачи!
Ху-у! Ху-у!

— Бей-убивай! Вольная Компания! — В грозный рев краснолюдов врезалось, словно тонкое жало мизеркордии, высокое сопрано Джулии Абатемарко. Кондотьеры, вырываясь из строя, нападали на атакующий квадрат конников. Все это граничило с самоубийством. На наемников, лишенных защиты краснолюдских алебард, пик и щитов, обрушилась вся мощь нильфгаардского напора. Рев, крик людей, конский визг заставили корнета Обри невольно скорчиться в седле. Кто-то ударил его в спину, он почувствовал, как вместе с увязшей в толпе кобылой движется в сторону самого страшного столпотворения, самой жуткой резни. Обри крепче сжал рукоять меча, которая вдруг показалась ему скользкой и ужасно неудобной.

Через мгновение, вынесенный перед линией щитов, он уже рубил налево и направо, как безумный, и орал, как спятивший.

— Еще раз! — услышал он дикий крик Сладкой Ветреницы. — Еще одно усилие! Держитесь, парни! Бей-убивай! За дукаты, что как солнце золотые! Вольная Компания!

Нильфгаардский конник без шлема, с серебряным солнцем на плаще, ворвался в строй, поднялся на стременах, страшным ударом топора повалил краснолюда вместе со щитом, рассек голову другому. Обри вывернулся в седле и рубанул наотмашь. С головы нильфгаардца отлетел большой покрытый волосами кусок, сам он рухнул на землю. В тот же момент корнет тоже получил чем-то по голове и свалился с седла. Из-за давки он не сразу оказался внизу, несколько секунд висел, тонко визжа, между небом и землей и боками двух лошадей. Но хоть он досыта набрался страха, боли почувствовать не успел. Когда же наконец упал, подкованные копыта почти тут же размозжили ему череп.

Спустя шестьдесят пять лет старушка, которую попросили рассказать о том дне, о Бренненском поле, о краснолюдском

квадрате, двигавшемся к Золотому Пруду по трупам друзей и врагов, усмехнулась, еще сильнее сморщив уже и без того сморщенное и темное, как сушеная слива, лицо. Раздраженная — а может, только прикидывающаяся раздраженной, — она махнула дрожащей, костлявой, чудовищно скрученной артритом рукой.

— Никак, — зашепелявила она, — ни одна сторона не могла одолеть другую. Мы-то были внутри. В окружении. Они — снаружи. И мы просто-напросто убивали друг друга. Кхе-кхе-кхе... Они нас, мы их...

Старушка с трудом сдержала приступ кашля. Те из слушателей, которые были ближе, заметили на ее щеке слезу, с трудом пробивающую себе дорогу среди морщин и старых шрамов.

— Они были такими же мужественными, как и мы, — бормотала бабулька, которую некогда звали Джулией Абате-марко, Сладкой Ветреницей из Вольной Кондотьерской Компании... — Кхе-кхе-кхе... Мы были равно мужественными. И мы, и они.

Старушка замолчала. Ненадолго. Слушатели не торопили ее, видя, как она улыбается своим воспоминаниям. Своей храбрости. Маячившим в тумане забвения лицам тех, что героически погибли. Лицам тех, что героически выжили... Для того, чтобы потом их подло прикончила водка, наркотики и туберкулез.

— Да, мы были равно мужественны, — закончила Джулия Абате-марко, — ни одной стороне не удавалось набрать столько сил, чтобы быть более мужественной. Но мы... Нам удалось быть мужественными на одну минуту дольше.

— Марти, очень тебя прошу, дай нам еще малость своей чудесной магии! Еще совсем немного! В животе у этого бедолаги сплошная каша, вдобавок приправленная множеством проволочных колечек от кольчуги! Я ничего не могу сделать, он дергается, словно рыба, которую потрошат живьем! Шани, черт побери, держи крючки! Июля! Спишь, язви тебя? Зажим! Заажим!

Июля глубоко вздохнула, с трудом слотнула слюну, заполнявшую рот. «Сейчас я грохнусь в обморок, — подумала она. — Не выдержу, не вынесу больше этой вони, этой чудовищной мешанины запахов — крови, блевотины, кала, мочи, содержимого кишок, пота, страха, смерти. Не выдержу непрекращающегося крика, воя, скользких окровавленных рук, цепляющихся за

меня, словно я и верно их спасение, их бегство, их жизнь... Не перенесу бессмысленности того, что мы здесь делаем. Потому что это бессмысленность. Одна огромная, гигантская, бессмысленная бессмысленность.

Не перенесу усилий и усталости. Приносят все новых... И новых...

Я не выдержу. Сейчас меня начнет рвать. Сейчас я потеряю сознание. Какой позор...»

— Салфетку! Тампон! Кишечный зажим! Не этот! Мягкий зажим! Смотри, что делаешь! Еще раз ошибешься, дам тебе по рыжей башке! Слышишь? Тресну по рыжей башке!

«Великая Мелитэле! Помоги мне! Помоги мне, богиня!»

— Ну, извольте! Сразу исправилась! Еще один зажим, жрица! Клемму на кишки! Хорошо! Хорошо, Иоля, так держать! Марти, оботри ей глаза и лицо. И мне тоже...

«Откуда эта боль? — подумал коннетабль Ян Наталис. — Что у меня так болит?

Ах да!

Стиснутые кулаки!»

— Мы их доконаем! — крикнул, потирая руки, Кеес ван Ло. — Дождем их, господин маршал! Линия разваливается на стыке. Ударим! Ударим, не оттягивая, и, клянусь Великим Солнцем, они не выдержат! Разбегутся!

Менно Коегоорн нервно погрыз ноготь, сообразил, что на него смотрят, быстро вынул палец изо рта.

— Ударим, — повторил Кеес ван Ло спокойнее, уже не так взволнованно. — «Наузикаа» готова...

— «Наузикаа» должна стоять, — отрубил Менно. — Даэр-лянская тоже должна стоять. Господин Фаоильтиарна!

Командир бригады «Врихедд», Исенгрим Фаоильтиарна по прозвищу Железный Волк, обратил к маршалу страшное лицо, обезображенное шрамом, идущим через лоб, бровь, основание носа и щеку.

— Ударьте, — указал булавой Менно, — в стык Темерии и Редании! Туда!

Эльф отдал честь. Искалеченное лицо не дрогнуло, не изменилось выражение больших глубоких глаз.

«Союзники, — подумал Менно. — Альянты. Боремся вместе. Против общего врага.

Но я их вообще не понимаю, этих эльфов.
Они совсем другие.
Совсем чужие».

— Интересно. — Русти попытался вытереть лицо предплечьем, но предплечье тоже было в крови. На помощь пришла Иоля. — Любопытно, — снова проговорил хирург, указывая на пациента. — Его ткнули вилами или какой-то двузубой разновидностью гизармы... Один зуб пробил сердце. Вот, извольте взглянуть. Камера, несомненно, пробита, аорта почти отделена... А он еще минуту назад дышал. Здесь, на столе. Получив в самое сердце, он дотянул до стола...

— Вы хотите сказать, — угрюмо спросил конник из легкой волонтерской кавалерии, — что он умер? И мы напрасно тащили его к вам с поля боя?

— Никогда не бывает напрасно, — не отвел взгляда Русти. — А правду говоря — да, он мертв. Увы. Exitus*. Забирайте... Эх, холера... Киньте-ка глаз, девушки.

Марти Содергрэн, Шани и Иоля наклонились над трупом. Русти оттянул умершему веко.

— Вам когда-нибудь доводилось видеть подобное?

Девушки дрогнули, потом ответили.

— Да, — сказали они одновременно, переглянувшись слегка удивленно.

— Я тоже видел, — сказал Русти. — Это ведьмак. Мутант. Вот почему он жил так долго... Это был ваш брат по оружию, люди? Или вы принесли его случайно?

— Это был наш друг, господин медик, — угрюмо подтвердил другой волонтер, детина с перевязанной головой. — Из нашего эскадрона, доброволец, как и мы. Уж и мастер был с мечом обращаться! Койон — имя ему.

— Ведьмак?

— Ага. Но несмотря на все, порядочный был парень.

— Да, — вздохнул Русти, видя четырех солдат, несущих на набухшем и капающем кровью плаще очередного раненого, очень молодого, судя по тому, как тонко он был. — Да, жаль... Охотно взялся бы за вскрытие этого, несмотря на все, порядочного парня. И любопытство жжет, и диссертацию можно было бы написать, если б заглянуть ему внутрь. Но времени нет! Долой труп со стола! Шани, воды. Марти — дезинфекция!

* Кончина, смерть (лат.).

Июля, полей... Эй, девушка, опять слезы льешь? А теперь-то что?

— Ничего, господин Русти. Ничего. Все уже в порядке.

— Я чувствую себя, — повторила Трисс Меригольд, — так, словно меня ограбили.

Нэннеке долго не отвечала, глядя с террасы на храмовый сад, в котором жрицы и адептки копошились, занимаясь весенними работами.

— Ты свой выбор сделала, — сказала она наконец. — Ты избрала свой путь, Трисс. Свою судьбу. Добровольно. И жалеть не о чем.

— Нэннеке, — опустила глаза чародейка. — Я действительно не могу сказать тебе больше, чем сказала. Поверь — и прости.

— Кто я, чтобы прощать? И какая тебе польза от моего прощения?

— Я же вижу, — взорвалась Трисс, — как ты на меня смотришь! Ты и твои жрички! Вижу, как глазами спрашиваете: «Что ты тут делаешь, магичка? Почему ты не там, где Июля, Эурнэйд, Катъе? Мирра? Ярре?»

— Преувеличиваешь, Трисс!

Чародейка смотрела вдаль, на лес, синеющий за стенами храма, на дымы далеких костров. Нэннеке молчала. Мыслями она была не здесь. Там, где кипела битва и лилась кровь. Она думала о девушках, которых послала туда.

— Они, — проговорила Трисс, — отказали мне во всем.

Нэннеке молчала.

— Отказали во всем, — повторила Трисс. — Такие мудрые, такие рассудительные, такие логичные... Как им не верить, когда они говорят, что есть проблемы более важные и проблемки менее важные... что от менее важных надо отказываться не раздумывая, без тени сомнения, полностью посвятив себя более важным. Что нет смысла спасать людей, которых знаешь и любишь, потому что это всего лишь единицы, а судьбы единиц не сказываются на судьбах мира. Что бессмысленно вставать на защиту чести и идеалов, ибо все это пустые слова. Что истинное поле боя за судьбы мира находится в совершенно ином месте, и именно там-то будет идти борьба. А я чувствую себя ограбленной. Меня ограбили, не позволили совершать безумные поступки. Я не могу сломя голову, как безумная, поспе-

шить на помощь Цири, не могу как безумная мчаться, чтобы спасти Геральта и Йеннифер. Не могу даже участвовать в войне, в той войне, на которую убежал Ярре, на которую ты послала своих девочек... Мне отказали в возможности подняться на Холм. Еще раз встать там. Но только на этот раз — полностью осознавая продуманность и правильность такого решения.

— У каждого — свое решение и свой Холм, — тихо сказала первосвященница. — У каждого. И ты от своего не убежишь.

У входа в палатку образовалась толкучка. Принесли очередного раненого в сопровождении нескольких рыцарей. Один, в полной латной броне, покрикивал, командовал, подгонял:

— Двигайтесь, санитары! Живее! Несите его сюда, сюда! Эй ты, фельдшер!

— Я занят. — Русти даже головы не повернул. — Положите раненого на носилки. Я займусь им, как только закончу...

— Ты займешься им сейчас, дурной медикус! Ибо это сам благородный господин граф Гаррамон!

— У этого госпиталя, — Русти повысил голос, потому что застрявший во внутренностях раненого наконечник бельта снова выскользнул у него из щипцов, — у этого госпиталя очень мало общего с демократией. Сюда в основном приносят именно баронов, графов, маркизов и разных других всяких, что повыше рангом. А вот о раненых, что рангом пониже, мало кто заботится. Но все же некоторое равенство существует и здесь! Здесь, а именно — у меня на столе!

— Эй! Не понял?

— Не имеет значения, — Русти снова сунул в рану зонд и щипцы, — хам ли тот бедняга, у которого я сейчас пытаюсь вытащить из бебехов железаку, дворянин ли древнего рода, аристократ или скартебель*. Он лежит у меня на столе. А у меня, позволю себе заметить, князь стоит шута.

— И что?

— А то, что ваш граф подождет своей очереди.

— Ах ты, низушек затраханный!

— Помоги мне, Шани. Возьми другие щипцы. Осторожнее с артерией. Марти, еще немного магии, если можно попросить. У нас здесь ужасное кровотечение.

Рыцарь шагнул вперед, скрежеща зубами и латами.

* рыцарь низшего класса, имеющий право пользоваться лишь частью дворянских привилегий (средневековое, лат.).

— Я прикажу повесить тебя! Повесить прикажу, ты, не-людь!

— Молчи, Пепербок, — с трудом, кусая губы, проговорил раненый граф. — Молчи. Оставь меня здесь и возвращайся на поле боя...

— Нет уж, граф! Никогда!

— Это приказ.

Из-за полотна палатки долетели грохот и звон железа, конский храп и дикий вой. Раненые выли в лазарете на разные голоса.

— Прошу взглянуть. — Русти поднял щипцы и продемонстрировал вытянутый с таким трудом зазубренный наконечник бельта. — Эту цацку выковал профессионал, который получает за свой труд плату, позволяющую ему содержать многочисленную семью и попутно помогать развитию мелкого производства, а стало быть, содействовать повышению всеобщего благосостояния и не менее всеобщего счастья. А способ, которым эта прелесть держится в человеческих внутренностях, несомненно, защищен патентом. Да здравствует прогресс!

Он небрежно бросил окровавленный наконечник в ведро, глянул на раненого, потерявшего в ходе операции сознание.

— Защить и унести, — прошипел он. — Если посчастливится — выживет. Давайте следующего в очереди. Того, у которого разрублена голова.

— Он, — спокойно сказала Марти Содергрен, — очередь освободил. Только что.

Русти втянул и выпустил воздух, без лишних замечаний отошел от стола, склонился над раненым графом. Руки у него были испачканы, халат забрызган кровью, словно у резника. Даниель Эччеверриа, граф Гаррамон, побледнел еще больше.

— Ну-с, — просопел Русти, — очередь свободна, светлейший граф. Давайте его на стол. Так. Что тут у нас? Хо, от этого сустава уже не осталось ничего, что можно было бы спасти. Каша! Пульпа! Чем вы там дубасите друг друга, милсдарь граф, что до такой степени раздалбливаете себе мослы? Ну-с, будет немного больно, милостивый государь. Немножко поболит. Но прошу не волноваться. Будет совсем как в бою. Жгут! Нож! Ампутуруем, ваша милость.

Даниель Эччеверриа, граф Гаррамон, до сих пор державшийся с должным достоинством, взвыл волком. Прежде чем успел стиснуть от боли челюсти, Шани быстрым движением сунула ему в рот между зубами затычку из липового сучка.

— Ваше королевское величество! Господин коннетабль!

— Говори, парень!

— Добровольческая Рать и Вольная Компания держат перешеек около Золотого Пруда... Краснолюды и кондотьеры стоят твердо, хоть все в крови... Говорят, «Адью» Пангратт убит. Фронтин убит. Джулия Абатемарко убита... Все, все убиты. Дорианская хоругвь, что шла им на помощь, уничтожена...

— Резерв, милсдарь коннетабль, — тихо, но четко проговорил Фольтест. — Если хотите знать мое мнение, пора вводить резервы. Пусть Бронибор бросит на Черных свою пехоту! Сейчас же! Немедленно! Иначе они разрубят наш стык, а это конец.

Ян Наталис не ответил, уже издали видя очередного связника, мчащегося к ним на лошади, разбрасывающей клочья пены.

— Отдышись, парень. Отдышись и говори складно!

— Фронт прорвали... эльфы из бригады «Врихедд»... Господин де Руйтер сообщает вашим превосходительствам...

— Что сообщает? Говори!

— Что пора спасать жизнь.

Ян Наталис воздел очи горе.

— Бленкерт! — сказал он глухо. — Да явится Бленкерт! Или да опустится ночь.

Земля вокруг палатки задрожала под копытами, полотно, казалось, вспучилось от конского ржания и громких криков. В палатку ворвался солдат, вслед за ним два санитары.

— Бегите все! — зарычал солдат. — Спасайтесь! Нильфгаард бьет наших! Гибель! Гибель! Поражение!

— Клемму. — Русти отвел лицо от струйки крови, энергичным и живым фонтаном бьющей из артерии. — Зажим! И тампон! Зажим, Шани! Марти, сделай, пожалуйста, что-нибудь с этим кровотечением...

Совсем рядом с палаткой кто-то взвыл зверем. Отрывисто. Завизжала лошадь, что-то рухнуло на землю со звоном и грохотом. Бельт из арбалета с треском прорвал полотно, зашипел, вылетел с противоположной стороны, к счастью, слишком высоко, чтобы угрожать лежащим на носилках раненым.

— Нильфгаард! — снова крикнул солдат высоким, дрожащим голосом. — Господа фершела! Не слышите, что ль, что говорю-то? Нильфгаард прорвал королевскую линию, идет и крошит! Бегиия! Бегиия!

Русти взял у Марти Содергрэн иглу, сделал первый стежок. Оперлируемый уже долгое время не двигался. Но сердце билось. Это было видно.

— Не хочу умирать! — заорал кто-то из находившихся в сознании раненых. Солдат выругался, прыгнул к выходу, что-то крикнул, рухнул назад и, разбрызгивая кровь, свалился на глинобитный пол. Июля, стоявшая на коленях у носилок, вскочила на ноги, попятилась.

Неожиданно стало тихо.

«Скверно, — подумал Русти, увидев, кто входит в палатку. — Эльфы. Серебряная Молния. Бригада «Врихедд». Прославленная бригада «Врихедд».

— Мы здесь, получается, лечим, — отметил факт первый из эльфов, высокий, с удлинённым, красивым, выразительным лицом и большими васильковыми газами. — Лечим?

Никто не отозвался. Русти чувствовал, как у него начинают дрожать руки. Он быстро отдал иглу Марти. Увидел, что у Шани побелели лоб и переносица...

— Как же так? — сказал эльф, зловеще растягивая слова. — Зачем же мы там, в поле, раним? Мы там, в бою, раним для того, чтобы из-за этих ран умирали. А вы, стало быть, лечите? Я вижу в этом полное отсутствие логики. И единства интересов.

Он сгорбился и, почти не размахиваясь, вонзил меч в грудь раненого, лежащего на носилках, что ближе стояли к входу. Другой эльф пригвоздил второго раненого шпontonом. Третий раненый, бывший в сознании, попытался отвести удар левой рукой и толсто перебинтованной кулётёй правой.

Шани крикнула. Тонко, пронзительно. Заглушая тяжелый, нечеловеческий стон убиваемого калеки. Июля, кинувшись к носилкам, прикрыла собой следующего раненого. Лицо побелело у нее как ткань бинта, губы начали непроизвольно дрожать. Эльф прищурился.

— *Va vort, beanna!* — пролаял он. — Иначе я продырявлю тебя вместе с твоим *Dh'oine!*

— Вон отсюда! — Русти тремя прыжками подскочил к Иоле, засллонил ее. — Вон из моей палатки, убийца! Выматывайся отсюда туда, на поле. Там твое место. Среди других убийц. Можете поперебивать друг друга там, если вам не терпится! Но отсюда — вон!

Эльф глянул вниз. На трясущегося от страха пузатого низушка, макушкой курчавой головы достающего ему лишь точку выше пояса.

— Bloede Pherian, — зашипел он. — Людской лакей! Прочь с дороги!

— Ну уж нет. — Зубы низушка стучали, но слова были четкими.

Второй эльф подскочил, подтолкнул хирурга древком шпонта. Русти упал на колени. Высокий эльф грубым рывком стащил Иолю с раненого, занес меч.

И замер, видя на черном, свернутом под головой раненого плаще язычки серебряного пламени дивизии «Деитвен». И полковничьи знаки различия.

— Yaevinn! — крикнула, влетая в палатку, эльфка с темными, заплетенными в косу волосами. — Caemm, veloe! Ess'evgyriad a'Dh'oine a'en va! Ess'teddi!

Высокий эльф несколько секунд глядел на раненого полковника, потом перевел взгляд на слезящиеся от ужаса глаза хирурга. Посмотрел, развернулся на каблуках и вышел.

Из-за полотна палатки снова донеслись топот, крик и звон железа.

— Вперед на Черных! Бей-убивай! — орали тысячи глоток.

Кто-то взвыл по-звериному, вой перешел в чудовищный хрип.

Русти попытался встать, но ноги не слушались его. Руки тоже не очень.

Иоля, сотрясаемая спазмами сдерживаемых рыданий, скорчилась рядом с носилками раненого нильфгаардца. В положении плода.

Шани плакала, не пытаясь скрыть слезы. Но крючки держала. Марти спокойно шила, только губы у нее двигались в каком-то немом, беззвучном монологе.

Русти, все еще не в силах встать, сел. Встретился взглядом с вжавшимся в угол палатки санитаром.

— Плесни мне водки, — с трудом проговорил он. — Только не говори, что у тебя нет. Знаю я вас, шельмецов. У вас всегда есть.

Генерал Бленгейм Бленкерт поднялся на стременах и вытянул шею на манер журавля, прислушиваясь к звукам боя.

— Развернуть строй, — приказал он командирам. — А за тем вон холмом сразу в рысь. Из слов разведчиков следует, что мы выйдем прямо на правое крыло Черных.

— И покажем им, где раки зимуют! — тонко крикнул один из лейтенантов, юноша с шелковистыми и еще очень редкими усиками.

Бленкерт косо глянул на него.

— Отряд со штандартом вперед! — приказал он, вынимая меч. — А при атаке кричать «Редания!». Кричать что есть мочи! Пусть парни Фольтеста и Наталиса знают, что идет подмога.

Граф Кобус де Руйтер рубился во множестве битв четырнадцать лет, с шестнадцатого годка жизни, и у него в генах, несомненно, выработалось что-то такое, что позволяло ему, Кобусу де Руйтеру, воспринимать рев, крик и ор битвы как симфонию, концерт для барабана с оркестром, хотя для любого другого боевой рев и ор были не чем иным, как все заглушающим криком и грохотом.

Вот и сейчас граф де Руйтер моментально различил в концерте новые ноты, аккорды и оттенки.

— Уррра, парни! — зарычал он, размахивая булавой. — Редания! Редания идет! Орлы! Орлы!

С севера, из-за холмов, к полю боя катился вал конницы, над которой плескались амарантовые флажки и большой гонфалон* с серебряным реданским орлом.

— Помощь! — рывкнул Руйтер. — Помощь идет! Уррррааа! Громи Черных!

Будучи солдатом в восьмом поколении, он мгновенно засек, что нильфгаардцы сворачивают фланг, пытаясь развернуть его навстречу наступающей коннице плотным фронтом. Он знал, что этого допустить нельзя.

— За мной, — прокричал граф, вырывая из рук хорунжего штандарт. — За мной! Трегогорцы, за мной!

Они ударили. Ударили самоубийственно, страшно. Но действительно. Нильфгаардцы из дивизии «Венендаль» сломали строй, и на них с ходу налетели реданские хоругви. В небо вознесся страшный гул.

Кобус де Руйтер уже не видел и не слышал этого. Шальной бельт угодил ему прямо в висок. Граф повис в седле и упал с лошади, словно саваном накрывшись штандартом. Восемь поколений де Руйтеров, polegших до него в боях и следивших сейчас за битвой из иного мира, одобрительно кивали головами.

— Можно сказать, господин ротмистр, нордлингов в тот день спасло чудо. Либо стечение обстоятельств, которого никто не

* большое знамя, укрепленное короткой стороной на поперечине и имеющее вырез в свисающей стороне (gonfalone, *ит.*).

мог предвидеть. Правда, Рестиф де Монтолон пишет в своей книге, что маршал Коегоорн совершил ошибку при оценке сил и намерений противника. Что пошел на неоправданный риск, разделив Группу Армий «Центр» и двинув кавалерийский резерв. Что рискованно принял бой, не обладая по крайней мере троекратным превосходством. И что пренебрег разведкой, не обнаружил реданской армии, идущей на помощь.

— Кадет Путткаммер! Сомнительной ценности «произведения» господина де Монтолона нет в программе нашей школы! А его императорское величество даже изволили весьма критически отозваться об этой книжонке! Посему, кадет, извольте не цитировать ее здесь. Вы меня просто удивляете. До сих пор ваши ответы были вполне хорошими, очень точными, и вдруг вы, кадет, начинаете толковать нам о чудесах и стечениях обстоятельств и наконец позволяете себе критиковать способности командиров Менно Коегоорна, одного из крупнейших военачальников, каких породила империя. Кадет Путткаммер и остальные господа кадеты, соизвольте намотать себе на несуществующие у вас усы и запомнить, если вы всерьез думаете сдать цензовый экзамен, что решающую роль в битве под Бренной сыграли никакие не чудеса или случайности, а заговор! Враждебные диверсионные силы, подрывные элементы, подлые возмутители порядка, космополиты, политические банкроты, предатели и изменники! Язва, которую впоследствии выжгли каленым железом! Однако прежде, чем это случилось, подлые предатели собственной нации плели свои паучьи сети и готовили силки подвохов. Именно они одурманили и предали тогда маршала Коегоорна, обманули его и ввели в заблуждение! Это они, подлецы без чести и веры, привыкшие...

— Сукины дети, — повторил Менно Коегоорн, не отрывая глаз от подозрительной трубы. — Просто-напросто сукины дети. Но я вас отыщу, погодите, я вас научу заниматься разведкой! Де Вингальт! Ты лично разыщешь офицера, командовавшего патрулем за холмами на севере. Всех, весь патруль, прикажешь повесить.

— Слушаюсь! — щелкнул каблуками Удер де Вингальт, адъютант маршала. Откуда ему было знать, что Ламарр Флаут, тот самый офицер патруля, именно в этот момент умирает под копытами лошадей атакующего с фланга секретного резерва нордлингов, того самого, которого он не обнаружил. Де Вингальт не мог также знать, что и ему самому жить осталось всего два часа.

— Сколько их там, господин Трахе, — Коегоорн по-прежнему не отрывал подозрительной трубы от глаз, — по-вашему?

— Не меньше десяти тысяч, — сухо ответил командир Седьмой Даэрлянской. — В основном реданцы, но я вижу также шевроны Аэдиерна. Есть и единорог, значит, там же и Каэдвен... В количестве не меньше хоругви...

Хоругвь шла галопом, из-под копыт летели песок и гравий.

— Вперед, Бурая! — орал пьяный, как всегда, сотник Полугарнец. — Бей-руби! Каэдвееен! Каэдвееен!

«Язви его, ссать хоцца, мочи нет! — подумал Зывик. — Надуть было отлить загодя перед боем... Теперича могу не успеть!»

— Вперед, Бурая!

«Вечно Бурая! Ежели где хреново, так — Бурая! Кого посылали экспедиционным корпусом в Темерию? Бурую. Завсегда Бурая. А мне ссать хоцца».

Подлетели. Зывик рывкнул, вывернулся в седле и рубанул от уха, разрубив наручье и плечо коннику в черном плаще с серебряной восьмиконечной звездой.

— Бурая! Каэдвееен! Бей-убивай!

С грохотом, лязгом и звоном, в реве людей и визге лошадей Бурая, она же — Медвежья, хоругвь сбилась с нильфгаардцами.

— Де Меллис-Сток и Брайбан справятся с их подмогой, — спокойно сказал Элан Трахе, командир Седьмой Даэрлянской бригады. — Силы уравнены, ничего плохого пока не случилось. Дивизия Тырконнеля уравнивает левый фланг, «Магна» и «Венендаль» сдерживают правый. А мы... Мы в силах перевесить чашу, господин маршал...

— Ударить в стык, исправить положение после эльфов, — сразу же понял Менно Коегоорн. — Выйти на тылы, вызвать панику. Правильно! Так мы и поступим, клянусь Великим Солнцем! По частям, господа! «Наузикаа» и Седьмая, пришел ваш час!

— Да здравствует император! — крикнул Кеес ван Ло.

— Господин де Вингалт, — повернулся маршал, — возьмите адъютантов и эскадрон охраны. Хватит им бездельничать! Идем в бой вместе с Седьмой Даэрлянской.

Удер де Вингалт слегка побледнел, но тут же взял себя в руки.

— Да здравствует император! — крикнул он во весь голос. И голос у него почти совсем не дрожал.

Русти резал, раненый выл и скреб стол. Июля, героически сражаясь с головокружениями, смотрела за повязками, жгутами и зажимами. От входа в палатку доносился возбужденный голос Шани:

— Куда? Вы что, сдурели! Тут живые ждут спасения, а вы претесь с трупом?

— Но это же сам барон Анзельм Обри, лично, мазель фершелша! Это ж командир хоругви!

— Был командир хоругви. А сейчас — покойник! Вам удалось притащить его сюда одним куском только потому, что у него плотные латы! Забирайте! Здесь лазарет, а не морг!

— Но, мазель фершелша...

— Не загораживайте вход! Видите, несут такого, который еще дышит. Во всяком случае, мне кажется, что дышит. Потому что это могут быть лишь пер... э... газы выходят.

Русти хмыкнул, но тут же насупился.

— Шани! Немедленно ко мне! Запомни, девчонка, — проговорил он сквозь стиснутые зубы, наклонившись над разрубленной ногой. — Хирург может позволить себе быть циничным только после десяти лет практики. Запомнила?

— Ага, господин Русти.

— Бери респиратор и оттяни надкостницу... А, дьявольщина, надо бы еще немного обезболить... Где Марти?

— Блюет за палаткой, господин Русти, — без всякого цинизма ответила Шани. — Как обожравшаяся кошка.

— Чародей, — Русти взял пилу, — чем выдумывать бесчисленные заклинания, страшные и могущественные, лучше б сосредоточились на придумывании одного-единственного. Такого, которое позволило бы им наводить мелкие чары. Например, обезболивающие. Но — запросто. И без блевания.

Пила заскрипела и захрустела на кости. Раненый выл.

— Туже повязку, Июля.

Кость наконец поддалась. Русти обработал ее долотом, отер лоб.

— Сосуды и нервы, — сказал он машинально и напрасно, потому что, прежде чем успел закончить фразу, девушки уже зашивали. Он снял со стола ампутированную ногу и бросил в угол, на кучу других ампутированных конечностей. Раненый уже какое-то время не ревел и не выл.

— Обморок или умер?

— Обморок, господин Русти.

— Хорошо. Зашей культю, Шани. Давайте следующего! Июля, пойдй проверь, Марти уже все... выблевала?

— Интересно, — тихонько сказала Июля, не поднимая головы, — а сколько лет практики у вас, господин Русти? Сто?

После нескольких минут форсированного, удушающего пылью броска ругань сотников и десятников наконец остановила и развернула в линию вызимские подразделения. Ярре, задыхаясь, как рыба ловя воздух ртом, увидел воеводу Бронибора, красовавшегося перед строем на своем изумительном жеребце, покрытом пластинами ладр. Сам воевода тоже был в полных латах, покрытых голубыми полосками, благодаря чему казался огромной жестяной макрелью.

— Ну, как дела, недотепы?

Шеренги пикинеров ответствовали гудливым, как далекий гром, бурчанием.

— Попердываете, значит, — констатировал воевода, разворачивая выраженного в ладры коня и двигаясь вдоль строя. — Стало быть, чувствуете себя хорошо. Потому что, когда вы чувствуете себя скверно, то не пердите вполголоса, а воете и скулите, словно вас вот-вот повесят. По мордам вижу, что вы так и рветесь в бой, что мечтаете о битве, что уже не в силах дожидаться нильфгаардцев! Ну что, вызимские разбойники? У меня для вас добрая весть! Ваши мечты через минуту исполнятся. Через малюсенькую, я бы сказал, мгновенную минутку.

Пикинеры снова загудели. Бронибор доехал до конца строя, завернул и продолжал, постукивая булавой по изукрашенной луке седла:

— Нажрались пыли, пехтура, за латниками идучи! М-да, пока что вместо славы и добычи вы нюхали конскую бздень. Еще б немного, и даже сегодня, когда возникла большая необходимость, вы не попали бы на поле боя. Но вам посчастливилось, поздравляю вас от всего сердца! Здесь, у деревни, название которой я позабыл, вы наконец-то покажете, на что способны и чего стоите как войско. Туча, которую вы видите в поле, это нильфгаардская конница, намеревающаяся раздолбать нашу армию фланговым ударом, столкнуть нас и утопить в болотах речки, название которой я позабыл тоже. Вам, славным вызимским пикинерам, по милости короля Фольтеста и коннетабля Наталиса выпала честь закрывать бреши, которые

возникнут в наших стройных рядах. И эти бреши вы закроете собственными, я бы так сказал, грудями, сдержите нильфгаардскую атаку. Ну как, ликуете, кумовья? Распирает вас гордость, а? Распирает, спрашиваю?

Ярре, стискивая древко пики, осмотрелся. Никаких признаков ликования по поводу перспективы близкого боя видно не было, а если солдат и распирала гордость в связи с доверенной им честью закрывать бреши собственными, как выразился воевода, грудями, то «пехтура» весьма умело эту гордость скрывала. Мэльфи, стоявший по правую руку от Ярре, бормотал под нос молитвы. Слева посапывал, сквернословил и нервозно кашлял профессиональный служака Делакс.

Бронибор завернул жеребца, выпрямился в седле.

— Не слышу! — рявкнул он. — Я спрашивал, распирает ли вас, курва, гордость?

На сей раз пикинеры, не видя другого выхода, заорали в один голос, что их, да, распирает. Ярре тоже орал. Ежели все, так уж все. Чего там!

— Ладно! — Воевода остановил жеребца перед строем. — А теперь построиться как подобает! Сотники, чего ждете, мать вашу так-растак! Выстроить квадраты! Первая шеренга на одно колено, вторая — стоять! Пики выставить. Да не тем концом, идиоты! Да, да, тебе говорю, ты, обросшее чудо лесное. Выше, выше наконечники, мужики! Сомкнуть ряды, теснее, плотнее, плечо к плечу! Ну, теперь прилично! Почти совсем как войско!

Ярре оказался во второй шеренге. Он крепко уперся концом пики в землю, стиснул древко вспотевшими от страха руками. Мэльфи непрерывно бормотал слова молитвы за упокой души погибающих. Делакс неразборчиво ворчал, твердил бесконечно, мусолил одни и те же слова, касающиеся деталей интимной жизни нильфгаардцев, кобелей, королей, коннетаблей, воевод и матерей всех вышеперечисленных вместе взятых.

Туча в поле росла.

— Эй, не пердеть там, не стучать зубами! — рявкнул Бронибор. — Если думаете своей вонью напугать нильфгаардских лошадей, то ошибаетесь. И не обольщайтесь! То, что на нас прет, называется бригада «Наузикаа» и Седьмая Даэрлянская, известные боевые, прекрасно выученные воины! Их не испугаешь! Их не победишь! Их надо поубивать! Выше пики, мать...

Издали уже доносилась тихая, но быстро усиливающаяся барабанная дробь копыт. Задрожала земля. В туче пыли за-сверкали, словно искры, мечи.

— На ваше засранное счастье, вызимские герои, — снова заревел воевода, — пехотная пика нового модернизированного образца имеет в длину двадцать один фут! А в нильфгаардском мече всего три фута с половиной. Надеюсь, считать-то вы умеете? Так знайте, они тоже умеют. Но рассчитывают на то, что вы не устоите, что из вас выпрет наружу ваше истинное естество и тем самым подтвердит и покажет, что вы засранцы, трусы и паршивые овцы! Я четко излагаю? Ну, ладно! Проще сказать, Черные рассчитывают на то, что вы отбросите свои жерди и кинетесь бежать, а они станут вас нагонять на поле и долбать по хребтам, задницам и шеям, сечь с удобствами и без трудностей. Запомните, стервецы, что, хоть страх придает пяткам прямо-таки невероятную летучесть, от конников вам не убежать. Кому жизнь дорога, кому мила слава и добыча, тот должен стоять! Стоять твердо! Стоять стеной! И смыкать строй!

Ярре оглянулся. Стоявшие за линией пикинеров арбалетки уже крутили рукоятки, внутренняя часть квадрата оцетинулась острыми гизарм, рансер, алебард, глевий, кос, рунков и вил. Земля дрожала все сильнее, в черной стене надвигающейся конницы уже можно было различить отдельные фигуры наездников.

— Мама, мамочка, — повторял дрожащими губами Мэльфи. — Мама, мамочка...

— М... мать твою, — бурчал Делаке.

Топот нарастал. Ярре хотел облизнуть губы, но не сумел. Язык отказался вести себя нормально, сделался твердым, как инородное тело, и сухим как щепка. Топот нарастал.

— Сплотиться! — рявкнул Бронибор, выхватывая меч. — Чувствовать плечо соседа! Помните, ни один из вас не дерется в одиночку! А единственное средство против страха, который вы чувствуете, это пика в кулаке! Готовься к бою! Пики — на грудь лошади! Ну, что будем делать, вызимские разбойники? Я спрашиваю!

— Стоять твердо, — проорали в один голос пикинеры. — Стоять стеной! Держать строй!

Ярре тоже орал. Уж ежели все, так все. Чего уж! Из-под копыт мчащейся клином конницы вырывались песок, щебень и дерн. Атакующие орали не хуже демонов, размахивали оружием. Ярре нажал на пику, втянул голову в плечи и крепко зажмурился.

* * *

Ярре, не отрываясь от работы, резким движением культи отогнал кружащую над чернильницей осу.

Ничего не дала задумка маршала Коегоорна, его фланговый отряд остановила героическая вызимская пехота под командованием воеводы Бронибора, заплатив большую кровью за свое геройство. А пока вызимцы отпор ставили, на левом крыле нильфы рассыпались — одни кинулись в бегство, другие сбивались в кучи и кучами же оными защищались, со всех сторон окруженные. Почти то же деелось и на правом крыле, где ярость краснолюдов и кондотьеров вконец над императором Нильфгаарда верх взяли. На всем фронте возвился единый крик триумфа, а в сердце королевских рыцарей новый дух вступил. В нильфгаардцах же дух пал, руки их занемели, и наши принялись их лущить, из панцирей ихних выколачивая навроде гороха, так что прям-таки эхо прокатилось.

И понял фельдмаршал Коегоорн, что баталия проиграна, увидел, как гибнут и разваливаются вокруг него бригады.

И тут прибежали к нему офицеры, а также рыцари, коня подводя свежего, взывая, дабы уходил Коегоорн, спасал свой живот. Но неустрашимо было сердце в груди нильфгаардского маршала. «Негоже, — воскликнул он, протянутые ему поводья отвергаючи. — Негоже, дабы я, будто трус какой, сбежал с поля боя, на коем под моего команду столько добрых мужей за империю жизнь свою отдали!» И добавил мужественный Менно Коегоорн...

— Уж некуда бежать, — спокойно и рассудительно добавил Менно Коегоорн, осматривая поле. — Окружили нас со всех сторон.

— Дайте ваш плащ и шлем, господин маршал. — Ротмистр Сииверс отер со лба кровь и пот. — Берите мои! Слезьте с жеребца, возьмите моего... Не возражайте! Вы обязаны жить! Вы необходимы империи, незаменимы... Мы, даэрлянцы, ударим по нордлингам, притянем их на себя, а вы попытайтесь пробиться туда, вниз, пониже рыбного пруда...

— Не выбраться вам отсюда, — проворчал Коегоорн, хватая поданные поводья.

— Это честь, — выпрямился в седле Сииверс. — Я — солдат. Из Седьмой Даэрлянской! Ко мне, друзья! Ко мне!

— Успеха вам, — буркнул Коегоорн, набрасывая на плечи даэрлянский плащ с черным скорпионом на плече. — Сииверс!

— Я здесь, господин маршал.

— Нет, ничего. Удачи тебе, парень.

— И вам да сопутствует счастье, господин маршал. По коням, друзья!

Коегоорн глядел им вслед. Долго. До тех пор, пока группа Сииверса с гиком и грохотом не столкнулась с кондотьерами. С численно превосходящим отрядом, которому к тому же на подмогу тут же поспешили другие. Черные плащи даэрянцев исчезли, скрылись среди кондотьерской серости. Все утонуло в пыли.

Коегоорна привело в себя нервное покашливание де Вингальта и адъютантов. Маршал поправил стременной ремень и тебеньки, усмирил беспокойного жеребца, скомандовал:

— По коням!

Вначале им везло. У выхода ведущей к реке долинки яростно оборонялся быстро тающий, сбившийся в ошестинившееся остриями кольцо отряд недобитых бойцов бригады «Наузикаа», на котором нордлинги сейчас сосредоточили весь напор и всю силу, стараясь пробить брешь в их кольце.

Совсем, однако, просто у небольшой группы маршала дело не прошло — приходилось прорубаться сквозь лавину легкой волонтерской конницы, судя по знакам — бругтенской. Бой был короткий, но зверски яростный. Коегоорн уже растерял и отбросил последние крохи патетического героизма, сейчас он хотел только одного — выжить. Не оглядываясь на секущийся с бругтенцами эскорт, прижавшись к конской шее, он с адъютантами помчался к реке.

Путь был свободен, за речкой, за кривыми вербами, раскинулась пустая равнина, на которой не было видно и следа вражеских войск. Мчавшийся рядом с Коегоорном Удер де Вингальт тоже увидел это и торжествующе вскрикнул.

Рановато.

От ленивого и мутного течения речки их отделял заросший ядовито-зеленым горцем луг. Когда они на полном галопе влетели туда, кони неожиданно провалились в трясины по животы.

Маршал перелетел через голову лошади и шлепнулся в болото. Вокруг ржали и визжали лошади, кричали барахтающиеся в грязи и покрытые зеленым горцем люди. Среди этого хаоса он неожиданно услышал другой звук. Звук, означающий смерть.

Шипение перьев.

По бедра в вязкой трясине, Коегоорн пытался пробиться к руслу реки. Продирающийся рядом адъютант вдруг рухнул лицом вниз, маршал успел заметить бельт, торчащий у него в спине по самые перья. В тот же миг почувствовал страшный удар в голову. Покачнулся, но не упал, завязнув в тине и трясине. Хотел крикнуть, но смог только захрипеть. «Жив, — подумал он, пытаясь выбраться из объятий липкого месива. Вырывающийся из топи конь ударил его по шлему, вдавленный глубоко металл разбил щеку, выбил зубы и покалечил язык... — Исхожу кровью... глотаю кровь... Но живу...»

Снова щелчок тетивы, шипение перьев, звон и скрежет пробивающихся латы бельтов, визг и ржание лошадей, хлопанье, брызги крови. Маршал оглянулся и увидел на берегу стрелков: маленькие, плотные, коренастые фигурки в кольчугах, шлемах с бармицами и островерхих шоломах. «Краснолюды», — подумал он.

Щелчок тетивы, свист бельта. Визг обезумевших лошадей, крики людей, заглушаемые водой и топью.

Обернувшийся к стрелкам Удер де Вингалт высоким писклявым голосом завопил, что сдается, умолял спасти, упрашивал оставить его в живых. Видя, что никто не понимает его слов, он поднял над головой меч, схватил за клинок. Международным, почти всекосмическим жестом подчинения протянул меч в сторону краснолюдов. Но не был ими понят или же был понят неверно, потому что два бельта тут же угодили ему в грудь с такой силой, что удар просто вырвал его из трясины.

Коегоорн сорвал с головы вдавленный в нее шлем. Он достаточно хорошо знал всеобщий язык нордлингов.

— Я маршал Коегоорн... — забормотал он, отплеываясь кровью, — малал... Коогоо... Сдаюсь... Профу... Плофтите...

— Чего он там плетет, Золтан? — удивился один из краснолюдов.

— А хрен их поймет с их трепом! Видишь шитье на плаще, Мунро?

— Серебряный скорпион! Хо-хо! Ребята, а ну, давай в сукина сына! За Калеба Страттона!

— За Калеба Страттона!

Щелкнули тетивы. Один бельт угодил Коегоорну в грудь, второй — в бедро, третий в ключицу. Фельдмаршал Нильфгардской Империи перевернулся на спину, повалился в жидкое

месиво, горец и топь поддались под его тяжестью. «Кто, — успел он еще подумать, — такой этот Калев Страттон? Никогда в жизни не слышал ни о каком Калеве...»

Мутная, густая, кроваво-грязная вода речки Хотли сомкнулась над его головой и ворвалась в легкие.

Она вышла из палатки, чтобы глотнуть свежего воздуха. И тут увидела его, сидевшего на земле возле скамейки кузнеца.

— Ярре!

Он поднял на нее глаза. В глазах была пустота.

— Иоля? — спросил он, с трудом шевеля пересохшими губами. — Откуда ты...

— Во, вопросик! — тут же перебила она. — Лучше скажи, откуда ты здесь взялся?

— Мы принесли нашего командира... Воеводу Бронибора... Раненого...

— Ты тоже ранен. А ну, покажи руку. О богиня! Ты же изойдешь кровью, парень!

Ярре глядел на нее, а Иоля вдруг усомнилась в том, что он ее видит.

— Идет бой; — сказал юноша, слегка постукивая зубами. — Надо стоять стеной... Сомкнув ряды. Легко раненные должны носить в лазарет... раненных тяжело. Приказ.

— Покажи, говорю, руку.

Ярре коротко взвыл, зубы принялись отбивать дикое стакато. Иоля поморщилась.

— Ого-го. Скверно это выглядит... Ох, Ярре, Ярре... Вот увидишь, матушка Нэннеке будет недовольна... Пошли со мной.

Она заметила, как он побледнел, когда увидел, когда почувствовал висящую под полотном палатки вонь. Покачнулся. Она поддержала его. Видела, что он смотрит на залитый кровью стол. На лежащего там человека. На хирурга, маленького низушка, который вдруг подпрыгнул, затопал ногами, грубо выругался и бросил на землю скальпель.

— Черт! Курва! Почему? Зачем все так? Кому это нужно?

Никто ему не ответил.

— Кто это был?

— Воевода Бронибор, — еле слышно пояснил Ярре, глядя вперед пустыми глазами. — Наш командир... Мы стояли твердо в строю. Приказ. Как стена. А Мэльфи убили...

— Господин Русти, — попросила Иоля. — Этот парень — мой знакомый... Он ранен...

— На ногах держится, — холодно бросил хирург. — А тут один почти умирающий ждет трепанации. Здесь никакие знакомства не имеют значения...

В этот момент Ярре с большим чувством драматизма ситуации потерял сознание и повалился на глинобитный пол. Ни-зушек фыркнул.

— Ну хорошо. На стол его, — скомандовал он. — Ого, неплохо разделали руку. На чем это, интересно, держится? Пожалуй, на рукаве? Жгут, Иоля! Тугой! И не вздумай плакать! Шани — пилу.

Пила с отвратительным скрежетом вгрызалась в кость выше локтевого сустава. Ярре очнулся и зарсвел. Ужасно, но коротко... Потому что, когда кость поддалась, он тут же снова потерял сознание.

Так вот и получилось, что могущество Нильфгаарда приказало долго жить в пыли и прахе на бренненских полях, а на движении империи на север был положен окончательный крест. Убитыми и взятыми в плен империя потеряла людей сорок и четыре тысячи. Полегли цвет рыцарства, элитная кавалерия. Полегли, попали в плен и неволю либо без вести пропали воители таких величин, как Менно Коегоорн, Брайбан, де Меллис-Сток, ван Ло, Тырконнель, Эггебрахт и другие, имена коих не сохранились в наших архивах.

*Так оборотилась Бренна началом конца. Но следует тут отметить, что битва та была лишь малым камушком в строении, и невелик был бы ее вес, коли б не то, что были мудро использованы плоды виктории. Надобно напомнить, что заместо того, чтобы почтить на лаврах и разрываться от гордости, а также почестей и наград ждать, Ян Наталис, почитай без передыху, двинулся на юг. Отряды конников под командой Адама Пангратта и Джулии Абатемарко разбили две дивизии Третьей Армии, кои шли с запоздалой помощью Менно Коегоорну. Наталис разгромил их так, что *punctius cladis**. При известии о сём оставшаяся часть Группы Армий «Центр» срамно тылы показала и за Яругу в поспешности ретировалась, а поелику Фольтест и Наталис на пятки им наступали, потеряли имперские все свои обозы и все свои штурмовые*

* Здесь: дальше некуда (лат.).

машины, коими намеревались в неизбывной гордыне своей Вызиму, Горс Велен и Новиград добыть.

И како лавина, с гор мчащая, все сильнее снегом обрастающая и через это возрастающая, тако и Бренна все более суровые приносила Нильфгаарду последствия. Трудные времена пришли для Армии «Вердэн» под командованием де Ветта, коей моряки со Скеллиге и король Этайн из Пидариса великие в партизанской войне неудобства чинили. Когда же де Ветт о Бренне доведася, когда весть до него дошла, что форсированным маршем движется на него король Фольтест со Наталисом, то тоже приказал он поворот трубить и в панике за реку в Цинтру сбежал, трупами путь своего бегствия усеявши, ибо при вести о нильфгаардских поражениях восстание в Вердэне вновь возгорелось. Токмо в Настроге, Розроге и Будроге, не взятых нильфами крепостях, могучие остались гарнизоны, откуда оне лишь после цинтрийского мира с почестью и штандартами вышли.

В Аэдирне же весть о Бренне к тому привела, что враждебные дружка дружке короли Демавенд и Хенсельт один другому правые руки подали и совместно супротив Нильфгаарда выступили. Группа Армий «Восток», что под командой герцога Ардаля аэп Даги к долине Понтара направлялася, не сумела воспротивиться партизанам королевы Мэвы, кои тылы нильфгаардские жестоко рвали. Демавенд и Хенсельт загнали Ардаля аэп Даги под самый под Альдерберг. Герцог Ардаль хотел было бой принять, но дивной судьбы случайностию неожиданно вдруг животом захворал, откушавши чего-то. Колики его прихватили и понос дизентерийный, так что в два дня скрутило оного в болях великих, и отдал он богам душу. А Демавенд с Хенсельтом, не мешкая, по нильфгаардцам ударили, в хороброй битве наголову оных разбили, хотя ж по-прежнему у Нильфгаарда значительный перевес числом был. Так вот дух и искусство над силою тупой и грубой торжествовать обвыкли.

Надобно и еще об одном написать: что под Бренной с самим Менно Коегоорном случилось, того никто не ведает. Одни говорят, полег он, а тело не распознали и в общей погребли могиле. Другие толкуют, мол, живым ушел, но императорского убожавшись гневу, в Нильфгаард не вернулся, но сокрылся в Брокилоне, посреди дриад, и там пустынноиком стал, бороду до самой земли отпустил. И посередь дриад же от огорчений и забот преставился.

Кружит промеж людю простого предание, будто возвращался маршал ночами на бренненское поле и ходил меж курганов, стена:

«Верните мне мои легионы!», но в конце концов повесился на осине на том холме, который с той поры так и именуется — Шибеницкий. И ночью можно призрак старого маршала среди иных встретить призраков, разгромное поле сообща навещающих.

— Дедушка Ярре! Дедушка Ярре!

Ярре поднял голову, поправил сползающие с вспотевшего носа очки.

— Дедушка Ярре! Бабушка Люсьена велела сказать, что хватит на сегодня штаны просиживать да напрасные каракули разводить и что ужин на столе!

Ярре тщательно сложил исписанные листки и заткнул пробкой чернильницу. В культе руки билась боль. «К перемене погоды, — подумал он. — Будет дождь».

— Дедушка Ярре!!!

— Иду! Да иду же, Цири. Иду.

Когда они занялись последним раненым, была глубокая ночь. Операцию проводили уже при свете, вначале обычном, от лампы, а позже и магическом. Марти Содергрэн пришла в себя после кризиса и, все еще бледная как смерть, замедленная, неестественная в движениях как голем, чаровала исправно и эффективно.

Наконец все четверо вышли из палатки и присели, прислонившись к полотнищу.

Равнину заполняли огни. Различные. Неподвижные — бивуачных костров, движущиеся — лучин и факелов. Ночь гремела далеким пением, восклицаниями, разговорами, победными криками.

Вокруг них ночь тоже жила отрывистыми криками и стонами раненых. Мольбами и вздохами умирающих. Привыкшие к звукам страдания и смерти, они уже не слышали этого. Эти звуки были для них обычными, естественными, так же вплавленными в ночь, как пение цикад в акациях у Золотого Пруда.

Марти Содергрэн лирично молчала, прислонившись к плечу низушка. Иоля и Шани, обнявшись и прижавшись друг к дружке, то и дело прыскали тихим, совершенно бессмысленным смехом.

Прежде чем выйти из палатки, они выпили по мензурке водки, а Марти угостила всех своим последним заклинанием: веселящими чарами, которые обычно применяла при экстра-

гировании зубов. Русти чувствовал себя обманутым: усиленный магией напиток вместо того, чтобы расслабить, лишь одурманил, вместо того, чтобы снять утомление, еще больше усилил. Вместо того, чтобы дать забыться, напоминал.

«Похоже, — подумал хирург, — только на Иолю и Шани алкоголь и магия подействовали, как было задумано».

Он отвернулся и при лунном свете увидел на лицах обеих девушек блестящие, серебристые следы слез.

— Интересно, — сказал он, облизывая онемевшие, бесчувственные губы, — кто победил в этой битве? Кто-нибудь это знает?

Марти повернулась к нему, но продолжала лирично молчать. Цикады пиликали в акациях, вербах и ольхах над Золотым Прудом. Квакали лягушки, стонали раненые, умоляли, вздыхали. И умирали. Шани и Иоля хохотали сквозь слезы.

Марти Содергрэн скончалась через две недели после боя. Она сошлась с офицером из Вольной Кондотьерской Компании. Отнеслась к приключению легко и даже легкомысленно. В противоположность офицеру. Когда Марти, любительница перемен, связалась потом с темерским ротмистром, спятивший от ревности кондотьер пырнул ее ножом. Кондотьера повесили, целительницу спасти не удалось.

Русти и Иоля скончались через год после битвы, в Мариборе, во время жуткой вспышки кровавой лихорадки, заразы, которую называли также Красной Смертью, или — по названию корабля, на которой ее завезли, — «Бичом Катрионы». Тогда из Марибора бежали все медики и большинство жрецов. Русти и Иоля, конечно, остались. Они лечили, ибо были лекарями. То, что от Красной Смерти не было лекарств, значения для них не имело. Оба заразились. Он умер у нее на руках, в крепких надежных объятиях ее деревенских, больших, некрасивых, прекрасных рук. Она умерла четыре дня спустя. В одиночестве.

Шани прожила после битвы семьдесят два года. Ушла из жизни знаменитой, всеми уважаемой — деканом кафедры медицины Оксенфуртского университета. Многие поколения будущих хирургов повторяли ее знаменитую шутку: «Сшей красное с красным, желтое с желтым, белое с белым. Наверняка будет хорошо».

Мало кто замечал, как, произнося эту истину, госпожа декан украдкой утирала слезы.

Мало кто.

Лягушки квакали, цикады пиликали среди верб над Золотым Прудом. Шани и Йоля хохотали сквозь слезы.

— Интересно, — повторил Мило Вандербек, низушек, полевой хирург, больше известный под именем Русти. — Интересно, кто победил?

— Русти, — лирично сказала Марти Содергрэн. — Поверь, это самое последнее, о чем я стала бы беспокоиться на твоём месте.

Одни язычки пламени были высокими и сильными, светили ярко и живо, другие — маленькими и зыбкими, а свет их то и дело тускнел и замирал. На самом же конце был один огонек, совсем маленький и такой слабый, что он едва тлел, едва теплился, то с величайшим трудом разгорался, то почти совсем угасал.

— Чей это угасающий огонек? — спросил ведьмак.

— Твой, — ответила Смерть.

Флоуренс Деланной. Сказки и предания

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Плоскогорье почти до самых дальних, синеющих в тумане горных вершин было совсем как каменное море, тут и там вздымающееся горбами, ребрами, ошетилившееся острыми зубьями рифов. Впечатление усиливали остовы кораблей. Десятки островов: галер, галеасов, ког, каравелл, бригов, буксирчиков, драккаров. Некоторые выглядели так, словно появились здесь недавно, другие — кучи с трудом распознаваемых досок и шпангоутов, явно находившихся здесь десятки, если не сотни лет.

Некоторые лежали килями кверху, иные, повалившиеся набок, выглядели так, словно их выбросили сатанинские шквалы и штормы. Третьи, казалось, плыли, маневрируя среди опасностей, поджидающих в каменном океане. Они стояли ровно и прямо, гордо выпятив борта, направив в зенит мачты, на которых развевались остатки парусов, болтались ванты и штаги. У них даже были свои призрачные экипажи — заклиненные в прогнивших досках и запутавшиеся в линиях скелеты мертвых моряков, навеки ушедших в бесконечное плавание.

Напуганные появлением всадника, взлохотенные стуком копыт, с мачт, рей, линей, скелетов с криком сорвались тучи черных птиц. На мгновение они закрыли небо, закружились стаей над краем пропасти, на дне которой, серое и гладкое как ртуть, лежало озеро. На обрыве, частично возвышаясь над кладбищем кораблей, частично нависая над озером вплавленными в отвесную скалу бастионами, виднелась сторожевая башня, темная и угрюмая. Кэльпи заплясала, зафыркала, застригла ушами, косясь на остовы, на скелеты, на весь пейзаж смерти. На каркающих черных птиц, которые уже возвращались, снова рассаживались на потрескавшихся мачтах и салингах, на вантах и черепах. Птицы поняли, что одинокого всадника боять-

ся нечего. А если здесь кто-то и должен чего-то бояться, так только сам всадник.

— Спокойно, Кэльпи, — проговорила изменившимся голосом Цири. — Это конец пути. Это — нужное место и нужное время.

Она появилась перед воротами неведомо откуда, вынырнула, будто мираж, среди остовов. Стражи у ворот, встревоженные карканьем воронов, заметили ее первыми. Теперь они кричали, жестикулировали и указывали на нее пальцами, созывая других.

Когда она подъехала к надвратной башне, здесь уже была давка. И возбужденный гомон. На нее глазели все: те немногие, которые, как и Бореас Мун и Дакре Силифант, ее уже видели и знали, и те, кто только слышал о ней, — новозавербованные люди Скеллена, наемники и просто разбойники и грабители из Эббинга. Теперь они изумленно пялились на пепельноволосую девушку со шрамом на лице, с мечом за спиной. На изумительной красоты вороную кобылу, высоко держащую голову, похрапывающую и звенящую подковами о плиты двора.

Гомон и галдеж улеглись. Стало очень тихо. Кобыла ступала, поднимая ноги как балерина, подковы звенели, как молоты о наковальню. Прошло немало времени, пока наконец ей преградили путь, скрестив гизармы и рунки. Кто-то неуверенно и испуганно протянул руку к узде. Кобыла храпнула.

— Проводите меня, — звучно сказала девушка, — к хозяину замка.

Бореас Мун, сам не зная почему, поддержал ей стремя и подал руку. Другие придержали перебирающую ногами и фыркающую кобылу.

— Ты не узнаешь меня, милостивая государыня? — тихо спросил Бореас Мун. — Ведь мы уже встречались.

— Где?

— На льду.

— Я не глядела тогда на ваши лица, — равнодушно бросила она.

— Ты была Владычицей Озера. — Он серьезно покачал головой. — Зачем ты приехала сюда, девушка? Зачем?

— За Йеннифэр. И за своим Предназначением.

— Вернее — за смертью, — прошептал Мун. — Это замок Стигга. На твоём месте я бежал бы отсюда как можно скорее и дальше.

Она взглянула снова. Бореас тут же понял, что она хотела сказать этим взглядом.

Появился Стефан Скеллен. Долго рассматривал ее, скрестив руки на груди. Наконец энергичным жестом велел следовать за ним. Они пошли молча, со всех сторон сопровождаемые вооруженными людьми.

— Странная девка, — буркнул Бореас. И вздрогнул.

— К счастью, это уже не наша забота, — язвительно проговорил Дакре Силифант. — Меня удивляет, что ты с ней так запросто болтал. Она же ведьма, убила Варгаса и Фриппа, а потом Оля Харшейма...

— Харшейма убил Филин, — отрезал Бореас, — не она. Она подарила нам жизнь, там, на ледяном крошечке, хотя могла зарезать и потопить, как щенков. Всех. Филина тоже.

— Само собой. — Дакре сплюнул на плиты двора. — Нонче он зараз с чародеем и Бонартом наградит ее за ейную милость. Поглядишь, Мун, уж они-то ее обработают за милую душу. Они с нее шкуру тонкими полосками сдерут.

— Что сдерут, в это, пожалуй, поверю, — буркнул Бореас. — Потому как живодеры они. Да и мы тоже не лучше, коль у них служим.

— А выход-то у нас есть? Нету!

Кто-то из наемников Скеллена неожиданно тихо вскрикнул, кто-то подхватил. Кто-то выругался. Кто-то вздохнул. Кто-то молча указал рукой.

На зубцах, консолях и треугольных фронтонах над окнами, на сточных трубах, горгульях и машкаронах сидели, куда ни глянь, сидели черные птицы. Тихо, не каркнув, они слетелись сюда с кладбища кораблей и теперь сидели в тишине и ожидании.

— Смерть чувят, — бухнул кто-то из наемников.

— И трупы, — добавил другой.

— Нет у нас выхода, — машинально повторил Силифант, глядя на Бореаса.

Бореас Мун глядел на птиц.

— Может, пора, — ответил он тихо. — Заиметь...

Они поднялись наверх по большой лестнице с тремя площадками, прошли мимо статуй, стоящих в нишах вдоль длинного коридора, затем — по галерее, окружающей вестибюль. Цири шагала смело, не чувствуя тревоги. В ней не вызывали

страха ни оружие, ни разбойничьи физиономии сопровождающих. Она лгала, сказав, что не помнит лиц людей с замерзшего озера. Она помнила. Помнила, как Стефан Скеллен, тот самый, что сейчас с угрюмой миной вел ее в глубь этого страшного замка, дрожал и стучал зубами на льду.

Теперь, когда он то и дело оглядывался и испепелял ее взглядом, она чувствовала, что он по-прежнему немного побаивается ее. Она глубоко вздохнула.

Они вошли в холл, под высокий, поддерживаемый колоннами звездчато-ребристый купол, под огромные паукообразные жирандоли. Цири увидела, кто ждет ее там. Страх вонзил в нее когтистые лапы, стиснул грудь, рванул и закрутил.

Бонарт тремя шагами оказался рядом. Обеими руками схватил за куртку на груди, поднял, притянул к себе, приблизил ее лицо к своим выцветшим рыбьим глазам.

— Ад, — прохрипел он, — должен быть действительно ужасным, если ты все же предпочла меня.

Она не ответила. В его дыхании ощущался алкоголь.

— А может, не пожелал тебя ад принять, маленькая зверюга? Может, та дьявольская башня с отвращением изрыгнула тебя, отведав твоего яда?

Он притянул ее еще ближе. Она отвернулась, отводя лицо.

— Правильно, — тихо сказал он. — Ты не напрасно опасешься, это конец твоего пути. Отсюда ты уже не сбежишь. Здесь, в этом замке, я выпущу тебе кровь из жил.

— Вы закончили, господин Бонарт?

Она сразу узнала того, кто это сказал. Чародей Вильгефорц, тот, что на Танедде сначала был закованным в кандалы узником, а потом преследовал ее в Башне Чайки. Тогда, на острове, он выглядел пристойнее. Сейчас в его лице что-то изменилось, что-то сделало его некрасивым и страшным.

— Разрешите, господин Бонарт. — Чародей даже не пошевелился в похожем на трон кресле. — Я возьму на себя приятную обязанность приветствовать в замке Стигга нашу гостью, мадемуазель Цириллу из Цинтры, дочь Паветты, внучку Калантэ, потомка знаменитой Лары Доррен аэп Шиадаль. Приветствую. И прошу подойти ближе.

В последних словах чародея уже не чувствовалось скрываемой под маской вежливости насмешки. Были в них только угроза и приказ. Цири сразу поняла, что не сможет противостоять этому приказу. Ощутила страх. Чудовищный, парализующий страх.

— Ближе, — прошипел Вильгефорц.

Теперь она увидела, что не так в его лице. Левый глаз, который был значительно меньше правого, моргал, яблоко дергалось и вертелось, как дикое, в сморщенной и синей глазной впадине. Картина была кошмарная.

— Поведение бравое, на лице ни следа страха, — сказал чародей, наклонив голову. — Одобряю. Если только отвага не есть следствие глупости. Я сразу же рассею возможные иллюзии. Отсюда, как справедливо заметил господин Бонарт, ты не убежишь. Ни телепортом, ни при помощи твоих собственных особых способностей.

Она знала, что он прав. Раньше она убеждала себя, что в случае чего всегда, пусть даже в последний момент, сумеет убежать и скрыться среди времен и мест. Теперь же знала, что эта надежда — обманчивая. Неосуществимая. Замок прямо-таки дрожал от зловещей, враждебной, чуждой магии. Чуждая и враждебная магия пронизывала ее, исследовала, паразитом ползала по внутренностям, по извилинам мозга. Она ничего не могла с этим поделать. Она была во власти вражьей силы. Она была бессильна.

«Что делать? — думала она. — Я знала, на что иду, что делаю. Знала, зачем сюда пришла. Все остальное — действительно было фантазией. А, пусть будет что будет».

— Bravo, — сказал Вильгефорц. — Точная оценка ситуации. Будет, что и должно быть. Точнее, будет так, как решу я. Интересно, догадываешься ли ты, изумительная моя, как и что я решу?

Она хотела ответить, но не успела преодолеть сопротивление перехваченного спазмой и сухого горла. Он опять опередил ее, проконтролировав мысль.

— Ну, конечно, догадываешься, Владычица Миров, Владычица Времен и Мест. Да-да, изумительная моя, ты не застала меня врасплох своим визитом. Я просто-напросто знаю, куда и каким образом ты сбежала с озера. Я знаю, с кем и с чем ты там столкнулась. Знаю, как попала сюда. Единственное, чего я не знаю, так это — долгим ли был путь? И достаточно ли много было впечатлений?

Ах, — зловеще усмехнулся он, снова опережая ее. — Тебе нет нужды отвечать. Я знаю, что было интересно и увлекательно. Видишь ли, я не могу дождаться испробовать это лично. Страшно завидую твоему дару. Придется тебе со мной

поделиться, изумительная моя. Да, «придется» — нужное слово. Пока ты не поделишься со мной своим даром, я просто не выпущу тебя из рук. Ни днем, ни ночью не выпущу из рук.

Цири наконец поняла, что горло перехватил ей не только страх. Чародей давил и душил ее магически. Издевался. Унижал. На глазах у всех.

— Выпусти... Йеннифэр, — прохрипела она, корчась от усилий. — Выпусти ее... А со мной можешь сделать что захочешь.

Бонарт зашелся смехом, сухо рассмеялся и Стефан Скеллен. Вильгефорц почесал мизинцем уголок своего чудовищного глаза.

— Ты не можешь быть настолько глупа, чтобы не понимать, что я и без того могу сделать с тобой все, что захочу. Предложение твое патетично, а стало быть, жалостно и смешно.

— Тебе нужна я... — Цири подняла голову, хоть это потребовало от нее значительных усилий. — Чтобы иметь от меня ребенка. Все этого хотят, ты тоже. Да, я в твоей власти, я сама пришла сюда... Ты меня не поймал, хотя гонялся по всему миру. Я пришла сюда сама и сама себя отдаю тебе. Взамен на Йеннифэр. За ее жизнь. Тебе смешно? Ну, так попытайся сделать со мной ребенка... насильно... Увидишь, что у тебя тут же пропадет желание смеяться.

Бонарт подскочил к ней, замахнулся нагайкой. Вильгефорц сделал внешне небрежное, всего лишь слабое движение рукой, но и этого было достаточно, чтобы нагайка вырвалась из бонартовых рук, а сам он завертелся, словно получил удар тяжелой уткой.

— Господин Бонарт, — сказал Вильгефорц, массируя пальцы. — У вас, похоже, все еще сложности с пониманием обязанностей гостя. Соблаговолите запомнить: находясь в гостях, не ломают мебель и произведения искусства, не крадут мелкие предметы, не пачкают ковры и труднодоступные места. Не насиловуют и не избивают других гостей. Последнее действует по крайней мере до тех пор, пока не закончит насилловать и избивать гостей сам хозяин, пока он не даст знак, что теперь бить и насилловать уже можно. Из только что сказанного должна сделать соответствующие выводы и ты, Цири. Не сумеешь? Я помогу. Ты отдаешься мне сама и покорно соглашаешься на все, ты позволяешь мне делать с тобой все, что мне заблагорассудится. И думаешь, что с твоей стороны это невероятная

жертва. Ты глубоко заблуждаешься. Суть в том, что делать с тобой я буду не то, что мне хочется, а то, что сделать вынужден. Пример: я желал бы в порядке реванша за Танедд вырвать у тебя хотя б один глаз, а не могу, ибо опасаясь, что ты этого не переживешь.

Цири поняла, что либо сейчас, либо никогда. Она вывернулась в полуобороте, выхватила Ласточку из ножен. Весь замок вдруг завибрировал, она почувствовала, что падает, болезненно стукнулась коленями. Согнулась, чуть ли не касаясь лбом пола, борясь с рвотными позывами. Меч выскользнул из одеревеневших пальцев. Кто-то его поднял.

— Та-а-ак, — протянул Вильгефорц, положив подбородок на сложенные будто для молитвы ладони. — Так на чем мы остановились? Ах да, на твоём предложении. Жизнь и свобода Йеннифэр взамен... За что? За то, что ты отдашься добровольно, с желанием, без насилия и принуждения? Печально, Цирилла. Для того, что я с тобой сделаю, насилие и принуждение просто необходимы.

Да-да, — повторил он, с интересом присматриваясь к тому, как девушка хрипит, пускает слюни и пытается очистить желудок. — Без насилия и принуждения просто не получится. На то, что я сделаю, ты никогда не согласишься добровольно, уверяю тебя. Стало быть, как видишь, твоё предложение по-прежнему остается жалким и смешным, а сверх того еще и бессмысленным. Поэтому я его отвергаю. Ну, возьмите ее. И сразу в лабораторию.

Лаборатория мало чем отличалась от той, которую Цири знала по храму Мелитэле в Элландере. Она тоже была ярко освещена, в ней тоже царила идеальная чистота. И в ней тоже стояли длинные столы, покрытые листовым металлом. На столах громоздились стекла, заполненные чем-то баночки, реторты, колбы, пробирки, трубки, линзы, шипящие и бурлящие перегонные кубы и другие удивительные приборы. Здесь, как и там, в Элландере, резко пахло эфиром, спиртом, формалином и чем-то еще, что нагоняло страх. Даже там, в дружественном храме, рядом с дружественными жрицами и дружественной Йеннифэр, Цири испытывала в лаборатории страх. А ведь там, в Элландере, никто не загонял ее в лабораторию насильно, никто не усаживал грубо на скамью, никто не держал за плечи и руки железной хваткой. Там, в Элландере, посредине лаборатории

не было страшного стального кресла, садистская форма которого была совершенно очевидна. Не было там одетых в белое и наголо обритых типов, не было там Бонарта, не было Скеллена, возбужденного, раскрасневшегося и нервно облизывающего губы. И не было Вильгефорца с одним нормальным и другим маленьким и кошмарно подвижным глазом.

Вильгефорц повернулся к столу и долго раскладывал на нем вызывавшие страх инструменты.

— Видишь ли, изумительная моя, — начал он, подходя к Цири, — ты для меня ключ к могуществу и власти. Власти не только над здешним миром, представляющим собой мерзопакостную мерзость, обреченную, кстати сказать, на скорую гибель, но и над всеми мирами. Над полной гаммой мест и времен, возникших после Конъюнкции. Ты наверняка понимаешь меня. Некоторые из этих мест и времен ты уже посетила.

Меня, — продолжил он через минуту, подворачивая рукава, — стыдно признаться, страшно привлекает власть. Это тривиально, знаю, но я хочу быть властелином. Владыкой, которому будут бить поклоны, которого люди станут боготворить и благословлять только за то, что он, то есть я, существует, и воздавать ему, то есть мне, божественные почести, если, скажем, я пожелаю избавить мир от катаклизма. Даже если я сделаю это только ради собственного каприза. Ох, Цири, сердце мое ликует, когда я думаю, сколь щедро я стану награждать верных и как жестоко карать непослушных и непокорных. Медом, сладкой патокой для моей души будут возносимые целыми поколениями молитвы ко мне и за меня, за мою милость и мою ласку. Целые поколения, Цири, целые миры. Послушай как следует! Слышишь? Они будут молиться за то, что Всевышний, то есть я, дал им воздух, избавил от голода, огня, войны и гнева Вильгефорца, то есть меня же!

Вильгефорц пошевелил пальцами у нее перед лицом — и резко схватил за щеки. Цири вскрикнула, рванулась, но ее держали крепко. У нее задрожали губы.

Вильгефорц нервно захохотал, в уголках рта забелели пятнышки пены.

— Дитя Предназначения, — не мог остановиться он, — священная эльфья Старшая Кровь... Aen Hen Ichaer... Теперь уже только моя, принадлежащая только мне...

Он резко выпрямился, отер губы.

— Всяческие глупцы и мистики, — проговорил уже своим обычным холодным тоном, — пытались подогнуть, как-то

приспособить тебя к небылицам, легендам и предсказаниям, выискивали ген, который ты носишь, наследие предков. Путая небо со звездами, отраженными в поверхности пруда, мистически положили, что ген, от которого зависит осуществление великих возможностей, будет эволюционировать дальше и полной мощи достигнет в твоём ребенке либо в ребенке твоего ребенка. Так и ширилась окружающая тебя магическая аура, извивался дымок кадил. А истина столь же банальна, сколь и прозаична. Я бы сказал: органически прозаична. Важна, прелесть моя, твоя кровь. Но в прозаически буквальном, отнюдь не поэтически-возвышенном значении этого слова.

Вильгефорц взял со стола стеклянный шприц по меньшей мере полфута длиной. Шприц оканчивался тонким, слегка изогнутым капилляром. Цири почувствовала, как у нее начинает сохнуть во рту. Чародей осмотрел шприц на свет.

— Через минуту, — заявил он сухо, — тебя разденут и усадят на кресло. Именно то, на которое ты взираешь с таким любопытством. На этом кресле ты проведешь — правда, в неудобном положении, — некоторое время. А вот при помощи этого прибора, который, как я вижу, тебя также весьма заинтересовал, ты будешь оплодотворена. Это вовсе не так уж страшно, почти все время ты будешь пребывать в полуобморочном состоянии от эликсиров, которые я стану вводить тебе в сосуды, чтобы правильнее закрепить плодовое яйцо и исключить внематочную беременность. Тебе нечего бояться, у меня есть опыт, я проделывал это уже сотни раз. Правда, моими подопытными ни разу не были избранницы судьбы и Предназначения, но не думаю, чтобы матка и яичники избранниц кардинально отличались от маток и яичников обычных девочек.

А теперь — самое главное. — Вильгефорц явно наслаждался своими словами. — Это может тебя огорчить, а может — утешить, но знай, что ребенка ты рожать не будешь. Как знать, возможно, это и был бы величайший избранник с невероятными способностями, спаситель мира и властелин народов. Однако гарантировать этого не может никто, а кроме того, я не намерен ждать так долго. Мне необходима кровь. Точнее, кровь плацентная. Как только плацента оформится, я извлеку ее из тебя. Последующие мои планы и намерения, изумительная моя, тебя уже, как ты сама понимаешь, касаться не будут, так что нет смысла информировать тебя о них, это было бы излишней фрустрацией.

Он умолк, сделал эффектную паузу. Губы у нее задрожали — и поделаться с собой она уже ничего не могла.

— А теперь, — театрально кивнул Вильгефорц, — приглашаю в кресло, мазель Цирилла.

— Хорошо было бы, — сверкнул зубами из-под седых усов Бонарт, — чтоб на это поглядела сука Йеннифэр. Она того заслужила!

— А и верно. — В уголках улыбающихся губ Вильгефорца снова появился белый шарик пены. — Оплодотворение, как ни говори, дело святое, возвышенное и торжественное, сие есть мистерия, при которой должна присутствовать вся ближайшая родня. А ведь Йеннифэр — ее квазимать, а в примитивных культурах таковые прямо-таки активно участвуют в проводах дочерей к брачному ложу. А ну! Приведите-ка ее сюда!

— Что же до оплодотворения, — Бонарт наклонился над Цири, которую выбритые до блеска аколиты чародея уже начали раздевать, — то нельзя ль, господин Вильгефорц, сделать это более привычно? Традиционно? По-божьему?

Скеллен фыркнул, покачал головой. Вильгефорц слегка насупился, потом холодно возразил:

— Нет, господин Бонарт. Нельзя ль.

Цири, словно только теперь уразумев серьезность ситуации, пронзительно закричала. Раз, потом второй.

— Но, но, — поморщился чародей. — Храбро, с гордо поднятой головой и мечом, вошли мы в логово эльфа, а теперь испугались маленькой стеклянной трубочки? Стыд, моя девочка. Стыд и позор.

Цири, наплевав на стыд и позор, заорала в третий раз, да так, что зазвенела лабораторная посуда.

А замок Стигга неожиданно ответил криком и воплями ужаса.

— Будет беда, сынки, — повторил Ключень, выковыривая окованным концом рунки засохший навоз из щелей между камнями двора. — Ох, увидите, беда нам будет, горемыкам.

Он посмотрел на дружков, но ни один из стражников ничего не ответил. Смолчал и Бореас Мун, оставшийся со стражниками у ворот. По собственной воле, не по приказу. Он мог, как Силифант, пойти за Филином, мог собственными глазами поглядеть, что станется с Владычицей Озера, какая судьба постигнет ее. Но Бореас не хотел на это смотреть. Предпочитал

остаться здесь, во дворе, под голым небом, подальше от комнат и залов верхнего этажа, куда забрали девушку. Он был уверен, что сюда до него не долетит даже ее крик.

— Дурной это знак, птицы эти черные. — Клочень движением головы указал на воронов, все еще сидящих на стенах и карнизах. — Скверный это знак, та молодница, что на вороной кобыле прискакала. В скверном, говорю я вам, мы тута деле Филину служим. Балакают, мол, сам Филин уже не коронер вовсе и никакой не важный господин, а в розыске пребывает, како и мы. Что инператор на него зол, аж жуть. Как нас, сынки, инперские разом прихватят, будет нам беда, горемыкам.

— Да уж! — добавил второй стражник, усач в колпаке, укорашенном перьями черного аиста. — Да уж! Скверно, ежели инператор злой.

— А, хрен с имя, — вставил третий, прибывший в замок совсем недавно с последней завербованной Скелленом партией наемников. — Инператору моет до нас времени недостать. У его теперича навроде бы другие неразберихи-то. Побил нордлинг инператора-то наголову.

— Стал-быть, — сказал четвертый, — моет быть, и не так уж паршиво, что мы тута с Филином-та? Завсегда лучше при том, который наверху.

— Оно и верно, — проговорил новичок, — что лучше. Филин, мнится мне, в гору пойдет. А при нем и мы выплывем.

— Ох, сынки, — оперся о рунку Клочень, — глупы ж вы, яко хвосты конские...

Черные птицы взвились с оглушительным шумом и карканьем, перекрыли небо, тучей окружили башню.

— Какого черта? — ахнул один из стражников.

— Отворите ворота!

Бореас Мун неожиданно почувствовал пронзительный запах трав, шалфея, мяты и тмина. Он слотнул, тряхнул головой, закрыл и открыл глаза. Не помогло. Худощавый, седовласый, похожий на сборщика податей тип, возникший вдруг рядом с ним, и не думал исчезать. Он стоял и улыбался, не разжимая губ. Волосы Бореаса чуть не подняли шапку.

— Прошу отворить ворота, — повторил улыбающийся тип. — Незамедлительно. Без проволочек. Поверьте, так будет лучше.

Клочень, со звоном упустив рунку, стоял неподвижно и беззвучно шевелил губами. Глаза у него были совершенно пу-

стые. Остальные стражники подошли к воротам, двигаясь одеревенело и неестественно, будто глиняные големы. Сняли балку, отодвинули засовы.

На двор, гремя подковами, ворвалась четверка лошадей со всадниками. У одного волосы были белые как снег, в руке молнией сверкал меч. Второй оказался светловолосой женщиной, на скаку натягивающей тетиву лука. Третья наездница, совсем юная девчонка, размашистым ударом рассекла Ключной висок.

Бореас Мун подхватил упущенную рунку, заслонился древком. Четвертый наездник неожиданно возвысился над ним. К его шлему с обеих сторон были прикреплены крылья хищной птицы. Блеснул занесенный меч.

— Перестань, Кагыр, — резко сказал беловолосый. — Береги время и кровь. Мильва, Регис — туда...

— Нет! — крикнул Бореас, сам не зная, почему это делает. — Не туда... Там только тупик между стенами. Туда вам дорога, вон по тем ступеням. В верхний замок. Ежели хотите спасти Владычицу Озера, то надобно вам поспешить.

— Благодарю, — сказал белоголовый. — Благодарю тебя, незнакомец. Регис, слышал? Веди!

Через минуту на дворе остались только трупы. И Бореас Мун, все еще опирающийся на древко рунки, которого не мог отпустить — так сильно тряслись у него ноги.

Вильгефорц выслушал сообщение прибежавшего наемника со стоическим спокойствием и каменным лицом. Но бегающий и непрерывно мигающий глаз выдавал его.

— Помощь в последний момент? — проскрежетал он. — Невероятно. Такие вещи так просто не случаются. Либо случаются, но в скверных ярмарочных представлениях, что, впрочем, одно на одно выходит. Окажи любезность, добрый человек, и скажи, что все это ты придумал, скажем так, шутки ради?

— Я не выдумывал! — возмутился солдат. — Правду говорю! Ворвались сюда какие-то... Цельная армия...

— Ну ладно, ладно, — прервал чародей. — Я пошутил. Скеллен, займись этим лично. Есть случай показать, чего в натуре стоит твое войско, нанятое, кстати, на мое золото.

Филин подпрыгнул, нервно размахивая руками.

— Не слишком ли просто ты на это смотришь, Вильгефорц? — крикнул он. — Ты, похоже, не представляешь себе

серьезности ситуации! Если на замок напали, так это же армия Эмгыра! А значит...

— Ничего это не значит, — отрезал чародей. — Но я знаю, о чем ты. Хорошо, если тот факт, что у тебя за спиной стою я, поправит твоё моральное состояние, пусть будет так. Пошли. Вы тоже, господин Бонарт. Что до тебя, — он уставился на Цири страшным глазом, — то оставь надежды. Я знаю, кто сюда явился со своей достойной дешёвого фарса помощью. И уверяю тебя, я этот дешёвый фарс оберну ужасом.

— Эй, эй! — крикнул он слугам и аколитам. — Заковать девчонку в двимерит, запереть в келье на три засова, шагу не ступать от двери! Головой за нее отвечаете! Ясно?

— Так точно, господин!

Они влетели в коридор, из коридора — в другой зал, полный статуй. Никто не преградил им пути. Мелькнули лишь несколько слуг, тут же скрывшихся при их приближении.

Вбежали по лестнице. Кагыр ударом ноги вышиб дверь. Ангулема ворвалась внутрь с боевым криком, одним махом сабли снесла шлем со стоящих у дверей лат, которые приняла за стража. Поняла ошибку и залилась хохотом.

— Ха-ха-ха! Вы только гляньте...

— Ангулема, — утихомирил ее Геральт. — Не стоять! Дальше!

Перед ним отворились двери, за ними замаячили фигуры. Мильва, не раздумывая, натянула тетиву и послала стрелу. Кто-то вскрикнул. Двери захлопнулись. Геральт слышал, как звякнул засов.

— Дальше! Дальше! — крикнул он. — Не стоять!

— Ведьмак, — сказал Регис. — Глупо и бессмысленно бегать вслепую. Я пойду... Полечу на разведку.

— Лети.

Вампир исчез, словно ветром сдуло. Геральту некогда было удивляться.

Они снова натолкнулись на людей, на этот раз вооруженных. Кагыр и Ангулема с криком кинулись к ним, а люди бросились бежать, скорее всего из-за Кагыра и его шикарного шлема с крыльями.

Вбежали на окружающую внутренний дворик галерею. От ведущего в глубь здания портика оставалось шагов, может, двадцать, когда на противоположной стороне галереи появились люди. Разлетелись эхом крики. И засвистели стрелы.

— Прячься! — крикнул ведьмак.

Стрелы сыпались градом. Фурчали перья, наконечники высекали искры из каменного пола, отбивали штукатурку со стен. Мелкая пыль штукатурки осыпала ведьмака и его команду.

— Падайте! За перила!

Они упали, прячась кто как мог за резными столбиками перил. Но избежать ранений не удалось. Ведьмак слышал, как вскрикнула Ангулема, увидел, как она хватается за плечо, за мгновенно набухший кровью рукав.

— Ангулема!

— Ничего! Прошла сквозь мякоть! — крикнула девушка немного дрожащим голосом, подтвердив то, что он уже знал: если б наконечник стрелы раздробил кость, Ангулема потеряла бы от шока сознание.

Лучники с противоположной стороны галереи стреляли непрерывно, кричали, призывали подкрепление. Несколько человек отбежали вбок, чтобы поражать противника под более острым углом. Геральт выругался, оценил расстояние, отделяющее их от аркады. Дело выглядело неважно. Но оставаться там, где они были, означало смерть.

— Прыгаем! — крикнул он. — Внимание! Кагыр, помоги Ангулеме.

— Они нас уничтожат!

— Прыгаем! Так надо!

— Нет! — крикнула Мильва, поднимаясь с луком в руке.

Она выпрямилась, заняла стрелецкую позу, истинная статуя, мраморная амазонка с луком. Лучники на галерее заорали. Мильва спустила тетиву.

Один из лучников отлетел назад, ударился спиной о стену, на стене расцвел кровавый разбрызг, напоминающий огромного осьминога. С галереи долетел крик, рев гнева, злобы и угрозы.

— Великое Солнце... — простонал Кагыр.

Геральт сжал ему плечо.

— Прыгаем! Помоги Ангулеме.

Стрелки с галереи сосредоточили весь обстрел на Мильве. Лучница даже не шелохнулась, хотя вокруг нее клубилась пыль от штукатурки, летели осколки мрамора и щепки ломающихся стрел. Она спокойно спустила тетиву. Опять вскрик, второй противник рухнул как тряпичная кукла, обрызгал своих соседей кровью и мозгом.

— Сейчас! — крикнул Геральт, видя, как стражники прыгают с галереи, как падают на каменный пол дворика, скрываясь от неминуемых Мильвиных стрел. Продолжали стрелять лишь трое самых отважных.

Наконечник стрелы ударился о столб, запудрив Мильву пылью штукатурки. Она сдула падающие на лицо волосы, натянула лук.

— Мильва! — Геральт, Ангулема и Кагыр подскочили к аркам. — Оставь! Беги!

— Еще разочек, — сказала лучница, держа перья стрелы у уголка губ.

Зазвенела тетива. Один из тройки отважных стрелков взвыл, перегнулся через перила и рухнул вниз, на плиты дворика. Остальных тут же покинула отвага. Они повалились на пол и прижались к нему. Подбежавшие на помощь не спешили выходить на галерею и подставлять себя под убийственные Мильвины стрелы.

За исключением одного.

Мильва поняла и оценила его сразу. Невысокий, шуплый, седой. С протертым до блеска наплечником на левом предплечье, с лучницей перчаткой на правой руке. Она видела, как он подбрасывает красивый композитный лук с профилированным резным седлищем, как мягко его натягивает. Видела, как полностью натянутая тетива пересекает его загорелое лицо, видела, как красное перо стрелы касается его щеки. Она видела, что он целится верно.

Она подкинула лук, мягко натянула тетиву, прицелилась уже во время натяжения. Тетива коснулась ее лица, перо стрелы — уголка губ...

— Сильней, сильней, Маришка! До мордашки. Скручивай тетиву пальцами, чтобы стрела не свалилась с седлища. Руку крепче к щеке. Целься. Оба глаза открыты! Теперь сдержи дыхание. Стреляй!

Тетива, несмотря на шерстяной защитник, болезненно укусила левое предплечье.

Отец хотел что-то сказать, но на него напал кашель. Тяжелый, сухой, болезненный кашель. «Он кашляет все страшнее, — подумала Маришка Барринг, опуская лук. — Все страшнее и все чаще. Вчера раскашлялся, когда метился в козла. И на обед из-за этого была вареная лебеда. Терпеть не могу вареной лебеды. Ненавижу голод. И нужду».

Старый Барринг, хрипя, со стоном втянул воздух.

— В пяди от середики прошла твоя стрела, девка! В целой пяди! А ведь я говорил, чтобы так не дергать, спуская тетиву! А ты скачешь так, будто тебе червяк заполз между полужопками. И целишься слишком долго. Усталой рукой стреляешь! Только стрелы изводишь!

— Так я ж попала! И вовсе даже не в пяди, а всего полпяди от середины.

— Не пищи! Наказали ж меня боги, вместо парня девуку-растяпу послав.

— И вовсе не растяпа я!

— Еще увидим. Стрельни еще разок. И помни, что я сказал. Стоять надо, словно в землю врытая. Целиться и стрелять быстро. Ну, чего морщишься?

— Потому что наговариваете на меня!

— Имею право. Я — отец. Стреляй.

Она натянула лук, надувшаяся и готовая разреветься. Он заметил это.

— Я люблю тебя, Маришка, — сказал он глухо. — Помни об этом всегда.

Она отпустила тетиву, как только перо коснулось губ.

— Хорошо, — сказал отец. — Хорошо, дочка.

И закашлялся жутко, хрипло.

Смуглый лучник на галерее погиб на месте. Стрела Мильвы угодила ему под левую подмышку и вошла глубоко, больше чем на половину древка, ломая ребра, разрывая легкие и сердце.

Выпущенная долей секунды раньше красноперая стрела смуглого стрелка угодила Мильве низко в живот и вышла сзади, разбив таз, разорвав кишки и артерию. Лучница упала на пол, словно ее ударили тараном.

Геральт и Кагыр закричали в один голос. Не обращая внимания на то, что увидевшие падение Мильвы стрелки с галереи снова взяли за луки, они выскочили из-за прикрывающего их портика, схватили лучницу и вытащили, презирая град стрел. Одна из стрел зазвенела, ударив по шлему Кагыра. Другая, Геральт поклялся бы, прочесала ему волосы.

Мильва оставила за собой широкую блестящую полосу крови. В том месте, где ее положили, мгновенно разлилась по полу огромная лужа. Кагыр ругался, руки у него тряслись. Геральт чувствовал, как его охватывает отчаяние. И ярость.

— Тетечка! — крикнула Ангулема. — Тетечка, не умирай! Тетечка!

Мария Барринг открыла рот, ужасно кашлянула, выплевывая кровь на подбородок.

— Я тоже люблю тебя, папка, — сказала она совершенно отчетливо.

И скончалась.

Бритые аколиты не могли справиться с вырывающейся и орущей Цири, на помощь поспешили прислужники. Один, которого она ловко пнула, согнулся в три погибели и упал на колени, обеими руками хватаясь за промежность и лихорадочно лоя ртом воздух.

Но это только разъярило остальных. Цири получила кулаком по шее, раскрытой ладонью по лицу. Ее перевернули, кто-то крепко пнул в бедро, кто-то уселся на лодыжки. Один из бритых аколитов, молодой, со злыми желто-зелеными глазами, придавил коленями ее грудь, вцепился в волосы и крепко рванул. Цири взвыла.

Аколит тоже взвыл. И вытаращился. Цири увидела, как из его бритой головы фонтаном брызнула кровь, пачкая белый лабораторный халат чудовищным рисунком.

В следующее мгновение в лаборатории разверзся ад.

Загрохотала выворачиваемая мебель. Пронзительный звон и хруст бьющегося стекла слился с безумным воем людей. Разливающиеся по столам и полу декокты, фильтры, эликсиры, экстракты и другие магические субстанции перемешивались и соединялись, некоторые при соприкосновении шипели и взрывались клубами желтого дыма. Помещение мгновенно заполнил ядовитый смрад.

Сквозь дым, сквозь проступившие от вони слезы Цири с ужасом видела, как по помещению с невероятной быстротой мечется что-то черное, напоминающее гигантского нетопыря. Видела, как нетопырь на лету задевает за людей, как те, кого он задевает, с криком валятся на пол. На ее глазах пытавшегося бежать прислужника подхватило с пола и швырнуло на стол, где он извивался, брызгал кровью и хрипел, окруженный разбитыми ретортами, перегонными кубами, пробирками и колбами.

Разлившиеся смеси брызнули на лампу. Зашипело, завожало, и в лаборатории неожиданно вспыхнул огонь. Волна жара развеяла дым. Цири стиснула зубы, чтобы не закричать.

На стальном кресле, том, что предназначалось для нее, сидел худощавый седовласый, одетый в элегантный черный костюм, мужчина. Он спокойно грыз и сосал шею перекинутого через колено бритого аколита. Тот тоненько попискивал и конвульсивно подрагивал. Напряженные ноги и руки у него ритмично подергивались.

Мертвенно-синие язычки пламени плясали по металлической крышке стола. Реторты и колбы с гулом взрывались одна за другой.

Вампир оторвал острые клыки от шеи жертвы, уставился на Цири черными, как агаты, глазами.

— Бывают обстоятельства, — проговорил он менторским тоном, слизывая кровь с губ, — когда просто невозможно не напиться. И не пугайся, — улыбнулся он, видя ее мину. — Не пугайся, Цири. Я рад, что нашел тебя. Меня зовут Эмиель Регис. Я, сколь странным это ни покажется, друг ведьмака Геральта. Прибыл вместе с ним, чтобы тебя спасти.

В пылающую лабораторию влетел вооруженный наемник. Друг Геральта повернул к нему голову, зашипел и выставил клыки. Наемник дико взвыл. Его вой долго еще не стихал вдали.

Эмиель Регис сбросил с колена неподвижное, обмякшее как тряпка тело аколита, встал и совсем по-кошачьи потянулся.

— И кто бы мог подумать? — проговорил он. — Такой хмырь, а до чего шикарная в нем была кровь. Это называется «скрытые достоинства». Разреши, Цирилла, проводить тебя к Геральту.

— Нет, — буркнула Цири.

— Тебе незачем меня бояться.

— А я и не боюсь, — возразила она, героически сражаясь с зубами, которые принялись было отбивать дробь. — Не в этом дело. Но где-то здесь в узилище находится Йеннифэр. Я должна ее как можно скорее освободить. Я боюсь за Йеннифэр... Пожалуйста, господин...

— Эмиель Регис.

— Предупредите, добрый господин, Геральта, что здесь Вильгефорц. Это чародей. Могущественный чародей. Пусть Геральт будет внимательным.

— Тебе следует быть внимательным, — повторил Регис, глядя на тело Мильвы. — Потому что Вильгефорц — могущественный чародей. А она освобождает Йеннифэр.

Геральт выругался.

— Дальше! — крикнул он, чтобы криком поднять у своих упавший дух. — Вперед!

— Я чувствую в себе, — зашипел вампир, жутко улыбаясь, — такую силу, что мог бы, наверное, весь этот замок развалить!

Ведьмак подозрительно глянул на него.

— Ну, вряд ли надо так-то уж, — сказал он. — Но пробейтесь на верхние этажи и наделайте немного шума, чтобы отвлечь от меня внимание. Я попытаюсь отыскать Цири. Не нравится мне, ох не нравится, что ты оставил ее одну, вампир.

— Она потребовала, — спокойно объяснил Регис, — таким тоном и поведением, которые исключали дискуссию. Признаться, она меня удивила.

— Знаю. Идите на верхние этажи. Держитесь! Я попробую ее отыскать. Ее либо Йеннифэр.

Он нашел, к тому же очень быстро.

Налетел на них случайно, совершенно неожиданно, выбежав из-за поворота коридора. И увидел. И картина эта вызвала такой приток адреналина, что у него прямо-таки закололо в сосудах на кончиках пальцев.

По коридору несколько верзил волокли Йеннифэр. Чародейка была избита и закована в цепи, что, однако, не мешало ей вырываться, брыкаться и ругаться не хуже портового грузчика.

Геральт не дал верзилам очухаться от неожиданности. Ударил только один раз, только одного, коротко, от локтя. Мужик заскулил по-собачьи, завертелся и с грохотом и звоном врезался головой в стоящие в нише латы, сполз по ним, размазывая кровь по пластинам.

Остальные — их было трое — отпустили Йеннифэр и отскочили. Кроме четвертого, который схватил чародейку за волосы и приставил ей нож к горлу над самым двумеритовым ошейником.

— Не подходи, — заорал он. — Я зарежу ее! Я не шучу!

— Я тоже. — Геральт закрутил мечом мельницу и заглянул дылде в глаза. Тот не выдержал. Отпустил Йеннифэр и присоединился к дружкам. У всех в руках уже было оружие. Один сорвал со стенного паноплия древнюю, но грозную на вид алебарду. Все, ссутулившись, не могли решить: нападать или обороняться.

— Я знала, что ты придешь, — сказала Йеннифэр, гордо выпрямляясь. — Покажи, Геральт, этим мерзавцам, на что способен ведьмачий меч.

Она высоко подняла скованные руки, натянув связывающую наручники цепь. Геральт схватил сигилль обеими руками, немного наклонился, примерился и рубанул. Так быстро, что никто не заметил движения клинка. Оковы со звоном упали на пол. Кто-то из наемников громко выдохнул. Геральт крепче сжал рукоять, положил указательный палец на эфес.

— Стань тверже, Йен. Голову немного набок, пожалуйста. Чародейка даже не дрогнула. Звон металла, по которому ударил меч, был едва слышен.

Двимеритовый ошейник упал рядом с кандалами. На шее у Йеннифэр расцвела одна — одна-единственная! — красная капелька.

Она засмеялась, массируя кисти. И повернулась к мужчинам. Ни один не выдержал ее взгляда.

Тот, что держал алебарду, осторожно, словно опасаясь, чтобы она не зазвенела, положил древнее оружие на пол.

— С такими, — проворчал он, — пусть Филин дерется сам. А мне моя жизнь дорога.

— Нам приказали, — забормотал, пятясь, другой. — Велели нам... Мы по приказу...

— Я ж ничего не сделал, — облизнул губы третий, — вам, госпожа... В вашей камере... Заступитесь за нас...

— Пошли вон, — бросила Йеннифэр. Освобожденная от двимеритовых оков, выпрямившаяся, с гордо поднятой головой, она смотрелась как сестра титанов. Черной растрепанной гривой она, казалось, касается потолка.

Верзилы исчезли. Уменьшившись до нормальных размеров, Йеннифэр кинулась Геральту на шею.

— Я знала, что ты придешь за мной, — мурлыкала она, отыскивая губами его губы. — Что ты придешь в любом случае.

— Пошли, — сказал он минуту погодя, с трудом ловя воздух. — Теперь — Цири.

— Цири, — подтвердила она. А через миг в ее глазах разгорелось пугающее фиолетовое пламя. — И Вильгефорц.

Из-за угла выскочил детина с арбалетом, крикнул, выстрелил, целясь в чародейку. Геральт прыгнул, как подброшенный пружиной, махнул мечом. Отраженный белет пролетел над

самой головой арбалетчика так близко, что тот аж скорчился. Раскорчиться он уже не успел: ведьмак подскочил и разделал его, как карпа. Дальше в коридоре стояли еще двое, у них тоже были арбалеты, они тоже выстрелили, но у них слишком уж тряслись руки, чтобы попасть. В следующий момент ведьмак был рядом с ними, и оба умерли.

— Куда, Йен?

Чародейка прикрыла глаза, сосредоточилась.

— Туда. По лестнице.

— Ты уверена?

— Да.

Разбойники Скеллена напали на них сразу за изломом коридора, неподалеку от украшенного архивольтом портала. Их было больше десятка — с пиками, алебардами и корсеками. Кроме того, они были решительны и ожесточенны. Несмотря на это, дело пошло быстро. Одного Йеннифэр сразу же поразила выпущенной из руки огненной стрелой. Геральт завертелся в пируэте, влетел меж остальными, краснолюдский сигилль мелькал и шипел змеей. Когда свалились четверо, остальные сбежали, звоном и топотом пробуждая эхо в коридорах.

— Все в порядке, Йен?

— Более чем!

Под архивольтом стоял Вильгефорц.

— Это впечатляет, — сказал он спокойно и звучно. — Я восхищен. Честное слово, я восхищен, ведьмак. Ты наивен и безнадежно глуп, но техникой своей действительно можешь вызвать восхищение.

— Твои разбойники, — так же спокойно ответила Йеннифэр, — только что ретировались, бросив тебя на нашу милость. Отдай мне Цири, и мы подарим тебе здоровье.

— Знаешь, Йеннифэр, — осклабился чародей, — это уже второе за сегодняшний день столь великодушное предложение. Благодарю, благодарю. А вот и мой ответ.

— Берегись! — крикнула Йеннифэр, отскакивая.

Геральт отскочил тоже. Вовремя. Вырвавшийся из рук чародея огненный шар превратил в черную шипящую жижу то место, где они только что стояли. Ведьмак смахнул с лица сажу и остатки бровей. Увидел, что Вильгефорц протягивает руку. Нырнул вбок, припал к полу за основанием колонны. Громыкнуло так, что закололо в ушах, а замок задрожал до основания.

* * *

Грохот эхом прокатился по замку, задрожали стены, зазвенели жирандоли. С грохотом упал большой выполненный маслом портрет в позолоченной раме.

У прибежавших со стороны вестибюля наемников в глазах стоял дикий ужас. Стефан Скеллен остудил их грозным взглядом, привел в порядок воинственной миной и решительным голосом.

— Что там? Говорите!

— Господин коронер, — прохрипел один. — Ужась там! Это ж демоны и дьяволы... Из луков бьют без промашки... Рубять страшно... Смерть там... Все красное от кровищи!

— С десятков пало... Может, и поболее... А там... Слышите? Загудело снова, замок задрожал.

— Магия, — пробормотал Скеллен. — Вильгефорц... Ну, посмотрим. Поглядим, кто когб.

Прибежал еще один солдат, бледный и опорошенный штукатуркой. Он долго не мог выговорить ни слова, а когда наконец заговорил, то руки у него тряслись и дрожал голос.

— Там... Там... Чудовище... Господин коронер... Все равно как огромный черный летучий мышь! У меня на глазах головы людям отрывал... Кровь — фонтаном. А он свистит и хохочет... Во-от такие у него зубищи!

— Не сносить нам голов... — прошептал кто-то за спиной у Филина.

— Господин коронер, — решился заговорить Бореас Мун. — Это упыри. Я видел... молодого графа Кагыра аэп Кеаллаха. А ведь он мертв.

Скеллен молча взглянул на него.

— Господин Стефан... — еле внятно пробормотал Дакре Силифант. — С кем нам здесь воевать досталось?

— Это не люди, — простонал один из наемников. — Адские черти они, вот кто! Не одолеет их человеческая сила...

Филин скрестил руки на груди, повел по солдатам смелым и властным взглядом.

— Значит, не станем, — заявил он громко и отчетливо, — вмешиваться в конфликт адских сил! Пусть себе дерутся демоны с демонами, чародейки с чародеями, а упыри — с восставшими из могил мертвяками. Не станем им мешать! Мы спокойно переждем здесь результат боя.

Лица наемников посветлели. Самочувствие их заметно поправилось.

— Эта лестница, — громко продолжал Скеклен, — единственная. Другого хода нет. Подождем здесь. Посмотрим, кому придет нужда по ней спускаться.

Наверху раздался ужасающий грохот, со свода шумно посыпалась штукатурка. Запахло серой и гарью.

— Слишком здесь темно! — воскликнул Филин громко и храбро, чтобы поднять дух своему войску. — Быстро зажечь, что только можно! Факелы, лучины! Надо толком видеть, кто появится на лестнице! Заполнить чем-нибудь горючим вон те железные корзины!

— Каким горючим, господин?

Скеклен молча показал каким.

— Картинами? — недоверчиво спросил наемник. — Изображениями?

— Именно! — фыркнул Филин. — Ну, что вы смотрите! Искусство умерло!

В щепки превратились рамы, в тряпки — полотна. Хорошо просохшее дерево и промасленная материя занялись сразу, взвились ярким пламенем.

Бореас Мун смотрел. Он для себя уже все решил. Окончательно.

Загудело, сверкнуло, колонна, из-за которой они успели выскочить прямо-таки в последний момент, развалилась. Ствол колонны переломился, украшенная аканфом капитель грохнулась о паркет, раздробив на части терракотовую мозаику. В их сторону с шипением понеслась шаровая молния. Йеннифэр отбила ее, выкрикнув заклинание и жестикулируя.

Вильгефорц шел прямо на них, его плащ развевался драконьими крыльями.

— Ну, Йеннифэр меня не удивляет, — говорил он на ходу. — Она — женщина, существо в эволюционном смысле более низкое, управляемое гормональной неразберихой, сумбуром. Но ты, Геральт, ты же не просто мужчина рассудительный от природы, но к тому же еще и мутант, эволюции неподвластный.

Он взмахнул рукой. Загудело, блеснуло. Молния отскочила от вычарованного Йеннифэр щита.

— Несмотря на свою рассудительность и рассудочность, — продолжал Вильгефорц, переливая из руки в руку огонь, — в одном ты проявляешь поразительную и глупейшую последовательность: тебя постоянно тянет плыть против течения и мо-

читься против ветра. Это должно было кончиться скверно. Знай же, что сегодня, здесь, в замке Стигга, ты мочился против бури.

Где-то на нижних этажах кипел бой, кто-то жутко кричал, скулил, выл от боли. Что-то горело. Цири вдыхала дым и запах гари, чувствовала дуновение теплого воздуха.

Громыкнуло с такой силой, что задрожали поддерживавшие потолок колонны, а со стен посыпался алебастр.

Цири осторожно выглянула из-за угла. Коридор был пуст. Она быстро и тихо пошла вдоль стоящих справа и слева в нишах скульптур. Когда-то она уже видела эти скульптуры.

В снах.

Выходя из коридора, наткнулась на человека с дротиком. Отскочила, готовая к сальто и вольтам. И тут же сообразила, что это не человек с дротиком, а седая, худая и согбенная женщина. И что в руках у нее не дротик, а метла.

— Где-то здесь держат чародейку, — откашлялась Цири, — с черными волосами. Где?

Женщина с метлой долго молча шевелила губами, словно что-то жевала.

— Откедова ж мне-то знать, голубица? — проямлила она наконец. — Я туточки токмо прибираюсь. Ничего боле, токмо прибираю опосля их и прибираю, — повторила она, вообще не глядя на Цири. — А они хучь бы што, токмо поганють и поганють. Глянь-кось сама, голубица.

Цири глянула. На полу извивалась размазанная зигзагом полоса крови. Через несколько шагов полоса обрывалась около скорчившегося у стены трупа. Дальше лежали еще два — один свернувшийся клубком, другой — совершенно противоположно раскинувшийся крестом. Рядом с ними валялись арбалеты.

— Ничего боле, как токмо пачкають да пачкають. — Женщина взяла ушат и тряпку, опустилась на колени, принялась вытирать. — Грязь и ничегошеньки боле, токмо грязь, грязь да грязь. А ты тут, понимаешь, убирай и мой. Когда-нито будет тому конец?

— Нет, — глухо сказала Цири. — Никогда. Таков уж этот мир.

Женщина перестала вытирать. Но головы не подняла.

— Я токмо убираюсь, — сказала она. — Ничегошеньки боле. Но тебе, голубица, скажу, что тебе надоть прямо идтить, а опосля налево.

— Благодарю.

Женщина еще ниже опустила голову и принялась за свое дело.

Она была одна. Одна, одинокая, затерявшаяся в путанице коридоров.

— Госпожа Йеннифэ-э-эр!

До сих пор она блюла тишину, боясь привлечь людей Вильгефорца. Но теперь...

— Йеннифэ-э-эр!

Ей показалось, будто она что-то услышала. Да, конечно!

Она вбежала на галерею, оттуда — в большой холл со стройными колоннами. В ноздри снова полез запах горелого.

Бонарт, словно дух, вышел из ниши и ударил ее по лицу. Она покачнулась, а он ястребом кинулся на нее, схватил за горло, предплечьем прижал к стене. Цири глянула в его рыбы глаза и почувствовала, как сердце опускается у нее вниз, под живот.

— Я б тебя не нашел, если б ты не орала, — прохрипел Бонарт. — Но ты орала, к тому же тоскливо! Уж не по мне ли ты тосковала, милочка?

Продолжая прижимать ее к стене, он запустил ей руку в волосы на затылке. Цири дернула головой. Охотник ощерился. Проехал рукой по плечу, груди, грубо схватил за промежность. Потом отпустил, толкнул так, что она сползла по стене.

И бросил ей под ноги меч. Ее Ласточку. А она мгновенно поняла, чего он хочет.

— Я предпочел бы на арене, — процедил он. — Как завершение, как финал множества превосходных представлений. Ведьмачка против Лео Бонарта. Эх, и платили бы людишки, чтобы увидеть нечто подобное. Ну же! Подними железяку и вытащи ее из шагреня!

Так она и сделала. Но не вытянула меч из ножен, только перевесила за спину так, чтобы до рукояти можно было дотянуться.

Бонарт отступил на шаг.

— Я думал, — сказал он, — что мне достаточно будет натешиться видами тех процедур, которые готовит для тебя Вильгефорц. Я ошибся. Я должен почувствовать, как твоя жизнь стекает по моему клинку. Плевать я хотел на чары и заговоры, на предназначения и предсказания, на судьбы мира. Плевать я

хотел на старшую и младшую кровь. Что мне все эти ворожбы и чары? Какой мне от них прок? Никакого! Ничто не может сравниться с удовольствием...

Он осекся. Она видела, как он стиснул зубы, как зловеще блеснули его глаза.

— Я выпущу из тебя кровь, ведьмачка, — зашипел он. — А потом, прежде чем ты очоленеешь, мы отпразднуем свадьбу. Ты — моя. И умрешь моей. Доставай оружие.

Послышался далекий грохот, замок задрожал.

— Вильгефорц, — пояснил с каменным лицом Бонарт, — делает там фарш из твоих ведьмачьих спасителей. Ну, давай, девка, доставай меч.

«Бежать, — подумала она, коченея от ужаса. — Бежать в другие места и другие времена, только бы подальше от него, только бы подальше». Она ощутила стыд. Как же так — бежать? Бросить на произвол судьбы, оставить в их руках Йеннифер и Геральта? Но рассудок подсказывал: «Мертвая, я не намного им схожу...»

Она сконцентрировалась, прижала кулаки к вискам. Бонарт моментально понял, что ему светит, кинулся к ней. Но поздно. В ушах у Цири зашумело, что-то сверкнуло. «Получилось», — подумала она торжествующе.

И сразу же поняла, что торжествовала преждевременно. Поняла это, слыша яростные крики и ругань. Виной фиаско была, вероятно, злая, враждебная и парализующая аура этого места. Она перенеслась, но недалеко. Совсем недалеко от Бонарта. Но все же за пределы досягаемости его рук и меча. По крайней мере — на какое-то время.

Подгоняемая его ревом, она повернулась и побежала.

Она пробежала по длинному широкому коридору, сопровождаемая мертвыми взглядами алебастровых канефор*, поддерживающих арки. Свернула раз, другой. Намеревалась скрыться и обмануть Бонарта, а кроме того, спешила на звуки боя. Туда, где шла драка, где были ее друзья.

Влетела в большое круглое помещение, посреди которого на мраморном постаменте возвышалась статуя женщины с прикрытым лицом, скорее всего — богини. Отсюда выходили два

* участницы торжеств в честь богов, несущие на головах корзины с утварью (греч.).

коридора, оба довольно узкие. Она выбрала наугад. И конечно, выбрала плохо.

— Эй, девка! — рявкнул бандюга. — Попалась!

Их было слишком много, чтобы ввязываться в бой даже в узком коридоре. А Бонарт, вероятно, уже близко. Цири развернулась и бросилась бежать. Влетела в зал с мраморной богиней. И остолбенела.

Перед ней стоял рыцарь с огромным мечом, в черном плаще и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Город горел. Она слышала рев огня, видела извивающиеся языки пламени, чувствовала опаляющий жар пожара. В ушах стояло ржание лошадей, вопли убиваемых... Крылья черной птицы неожиданно захлопали, прикрыли собою все... На помощь!

«Цинтра, — подумала она, приходя в себя. — Остров Танедд! Он настиг меня даже здесь. Это демон. Меня окружают демоны, кошмары моих снов. Позади — Бонарт, впереди — он».

Слышались крики, топот подбегающих прислужников.

Рыцарь в шлеме с перьями неожиданно шагнул к ней. Цири переборолла страх. Выхватила из ножен Ласточку.

— Ты не коснешься меня!

Рыцарь сделал еще шаг, и Цири с изумлением увидела, что за его спиной, прикрытая плащом, прячется светловолосая девушка, вооруженная кривой саблей.

Девушка рысью промчалась рядом с Цири, ударом сабли распластала одного из прислужников. А черный рыцарь — о диво! — вместо того чтобы напасть на Цири, могучим ударом разрубил второго наемника. Остальные отступили в коридор.

Светловолосая девушка кинулась к дверям, но не успела их запереть. И хотя она грозно крутила саблей, прислужники вытолкнули ее из-под портала. Цири увидела, как один ткнул ее сулицей, увидела, что девушка падает на колени, и прыгнула, от уха взмахнув Ласточкой, с другой стороны, ужасающе размахивая длинным мечом, подбежал Черный Рыцарь. Светловолосая, все еще стоя на коленях, вытащила из-за пояса топорик и метнула, попав одному из наемников в лицо. Потом подскочила к дверям, захлопнула их, а рыцарь опустил засовы.

— Фу, — выдохнула девушка. — Дуб и железо! Не сразу они пробьются.

— Они не станут терять времени, поищут другой путь, — деловито бросил Черный Рыцарь и тут же нахмурился, видя, как штанина девушки набухает кровью. Девушка махнула рукой — мол, ерунда.

— Бежим отсюда! — Рыцарь снял шлем, взглянул на Цири. — Я Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха. Пришел вместе с Геральтом. Тебе на спасение, Цири. Я знаю, что это кажется тебе невероятным.

— Я видела и более невероятное, — буркнула Цири. — Дальний же ты проделал путь... Кагыр... Где Геральт?

Он глядел на нее. Она помнила его глаза по Танедду. Темно-голубые и мягкие как атлас. Красивые.

— Спасает чародейку, — ответил он. — Ту.

— Йеннифэр. Идем.

— Да! — сказала светловолосая, перехватывая ногу на бедре. — Надобно прикончить еще несколько задниц! За тетечку!

— Идем, — повторил рыцарь.

Но было уже поздно.

— Бегите, — шепнула Цири, видя, кто приближается по коридору. — Это воплощение дьявола. Но ему нужна только я. Вас он преследовать не станет... Бегите... Помогите Геральту...

Кагыр покачал головой.

— Цири, — мягко проговорил он, — ты поражаешь меня. Я ехал сюда с края света, чтобы отыскать тебя, спасти и защитить. И ты хочешь, чтобы теперь я бежал?

— Ты не знаешь, с кем имеешь дело.

Кагыр подтянул перчатки, скинул плащ, обернул его вокруг левого предплечья. Взмахнул мечом, завертел так, что зашипел воздух.

— Сейчас узнаю.

Бонарт, заметив троицу, остановился. Но только на секунду.

— Так! — сказал он. — Помощь прибыла! Твои дружки, ведьмачка? Славно. Двумя меньше, двумя больше, какая разница?

Цири неожиданно осенило.

— Прощайся с жизнью, Бонарт! — взвизгнула она. — Это твой конец! Нашла коса на камень!

Она немного перебрала, он уловил фальшь в голосе. Остановился, глянул подозрительно.

— Ведьмак? Серьезно?

Кагыр закрутил мечом, встал в позицию. Бонарт не дрогнул.

— Оказывается, чаровница предпочитает более молодых, чем я думал, — зарычал он. — Глянь сюда, молокосос.

Он распахнул рубашку. Блеснули серебряные медальоны. Кот, гриф и волк.

— Если ты и вправду ведьмак, — скрежетнул он зубами, — то знай, твой личный знахарский амулет сейчас украсит мою коллекцию. Если же не ведьмак, то будешь трупом прежде, чем успеешь моргнуть. Поэтому умнее было бы сойти с моей дороги и бежать куда глаза глядят. Мне нужна эта девка, на тебя у меня аппетита нет.

— Силен ты в речах, — спокойно проговорил Кагыр, вертя клинком. — Проверим, не только ли. Ангулема, Цири. Убегайте!

— Кагыр...

— Бегите, — поправился он, — на помощь Геральту.

Они побежали. Цири поддерживала хромающую Ангулему.

— Ты сам того хотел. — Бонарт прищурил белесые глаза, сделал шаг, вращая меч.

— Я сам того хотел! — глухо повторил Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах. — Нет. Того хочет Предназначение!

Они бросились навстречу друг другу, сошлись быстро, окружили себя дикими разблесками клинков. Коридор наполнился звоном металла, от которого, казалось, дрожит и колеблется мраморная скульптура женщины.

— Недурно, — кашлянул Бонарт, когда они разошлись. — Недурно, парень. Но никакой ты не ведьмак, маленькое змейство обманула меня. Конец тебе. Готовься умереть.

— Силен ты в речах.

Кагыр глубоко вздохнул. Стычка убедила его, что победить рыбоглазого у него шансов мало. Этот тип был слишком быстр, слишком силен для него. Надеяться можно было лишь на то, что противник спешил догнать Цири. И явно нервничал.

Бонарт напал снова. Кагыр парировал удар, сгорбился, прыгнул, ухватил противника за пояс, толкнул на стену, ударил коленом между ног. Бонарт схватил его за лицо, сильно саданул в висок оголовком меча, раз, другой, третий. Третий удар отшвырнул Кагыра. Он увидел разблеск клинка. Машинально парировал.

Слишком медленно.

Существовала строго соблюдаемая традиция рода Дыффинов: около покоящегося в замковом арсенале тела усопшего родственника все мужчины рода проводили сутки. Женщины же, собравшись в дальнем крыле замка, чтобы не мешать мужчинам в их молчаливом предпохоронном бдении, не рассеи-

вать их мысли и не нарушать сосредоточения, в это время рыдали и падали в обмороки. Когда их приводили в себя, они вновь начинали всклипывать и истерически рыдать. И да саро*.

Истерики и слезы даже у женщин, виковарских дворянок, считались неприятной бестактностью и бесчестьем. Но у Дыффинов именно такова была традиция, и никто ее не отменял. И отменять не собирался.

Десятилетний Кагыр, младший брат павшего в Назаире и лежащего сейчас в дворцовом арсенале Аиллиля, мужчиной считаться еще не мог. Его не допустили в собравшееся у открытого гроба мужское общество, не позволили сидеть и молчать вместе с дедушкой Груффыдом, отцом Кеаллахом, братом Дераном, а также кучей дядьев, родных и двоюродных братьев. Рыдать же и терять сознание рядом с бабушкой, матерью, тремя сестрами и уймой тетюшек и кузин ему, естественно, тоже дозволено не было. Вместе с прочими малолетними родственниками, прибывшими в Дарн Дыффа на панихиду, похороны и тризну, Кагыр бездельничал и проказничал на стенах замка. И вел кулачные бои с теми, кто считал, что отважнейшими из отважных в боях за Назаир были именно их отцы и старшие братья, а вовсе не Аиллиль аэп Кеаллах.

— Кагыр! Иди сюда, сынок!

На галерее стояла Маур, мать Кагыра, и ее сестра, тетя Кинеад вар Анагид. Лицо матери было красным и настолько опухшим от слез, что Кагыр прямо-таки испугался. Его потрясло, что даже столь красивую женщину, как его мать, плач мог превратить в такое чудовище. И он крепко-накрепко решил не плакать никогда-никогда.

— Помни, сынок, — зарыдала Маур, прижимая мальчугана к подолу так, что у него перехватило дыхание. — Запомни этот день. Помни, кто лишил жизни твоего брата Аиллиля. Ты должен ненавидеть их всегда. Это сделали проклятые нордлинги. Твои враги, сыночек. Ты должен ненавидеть их всегда, ненавидеть эту проклятую преступную нацию!

— Я буду их ненавидеть, мама, — пообещал Кагыр, немного удивленный. Во-первых, его брат Аиллиль пал в честном бою, достойной и завидной смертью бойца, так над чем же слезы лить? Во-вторых, не было секретом, что бабушка Эвива, мать Маур, была родом из нордлингов. Папе во гневе не раз

* до конца (и так далее) (лат.).

случалось назвать бабушку «северной волчицей». Конечно, когда она не слышала.

Но коли теперь мать велит...

— Я буду их ненавидеть, — горячо поклялся он. — Я их уже ненавижу! А когда вырасту большой и у меня будет настоящий меч, то пойду на войну и головы им поотрубаю! Вот увидишь, мама!

Мама набрала воздуха в легкие и принялась рыдать с новой силой. Тетя Кинеад поддержала.

Кагыр сжал кулаки и дрожал от ненависти. От ненависти к тем, кто обидел его маму, заставив ее стать такой некрасивой.

Удар Бонарта рассек ему висок, щеку, губу. Кагыр выпустил меч и покачнулся, а охотник с полуоборота рубанул его между шеей и ключицей. Кагыр рухнул под ноги мраморной богине, и кровь, словно языческая жертва, омыла цоколь статуи.

Загрохотало, пол задрожал под ногами, со стенного паннопия со звоном свалился щит. По коридору ползли клубы ядовитого дыма. Цири отерла лицо. Светловолосая девушка тянула ее не хуже мельничного жернова.

— Быстрее... Бежим быстрее...

— Я не могу быстрее, — проговорила девушка и вдруг тяжело повалилась на пол. Цири с ужасом увидела, как из-под ее набухшей штанины начинает сочиться кровь и расти красная лужа.

Девушка была бледна как труп.

Цири упала на колени рядом с ней, стянула с нее шаль, потом пояс, попыталась сделать перетягивающую повязку. Но рана была слишком велика. И слишком близко располагалась к паху. Кровь лилась не переставая.

Девушка схватила ее за руку. Пальцы были холодны как лед.

— Цири...

— Да?

— Я — Ангулема. Я не верила... Не верила, что мы тебя отыщем. Но я пошла за Геральтом... Потому что за ним нельзя не идти. Ты знаешь?

— Знаю. Таков уж он.

— Мы отыскиали тебя. И спасли. А Фрингилья насмехалась над нами... Скажи мне...

— Помолчи, пожалуйста.

— Скажи... — Губы Ангулемы шевелились все медленнее. — Скажи, ведь ты — королева... В Цинтре... Мы будем у тебя в милости, правда? Ты сделаешь меня... графиней? Скажи, но не лги... Сделаешь? Ну, скажи!

— Помолчи. Береги силы.

Ангулема вздохнула, неожиданно наклонилась вперед и оперлась лбом о плечо Цири.

— Я знала... — сказала она совершенно отчетливо. — Знала, курва, что бордель в Туссенте был самой моей лучшей придумкой, чтобы выжить...

Прошла долгая, очень долгая минута, прежде чем Цири поняла, что держит в объятиях мертвую девушку.

Она увидела его, увидела, как он приближается, сопровождаемый мертвыми взглядами поддерживающих арки алебастровых канефор. И неожиданно поняла, что бегство невозможно, что от него нельзя убежать. Что ей предстоит сразиться с ним. Она знала об этом.

Но страх перед ним все еще был слишком велик.

Она выхватила оружие. Клинок Ласточки тихо запел. Она знала это пение.

Она пятилась по широкому коридору, а он наступал на нее, держа меч обеими руками. Кровь стекала по лезвию, тяжелыми градинами падала с эфеса.

— Труп, — бросил он, переступая через тело Ангулемы. — Вот и хорошо. Тот мальчишка тоже готов.

Цири почувствовала, как ее охватывает отчаяние. Почувствовала, как пальцы до боли стискивают рукоять Ласточки.

Она пятилась.

— Ты обманула меня, — цедил Бонарт, следуя за ней. — У парня не было медальона. Но внутренний голос говорит мне, что отыщется в замке и тот, у кого такой медальон есть. Отыщется где-то рядом с ведьмой Йеннифэр. Старый Лео Бонарт даст голову на отсечение — отыщется. Но первое дело — главное! — ты, змея! Прежде всего — ты. Ты и я. И наше обручение.

Цири решила. Выкрутила Ласточкой короткую дугу, встала в позицию. Пошла полукругом, все быстрее, принуждая охотника вертеться на месте.

— Последний раз, — процедил он, — тебе не очень-то помог такой фортель. В чем дело? Ты не умеешь учиться на ошибках?

Цири увеличила темп, плавными, мягкими движениями клинка обманывала противника и вводила в заблуждение, манила и гипнотизировала.

Бонарт проделал мечом шипящую мельницу.

— Это на меня не действует, — буркнул он. — И мне от этого становится скучно.

Он двумя быстрыми шагами сократил дистанцию.

— Жарь, музыка!

Он прыгнул, резко ткнул. Цири вывернулась в пируэте, подскочила, мягко опустилась на левую ногу, ударила сразу, не занимая позиции, и еще прежде, чем клинок столкнулся с защитой Бонарта, она уже кружилась, гладко подныривая под свистящие удары. Рубанула еще раз, не замахиываясь, из неестественного, застывшего враспloh сгиба локтя. Бонарт парировал, инерцию парирования он использовал для того, чтобы тут же рубануть слева. Она ожидала этого, ей достаточно оказалось лишь слегка подогнуть колени и качнуться корпусом, чтобы мгновенно выскользнуть из-под острия. Она ответила тут же коротким ударом. Но теперь уже он ждал ее и обманул финтом. Не встретив ответа, она чуть было не потеряла равновесие, спаслась мгновенным отскоком, но все равно меч задел ей плечо. Сначала она подумала, что острое перерубило только подватованный рукав, но через мгновение почувствовала под мышкой и на руке тепло.

Алебастровые канефоры наблюдали за ними равнодушными глазами. Она отступала, а он шел за ней, сгорбившись, выделявая мечом широкие косящие движения. Как костлявая смерть, которую Цири видела на картинах в храме. «Танец скелетов, — подумала она. — Идет, идет, курносая».

Она попятилась. Теплая кровь уже текла по предплечью и кисти.

— Первая кровь — мне, — проговорил он, видя капли, звездочками разбрызгивающиеся по паркету. — Кому будет вторая? Милая моя?

Она пятилась.

— Обернись. Это конец.

Он был прав. Коридор оканчивался ничем, провалом, на дне которого были видны запыленные, грязные и разбитые доски пола нижнего этажа. Эта часть замка была разрушена. Здесь, где они сейчас находились, вообще не было пола. Осталась только ажурная несущая конструкция — столбы, балки, перекладины.

Она, не раздумывая, ступила на балку, начала пятиться по ней, не упуская Бонарта из виду, следя за каждым его движением. Это ее спасло. Потому что он вдруг ринулся на нее бегом по балке, рубя быстрыми перекрестными ударами, размахивая мечом в молниеносных финтах. Она знала, на что он рассчитывал: неловкая защита или ошибка в финте выбили бы ее из равновесия и она свалилась бы с балки на разрушенный пол нижнего этажа.

На этот раз Цири не дала обмануть себя финтами. Совсем даже наоборот. Она ловко вывернулась и сама приготовилась к удару справа, а когда он на долю секунды задержался, мгновенно рубанула из декстера, да так сильно и мощно, что Бонарт покачнулся, парируя удар. И упал бы, если б не его рост. Вытянутой вверх левой рукой он сумел ухватиться за перекладину и удержать равновесие. Но на долю секунды расслабился, и Цири этой доли секунды хватило. Она рубанула из выпада, сильно, на всю длину руки и клинка.

Он даже не дрогнул, когда острое Ласточки с шипением прошло по его груди и левому плечу. Ответил тут же, удар перерубил бы ее, наверное, пополам, если б она не перепрыгнула на соседнюю балку, упав на полусогнутые и держа меч горизонтально над головой.

Бонарт глянул на свое плечо, поднял левую руку, уже помеченную плетением карминовых змеек. Посмотрел на густые капли, падающие в провал.

— Ну-ну, — сказал он. — Однако ты умеешь учиться на ошибках...

Его голос дрожал от ярости. Но Цири знала его достаточно хорошо. Он был спокоен, собран и готов к смерти. Перепрыгнул на ее балку, кося мечом, шел на нее словно ураган, ступал уверенно, не колеблясь, даже не глядя под ноги. Балка потрескивала, пылила и сыпала песок.

Он напирал, рубя крестом. Заставил ее идти спиной вперед. Нападал так быстро, что она, боясь рисковать, не могла ни прыгнуть, ни сделать сальто, а вынуждена была все время парировать и делать вольты.

Увидев блеск в его рыбьих глазах, она поняла, в чем дело. Он припирал ее к столбу, к крестовине над перекладиной. Толкал ее туда, откуда невозможно сбежать.

Надо было что-то делать. И тут вдруг она поняла — что. Каэр Морхен. Маятник.

Оттолкнувшись от маятника, ты получишь инерцию. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы нанести удар. Ясно?

«Ясно, Геральт».

Неожиданно, с быстротой нападающей змеи, она перешла от защиты к удару. Клинок Ласточки застонал, столкнувшись с мечом Бонарта. В тот же миг Цири оттолкнулась от столба и прыгнула на соседнюю балку. Опустилась, чудом удержала равновесие. Пробежала несколько легких шагов и прыгнула снова, опять на балку Бонарта, оказавшись у него за спиной. Он вовремя обернулся, ударил широко, почти вслепую, туда, куда ее должен был перенести прыжок. Промахнулся на волос, сила удара покачнула его. Цири налетела словно молния. Рубанула на выпаде, падая на полусогнутые. Ударила сильно и уверенно.

И замерла с мечом, отведенным в сторону. Спокойно глядела, как длинное, косое, ровненькое сечение на его кафтане начинает вспухать и наливаться густым кармином.

— Ты... — Бонарт покачнулся. — Ты...

Он кинулся на нее. Но он был уже медлительным, вялым. Она ушла прыжком назад, а он, не в состоянии удержать равновесия, упал на колено, но и коленом не попал на балку. А дерево было уже мокрым и скользким. Какое-то мгновение он глядел на Цири. Потом упал.

Она видела, как он рухнул на искореженные доски провала в фонтане пыли, штукатурки и крови, видела, как его меч отлетел в сторону на несколько саженей. Бонарт лежал неподвижно, раскинув руки и ноги, огромный, худой. Раненный и совершенно безоружный. Но по-прежнему страшный.

Понадобилось некоторое время, чтобы он наконец вздрогнул. Застонал. Попытался поднять голову. Пошевелил руками. Пошевелил ногами. Придвинулся к столбу, оперся о него спиной. Застонал снова, обеими руками ощупывая окровавленную грудь и живот.

Цири прыгнула. Упала рядом с ним на разрушенный пол в полуприсесте. Мягко, как кошка. Она видела, как его рыбы глаза расширились от ужаса.

— Ты выиграла... — прохрипел он, глядя на острие Ласточки. — Ты выиграла, ведьмачка. Жаль, что это не на арене... Было бы зрелище...

Она не ответила.

— Я дал тебе этот меч, помнишь?

— Я помню все.

— Думаю, меня... — он застонал, — ты не дорежешь, а? Не сделаешь этого... Не добьешь поверженного и безоружного... Ведь я тебя знаю, Цири. Для этого ты... слишком благородна.

Она долго смотрела на него. Очень долго. Потом наклонилась. Глаза Бонарта расширились еще больше. Но она только сорвала у него с шеи медальоны — волка, кота и грифа. Потом отвернулась и пошла к выходу.

Он бросился на нее с ножом. Гнусно и предательски. И беззвучно, как летучая мышь. Лишь в последний момент, когда нож уже вот-вот должен был по гарду войти ей в спину, он зарывал, вкладывая в этот рык всю ненависть.

Она ушла от предательского удара быстрым полуоборотом и отскочила, отвернулась и ударила сама — ударила быстро и широко, крепко, со всей руки, увеличивая силу удара разворотом бедер. Ласточка свистнула и резанула, рассекла самым кончиком клинка. Зашипело и чавкнуло. Бонарт схватился за горло. Его рыбы глаза вылезли из орбит.

— Я же сказала, — холодно бросила Цири, — что помню все.

Бонарт вытаращил глаза еще больше. А потом упал. Перегнулся и рухнул на спину, вздымая пыль. И лежал так, большой, тощий как скелет, на грязном полуразрушенном полу среди сломанных досок и паркетных клепок. И продолжал зажимать горло, спазматически, изо всех сил. Но хоть зажимал крепко, вокруг его головы быстро расплзался огромный черный ореол.

Цири встала над ним. Молча. Но так, чтобы он видел ее как следует. Он задрожал, заскреб доски каблуками. Потом издал такой звук, какой издает воронка, когда из нее уже выльется все.

И это был последний звук, который он издал.

Грохотнуло, с гулом и звоном вылетели витражи.

— Осторожнее, Геральт!

Они отскочили. В самое время. Ослепительная молния пробила пол, в воздухе засвистели осколки терракоты и острые кусочки мозаики. Вторая молния попала в колонну, за которой укрылся ведьмак. Колонна развалилась на три части. От свода отвалилась половина арки и с оглушительным грохотом рухнула на пол. Геральт, прижавшись животом к полу, прикрыл голову руками, понимая, сколь эфемерна такая защита от падающих на него пудов. Он приготовился к худшему, но было

вовсе не так плохо. Он вскочил, успел увидеть над собой блеск магического щита и понял, что спасла его магия Йеннифэр.

Вильгефорц повернулся к чародейке, разбил в пыль колонну, за которой она укрылась. Яростно крикнул, прошил тучу дыма и пыли огненными нитями. Йеннифэр успела отскочить, ответила, пустив в чародея собственную молнию, которую, однако, Вильгефорц без всяких усилий и почти играючи отразил. Ответил ударом, швырнувшим Йеннифэр на пол.

Геральт бросился на чародея, смахивая с лица штукатурку. Вильгефорц уставился на него и протянул руку, из которой с шипением вырвалось пламя. Ведьмак машинально заслонился мечом. О диво! Покрытый рунами краснолюдский клинок защитил его, разрубив огненную полосу пополам.

— Хо! Прекрасно, ведьмак! А что скажешь на это?

Ведьмак ничего не сказал, а отлетел так, словно по нему ударили тараном, упал на пол и проехался, остановившись только у цоколя колонны. Колонна раскололась и развалилась на мелкие кусочки, опять прихватив с собой часть купола. На этот раз Йеннифэр не сумела прикрыть его магическим щитом. Огромный кусок, отвалившийся от арки, попал ему в бок, свалил с ног. Боль на мгновение парализовала его.

Йеннифэр, скандируя заклинания, швыряла в Вильгефорца молнию за молнией. Ни одна не достигла цели, все бесцельно отражалось от защищающей чародея магической сферы. Вильгефорц неожиданно вытянул руки, быстро развел их в стороны. Йеннифэр вскрикнула от боли, поднялась в воздух. Вильгефорц свел руки так, словно выжимал мокрую тряпку. Чародейка пронзительно завывала. И начала скручиваться.

Геральт прыгнул, преодолевая боль. Но его опередил Регис.

Вампир появился неведомо откуда в теле гигантского нетопыря и беззвучно свалился на Вильгефорца. Не успел тот заслониться чарами, как Регис хватил его когтями по лицу, не попав в цель исключительно потому, что глаз был ненормально маленьким. Вильгефорц зарычал, замахал руками. Освобожденная Йеннифэр с душераздирающим стоном рухнула на кучу обломков. Кровь из носа полилась ей на лицо и грудь.

Геральт был уже близко, уже заносил для удара сгильль, но Вильгефорц еще не был побежден и капитулировать не собирался. Ведьмака он отбросил мощной силовой волной, а в напавшего вампира запустил ослепительное белое пламя, перерезавшее колонну, словно горячий нож масло. Регис ловко

увернулся от пламени, материализовался в нормальную фигуру рядом с Геральтом.

— Осторожнее! — крикнул ведьмак, пытаясь разглядеть, что с Йеннифэр. — Берегись, Регис!

— Беречься? — ахнул вампир. — Мне? Не для того я сюда прибыл!

Невероятным, молниеносным, истинно тигриным прыжком он кинулся на чародея и схватил его за горло. Сверкнули клыки.

Вильгефорц взвыл от ужаса и ярости. Какое-то мгновение казалось, что ему конец. Но всего лишь казалось. У чародея в запасе было оружие на любой случай. И против любого противника. Даже против вампира.

Руки, схватившие Региса, запылали раскаленным железом. Вампир крикнул. Геральт, видя, что чародей буквально раздражает Региса, закричал тоже и метнулся на выручку, но не успел. Вильгефорц бросил разорванного вампира на колонну, с малого расстояния из обеих рук колдуна вырвалось белое пламя. Регис закричал, закричал так, что ведьмак заткнул уши руками. С гулом и звоном вылетели последние витражи. А колонна просто расплавилась. Вампир оплавился вместе с нею, превратился в бесформенную глыбу.

Геральт выругался, вложив в проклятие всю ярость и отчаяние. Подскочил, занес сигилль для удара.

Ударить он не успел. Вильгефорц развернулся и хватил его магической энергией. Ведьмак пролетел через весь зал, с размаху врезался в стену, сполз по ней. Лежал, как рыба, хватая воздух. Думать ему надо было не о том, что у него сломано, а о том, что уцелело. Вильгефорц шел к нему. В его руке материализовался железный стержень длиной футов в шесть.

— Я мог бы испепелить тебя заклинаниями, — сказал он. — Я мог бы превратить тебя в стекло, как только что проделал с тем чудовищем. Но тебе, ведьмак, суждено подохнуть иначе. В борьбе. Может, не слишком честной, но все же — борьбе.

Геральт не верил, что ему удастся встать. Но он встал. Выплюнул кровь из разрубленной губы. Сильнее стиснул меч.

— На Танедде, — Вильгефорц подошел ближе, завертел стержнем, — я только малость поломал тебя. Немного и аккуратно, потому что хотел лишь проучить. Однако, поскольку урок не пошел на пользу, сегодня я ломаю тебя со всем старанием, разделаю на малюсенькие косточки. Так, чтобы уже никто и никогда не сумел тебя собрать заново.

Он напал. Геральт не отступил.

Геральт принял бой.

Стержень мелькал и свистел, чародей прыгал вокруг пляшущего ведьмака. Геральт уходил от ударов и наносил их сам, но Вильгефорц ловко парировал, и тогда жалобно стонала стalkerивающаяся со сталью сталь.

Чародей был быстр и ловок, как демон.

Он обманул Геральта поворотом туловища и ловким ударом слева хлестнул снизу по ребрам. Прежде чем ведьмак снова обрел равновесие и восстановил дыхание, он получил по плечу так, что даже присел. Отскоком защитил череп от удара сверху, но не избежал ответного удара снизу, чуть выше бедра. Он покачнулся и ударился спиной о стену, сохранив, однако, достаточно сообразительности, чтобы упасть на пол — и в самую пору, потому что железный стержень скользнул по его волосам и врезался в стену так, что полетели искры.

Геральт перекатился, стержень выбивал искры из пола совсем рядом с его головой. Второй удар пришелся по лопатке. Сотрясение, парализующая боль, опускающаяся в ноги слабость. Чародей занес стержень. В его глазах горело торжество победителя.

Геральт стиснул в кулаке медальон Фрингиллы.

Стержень опустился с такой силой, что зазвенело. Ударился в пол в футах от головы ведьмака. Геральт вскочил и быстро встал на одно колено. Вильгефорц подскочил, ударил. Стержень снова прошел в нескольких дюймах мимо цели. Чародей недоверчиво покрутил головой, на мгновение растерялся. Потом вздохнул, неожиданно поняв. Глаза у него сверкнули. Он прыгнул, одновременно замахнувшись.

Поздно.

Геральт молниеносно резанул его по животу. Вильгефорц взвизгнул, упустил стержень, отступил, согнувшись пополам. Ведьмак был уже рядом. Послал его ударом ботинка на обломки раздробленной колонны, рубанул с размаху, от ключицы к бедру. Кровь хлынула на пол, вырисовывая на нем зыбкий узор. Чародей закричал, упал на колени. Опустил голову, поглядел на живот и грудь. Долго не мог оторвать взгляда от того, что увидел.

Геральт спокойно выжидал, стоя в боевой позиции с сигиллем, готовым к действию.

Вильгефорц душераздирающе застонал и поднял голову.

— Гера-а-а-альт...

Ведьмак не дал ему закончить.

Долгое время было очень тихо.

— Не знала я, — сказала наконец Йеннифэр, поднимаясь с кучи обломков. Вид у нее был страшноватый. Кровь текла из носа, заливая подбородок, стекая на грудь. — Вот уж не думала, — повторила она, видя непонимающий взгляд Геральта, — что ты знаешь иллюзионные чары. К тому же способные обмануть Вильгефорца...

— Не я. Мой медальон.

— Ах, — подозрительно взглянула она. — Любопытно. Но все равно — за то, что мы живы, надо благодарить Цири.

— Не понял.

— Его глаз. Он не вполне восстановил координацию. Не всегда попадал. Однако в основном я обязана жизнью...

Она замолчала, глянула на остатки расплавленной колонны, в которой можно было угадать контуры фигуры...

— Кто это был, Геральт?

— Друг. Мне будет его недоставать.

— Он был человеком?

— Он был воплощением человечности. Что у тебя, Йен?

— Несколько поломанных ребер, сотрясение мозга, тазобедренный сустав, позвоночник. А все остальное — прекрасно. А у тебя?

— Примерно то же.

Она равнодушно взглянула на голову Вильгефорца, лежащую точно в центре мозаики на полу. Маленький остекленевший глаз чародея поглядывал на них с немым укором.

— Хорошая композиция, — сказала Йеннифэр.

— Факт, — согласился Геральт, немного помолчав. — Но я уже насмотрелся досыта. Ты сможешь идти?

— С твоей помощью — да.

И они встретились втроем там, где сходились коридоры. Под арками. Встретились под мертвыми взглядами алебастровых канефоров.

— Цири, — сказал ведьмак и протер глаза.

— Цири, — сказала поддерживаемая ведьмаком Йеннифэр.

— Геральт, — сказала Цири.

— Цири, — ответил он, преодолевая неожиданный спазм. — Рад тебя видеть.

— Госпожа Йеннифэр.

Чародейка высвободилась из-под руки ведьмака и с величайшим трудом распрямилась.

— Как ты выглядишь, девочка! — сурово сказала она. — Ты только посмотри на себя. Как ты выглядишь? Поправь волосы. Не сутулься. Подойди-ка сюда.

Цири подошла, окостеневшая, будто автомат. Йеннифэр поправила ей воротничок, попыталась стереть уже засохшую кровь с рукава. Коснулась волос. Приоткрыла шрам на щеке. Крепко обняла. Очень крепко. Геральт видел ее руки на спине Цири. Видел изуродованные пальцы. Он не чувствовал ни гнева, ни жалости, ни ненависти. Только усталость и дикое желание покончить со всем этим.

— Мамочка...

— Доченька...

— Пошли, — решил наконец он. Но решил не сразу.

Цири громко хлопнула носом, вытерла его тыльной стороной ладони. Йеннифэр осуждающе взглянула на нее, протерла глаз. Видимо, в него что-то попало. И немудрено. Ведьмак глядел в коридор, из которого вышла Цири, словно ожидал, что оттуда вот-вот появится кто-нибудь еще. Цири покачала головой. Он понял.

— Пошли отсюда.

— Да, — сказала Йеннифэр. — Я хочу увидеть небо.

— Я вас никогда больше не оставлю, — глухо сказала Цири. — Никогда.

— Пошли отсюда, — в третий раз сказал Геральт. — Цири, поддержи Йен.

— Незачем меня поддерживать!

— Разреши мне, мамочка.

Перед ними была лестница, гигантская лестница, тонущая в дыму, в мерцающем свете факелов и огня в железных корзинах. Цири вздрогнула. Она уже видела эту лестницу. В снах и видениях.

Внизу, далеко, ожидали вооруженные люди.

— Я устала, — шепнула Цири.

— Я тоже, — признался Геральт, доставая сигилль.

— Хватит с нас убийств.

— С меня тоже.

— Отсюда есть другой выход?

— Нет. Только эта лестница. Что делать, девонька? Так надо... Йен хочет увидеть небо. А я хочу видеть небо, Йен и тебя.

Цири оглянулась, посмотрела на Йеннифэр, которая оперлась о поручни, чтобы не упасть. Вытащила отнятые у Бонарта медальоны. Кота повесила себе на шею, волка протянула Геральту.

— Надеюсь, ты знаешь, — сказал он, — что это всего лишь символы?

— Все в жизни всего лишь символы.

Она вытянула Ласточку из ножен.

— Идем, Геральт.

— Идем. Держись ближе ко мне.

Внизу, с оружием во вспотевших руках, ожидали наемники Скеллена. Филин быстрым жестом послал на лестницу первую группу. Кованые ботинки загрохотали по ступеням.

— Помедленнее, Цири, не спеши. И ближе ко мне.

— Да, Геральт.

— И спокойнее, девочка, спокойнее. Помни, никакой злости, никакой ненависти. Просто мы должны выйти и увидеть небо. А все, вставшие у нас на пути, должны умереть. Не сомневайся.

— Я не сомневаюсь. Я хочу видеть небо.

До первой площадки они дошли без помех. Наемники отступали, удивленные и сбитые с толку их спокойствием. Но через мгновение трое прыгнули к ним, с криком размахивая мечами. Они умерли тут же.

— Все разом! — орал снизу Филин. — Прикончить их!

Прыгнули следующие трое. Геральт быстро шагнул навстречу, обманул финтом, прошелся одному снизу по горлу. Развернулся, пропустил Цири под правую руку. Цири гладко хлестнула второго под пах. Третий хотел спастись прыжком через перила. Не успел.

Геральт отер с лица брызги крови.

— Спокойнее, Цири.

— Я спокойна.

Следующая тройка. Просверк клинков, крик, смерть.

Густая кровь капала вниз, стекала по ступеням.

Наемник в изукрашенной латунью разбойничьей одежде прыгнул к ним с длинной списой. Глаза у него были дикими от наркотиков. Цири быстро ударила наискось, отбросила древко. Геральт рубанул. Отер лицо. Они шли вниз, не оглядываясь.

Вторая площадка была уже близко.

— Убить! — орал Скеллен. — Вперед! На них! Все вместе! Убить!

На ступенях топот, крик. Сверкание клинков, рев.

Смерть.

— Хорошо, Цири. Но спокойнее. Без эйфории. И ближе ко мне.

— Я всегда буду рядом с тобой.

— Не тычь от плеча, если можно — от локтя. И осторожнее.

— Я осторожна.

Сверк клинка. Крик, кровь.

Смерть.

— Хорошо, Цири.

— Я хочу увидеть небо.

— Я очень тебя люблю.

— Я тебя тоже.

— Осторожнее. Уже близко.

Вспышка клинков. Вой. Они шли, догоняя стекающую по ступеням кровь. Шли вниз, все время вниз, по лестнице замка Стигга.

Нападающий поскользнулся на окровавленных ступенях, упал им под ноги, завопил, умоляя смириться, обеими руками прикрывал голову. Они прошли мимо, не глядя.

До самой третьей площадки никто не решился преградить им путь.

— Луки! — орал снизу Стефан Скеллен. — Хватайте арбалеты! Бореас Мун должен был принести арбалеты! Где он?

Бореас Мун — о чем Филин знать не мог — был уже весьма далеко. Он мчался прямо на восток, прижав лоб к конской гриве, выжимая из коня все, что он мог дать.

Из остальных посланных за луками и арбалетами вернулся только один.

У отважившегося стрелять дрожали руки и слезились от фисштеха глаза. Первый бельт едва скребнул балюстраду. Второй попал в ступени.

— Выше! — надрывался Филин. — Поднимись выше, иди-от! Стреляй вблизи!

Арбалетчик прикинулся, будто не слышит. Скеллен грязно выругался, выдернул у него из рук арбалет, прыгнул на лестницу, опустился на одно колено и прицелился. Геральт быстро заслонил собою Цири. Но девушка мгновенно вывер-

нулась из-за него, а когда шелкнула тетива, она уже стояла в позиции. Вывернула меч в верхнюю кварту, отразила бельт с такой силой, что он долго вертелся, прежде чем упасть.

— Очень хорошо, — буркнул Геральт. — Очень хорошо, Цири, девочка. Но если ты еще раз сделаешь подобное, я выпорю тебя.

Скеллен бросил арбалет. И вдруг понял, что остался один.

Все его люди, сбившиеся в кучу, были в самом низу. Ни один не решался ступить на лестницу. Их было вроде бы поменьше, опять несколько человек куда-то побежали. Не иначе как за арбалетами.

А ведьмак и ведьмачка спокойно, не убыстряя и не замедляя шага, шли вниз, вниз по залитым кровью ступеням лестницы замка Стигта. Рядом, плечо к плечу, гипнотизируя и обманывая противника быстрыми движениями клинков.

Скеллен попятился. И пятиться не переставал. До самого низа. Оказавшись среди своих и увидев, что отступление продолжается, он бессильно выругался.

— Парни! — крикнул он, а голос сфальшивил и надломился. — Смелее! Вперед на них! Разом! Вперед, смелее! За мной!

— Идьте сами, — проворчал кто-то, поднося к носу ладонь с фисштехом. Филин ударом кулака запорошил ему наркотиком лицо, руки и грудь кафтана.

Ведьмак и ведьмачка спустились со второй площадки.

— Когда они окажутся внизу, — зарычал Филин, — их можно будет окружить. Смело, парни! За оружие!

Геральт глянул на Цири. И чуть не взвыл от ярости, увидев в ее серых волосах беленькие, блестящие серебром прядки. И тут же взял себя в руки. Сейчас не время было злиться.

— Осторожнее, — сказал он глухо. — Ближе ко мне.

— Я всегда буду рядом с тобой.

— Внизу будет жарко.

— Знаю. Но мы — вместе.

— Мы вместе.

— Я с вами, — сказала Йеннифэр, спускаясь следом за ними по ступеням, красным и скользким от крови.

— Держаться! Держаться! — ревел Филин.

Некоторые из тех, что бежали за арбалетами, возвращались. Без арбалетов. И очень напуганные.

Из всех трех ведущих к лестнице коридоров донесся грохот выбиваемых бердышами дверей, звон железа и топот тя-

желых шагов. И неожиданно из всех трех коридоров вывалились солдаты в черных шлемах, латах и плащах со знаком серебряной саламандры. Услышав громкие и грозные окрики, наемники Скеллена со звоном побросали на пол оружие. В менее решительных нацелились арбалеты, острия глевий и рогатины, их поторопили еще более грозными криками. Теперь послушались все, поскольку стало ясно, что черные солдаты прямо-таки сгорают от желания кого-нибудь прикончить и только ждут повода. Филин стоял у колонны, скрестив руки на груди.

— Чудотворная помощь? — проворчала Цири.

Геральт отрицательно помотал головой.

Арбалеты и копья нацелились и в них.

— *Glaeddyvan vort!*

Сопротивляться было бессмысленно. От черных солдат было черно внизу, словно от скопища муравьев, а Геральт и Цири слишком устали. Но мечей не бросили. Аккуратно положили на ступени. Потом сели. Геральт чувствовал теплое плечо Цири, слышал ее дыхание.

Сверху, обходя трупы и лужи крови, показывая черным солдатам невооруженные руки, шла Йеннифэр. Тяжело уселась рядом, на ступени. Геральт почувствовал тепло и другим плечом. «Жаль, — подумал он, — что так не может быть всегда».

И знал, что не может.

Людей Филина связывали и выводили по одному. Черных солдат в плащах с саламандрами становилось все больше. Неожиданно среди них появились высокие рангом офицеры, которых легко было узнать по белым султанам и серебряной окантовке лат. И по уважению, с которым расступались перед ними.

Перед одним из офицеров, шлем которого был особенно богато украшен серебром, расступались с исключительным почтением. Даже с поклонами.

Именно он остановился перед застывшим у колонны Скелленом. Филин — это было видно даже в мерцающем свете лучин и догорающих в железных корзинах картин — побледнел, стал белым как бумага.

— Стефан Скеллен, — громко проговорил офицер звучным, зазвеневшим под сводами холла голосом. — Пойдешь под суд. Будешь наказан за предательство.

Филина вывели, но рук, как его подчиненным, не связывали.

Офицер обернулся. От гобелена наверху оторвалась пылящая тряпка и упала, вращаясь огромной огненной птицей. Свет загорелся на серебряной окантовке лат, на прикрывающих половины щек заслонах шлема, выполненных — как у всех Черных Солдат — в форме жуткой зубастой челюсти.

«Пришел наш черед», — подумал Геральт и не ошибся.

Офицер глядел на Цири, а его глаза сверкали в прорезях забрала, замечая и регистрируя все. Ее бледность. Шрам на щеке. Кровь на рукаве и руке. Белые струйки в волосах.

Потом нильфгаардец перевел взгляд на ведьмака.

— Вильгефорц? — спросил он своим звучным голосом.

Геральт отрицательно покачал головой.

— Кагыр аэп Кеаллах?

Опять отрицательное движение головы.

— Бойня, — сказал офицер, глядя на лестницу. — Кровавая бойня. Ну что ж, кто с мечом пришел... Кроме того, ты облегчил задачу палачу. Далекий же ты проделал путь, ведьмак.

Геральт не ответил. Цири громко хлопнула носом и вытерла его кистью руки. Йеннифэр неодобрительно глянула на нее. Нильфгаардец заметил и это. Усмехнулся.

— Далекий же ты проделал путь, — повторил он. — Явился сюда с края света. За ней и ради нее. И уже хотя бы за это ты, что-то заслужил. Господин де Ридо!

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Ведьмак не удивился.

— Найдите отдельную комнату, в которой я смогу без помех спокойно поговорить с господином Геральтом из Ривии. А пока мы будем беседовать, прошу обеспечить все удобства и услуги обеим дамам. Разумеется, под чуткой и неусыпной охраной.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

— Господин Геральт, соблаговолите пройти со мной.

Ведьмак встал. Взглянул на Йеннифэр и Цири, чтобы успокоить их, предостеречь от каких-нибудь глупостей. Но в этом не было нужды. Обе чудовищно устали. И смирились с судьбой.

— Далекий же ты проделал путь, — в третий раз сказал, снимая шлем, Эмгыр вар Эмрейс Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов.

— Не думаю, — спокойно ответил Геральт, — что короче был твой путь, Дани.

— Ты узнал меня, — улыбнулся император. — А ведь, казалось бы, отсутствие бороды и характер поведения совершенно изменили меня. Из тех, с кем мы раньше встречались в Цинтре, многие потом побывали в Нильфгаарде и видели меня на аудиенциях. И никто не узнал. А ты видел всего один раз, к тому же шестнадцать лет назад. Неужто я так врезался тебе в память?

— Я не узнал бы, ты действительно очень изменился. Я просто догадался. Уже некоторое время тому назад, не без посторонней помощи и подсказки я догадался, какую роль сыграл инцест в семье Цири. В ее крови. В одном из кошмарных снов мне приснился инцест самый страшный, самый отвратительный из возможных. И пожалуйста, вот он ты, собственной персоной.

— Ты едва держишься на ногах, — холодно сказал Эмгыр. — А через силу выдавливаемые дерзости заставляют тебя качаться еще сильнее. Можешь сесть в присутствии императора. Этой привилегией ты будешь пользоваться пожизненно.

Геральт с облегчением сел. Эмгыр продолжал стоять, опершись о резной шкаф.

— Ты спас жизнь моей дочери, — сказал он. — Несколько раз. Благодарю тебя за это. От своего собственного имени и от имени потомков.

— Ты меня обезоруживаешь.

— Цирилла, — Эмгыр не отреагировал на колючесть, — поедет в Нильфгаард. В соответствующее время она станет женой императора. Точно так же, как становились и становятся королевами десятки девочек. То есть почти не зная своего супруга. Зачастую — не составив о нем достаточно хорошего мнения после первой встречи. Часто — разочаровавшись первыми днями и... ночами супружества. Цирилла будет не первая.

Геральт воздержался от комментариев.

— Цирилла, — продолжал император, — будет счастлива, как и большинство королев, о которых я говорил. Это придет со временем. Любовь, которой я от нее вовсе не требую, Цирилла перенесет на сына, которого она мне родит. Эрцгерцога, а впоследствии императора. Императора, который родит сына. Сына, который станет владыкой мира и спасет мир от уничтожения. Так гласит пророчество, точное содержание которого знаю только я.

— Разумеется, — снова заговорил Белое Пламя, — Цирилла никогда не узнает, кто я. Эта тайна умрет. Вместе с теми, кто ее знает.

— Ясно, — кивнул Геральт. — Ясно даже и ежу. О, пардон!

— Ты не можешь не видеть, — проговорил после некоторого молчания Эмгыр, — десницы Предназначения, стоящего за всем этим. За твоими действиями тоже. С самого начала.

— Во всем этом я вижу скорее руку Вильгефорца. Ведь именно он тогда направил тебя в Цинтру, правда? Когда ты еще был Заколдованным Йожем. Он сделал так, что Паветта...

— Ты блуждаешь в тумане, — резко прервал Эмгыр, забрасывая на плечо плащ с саламандрой. — Ты ничего не знаешь и знать не должен. Я пригласил тебя не для того, чтобы рассказать историю своей жизни. И не для того, чтобы перед тобой оправдываться. Единственное, что ты заслужил, это заверение, что с девушкой не случится ничего скверного. Перед тобой у меня нет никаких долгов и обязательств, ведьмак. Никаких.

— Есть! — Геральт прервал так же резко. — Ты нарушил заключенное соглашение. Не выполнил данное тобою слово. Солгал. Это долги, Дани. Ты нарушил клятву, будучи князем, и у тебя есть долг как у императора. С императорскими процентами. За десять лет!

— Только-то и всего?

— Только-то и всего. Потому что лишь столько мне полагается, не больше. Но и не меньше! Я должен был явиться за ребенком, когда ему исполнится шесть лет. Ты не стал ждать обещанного срока. Ты надумал украсть его у меня прежде, чем наступит срок. Однако Предназначение, о котором ты все время толкуешь, посмеялось над тобой. Все следующие десять лет ты пытался с ним бороться. Сейчас ты ее получил, получил Цири, собственную дочь, которую некогда по-сволочному и подло лишил родных и с которой теперь собираешься по-сволочному и подло наплодить детей, не убоившись кровосмешения. Не требуя от нее любви. Между нами говоря, Дани, я не знаю, как ты сможешь глядеть ей в глаза.

— Цель оправдывает средства, — глухо сказал Эмгыр. — То, что я делаю, я делаю ради потомков. Ради спасения мира.

— Если миру предстоит уцелеть таким образом, — поднял голову ведьмак, — то пусть лучше этот мир сгинет. Поверь мне, Дани, лучше будет, чтобы он сгинул.

— Ты сильно побледнел, — сказал почти мягко Эмгыр вар Эмрейс. — Не нервничай так, а то, чего доброго, грохнешься в обморок.

Он отошел от шкафа, отодвинул стул, сел. У ведьмака действительно кружилась голова.

— Обернуться Железным Йожем, — начал спокойно и тихо император, — был единственный способ принудить моего отца сотрудничать с узурпатором. Все происходило после переворота. Отца — низложенного императора — арестовали и пытали. Однако он не позволил себя сломить. Тогда испробовали другой метод: на глазах отца нанятый узурпатором чародей обратил меня в чудище. Чародей немного добавил по собственной инициативе. А именно — юмора. Эмгыр — на нашем языке значит «Еж», или, как ты меня называешь, — «Йож». Отец, как я сказал, не дал себя сломить, и его убили. А меня под насмешки и хохот выпустили в лес и натравили собак. Жизнь я сохранил, меня не очень активно преследовали, поскольку не знали, что чародей работу спортачил и по ночам ко мне возвращался человеческий облик. К счастью, я знал нескольких человек, в преданности которых мог быть уверен. А было мне тогда, к твоему сведению, тринадцать лет.

Из страны мне пришлось бежать. А то, что освобождения от чар мне надо было искать на Севере, за Марнадальскими Ступенями, вычитал по звездам один чуточку спятивший астролог по имени Ксартисиус. Потом, уже став императором, я подарил ему за это башню и оборудование. До того ему приходилось работать на взятом напрокат инструментарии.

О том, что случилось в Цинтре, ты знаешь сам, нечего напрасно терять время, чтобы углубляться в эти дела. Однако я не согласен с тем, что к этому как-то причастен Вильгефорц. Во-первых, я тогда его еще не знал, во-вторых, я питал сильную антипатию к магикам. Впрочем, не люблю их до сих пор. Да, чуть было не упустил: обретя престол, я отыскал того волшебника, который лизал зад императору и истязал меня на глазах отца. Я тоже проявил чувство юмора. Магика звали Братенс, а на нашем языке это звучит почти как «жареный».

Однако достаточно воспоминаний, возвратимся к делу. Вильгефорц тайно навестил меня в Цинтре вскоре после рождения Цири. Назвался агентом людей, которые в Нильфгаарде были мне по-прежнему верны и скрывались от узурпатора. Он предложил помощь и вскоре доказал, что помочь действительно

может. Когда, все еще не очень ему доверяя, я спросил, почему он это делает, он откровенно сказал, что рассчитывает на благодарность. На милость, привилегии и власть, которыми одарит его великий император Нильфгаарда. То есть я, могущественный владыка, подчинивший себе половину мира, человек, потомок которого станет властелином мира. Рядом с такими великими владыками, заявил он не смущаясь, он и сам надеется взлететь высоко. Тут он достал перевязанные змеиной кожей свитки и предложил моему вниманию их содержание.

Таким образом я познакомился с предсказанием. Узнал о судьбе мира и вселенной. Узнал, что должен сделать, и пришел к выводу, что цель оправдывает и венчает средства.

— Ну конечно.

— Тем временем в Нильфгаарде, — Эмгыр пропустил иронию мимо ушей, — мои дела шли все лучше. Мои сторонники обретали все большее влияние; наконец, поддержанные группой линейных офицеров и кадетским корпусом, они решились на государственный переворот. Однако для этого был необходим я. Законный наследник престола и короны империи, истинный Эмрейс — кровь от крови Эмрейсов, собственной персоной, мне предстояло стать чем-то вроде знамени революции. Между нами говоря, многие революционеры питали надежду на то, что ничем сверх того я не буду. Те из них, которые еще живы, до сих пор не перестают об этом сожалеть.

Но, как было сказано, оставим отступления. Мне необходимо было возвратиться домой. Пришла пора Дани — лжепринцу из Мехта и липовому цинтрийскому герцогу — напомнить о своих правах на трон. Однако я не забывал о предсказании. Вернуться надо было обязательно вместе с Цири. А меж тем Калантэ внимательно, очень внимательно следила за моими руками.

— Она никогда тебе не доверяла.

— Знаю. Думаю, что-то знала о той ворожке. И сделала бы все, чтобы мне помешать, а в Цинтре я был в ее власти. Значит, необходимо было вернуться в Нильфгаард, но так, чтобы никто не догадался, что я — Дани, а Цири — моя дочь. Развязку подсказал Вильгефорц: Дани, Паветте и их ребенку предстояло умереть. Сгинуть без следа.

— При организованном вами кораблекрушении.

— Именно. При переходе из Скеллиге в Цинтру Вильгефорц намеревался втянуть корабль магическим насосом, когда тот будет проплывать над Бездной Седны. Я, Паветта и Цири

должны были предварительно запереться в специально защищенной каюте и выжить. А экипаж...

— Выжить был не должен, — закончил ведьмак. — Так начался твой путь по трупам.

Эмгыр вар Эмрейс некоторое время молчал. Наконец заговорил, и голос его звучал сухо:

— Он начался раньше. К сожалению. В тот момент, когда оказалось, что Цири на борту нет.

Геральт поднял брови.

— К сожалению, — лицо императора ничего не выражало, — в своих планах я недооценил Паветту. Эта малохолдная девица с вечно опущенными глазами разгадала меня и мои намерения. Перед тем как подняли якорь, она отослала ребенка на сушу. Меня охватило бешенство. Ее тоже. У нее начался приступ истерии. Во время разразившегося скандала она свалилась за борт. Прежде чем я успел прыгнуть за ней, Вильгефорц втянул корабль своим всасывателем. Я ударился обо что-то головой и потерял сознание. Выжил чудом, запутавшись в линиях. Очнулся весь в бинтах. У меня была сломана рука...

— Интересно, — холодно спросил ведьмак, — как чувствует себя человек, прикончивший собственную жену?

— Паршиво, — немедленно ответил Эмгыр. — Я чувствовал и чувствую себя паршиво и чертовски отвратительно. И тут ничего не меняет тот факт, что я ее никогда не любил. Цель оправдывает средства. Однако я искренне сожалею о ее смерти. Я этого не хотел и не планировал. Паветта погибла случайно.

— Лжешь, — сухо сказал Геральт, — а императорам лгать не пристало. Паветту нельзя было оставлять в живых. Она бы тебя разоблачила. И никогда бы не допустила того, что ты намеревался сделать с Цири.

— Она жила бы... — возразил Эмгыр, — где-нибудь... далеко. Есть достаточно замков... Хотя бы Дарн Рован... Я не смог бы ее убить.

— Даже ради цели, которая оправдывает средства?

— Всегда, — император потер лицо, — можно найти какое-то менее драматическое средство. Их множество.

— Не всегда, — сказал ведьмак, глядя ему в лицо.

Эмгыр отвел глаза.

— Именно это я имел в виду, — кивнул Геральт. — Закончи рассказ. Время уходит.

— Калантэ стерегла малышку как зеницу ока. О том, чтобы ее похитить, я и думать не мог. Мои отношения с Вильгефорцем сильно охладели, другие магики все еще вызывали у меня антипатию... Но военные и аристократия активно подталкивали меня к войне и нападению на Цинтру. Клялись, что этого жаждет народ, что народу требуется жизненное пространство, что следование vox roruli* будет чем-то вроде императорского испытания. Я решил убить двух зайцев одной стрелой. Одним махом заполучить и Цинтру, и Цири. Остальное ты знаешь.

— Знаю, — кивнул Геральт. — Благодарю за беседу, Дани. Но дольше тянуть невозможно. Я очень устал. Я нагляделся на смерть друзей, которые пришли сюда со мной с края света. Они шли, чтобы спасти твою дочь. Они ее даже не знали. Кроме Кагыра, никто не знал Цири. Но они пошли, чтобы спасти. Потому что были в них порядочность и благородство. И что? Они нашли смерть. Я считаю, что это несправедливо. И если хочешь знать, не согласен с этим. Потому что плевал я на такую историю, когда порядочные люди умирают, а паршивцы продолжают жить и творить свое гнусное дело. У меня больше нет сил, император. Зови людей.

— Ведьмак...

— Тайна должна умереть вместе с теми, кто ее знает. Твои слова. Другого выхода у тебя нет. Неправда, будто у тебя их множество. Я убегу из любой тюрьмы. Отберу у тебя Цири. Нет такой цены, какую я не заплачу, чтобы ее отнять. Ты прекрасно знаешь.

— Прекрасно знаю.

— Йеннифэр ты можешь позволить жить. Она тайны не знает.

— Она, — серьезно сказал Эмгыр, — заплатит любую цену, чтобы спасти Цири. И отомстить за твою смерть.

— Факт, — кивнул Геральт. — Действительно, я забыл, как сильно она любит Цири. Ты прав, Дани. Ну что же, от Предназначения не убежишь. Есть у меня просьба.

— Слушаю.

— Позволь мне с ними проститься. Потом — я в твоём распоряжении.

Эмгыр подошел к окну, уставился на вершины гор.

— Не могу тебе отказать. Но...

* глас народа (лат.).

— Не бойся. Я не скажу Цири ничего. Я нанес бы ей смертельную обиду, сказав, кто ты. А я не в силах ее обижать.

Эмгыр долго молчал, все еще глядя в окно.

— Может, и есть у меня перед тобой какой-то долг, — повернулся он. — Послушай, что я предложу тебе в порядке оплаты. Давно-давно, в очень давние времена, когда у людей еще были честь, гордость и постоянство, когда они ценили свое слово, а боялись исключительно бесчестья, случалось, что осужденный на смерть человек, чтобы избежать позорящей его руки палача или наемного убийцы, ступал в ванну с горячей водой и вскрывал себе вены. Можно ли...

— Прикажи наполнить ванну.

— Можно ли рассчитывать на то, — спокойно продолжил император, — что Йеннифэр пожелает сопровождать тебя в таком купанье?

— Я почти уверен. Но все же спросить не помещает. Йеннифэр — натура довольно бунтарская.

— Знаю.

Йеннифэр согласилась сразу.

— Круг замкнулся, — добавила она, глядя на кисти рук. — Змей Уроборос вонзил зубы в собственный хвост.

— Я не понимаю! — Цири зафыркала, как разозленная кошка. — Я не понимаю, зачем я должна с ним идти? Куда? Почему?

— Доченька, — мягко сказала Йеннифэр. — Таково, девочка, твое Предназначение. Пойми, иначе просто не может быть.

— А вы?

— У нас, — Йеннифэр взглянула на Геральта, — иное Предназначение. Просто так должно быть. Иди сюда, доченька. Обними меня покрепче.

— Они хотят вас убить, верно? Я не согласна! Я едва отыскала вас! Это несправедливо!

— Поднявший меч, — глухо проговорил Эмгыр вар Эмрейс, — от меча и погибнет. Они сражались со мной и проигрвали. Но проиграли достойно.

Цири тремя шагами оказалась рядом с ним, а Геральт молча втянул воздух. Услышал вздох Йеннифэр. «Хрен тебя побери, — подумал он, — ведь это же все видят! Ведь все его черное воинство видит то, что скрыть невозможно! Та же осанка, те

же горящие глаза, тот же изгиб губ. Так же скрещенные на груди руки. К счастью, к великому счастью, пепельные волосы она унаследовала от матери. Но все равно, стоит приглядеться и сразу видно, чья это кровь...»

— Так ты... — сказала Цири, испепеляя Эмгыра огненным взглядом. — Ты, значит, выиграл? И считаешь, что выиграл достойно?

Эмгыр вар Эмрейс не ответил. Только удовлетворенно усмехнулся, глядя на девушку.

Цири стиснула зубы.

— Столько людей погибло. Столько людей погибло из-за тебя. Они проиграли достойно? Их смерть — достойна? Только зверь может так думать. Из меня, хоть я видела смерть вблизи, рядом, тебе сделать зверя не удалось. И не удастся.

Он не ответил. Смотрел на нее, казалось, поедая ее взглядом.

— Я знаю, — прошипела она, — что ты удумал. Что хочешь со мной сделать. И скажу тебе сейчас, сразу, здесь: я не позволю к себе прикоснуться. А если меня... Если меня... То я убью тебя. Даже связанная. Когда ты уснешь, я перегрызу тебе глотку.

Император быстрым жестом успокоил нарастающее среди офицеров ворчание.

— Будет то, — процедил он, не спуская с Цири глаз, — что предназначено. Попрошайся с друзьями, Цирилла Фиона Элен Рианнон.

Цири взглянула на ведьмака. Геральт ответил отрицательным движением головы. Девушка вздохнула.

Они с Йеннифэр обнялись и долго шептались. Потом Цири подошла к Геральту.

— Жаль, — тихо сказала она. — Все обещало быть лучше.

— Гораздо лучше, — подтвердил он.

Они обнялись.

— Будь мужественной.

— Он меня не получит, — шепнула она. — Не бойся. Я сбегу от него. Я знаю способы...

— Ты не должна его убивать. Запомни, Цири. Не должна.

— Не бойся. Я и не думала убивать. Знаешь, Геральт, я уже достаточно наубивала. Слишком много этого было.

— Слишком. Прощай, ведьмачка.

— Прощай, ведьмак.

— Только не вздумай реветь.

— Тебе легко говорить.

* * *

Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда, сопровождал Йеннифэр и Геральта до самой ванны, почти до обрамления огромного мраморного бассейна, заполненного ароматной парящей водой.

— Прощайте, — сказал он. — Торопиться не обязательно. Я уезжаю, но оставляю здесь людей, которых проинструктирую и отдам нужные распоряжения. Когда вы будете готовы, крикнете, и лейтенант подаст вам нож. Но повторяю, торопиться не обязательно.

— Мы должным образом оцениваем оказанную милость, — серьезно кивнула Йеннифэр. — Ваше императорское величество?

— Слушаю.

— Прошу по возможности не обижать мою дочку. Не хотелось бы умирать, зная, что она плачет.

Эмгыр молчал долго. Очень долго. Прислонившись к дверному косяку. И отвернувшись.

— Госпожа Йеннифэр, — проговорил он наконец, и лицо у него было на удивление странное. — Будьте уверены, я не обижу вашей и ведьмака Геральта дочери. Я топтал трупы друзей и плясал на курганах врагов. И думал, что в силах сделать все. Но то, в чем меня подозревают, я просто сделать не могу. Теперь я это знаю. И благодарю вас обоих. Прощайте.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Геральт вздохнул.

— Разденемся? — Он взглянул на парящий бассейн. — Правда, не очень-то меня радует мысль, что нас выволокут отсюда в виде голых трупов...

— А мне, представь, без разницы, какой меня выволокут. — Йеннифэр скинула туфли и быстро расстегнула платье. — Даже если это мое последнее купание, я не намерена бултыхаться в воде одетой.

Она стянула рубашку через голову и вошла в бассейн, энергично расплескав воду.

— Ну, Геральт. Что стоишь как вкопанный?

— Я забыл, насколько ты прекрасна.

— Быстро же ты забываешь. А ну, лезь в воду.

Как только он оказался рядом, она тут же закинула ему руки на шею. Он поцеловал ее, глядя ее талию над водой и под водой.

— А это, — спросил он порядка ради, — подходящее время?

— Для этого, — замурыкала она, погружая в воду одну руку и касаясь его, — любое время подходящее. Эмгыр два-

ды повторил, что нам торопиться не обязательно. Как ты предпочел бы провести отпущенные нам последние минуты? В стенах и плаче? Недостойно. В расчетах с совестью? Банально и глупо.

— Не об этом я.

— Так о чем же?

— Если вода остынет, — проворчал он, лаская ее груди, — разрезы будут болезненными.

— За удовольствие, — Йеннифэр погрузила другую руку, — стоит заплатить болью. Ты боишься боли?

— Нет.

— Я тоже нет. Сядь на край бассейна. Я люблю тебя, но, черт побери, нырять не хочу.

— О-хо-хо, — сказала Йеннифэр, откидывая голову так, что ее влажные от пара волосы расплылись по бордюру маленькими черными змейками. — О-хохо-хохошеньки...

— Я люблю тебя, Йеннифэр.

— Я люблю тебя, Геральт.

— Пора. Кликнем их?

— Кликнем.

Они кликнули. Сначала кликнул ведьмак, потом кликнула Йеннифэр. Потом, не дождавшись ответа, кликнули вместе:

— Ну-у-у-у! Мы готовы! Давайте нож! Э-э-эй! Черт победи! Вода же стынет!

— Ну так вылезьте из нее, — сказала Цири, заглядывая в ванную. — Они все ушли.

— Что-о-о?

— Я же сказала: ушли. Кроме нас троих, тут нет ни живой души. Оденьтесь. Голышом вы выглядите ужасно смешно.

Когда они одевались, у них начали дрожать руки. У обоих. С величайшим трудом они управлялись с пряжками, застежками и пуговицами. Цири болтала.

— Уехали. Просто взяли и уехали. Все, сколько их было. Забрали отсюда все, уселись на лошадей и уехали. Аж пыль столбом.

— И никого не оставили?

— Никогошеньки.

— Непонятно, — шепнул Геральт. — Это непонятно.

— Может, случилось что? — откашлялась Йеннифэр.

— Нет, — быстро ответила Цири. — Ничего.

Она лгала.

Вначале она держала фасон. Выпрямившись, гордо подняв голову и сделав каменное лицо, она оттолкнула затянутые в перчатки руки черных рыцарей, смело и вызывающе взглянула на ужасающие забрала и нащечные прикрытия их шлемов. Больше они к ней не прикасались. К тому же их удерживало ворчание офицера, плечистого парняги с серебряными галунами на латах и белым султаном из перьев цапли.

Она направилась к выходу, эскортируемая с обеих сторон. Гордо подняв голову. Гудели тяжелые сапоги, позвякивали кольчуги, звенело оружие.

Сделав несколько шагов, она обернулась в первый раз. Сделав еще несколько — второй. «Ведь я их уже никогда, никогда не увижу, — ужасающим и холодным светом забилась у нее под темечком мысль. — Ни Геральта, ни Йеннифэр. Никогда».

Осознание этого мгновенно, одним махом стерло маску притворной отваги. Лицо у нее сморщилось и искривилось, глаза наполнились слезами, из носа потекло. Она боролась изо всех сил, но впустую. Поток слез прорвал запруды притворства.

Нильфгаардцы с саламандрами на плечах глядели на нее молча. Молча и изумленно. Некоторые видели ее на окровавленных ступенях, все — во время разговора с императором. Ведьмачку с мечом, непобедимую ведьмачку, смело глядящую в глаза самому императору. И теперь удивлялись, видя всхлипывающего и плачущего ребенка.

Она понимала это. Их взгляды жгли ее огнем, кололи как шпильки. Она боролась, но безуспешно. Чем сильнее сдерживалась, тем сильнее лились слезы.

Она замедлила шаг, потом остановилась. Эскорт тоже. Но только на мгновение. Выполняя ворчливую команду офицера, кто-то схватил ее железными руками под мышки, за кисти. Цири, всхлипывая и глотая слезы, обернулась в последний раз. Потом ее потащили. Она не сопротивлялась. Но всхлипывала все громче, все отчаяннее.

Остановил их император Эмгыр вар Эмрейс, тот темноволосый человек, лицо которого пробуждало в ней странные, неясные воспоминания. Они отпустили ее по его резкому при-

казу. Цири хлопнула носом, вытерла глаза рукавом. Видя, что он подходит, сдержала плач, снова вскинула голову. Но сейчас — она понимала — все выглядело просто смешно.

Эмгыр долго и молча глядел на нее. Подошел. Протянул руку. Цири, всегда в ответ на такие движения механически пятившаяся, сейчас, к своему величайшему изумлению, не отреагировала. С еще большим изумлением она отметила, что его прикосновение ей вовсе не отвратительно. Он прикоснулся к ее волосам, как бы пересчитывая беленькие как снег прядки. Коснулся изуродованной шрамом щеки. Потом привлек к себе, гладил по голове, по спине. И она, сотрясаемая рыданиями, позволяла ему делать это, а руки держала неподвижно, словно пугало для воробьев.

— Удивительная это штука — Предназначение, — услышала она шепот. — Прощай, дочка.

— Как он сказал?

Лицо Цири слегка искривилось.

— Он сказал: *va faill, luned*. На Старшей Речи: «Прощай, девочка».

— Знаю, — кивнула Йеннифэр. — И что потом?

— Потом... Потом он отпустил меня, повернулся и ушел. Приказал всем уйти. И все ушли. Проходили мимо меня совершенно равнодушно, топая сапогами и бренча латами и кольчугами так, что эхо шло по коридору. Сели на лошадей и уехали, я слышала ржание и топот. Никогда в жизни не пойму этого. Потому что, если задуматься...

— Цири...

— Что?

— Не задумывайся.

— Замок Стигга, — повторила Филиппа Эйльхарт, глядя сквозь ресницы на Фрингилью Виго. Фрингилья не покраснела. За прошедшие три месяца ей удалось составить магический крем, сужающий кровеносные сосуды. Благодаря этому румянец не выступал на лице, даже если ей было невыразимо стыдно.

— Укрытие Вильгефорца было в замке Стигга, — подтвердила Ассирэ вар Анагьд, — в Эббинге, над горным озером, название которого мой информатор, простой солдат, не в состоянии был запомнить.

— Вы сказали «было», — обратила внимание Франческа Финдабаир.

— Было, — подхватила Филиппа. — Потому что Вильгефорц мертв, дорогие коллеги. Он и его сообщники, вся их шайка уже грызет землю. Эту услугу оказал нам не кто иной, как наш хороший знакомый, ведьмак Геральт из Ривии. Которого мы недооценили. Ни одна из нас. В отношении которого ошибались. Все мы.

Чародейки, как по команде, взглянули на Фрингилю, но крем и верно действовал безотказно. Ассирэ вар Анагид вздохнула. Филиппа хлопнула ладонью о стол.

— Хоть нас и оправдывает, — сказала она сухо, — завал занятий, связанных с войной и подготовкой мирных переговоров, все же следует считать поражением Ложи тот факт, что в деле Вильгефорца нас опередили и выручили. Больше такое не должно с нами случаться, милые дамы.

Ложа — за исключением бледной как смерть Фрингили Виго — согласно кивнула головами.

— В данный момент, — заговорила Филиппа, — ведьмак Геральт находится где-то в Эббинге. Вместе с Йеннифэр и Цири, которых освободил. Надо будет подумать, как их отыскать...

— А замок? — прервала Сабрина Глевиссиг. — Ты ни о чем не забыла, Филиппа?

— Нет, не забыла. Легенда, если таковая возникнет, должна иметь одну правильную версию. Я хотела просить об этом именно тебя, Сабрина. Возьми с собой Кейру и Трисс. Покончите с этим так, чтобы и следа не осталось.

Гул взрыва был слышен даже в Мехте. Свет — поскольку все происходило ночью — виден даже в Метинне и Гесо. Серия вызванных взрывом тектонических колебаний была ощутима еще дальше. На действительно далеких краях света.

КОНГРЕВ, Эстелла, она же Стелла, дочь барона Оттона де Конгрева, выданная замуж за престарелого графа Лиддертала, после кончины оного по-деловому распорядилась имуществом и средствами, приведя имение в благосостояние немалое. Пребывая в большой милости у императора Эмгыра вар Эмрейса (см.), весьма значительною особою при дворе была. И хотя должностей не имела никаких, ведомо было, что голос и мнение ее император с почтением и уважительностью воспринимать изволил. Благодаря сочувствию и расположению великому к юной императрице Цирилле Фионе (см.), кою ровно дочь собственную любила, была шуточно «матушкою-императрицею» именована. Пережив обоих, как императора, так и императрицу, преставилась в 1331 году, а преогромное ее владение в дальнейшем наследовании досталось родственникам по побочной линии Лиддерталей, Белыми именуемым, оне же, людьми малосерьезными и шалопайными будучи, до доски последней оное порастратили.

Эффенбах и Тальбот.
Encyclopaedia
Maxima Mundi. Том III

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Подкравшийся к бивуаку человек, надо отдать ему должное, был ловок и по-лисьему хитер. Менял место быстро, а двигался так скрытно и тихо, что любой дал бы застать себя врасплох. Любой — но не Бореас Мун. Бореас Мун обладал солидным опытом по вопросам «распloffов».

— Вылезай, человек! — крикнул он, стараясь придать голосу уверенность и грубость. — Впустую все твои фокусы! Я тебя вижу. Вон ты где.

Один из больших камней, которыми был усыпан склон холма, дрогнул на фоне звездного темно-синего неба. Пошевелился и принял форму человека.

Бореас покрутил вертел с жарившимся на нем мясом, потому что запахло горелым. Делая вид, будто небрежно опирается на локоть, положил руку на держало лука.

— Невелик мой скарб. — В нарочито спокойный тон он вплеп шершавую металлическую нить предостережения. — Не так уж много у меня пожитков. Но я к ним привязан. И буду защищать не на жизнь, а на смерть.

— Я не бандит, — глубоким голосом сказал мужчина, который подкрадывался, маскируясь под менгир. — Я пилигрим.

Пилигрим был высок и крепко сложен, роста не меньше семи футов, а если б его взвесить, то Бореас пошел бы на спор, что в качестве противовеса понадобилось бы не меньше десяти пудов. Пилигримский посох — дубина толщиной с оглоблю — в его руке казался тросточкой. Бореаса Муна искренне удивило, каким таким чудом этот огромный бычок ухитрился так ловко подкрадываться. И немного обеспокоило. Его лук — композитная семидесятифунтовка, из которой

он за полсотни шагов мог уложить лося, — показался ему вдруг маленькой и хрупкой детской игрушкой.

— Я пилигрим, — повторил могучий мужчина. — У меня нет дурных...

— А второй, — быстро прервал Бореас, — тоже пусть выйдет.

— Какой вто... — начал было пилигрим и осекся, видя, как из мрака с противоположной стороны бесшестельно, словно тень, возникла стройная фигура. На этот раз Бореас Мун ничуть не удивился. Второй мужчина — то, как он двигался, выдавало опытному следопыту мгновенно, — был эльфом. А дать застать себя врасплох эльфу — не позорно.

— Прошу прощения, — сказал эльф странно неэльфым, слегка хриловатым голосом. — Я прятался от вас не с дурными намерениями, а от страха. Я, пожалуй, повернул бы вертел.

— И верно, — сказал пилигрим, опираясь на посох и громко сопя. — Мясо на этой стороне уже вполне...

Бореас повернул вертел, вздохнул, кашлянул. Снова вздохнул.

— Собогазоволите присесть, — решился он наконец. — И подождать. Скотина того и гляди допечется. Да, полагаю, плох тот, кто покусится покормить странников на тракте.

Жир с шипением потек в огонь, огонь взвился, стало светлее.

На пилигриме был фетровый колпак с широкими полями, тень которого довольно успешно прикрывала лицо. Эльфу головной убор заменяла чалма из цветного материала, лица не скрывавшая. Увидев его при свете костра, оба вздрогнули. И Бореас, и пилигрим. Но даже тихого вздоха не издали, когда увидели, что лицо это, некогда, вероятно, по-эльфьему красивое, было обезображено чудовищным шрамом, пересекающим лоб, бровь, нос и щеку до самого подбородка.

Бореас Мун кашлянул, снова повернул вертел.

— Этот запашок, — отметил, а не спросил он, — привел господ к моему бивуаку? Или нет?

— Верно. — Пилигрим покачал полями шляпы, а голос у него немного изменился. — Я унюхал жаркое издали. Однако соблюл осторожность. На костре, к которому я неосмотрительно приблизился два дня тому, поджаривали женщину.

— Это правда, — подтвердил эльф. — Я побывал там на следующее утро, видел человеческие кости в пепле.

— На следующее утро, — протяжно повторил его слова пилигрим, а Бореас мог бы поспорить, что на его скрытом

тенью лице мелькнула неприятная усмешка. — И давно ты скрытно идешь по этому следу, уважаемый эльф?

— Давно.

— И что не позволяло тебе показаться?

— Рассудок.

— Перевал Эльскердег, — Бореас Мун повернул вертел и прервал неловкую тишину, — место, действительно пользующееся не самой лучшей славой. Я тоже видел кости в кострах, скелеты на кольях. Повешенных на деревьях. Здесь полным-полно диких жестоких культов. И существ, которые только и ждут, как бы тебя сожрать. Кажется.

— Не кажется, — поправил эльф, — а наверняка. И чем дальше в горы, тем хуже будет.

— Вашим милостям тоже на восток дорога? За Эльскердег? В Зерриканию? А может, еще дальше, в Хакланд?

Ни пилигрим, ни эльф не ответили. Да Бореас в общем-то и не ждал ответа. Во-первых, вопрос был бестактным. Во-вторых, глупым. С того места, где они находились, идти можно было только на восток. Через Эльскердег. Туда, куда направлялся и он.

— Жаркое готово. — Бореас легким и не лишенным театральности движением раскрыл свой складной нож. — Прошу, господа. Не смущайтесь.

У пилигрима был охотничий нож, а у эльфа — кинжал, на вид отнюдь не кухонный. Но все три служившие явно для более серьезных дел лезвия сегодня пошли в ход для вполне мирных действий — разделки мяса. Некоторое время слышны были только работа челюстей и шипение отбрасываемых в уголья обглоданных костей.

Пилигрим удовлетворенно отрыгнул.

— Чудная зверушка, — сказал он, рассматривая лопатку, которую обглодал и облизал до такой степени, что теперь она выглядела так, будто три дня пролежала в муравейнике. — На вкус — козел, но мягкое, как крольчатина. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь ел подобное.

— Это был скрекк, — сказал эльф, с хрустом разгрызая хрящи. — Я тоже не помню, чтобы когда-нибудь его ел.

Бореас тихо кашлянул. Едва слышная нотка сарказма в голосе эльфа говорила: он знал, что ел мясо огромной крысы с кровавыми глазами и страшными зубищами, один только хвост был в три локтя длиной. Следопыт вовсе не охотился

специально на гигантского грызуна, а застрелил в порядке самообороны. Однако решил его испечь. Он был человеком рассудительным и практичным. Конечно, есть крысу, питающуюся на свалках и помойках, он бы не стал. Но до перевала Эльскердег, до ближайшего способного производить отходы сообщества было добрых триста миль. Крыса, или, как больше нравилось эльфу, — скрекк, должна была быть чистой и здоровой. Она не контактировала с цивилизацией. Так что не могла ни замарать, ни заразить.

Вскоре последняя, самая маленькая, дочиста обглоданная и высосанная косточка полетела в костер. Луна выплыла над зубчатым хребтом Огненных Гор. От раздуваемого ветром костра сыпались искры, улетали в небо и гасли среди мерцающих звезд.

— Ваши милости, — рискнул задать очередной малотактичный вопрос Бореас Мун, — давно ль в пути? Здесь, на Пустошах? И давно ли, осмелюсь спросить, оставили позади Врата Сольвейг?

— Давно, недавно, — сказал пилигрим, — понятия относительные. Я прошел Врата на второй день после октябрьского полнолуния.

— А я, — сказал эльф, — на шестой.

— М-да, — продолжал Бореас, ободренный реакцией. — Удивительно, как мы там не сошлись, ведь и я там в то время шел, вернее, ехал, потому как тогда у меня еще была лошадь.

Он замолчал, отбрасывая неприятные воспоминания, связанные с потерей лошади. Он был уверен, что и его случайные собеседники сталкивались с подобными приключениями. Передвигаясь все время пешком, они ни за что не догнали бы его здесь, под Эльскердегом.

— Отсюда я делаю вывод, — продолжал он, — что ваши милости отправились в путь уже после войны, после заключения цинтрийского мира. Мне, разумеется, нет до этого никакого дела, но осмелюсь предположить, что вашим милостям не по душе пришелся порядок и картина мира, созданного и установленного в Цинтре.

Тишину, довольно надолго повисшую у костра, прервал далекий вой. Вероятно, выл волк. Хотя в районах перевала Эльскердег никогда и ни в чем нельзя было быть уверенным до конца.

— Если быть откровенным, — неожиданно заговорил эльф, — то после цинтрийских соглашений у меня не было

оснований любить установленный мир и его картину. Не говоря уж о порядке.

— В моем случае, — сказал пилигрим, скрещивая на груди могучие руки, — все было аналогично. Хотя убедился я в этом, как бы сказал один мой знакомый, *post factum*.

Тишина стояла долго. Умолкло даже то, что выло на перевале.

— Вначале, — начал пилигрим, хотя Бореас и эльф могли бы побиться об заклад, что он этого не сделает, — вначале казалось, что после цинтрийского мира произойдут полезные изменения и установится достаточно сносный порядок. Если не для всех, то по крайней мере для меня...

— Короли, — кашлянул Бореас, — съехались в Цинтру, если мне память не изменяет, в апреле?

— Точно второго апреля, — уточнил пилигрим. — Было, как сейчас помню, новолуние.

Вдоль стен, пониже темных балок, поддерживающих галереи, рядами висели щиты, украшенные геральдическими эмблемами и гербами цинтрийского дворянства. С первого взгляда бросалась в глаза разница между несколькими поблекшими гербами старинных родов и гербами тех, кто получил дворянство уже в новые времена, в правление Дагорада и Калантэ. Те, что поновее, блистали живыми, не потрескавшимися еще красками, на них не заметно было дыр, проделанных древооточцами.

Самые же роскошные цвета были у добавленных совсем недавно щитов с гербами нильфгаардских дворян, отмеченных во время захвата города и императорского правления.

«Когда мы возвратим Цинтру, — подумал король Фольтест, — надо будет присмотреть, чтобы цинтрийцы не уничтожили этих щитов в священном пылу обновления. Политика — одно дело, декор зала — другое. Изменения политического режима не могут служить оправданием вандализма».

«Стало быть, здесь все и началось, — подумал Дийкстра, обводя взглядом огромный холл. — Памятный обручальный пир, на котором появился Железный Йож и потребовал руки принцессы Паветгы... А королева Калантэ наняла ведьмака... Как все-таки поразительно сплетаются судьбы человеческие», — подумал шпион, сам удивляясь тривиальности своих мыслей.

«Пять лет назад, — подумала королева Мэва, — пять лет назад мозг Калантэ, Львицы, в которой текла кровь Кербинов,

разбрызгался по плитам двора, того двора, что виден сейчас из окон. Калантэ, чей гордый портрет висит в коридоре, была предпоследней, в жилах которой текла королевская кровь. После того как утонула ее дочь Паветта, осталась только внучка, Цирилла. Впрочем, возможно, умерла и Цирилла, если слухи не лгут».

— Прощу, — махнул рукой Кирус Энгелькинд Хеммельфарт, иерарх Новиграда, которого, принимая во внимание его возраст и всеобщее уважение, *per acclamationem** избрали председателем переговоров. — Прощу занимать места.

Расселись, отыскивая обозначенные табличками кресла за круглым столом. Мэва, королева Ривии и Лирии. Фольтест, король Темерии, и король Вензлав из Бругте — его ленник. Король Этайн из Цидариса. Юный король Кистрин из Вердэна. Герцог Нитерт, глава реданского Регентского Совета. И граф Сигизмунд Дийкстра.

«От старого шпики надо было бы избавиться, удалить от стола совещаний, — подумал иерарх. — Король Хенсельт и даже юный Кистрин уже позволили себе довольно кислые замечания, того и жди демарша со стороны представителей Нильфгаарда. Этот Сигизмунд — человек не того положения, а кроме того — особа с сомнительным прошлым и скверной репутацией, *persona turpis***. Нельзя допустить, чтобы присутствие *persona turpis* оскверняло атмосферу переговоров».

Руководитель нильфгаардской делегации, барон Шиярд Фиц-Эстерлен, которому за круглым столом досталось место точно напротив Дийкстры, приветствовал шпиона вежливым дипломатическим поклоном.

Видя, что все расселись, иерарх Новиграда сел тоже. Не без помощи служек, поддерживавших его под трясущиеся руки. Иерарх сел в кресло, много лет назад изготовленное специально для королевы Калантэ. У кресла была удивительно высокая, украшенная изумительно красивой резьбой спинка, что выделяло его среди остальных кресел.

Круглый стол — стол, конечно, круглый, но должно же быть видно, кто здесь самый важный.

«Значит, здесь, — подумала Трисс Меригольд, осматривая комнату, gobelены, картины и многочисленные охотничьи тро-

* единогласно (лат.).

** отвратительный тип (лат.).

феи, в том числе шкуру совершенно незнакомого ей рогатого зверя. — Здесь, после достославного разрушения тронного зала, состоялась знаменитая приватная беседа Калантэ, ведьмака, Паве́тты и Заколдованного Йожа, когда Калантэ дала согласие на этот странный марьяж. А Паве́тта была уже беременна. Цири родилась чуть больше восьми месяцев спустя... Цири, наследница престола... Львенок кровей Львицы... Цири, моя маленькая сестренка, которая сейчас где-то далеко на юге. К счастью, уже не одна. Вместе с Геральтом и Йеннифэр. В безопасности. А может, они снова меня обманули?»

— Присаживайтесь, милые дамы, — поторопила Филиппа Эйльхарт, с некоторого времени внимательно присматривавшаяся к Трисс. — Владыки мира вот-вот начнут один за другим произносить инаугурационные речи, я не хотела бы упустить ни слова.

Чародейки, прервав кулуарные сплетни, быстро заняли свои места. Шеала де Танкарвилль в боа из серебристых лис, придающем женственность ее строгой мужской одежде, Ассирэ вар Анагьд в платье лилового шелка, чертовски тонко сочетающем в себе скромную простоту и шикарную элегантность. Францеска Финдабаир — царственная как всегда. Ида Эмеан аэп Сивней, как всегда таинственная, Маргарита Ло-Антиль, как всегда — воплощение достоинства и серьезности. Сабрина Глевиссиг в бирюзе, Кейра Мец в зеленом и нарциссово-желтом. И Фрингилья Виго. Удрученная. Грустная. И бледная прямо-таки смертельной, болезненной, какой-то даже призрачной бледностью.

Трисс Меригольд сидела рядом с Кейрой, напротив Фрингильи. Над головой нильфгаардской чародейки висела картина: наездник мчится галопом среди рядов ольх, ольхи протягивают к нему чудовищные руки-ветви, издевательски скалятся страшными пастьми дупел. Трисс невольно вздрогнула.

Стоящий посреди стола трехмерный коммуникатор действовал. Филиппа Эйльхарт заклинанием повысила резкость изображения и звук.

— Как вы видите и слышите, — сказала она не без ухмылки, — в тронном зале Цинтры, этажом ниже, точно под нами, владыки мира сейчас принимаются решать судьбы именно этого мира. А мы здесь, этажом выше, присмотрим за тем, чтобы мальчишки не очень-то резвились.

* * *

К воюющему на Эльскердеге существу присоединились другие. Бореас Мун не сомневался: это не волки.

— Я тоже, — сказал он, чтобы оживить замершую было беседу, — мало чего ожидал от цинтрийских переговоров. И вообще никто из тех, кого я знал, не надеялся, что из них будет что-нибудь путное.

— Важен был, — спокойно возразил пилигрим, — сам факт начала переговоров. Простой и прямой человек — а я, с вашего позволения, такой человек и есть — думает просто и прямо. Простой человек знает, что дерущиеся короли и императоры настроены друг против друга так воинственно, что, будь у них достаточно силы, они просто поубивали бы один другого. А ведь перестали убивать и вместо этого уселись за круглый стол. Почему? Да потому что силенок-то уже нет. Проще говоря, они бессильны. И из-за этого бессилия их солдаты не нападают на дома простых людей, не убивают, не калечат, не сжигают хаты, не режут детей, не насилуют жен, не угоняют в неволю. Нет. Вместо этого владыки солдат столпились в Цинтре и совещаются. Возликуйте же, о едоки хлеба. Возрадуйтесь!

Эльф поправил прутиком стреляющее искрами полено в костре, искоса взглянул на пилигрима.

— Даже простой и прямой человек, — сказал он, не скрывая сарказма, — даже радующийся, да что там, прямо-таки ликующий, должен понимать, что политика — та же война, только малость по-иному ведущаяся. Должен понимать и то, что переговоры — тот же торг. У них одинаковый самодействующий приводной механизм. Достигнутые успехи обуславливаются уступками. Здесь выгадываешь — там теряешь. Иными словами, чтобы одних можно было купить, других необходимо продать.

— Воистину, — сказал после недолгого молчания пилигрим, — это настолько просто и очевидно, что поймет любой человек. Даже очень простой и прямой.

— Нет, нет и еще раз нет! — взревел король Хенсельт, дубася кулаками по столу так, что повалился кубок и подскочили чернильницы. — Никаких дискуссий на этот счет! Никаких торгов по этому вопросу! Конец, Schlus*, deireadh!

* конец (нем.).

— Хенсельт, — спокойно, трезво и дружелюбно проговорил Фольтест, — не усложняй. И не компрометируй нас своим ревом перед его превосходительством.

Шилярд Фиц-Эстерлен, участвовавший в переговорах в качестве представителя империи Нильфгаард, поклонился с лживой улыбкой, коия имела целью дать понять, что фокусы каэдвенского короля нимало его не волнуют и не занимают.

— Мы договариваемся с империей, — продолжал Фольтест, — а между собой вдруг начинаем грызться, словно псы? Стыдись, Хенсельт.

— Мы договорились с Нильфгаардом по таким сложным вопросам, как Доля Ангра и Заречье, — с кажущимся равнодушием проговорил Дийкстра, — было бы глупо...

— Я не позволю делать себе подобные замечания! — заревел Хенсельт, на этот раз так, что не всякому буйволу удалось бы его перемычать. — Я не желаю слушать такие замечания, тем более от шпииков-всяческих мастей! Я, курва вас побери, король!

— Оно и видно, — фыркнула Мэва.

Демавенд, отвернувшись, изучал гербовые щиты на стенах зала, легкомысленно при этом улыбаясь, совсем так, будто не о его королевстве шла речь и торг.

— Достаточно, — засопел Хенсельт, поводя вокруг диким взглядом. — Достаточно, клянусь богами, потому как меня сейчас кровь зальет. Я сказал: ни пяди земли. Никаких, то есть абсолютно никаких возвратов захваченного! Я не соглашусь на уменьшение моего королевства даже на пядь, даже на полпяди земли! Боги доверили мне часть Каэдвена, и только богам я ее уступлю! Нижняя Мархия — наши земли... Эти... Эти... Энти... А, курва, этнические, во! Нижняя Мархия веками принадлежала Каэдвену...

— Верхний Аэдирн, — снова заговорил Дийкстра, — принадлежит Каэдвену с прошлого лета. Точнее, с двадцать четвертого июля прошлого года. С той минуты, как туда вступил каэдвенский оккупационный корпус.

— Убедительно прошу, — сказал Шилярд Фиц-Эстерлен, хотя его никто не спрашивал, — запротokolировать *ad futurum rei memoriam**, что империя Нильфгаард не имела ничего общего с данной аннексией.

* Для будущего (лат.).

— Если не считать того, что именно в это время она грабила Венгерберг.

— *Nihil ad rem**!

— Да неужто?

— Господа! — напомнил Фольтест.

— Каздвенская армия, — прохрипел Хенсельт, — вступила в Нижнюю Мархию освободительницей! Моих солдат встречали там цветами! Мои солдаты...

— Твои солдаты... — Голос короля Демавенда был спокоен, но по его лицу было видно, чего ему стоит это спокойствие. — Твои разбойники, ворвавшиеся в мое королевство с бандитскими воплями, убивали, насиловали и грабили. Господа! Мы собрались здесь и сидим уже неделю, размышляя, как должна выглядеть картина будущего мира. О боги, неужели это будет мир преступлений и грабежей? Неужели сохранится бандитское *status quo*? Неужели награбленное добро останется в руках разбойников и грабителей?

Хенсельт схватил со стола карту, разорвал ее и швырнул в Демавенда. Король Аэдирна даже не шелохнулся.

— Моя армия, — прохрипел Хенсельт, а его лицо налилось цветом доброго старого вина, — отвоевала Мархию у нильфгаардцев. Твое, прости господи, королевство тогда уже прекратило существование, Демавенд. Скажу больше, если б не моя армия, у тебя сегодня вообще никакого королевства не было бы. Хотелось бы взглянуть, как без моей помощи ты изгоняешь Черных за Яругу и Доль Ангру. Поэтому можно без особых преувеличений утверждать, что ты остался королем по моей милости. Но здесь и сейчас моя милость кончается! Я сказал: не отдам даже пяди моей земли! Не позволю уменьшить мое королевство!

— А я — мое! — встал Демавенд. — Нам не договориться!

— Господа, — примиряюще сказал Кирус Хеммельфарт, иерарх Новиграда. — Наверняка возможен какой-то компромисс...

— Империя Нильфгаард, — снова заговорил Шилиард Фиц-Эстерлен, обожавший встречать ни с того ни с сего, — не примет такого договора, кой нанесет вред Стране Эльфов в Доль Блатанна. Если это необходимо, я еще раз прочту господам содержание меморандума...

Хенсельт, Фольтест и Дийкстра фыркнули. Демавенд взглянул на императорского посланника спокойно и почти доброжелательно.

* Ничего подобного (*лат.*).

— Ради общего блага, — заявил он, — и ради мира я признаю автономию Доль Блатанна. Но не как королевства, а как княжества. При условии, что княгиня Энид ан Глеанна принесет мне ленную присягу и обязуется уравнивать в правах и привилегиях людей и эльфов. Я готов на это, как уже сказал, *pro publico bono*.

— Вот, — произнесла Мэва, — речи истинного короля.

— *Salus publica lex suprema est**, — сказал иерарх Хеммельфарт, уже долгое время ждавший okazji продемонстрировать свое знание дипломатического сленга.

— Однако добавлю, — продолжал Демавенд, глядя на надувшегося Хенсельта, — что уступка в отношении Доль Блатанна не прецедент. Это есть единственное нарушение целостности моих земель, на которое я соглашаюсь. Никакого другого раздела либо захвата я не приемлю. Каэдвенская армия, вторгшаяся в пределы моего королевства агрессором и захватчиком, должна в течение недели покинуть незаконно оккупированные укрепления и замки Верхнего Аэдиерна. Таково условие моего участия в переговорах. А поскольку *verba volant***, мой секретарь приложит к протоколу официальный демарш по данному вопросу.

— Хенсельт? — Фольтест выжидательно взглянул на бородача.

— Никогда! — заревел король Каэдвена, переворачивая кресло и вскакивая, будто ужаленный шершнем шимпанзе. — Никогда не отдам Мархии! Только через мой труп! Не отдам! Ничто не заставит меня сделать это! Никакая сила! Никакая, курва вас задери, сила!

А чтобы доказать, что и он не лыком шит и кое-чему научился, взвыл:

— *Non possumus!****

— Покажу я ему *non possumus*, старому дуралею! — фыркнула Сабрина Глевиссиг в комнате этажом выше. — Можете не сомневаться, милые дамы, я заставлю этого идиота признать требования, касающиеся возврата территорий, захваченных в Верхнем Аэдирне. Каэдвенские войска уйдут оттуда за десять дней. Это ясно. Двух мнений быть не может. Если кто-

* Благо народа превыше всего (*лат.*).

** слова улетают (*лат.*).

*** Не можем! (*лат.*) — форма категорического отказа.

либо из вас, дамы, сомневается, то я, поверьте, имею право чувствовать себя задетой за живое.

Филиппа Эйльхарт и Шеала де Танкарвилль выразили свое одобрение кивками. Ассирэ вар Анагьд поблагодарила улыбкой.

— На сегодня, — сказала Сабрина, — осталось решить проблему Доль Блатанна. Содержание меморандума императора Эмгыра мы знаем. Короли, что сидят под нами, еще не успели обсудить этот вопрос, но уже высказали свое мнение. Занял определенную позицию также наиболее, я бы сказала, заинтересованный: король Демавенд.

— В позиции Демавенда, — сказала Шеала де Танкарвилль, кутаясь в боа из серебристых лис, — просматриваются признаки далеко идущего компромисса. Это позиция позитивная, продуманная и взвешенная. Шилярду Фиц-Эстерлену придется трудновато, если он пожелает добиваться референдума и заявлять протесты. Он будет препираться по меньшей мере сутки. А потом начнет отступать.

— Нормально, — отрезала Сабрина Глевиссиг. — Нормально и то, что наконец-то они где-то встретятся, о чем-то договорятся. Однако не будем ждать и сейчас же решим, что позволить им в конечном итоге. Франческа! Молви слово! Речь же идет о твоей стране.

— Именно поэтому, — обворожительно улыбнулась Маргаритка из Долин. — Именно поэтому я и молчу, Сабрина.

— Перебори гордость, — серьезно сказала Маргарита Лонталь. — Нам надо знать, что можно дозволить королям.

Франческа Финдабаир улыбнулась еще обворожительнее.

— Ради мира и блага народа, — проговорила она, — я соглашусь с предложением короля Демавенда. Можете, милые девушки, с этой минуты перестать именовать меня Наисветлейшей, достаточно будет просто «Вашей Светлости».

— Эльфы шуточки, — поморщилась Сабрина, — меня ничуть не смешат, вероятно, потому, что я их не понимаю. Как с другими условиями Демавенда?

Франческа трепыхнула ресницами.

— Я согласна на реэмиграцию поселенцев-людей и возвращение их имущества, — сказала она серьезно. — Гарантирую также равные права всем расам...

— Побойся богов, Энид, — рассмеялась Филиппа Эйльхарт. — Не соглашайся на все-то! Поставь хоть какие-нибудь условия!

— Поставлю. — Эльфка вдруг посерьезнела. — Я не согласна на ленную присягу. Я хочу полностью распоряжаться Доля Блатанна. Никаких вассальных повинностей, кроме обеспечения сохранять лояльность и не наносить вреда сюзерену.

— Демавенд не согласится, — кратко бросила Филиппа. — Он не откажется от доходов и рент, которые давала ему Долина Цветов.

— По этой проблеме, — Франческа подняла брови, — я готова к двусторонним переговорам и убеждена, что мы достигнем консенсуса. Алодиум* не принуждает к уплатам, но ведь не запрещает и не исключает их.

— А что с фидеикомиссом**, — не сдавалась Филиппа Эйльхарт. — Как с примогенитурой***? Соглашаясь на алодиум, Фольтест захочет получить гарантии нераздельности княжества.

— Фольтеста, — снова улыбнулась Франческа, — действительно могли ввести в заблуждение моя кожа и фигура, но ты-то меня удивляешь, Филиппа. Далеко, очень далеко я уже ушла от того возраста, когда могла бы забеременеть. Относительно примогенитуры и фидеикомисса Демавенду опасаться нечего. Это я буду *ultimius familiae***** рода владык Доля Блатанна. Однако, несмотря на кажущуюся выгодной для Демавенда разницу в возрасте, проблему наследования после меня мы обсуждать будем не с ним, а скорее всего с его внуками. Заверяю вас, дамы, в этом вопросе спорных пунктов не будет.

— В этом не будет, — согласилась Ассирэ вар Анагид, глядя в глаза эльфьей чародейки. — А как со скоя'таэлями? С эльфами, которые дрались на стороне империи? Если не ошибаюсь, речь идет в основном о твоих подданных, госпожа Франческа?

Жемчужина из Долин перестала улыбаться. Взглянула на Иду Эмеан, но молчаливая эльфка с Синих Гор избегала ее взгляда.

— *Pro publica bono...* — начала и осеклась Ассирэ, тоже очень серьезная, и тут же кивнула: дескать, понимает. — Что

* Земля, являющаяся личной собственностью рыцаря.

** Фидеикомисс (*fideicomiss* — *лат.*) — система наследования крупной собственности.

*** Примогенитура (*средневеков.-лат.*) — право первенства наследования трона, собственности и т.п.

**** последний представитель (*лат.*).

делать, — сказала она медленно. — Всему своя цена. Война требует жертв. Мир, оказывается, тоже.

— Совершенно верно, — задумчиво повторил пилигрим, глядя на опустившего голову эльфа. — Мирные переговоры — торг, базар. Ярмарка. Чтобы одних можно было купить, других надо продать. По таким колеям катится мир. Главное, не купить слишком дорого...

— И не продать слишком дешево, — закончил эльф, не поднимая головы.

— Предатели! Сволочные паршивцы!

— Сукины дети!

— An'badraigh aep cuach!

— Нильфгаардские псы!

— Ти-и-хо! — рывкнул Гамилькар Данза, саданув закованной в железо пятерней по перилам балюстрады. Стрелки на галерее навели арбалеты на столпившихся внизу эльфов.

— Ти-и-хо! — еще громче прокричал Данза. — Достаточно! Успокойтесь, господа офицеры! Где ваша честь и достоинство?!

— И у тебя хватает наглости говорить о чести и достоинстве, висельник?! — крикнул Коиннеах Дá Рео. — Мы проливали за вас кровь, проклятые Dh'oine! За вас, за вашего императора, который принял от нас присягу на верность. Вот как вы отблагодарили? Выдаёте нас палачам с Севера! Как преступников! Как предателей!

— Я сказал — довольно! — Данза опять ударил пятерней по перилам так, что прокатилось эхо. — Примите к сведению свершившийся факт, господа эльфы! Подписанные в Цинтре соглашения, являющиеся условием заключения мира, налагают на империю обязательство выдать нордлингам военных преступников...

— Преступников? — крикнул Риордаин. — Преступников? Ах ты гнусный, паршивый Dh'oine!

— Военных преступников, — повторил Данза, не обращая внимания на гул внизу. — Офицеров, в отношении которых доказана их причастность к террору, уничтожению гражданского населения, истязаниям и убийству военнопленных! Лишению жизни раненых в лазаретах...

— Вы сволочи! — рывкнул Ангус Бри-Кри. — Да, мы убили, потому что шла война!

— Убивали по вашим же приказам!

— *Suach'te aep arse, bloede Dh'oine!*

— Это дело решенное! — повторил Данза. — Ругань и крики ничего не изменят. Прошу по одному подходить к кордегардии и не сопротивляться, когда вас будут заковывать в железо.

— Надо было остаться, когда они бежали за Яругу, — скрежетнул зубами Риордаин. — Надо было остаться и продолжать биться в командах. А мы, дурни, глупцы, идиоты, держали верность солдатской присяге! Вот и додержались!

Исенгрим Фаоильтиарна, Железный Волк, славнейший, уже почти легендарный командир скоя'таэлей — Бёлок, ныне имперский полковник, с каменным лицом сорвал с рукава и наплечников серебряные молнии бригады «Врихедд», швырнул их на плиты двора. Другие офицеры последовали его примеру. Глядевший на это с галереи Гамилькар Данза насупился.

— Глупая, несерьезная демонстрация, — сказал он. — Кроме того, на вашем месте я бы не стал так легкомысленно освобождаться от имперских знаков различия. Я считаю себя обязанным сообщить вам, господа, что при обсуждении условий мира вам как имперским офицерам гарантированы справедливые судебные разбирательства, легкие приговоры и скорая амнистия...

Столпившиеся внизу эльфы, словно сговорившись, залились громким, гудящим меж окружающих двор стен хохотом.

— Обращаю также ваше внимание, — спокойно добавил Гамилькар Данза, — на то, что мы выдаем нордлингам только вас. Тридцать двух офицеров. Не выдаем ни одного солдата, которыми вы командовали. Ни одного.

Смех внизу утих словно отсеченный ножом.

Ветер дунул в костер, взметнул веер искр, ударил в глаза дымом. С перевала снова долетел вой.

— Торговали всем, — прервал молчание эльф. — Все было выставлено на прилавки. Честь, верность, слово дворянина, присяга, простая порядочность... Все это просто-напросто был товар, имеющий ценность лишь до тех пор, пока на него существовал спрос и соответствующая конъюнктура. А когда спрос кончился, цена всему стала грош, и товар пошел на свалку. На выброс. На помойку.

— На свалку истории, — кивнул пилигрим. — Вы правы, господин эльф. Так это выглядело там и тогда — в Цинтре. У

всего была своя цена. Все стоило ровно столько, сколько можно было получить в качестве эквивалента. Каждое утро начинались торги. И как на настоящей бирже, то и дело возникали неожиданные хоссы и бессы*. И как на настоящей бирже, трудно было отделаться от ощущения, что кто-то дергает за веревочки.

— Верно ли я слышу? — протяжно спросил Шилярд Фиц-Эстерлен, миной и тоном выказывая недоверие. — Не обманывает ли меня слух?

Беренгар Леуваарден, императорский посланник по особым поручениям, не потрудился ответить. Раскинувшись в кресле и покручивая фужер, он продолжал наслаждаться переливами вина.

Шилярд находился, а затем натянул на лицо маску презрения и превосходства, говорящую: «Либо ты лжешь, сучий хвост, либо хочешь меня купить, испытать. В обоих случаях я тебя раскусил».

— Стало быть, мне следует понимать, — сказал он, задрав нос, — что после далеко идущих уступок по пограничным вопросам, относительно военнопленных и возврата добычи, а также касательно офицеров бригады «Врихедд» и команд скоя'таэлей император приказывает мне пойти на согласие и одобрить невероятные претензии нордлингов в смысле репатриации поселенцев?

— Вы прекрасно поняли, барон, — ответил Беренгар Леуваарден, характерно затягивая слоги. — Я искренне восхищен живостью вашего ума.

— Клянусь Великим Солнцем, господин Леуваарден, задумываетесь ли вы там, в столице, над последствиями ваших решений? Нордлинги уже сейчас шепчут, что наша империя — лишь колосс на глиняных ногах! Уже сейчас они вопят, что победили, побили, изгнали! Да понимает ли император, что пойти на дальнейшие уступки означает принять их наглые, явно завышенные и чуть ли не ультимативные требования?! Понимает ли император, что они воспримут это как проявление слабости, последствия чего в дальнейшем могут быть плачевными. Наконец, понимает ли император, какая судьба ждет тысячи наших поселенцев в Бругге и Лирии?

* Хоссы и бессы (*hausse, baisse — фр.*) — повышение и понижение курса ценных бумаг.

Беренгар Леуваарден перестал покачивать фужер и впился в Шилярда черными как угольки глазами.

— Я передал вам, господин барон, императорский приказ, — процедил он. — Когда вы, господин барон, выполните его и вернетесь в Нильфгаард, вы сможете лично спросить императора, почему он столь неразумен. Сможете высказать императору свое возмущение. Накричать на него. Обрутать. Почему бы и нет? Но лично. Не используя в качестве посредника меня.

«Так-так, — подумал Шилярд. — Теперь понятно. Передо мной сидит новый Стефан Скеллен. И вести себя с ним надо так же, как со Скелленом. Но ведь ясно же, что он прибыл сюда не просто так. Приказ мог привезти обычный курьер».

— Ну что ж, — начал он на первый взгляд свободно и даже доверительно. — Горе побежденным! Но императорский приказ ясен и конкретен, а значит, и выполнен он будет точно так же. Кроме того, я постараюсь, чтобы все выглядело как результат переговоров, а не как полная капитуляция. В таких вещах я разбираюсь. Я дипломат уже тридцать лет. И в четвертом поколении. Моя семья — одна из знатнейших, богатейших... и наиболее влиятельных...

— Знаю-знаю, а как же, — слегка усмехнувшись, прервал Леуваарден. — Потому-то здесь и я.

Шилярд поклонился. И терпеливо ждал.

— Сложности во взаимопонимании, — начал посланник, покачивая фужер, — возникли потому, что вы, дорогой барон, изволили считать, будто победа и завоевание основываются на бессмысленном геноциде. На том, чтобы где-то там в пропитавшуюся кровью землю вбить древко знамени, объявив при этом: «До сих границ — мое. Я это завоевал!» Таковое мнение, увы, довольно широко распространено. Для меня же, как и для людей, меня уполномочивших, победа и завоевание основываются на диаметрально противоположном. Победа должна выглядеть так: побежденных следует заставить покупать блага, производимые победителями, более того, они должны делать это с желанием, ибо продукты, изготавливаемые победителями, лучше качеством и дешевле. Валюта победителей крепче, чем валюта побежденных, и побежденные доверяют ей значительно больше, нежели собственной. Вы понимаете меня, господин барон Фиц-Эстерлен? Теперь вы начинаете понемногу отличать победителей от побежденных? Понимаете ли вы, кому действительно горе?

Представитель императора на переговорах наклоном головы подтвердил, что да, он понимает.

— Но чтобы победу закрепить и узаконить, — продолжил Леуваарден, растягивая слоги минуту спустя, — надобно заключить мир. Быстро и любой ценой. Не какое-то там перемирие или временная приостановка военных действий, а мир! Творческий компромисс, согласие, кое созидает и не вводит хозяйственных блокад, таможенных ограничений и протекционизма в торговле.

Шиллярд и на этот раз кивком подтвердил, что да, он понимает, о чем идет речь.

— Мы неспроста подорвали их сельское хозяйство и промышленность, — продолжал спокойным, тягучим и бесцветным голосом Леуваарден. — Мы сделали это для того, чтобы из-за нехватки собственных товаров они вынуждены были покупать наши. Но через враждебные и закрытые границы наши купцы и наши товары не пройдут. И что тогда? Я скажу вам, дорогой барон. Возникнет кризис перепроизводства, поскольку наши мануфактуры работают на полном ходу, рассчитывая на экспорт. Крупные потери понесут совместные компании морской торговли, в которые вошли Новиград и Ковир. В этих компаниях, дорогой барон, вашей влиятельной семье принадлежит немалая доля. А семья, как вы, вероятно, знаете, есть основная ячейка общества. Знаете ли вы это, дорогой барон?

— Знаю. — Шиллярд Фиц-Эстерлен понизил голос, хоть комната была абсолютно звуконепроницаема и подслушать ведущиеся в ней разговоры было невозможно. — Понимаю. Да, конечно, понимаю. Однако хотелось бы иметь уверенность в том, что я выполняю приказ императора... А не какой-то... корпорации... Совместной компании...

— Императоры приходят и уходят, — процедил Леуваарден, — а корпорации и совместные компании остаются. И выживают. Но это трюизм. Я понимаю ваши опасения, барон. Можете не сомневаться — вы исполняете приказ, отданный императором и имеющий целью благополучие и интересы империи. Отданный, не возражаю, в результате советов, данных императору некой корпорацией.

Посланник по специальным поручениям расстегнул ворот кафтана и рубашки и продемонстрировал золотой медальон с изображением вписанной в треугольник звезды, охваченной языками пламени.

— Прекрасная вещица. — Шиллард с легким поклоном улыбнулся, подтверждая, что да, понял. — Весьма ценная... И элитная... Можно ли где-нибудь приобрести нечто подобное?

— Нет, — с упором ответил Беренгар Леуваарден. — Приобрести нельзя. Надо заслужить.

— Если милостивая государыня и милостивые государи позволяют, — голос Шилларда Фиц-Эстерлена окрасился специфическим, уже знакомым участникам переговоров звучанием, свидетельствующим о том, что сейчас будет сказано нечто невероятно значительное, — если государыня и государи не возражают, я зачитаю присланную мне *aide memoire** его величества Эмгыра вар Эмрейса, по милости Великого Солнца императора Нильфгаарда...

— Ну нет! Все сначала, — скрежетнул зубами Демавенд, а Дийкстра только вздохнул, что не ушло от внимания Шилларда, ибо уйти не могло.

— Документ достаточно длинный, — согласился он. — Поэтому я просто перескажу его содержание вместо того, чтобы зачитывать. Его императорское величество выражает колоссальное удовлетворение ходом переговоров и, будучи человеком искренне миролюбивым, с радостью воспринимает достигнутые компромиссы и договоренности. Его императорское величество желает переговорам дальнейших успехов и надеется на их окончание к обоюдной выгоде договаривающихся сторон.

— Поэтому беремся за дело, — тут же проговорил Фольтест. — Да поживее! Покончим к обоюдной выгоде и по домам!

— Справедливо, — проговорил Хенсельт, которому до дому было дальше всех. — Давайте закругляться, не то нас тут зима застанет! Если будем тянуть.

— Нас ждет еще один компромисс, — напомнила Мэва. — И проблема, которой мы несколько раз едва-едва коснулись. Вероятно, опасаясь, как бы она не вбила между нами клинья. Пора перебороть страх. Только от того, что эта проблема нас пугает, она не исчезнет.

— Верно, — сказал Фольтест. — Итак, за дело. Установим статус Цинтры, вопрос наследования престола и наследства после Калантэ. Проблема сложная, но, надеюсь, мы с нею управимся. Не так ли, ваше превосходительство?

* памятная записка (фр.).

— Ах, — дипломатично и тайнственно улыбнулся Шилярд Фиц-Эстерлен. — Уверен, проблема наследования престола Цинтры будет нами разрешена с ходу! Эта проблема гораздо более проста, нежели господа и дама предполагают.

— Ставлю на обсуждение, — заявила не подлежащим обсуждению тоном Филиппа Эйльхарт, — следующий проект: мы превратим Цинтру в подмандатную территорию. Мандат же на управление вручим Фольтесту из Темерии.

— Слишком уж вырастает этот Фольтест, — поморщилась Сабрина Глевиссиг. — Слишком уж велики у него аппетиты. Бругге, Содден, Ангрен...

— Нам необходимо сильное государство в устье Яруги. И на Марнадальских Ступенях.

— Не возражаю, — кивнула Шеала да Танкарвилль. — Нам-то это необходимо. Нам — да, но не Эмгыру вар Эмрейсу. А наша цель — компромисс, а не конфликт.

— Несколько дней назад Шилярд предложил, — напомнила Франческа Финдабаир, — провести демаркационную линию, разделив Цинтру на сферы влияния, на Северную и Южную зоны...

— Глупости и ребячество, — возмутилась Маргарита Ло-Антиль. — В таких разделах нет ни крупицы смысла, одни лишь зародыши конфликтов.

— Я думаю, — сказала Шеала, — что Цинтру следует превратить в кондоминиум с совместным управлением Северными королевствами и империей Нильфгаард. Город и порт Цинтра получают статус вольного города... Вы хотели что-то сказать, дорогая госпожа Ассирэ? Прошу. Признаться, я предпочитаю диспуты, складывающиеся из полных, завершенных высказываний, а не отдельные реплики, но извольте. Мы слушаем...

Магички, не исключая и бледной как привидение Фрингильи Виго, впились глазами в Ассирэ вар Анагйд. Нильфгаардская чародейка не торопилась.

— Я предлагаю, — проговорила она приятным и мягким голосом, — обратиться к другим проблемам. А Цинтру оставить в покое. Мне совсем недавно кое-что сообщили, но я еще не успела вас, милые дамы, проинформировать. Проблема Цинтры, уважаемые единомышленницы, уже разрешена, и с нею покончено.

— Да? — прищурилась Филиппа. — И что же это, позволить спросить, означает?

Трисс Меригольд вздохнула. Она уже догадалась, уже знала, что это могло означать.

Ваттье де Ридо пребывал в тоске и печали. Его прелестная, его неповторимая в телесном общении любовница, златоволосая Кантарелла, покинула его вдруг и внезапно, не приведя обоснования и объяснений. Для Ваттье это был удар. Удар страшный, после которого он ходил как пришибленный, нервничал, был рассеянным и словно одуревшим. Теперь ему следовало быть очень осторожным, особо внимательным, чтобы не попасться, не ляпнуть какой-нибудь глупости в разговоре с императором. Времена больших перемен не любят людей нервных и некомпетентных.

— Купеческую гильдию, — начал, морща лоб, Эмгыр вар Эмрейс, — мы уже вознаградили за неоценимую помощь. Мы предоставили купцам достаточно привилегий. Гораздо больше, чем они получили от предыдущих трех императоров вместе взятых. Что касается Беренгара Леуваардена, то мы обязаны ему за неоценимую помощь в раскрытии заговора. Он получил высокую и прибыльную должность. Однако если выявится его некомпетентность, то независимо от заслуг он вылетит как из пращи. Желательно, чтобы он это знал.

— Я позабочусь, ваше величество. А как с Дийкстрой? И его таинственным информатором?

— Дийкстра скорее умрет, чем выдаст своего человека. Его же самого действительно следовало бы отблагодарить за совершенно неожиданную весть... Но как? Дийкстра от меня ничего не примет.

— Если ваше величество позволит...

— Говори.

— Дийкстра примет информацию. О том, чего не знает, а знать бы хотел. Ваше величество может отблагодарить его информацией.

— Браво, Ваттье.

Ваттье де Ридо облегченно вздохнул. Чтобы вздохнуть, он, согласно этикету, отвернулся. Поэтому первым заметил приближение дам. Графиню Лиддерталь — Стеллу Конгрев — и ее подопечную, светловолосую девушку.

— Они идут, — указал он движением бровей. — Ваше императорское величество, позволю себе напомнить... Благо государства... Интересы империи...

— Перестань, — недовольно прервал Эмгыр вар Эмрейс. — Я же сказал — подумаю. Обдумаю проблему и приму решение. А потом сообщу тебе, каковым оно будет.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

— Что еще? — Белое Пламя Нильфгаарда нетерпеливо хлыстнул перчаткой по бедру мраморной nereиды, украшающей цоколь фонтана. — Почему ты не удаляешься, Ваттье?

— Проблема Стефана Скеллена...

— Не помилую. Смерть предателю. Но после честного и детального разбирательства.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Эмгыр даже не взглянул на кланяющегося и пятящегося Ваттье. Он смотрел на Стеллу Конгрев. И на светловолосую девушку.

«Вот он приближается — интерес империи, — подумал он. — Лжепринцесса, лжекоролева Цинтры, лжевладелица устья реки Ярры, которое так необходимо империи. Вот она приближается, опустив глаза, испуганная, в белом шелковом платье с зелеными рукавами и перидотовом колье на хрупкой шейке. Тогда, в Дарн Роване, я похвалил это платье, похвалил подбор украшений. Стелла знает мой вкус. Вот и нарядила куколку опять так, чтобы угодить мне. Но что мне с этой куколкой делать? Поставить на камин?»

— Благородные дамы, — поклонился он первым. Вне пределов тронного зала уважительность и вежливость в общении с женщинами были обязательны даже для императора.

Дамы ответили глубокими реверансами и наклоном головы. Перед ними был вежливый, но все же император.

Эмгыру надоел протокол.

— Останься здесь, Стелла, — сухо приказал он. — А ты, девушка, будешь сопровождать меня на прогулке. Вот моя рука. Выше голову. Хватит, хватит мне твоих реверансов. Это всего лишь прогулка. Не более того.

Они пошли по аллейке, извивающейся меж едва зазеленевшими кустами и живыми изгородями. Императорская охрана, солдаты из элитной гвардейской бригады «Импера», знаменитые Саламандры, держались поодаль, но всегда наготове. Они знали, когда не следует императору мешать.

Миновали садок, пустой и грустный. Столетний карп, запущенный императором Торресом, издох два дня назад. «Они запустили нового. Молодого, сильного зеркального красавца, — подумал Эмгыр вар Эмрейс. — Прикажу приклепать ему медаль с моим изображением и датой. Vaesse deireadh aep eigeap. Что-то закончилось, что-то начинается. Новая эпоха. Новые времена. Новая жизнь. Так пусть же, черт побери, будет и новый карп. Зеркальный».

Задумавшись, он почти забыл о девушке, которую держал под руку. О ней ему напомнило тепло, аромат ландыша, интересы империи. Именно в такой, а не иной последовательности.

Остановились около садка, посреди которого высился над водой искусственный островок с каменным садиком, фонтаном и мраморной фигурой.

— Знаешь, что это?

— Да, ваше императорское величество, — не сразу ответила она. — Это пеликан, раздирающий клювом собственную грудь, чтобы кровью выкормить детей. Аллегория благородного самопожертвования. А также...

— Я внимательно слушаю.

— А также неизбывной любви.

— Ты думаешь, — повернул он ее к себе, стиснув зубы, — что раздираемая грудь от этого болит меньше?

— Не знаю... — не сразу ответила она. — Ваше императорское величество, я...

Он взял ее за руку. Почувствовал, как она вздрогнула, дрожь прошла по его ладони, запястью, предплечью, плечу...

— Мой отец, — сказал он, — был великим владыкой, но никогда не прислушивался к легендам и мифам, у него никогда не было на это времени. И он вечно их путал. Всегда, помню как сейчас, каждый раз, когда он водил меня сюда, в парк, он говорил, что скульптура изображает пеликана, возникающего из пепла. Ну, девочка, улыбнись хотя бы, когда император рассказывает байки. Благодарю. Так гораздо лучше. Мне было бы неприятно думать, что тебя не радует общение со мной. Взгляни мне в глаза.

— Я рада... имея возможность... быть здесь... с вашим императорским величеством. Это честь для меня... я знаю... Но и огромная радость... Я счастлива...

— Серьезно? Или, может быть, это всего лишь придворная лесть? Этикет? Хорошая школа Стеллы Конгрев? Слова, кото-

рые Стелла приказала тебе заучить наизусть? Признайся, девушка.

Она молчала, потупившись.

— Твой император спросил тебя, — повторил Эмгыр вар Эмрейс. — А когда император спрашивает, никто не осмеливается молчать. Лгать, разумеется, тоже никто не осмеливается.

— Действительно, — мелодично ответила она. — Я действительно рада, ваше императорское величество.

— Я тебе верю, — сказал, помолчав, Эмгыр. — Верю. Хотя и удивляюсь.

— Я тоже... — прошептала она. — Я тоже удивляюсь.

— Не понял. Пожалуйста, смелее.

— Я хотела бы чаще... прогуливаться. И беседовать. Но я понимаю... Понимаю, что это невозможно.

— Ты правильно понимаешь. — Он закусил губу. — Императоры владеют империями, но двумя вещами владеть не могут: своим сердцем и своим временем. И то, и другое принадлежит империи.

— Я знаю об этом, — шепнула она, — слишком даже хорошо.

— Я пробуду здесь недолго, — сказал он, немного помолчав. — Мне необходимо поехать в Цинтру, почтить своим присутствием торжество подписания мирного договора. Ты вернешься в Дарн Рован... Выше голову, девочка. Ну нет, ты уже второй раз хлюпаешь носом в моем присутствии. А что в глазах? Слезы? О, это серьезное нарушение этикета. Придется высказать графине Лиддерталь мое величайшее недовольство. Я просил — подними голову.

— Я прошу вас... простить госпожу Стеллу... ваше императорское величество. Виновата я. Только я. Госпожа Стелла учила меня... И подготовила хорошо...

— Я заметил и оценил. Не беспокойся, Стелле Конгрев не грозит моя немилость. И никогда не грозила. Я пошутил. Неудачно.

— Я заметила, — шепнула девушка, бледнея, пораженная собственной храбростью. Но Эмгыр только рассмеялся. Немного искусственно.

— Вот такую тебя я предпочитаю, — сказал он. — Поверь. Смелую, как...

Он осекся. «Такую, как моя дочь», — подумал он. Чувство вины рвануло как укусы собаки.

Девушка не опускала глаз. «Это не была лишь выучка Стеллы, — подумал Эмгыр. — Это ее истинная природа. Несмотря

на видимость, это бриллиант, который сложно поцарапать. Нет. Я не позволю Ваттье убить этого ребенка. Цинтра Цинтрой, интересы империи — интересами империи, но у этой проблемы, похоже, может быть только одно толковое и отвечающее законам чести решение».

— Дай мне руку: — Это был приказ, произнесенный строгим тоном. Но при этом он не мог отделаться от ощущения, что его приказ был исполнен охотно. Без сопротивления и принуждения.

Ее рука была маленькой и холодной. Но уже не дрожала.

— Как тебя зовут? Только не говори, что, мол, Цирилла Фиона.

— Цирилла Фиона.

— Мне хочется тебя наказать, девушка. Сурово.

— Знаю, ваше императорское величество. Я это заслужила. Но я... Я должна быть Цириллой Фионой.

— Похоже, — сказал он, не отпуская ее руки, — ты сожалешь о том, что ты — не она.

— Сожалею, — шепнула она. — Сожалею, что я — не она.

— Ты серьезно?

— Если б я была... настоящей Цириллой... император смотрел бы на меня милостивее. Но я всего лишь подделка. Имитация. Двойник, ничего не стоящий. Ничего...

Он резко обернулся, схватил ее за плечи. И тут же отпустил. Отступил на один шаг.

— Ты жаждешь короны? Власти? — Он говорил тихо, но быстро, прикидываясь, будто не видит, что она отрицательно крутит головой. — Почестей? Великолепия? Роскоши?

Он замолчал, глубоко вздохнул, продолжая делать вид, будто не замечает, что девушка по-прежнему крутит головой, отрицая новые обидные упреки, даже еще более обидные из-за того, что они не были высказаны.

Он снова вздохнул. Глубоко. И громко.

— Знаешь ли ты, маленький мотылек, что перед тобой — пламя?

— Знаю, ваше императорское величество.

Они долго молчали. Аромат весны неожиданно вскружил им головы. Обоим.

— Быть императрицей, — наконец глухо проговорил Эм-гър, — это, вопреки видимости, нелегкий кусок хлеба. Не знаю, смогу ли я полюбить тебя.

Она кивнула, показывая, что знает и это. Он увидел слезу на ее щеке. Как тогда, в замке Стигга, он почувствовал, как зашевелился засевший в сердце осколок холодного стекла.

Он обнял ее, крепко прижал к груди, погладил по волосам, пахнувшим ландышем.

— Бедный ты мой... — сказал он не своим голосом. — Маленький ты мой, несчастный... интерес государства.

По всей Цинтре звонили колокола. Величественно, гулко, торжественно. Но при этом как-то на удивление грустно.

«Редкостная красота, — думал иерарх Хеммельфарт, глядя вместе со всеми на закрепляемый на стене портрет размером, как и остальные, по меньшей мере полсажени на сажень. — Странная красота. Голову дам на отсечение, что это метиска. Дам голову, что в ее жилах течет проклятая эльфья кровь».

«Красивая, — думал Фольтест, — красивее, чем на миниатюре, которую мне показывали люди из разведки. Ну что ж, портреты всегда льстят».

«Совершенно не похожа на Калантэ, — думала Мэва. — Совершенно не похожа на Регнера. Совершенно не похожа на Паветту... Хммм... Шли слухи... Но нет, это невозможно. Это должна быть королевская кровь, законная властительница Цинтры. Должна быть. Того требуют интересы государства. И истории».

«Это не та, которая являлась мне в снах, — думал недавно прибывший в Цинтру Эстерад Тиссен, король Ковира. — Наверняка не та. Но я не скажу никому. Сохраню для себя и моей Зулейки. Мы вместе с моей Зулейкой решим, как использовать знания, данные нам снами».

«Еще немного, и она стала бы моей женой, эта Цири, — думал Кистрин из Вердэна. — И тогда я стал бы герцогом Цинтры и, по обычаю, наследником трона... И погиб бы, конечно, как Калантэ. Хорошо, ох хорошо, что она еще в детстве сбежала от меня».

«Я ни секунды не верил в рассказы о великой любви с первого взгляда, — думал Шиллярд Фиц-Эстерлен. — Ни мгновения. Однако Эмгыр берет в жены эту девушку. Отвергает возможность примирения с князьями и вместо нильфгаардской княжны берет в жены Цирилли из Цинтры. Почему? Чтобы завладеть маленьким нищенским государством, половину которого, если не больше, он и без того присоединил бы к

империи путем переговоров? Чтобы овладеть устьем Яруги, которое и без того уже находится во владении совместных нильфгаардско-новиградско-ковирских компаний морской торговли?

Ничего я не понимаю в этих государственных интересах, ничего.

Похоже, мне далеко не все говорят».

«Чародейки, — думал Дийкстра. — Все это фокусы чародейек. Ну и пусть. Видать, писано было, что Цири станет королевой Цинтры, женой Эмгыра и императрицей Нильфгаарда. Видать, того хотело Предназначение. Судьба. Кисмет*».

«Пусть так оно и будет, — думала Трисс Меригольд. — Пусть так и останется. Все получилось лучше некуда. Теперь Цири будет в безопасности. О ней забудут. Позволят ей жить».

Портрет наконец занял положенное место. Слуги забрали лестницы. Унесли.

Во втором ряду потемневших и несколько запыленных изображений владык Цинтры, за коллекцией Кербинов и Корамов, за Корбеттом, Дагородом и Регнером, за гордой Калантэ, за меланхолической Паветтой, висел портрет последний. На нем была изображена милостиво властвующая ныне королева. Наследница трона и королевской крови.

Портрет худощавой девушки со светлыми волосами и грустным взглядом. Одетой в белое платье с зелеными рукавами.

Портрет Цириллы Фионы Элен Рианнон.

Королевы Цинтры и императрицы Нильфгаарда.

«Предназначение», — думала Филиппа Эйльхарт, чувствуя на себе взгляд Дийкстры.

«Бедное дитя, — думал Дийкстра, глядя на портрет. — Небось думает, что пришел конец ее горестям и невзгодам. Бедное дитя».

Колокола Цинтры звонили, распутивая чаек.

— Вскоре после завершения переговоров и подписания цинтрийского мира, — продолжал свое повествование пилигрим, — в Новиграде устроили шумный многодневный праздник, фестиваль, венцом которого был многолюдный и торжественный парад войск. День, как пристало первому дню новой эпохи, был действительно прекрасный...

* Судьба (тюркск.).

— Надо думать, — саркастически поинтересовался эльф, — ваша милость там были? На том параде?

— Правду-то сказать, я немного припозднился. — Пилигрим был явно из тех, кого сарказм не задевает. — День, как я сказал, был прекрасный. С рассвета обещал быть таким.

Васконье, комендант форта Дракенборг, до недавнего времени — заместитель коменданта по политчасти, нетерпеливо ударил нагайкой по голенищу.

— А-ну, быстрее там, — подгонял он. — Другие ждут. После заключенного в Цинтре мирного договора у нас тут куча работы!

Палачи, накинув осужденным петли на шеи, отошли. Васконье снова хватанул нагайкой по голенищу.

— Если кому-то из вас есть что сказать, — бросил он сухо, — теперь для этого последняя возможность.

— Да здравствует свобода, — сказал Каирбр аэп Диаред.

— Суд был тенденциозным, — сказал Орестесо Коппа, мародер, грабитель и убийца.

— Поцелуйте меня в задницу, — сказал Роберт Пильх, дезертир.

— Передайте господину Дийкстре, что я сожалею, — сказал Ян Леннер, агент, осужденный за взяточничество и разбой.

— Я не хотел... Я действительно не хотел, — зарыдал, покачиваясь на березовом пеньке, Иштван Игалффи, бывший комендант форта, снятый с должности и поставленный перед трибуналом за деяния, которые допускал в отношении узниц.

Солнце, ослепительное, как расплавленное золото, взвилось над палисадом форта. Столбы шибеницы отбрасывали длинные тени. Над Дракенборгом вставал новый, прекрасный день.

Первый день новой эпохи.

Васконье ударил нагайкой по голенищу. Поднял и опустил руку.

Пеньки выбили из-под ног осужденных.

Все колокола Новиграда били, их глубокий и стонущий звон отражался от крыш и мансард купеческих домов, расплывался эхом по улочкам. Высоко взлетали шутихи и ракеты. Толпа редела, орала, бросала цветы, подкидывала шапки, махала платочками, шарфами, флажками, да что там, даже штанами.

— Да здравствует Вольная Компания!

— Да здравствует!!!

— Да здравствуют кондотьеры!

Лоренцо Молля отдавал честь толпе, посылал поцелуи прелестным горожанкам.

— Если вознаграждать они будут так же щедро, как приветствуют, — перекричал он всеобщий гомон, — то мы — богачи!

— Жаль, — сказала, пересиливая спазм в горле, Джулия Абатемарко. — Жаль, Фронтин не дождался...

Они ехали шагом по главной улице города — Джулия Абатемарко, Адам «Адьо» Пангратт и Лоренцо Молля — во главе Компании, празднично одетой, по четыре в ряд, ровненько, так что ни одна из очищенных и прочесанных щетками до блеска лошадей не высовывала из строя носа даже на дюйм. Кондотьерские лошади были, как и их хозяева, спокойны и горды, не пугались выкриков толпы, лишь легкими, почти незаметными движениями голов реагировали на сыпавшиеся на них венки и цветы.

— Да здравствуют кондотьеры!

— Да здравствует «Адьо» Пангратт! Да здравствует Сладкая Ветреница!

Джулия украдкой смахнула слезу, поймав на лету брошенную из толпы гвоздику.

— Даже не мечтала... — сказала она. — Такой триумф... Как жаль, что Фронтин...

— Романтическая ты натура, — улыбнулся Лоренцо Молля. — Ты умиляешься, Джулия.

— Умиляюсь. Слушай команду! Равнение налево!

Солдаты выпрямились в седлах, повернули головы к трибуне и установленным на ней тронам и креслам. «Вижу Фольтесту, — подумала Джулия. — А вот тот, бородатый, пожалуй, Хенсельт из Каэдвена, а вот тот интересный — Демавенд из Аэдирна... Та матрона, должно быть, королева Гедвига... А молокосос, что рядом с ней, королевич Радовид, сын убитого короля... Бедный мальчишка...»

— Да здравствуют кондотьеры! Да здравствует Джулия Абатемарко! Виват, «Адьо» Пангратт! Виват, Лоренцо Молля!

— Да здравствует коннетабль Наталис!

— Да здравствует королева! Фольтест, Демавенд, Хенсельт... Да здравствуют!

— Да здравствует господин Дийкстра! — взревел кто-то, видать, подхалим.

— Да здравствует его святейшество! — рявкнули из толпы несколько платных клакеров.

Кирус Энгелькинд Хеммельфарт, иерарх Новиграда, не без труда встал, помахал толпе и дефилирующей армии ручкой, не очень вежливо повернувшись задом к королеве Гедвиге и несовершеннолетнему Радовиду, заслонив их при этом полами своего одеяния.

«Никто не крикнет «Да здравствует Радовид!» — подумал заслоненный солидным задом иерарха королевич. — Никто даже не взглянет в мою сторону. Никто не крикнет в честь моей матери. И даже не вспомнит моего отца, не возгласит криком ему славу. Сегодня, в день триумфа, в дни согласия, примирения, к которому отец, как ни говори, тоже причастен. Поэтому его и убили».

И тут он почувствовал затылком взгляд. Нежный, как что-то такое, чего он не знал либо знал, но только в мечтах. Что-то такое, что было как прикосновение мягких и жарких женских губ. Он повернул голову. Увидел впившиеся в него темные, бездонные глаза Филиппы Эйльхарт.

«Погодите, — подумал королевич, отводя глаза. — Только погодите».

Тогда никто не мог предвидеть и угадать, что этот тринадцатилетний мальчик, не имеющий ни веса, ни значения в стране, которой управляли Регентский Совет и Дийкстра, повзрослев, станет королем и, отплатив всем за нанесенные ему и его матери обиды, войдет в историю как Радовид Пятый Свирепый.

Толпа выкрикивала приветствия. Под копыта кондотьерских лошадей сыпались цветы.

— Джулия...

— Слушаю, «Адью».

— Выходи за меня. Стань моей женой.

Сладкая Ветреница долго не отвечала, приходя в себя от изумления. Толпа орала. Иерарх Новиграда, вспотевший, хватающий ртом воздух наподобие огромного жирного сома, благословлял с трибуны горожан, парад, город и мир.

— Но ведь ты женат, Адам Пангратт.

— Я ушел от нее. Развожусь.

Джулия Абатемарко не отвечала. Отвернулась. Удивленная. Опешившая. И очень счастливая. Неведомо почему.

Толпа вопила и кидала цветы. Над крышами домов с хрустом и дымом взрывались фейерверки.

Колокола Новиграда заходились стоном.

«Женщина, — подумала Нэннеке. — Когда я посылала ее на войну, она была девочкой. Вернулась женщиной. Уверенной в себе. Ощущающей свою значимость. Спокойной. Сдержанной. Женственной.

Она выиграла эту войну. Не дала войне уничтожить себя».

— Дебора, — продолжала перечислять Эурнейд тихо, но уверенно, — умерла от тифа в лагере под Майеной. Мырру убили эльфы-скоя'таэли во время нападения на лазарет под Армерией... Катье...

— Говори, дитя мое... — мягко подбодрила Нэннеке.

— Катье, — откашлялась Эурнейд, — познакомилась в госпитале с раненым нильфгаардцем. После заключения мира, когда обменивались военнопленными, она пошла с ним в Нильфгаард.

— Я всегда утверждала, — вздохнула полная жрица, — что для любви нет ни границ, ни кордонов. А что с Иолей Второй?

— Жива, — поспешила заверить Эурнейд. — Она в Мариборе.

— Почему не возвращается?

— Она не возвратится в храм, матушка, — тихо сказала адепт-ка, наклонив голову. — Она работает в больнице господина Мило Вандербека, хирурга-низушка. Сказала, что хочет лечить. Что всю себя посвятит этому. Прости ее, матушка Нэннеке.

— Простить? — покачала головой первосвященница. — Я горжусь ею.

— Ты запоздал, — прошипела Филиппа Эйльхарт. — Ты опоздал на торжество с участием королей. Какого черта, Сигизмунд! Твое пренебрежение к протоколам достаточно известно. У тебя не было нужды так нахально проявлять его. Тем более сегодня, в такой день...

— У меня были причины. — Дийкстра ответил поклоном на взгляд королевы Гедвиги и осуждающее движение бровей иерарха Новиграда. Поймал взглядом кривую гримасу на физиономии жреца Виллемера и усмешку на лице короля Фольтеста, достойном того, чтобы его профиль чеканили на монетах.

— Мне необходимо поговорить с тобой, Филь.

Филиппа подняла брови.

— Небось с глазу на глаз?

— Хорошо б. — Дийкстра едва заметно улыбнулся. — Впрочем, если пожелаешь, я соглашусь на несколько дополнительных пар глаз. Скажем, прекрасных глаз дам из Монтекальво.

— Тише, — прошипела чародейка улыбающимися губами.

— Когда можно получить аудиенцию?

— Я подумаю и дам знать. А сейчас оставь меня в покое. Здесь крупное торжество. Здесь великий праздник. Напомню, если ты сам этого не заметил.

— Великий праздник?

— Мы стоим на пороге новой эпохи, Дийкстра.

Шпион пожал плечами.

Толпа выкрикивала приветствия. В небо взметались ракеты, рассыпались огни фейерверков. Колокола Новиграда били, вещая о триумфе, о славе. Но звучали они как-то на удивление грустно.

— Подержи-ка вожжи, Ярре, — сказала Люсьена. — Проголодалась я, перекушу малость. Давай обмотаю тебе ремень на руке, я знаю, тебе одной неудобно.

Ярре чувствовал, как щеки ему заливают румянец стыда и унижения. Он еще не привык. Ему все казалось, будто всему миру нечего больше делать, как только пялиться на его культу, на подвернутый и зашитый рукав. Что весь мир думает только об одном: заметить увечье, а потом лицемерно сочувствовать и неискренне сожалеть, а в глубине души брезговать им и считать, что он некрасиво нарушает красивый порядок своим убогим, наглым существованием. Что вообще смеет существовать.

Люсьена — нельзя было не признать — явно отличалась в этом от всего остального мира. Она не прикидывалась, будто ничего не замечает, в ее глазах не было признаков унижительного сочувствия и еще более унижительной жалости. Ярре готов был признать, что светловолосая возница относится к нему совершенно естественно и вполне нормально. Но отгонял от себя эту мысль. Не принимал ее.

Потому что никак не мог привыкнуть воспринимать самого себя нормально.

Везущая инвалидов телега скрипела и тарахтела. После краткого периода дождей наступила жара, пробитые военными обо-

зами выбоины на дорогах высохли и застыли гребнями и горбами фантастических форм, и телеге, которую тянула четверка лошадей, все время приходилось переваливаться через эти выбоины и колдобины. На самых больших выбоинах телега подскакивала, трещала, раскачивалась не хуже корабля во время шторма. Тогда искалеченные — в основном безногие — солдаты ругались столь же артистично, сколь и жутко. А Люсьена — чтобы не свалиться — прижималась к Ярре и обнимала его, щедро одаривая своим волшебным теплом, удивительной мягкостью и возбуждающей смесью аромата лошадей, ремней, сена, овса и молодого, ядреного девичьего пота.

Телега соскочила в очередной ухаб. Ярре уже выбрал слабинку закрученных вокруг локтя вожжей. Люсьена, откусывая попеременно хлеб и колбасу, притулилась у его бока.

— Ну-ну, — заметила она его латунный медальон и бессовестно воспользовалась тем, что одна рука у него была занята вожжами. — И тебя тоже провели? Амулет-незабудка? Ох и пройдоха же тот, кто эти финтифлюшки выдумал. Большой был на них спрос во время войны, больше, чем на водку, пожалуй. И какое же там внутри имя девчачье, а ну, глянем...

— Люсьена. — Ярре залился пурпуром, чувствуя, что еще секунда — и кровь хлынет у него из щек. — Я должен тебя попросить... чтобы ты... не открывала... Прости, но это очень личное. Я не хочу тебя обижать, но...

Телега подпрыгнула, Люсьена прижалась, а Ярре замолк.

— Ци... рил... ла, — прочитала возница с трудом, но все равно удивила Ярре, который никак не ожидал от деревенской девушки столь выдающихся способностей.

— Она о тебе не забудет. — Люсьена защелкнула медальон, отпустила цепочку, глянула на юношу. — Цирилла, стало быть. Если действительно любила. Чепуха все эти чары и амулеты. Ерунда и глупистика. Если действительно любила, то не забыла, была верной. И ждет.

— Этого? — Ярре поднял культю.

Девушка слегка прищурила глаза, голубые как васильки.

— Если по-настоящему любила... — твердо повторила она, — то ждет, а все остальное — чепуховина чепуховая. Я-то знаю.

— Такой уж у тебя солидный в этом деле опыт? Так сказать, много ль ты экспериментировала?

— Не твое дело, — теперь настал черед Люсьены слегка зарумяниться, — с кем и что у меня было. И не думай, будто я

из тех, которым только мигни, и они уже готовы какие-то там сперементации на сеновале вытворять. Но что знаю — то знаю. Ежели парня любишь, то всего разом, а не по частям. И не имеет значения, если даже какой-никакой части недостает.

Телега подпрыгнула.

— Ты здорово упрощаешь, — проговорил сквозь стиснутые зубы Ярре, жадно вдыхая аромат девушки. — Здорово упрощаешь и сильно идеализируешь, Люсьена. Не хочешь замечать одной мелочи. Пойми, для того, чтобы мужчина мог достойно содержать жену и семью, он должен быть, я так скажу, в полном комплекте! Калека на это не способен.

— Но-но-но! — резко перебила она. — Нечего сопли распускать. Голову тебе Черные не оторвали, а ведь ты головастый, головой работаешь. Ну чего уставился? Я — деревенская, но глаза-то у меня есть, да и уши тоже. Вполне хорошие, чтобы заметить такую мелочишку, как способ говорения истинно господских и ученых. А к тому ж...

Она наклонила голову, кашлянула.

Ярре тоже кашлянул. Телега подскочила.

— А к тому ж, — закончила девушка, — слышала я, что другие говорили. Что ты, мол, писарь. И жрец из храма. Сам, значит, видишь, что рука-то... Тьфу, плюнуть и растереть.

Телега какое-то время не подпрыгивала, но Ярре и Люсьена, казалось, вовсе этого не замечали. И им это вовсе не мешало.

— Надо ж, — сказала она после долгого молчания. — Везет мне на ученых. Был один такой... Когда-то... Подъезжал... Ученый был и в академиях учился. По имени одному можно было усечь.

— И как же его звали?

— А Семестром...

— Эй, девка! — закричал у них за спиной ефрейтор Деркач, здоровенный и угрюмый, покалеченный во время боев за Майену. — А-ну, стрельни-тко коняг бичом над задницами, ползет твоя фура словно сопля по стене!

— Будто черепаха, — добавил другой калека, почесывая выглядывающую из-под отвернутой штанины культю, на которой поблескивали пятна затянувшихся рубцов. — Осточертела уже энта пустошь! По корчме затосковал, потому как, взаправду говоря, пива хочца. Нельзя ль порезвее ехать-то?

— Можно. — Люсьена обернулась на козлах. — Но только ежели на колдобине ось иль ступица полетят, то неделю, а то

и две не пиво, а воду дождевую да сок березовый лакать будете, подводы ожидаючи. Сами не уйдете, а я вас на закорки не возьму.

— А жаль, — осклабился Деркач. — Потому как мне по ночам снится, что ты меня на себя громозишь. Со спины, то бишь с заду. Я так шибко люблю. С заду-то! А ты, девка?

— Ах ты, голяк хромой! — взвизгнула Люсьена. — Хрен вонючий! Ты...

Она осеклась, видя, как лица сидящих на телеге инвалидов неожиданно покрываются мертвенной бледностью.

— Матка, — заплакал кто-то. — А так недалеко было до дому...

— Пропали мы, — сказал Деркач тихо и совсем без эмоций. Просто отмечая факт.

«А говорили, — пронеслось у Ярре в голове, — что Бёлок больше нет. Что уже всех перебили. Что уже, как они выразились, «эльфий вопрос решен».

Конников было шестеро. Но при внимательном взгляде стало ясно: шесть было лошадей, а конников — восемь. Две лошади несли по паре всадников. Все ступали как-то жестко, неровно, низко опустив головы. Выглядели скверно.

Люсьена громко выдохнула.

Эльфы приблизились. Выглядели они еще хуже, чем их лошади.

Ничего не осталось от их заносчивости, от их отработанной веками высокомерности, харизматической инности. Одежда, обычно элегантная и красивая даже у партизан из команд Бёлок, была грязной, рваной, покрытой пятнами. Волосы, краса и гордость эльфов, растрепаны, свалялись от липкой грязи и запекшейся крови. Большие глаза, обычно надменно лишённые какого-либо выражения, стали безднами паники и отчаяния.

Ничего не осталось от их инности. Смерть, ужас, голод и мытарства привели к тому, что они стали обыкновенными. Слишком обыкновенными.

Перестали вызывать страх.

Несколько мгновений Ярре надеялся, что эльфы проедут мимо, просто пересекут тракт и исчезнут в лесу по другую сторону, не удостоив телегу и ее пассажиров даже взглядом. И останется от них только этот совершенно не эльфий, противный, отвратительный запах, запах, который Ярре знал слишком даже хорошо по лазаретам, — запах мучений, мочи, грязи и гниющих ран.

Они миновали их не глядя.

Не все.

Эльфка с темными, длинными, слипшимися от засохшей крови волосами задержала лошадь у самой телеги. Она сидела в седле неуклюже перекосившись, оберегая руку, висящую на пропитавшейся кровью перевязи, вокруг которой кружили и звенели мухи.

— *Toguviel*, — сказал, повернувшись, один из эльфов. — *En'ca digne, lured.*

Люсьена моментально сообразила, поняла, в чем дело. Поняла, на что эльфка смотрит. Крестьянка, она с детских лет свыклась с притаившимся за углом халупы синим и опухшим призраком голода. Поэтому отреагировала инстинктивно и безошибочно. Протянула эльфке хлеб.

— *En'ca digne, Toguviel*, — повторил эльф. Лишь у него на правом рукаве запыленной куртки серебрились молнии бригады «Врихедд».

Инвалиды на телеге, до той минуты окаменевшие и застывшие от ужаса, вздрогнули, словно возвращенные к жизни магическим заклинанием. В их протянутых эльфам руках как по мановению волшебной палочки появились краяхи хлеба, кусочки круглого сыра, солонины и колбасы.

А эльфы, впервые за тысячи лет, протянули руки людям.

А Люсьена и Ярре были первыми людьми, видевшими, как эльфка плачет. Как давится рыданиями, даже не пытаясь вытирать текущие по грязному лицу слезы. Тем самым полностью отрицая утверждение, будто у эльфов вообще нет слезных желез.

— *En'ca digne*, — ломким голосом повторил эльф с молниями на рукаве.

А потом протянул руку и взял хлеб у Деркача.

— Благодаря тебе, — сказал он хрипло, с трудом приспособив язык и губы к чужому языку. — Благодаря тебе, человек.

Спустя немного, увидев, что все уже кончилось, Люсьена чмокнула лошадям, щелкнула вожжами. Телега заскрипела и затарахтела. Все молчали.

Было уже здорово к вечеру, когда тракт заполнился вооруженными конниками. Командовала ими женщина с совершенно седыми, коротко стриженными волосами и злым, суровым лицом, обезображенным шрамами, один из которых пересе-

кал щеку от виска до краешка рта, а другой подковкой охватывал глазную впадину. У женщины не было значительной части правой ушной раковины, а ее левая рука пониже локтя оканчивалась кожаным цилиндром с латунным крючком, за который были зацеплены поводья.

Женщина, осматривая их злым, полным застывшей мстительности взглядом, спросила об эльфах. О скоя'таэлях. О террористах. О беглецах, недобитках команды, рассеянной два дня тому назад.

Ярре, Люсьена и инвалиды, избегая взглядов беловолосой и одноглазой женщины, неразборчиво отвечали, что-де, нет, никого не встречали и никого не видели.

«Врете, — думала Белая Райла, та, которая некогда была Черной Райлой. — Врете, знаю. Из жалости врете.

Но это все равно ничего не значит и не меняет.

Ибо я — Белая Райла — жалости не знаю».

— Уррррааа! Да здравствуют краснолюды! Ура, Барклай Эльс!

— Да здравсствууют!

Новоградская брусчатка гудела под кованными сапожищами служак из Добровольческой Рати. Краснолюды шагали типичным для них строем, пятерками, штандарт с молотами реял над колонной.

— Да здравствует Махакам! Виват, краснолюды!

— Хвала им! Слава!

Неожиданно кто-то из толпы рассмеялся. Несколько человек поддержали. А через минуту хохот охватил уже всех.

— Какой афронт... — выдохнул иерарх Хеммельфарт. — Какой скандал... Это непростительно...

— Паршивые нелюди! — рыкнул жрец Виллемер.

— Прикньтесь, будто не замечаете, — спокойно посоветовал Фольтест.

— Нечего было экономить на продовольствии, — кисло сказала Мэва, — и отказывать в снабжении.

Краснолюдские офицеры были серьезны и выдержанны, перед трибуной выпрямились и отдали честь, а вот фельдфебели и солдаты Добровольческой Рати показали свое отношение к сокращению ассигнований на Рать, осуществленному королями и иерархом. Одни, проходя мимо трибуны, демонстрировали королям согнутые в локте руки, другие изобража-

ли второй из своих любимых жестов: кулак с торчащим вверх средним пальцем. Этот жест в академических кругах назывался *digitus infamis**. Плебс называл его еще обиднее.

Появившиеся на лицах королей и иерарха пятна доказывали, что оба эти названия им известны.

— Не надо было скупиться. Это их оскорбило, — повторила Мэва. — Краснолюды — гордый народец.

Ревун на Эльскердеге завыл, вой перешел в жуткое пение. Однако сидевшие у костра не повернули голов.

Первым после долгого молчания заговорил Бореас Мун:

— Мир изменился. Справедливость восторжествовала.

— Ну, насчет справедливости, конечно, перебор, — слабо усмехнулся пилигрим. — Однако я, пожалуй, соглашусь с тем, что мир как бы приспособился к основному закону физики.

— Интересно, — протянул эльф, — не об одном ли и том же законе мы думаем?

— Любое действие, — сказал пилигрим, — вызывает противодействие.

Эльф прыснул, но это был вполне доброжелательный звук.

— Одно очко — в твою пользу, человек.

— Стефан Скеелен, сын Бертрама Скеелена, бывший имперский коронер, встань. Высокий Трибунал вечной по милости Великого Солнца Империи признал тебя виновным в преступлениях и деяниях незаконных, а именно: государственной измене и участии в заговоре, имеющем целью предательское покушение на установленный порядок, а также особу его императорского величества лично. Вина твоя, Стефан Скеелен, подтверждена и доказана. Трибунал не усматривает смягчающих обстоятельств. Его наивеличайшее императорское величество не соизволил воспользоваться правом помилования.

— Стефан Скеелен, сын Бертрама Скеелена, из зала заседаний ты будешь перевезен в Цитадель, откуда по истечении соответствующего времени будешь выпровожден. Однако поскольку ты есть не что иное, как предатель, ты недостоин ступать по земле Империи, а посему будешь уложен на деревянные волокни и на волоках оных лошадьми приволочен на площадь Тысячелетия. А поскольку как предатель ты воздухом импе-

*. «Бесстыжий средний палец» (лат.) — что-то вроде российского «кукиша».

рии дышать недостойн, постольку будешь ты на площади Тысячелетия рукою палача повешен за шею на шибенице между небом и землею. И будешь там висеть до тех пор, пока не умрешь. Тело твое будет сожжено, а пепел развеян на четырех ветрах.

— Стефан Скеллен, сын Бертрама, предатель. Я, председатель Верховного Трибунала Империи, осуждаю тебя, в последний раз произношу твое имя. С сей минуты да будет оно предано забвению.

— Получилось! Получилось! — крикнул, влетая в деканат, профессор Оппенхойзер. — Успех, господа! Наконец-то! Наконец! И все-таки оно вертится! И все-таки оно действует! Действует! Оно действует!

— Серьезно? — спросил нагло и довольно скептически Жан Ла Вуазье, профессор химии, прозванный студентами Углеодородом*. — Этого быть не может. Интересно, а что именно действует?

— Вечный двигатель!

— *Perpetuum mobile*? — заинтересовался Эдмунд Бамблер, престарелый преподаватель зоологии. — Действительно? А вы не преувеличиваете, коллега?

— Нисколько! — воскликнул Оппенхойзер и подпрыгнул козликом. — Ни капельки! Действует! Двигатель... э... движется! Я его запустил, и он работает! Работает непрерывно! Безостановочно! Постоянно! На веки веков! Это невозможно рассказать, коллеги, это нужно увидеть! Идемте в мою лабораторию! Живее!

— Я завтракаю, — запротестовал Углеодород, но его протест утонул в шуме и всеобщей спешке. Профессора, магистры и бакалавры поспешно накидывали на тоги плащи и делии, бежали к выходу, ведомые продолжающим выкрикивать и жестикулировать Оппенхойзером. Углеодород показал им *vsled digitus infamis* и вернулся к своей булке с паштетом.

Группа ученых, по дороге разрастающаяся за счет все новых и новых желающих узреть плоды тридцатилетних усилий Оппенхойзера, быстро преодолела расстояние, отделяющее деканат от лаборатории известного физика. Они уже вот-вот должны были открыть дверь, когда земля внезапно содрогну-

* Углеодород — «углевонючка», от уголь+одор. Одор — вонь, запах, зловоние (лат.).

лась. Внезапно и ощутимо. Более того — весьма ощутимо. И еще более того — очень даже ощутимо.

Это был сейсмический толчок, один из серии толчков, вызванных разрушением замка Стигга, укрытия Вильгефорца. Разрушения, осуществленного чародейками. Сейсмическая волна дошла от далекого Эббинга даже сюда, в Оксенфурт.

Со звоном вылетело несколько стеклышек из витража на фронтоне Кафедры Изящных Искусств. С исчерканного неприличными словами цоколя свалился бюст Никодемуса де Боота, первого ректора Академии. Со стола в деканате свалилась кружка с травяным настоем, которым Углеодорд запивал булку с паштетом. Свалился с паркового платана студент первого курса физического факультета Альберт Цвейштейн, забравшийся на дерево, чтобы покрасоваться перед студентками-медичками.

A regretium mobile профессора Оппенхойзера, его легендарный вечный двигатель, крутанулся еще раз-другой и остановился. На веки веков.

И уже никогда больше его никому запустить не удавалось.

— Да здравствуют краснолюды!

«Ну — орава, ну — шайка, — думал иерарх Хеммельфарт, дрожащей рукой благословляя марширующих бородатых коротышек. — Кого здесь приветствуют? Продажных наемников, непристойных краснолюдов! Что же это за странный набор? Кто, в конце концов, выиграл войну, они или мы? О боги, необходимо обратить на это внимание королей. Когда историки и писатели возьмутся за работу, надо будет подвергнуть их потуги цензуре. Наемники, ведьмаки, алчные разбойники, нелюди и всякие другие подозрительные элементы должны исчезнуть со страниц истории человечества. Их необходимо вычеркнуть, вымарать, стереть. Ни слова о них. Ни слова.

И ни слова о нем, — подумал иерарх, сжимая губы и глядя на Дийкстру, наблюдающего за парадом с явно утомленной миной.

Надо будет, — подумал иерарх, — дать королям совет относительно этого Дийкстры. Его существование — позор для порядочных людей.

Безбожник и прохвост. И пусть он исчезнет бесследно. И будет забыт».

* * *

«Не бывать этому, пурпурный лицемерный боров, — думала Филиппа Эйльхарт, запросто читая мысли иерарха. — Ты мечтаешь о том, чтобы управлять, диктовать и влиять? О том, чтобы решать? Не бывать этому. Решать ты можешь исключительно вопросы собственных геморроидальных шишек, да и тут, в твоей собственной заднице, твои решения мало что будут значить.

А Дийкстра останется. Пока будет мне нужен».

«Когда-нибудь ты ошибешься, — думал жрец Виллемер, глядя на блестящие карминовые губы Филиппы. — Когда-нибудь какая-нибудь из вас совершит ошибку. Вас погубит зазнайство, наглость и нахальство. Заговоры, которые вы плетете. Аморальность. Мерзопакостность и извращенность, которым вы предаетесь, которые составляют вашу жизнь. Все выйдет на явь, развеется смрад грехов ваших, когда вы совершите ошибку. Такая минута должна неминуемо наступить.

Даже если вы ошибки не совершите, отыщется способ обвинить вас. Постигнет человечество какое-нибудь несчастье, случится какое-нибудь поражение, придет какая-нибудь напасть: зараза либо эпидемия... И вот тогда-то вину свалят на вас. Вас обвинят в том, что вы не сумели несчастье предотвратить, не сумели ликвидировать его последствий.

И во всем виновны будете вы.

И тогда распалат костры».

Дряхлый полосатый кот, из-за масти прозванный людьми Рыжиком, умирал. Умирал чудовищно. Дергался, напрягался, царапал землю, его рвало кровью и слизью, сотрясали конвульсии. К тому же у него был кровавый понос. Он мяукал, хотя это было ниже его достоинства. Мяукал жалостно, тихо. Быстро слабел.

Рыжик знал, почему умирает. По крайней мере догадывался, что его убило.

Несколько дней назад в цинтрийский порт заглянул странный корабль, старый и очень грязный парусник, вконец запущенная рухлядь, почти разваливающийся остов. «Катриона» — гласила едва проглядывающая надпись на носу парусника. Надписи этой Рыжик — естественно — прочитать не умел. Из странного плашкоута, воспользовавшись швартовкой, выполз-

ла на набережную крыса. Только одна. Вылинявшая, запаршившая, еледвигающаяся. У нее не было одного уха.

Рыжик загрыз крысу. Он был голоден, но инстинкт не позволил ему сожрать эту мерзость. Однако несколько блох, больших блестящих блох, которыми кишмя кишела шерсть грызуна, успели перебраться на Рыжика и угнездиться в его шубке.

— Что с ним?

— Не иначе — кто-то отравил. Или сглазил.

— Тьфу, какая мерзость! Ну и воняет, сволочь! Убери его с лестницы, женщина!

Рыжик напрягся и беззвучно раскрыл рот.

Он уже не чувствовал ни пинков, ни ударов метлы, которыми хозяйка благодарила его за то, что он одиннадцать лет ловил мышей. Выброшенный со двора, он умирал в пенящейся мылом и мочой канаве. Умирал, желая этим неблагодарным людям заболеть тоже. И страдать так, как страдает он.

Его пожеланию предстояло вскоре исполниться. Причем в гигантских масштабах, Воистину гигантских масштабах.

Женщина, выбросившая Рыжика со двора, остановилась, задрала юбку и почесала ногу под коленом. Зудило.

Ее укусила блоха.

Звезды над Эльскердегом светились ярко. Мерцали. Искры костра блекли на их фоне.

— Ни цинтрийский мир, — сказал эльф, — ни тем более проведенный с большой помпой новиградский парад нельзя считать отметинами и верстовыми камнями. Что за понятия такие? Политическая власть не может творить истории с помощью актов или декретов. Не может она и давать истории оценку, выставлять баллы или раскладывать по полочкам, хотя в гордыне своей ни одна власть таковой истины не признает и не приемлет. Одним из ярчайших проявлений вашего человеческого зазнайства является так называемая историография, попытки судить и выносить приговоры, как вы говорите, «делам минувших дней». Для вас, людей, это типично и проистекает из того факта, что природа наделила вас эфемерной, муравьиной, мотыльковой, смешной жизнью однодневок, не дотягивающей и до сотни лет. Вы же к своему существованию насекомых пытаетесь подстраивать весь мир. А меж тем история — процесс непрерывный и бесконечный. Невозможно поделить историю на кусочки — отсюда и досюда — от даты

до даты. Историю нельзя декретировать и тем более изменить королевскими указами. Даже выиграв войну.

— Я философствовать не стану, — сказал пилигрим. — Как было сказано, я человек простой, прямой и некрасноречивый. Однако осмелюсь заметить вот что: во-первых, короткая как у насекомых жизнь защищает нас, людей, от декадентства, склоняет к тому, чтобы, цenia жизнь, жить интенсивно и творчески, использовать каждую минуту жизни и радоваться ей. А когда потребуется, без сожаления отдать ее за нужное дело. Я говорю и мыслю как человек, но ведь точно так же мыслили долгожители эльфы, когда шли биться и умирать в командах екоя'тазлей. Если я не прав, пусть меня поправят.

Пилигрим выждал соответствующее время, но никто его не поправил.

— Во-вторых, — продолжал он, — мне кажется, политическая власть, хоть она и не способна изменить историю, может своими действиями создать вовсе не плохие иллюзии и видимости такой способности. Для этого у власти имеются методы и инструменты.

— О да, — ответил эльф, отворачиваясь. — Здесь вы попали в самую суть, господин пилигрим. У власти есть методы и инструменты. Такие, с которыми невозможно дискутировать.

Галера ударила бортом по обросшей водорослями и ракушками свае. Бросили сходни. Загремели крики, проклятия, команды.

Кричали чайки, подхватывающие отбросы, что покрывали зеленую грязную воду порта. Побережье кишело людьми. В основном в военной форме.

— Конец рейса, господа эльфы, — сказал нильфгаардский командир конвоя. — Мы в Диллингине. Выбирайтесь! Вас тут ждут!

Их действительно ждали.

Ни один из эльфов — и уж конечно, не Фаоильтиарна, — ни на секунду не поверил заверениям о справедливых судах и амнистиях. У екоя'тазлей и офицеров бригады «Врихедд» не было никаких иллюзий относительно ожидающей их за Яругой судьбы. В большинстве своем они уже смирились с нею, воспринимали стоически, даже безразлично. Вероятно, думали, что ничто уже их не удивит.

Они ошибались.

Их вытолкали с галеры, звенящих и бряцающих кандалами, погнали на мол, потом на набережную, где стояли ряды вооруженных солдат. Были там и гражданские. Из тех, чьи острые глаза быстро моргали, бегая от лица к лицу, от фигуры к фигуре.

«Селекционеры», — подумал Фаоильтиарна. И не ошибся.

На то, что его изуродованное лицо прозывают, он, конечно, рассчитывать не мог. И не рассчитывал.

— Господин Исенгрим Фаоильтиарна? Железный Волк? Какая приятная неожиданность! Извольте, извольте!

Солдаты вытащили его из строя кандальников.

— *Va faill!* — крикнул ему Коиннеах Дá Рео, которого тоже узнали и вытащили другие военные, носившие ринграфы с реданским орлом. — *Se'ved se caegme dea!*

— Встретитесь, — прошипел штатский, отделивший Фаоильтиарну, — но, я думаю, в аду. Его там уже ждут, в Дракенборге. А ну постойте-ка! Да случаем, это уж не господин ли Риордаин? Взять его!

Всего из колонны вытащили троих. Только троих. Фаоильтиарна понял, и внезапно (он даже удивился) его охватил страх.

— *Va faill!* — крикнул друзьям вытянутый из ряда Ангус Бри-Кри, звеня кандалами. — *Va faill, fraegen!*

Солдат грубо толкнул его.

Далеко их не увели. Только до одного из сараев вблизи пристани. Рядом с гаванью, над которой покачивался лес мачт.

Штатский подал знак. Фаоильтиарну толкнули к столбу, к балке, на которую закинули веревку. К веревке начали привязывать железный крюк. Риордаина и Ангуса усадили на два стоящих на глинобитной площадке табурета.

— Господин Риордаин, господин Бри-Кри, — холодно проговорил штатский. — На вас распространяется указ об амнистии. Суд решил проявить милосердие. Справедливость, однако, должна восторжествовать, — добавил он, не дождавшись реакции. — А за то, чтобы так произошло, заплатили семьи тех, кого вы убили, господа. Приговор вынесен.

Риордаин и Ангус не успели даже крикнуть. Сзади им на шею накиннули петли, их стянули, повалили вместе с табуретами, потащили по утрамбованной земле. Когда скованными руками они тщетно попытались сорвать врезающиеся в тело веревки, исполнители уперлись им коленями в грудь. Сверк-

нули и опустились ножи, брызнула кровь. Теперь даже петли не в состоянии были заглушить криков, визга, от которого волосы вставали дыбом.

Это продолжалось долго. Как всегда.

— В приговоре, вынесенном вам, господин Фаоильтиарна, — сказал штатский, медленно поворачивая голову, — имеется дополнительная клаузула. Нечто особенное...

Фаоильтиарна не собирался ожидать «чего-то особенного». Замок оков, над которым эльф трудился уже два дня и две ночи, упал с его кистей как по мановению волшебной палочки. Страшный удар тяжелой цепи повалил двух стерегущих его солдат. Фаоильтиарна в прыжке ударил третьего ногой в лицо, хлестнул кандалами штатского, прыгнул прямо в натянутое тенетами оконце сарая, вылетел из него вместе с рамой и коробкой, оставив на гвоздях кровь и обрывки одежды. С грохотом повалился на доски мола. Перевернулся, перекатился и плюхнулся в воду между рыбацкими лодками и баркасами. Все еще прикованная к правой кисти тяжелая цепь тянула на дно. Фаоильтиарна боролся. Из всех сил боролся за жизнь, которая, как он считал еще совсем недавно, не имела для него никакой ценности.

— Хватай! — орали выскакивающие из сарая солдаты. — Хватай! Убей!

— Там! — кричали другие, подбегая по молу. — Там, вот там он нырнул!

— По лодкам!

— Стреляйте! — зарычал штатский, обеими руками пытаясь сдержать кровь, текущую из глазницы. — Убейте его!

Щелкнули тетивы арбалетов. Чайки с криком взмыли в воздух. Грязно-зеленая вода между баркасами закипела от бельтов.

— Виват! — Шествие продолжалось, толпа жителей Новиграда уже хрипела и проявляла признаки усталости. — Да здравствуют!

— Урррааа!

— Слава королям! Слава!

Филиппа Эйльхарт оглянулась, удостоверилась, что никто их не слушает, наклонилась к Дийкстре:

— О чем ты хотел поговорить?

Шпион тоже осмотрелся.

— О покушении на короля Визимира в июле прошлого года.

— И что?

— Полуэльф, совершивший это убийство, — Дийкстра еще больше понизил голос, — вовсе не был сумасшедшим, Филь. И действовал не в одиночку.

— Да что ты говоришь?

— Тише, — усмехнулся Дийкстра. — Тише, Филь.

— Не называй меня «Филь». У тебя есть доказательства? Какие? Откуда?

— Ты удивишься, Филь, если я скажу откуда. Когда можно ждать аудиенции, милостивая государыня?

Глаза Филиппы Эйльхарт были словно два бездонных черных озера.

— Вскоре, Дийкстра.

Били колокола. Толпа хрипло орала. Армия маршировала. Лепестки цветов словно снег покрывали новиградскую брусчатку.

— Все пишешь?

Ори Ройвен вздрогнул и посадил кляксу. Он служил Дийкстре девятнадцать лет, но так и не привык к беззвучным движениям шефа, к его появлениям неведомо откуда и каким образом.

— Добрый вечер, кхе-кхе, ваше превос...

«Люди — тени», — прочитал Дийкстра титульный лист рукописи, который бесцеремонно поднял с пола. — «История секретных королевских служб, Орибастусом Джианфранко Палло Ройвеном, магистром, написанная»... Ох, Ори, Ори. Старый мужик, а такие глупости...

— Кхе-кхе...

— Я пришел попрощаться, Ори.

Ройвен удивленно взглянул на него.

— Видишь ли, верный друг, — продолжал шпион, не дожидаясь, пока секретарь прокашляет что-нибудь путное, — я тоже стар, и получается, что тоже глуп. Взянул одно слово одной особе. Только одной и только одно... И оказалось, что это на одно слово и на одну особу больше, чем требовалось. Послушай как следует, Ори. Ты их слышишь?

Ори Ройвен, широко раскрыв удивленные глаза, отрицательно помотал головой. Дийкстра минуту молчал.

— Не слышишь, значит. А я слышу. Во всех коридорах. Крысы бегают по третогорскому граду, Ори. Идут сюда. Приближаются на мягких крысиных лапках.

* * *

Они возникли из тени, из тьмы. Черные, в масках, проворные как крысы. Стражники и охранники из вестибюля свалились, не застав, под быстрыми ударами стилетов с узкими гранеными клинками. Кровь текла по полам третогорского замка, разливалась по паркету, пачкала его, впитывалась в дорожные венгербергские ковры.

Они шли по всем коридорам, оставляя за собой трупы.

— Он там, — указав на дверь, сказал один. Черный шарф, закрывающий лицо до глаз, приглушал голос. — Туда он вошел! Через канцелярию, в которой работает Ройвен, вечно кашляющий хрыч.

— Оттуда нет выхода. — Глаза другого, командира, горели в прорезях черной бархатной маски. — Из комнаты за канцелярией другого выхода нет! Там нет даже окон.

— Остальные коридоры под охраной. Все двери и окна. Он от нас не уйдет. Он в ловушке.

— Вперед!

Двери поддались под ударами ног. Сверкнули стилеты.

— Смерть! Смерть кровавому палачу!

— Кхе-кхе? — Ори Ройвен поднял над бумагами голову с близорукими слезящимися глазами. — Слушаю вас. Чем могу, кхе-кхе, быть полезен?

Убийцы с ходу разбили дверь в личные апартаменты Дийкстры, пробежали по комнатам, словно крысы обнюхивая закоулки. Со стен полетели гобелены, картины и панно, кинжалы рассекали шторы и обивку.

— Его нет! — крикнул один, влетая в канцелярию. — Нет его!

— Где? — крикнул вожак, наклоняясь над Ори и сверля его взглядом сквозь прорези в черной маске. — Где этот кровавый пес?

— Нету его, — спокойно ответил Ори Ройвен. — Сами же видите.

— Где он? Говори! Где Дийкстра?!

— Разве, — кашлянул Ори, — сторож я, кхе-кхе, брату своему?

— Подохнешь, старик!

— Я человек старый, больной и страшно уставший. Кхе-кхе. Я не боюсь ни вас, ни ваших ножей.

Убийцы выбежали из комнаты. Исчезли так же быстро, как и появились.

Ори Ройвена не убили. Они были заказными убийцами. А в полученных ими приказах об Ори Ройвене не было ни слова.

Орибастус Джанфранко Паоло Ройвен, магистр права, провел шесть лет в различных тюрьмах, его непрерывно допрашивали сменяющиеся следователи, выпытывали о самых различных, зачастую вроде бы бессмысленных вещах и делах.

Через шесть лет освободили. К тому времени он уже был совершенной развалиной. Цинга лишила его зубов, анемия — волос, глаукома — зрения, астма — дыхания. Пальцы обеих рук ему сломали на допросах.

На воле он прожил неполный год. Умер в храмовом приюте. В нужде. Забытый всеми.

Рукопись книги «Люди — тени, или История секретных королевских служб» пропала без следа.

Небо на востоке посветлело, над взгорьями разлился белый ореол, предвестник зари.

У костра уже долгое время стояла тишина. Пилигрим, эльф и следопыт молча глядели на умирающий огонь.

Тишина стояла и на Эльскердеге. Воющий упырь замолк, наскучившись напрасным воем. Воющему упырю пришлось наконец понять, что трое сидящих у костра мужчин за последнее время видели слишком много ужасов, чтобы обращать внимание на вой какого-то там упыря.

— Если нам предстоит странствовать вместе, — неожиданно сказал Бореас Мун, глядя в рубиновые уголья костра, — то надо кончать с недоверием. Давайте оставим позади все, что было. Мир изменился. Впереди новая жизнь. Что-то кончилось, что-то начинается. Впереди...

Он осекся. Кашлянул. Он не привык к таким речам, боялся показаться смешным. Но его случайные спутники не смеялись. О, Бореас чувствовал прямо-таки исходящую от них доброжелательность.

— Впереди перевал Эльскердег, — закончил он уже более уверенно, — а за перевалом — Зеррикания и Хакланд. Перед нами дальний и опасный путь. Если мы пойдем вместе... Отбросим недоверие. Я — Бореас Мун.

Пилигрим в шляпе с широкими полями встал, выпрямился во весь свой гигантский рост, пожал протянутую ему руку. Эльф встал тоже. Его чудовищно изувеченное лицо странно искривилось.

Пожав руку следопыту, пилигрим и эльф протянули друг другу правые руки.

— Мир изменился, — сказал пилигрим. — Что-то кончилось... Я — Сиги Ройвен.

— Что-то начинается. — Покрытое шрамами лицо эльфа искривило что-то, что по всем признакам было улыбкой. — Я — Вольф Исенгрим.

Их рукопожатия были краткими, крепкими, можно сказать, даже взволнованными. Какое-то мгновение это походило более на рукопожатие перед боем, нежели на жест согласия. Но всего лишь мгновение.

Догорающее полено в костре выстрелило искрами, скрепляя событие радостным фейерверком.

— Сожри меня черти, — Бореас Мун широко улыбнулся, — если это не начало настоящей дружбы.

...как и других Верных, так и св. Филиппу оклеветали, приписав оной, будто действует она во вред королевству, якобы подстрекает народ к беспорядкам и мятежам, будто будоражит люд и готовит переворот. Вильмериус, еретик и сектант, первосвященником себя самозванно поименовавший, святую схватить повелел и в узилище темное и ужасное бросил и там мучил хладом и смрадом, требуя, дабы она в грехах оных призналась и выдала бы тех, коих поучала. И показал Вильмериус св. Филиппе струментарий различный, для пыток предназначенный, и грозился зело. Святая же токмо в лицо ему плюнула и в содомии его обвинила.

Повелел тогда еретик от одежды ее освободить и нагую бычьими жилами сечь без пожаления и под ногти иглы вбивать. И все пытал и взывал, дабы от веры своей и богини отреклася. Но токмо рассмеялася святая и посоветовала ему удалиться.

Повелел тогда оный еретик святую на тыточную лавку укласть, по всему телу железными острогами и крючьями рвать и бока ее свечами палить. Но хоть была она таковыми жестоко-стями мучаема, являла святая в смертном теле бессмертную терпеливость. И ослабели палачи, и с превеликим страхом отступились, но Вильмериус грозно оных сгрозил и велел, дабы оне далее мучили и десницы свои зело крепко прилагали. И тогда почали святую Филиппу железами раскаленными палить, члены из суставов выбивать и груди женские клещами рвать. И в муках таковых, не признавшись ни в чем, скончалась святая мученица Филиппа.

*А Вильмериуса, еретика-распутника, о чем
у отцов святых читай, такая кара опосля на-
стигнула, что весь он прогнил и от того издох.
И смердел аки пес, так что его без погребения в
воды речные бросить пришлось.*

*За то св. Филиппе слава и мученический ве-
нец, Матери Богине великой во веки веков сла-
ва, а нам научение и предупреждение. Аминь.*

Житие святой Филиппы Мученицы из Mons
Calvus, в старину писарями мученическими писан-
ное, в Третогорском Требнике собранное, от мно-
гих святых отцов позаимствованное, кои ее в
писаниях своих восславляют.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они мчались во весь опор, как сумасшедшие. Ехали несколько бурлящих весною дней. Кони неслись галопом, а люди, распрямляя согбенные над землей спины и шеи, глядели им вослед, не понимая, что это: живые люди или призраки.

Они ехали и ночами, темными и влажными от теплого дождя, а проснувшиеся в своих кроватях люди изумленно крутили головами, борясь с удушающей болью, вздымающейся у них в груди. Вскрикивали, прислушивались к хлопанью ставней, плачу разбуженных детей, вою собак. Приникали к оконным пленкам, не понимая, что это: живые люди или призраки.

По Эббонгу пошли рассказы о трех демонах.

Трое конников появились неведомо как, неведомо откуда и неведомо каким чудом, застав Хромушу врасплох и не позволив ему бежать. Помощь звать не было смысла. От самых последних домишек калеку отделяли добрые пять сотен шагов. И даже будь они ближе, вряд ли кто из жителей Ревности откликнулся б на призыв. Было время послеобеденной сиесты, начинавшейся в Ревности обычно ранним предполуднем и оканчивающейся ранним вечером. Аристотель Бобек по прозвищу Хромуша, здешний нищий и философ, прекрасно знал, что в часы сиесты обитатели Ревности не реагируют ни на что.

Их было трое. Две женщины и мужчина. У мужчины — белые волосы, за спиной меч. У женщины, той, что повзрослее, одетой в черно-белое, волосы цвета воронова крыла завивались локонами. У молодой с пепельно-серыми прямыми волосами левую щеку уродовал отвратительный шрам. Сидела она на изумительной красоты вороной кобыле. Хромуше показалось, что когда-то он уже такую кобылу видел.

Именно молодая заговорила первой:

— Ты местный?

— Я не виноват! — защелкал зубами Хромуша. — Я тута строчки собираю! Помилуйте, не забижайте калеку...

— Ты местный? — повторила пепельноволосая, и ее зеленые глаза угрожающе сверкнули.

Хромуша скуксился.

— Ага, светлейшая госпожа, — с явным усилием пробормотал он. — Здешние мы. В Бирке, стало быть, в Ревности, народился. И тута верняком помереть доведется...

— Летом и осенью прошлого года был здесь?

— А где ж мне ишшо-то быть бы?

— Отвечай, когда спрашиваю.

— Был я, был, светлейшая.

Вороная кобыла тряхнула головой, застригла ушами. Хромуша чувствовал на себе колющие как ежовые иглы взгляды двух других конников — черноволосой и белого. Беловолосого он боялся больше всего.

— Год назад, — начала девушка со шрамом, — в сентябре, точно девятого сентября, в первую четверть луны, здесь убили шестерых молодых людей. Четырех парней... и двух девушек. Припоминаешь?

Хромуша сглотнул. Вначале он только предполагал, теперь же знал точно, был уверен.

Девушка изменилась. И изменил ее не только шрам на лице. Теперь она была совсем другой, нежели тогда, когда была, привязанная к столбу коновязи, когда глядела, как Бонарт отрезает головы убитым Крысам. Точно, она была не такой, как тогда, когда в корчме «Под головой химеры» охотник раздел ее и бил. Только вот эти глаза... Глаза не изменились.

— Отвечай! — резко прикрикнула черноволосая. — Тебе задали вопрос.

— Помню, милостивые государыни... А чего ж бы не помнить-то? Шестерых молодых убили. Помню, в прошлом годе это было. В сентябре.

Девушка долго молчала, глядя не на него, а куда-то вдаль над его плечами.

— Значит, должен знать, — с трудом сказала она наконец. — Должен знать, где тех парней и девушек закопали. Под каким забором... На какой помойке или свалке... А если тела сожгли... Если вывезли в лес, кинули лисам и волкам... Так ты покажешь мне это место. Проводишь туда. Ты понял?

— Понял, светлейшая госпожа. Чего ж не понять-то? Извольте за мной. Это и вовсе недалече.

Он захромал, чувствуя спиной горячее лошадиное дыхание. Не оглядывался. Что-то говорило ему: оглядываться не следует.

— Вот тут, — указал он наконец. — Это наш жальник ревностный, в этой роще. А те, о которых вы спрашиваете, светлая мазелька Фалька, так она тамотки они и упокоются.

Девушка громко вздохнула. Хромуша взглянул украдкой, увидел, как изменилось ее лицо. Беловолосый и черноволосая молчали, лица их были словно высечены из камня.

Девушка долго смотрела на холмик — складный, ровный, ухоженный, обнесенный обломками песчаника, плитками шпата и сланца. Лапы ельника, которыми когда-то украсили холмик, поржтели. Цветы, которые здесь когда-то положили, пожелтели и высохли.

Девушка прыгнула с лошади.

— Кто? — глухо спросила, все еще не поворачивая голову.

— Ну, ети... — откашлялся Хромуша. — Многие из Ревности помогали. Но более всех вдова Гуле. И молодой Ныкляр. Вдова завсегда была доброй и сердешной бабой... А Ныкляр... Его сны жутко мучили. Покою не давали. Допокудова энтим забитым приличных погребин не устроил...

— Где их найти? Вдову и того Ныкляра?

Хромуша долго молчал.

— Вдова лежит вона там, за той кривой березкой, — сказал наконец, бесстрашно глядя в глаза девушки. — От легочного воспаления померла в зимнюю пору. А Ныкляр завербовался куда-то на чужбину... Говорят, на войне полег.

— Я забыла, — шепнула она. — Забыла, что ведь обоих судьба свела со мной.

Она подошла к холмику, опустилась, вернее — упала на колени. Наклонилась низко, очень низко, почти коснувшись лбом камней у основания. Хромуша видел, как беловолосый сделал движение, словно хотел слезть с лошади, но черноволосая женщина схватила его за руку, удержала жестом и взглядом.

Лошади похрапывали, трясли головами, позвякивали кольцами мундштуков.

Долго, очень долго оставалась она у холмика, низко склонившись, и губы ее шевелились в какой-то беззвучной литании.

Вставая, она покачнулась, Хромуша невольно поддержал ее. Она вздрогнула, вырвала локоть, сквозь слезы зловец

нула на него. Но не произнесла ни слова. Даже поблагодарила кивком головы, когда он поддержал для нее стремя.

— Да, светлая мазелька Фалька, — решил он. — Странными путями судьба ходит. Вы в жестоком тогда были положении, в тяжелом, значицца. Мало кто из нас тут, в Ревности, думал, что цельной из его выйдете... Ан, глянь-кось, вы нонче в здоровье, а Гуле и Ныкляр на том свете... Некого даже поблагодарствовать, э? Отблагодарить за холмик-то...

— Меня зовут не Фалька, — резко проговорила она. — Меня зовут Цири. А что до благодарности...

— Считайте, что она оказала вам честь, — холодно вставила черноволосая, и в ее голосе было что-то такое, что Хромуша задрожал. — За этот холмик, — медленно проговорила она, — за вашу человечность, за ваше человеческое достоинство и порядочность удостоились вы, весь ваш поселок милости, благодарности и... награды. Вы даже не знаете, не можете знать, сколь огромных.

Вскоре после полуночи девятого апреля первых жителей Клармона разбудило мерцающее зарево, красный свет, ворвавшийся в окна из домов. Остальных подняли с постели крики, рев и громкий тревожный звон набата.

Горел только один дом. Большое деревянное здание бывшего храма, некогда посвященного божеству, имени которого не помнил уже никто, кроме самых древних старух. В храме, теперь превращенном в амфитеатр, время от времени давали цирковые представления, проводили бои и другие рискованные зрелища, способные взбудоражить городок Клармон. Встряхнуть, вырвать на время из болота скуки, хандры и сонного отупения.

Именно этот амфитеатр сейчас полыхал ревушим пламенем, сотрясаемый взрывами. Из всех его окон вырывались рваные, длинной в несколько саженей языки огня.

— Гааасить! — вопил хозяин амфитеатра купец Хувенгель, бегая, размахивая руками, тряся могучим брюхом. Он был в ночном колпаке, тяжелой делии из выпороков, накинутаю прямо на ночную рубашку. Босые ноги месили навоз и грязь улочки.

— Гааасите! Люююди! Воооды!

— Это кара божья, — безапелляционно заявила одна из старух. — За потехи, кои в этом владении устраивали.

— Да-да, госпожа. Несомненно, за это!

От ревущего в огне театра полыхало жаром, в лужах парила и воняла конская моча, шипели искры. Неведомо откуда налетел ветер.

— Туууушите! — дико выл Хувенагель, видя, что огонь перекидывается на пивоварню и амбары с зерном. — Люююди! За ведра! За ведра!

Недостатка в охотниках не было. Более того, у Клармона даже была собственная пожарная команда, вооруженная и содержащаяся на деньги Хувенагеля. Гасили с жаром и энтузиазмом. Но впустую.

— Не справиться... — бормотал брандмейстер, вытирая покрывшееся пузырями лицо. — Это не обычный огонь... Не простой... Это огонь дьявольский!

— Черная магия, — задыхался от кашля в дыму другой топорник.

Из амфитеатра донесся страшный треск рушащихся стропил, коньков и столбов. Грохотнуло, громыкнуло, сломалось, в небо взметнулся могучий сноп огня и искр, крыша переломилась и завалилась внутрь, на арену. Здание накренилось, словно поклонилось публике, которую в последний раз повеселило и порадовало эффектным, воистину пламенным бенефисом.

А потом стены рухнули.

Усилиями пожарных и спасателей удалось сохранить лишь половину зернохранилища и примерно четвертую часть пивоварни.

Занимался смертельный рассвет.

Хувенагель сидел в грязи и пепле, в опаленной делии из выпороков. Сидел и жалостливо рыдал, всхлипывал точно малое дитя. Принадлежавшие ему театр, пивоварня и зернохранилище были, конечно, застрахованы. Проблема состояла в том, что страховая компания тоже была собственностью Хувенагеля. Ничто, даже какая-нибудь афера с налогами, не в состоянии была хоть в малой степени восполнить потери.

— Куда теперь? — спросил Геральт, глядя на столб дыма, расплывчатой лентой пачкающий розовеющий зареку горизонт. — Кого ты еще хочешь навестить, Цири?

Она взглянула на него, и он тут же пожалел о своем вопросе. Ему ужасно захотелось обнять ее, держать в объятиях,

прижимать к себе, гладить ее волосы. Защитить. Никогда-никогда не допускать, чтобы она оставалась в одиночестве. Чтобы с ней не случилось что-нибудь худое, чтобы ей больше никому и ничему не захотелось мстить.

Йеннифэр молчала. Последнее время Йеннифэр вообще много молчала.

— Теперь, — очень спокойно сказала Цири, — мы поедем в поселок с названием Говорог. Это название идет от опекающего поселок соломенного единорога, смешной, бедной, убогой куколки. Я хочу, чтобы в память о том, что там произошло, жители получили... Ну, если не более ценный, то хотя бы с большим вкусом выполненный тотем. Рассчитываю на твою помощь, Йеннифэр, потому что без магии...

— Знаю, Цири. А дальше что?

— Болота Переплюта. Надеюсь, попаду... К хате на болотах, среди трясин. Там мы найдем останки человека. Я хочу, чтобы эти останки почили в приличной и достойной его могиле.

Геральт продолжал молчать. И не опускал глаз.

— Потом, — продолжала Цири, запросто выдерживая его взгляд, — мы заглянем в Дун Дар. Тамошнюю корчму скорее всего спалили, не исключая, что корчмаря убили. По моей вине. Меня ослепили ненависть и мстительность. Я попытаюсь как-то отблагодарить его родных.

— Вряд ли, — проговорил он, все еще глядя на нее, — это получится.

— Знаю, — сразу же ответила она, твердо, почти зло. — Но я явлюсь к ним с повинной. Запомню выражение их глаз. Надеюсь, память об этих глазах охранит меня от подобных ошибок. Ты понимаешь это, Геральт?

— Понимаю, Цири, — сказала Йеннифэр. — Оба мы, поверь, очень хорошо понимаем тебя, доченька. Едем.

Лошади неслись как ветер. Как магический ветер. Встревоженный мчащейся тройкой наездников, поднимал голову путник на тракте. Поднимал голову купец на телеге с товарами, преступник, бегущий от правосудия, бродяга-поселенец, изгнанный политиками с земли, на которой он поселился, доверившись другим политикам. Поднимали головы бродяги, дезертир и пилигрим с костью. Пораженные, напуганные, не уверенные в том, что видели.

По Эббинугу и Гесо начинали кружить рассказы. О Диком Гоне. О трех призрачных всадниках.

Рассказы придумывали и повествовали вечерами в пропахших топленным жиром и жареным луком избах, в светлицах, задымленных корчмах, трактирах, на хуторах и заимках. Рассказывали, выдумывали, трепались. О войне. О геройстве и рыцарственности. О дружбе и справедливости. О подлости и предательстве. О любви верной и истинной. О всегда торжествующей дружбе и привязанности. О преступлении и наказании, которое непременно настигает преступников. О правосудии, всегда справедливом и правом.

О правде, которая на манер масла всегда всплывает наверх. Выдумывали, радуясь выдумке. Сказочному обману. Ибо вокруг-то, в жизни, все делалось навыворот.

Легенда росла и ширилась. Слушатели в благостном трансе глотали, вбирали в себя высокопарные и возвышенные слова сказителей, повествующих о ведьмаке и чародейке. О Башне Ласточки. О Цири, ведьмачке со шрамом на лице. О Кэльпи, зачарованной вороной кобыле.

О Владычице Озера.

Всё это случилось спустя многие годы. Спустя многие, многие годы.

Но уже теперь, как набухшие после теплого дождя семена, легенда давала ростки и пускала корни в людских душах.

Незаметно пришел май. Вначале — ночами, которые разгорались и разблескивались далекими огнями Беллетэйна. Когда Цири, странно возбужденная, вскочила на Кэльпи и помчалась к кострам, Геральт и Йеннифэр воспользовались случаем, выпавшей минутой одиночества. Раздевшись лишь настолько, сколько было абсолютно необходимо, они любили друг друга на брошенном на земле колушке. Спеша и самозабвенно, молча, не произнося ни слова. Быстро и кое-как. Только бы больше и больше.

А когда пришло успокоение, оба, дрожа и сцеловываясь лиц друг у друга слезы, ужасно удивились, сколько же счастья дала им такая, в общем-то невесть какая, любовь.

— Геральт...

— Слушаю, Йен.

— Когда я... Когда мы не были вместе, ты бывал с другими женщинами?

— Нет.

- Ни разу?
- Ни разу.
- У тебя даже голос не дрогнул. Не понимаю, почему я тебе не верю.
- Я всегда думал только о тебе, Йен.
- Теперь верю.

Незаметно пришел май. Пришел и днями. Осот обрызгал желтизной луга, деревья в садах распушились и потяжелели от цветов. Дубравы величественно, чтобы не спешить, все еще оставались темными и голыми, но уже затягивались зеленым туманом, а опушки искрились зелеными пятнышками березы.

В одну из ночей, когда они остановились в заросшей ивами котловине, ведьмака разбудил сон. Кошмар, в котором он видел себя парализованным и безоружным, а огромная серая сова рвала ему когтями лицо, искала глаза острым кривым клювом. Он проснулся. И не понял, не перенесся ли из одного кошмара в другой.

Над их бивуаком клубился свет, на который косились фыркающие лошади. В свете было видно что-то вроде подпертого черной колоннадой замкового зала. Геральд видел огромный стол, вокруг которого сидели десять человек. Десять женщин.

Слышал голоса.

...привести ее к нам, Йеннифэр. Мы приказываем.

Вы не можете мне приказывать. Не можете приказывать ей! У вас нет над ней власти! Никакой!

Я их не боюсь, мама. Они ничего не могут мне сделать. Если они хотят, я явлюсь к ним.

...собирается первого июня, в новолуние. Мы приказываем вам обеим явиться. Предупреждаем, что за непослушание будем наказывать.

Я сейчас прибуду, Филиппа. Она пусть еще побудет с ним. Пусть он не остается один. Только несколько дней. Я прибуду немедленно. Как добровольная заложница.

Выполни мою просьбу, Филиппа. Пожалуйста.

Свет замигал. Лошади дико захрапели, забили копытами. Ведьмак проснулся. На этот раз по-настоящему.

Наутро Йеннифэр подтвердила его опасения. После долгой и проведенной в сторонке беседы с Цири.

— Я уйду, — сказала она сухо и без предисловий. — Я должна. Цири останется с тобой. Еще на какое-то время. Потом я вызову ее, и она тоже уйдет. А потом все мы встретимся снова.

Он кивнул. Неохотно. Ему надоело молчаливо поддакивать. Соглашаться со всем, что она ему сообщала, со всем, что решала. Но он кивнул. Он любил ее, как бы там ни было.

— Это приказ, — сказала она мягче, — которому противостоять невозможно. Откладывать тоже нельзя. Необходимо просто выполнить. Впрочем, я делаю это и ради тебя. Ради твоего блага. А особенно ради блага Цири.

Он кивнул.

— Когда мы встретимся, — сказала она еще мягче, — я вознагражу тебя за все, Геральт. И за твое молчание. Слишком много молчания было между нами, слишком много. А теперь, вместо того чтобы кивать, обними меня и поцелуй.

Так он и сделал. Он любил ее, как бы там ни было.

— Куда теперь? — тихо спросила Цири вскоре после того, как Йеннифер скрылась в разблеске овального телепорта.

— Река... — Геральт откашлялся, превозмогая боль в груди, не дающую дышать. — Река, вверх по течению которой мы идем, называется Сансретура. Она ведет в страну, которую я обязательно хочу тебе показать. Потому что это сказочная страна.

Цири насупилась. Он видел, как она стиснула кулаки.

— Все сказки, — процедила она, — оканчиваются скверно. А сказочных стран нет вообще.

— Есть. Увидишь.

Был второй день после полнолуния, когда они увидели Туссент, утопающий в зелени и солнечных лучах. Горы, склоны, виноградники. Черепицы башен замка, горящие после утреннего дождика.

Картина не подвела. Впечатляла. Она впечатляла всегда.

— Какая красотища, — восхищенно сказала Цири. — Охо-хо! Словно игрушечные замки... Словно глазурь на торте... Так и хочется лизнуть!

— Архитектура самого Фарамонда, — мудро пояснил Геральт. — Погоди, пока не увидишь вблизи дворец и сады Боклера.

— Дворец? Мы едем во дворец? Ты знаешь здешнего короля?

— Княгиню.

— А может, — кисло спросила она, внимательно посматривая на него из-под челки, — у этой княгини зеленые глаза? И короткие черные волосы?

— Нет, — отрезал он, отводя взгляд. — Она выглядит совсем иначе. Откуда ты взяла...

— Перестань, Геральт, ладно? Так как там со здешней княгиней-то?

— Я сказал, что знаю ее. Немного. Не очень хорошо... и не очень близко, если тебя интересует это. Зато я очень хорошо знаком со здешним князем-консортом, а может, пока еще кандидатом в князья-консорты. Ты его тоже знаешь, Цири.

Цири тронула Кэльпи шпорой, заставила танцевать.

— Не мучай меня больше!

— Лютик.

— Лютик? Со здешней княгиней? Каким чудом?

— Долгая история. Мы оставили его здесь, рядом с любимой. Обещали навестить, возвращаясь, когда...

Он замолчал и нахмурился.

— Ничего не поделаешь, — тихо сказала Цири. — И не мучайся, Геральт. Это не твоя вина.

«Моя, — думал он. — Моя. Лютик спросит. А я вынужден буду ответить.

Мильва. Кагыр. Регис. Ангулема.

Меч — оружие обоюдоострое...

О боги, довольно. Хватит. Надо покончить с этим раз и навсегда».

— Едем, Цири.

— В этих одеждах? — кашлянула она. — Во дворец?

— Не вижу ничего зазорного в наших одеждах, — обрезал он. — Мы едем туда не верительные грамоты вручать. И не на бал. А с Лютиком можно встретиться хотя бы в конюшнях. Впрочем, — добавил он, видя, как она надулась, — сначала я поеду в городок, в банк. Возьму немного наличных, а в суконных рядах на рынке сколько угодно портных и модисток. Купишь, что захочешь, и оденешься по желанию.

— Так много, — она насмешливо поморщилась, — у тебя наличных?

— Купишь, что захочешь, — повторил он. — Хотя бы горностаев. И туфельки из василиска. Я знаю сапожника, у которого на складе еще должны быть такие.

- На чем ты столько заработал?
- На убийствах, Цири. Едем, времени жаль.

В филиале банка Чьанфанелли Геральт поручил сделать перевод и открыть аккредитив, получил банковскую чековую книжку и немного наличных. Написал письма, которые должны были подоспеть к курьерской экспресс-почте, идущей на Яругу. Вежливо отказался от обеда, которым его хотел попотчевать услужливый и гостеприимный банкир.

Цири ожидала на улице, присматривая за лошадьми. Улица, только что пустая, уже кишела народом.

— Похоже, мы попали на какой-то праздник. — Цири головой указала на толпы, тянущиеся к рынку. — Может, ярмарка...

Геральт быстро глянул.

— Это не ярмарка.

— Ох... — Она тоже взглянула, поднявшись на стременах. — Неужто опять...

— Казнь, — сказал он. — Самое популярное из послевоенных развлечений. Что мы с тобой уже видели, Цири?

— Дезертирство, предательство, трусость перед лицом врага, — быстро перечислила она. — И экономические преступления.

— Поставка заплесневевших сухарей для армии, — кивнул ведьмак. — Ох, тяжела в военное время доля предприимчивого купца.

— Здесь будут рубить голову не купцу. — Цири натянула поводья Кэльпи, уже погружившейся в толпу, как в волнуемое поле пшеницы. — Только глянь, помост накрыт сукном, а на палаче новый и чистейший колпак. Тут будут казнить кого-то важного, по меньшей мере барона. Все-таки, пожалуй, за трусость перед лицом врага.

— У Туссента, — покачал головой Геральт, — не было армии, ибо не было никаких врагов. Нет, Цири, думаю, это снова экономика. Казнят кого-то за мошенничество в торговле их знаменитым вином, основой здешнего хозяйства. Едем, Цири. Не станем глядеть.

— Едем. Но как?

Действительно, дальше ехать было невозможно. Не успели они оглянуться, как увязли в собравшейся на площади толпе, оказались в толчее, нечего было и думать прорваться на дру-

гую сторону рынка. Геральт скверно выругался, оглянулся. Увы, возвратиться тоже было невозможно, вливающаяся на рынок человеческая волна полностью закупорила улочку позади них. Несколько мгновений толпа несла их будто река, но движение прекратилось, как только люди наткнулись на окружающую эшафот плотную стену алебардистов.

— Едут! — крикнул кто-то, а толпа зашумела, заволновалась и подхватила крик. — Едут!

Цокот копыт и тархатенье телеги утонули и затерялись в шумелином гудении толпы. Потом они совершенно неожиданно увидели пару лошадей, тянущих из закоулка обрешеченный воз, на котором, с трудом удерживая равновесие, стоял...

— Лютик!!! — ахнула Цири.

Геральт вдруг почувствовал себя скверно. Очень скверно.

— Это Лютик, — не своим голосом повторила Цири. — Да, это он.

«Какая несправедливость, — подумал ведьмак. — Какая гигантская и дьявольская несправедливость. Так не может быть. Так не должно быть. Я знаю, глупо и наивно было думать, будто что-то и когда-то от меня зависело, что я как-то повлиял на судьбы этого мира, что этот мир чем-то мне обязан. Я знаю, это было мнение наивное, более того, наглое. Но я об этом знаю. Меня не надо в этом убеждать! Мне не надо этого доказывать! Тем более таким образом...

Это несправедливо!»

— Это не может быть Лютик, — сказал он глухо, уставившись на гриву Плотвы.

— Это Лютик, — повторила Цири. — Геральт, мы должны что-то сделать.

— Что? — горько спросил он. — Скажи, что?

Ландскнехты сняли Лютика с телеги, обращаясь с ним на удивление почтительно, без грубости, даже с уважением — максимальным, на какое были способны. Перед ведущими на эшафот ступенями ему развязали руки. Поэт бесцеремонно почесал себе зад и без посторонней помощи ступил на ступени.

Одна из ступенек вдруг затрещала, а изготовленный из ошкуренной слегги поручень прогнулся. Лютик с трудом удержал равновесие.

— Черт побери! — воскликнул он. — Это необходимо исправить! Вот увидите, кто-нибудь когда-нибудь убьется на этой лесенке! И случится несчастье!

На помосте Лютика приняли двое помощников палача в кожаных куртках без рукавов. Палач, широкий в плечах как донжон, глядел на осужденного сквозь отверстия в капюшоне. Рядом стоял типчик в богатом, хоть и траурно-черном одеянии. Мина у него тоже была траурная.

— Уважаемые господа и горожане Боклера и округи! — возгласил он громко и печально, уставившись в развернутый пергамент. — Доводится до вашего сведения, что Юлиан Альфред Панкрац, виконт де Леттенхов, он же Лютик...

— Панкрац — что? — шепотом спросила Цири.

— ...приговором Верховного княжеского суда признан виновным во всех приписанных ему преступлениях, грехах и проступках, а именно: оскорблении величества, государственной измене, а сверх того оскорблении достоинства благородного состояния путем клятвопреступления, пасквильанства, клеветы и наветов, а также кутежей, непристойных дебошей, иначе говоря, блудничества. Посему Трибунал решил виконта Юлиана et cetera, et cetera* покарать, primo**, ущерблением герба, путем нанесения на щит черной косой полосы, secundo***, конфискацией имущества, земель, имений, лугов, боров, замков...

— Замков, — простонал ведьмак, — каких еще замков?

— Tertio****: главная кара. Предусмотренную за перечисленные преступления кару волочением лошаадьми, колесованием и четвертованием милостиво правящая нами Анна Генриетта, сиятельная княгиня Туссента и владелица Боклера, соблаговолила заменить отъятием головы от тела при помощи топора. Да восторжествует правосудие!

Толпа ответила несколькими нестройными выкриками. Стоявшие в первом ряду бабы принялись лицемерно завывать и неискренне всхлипывать. Детей взяли на руки либо на плечи, чтобы они не упустили ничего из представления. Помощники палача выкатили на середину эшафота пень и накрыли его скатертью. Возникло небольшое замешательство, поскольку оказалось, что кто-то свистнул ивовую корзинку для отрубленной головы, но быстренько подыскали другую.

Под эшафотом четверо оборванцев растянули платок, чтобы поймать на него кровь. Был солидный спрос на такого типа сувениры, на этом можно было недурно заработать.

* и так далее, и так далее (лат.).

** во-первых (лат.).

*** во-вторых (лат.).

**** В-третьих (лат.).

— Геральт! — Цири не поднимала опущенной головы. — Мы должны что-то сделать...

Он не ответил.

— Я хочу обратиться к народу, — гордо заявил Лютик.

— Только покорооче, виконт.

Поэт встал на край помоста, поднял руку. Толпа зашелестела и утихла.

— Эй, люди! — закричал Лютик. — Что слышно нового? Как делишки?

— Ну, живем кое-как, — ответил после долгой тишины кто-то из дальних рядов.

— Ну и славно, — кивнул поэт. — Весьма рад. Ну, теперь уже можно начинать.

— Мэтр, — сказал с выпрепленной торжественностью траурный тип. — Приступай к своим обязанностям.

Палач подошел, в соответствии со стародавним обычаем опустился перед осужденным на колени, склонил прикрытую капюшоном голову.

— Отпусти мне грех, добрый человек, — попросил он замогильным голосом.

— Я? — удивился Лютик. — Тебе?

— Эге.

— Да ни в жисть.

— Эээ?

— Ни за что не отпущу. Чего ради? Видели фокусника? Через минуту он мне голову отсечет, а я должен ему это простить? Смеешься надо мной, что ли? В такой момент?

— Но как же так, господин? — опешил палач. — Ведь таков закон... И обычай такой... Осужденный обязан прежде всего отпустить палачу. Простить вину. Отпустить грех...

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Я не стану его обезглавливать, — угрюмо заявил палач, поднимаясь с колен. — Пусть отпустит, этакый сын, иначе не отсеку. И все тут.

— Господин виконт. — Грустный чиновник взял Лютика за локоть. — Не усложняйте. Люди собрались как-никак. Ждут... Отпустите ему грех, он же вежливо просит...

— Не отпущу — и точка...

— Мэтр! — Траурный типчик подошел к палачу. — Обезглавьте его без отпущения, а? Я вас вознагражу.

Палач молча протянул огромную как сковорода ладонь. Траурный вздохнул, полез в калету и насыпал в руку монет. Мэтр несколько секунд глядел на них, потом сжал кулак. Глаза в прорезях капюшона зловеще сверкнули.

— Ладно, — сказал он, пряча деньги в карман и обращаясь к поэту. — Опуститесь на колени, упрямец. Положите голову на пень, зловредный господин. Я тоже, если хочу, могу быть зловредным. Буду рубить вам голову в два приема. А если получится, то и в три.

— Отпускаю! — взвыл Лютик. — Прощаю!

— Благодарю вас.

— Ну, коли отпустил, — грустно сказал траурный чиновник, — гоните деньги взад.

Палач отвернулся и занес топор.

— Отодвиньтесь, милостивый государь, — сказал он зловеще глухим голосом. — Не нойте над оружием. Вы же знаете, где головы рубят, там уши летят.

Чиновник быстро попятился, чуть было не свалившись с эшафота.

— Так хорошо? — Лютик опустил на колени и вытянул шею на пне. — Мэтр! Эй, мэтр!

— Ну. Чего?

— Вы ведь пошутили, правда? За один прием отрубите-то? За один замах? А?

Палач сверкнул глазами.

— Неожиданность, — буркнул он зловеще.

Толпа вдруг заволновалась, уступая дорогу ворвавшемуся на площадь наезднику на взмыленном коне.

— Стоять! — крикнул наездник, размахивая огромным, обвешанным красными печатами свитком пергамента. — Задержите казнь! Я везу помилование осужденному!

— Снова? — проворчал палач, опуская уже занесенный топор. — Снова помилование! Это становится скучным.

— Помилование! Помилование! — зарычала толпа. Бабы в первом ряду принялись голосить еще громче. Многие, в основном малолетки, свистели и недовольно выли.

— Успокойтесь, уважаемые господа и горожане! — крикнул траурный, разворачивая пергамент. — Вот воля ее милости Анны Генриетты! В своей неизбывной доброте и в ознаменовании заключенного мира, коий, как сообщается, был подписан в городе Цинтра, ее милость прощает виконту Юлиану Альфреду

Панкрацу де Леттенхофу, он же Лютик, его провинности и освобождают его от казни...

— Милая Ласочка, — сказал Лютик, широко улыбаясь.

— ...одновременно приказывая вышеупомянутому виконту Юлиану Панкрацу et cetera незамедлительно покинуть столицу и пределы княжества Туссент и никогда сюда не возвращаться, поскольку он немил ее милости и смотреть на него ее милость не может! Вы свободны, виконт.

— А мое имущество? — крикнул Лютик. — А? Мое добро, мои рощи, дубравы и замки можете оставить себе, но отдайте, чума на ваши головы, лютию, лошадь Пегаса, сто сорок талеров и восемьдесят геллеров, плащ, подбитый енотами, перстень...

— Заткнись! — крикнул Геральт, расталкивая лошадью обманутую и неохотно расступающуюся толпу. — Заткнись, слезай и иди сюда, болван! Цири, тарань ему дорогу! Лютик! Ты слышишь, что я тебе говорю?

— Геральт? Ты?

— Не спрашивай, а слезай поскорее! Ко мне! Прыгай на лошады!

Они продрались сквозь толчею, галопом помчались по узкой улочке. Цири впереди, за ней Геральт и Лютик на Плотве.

— К чему такая спешка? — проговорил бард из-за спины ведьмака. — Никто нам не угрожает. Никто не гонится.

— Пока что. Твоя княгиня обожает менять свое отношение и как бы попутно отменять то, что решила раньше. согласишься, ты знал о помиловании?

— Не знал, — проворчал Лютик. — Но, признаюсь, рассчитывал на него. Ласочка любвеобильна, и у нее доброе сердечко.

— Заткнись ты со своей Ласочкой, черт побери. Ты только что чудом выкрутился от обвинения в оскорблении величества, а теперь хочешь подпасть под статью «рецидив»?

Трубадур замолчал. Цири остановила Кэлпи, подождала их. Когда поравнялись, она взглянула на Лютика и вытерла слезы.

— Эх ты... — сказала она. — Ты... Панкрац...

— В путь, — поторопил ведьмак. — Покинем этот город и пределы прелестного княжества. Пока еще можем.

Почти на самой границе Туссента, в том месте, откуда уже была видна гора Горгона, их догнал княжеский гонец. Он тя-

нул за собой оседланного Пегаса, вез лютню, плащ и перстень Лютика. Вопрос о ста сорока талерах и восьмидесяти геллерах он пропустил мимо ушей. Просьбу барда передать княгине поцелуи выслушал не моргнув глазом.

Они поехали вверх по течению Сансретуры, теперь уже малюсенькой и юркой струйки. Обошли стороной Бельхавен.

На ночлег остановились в долине Неви. В том месте, которое помнили и ведьмак, и бард.

Лютик держался долго и вопросов не задавал.

Но в конце концов пришлось рассказать ему обо всем.

И присоединиться к его молчанию. К отвратительной, гноющейся как язва тишине, наступившей после рассказа.

В полдень следующего дня они были на стоках, под Ридбруном. Вокруг стоял мир, лад и порядок. Люди были доверчивы и работающи. Чувствовалась безопасность.

Повсюду стояли тяжелые от висельников шибеницы.

Они обошли стороной город, направляясь к Доль Ангре.

— Лютик! — Только теперь Геральт заметил то, что должен был заметить уже давно. — А твоя бесценная туба? Твои полвека поэзии? У гонца их не было. Они остались в Туссенте?

— Остались, — равнодушно поддакнул бард. — В гардеробе Ласочки, под кучей платьев, трусов и корсетов. И пусть себе там остаются на веки веков. Аминь.

— Объясни.

— А чего тут объяснять? В Туссенте у меня было достаточно времени, чтобы внимательно прочесть все, что я написал.

— И что?

— Напишу еще раз. Заново.

— Понимаю, — кивнул Геральт. — Короче говоря, ты оказался таким же никудышным писателем, как и фаворитом. А говоря обиднее: к чему бы ты ни прикоснулся, испоганишь. Но если свои «Полвека» ты еще имеешь возможность исправить, то с княгиней Анарьеттой у тебя такие же шансы вновь стать возлюбленным, как у дерьма снова сделаться хлебом. К примеру. Тьфу! Любовник, которого с позором изгнали. Да-да, нечего гримасничать. Быть князем-консортом в Туссенте не тебе писано, Лютик.

— Еще посмотрим.

— На меня не рассчитывай. Я на это смотреть не намерен.

— А никто тебя и не просит. Однако скажу, что у Ласочки доброе и всепрощающее сердечко. Правда, ее малость занес-

ло, когда она прихватила меня с юной баронессочкой Никвой... Но теперь уже наверняка охолонула. Поняла, что мужчина не создан для моногамии. Простила меня и наверняка ждет...

— Ты безнадежно глуп, — отметил Геральт, а Цири энергичным кивком подтвердила, что думает точно так же.

— Не стану я с вами спорить, — надулся Лютик. — Тем более что дело это интимное. Повторяю еще раз: Ласочка меня простит. Напишу соответствующую балладу либо сонет, перешлю ей, а она...

— Смиловисься, Лютик.

— А и верно, чего с вами болтать. Поехали дальше! Гони, Пегас! Мчись, летун быstroногий!

Они ехали. Стоял май.

— Из-за тебя, — укоризненно сказал ведьмак, — из-за тебя, любовник отлученный, мне тоже пришлось бежать из Туссен-та, словно какому-то изгнаннику или преследуемому. Я даже не успел увидеться с...

— С Фрингильей Виго? И не увиделся бы. Она вскоре после вашего отъезда, еще в январе, отбыла в неизвестном направлении. Попросту исчезла.

— Не ее я имел в виду, — кашлянул Геральт, видя, как Цири с интересом прислушивается. — Я хотел встретиться с Рейнартом. Познакомить его с Цири...

Лютик уставился в гриву Пегаса.

— Рейнарт де Буа-Фресне, — пробормотал он, — где-то в конце февраля погиб в стычке с партизанами на перевале Сервантеса, в районе сторожевой башни Ведетта. Анарьетта по-смертно почтила его орденом...

— Заткнись, Лютик.

Лютик заткнулся, на удивление послушный.

Май длился, разгорался. С лугов сбежала яркая желтизна осота, сменившаяся пышной, немного припыленной и летучей белизной одуванчиков.

Было зелено и очень тепло. Воздух, когда его не освежала краткая буря, был плотным, жарким и липким, как крупник*.

Двадцать шестого мая пересекли Яругу по новенькому, беленькому пахнущему смолой мосту. Остатки старого моста,

* горячая водка с медом и пряностями.

черные, закопченные и обугленные балки, виднелись в воде и на берегу.

Цири сделалась беспокойной.

Геральт знал. Знал ее намерения, знал о планах, о договоренности с Йеннифэр. Он был готов. И все-таки мысль о расставании болезненно уколола его. Будто там, в груди, внутри, за ребрами, дремал и неожиданно проснулся маленький вредный скорпион.

За руинами сожженной корчмы, на развилке дорог за деревней Укропня стоял — возрастом, пожалуй, за сто лет — раскидистый черешневый дуб, сейчас, весной, усыпанный маленькими паучками цветов. Население всей округи, даже далекой Спалли, привыкло использовать огромные и достаточно низко расположенные ветви дуба, чтобы вешать на них досочки и таблички, содержащие различную информацию. По этой причине дуб, выполняющий для людей роль связующего звена, именовался Древом Познания Добра и Зла.

— Цири, начни с той стороны, — скомандовал Геральт, слезая с лошади, — а ты, Лютик, посмотри с той.

Развешанные на ветках досочки колебались на ветру, стлкивались, словно колотушки.

В основном здесь сообщалось об обычных после войны поисках пропавших родных. Много было объявлений типа «ВЕРНИСЬ, Я ВСЕ ПРОЩУ», немало извещений об эротическом массаже и подобного рода услугах в окрестных селах и городках, много объявлений и торговых реклам. Была любовная переписка, были доносы и анонимные заявления, подписанные доброжелателями. Попадались также досочки, содержащие философские взгляды их авторов — в основном кретинско-бессмысленные либо омерзительно непристойные.

— О! — воскликнул Лютик. — Замку Растбург срочно требуется ведьмак. Оплата высокая, ночлег по высшему классу и экстраординарный стол гарантируются. Воспользуешься, Геральт?

— Ни в коем случае.

Сообщение, которое они искали, нашла Цири.

И тут же сказала ведьмаку то, чего он ожидал уже давно.

— Я еду в Венгерберг, Геральт, — повторила она. — Не хмурься. Ты же знаешь, я должна. Она ждет меня там.

— Знаю.

— Ты едешь в Ривию, на встречу, из которой все время делаешь секрет.

— Сюрприз, — поправил он. — Сюрприз, а не секрет.

— Ладно, пусть будет сюрприз. А я покончу в Венгерберге со всем, что полагается, заберу Йеннифэр, и мы будем в Ривии через шесть дней. И незачем прощаться. Не навек расстанемся. Всего на шесть дней. До свидания!

— До свидания, Цири.

— Ривия, через шесть дней, — повторила она еще раз, заворачивая Кэльпи.

И сразу пошла галопом. Скрылась очень быстро, а Геральт почувствовал, как какая-то страшная, холодная, костистая лапа стискивает ему желудок.

— Шесть дней, — задумчиво повторил Лютик. — Отсюда до Венгерберга и обратно до Ривии... В сумме почти двести пятьдесят миль... Это невозможно, Геральт. Конечно, на той адской кобыле, на которой девочка может двигаться со скоростью курьера в три раза быстрее нас, теоретически — только теоретически — можно за шесть дней покрыть такое расстояние. Но даже ее дьявольской кобыле необходимо отдыхать. Да и на таинственное дело, которое Цири собирается завершить, тоже ведь уйдет какое-то время. Стало быть, невыполнимо...

— Для Цири, — сжал губы Геральт, — нет вещей невыполнимых.

— Неужто...

— Она далеко не та девочка, которую ты знал, — оборвал Геральт. — Не та.

Лютик долго молчал.

— У меня странное ощущение...

— Замолчи. Не говори ничего. Очень тебя прошу.

Май кончился. Близилось новолуние, луна шла на ущерб и была уже совсем тоненькой. Они ехали к маячившим на горизонте горам.

Ландшафт был типично послевоенный. Посреди полей то тут, то там вздымались могильные холмики и курганы, в буйной весенней зелени белели черепа и скелеты. На придорожных деревьях болтались повешенные, на дорогах, в ожидании голодной смерти, сидели нищие. У леса, в ожидании, когда нищие ослабеют, сидели волки.

Отстраивались деревни и поселки, от которых остались лишь закопченные трубы печей, стучали молотки, визжали пилы. Неподалёку от развалин бабы дырявили сожженную землю мотыгами. Некоторые, спотыкаясь, тянули бороны и плуги, а холщовые шлеи врезались им в исхудавшие плечи. В бороздах дети охотились на личинок и дождевых червей.

— У меня неясное ощущение, — сказал Лютик, — что здесь что-то не так, чего-то недостает... Тебе не кажется, Геральт?

— А?

— Что-то здесь ненормально.

— Все здесь ненормально, Лютик. Все.

Ночью, теплой, черной и безветренной, освещенной далекими вспышками молний и заполненной беспокойным ворчанием громов, отдыхающие после дня езды Геральт и Лютик увидели, как горизонт на западе расцветился красным заревом пожара. Это было недалеко, поднявшийся ветер принес запах гари и дыма. Принес он и обрывки звуков. Они слышали — хоть и не желали слушать — крики убиваемых, вой женщин, наглый и торжествующий рев банды.

Лютик молчал, то и дело тревожно косился на Геральта.

Но ведьмак даже не дрогнул, даже не повернул головы. А лицо у него было как из латуни.

Утром двинулись дальше. На поднимающиеся над лесом струйки дыма даже не смотрели.

А потом столкнулись с колонной поселенцев.

Они шли длинной колонной. Медленно. Несли маленькие узелки.

Шли в полной тишине. Мужчины, юноши, женщины, дети. Шли без вздохов, без плача, без слова жалобы. Без криков, без отчаянных рыданий.

Крик и отчаяние стояли у них в глазах. Пустых глазах обездоленных людей. Ограбленных, избитых, изгнанных.

— Кто это? — На Лютика не подействовала враждебность в глазах сопровождавшего колонну офицера. — Кого вы гоните?

— Нильфгаардцев, — ответил с высоты седла поднаместник*, румяный парнишка, встретивший самое большее восемнадцать весен. — Нильфгаардских поселенцев, приползли,

* устаревшее воинское звание в кавалерии, примерно соответствует подхорунжему (польск.).

понимаешь, на нашу землю словно тараканы. Вот мы их будто тараканов и выметаем. Так решено в Цинтре, и так записано в мирном договоре.

Он наклонился, сплюнул.

— А я, — продолжал, вызываясь глядя на Лютика и ведьмака, — будь в моей власти, их отсюда живьем бы не выпустил, подлецов.

— А я, — протяжно бросил седоусый унтер-офицер, кинув на своего командира взгляд, явно лишенный почтения, — будь это в моей власти, оставил бы я их в покое на их фермах. Не стал бы изгонять из страны хороших кметов. Радовался бы, что сельское хозяйство у них процветает. И есть, что в рот положить.

— Глупы вы, вахмистр, будто сапог валяный, — проворчал поднаместник. — Это ж нильфгаардцы! Не наш язык, не наша кровь, не наша культура. Сельскому-то хозяйству мы радовались, а на сердце своем змею согревали. Предателей, готовых ударить в спину... Может, думаете, меж нами и Черными уже навсегда согласие? Нет, пускай идут откуда пришли... Эй, солдат! Там у одного тележка. А ну, сбегай-ка, живо!

Приказ был выполнен с запалом. С применением не только палки, но и каблуков.

Лютик кашлянул.

— А вам что, может, не нравится? — Мальчишка-поднаместник сморил его взглядом. — Может, вы — нильфгаардец?

— Упаси боже, — слотнул Лютик.

У многих идущих мимо них пустоглазых, двигающихся словно автоматы женщин и детей была рваная одежда, опухшие, в синяках лица, бедра и бока покрыты засохшими струйками крови. Многих приходилось поддерживать, чтобы они могли идти. Лютик глянул на Геральта, и ему стало страшно.

— Пора нам, — пробормотал он. — Бывайте, господа солдаты.

— Бывайте, господа путники, — ответил вахмистр.

Поднаместник даже головы не повернул, увлеченный выслушиванием, не несет ли кто из поселенцев багажа побольше, чем установлено цинтрийским миром.

Колонна поселенцев двигалась.

Послышались высокие, отчаянные, полные боли крики женщины.

— Геральт! Нет! — простонал Лютик. — Не делай ничего, умоляю... Не вмешивайся...

* * *

В одну из ночей, беспокойную, то и дело рассекаемую молниями, ведьмака снова разбудил сон. На этот раз он тоже не был уверен, что не попал из одного сна в другой.

Снова над последними тлеющими угольями костра вздымалась мерцающая ясность, пугающая лошадей, снова в ясности этой был огромный замок, черные колонны, стол, сидящие за ним женщины.

И две женщины, стоявшие у стола. Черно-белая и черно-серая.

Йеннифэр и Цири.

Ведьмак застонал во сне.

Йеннифэр была права, отсоветовав Цири надевать мужскую одежду. В мужской одежде, похожая на мальчишку, Цири чувствовала бы сейчас себя по-дурачки. Здесь, в этом зале. По сравнению с шикарными, сверкающими драгоценностями женщин. Она была рада, что позволила одеть себя в сочетание черного и серого, ей льстили одобрительные взгляды, которые бросали эти шикарные женщины на ее разрезные рукава с буфами и высокую талию, на бархат, украшенный небольшой бриллиантовой розой.

— Подойдите ближе.

Цири слегка вздрогнула. И не только от звука этого голоса. Йеннифэр оказалась права еще в одном, когда не советовала делать декольте. Однако Цири заупрямилась, и теперь ей чудилось, что сквозняк прямо-таки гуляет по ее маленькой груди, а бюст чуть не до пупка покрылся гусиной кожей.

— Еще ближе, — повторила темноволосая и темноглазая женщина, которую Цири знала, помнила по острову Танедд. И хотя Йеннифэр сказала, кого они застанут в Монтекальво, описала всех и сообщила их имена, эту женщину Цири с первого мгновения начала мысленно именовать «госпожой Совой».

— Приветствуем вас, — сказала госпожа Сова, — в Ложе Монтекальво, мазель Цири.

Цири поклонилась так, как советовала Йеннифэр, почти-тельно, но больше по-мужски, без девичьего книксена, не опуская скромно и по-девичьи робко глаз. Ответила улыбкой на искреннюю и милую улыбку Трисс Меригольд, немного более глубоким наклоном головы — на дружеский взгляд Маргариты Ло-Антиль. Выдержала восемь остальных взглядов, хоть они

больше походили на проникающие до глубины сознания сверла. Коллющие острия копий.

— Прощу сесть, — истинно королевским жестом пригласила госпожа Сова. — Нет, Йеннифэр, не ты. Только она. Ты, Йеннифэр, не приглашенный в Ложу гость, а обвиняемая, вызванная для осуждения и наказания. Пока Ложа не вынесет решения о твоей судьбе, ты будешь стоять.

Для Цири протокол мгновенно окончился.

— В таком случае и я буду стоять, — сказала она отнюдь не тихо и не смиренно. — Я тоже не считаю себя здесь каким-то гостем. Меня тоже вызвали, чтобы объявить мою судьбу. Как она, так и я. Нас невозможно разорвать. При всем к вам уважении.

Маргарита Ло-Антиль улыбнулась, глядя ей в глаза.

Скромная, элегантная, с немного крючковатым носом, — явно нильфгаардка! — Ассирэ вар Анагьд покачала головой, слегка постукивая пальцами по крышке стола.

— Филиппа, — проговорила женщина, шею которой охватывало боа из серебристых лис. — Мне кажется, нам не следует быть столь уж принципиальными. Во всяком случае, не сегодня, не в данный момент. Это круглый стол Ложи. За ним мы сидим как равные. Я считаю, мы можем согласиться с тем, чтобы...

Она не договорила, обвела взглядом остальных чародеек. Те поочередно кивали, выражая согласие: Маргарита, Ассирэ, Трисс, Сабрина Глевиссиг, Кейра Мец, обе прекрасные эльфки. Только вторая нильфгаардка, черноволосая Фрингилья Виго, сидела неподвижно, очень бледная, не отрывая глаз от Йеннифэр.

— Будь по-вашему, — махнула унизанной перстнями рукой Филиппа Эйльхарт. — Сядьте обе. Хоть я и возражаю. Однако единство Ложи прежде всего. Интересы Ложи — прежде всего. И превыше всего. Ложа — все, остальное — ничто. Надеюсь, ты понимаешь это, Цири.

— Прекрасно понимаю. — Цири и не думала опускать глаз. — Тем более что именно я и есть то самое ничто.

Францеска Финдабаир, изумительной красоты эльфа, рассмеялась жемчужно и звучно.

— Поздравляю, Йеннифэр, — сказала она завораживающим мелодичным голосом. — Узнаю пробу золота. Узнаю школу.

— Нетрудно распознать. — Йеннифэр прошлась по лицам огненным взглядом. — Ибо это школа Тиссаи де Врие.

— Тиссаи де Врие умерла, — спокойно сказала госпожа Сова. — Ее нет за этим столом. Тиссаи де Врие умерла, траур по ней закончился. Будучи одновременно рубежом и поворотным пунктом. Ибо началось новое время, пришла новая эпоха, грядут большие перемены. А тебе, Цири, коя некогда была Цириллой из Цинтры, судьбой предназначена в этих переменах важная роль. Вероятно, ты уже знаешь какая.

— Знаю, — чуть ли не гавкнула Цири, не обращая внимания на успокаивающие взгляды Йеннифэр. — Мне это разъяснил Вильгефорц! Готовясь всадить стеклянный шприц между ног. Если в этом состоит мое предназначение, то благодарю покорно.

Темные глаза Филиппы разгорелись холодным гневом. Но заговорила не она. Заговорила Шеала де Танкарвилль.

— Ты еще многому должна будешь научиться, дитя, — сказала она, кутаясь в боа из серебристых лис. — От очень многого, насколько я вижу и слышу, придется тебе отвыкать самой либо с чьей-то помощью. За последнее время ты набралась, видимо, массы скверных знаний, несомненно, испытала зло и научилась ему. Сейчас, в твоём ребяческом упрямстве, ты отказываешься замечать добро, отвергаешь добрые намерения. Топоришь иглы словно еж, неспособная увидеть тех, кто заботится именно о твоём благе. Фыркаешь и выпускаешь когти, будто дикий котенок, не оставляя нам выбора. Придется взять тебя за загривок. И мы сделаем это, дитя, не медля ни минуты. Ибо мы старше тебя, мудрее тебя, знаем все о том, что было, что есть. Знаем многое о том, что будет. Мы возьмем тебя за загривок, котенок, для того, чтобы ты когда-нибудь, скоро, уже став опытной и мудрой кошкой, села здесь, за этот стол, вместе с нами. Одной из нас. Нет! Ни слова! Не вздумай открывать рот, когда говорит Шеала де Танкарвилль!

Голос ковирской чародейки, резкий и пронзительный, словно скребущий по железу нож, неожиданно завис над столом. Съежилась не только Цири, легко дрогнули и втянули головы в плечи даже другие магички из Ложи, ну, может, за исключением Филиппы, Франчески и Ассирэ.

И Йеннифэр.

— Ты была права, — проговорила Шеала, кутаясь в боа, — полагая, что тебя вызвали в Монтекальво, чтобы ознакомить с

судьбой. Но не была права, полагая, что ты — ничто. Ибо ты — все, ты — будущее мира. В данный момент, конечно, ты этого не знаешь и не понимаешь. В данный момент ты не более чем взерошенный и фыркающий котенок, ребенок, переживший травмирующие события, в каждом видящий Эмгыра вар Эмрейса либо Вильгефорца с осеменителем в руке. И бессмысленно сейчас, в данный момент, пытаться объяснить тебе, что ты ошибаешься, что речь идет о твоём благе и благе мира. Придет время для таких пояснений. Когда-нибудь. А сейчас, взерошенная, ты все равно не захочешь услышать голос рассудка, сейчас на каждый наш аргумент ты будешь искать ответный удар в виде ребяческого упрямства и крикливого ожесточения. По сему случаю сейчас тебя просто-напросто возмут за шкуру. Я кончила. Сообщи девушке, что ее ждет, Филиппа.

Цири сидела неподвижно, поглаживая головы сфинксов, украшающие поручни кресла.

— Ты поедешь, — прервала тягостно-мертвенную тишину госпожа Сова, — со мной и Шеалой в Ковир, в Понт Ванис, летнюю столицу королевства. Поскольку ты уже никакая ни Цириллы из Цинтры, ты будешь на аудиенции представлена в качестве адептки магии, нашей подопечной. На аудиенции познакомишься с очень мудрым королем, Эстерадом Тиссенном, истинно королевской кровью. Познакомишься с его супругой, королевой Зулейкой, личностью невероятного благородства и доброты. Познакомишься также с сыном королевской четы, принцем Танкредом.

Цири, начиная наконец понимать, что к чему, широко раскрыла глаза. Это не ушло от внимания госпожи Совы.

— Да, — кивнула та. — Прежде всего ты должна произвести впечатление на принца Танкреда. Ибо станешь его наложницей и родишь ему ребенка.

— Если б ты по-прежнему была Цириллой из Цинтры, — псле долгого молчания продолжала Филиппа, — если б ты по-прежнему была дочерью Паветты и внучкой Калантэ, мы сделали бы тебя законной супругой Танкреда. Вначале княгиней, затем — королевой Ковира и Повисса. Увы, к величайшему сожалению, судьба лишила тебя всего. В том числе и будущего. Ты будешь всего лишь любовницей Танкреда. Фавориткой.

— Номинально, — вставила Шеала, — и формально. Потому что мы постараемся, чтобы практически рядом с Танкре-

дом ты пользовалась статусом княгини, а потом, не исключено, даже королевы. Конечно, потребуется твоя помощь и добрая воля. Необходимо держать себя так, чтобы Танкред всегда хотел видеть тебя рядом. Днем и ночью. Мы научим тебя, как подпитывается такое желание. Но от тебя зависит, пойдет ли обучение впрок.

— Вообще-то это мелочи, — сказала госпожа Сова. — Важно, чтобы ты как можно скорее забеременела от Танкреда.

— Яснее ясного, — буркнула Цири.

— Будущее и положение твоему ребенку, — Филиппа не спускала с нее темных глаз, — обеспечит Ложан. Да будет тебе известно, что речь идет о делах действительно серьезных. Впрочем, ты не окажешься в стороне, поскольку тут же после рождения ребенка примешь участие в наших собраниях. Будешь набираться опыта. Ибо ты, хоть сегодня это скорее всего тебе непонятно, одна из нас.

— Здесь нет никакого противоречия, — раздался мелодичный, словно журчание ручейка, голос Энид ан Глеанна, Жемчужинки из Долин. — Мы, *me lured*, все есть не что иное, как чудовища. Каждая по-своему. Не так ли, госпожа Сова?

Филиппа пожала плечами.

— Неприятный шрам на лице, — снова заговорила Шеала, механически пощипывая боа, — мы замаскируем иллюзией. Ты будешь выглядеть прекрасно и таинственно, а Танкред Тиссен, уверяю тебя, просто свихнется от любви к тебе. Надо будет придумать тебе имя и легенду. Цирилла, конечно, имя красивое и не столь уж редкое, чтобы от него отказываться ради сохранения инкогнито. Но тебе нужна фамилия. Я не стану возражать, если ты выберешь мою.

— Либо мою, — сказала госпожа Сова, усмехнувшись уголками губ. — Цирилла Эйльхарт — тоже звучит недурно.

— Ее имя, — в зале опять заиграл серебряным колокольчиком голос Маргаритки из Долин, — звучит недурно в любом обрамлении. И каждая из нас хотела бы иметь такую дочь, как ты, Зиреазль, ласточка с глазами сокола, ты — кровь и плоть Лары Доррен. Каждая из нас пожертвовала бы всем, даже этой Ложей, даже судьбой королевства и всего мира, чтобы только заполучить такую дочь, как ты. Но это, увы, невозможно. Мы знаем, что невозможно. Поэтому так завидуем Йеннифэр.

— Благодарю вас, госпожа Филиппа, — проговорила после минутного молчания Цири, сжимая пальцы на головах сфин-

ков. — Я также польщена предложением госпожи де Танкарвилль носить ее фамилию. Однако, поскольку получается, что фамилия — единственное, что в данном случае зависит от меня и моего выбора, единственное, что мне не навязывают, я вынуждена поблагодарить вас обеих, милостивые государыни, и выбрать сама. Я хочу, чтобы меня именовали Цири из Венгерберга, дочь Йеннифэр.

— Ого! — сверкнула зубами черноволосая чародейка, которую, как догадалась Цири, звали Сабрина Глевиссиг из Каэдвена. — Танкред Тиссен окажется круглым идиотом, если не свяжет себя с ней морганатическим браком. Если же позволит вместо нее подsunуть себе в жены какую-нибудь «мыльную принцессу», то будет просто дурнем и слепцом, не умеющим распознать бриллианта среди россыпи стекляшек. Поздравляю, Йенна. И завидую. А ты знаешь, сколь искренней бывает моя зависть.

Йеннифэр поблагодарила наклоном головы. Не улыбнувшись.

— Итак, — сказала Филиппа, — с этим покончено.

— Нет, — сказала Цири.

Франческа Финдабаир прыснула в кулак. Шеала де Танкарвилль подняла голову, а лицо у нее недобро закаменило.

— Мне необходимо все обдумать, — заявила Цири. — Поразмышлять. Разложить все сказанное по полочкам. В себе. В спокойной обстановке. Как только я это сделаю, я вернусь сюда, в Монтекальво. Стану перед вами. Скажу вам, милостивые государыни, что решила.

Шеала пошевелила губами так, словно у нее во рту оказалось что-то такое, что следует немедленно выплюнуть, но промолчала.

— Я, — подняла голову Цири, — договорилась встретиться с ведьмаком Геральтом в городе Ривия. Я пообещала ему, что встречусь с ним там, что приеду туда вместе с Йеннифэр. Я сдержу обещание при вашем согласии либо без него. Присутствующая здесь госпожа Рита знает, что я, когда иду к Геральту, всегда отыщу щель в стене.

Маргарита Ло-Антиль улыбнулась и кивнула.

— Мне необходимо поговорить с Геральтом. Попрошаться. И признать его правоту. Потому что, милостивые государыни, одно вам следует знать. Когда мы уезжали из замка Стигга, оставляя за собой трупы, я спросила Геральта, конец ли уже, победили ли мы, пало ли уже зло, восторжествовало

ли добро. А он только улыбнулся как-то так странно и грустно. Я думала, это от усталости, из-за того, что всех его друзей мы похоронили там, у замка Стигга. Но теперь понимаю, что означала его улыбка. Это была улыбка сожаления о наивности ребенка, думавшего, будто перерезанные глотки Вильгефорца и Бонарта означают торжество добра над злом. Я обязательно должна сказать ему, что я поумнела и поняла. Я должна обязательно ему это сказать.

Должна убедить в существенном и принципиальном отличии того, что намерены сделать со мной вы, от того, что соби-
рался проделать со мной при помощи стеклянного осеменителя Вильгефорц. Должна попробовать объяснить ему, что есть разница между замком Монтекальво и замком Стигга, хотя и Вильгефорц заботился о благе мира, и вы, благородные дамы, также заботитесь о благе того же мира.

Я знаю, нелегко будет мне убедить такого старого волка, как Геральт. Геральт скажет, что я — соплячка, что меня легко задурить видимостью благородства, что все разговоры о предназначении и благе мира — глупые фразы. Но я должна попытаться. Очень важно, чтобы он это понял и одобрил. Это очень важно. Для вас также.

— Ничего ты не поняла, — резко сказала Шеала де Танкарвилль. — Ты все еще остаешься ребенком, от фазы сопливого рева и топанья ножками переходящего к сопливому нахальству. Единственное, что вселяет надежду, так это живость ума. Ты будешь учиться быстро, вскоре, поверь мне, ты станешь смеяться, вспоминая глупости, которые возглашала здесь. А что касается поездки в Ривию, изволь, пусть выскажется Ложа. Я лично категорически против. Из принципиальных соображений. Чтобы доказать тебе, что я, Шеала де Танкарвилль, никогда не бросаю слов на ветер. И сумею склонить твою строптивую головку. Надо, ради твоего же собственного блага, приучить тебя к дисциплине.

— Давайте покончим с этим. — Филиппа Эйльхарт положила руки на стол. — Прошу вас, дамы, высказаться. Можем ли мы позволить непокорной мазель Цири поехать в Ривию? На встречу с неким ведьмаком, которому вскоре не будет места в жизни? Можем ли мы допустить, чтобы в ней взростал сентиментализм, от коего вскоре ей предстоит избавиться полностью? Шеала против. Остальные?

— И я против, — заявила Сабрина Глевиссиг. — Тоже из принципиальных соображений. Девушка мне нравится, что уж говорить. Мне нравится ее категоричность и вспыльчивая дерзость. Я предпочитаю это чуть тепленьким галушкам. Я не стала бы возражать против ее поездки, тем более что она, несомненно, возвратится. Такие, как она, слова не нарушают. Но девушка отважилась угрожать нам. Так пусть знает, что такие угрозы нас лишь забавляют.

— Я — против, — сказала Кейра Мец, — из практических соображений. Девушка и мне нравится, а упомянутый Геральт нес меня на Танедде на руках. Во мне нет ни крохи сентиментальности, но тогда мне было ужасно приятно. Была бы возможность отблагодарить его. Но нет! Ибо ты, Сабрина, ошибаешься. Девушка — ведьмачка и пыгается нас по-ведьмачьи перехитрить. Короче говоря — сбежать.

— Кто-то здесь, — спросила Йеннифэр, зловеще растягивая слова, — осмеливается подвергнуть сомнению слова моей дочери?

— Ты, Йеннифэр, помалкивай, — прошипела Филиппа. — Помалкивай, пока я не потеряла терпения. У нас два голоса против. Слушаем дальше.

— Я голосую за то, чтобы позволить ей ехать, — сказала Трисс Меригольд. — Я знаю ее и ручаюсь за нее. Я хотела бы также, если она согласится, сопровождать ее. Помочь, если она согласится, рассуждать и взвешивать. И, если согласится, разговаривать с Геральтом.

— Я также голосую «за», — улыбнулась Маргарита Ло-Антьиль. — Вас удивит то, что я скажу, но я делаю это в память Тиссаи де Врие. Будь она здесь, она возмутилась бы, услышав, будто ради удержания единства Ложи надо применять принуждение и ограничивать личную свободу.

— Я голосую «за», — сказала Франческа Финдабаир, поправляя кружево на декольте. — Причин множество, выявлять их я не обязана и не стану.

— Голосую «за», — столь же лаконично проговорила Ида Эмеан аэп Сивней. — Ибо так велит мне сердце.

— А я «против», — сухо заявила Ассирэ вар Анагид. — Мною не руководят ни симпатии, ни антипатии или принципиальные поводы. Я опасаюсь за жизнь Цири. Под опекой Ложи она в безопасности, на ведущих же в Ривию трактах станет легкой добычей. А я опасаюсь, что найдутся такие, кото-

рые, отняв у нее даже имя и личность, все еще посчитают, что этого мало.

— Итак, нам осталось, — довольно ядовито сказала Сабрина Глевиссиг, — узнать мнение госпожи Фрингильи Виго. Хотя оно-то, пожалуй, сомнений не вызывает. Позволю себе напомнить вам, дамы, замок Рыс-Рун.

— Благодарю за напоминание. — Фрингилья Виго гордо подняла голову. — Я отдаю голос за Цири. Чтобы доказать уважение и симпатию, которые питаю к девушке. А прежде всего — ради Геральта из Ривии, ведьмака, без которого этой девушки сегодня не было бы здесь. Который ради спасения Цири шел на край света, борясь со всем, что вставало у него на пути, даже с самим собой. Было бы подло отказывать ему теперь во встрече с нею.

— Слишком мало, однако, было бы подлости, — цинично сказала Сабрина Глевиссиг, — и чрезмерно много сентиментальности, той самой сентиментальности, которую мы собираемся искоренить в этой девушке. О, здесь даже шла речь о сердечности. А результат? В результате чаши весов уравнились. Замерли в мертвой точке. Мы ничего не решили. Надо голосовать снова. Предлагаю — тайно.

— А зачем? — неожиданно для всех сказала Йеннифэр. — Я все еще член Ложи. Никто не лишил меня членства. На мое место не принят никто. Формально я имею право голоса. Думаю, ясно, как я голосую. Таким образом, голоса «за» перевешивают, и вопрос решен.

— Твоя наглость, — сказала Сабрина, сплетая унизанные ониковыми перстнями пальцы, — того и гляди выйдет за пределы хорошего тона, Йеннифэр.

— На вашем месте, — серьезно добавила Шеала, — я бы покорно молчала. В преддверии голосования, предметом которого вскоре станете вы сами.

— Я поддержала Цири, — сказала Франческа, — но тебя, Йеннифэр, вынуждена призвать к порядку. Ты выбыла из Ложи, сбежав и отказавшись сотрудничать. У тебя нет никаких прав. Зато есть обязанности, долги, которые надо заплатить, и приговор, который надобно выслушать. Если б не это, тебя не пустили бы на порог Монтекальво.

Йеннифэр удержала Цири, явно готовую вскочить и кричать. Цири, не сопротивляясь, опустилась в кресло с поручнями в виде голов сфинксов и устала на госпожу Сову,

Филиппу Эйльхарт, поднимающуюся со своего кресла и нависающую над столом.

— Йеннифэр, — громко заявила она, — не имеет права голоса. Это ясно. Но я — имею. Я выслушала всех присутствующих и наконец, мне кажется, могу голосовать сама?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась Сабрина.

Филиппа Эйльхарт глянула через стол. Нашупала глазами Цири и погрузилась в них.

Дно бассейна выполнено из разноцветной мозаики, плитки играют всяческими цветами и кажутся подвижными. Вода дрожит, переливается. Под огромными, как блюда, листьями кувшинок, среди зеленых водорослей мелькают караси и ельцы. В воде отражаются огромные темные глаза девочки, ее длинные волосы касаются поверхности воды, плавают по ней.

Девочка, забыв обо всем, водит руками меж стеблей кувшинок, перевесившись через обрамление фонтана. Ей так хочется прикоснуться к одной из красных и золотистых рыбок. Рыбки подплывают к ручкам, шныряют вокруг, но схватить себя не дают, неуловимые как призраки, как сама вода. Пальцы темноглазой девочки ловят только воду.

— Филиппа!

Самый любимый голос. И все-таки девочка отзывается не сразу. Продолжает смотреть в воду, на рыбок, на кувшинки, на свое отражение.

— Филиппа!

— Филиппа! — Резкий голос Шеалы де Танкарвилль вырвал ее из задумчивости. — Мы ждем.

Из раскрытого окна повеяло холодным весенним ветром. Филиппа Эйльхарт вздрогнула. «Смерть, — подумала она, — смерть прошла рядом со мной».

— Ложа, — наконец уверенно, громко и отчетливо проговорила она, — будет решать судьбу мира. Поэтому Ложа — все равно что мир, она его зеркало. Здесь в равновесии оказались рассудок, не всегда означающий холодную подлость и расчетливость, и сентиментальность, которая не всегда бывает наивной. Ответственность, железная, даже навязанная силой дисциплина и отвращение к насилию, мягкость и доверчивость. Деловитый холод всемогущества... и сердце.

Я, — продолжала она в наступившей в колонном зале замка Монтекальво тишине, — отдавая свой голос последней, учитываю еще одно. То, что, не уравниваясь ни с чем, уравнивает все.

Следуя за ее взглядом, женщины повернули головы к стене, к мозаике, на которой собранный из маленьких разноцветных плиточек змей Уроборос ухватил зубами свой собственный хвост.

— Это, — продолжала чародейка, впиваясь в Цири своими темными глазами, — Предназначение. В которое я, Филиппа Эйльхарт, не так давно начала верить. Которое я, Филиппа Эйльхарт, недавно начала понимать. Предназначение — не приговор Провидения, не свитки, написанные рукой демиурга, не фатализм. Предназначение — это надежда. Будучи исполнена надежды, веря, что все, чему суждено случиться, — случится, я отдаю свой голос. Отдаю его Цири, Дитя Предназначения. Дитя надежды.

Долго стояла тишина в погруженном в мягкую светотень колонном зале замка Монтекальво. Из-за окна долетел крик кружащего над озером орла-рыболова.

— Госпожа Йеннифэр, — шепнула Цири. — Значит ли это...

— Идем, доченька, — тихо ответила Йеннифэр. — Геральт ждет нас, а путь неблизкий.

Геральт проснулся и вскочил. Крик ночной птицы все еще стоял у него в ушах.

...Потом чародейка и ведьмак справили шумную свадьбу. Я там был, мед-пиво пил. И жили потом счастливо, но очень недолго. Он умер легко, от сердечного приступа. Она умерла вскоре после него, а от чего, о том сказка не говорит. Толкуют, что, мол, от горя и тоски, да только кто станет верить сказкам?

Флоуренс Деланной. Сказки и предания

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На шестой день после июньского новолуния они добрались до Ривии.

Выехали из лесов на склоне холма, и тотчас перед ними внизу блеснула зеркальная гладь озера Лок Эскалотт, имеющего форму руны, от которой оно и получило название. Озеро искрилось в котловине. В зеркало вод смотрели поросшие пихтами и лиственницами холмы Крааг Рос, выступающие вперед предгорья массива Махакам. И красные крыши башен стоящего на озерном мысу толстостенного замка Ривия, зимней резиденции королей Лирии. А у залива, на южном конце озера Лок Эскалотт, лежал ривский град, блестящий соломенным пригородом, темнеющий домами, словно опять покрывающими берег озера.

— Ну, похоже, доехали, — отметил факт Лютик, прикрывая глаза ладонью. — Так вот и замкнулся круг: мы в Ривии. Удивительно, ох и удивительно же петляют судьбы... Что-то не вижу я на башнях замка бело-голубого флага, значит, королевы Мэвы в замке нет. Впрочем, не думаю, чтобы она припомнила тебе твое дезертирство...

— Поверь, Лютик, — прервал Геральт, направляя лошадь вниз по склону. — Мне глубоко безразлично, кто и что обо мне помнит.

Неподалеку от града, ближе к рогатке, стояла цветная палатка, напоминающая кулич. Перед палаткой на палке висел белый щит с красным шевроном. Под поднятым пологом стоял рыцарь в полных доспехах и белой яке*, украшенной таким

* цветная, чаще всего с вышитым на ней гербом туника, накинутая на латы (jaset — нем.).

же гербом, что и щит. Рыцарь внимательно и весьма подозрительно присматривался к проходящим мимо бабам с хворостом, дегтярникам с баклагами товара, пастухам, разносчикам товара и нищим старцам. Заметив приближающихся Геральта и Лютика, он с надеждой сверкнул глазами.

— Дама вашего сердца, — Геральт ледяным тоном развеял тщетные ожидания рыцаря, — кем бы она ни была, несомненно, самая прекрасная и самая желанная девица от Яруги до Буины.

— Слово чести, — пробурчал рыцарь. — Вы абсолютно правы, милостивый государь.

Светловолосая девушка в кожаной, густо усеянной серебряными кнопками куртке изрыгала посредине улицы все ранее съеденное и выпитое, согнувшись в три погибели и держась за стремя кобылы цвета непромытой гречки. Два дружка девицы, точно так же выряженные, с мечами на спинах и повязками на лбах, нечленораздельно осыпали ругательствами проходящих мимо людей. Оба были более чем нетрезвы, нетвердо стояли на ногах, бились о бока лошадей и перекладину установленной перед заезжим двором коновязи.

— А нам обязательно туда входить? — спросил Лютик. — Внутри этого, хе-хе, «заезженного дворца» может оказаться множество столь же милых отроков и отроковиц.

— Я условился здесь. Забыл? Это и есть заезжий двор «Под пастухом и квочкой», о котором говорилось в табличке на Древе Познания Добра и Зла. На дубе том.

Светловолосая девушка согнулась снова, рыгнула спазматически и весьма обильно. Кобыла громко фыркнула и дернулась, повалив хозяйку и протаскив ее через рвотину.

— Ну, чего тарашисься, лаптежник? — пробормотал один из парней. — Ты, седой мерин?

— Геральт, — шепнул, слезая с лошади, Лютик. — Пожалуйста, не наделай глупостей.

— Не бойсь. Не наделаю.

Они привязали лошадей к коновязи по другую сторону ступеней. Парни перестали обращать на них внимание, принялись ругать и поносить проходящую по улице горожанку с ребенком. Лютик бросил взгляд на лицо ведьмака. То, что он увидел, ему явно не понравилось.

Первое, что бросилось в глаза после того, как войдешь в помещение, было объявление: «НАЙМУ КУХАРЯ». Второе — большая картина, намалеванная на сколоченном из досок щите, изображающая бородатое страховидло с окровавленным топором в руках. Подпись гласила: «КРАСНОЛЮД — ЗАСРАНЫЙ КАРЛИК ПРЕДАТЕЛЬСТВА».

Лютик опасался не без оснований. Практически единственными гостями заезжего двора — кроме нескольких достаточно набравшихся пьянчуг и двух тощих проституток с синяками под глазами — были несколько одетых в сверкающие кнопками кожи «отроков» с мечами на спинах. Их было восемь, обо его полу, но шум от них стоял как от восемнадцати. При этом они всеми силами старались перекричать и пересквернословить друг друга.

— Узнаю вас и знаю, кто вы такие, господа, — сказал хозяин, едва их увидел. — И есть у меня для вас сообщение. Вам надобно отправиться в Вязово, в корчму «У Вирсинга».

— Ооо, — повеселел Лютик. — Это славно.

— Кому славно, тому славно. — Хозяин снова взялся протирать фартуком кубки. — Брезгуете моим заведением? Воля ваша. Но я вам скажу: Вязово — краснолюдский квартал, нелюди там обретаются.

— Ну и что с того? — прищурился Геральт.

— Оно конечно. Вам, может, и все равно, — пожал плечами хозяин. — Потому как тот, что вам известие оставил, краснолюд был. А ежели вы с такими якшаетесь... ваше дело. Ваше дело, чья вам компания мильше.

— Мы не особо привередливы в смысле компании, — бросил Лютик, движением головы указывая на орущих и хватающих друг друга за грудки мальчишек в черных курточках с перевязанными платками прыщавыми лбами. — Но такая, как эта, нам не очень по душе.

Хозяин отставил протертый кубок и окинул их неприязненным взглядом.

— Надо быть снисходительными, — бросил он поучающе. — Молодежи надо вышуметься. Есть у нас такое выражение: молодежи надо дать вышуметься. Война их обидела. Отцы погибли...

— А матери гуляли, — договорил Геральт голосом, ледяным как горное озеро. — Понимаю и полон снисходительности. По крайней мере стараюсь. Пошли отсюда, Лютик.

— Ну и идите, мое вам почтенйце, — сказал без всякой почтительности хозяин. — Но чтоб потом не вякали, дескать, я вас не упреждал. В нонешние времена в краснолюдском районе запросто можно шишку набить. При случае.

— При каком случае?

— А я больно знаю? Мое это дело, шишки, что ли?

— Пошли, Геральт, — поторопил Лютик, краем глаза видя, что обиженные войной юнцы, те, которые еще сохранили толику сознания, посматривают на них слезящимися от фисштеха глазами.

— До свидания, хозяин. Как знать, может, еще когда-нибудь забежим на минутку. Когда уже не будет при входе этих надписей.

— И которая же из них не пришлась вашим милостям по вкусу? — насупился хозяин, задиристо подбоченясь. — Э? Может, та, что о краснолюдах?

— Нет, та, что о кухаре.

Трое «отроков», заметно покачиваясь, поднялись из-за стола с явным намерением загородить им дорогу. Девушки и два парня в черных курточках. С мечами за спиной.

Геральт не замедлил шага, шел, а лицо и глаза у него были холодные и совершенно равнодушные.

Сопляки почти в последний момент расступились, попятились. Лютик почувствовал, как от них несет пивом, потом и страхом.

— Надо привыкать, — сказал ведьмак, когда они вышли. — Надо подлаживаться.

— Иногда трудно.

— Это не аргумент. Не аргумент, Лютик.

Воздух был горячим, плотным и липким. Как крутой бульон.

Снаружи перед заезжим двором два парня в черных курточках помогали светловолосой девушке умыться в корыте. Девушка фыркала, невнятно утверждала, что ей уже лучше, и заявляла, что должна напиться. Что да, конечно, она пойдет на базар, чтобы там ради потехи переворачивать прилавки, но сначала ей необходимо выпить. В смысле — напиться.

Девушку звали Надя Эспозито. Это имя записано в анналах. И вошло в историю.

Но ни Геральт, ни Лютик этого знать еще не могли.

Девушка тоже.

* * *

Жизнь на улочках, окружающих центральную городскую часть Ривии, была ключом, причем ключом этим был всеобщий торг, без остатка поглощающий жителей и гостей столицы. Создавалось впечатление, что все здесь торгуют всем и все пытаются обменять свое барахло на другое, лучшее. Отовсюду гремела и разливалась какофония криков — товар рекламировали, самозабвенно торговались, безбожно врали друг другу, громогласно обвиняли в обмане, воровстве, шельмовстве и других грехах, в принципе с торговлей не связанных.

Прежде чем Геральт с Лютиком добрались до Вязова, им пришлось отказаться от массы заманчивых предложений, например, астробии, жестяной трубы, комплекта столовых приборов, украшенных гербом рода Франгипани, акций медного рудника, баночки пива, обшарпанной книги с названием «Чудо мнимое, оно же — Голова Медузы», пары белых кроликов, эликсира, повышающего потенцию, а также — в порядке совмещения — не шибко молодой, не шибко худой и не шибко свежей женщины.

Чернобородый краснорук до невозможности нахально пытался всучить им дешевенькое зеркальце в рамке из томпака, долдоня, что это-де волшебное зеркало Кабускана, когда вдруг брошенный камень выбил у него товар из рук.

— Паршивый кобель! — заорал, убегая, босой и грязный беспризорник. — Нелюдь! Козел бородатый!

— А чтоб у тебя кишки сгнили, говно человечье! — зарычал краснорук. — Чтоб сгнили и через задницу вытекли!

Люди посматривали в угрюмом молчании.

Квартал Вязово протянулся вдоль озера, у залива, среди ольх, плакучих ив и, конечно же, вязов. Здесь было гораздо тише и спокойнее, никто ничего не покупал и не желал продать. От озера тянуло ветерком, особенно приятным после душного и смрадного, полного мух города.

Корчму «У Вирсинга» искать пришлось недолго. Первый же прохожий указал ее не задумываясь.

На ступенях увитого горошком и дикой розой крылечка, под навесом, обросшим зелененьким мхом и облепленным ласточками гнездами, сидели два бородатых краснорука, потягивающих пиво из прижатых к животам кубков.

— Геральт и Лютик, — сказал один и приветственно отрыгнул. — Долго же вы заставляете себя ждать, паршивцы.

Геральт слез с лошади.

— Привет, Ярпен Зигрин. Рад тебя видеть, Золтан Хивай.

Они были единственными посетителями корчмы, крепко пропахшей жарким, чесноком, травами и чем-то еще — неуловимым, но очень приятным. Сидели за массивным столом у окна с видом на озеро, которое сквозь подкрашенные стекла в свинцовых переплетах выглядело таинственно, привлекательно и романтично.

— Где Цири? — без вступлений спросил Ярпен Зигрин. — Неужто...

— Нет, — быстро прервал Геральт. — Приедет сюда. Вот-вот. Ну, бородачи, рассказывайте, что у вас слышно.

— Ну, не говорил я? — насмешливо бросил Ярпен. — Не говорил я, Золтан? Возвращается с края света, где, если верить слухам, бродил по колену в крови, истребляя драконов и повергая в прах империи, а нас спрашивает, что у нас слышно. Одно слово — ведьмак.

— Ага, — подхватил Золтан Хивай. — Ведьмак, он и в Вызиме ведьмак.

— Чем это тут, — вставил Лютик, — так вкусно пахнет?

— Обедом, — сказал Ярпен Зигрин. — Мяском. А-ну, Лютик, спроси: откуда, дескать, у вас мясо?

— Не спрошу, потому что знаю эту шутку.

— Не будь свиньей, спроси.

— Так откуда же у вас мясо-то?

— А само приползло... А теперь серьезно. — Ярпен отер слезы, которые проступили от смеха, хотя шутка, правду сказать, была с большой бородой. — С едой положение критическое, как всегда после войны. Мяса не найдешь. Даже птицы, и той нет. С рыбой тоже — швах... Плохо с мукой и картошкой, горохом и бобами. Фермы пожжены, склады разграблены, пруды спущены, поля пустуют...

— Торговый оборот приказал долго жить, — добавил Золтан. — Привоза нет. Функционирует только ростовщичество да натуральный обмен. Базар видели? Рядом с бедняками, распродающими и выменивающими остатки добра, набивают мощну спекулянты...

— Если вдобавок ко всему еще случится неурожай, зимой народ станет помирать с голоду.

— Неужто так скверно?

— Когда ты ехал с юга, должен был видеть деревни и селения. А-ну, вспомни, ты во многих слышал собачий лай?

— Ядрена вошь! — хватил себя по лбу Лютик. — Я ж чуял... Ведь говорил я тебе, Геральт, что это было ненормально! Что чего-то недоставало! О! Теперь понимаю: собак не было слышно! Нигде...

Он вдруг осекся, взглянул в сторону ароматящей чесноком и травами кухни, и в его глазах засветился испуг.

— Не трусь, — фыркнул Ярпен. — Наше мяско не из лающих, мяукающих или кричащих «Смилуйтесь!». Наше мяско совсем другое. Прямо сказать — королевская пища.

— Ну, скажи наконец, краснолюдище!

— Когда мы получили вашу цидульку и стало ясно, что встретимся именно в Ривии, мы с Золтаном долго ломали голову: чем бы вас тут удивить. Комбинировали, комбинировали, аж нам от этого комбинирования... писать захотелось. Тогда зашли мы в приозерную рощицу ольховую. Глядим, а там прям-таки неимоверность виноградных улиток. Ну, взяли мы мешок и насобирали этих миленьких моллюсков, сколько в тот мешок влезло...

— Многие сбежали, то бишь сползли, — покачал головой Золтан Хивай. — Мы были малость подшофе, а они чертовски юркие... улитки-то.

Оба краснолюда снова поплакали от смеха над очередным бородастым анекдотом...

— Вирсинг, — Ярпен указал на копошащегося у печи корчмара, — мастер по приготовлению улиток, а дело это, чтоб вы знали, требует немалых талантов. А он — прям-таки кухмистр от бога. Пока не овдовел, содержал с женой трактир в Мариборе с такой кухней, что сам король принимал у него гостей. Щас поёдим, поверьте!

— А для начала, — кивнул Золтан, — перекусим свежескопченным сигом, пойманным на наживку в бездонных пучинах тутошнего озера. И запьем сивухой из бездонных пучин тутошних подвалов.

— И рассказывайте, други, — напомнил Ярпен, наливая. — Рассказывайте!

Сиг был еще теплый, жирный, пахнувший дымом ольховых стружек. Водка была холодная, аж челюсти сводило.

Вначале рассказывал Лютик. Цветисто, гладко, с лирическими отступлениями, красноречиво расцвечивая повествование такими вычурными и фантазийными орнаментами, которые почти заслоняли и прикрывали выдумки и фантастические построения. Потом рассказывал ведьмак. Рассказывал одну правду и говорил так сухо, скучно и бесцветно, что Лютик не выдерживал и то и дело встречал, что вызывало у краснолюдов нескрываемое недовольство.

А потом повествование закончилось, и наступила долгая тишина.

— За лучницу Мильву! — Золтан Хивай откашлялся, поднял бокал. — За нильфагаардца. За Региса-травника, который в своей хате угостил путников мандрагоровым самогеном. И за ту Ангулему, которой я не знал. Пусть им земля будет пухом. Всем. Пусть у них там, в ином мире, будет вдоволь всего, чего в этом не доставало. И пусть имена их живут в песнях и легендах во веки веков. Выпьем.

— Выпьем, — глухо повторили Лютик и Ярпен Зигрин.

«Выпьем», — подумал ведьмак.

Вирсинг, седовласый мужчина, бледный и худой как щепка, прямая противоположность привычному стереотипу корчмаря и мэтра кухонных тайнств, поставил на стол корзину белого ароматного хлеба, потом огромное блюдо, на котором на подстилке из листьев хрена лежали улитки, шипящие и брызгающие чесночным маслом. Лютик, Геральт и краснолюды прытко взялись за дело. Пища была исключительно вкусна и к тому же невероятно забавна, поскольку приходилось ловко манипулировать странными щипчиками и вилочками.

Ели, причмокивали, подхватывали на хлеб вытекающее масло. Добродушно поругивались, когда то у одного, то у другого улитка выскальзывала из щипчиков. Два котенка от души веселились, гоняя и катая по полу пустые раковинки.

Запах, шедший из кухни, говорил о том, что Вирсинг жарит вторую порцию.

Ярпен Зигрин вяло махнул рукой, прекрасно понимая, что ведьмак не отстанет.

— У меня, — сказал он, высасывая ракушку, — в принципе ничего нового. Немного повоевал... Немного починовничал, меня ведь помощником старосты избрали. Придется делать

карьеру в политике. В любом другом деле большая конкуренция. А в политике — дурак на взяточнике сидит и грабителем погоняет. Легче выбиться.

— У меня, — сказал Золтан Хивай, размахивая прихваченной щипчиками улиткой, — на политику смекалки нету. Я водяно-паровой металлургический заводик варганю в компании с Фиггисом Мерлуццо и Мунро Бруйсом. Помнишь, ведьмак, Фиггиса и Мунро?

— Не только их.

— Язон Варда полег под Ярутой, — сухо сообщил Золтан. — По-дурному, в одной из последних стычек.

— Жаль парня. А Персиваль Шуттенбах?

— Гром-то? Ну, у этого все в порядке. Хитер, бродяга. От набора отбредался, какими-то древнейшими гномовскими законами прикрылся, дескать, ему религия воевать запрещает. И ведь отвертелся-таки, хоть каждой собаке известно, что он всех богов и богинь за одну маринованную селедку заложит. Сейчас у него ювелирная мастерская в Новиграде. Знаешь, купил у меня попугая, Фельдмаршала Дуба, и сделал из несчастной птицы живую рекламу, научив кричать: «Брыльлянты! Брррыльлянты!» И, представь себе, клюет народишко-то. У гнома клиентов до пупка и выше, полны руки работы и набитые карманы. Да-да, это ж Новиград. Там деньги на улицах валяются. Потому и мы наш заводик собираемся в Новиграде запустить.

— Люди станут тебе двери дерьмом мазать, — сказал Ярпен. — Камнями окна вышибать. И зачуханным карликом обзывать. И ничуть тебе не поможет, что ты, мол, фронтовик, что за них, мол, дрался. Будешь парией в том своем Новиграде.

— Как-нито выдюжу, — весело сказал Золтан. — В Махакаме слишком большая конкуренция. И сверх плечи политиков. Выпьем, ребята? За Калеба Страттона. За Язона Варду.

— За Регана Дальберга, — добавил Ярпен, грустнее.

Геральт покачал головой:

— Реган тоже?

— Тоже. Под Майеной. Одна осталась старая дальбергова жена... А, к чертям собачьим! Хватит, довольно, кончим об этом, выпьем! И поторопимся с улиточками, Вирсинг снова тащит.

Краснолюды, распустив пояса, выслушали повествование Геральта о том, как княжеский роман Лютика окончился на

эшафоте. Поэт прикидывался оскорбленным и не комментировал. Ярпен и Золтан ревели и пускали от смеха ветры и слезы.

— Да, да, — наконец ослабился Ярпен Зигрин. — Как говорится в старой песенке, «хоть муж подковы лихо гнет, а вот от бабы не уйдет»! Несколько прекрасных примеров справедливости этой истины собрались сегодня за одним столом. Взять хотя бы Золтана Хивая. Повествуя о своих новостях, он забыл сказать, что женится. Вскоре, в сентябре. Счастливую избранницу зовут Эвдора Брекекекс.

— Бре-кен-риггс, — проговаривая каждый слог, поправил Золтан, насупившись. — Сколько раз можно повторять? Надоедает ведь, Зигрин. И давай поосторожней, ибо, когда мне что-то начинает надоедать, я могу и приперчить как следует!

— Где свадьба? И когда точно? — примирительно подхватил Лютик. — Спрашиваю, потому что, может, заглянем. Если пригласишь, ясное дело.

— Еще не решено, что, где и вообще ли, — буркнул Золтан, явно сконфуженный. — Ярпен опережает события. Вроде бы мы с Эвдорой уговорились, но как знать, что будет? В наши-то, курва, беспокойные времена?

— Второй пример бабской всесильности, — продолжал Ярпен Зигрин, — это Геральт из Ривии, ведьмак... и лыцарь, хе-хе.

Геральт делал вид, что целиком поглощен поглощением улитки. Ярпен фыркнул.

— Чудом отыскав свою Цирю, — заявил он, — ведьмак позволяет ей уехать, соглашается на новое расставание. Снова оставляет ее одну, хотя, как кто-то здесь справедливо заметил, времена, курва, не из самых спокойных. И все вышесказанное вышеупомянутый ведьмак делает лишь потому, что так, видите ли, желает некая женщина. Ведьмак все и всегда делает так, как того желает она, женщина, известная народу под именем Йеннифэр из Венгерберга. И ладно бы, если б вышеупомянутый ведьмак хоть что-то от этого имел! А он не имеет. Воистину, как говаривал король Дезмонд, заглянув в ночной горшок после того, как освободил желудок: «Умом все это не объять».

— Предлагаю, — Геральт с обаятельнейшей улыбкой поднял кубок, — выпить и сменить тему.

— О, вот это то, что надо, — дуэтом ответили Лютик и Золтан.

Вирсинг поставил на стол третье, а потом четвертое блюдо с виноградными улитками. Не забыл, разумеется, о хлебе и вод-

ке. Едоки уже достаточно насытились едой, поэтому неудивительно, что тосты произносились немного чаще. Неудивительно также, что в разговоры все чаще пробиралась философия.

— Зло, с которым я боролся, — повторил ведьмак, — было проявлением действий Хаоса, рассчитанных на то, чтобы нарушать Порядок. Ибо там, где ширится Зло, Порядок воцариться не может, все, что возведет Порядок, рухнет, не устоит. Огонек мудрости и пламечко надежды, костер тепла, вместо того чтобы разгореться, погаснут. Опустится тьма. И во тьме будут клыки, кости и кровь.

Ярпен Зигрин погладил бороду, жирную от вытекающего из улиток чесночно-пряного масла.

— Оч-ч-чень это даже хорошо сказано, ведьмак, — согласился он. — И, как сказала молоденькая Керо королю Вриданку при их первом общении, «недурная штучка, но есть ли у нее какое-то практическое применение?».

— Суть существования, — ведьмак не улыбался, — и оправдание существования ведьмаков поколеблены, поскольку борьба Добра со Злом теперь идет на другом поле боя и ведется совершенно иначе. Зло перестало быть хаотичным. Перестало быть слепой и стихийной силой, против которой призван был выступать ведьмак, мутант, столь же убийственный и столь же хаотичный, как и само Зло. Сегодня Зло правит законами — ибо законы служат ему. Оно действует в соответствии с заключенными мирными договорами, поскольку о нем, Зле, подумали, заключая эти договоры.

— Ты видел поселенцев, которых гнали на юг, — догадался Золтан Хивай.

— Не только, — серьезно добавил Лютик. — Не только.

— Ну и что? — Ярпен Зигрин уселся поудобнее, сложил руки на животе. — Каждый что-нибудь да видел. Каждого что-нибудь когда-нибудь достало, каждый когда-нибудь ненадолго или надолго потерял аппетит. Или сон. Так бывает. Так бывало. И так будет. Больше философии, как и сока из этих вот ракушек, сколь ни жми, не выжмешь. Потому как больше там и нет. Что тебе не нравится, ведьмак? Перемены, которые совершаются в мире? Развитие? Прогресс?

— Возможно.

Ярпен долго молчал, глядя на ведьмака из-под кустистых бровей. Наконец сказал:

— Прогресс — навроде стада свиней. Так и надо на этот прогресс смотреть, так его и следует расценивать. Как стадо свиней, бродящих по гумну и двору. Факт существования стада приносит сельскому хозяйству выгоду. Есть рульки, есть солонина, есть холодец с хреном. Словом — польза! А посему нечего нос воротить потому, мол, что всюду насрано.

Какое-то время все молчали, взвешивая на весах души и совести различные серьезные вопросы и проблемы.

— Надо выпить, — сказал наконец Лютик.

Возражений не последовало.

— Прогресс, — проговорил в тишине Ярпен Зигрин, — будет, по большому счету, рассеивать тьму. Тьма отступит перед светом. Но не сразу. И наверняка не без борьбы.

Геральт, глядевший в окно, улыбнулся собственным мыслям и мечтам.

— Тьма, о которой ты говоришь, — сказал он, — это состояние духа, а не материи. Для борьбы с подобным необходимо вышколить совершенно других ведьмаков. И самое время начать.

— Начать переквалифицироваться? Ты это имел в виду?

— Совсем не это. Меня лично ведьмачество больше не интересует. Я, как говорится, ухожу на заслуженный отдых.

— Как же, уходишь!

— А вот так же! Я покончил с ведьмачеством. Совершенно серьезно.

Наступила долгая тишина, прерываемая яростным мявом котят, которые под столом царапались и грызлись, верные законам своего рода, для которого игра без боли — не в радость.

— Ты покончил с ведьмачеством, — протяжно повторил наконец Ярпен Загрин. — «Прямо и сам не знаю, что об этом думать», как сказал король Дезмонд, когда его прихватили на шулерстве. Но подозревать можно наихудшее. Лютик, ты с ним странствуешь, много с ним разговариваешь. У него наблюдаются еще какие-нибудь признаки паранойи?

— Ладно, ладно. — У Геральта лицо было словно высечено из камня. — «Шутки в сторону», как сказал обожаемый тобой король Дезмонд, когда посреди пиршества гости неожиданно принялись синеть и помирать. Я сказал все, что имел сказать. А теперь за дело.

Он снял меч со спинки кресла.

— Вот твой сигилль, Золтан Хивай. Возвращаю с благодарностью и низким поклоном. Он сослужил свою службу. Помогал. Спасал жизни. И отнимал жизни.

— Ведьмак... — Краснолюд поднял руку в оборонительном жесте. — Меч твой. Я его тебе не одалживал, а подарил... Подарки...

— Замолчи, Хивай. Я возвращаю тебе твой меч. Он мне больше не пригодится.

— Как же, не пригодится! — передразнил Ярпен. — Налей-ка ему водки, Лютик, потому что он начинает заговариваться, как старый Шрадер, когда тому в рудничном шурфе кирка на голову свалилась. Геральт, я знаю, ты натура глубокая и душа у тебя возвышенная, но не выдавай, прошу тебя, такие хилые шуточки, потому что в аудитории, как легко заметить, нет ни Йеннифэр, ни какой другой из твоих чародейских наперсниц, а сидим лишь мы, матерые волки. Не нам, матерым волкам; вешать лапшу на уши, толкуя, что меч боле не требуется, ведьмак боле не требуется, что мир, мол, бяка и воще, то да се... Ты — ведьмак и ведьмаком останешься...

— Нет, не останусь, — мягко возразил Геральт. — Вероятно, вас удивит, матерые волки, но я пришел к выводу, что глупо мочиться против ветра. Глупо подставлять шею за кого-то. Даже если этот кто-то тебе платит. И никакого отношения к сказанному не имеет философия бытия. Вы не поверите, но собственная шкура с некоторых пор стала мне удивительно мила и дорога. Я пришел к выводу, что глупо подвергать ее опасности, защищая других.

— Я это заметил, — кивнул Лютик. — С одной стороны, это умно. С другой...

— Другой стороны нет.

— Твое решение, — чуть погодя спросил Ярпен, — как-то связано с Йеннифэр и Цири?

— И не как-то...

— Тогда все ясно, — вздохнул краснолюд. — Правда, не очень понимаю, как ты, мастер меча, собираешься существовать, как намереваешься обеспечить себе приличную жизнь. Я никак, хоть ты меня режь, не вижу тебя в роли, к примеру, этакого овощевода, занимающегося выращиванием, опять же, к примеру, капусты, однако, что делать, выбор следует уважать. Хозяин, поди-ка сюда. Вот меч, махакамский сигилль из кузни самого Рундурина. Это был подарок. Получивший бо-

лее им пользоваться не желает, подаривший же — обратно принять не может. Так прими его ты и прикрепи над печью. Переименуй корчму в «Под ведьмачьим мечом». И пускай здесь в долгие зимние вечера текут повествования о сокровищах и чудовищах, о кровавой войне и нерушимой дружбе. Об отваге и о чести. Пусть меч этот создает настроение слушателям и ниспосылает вдохновение бардам... А теперь налейте-ка, други, в этот сосуд водки, поскольку я намерен продолжать свою речь и расположен возглашать глубокие истины и сеять перед вами многочисленные жемчуга философских мыслей, в том числе касающихся существования.

Водку разлили по кубкам в тишине и возвышенности духа. Взглянули друг другу искренне в глаза и выпили. С не меньшей возвышенностью духа. Ярпен Зигрин откашлялся, обвел взглядом слушателей, удостоверился, что все достаточно сосредоточенны и возвышенны.

— Прогресс, — проговорил он торжественно, — будет освещать мрак, ибо для того прогресс и существует, как, к примеру, жопа для... сранья. Будет все светлей, все меньше мы будем бояться темноты и притаившегося в ней Зла. Придет, быть может, и такой день, когда мы вообще перестанем верить, что в этой темноте что-то затаилось. Будем высмеивать такие страхи. Называть их ребячеством. Стыдиться их! Но всегда, всегда будет существовать тьма. И всегда в темноте будет Зло, всегда в темноте будут клыки и когти, убийство и кровь. И всегда будут необходимы ведьмаки.

Они сидели задумчивые и молчаливые, погруженные в мысли так глубоко, что не обратили внимания на неожиданно усилившийся шум и гомон города, гневный, зловещий, набирающий силу, как гудение растревоженных ос.

Почти не заметили, как по тихому и пустынному приозерному бульвару пронёслась одна фигура, вторая, третья.

В тот момент, когда над городом взвился рев, двери корчмы «У Вирсинга» с треском распахнулись и внутрь влетел молодой краснопуд, весь красный от усилия и с трудом хватающий воздух.

— В чем дело? — поднял голову Ярпен Зигрин.

Краснопуд, все еще не в силах набрать воздуха, указал рукой в сторону городского центра. Глаза у него были дикие.

— Вдохни поглубже, — посоветовал Золтан Хивай. — И говори, в чем дело?

Впоследствии говорили, что трагические события в Ривии были явлением совершенно случайным, что это была реакция спонтанная, внезапная вспышка праведного гнева, которую невозможно было предвидеть, порожденная взаимной враждебностью и взаимным нерасположением людей, краснолюдов и эльфов. Говорили, что не люди, а краснолюды напали первыми, что агрессия началась с их стороны. Что краснолюдский перекупщик оскорбил молодую дворянку, Надю Эспозито, послевоенную сироту, что применил к ней силу. Когда же на защиту дворянки кинулись ее друзья, краснолюд-де скликал своих соплеменников. Началась потасовка, потом драка мгновенно охватила весь базар. Драка, а затем битва переродились в бойню, в массированное нападение людей на занимаемую нелюдьми часть пригорода в районе Вязово. За неполный час — с момента бойни на базаре и до вмешательства магов — погибли сто восемьдесят четыре жителя, причем половину жертв составляли женщины и дети.

Аналогичную версию случившегося приводит в своей работе профессор Эммерих Готтшалк из Оксенфурта.

Но были и такие, которые утверждали совсем другое. Какая уж тут спонтанность, какая уж тут неожиданная и непредвиденная вспышка, вопрошали они, если за несколько минут до событий на базаре на улицах появились телеги, с которых людям принялись раздавать оружие? Какой уж тут внезапный и праведный гнев, если фюрерами толпы, самыми заметными и активными во время резни были люди, которых никто ранее не знал и которые прибыли в Ривию неведомо откуда лишь за несколько дней до событий? А потом исчезли неведомо куда. Почему армия вмешалась так поздно? И вначале так вяло?

Другие ученые пытались отыскать в ривских событиях след нильфгаардской провокации, а были и такие, которые утверждали, будто все это устроили сами краснолюды на пару с эльфами. Что сами нарочно поубивали друг друга, чтобы очернить людей.

Среди голосов серьезных ученых совершенно затерялась весьма смелая теория некоего молодого и эксцентричного магистра, который — пока его не утихомирили — утверждал, будто события в Ривии были следствием не заговоров и не деятель-

ности тайных сообществ, а обыкновенных и весьма распространенных свойств местного населения: темноты, ксенофобии, хамской жестокости и глубочайшего скотства.

А потом история надоела всем, и о ней вообще перестали говорить.

— В подвал! — повторил ведьмак, беспокойно прислушиваясь к быстро приближающемуся реву и крикам толпы. — Краснолюды — в подвал. К черту ваше дурацкое геройство!

— Ведьмак! — охнул Золтан, сжимая топориче. — Я не могу... Там погибают мои братья...

— В подвал! Подумай об Эвдоре Брекекекс. Хочешь, чтобы она овдовела еще до свадьбы?

Аргумент подействовал. Краснолюды спустились в подвал. Геральт и Лютик прикрыли вход соломенной рогожкой. Вирсинг, обычно бледный, теперь был белый. Как сметана.

— Я видел погром в Мариборе, — выдохнул он, глядя на вход в подвал. — Если их там найдут...

— Отправляйся на кухню.

Лютик тоже был бледен. Геральт не очень этому удивлялся. В нечленораздельном и монотонном до того реве, доходившем до них, зазвучали отдельные ноты. Такие, при звуке которых волосы вставали дыбом.

— Геральт, — простонал поэт. — Я немного похож на эльфа...

— Не будь идиотом.

Над крышами расцвели клубы дыма. А с улочки вылетели беглецы. Краснолюды. Обоего полу.

Двое, не раздумывая, прыгнули в озеро и поплыли, резко буравя воду, прямо на плес. Остальные разбежались. Часть свернула к корчме.

Из улицы выперла толпа. Она бежала быстрее краснолюдов. Эту гонку выигрывала жажда убийства.

Крики убиваемых сверлили уши, зазвенели цветные стекла в окнах корчмы. Геральт почувствовал, как у него начинают дрожать руки.

Одного краснолюда буквально разорвали на части. Другого, поваленного на землю, за несколько секунд превратили в кровавое месиво. Женщину закололи вилами и пиками, ребенка, которого она защищала до конца, просто растоптали, раздавили ударами каблуков.

Трое — краснолюды и две женщины — бежали прямо к корчме. За ними гналась ревушая толпа.

Геральт глубоко вздохнул. Поднялся. Встал. Чувствуя на себе полные ужаса взгляды Лютика и Вирсинга, снял с полки над камином сигиль, меч, выкованный в Махакаме, в кузнице самого Рундурина.

— Геральт... — душераздирающе застонал поэт.

— Ладно, — сказал ведьмак, направляясь к выходу. — Но это последний раз! Пусть меня удар хватит, это действительно будет последний раз!

Он вышел на крыльцо, а с крыльца уже прыгнул, быстрым взмахом рассек надвое верзилу в одежде каменщика, замахнувшегося на женщину кельмой. Следующему отсек руку, вцепившуюся в волосы другой женщины. Топчущих поверженного на землю краснолюда разделал двумя резкими косями ударами.

И пошел в толпу. Быстро, извиваясь в полуоборотах. Рубил специально широко, на первый взгляд беспорядочно, зная, что такие удары бывают особенно кровавыми и более зрелищными. Он не хотел убивать. Хотел только как следует покалечить.

— Эльф! Эльф! — раздался дикий голос из толпы. — Убить эльфа!

«Какое преувеличение, — подумал он. — Лютик еще, может, и сойдет, но я не похож на эльфа, как ни крути».

Он высмотрел того, который кричал, кажется, солдата, потому что тот был в бригадине* и высоких сапогах. Ввернулся в толпу утрем. Солдат заслонился древком копья, которое держал обеими руками. Геральт прошелся мечом вдоль древка, отрубив солдату пальцы. Закружился, очередным широким ударом вызвав крик боли и фонтаны крови.

— Пощади! — Расхохотанный парнишка с ошалевшими глазами упал перед ним на колени. — Смилуйся!

Ведьмак смилостивился, удержал руку, а предназначенный для удара напор использовал для разворота. Краем глаза увидел, как юнец вскакивает, увидел, что у него в руках. Геральт переломил оборот, чтобы развернуться в обратный вольт. Но увяз в толпе. Всего на долю секунды увяз в толпе.

И мог только видеть, как на него летит трезубец вил.

* разновидность простых лат — кожаная куртка, густо покрытая металлическими плитками (от brigante — разбойник. — *ит.*).

* * *

Огонь в топке огромного камина погас, в холле сделалось темно. Веющий с гор ветер свистел в щелях стен, выл, врывался сквозь неплотные ставни окон Каэр Морхена, Ведьмакова Пристанища.

— Дьяволыщина! — Эскель не выдержал, встал, отворил буфет. — «Чайку» или водку?

— Водку, — в один голос ответили Койон и Геральт.

— Ну конечно, — проговорил сидящий в тени Весемир. — Ну конечно, ясно! Утопите свою глупость в сивухе! Идиоты чертовы!

— Это был несчастный случай... — бухнул Ламберт. — Она уже справлялась на гребне...

— Заткнись, дурень! Слышать тебя не хочу! Говорю тебе, если с девочкой что-нибудь случилось...

— Она же прекрасно себя чувствует, — мягко прервал Койон. — Спит спокойно. Глубоко и здорово. Проснется немного побитая, вот и все. О трансе, о том, что случилось, вообще не будет помнить.

— Лишь бы вы помнили, — засопел Весемир. — Головы еловые! Налей и мне, Эскель.

Молчали долго, вслушиваясь в вой метели.

— Надо кого-нибудь позвать, — сказал наконец Эскель. — Надо притащить сюда какую-нибудь магичку. То, что творится с девочкой, — ненормально.

— Уже третий раз такой транс.

— Но в первый она говорила членораздельно...

— Повторите мне еще раз, что она говорила, — приказал Весемир, одним духом осушив кубок. — Слово в слово.

— Слово в слово не получится, — сказал Геральт, уставившись на уголья. — А смысл, если вообще есть смысл искать смысл в ее словах, таков: я и Койон умрем. Зубы будут нашей гибелью. Обоих нас убьют зубы. Его — два. Меня — три.

— Вполне вероятно, — хмыкнул Ламберт, — что нас загрызут. Любого из нас в любой момент могут погубить зубы. Однако если ее вещание действительно вещее, то вас двоих прикончат какие-то особенно щербатозубые чудовища.

— Либо гнойная гангрена от гнилых зубов, — покачал головой Эскель, сохраняя серьезность. — Только зубы-то у нас не гниют, вот какая штука.

— Я, — сказал Весемир, — повременил бы ехидничать.

Ведьмаки молчали.

Метель была и свистела в щелях стен Каэр Морхена.

Расхохотанный парнишка, словно испугавшись содеянного, выпустил из рук древко, ведьмак закричал от боли, согнулся, древко воткнувшись в живот трехзубых вил перевесило, а когда он упал на колени, зубья выскользнули из тела, упали на брусчатку. Кровь хлынула с шумом и плеском, достойными водопада.

Геральт хотел было подняться с колен. Вместо этого перевернулся на бок.

Окружающие его звуки сделались громче и раскатистее, он слышал их так, словно голова его была под водой. Видел тоже нечетко, перспектива была нарушенной, геометрия окружающего пространства — ложной.

Но он видел, как толпа пятится. Видел, как отступает перед теми, кто шел ему на выручку: Золтаном и Ярпенем с топорами, Вирсингом с тесаком для рубки мяса и Лютиком, вооружившимся метлой.

«Стойте, — хотел он крикнуть. — Куда вы! Хватит того, что я всегда мочусь против ветра!»

Но крикнуть не смог. Голос задавил поток крови.

Дело шло к полудню, когда чародейки добрались до Ривии и внизу, на продолжении большака, сверкнула зеркалом поверхность озера Лок Эскалотт, загорелись красные крыши замка и города.

— Ну, приехали, — отметила факт Йеннифэр. — Ривия. Удивительно, как петляют и сплетаются судьбы.

Цири, долгое время очень возбужденная, заставила Кэльпи плясать и отбивать дробь копытами. Трисс Меригольд незаметно вздохнула. То есть ей казалось, что незаметно.

— Ну-ну. — Йеннифэр скосила на нее глаза. — Какие-то странные звуки вздымают твою девственную грудь, Трисс. Цири, поезжай вперед, проверь, что там к чему.

Трисс отвернулась, полная решимости не провоцировать сама и не дать спровоцировать себя. Впрочем, на эффект она не рассчитывала. Уже долгое время она ощущала в Йеннифэр злость и агрессию, усиливающиеся по мере их приближения к Ривии.

— Ты, Трисс, — ядовито бросила Йеннифэр, — не красней, не вздыхай, не распускай слюни и не верти задом в седле. Думаешь, почему я поддаюсь на твою просьбу, согласилась, чтобы ты поехала с нами? Согласилась на чреватую шикарным обмороком твою встречу с бывшим любовником? Цири, я же просила — продвинулся немного вперед. Дай нам побеседовать!

— Это монолог, а не беседа, — дерзко ответила Цири, но под грозным взглядом Йеннифэр тут же капитулировала, свистнула Кэльпи и галопом помчалась по большаку.

— Ты не едешь на встречу с любовником, Трисс, — продолжала Йеннифэр. — Я не настолько благородна и не столь глупа, чтобы предоставить тебе такую возможность, а ему искушение. Только один раз, сегодня, а потом я позабочусь, чтобы у вас обоих не было ни искушений, ни возможностей. Но сегодня я не откажу себе в сладком и извращенном удовольствии. Он знает о сыгранной тобой роли. И поблагодарит за это своим знаменитым взглядом. А я буду смотреть на твои дрожащие губы и трясущиеся руки, буду слушать твои неловкие извинения и оправдания. И знаешь что, Трисс? Я буду млеть от удовольствия.

— Я знала, — буркнула Трисс, — что ты этого не забудешь, что станешь мне мстить. Я пошла на это, потому что действительно виновата. Но одно я должна тебе сказать, Йеннифэр. Не очень-то рассчитывай на то, что тебе удастся млеть от удовольствия! Он умеет прощать.

— То, что сделано ему, верно, — прищурилась Йеннифэр. — Но он никогда не простит тебе того, что вы сделали Цири. И мне.

— Возможно, — сглотнула Трисс. — Возможно, и не простит. Особенно если ты приложишь к этому руку. Но измываться не будет наверняка. До этого он не унижится.

Йеннифэр хлестнула лошадь нагайкой. Лошадь заржала, встала на дыбы, заплясала так, что чародейка покачнулась в седле.

— Хватит препираться, — проворчала она. — И будь скромнее, ты, наглая шантрапа! Это мой мужчина, мой, и только мой! Понимаешь? И прекрати разговоры о нем, и перестань думать о нем, и кончай восхищаться его благородным характером... Сейчас же, немедленно! Ох, до чего ж мне хочется схватить тебя за твои рыжие космы...

— Только попробуй! — крикнула Трисс. — Только попробуй, обезьяна, и я выцарапаю тебе глаза! Я...

Они замолкли, увидев Цири, мчащуюся к ним во весь опор в туче пыли. И сразу, еще прежде, чем Цири подъехала, поняли, что их ожидает.

Поверх домишек уже близкого пригорода взвились красные языки пламени, клубами повалил дым. До чародеек долетел далекий крик, гул, похожий на бречание назойливых мух, на гудение обозленных шмелей. Крик разбухал, усиливался, контрапунктируемый отдельными высокими выкриками.

— Что там, язви их, происходит? — Йеннифэр поднялась на стременах. — Нападение? Пожар?

— Геральт... — вдруг простонала Цири, становясь блее веленовой бумаги. — Геральт!

— Цири! Что с тобой?

Цири подняла руку, и чародейки увидели кровь, стекающую по ее ладони, по линии жизни.

— Круг замкнулся, — прошептала девушка, закрывая глаза. — Меня ранила игла из Шаэрраведда, и змей Уроборос вонзил зубы в собственный хвост. Я еду, Геральт! Я еду к тебе! Я не оставляю тебя одного!

Прежде чем чародейки успели запротестовать, девушка развернула Кэльпи и моментально пошла в галоп.

Им достало ума тут же послать вперед своих лошадей. Но их лошади не могли состязаться с Кэльпи.

— Что такое?! — крикнула Йеннифэр, глотая ветер. — Что происходит?

— Ты же знаешь! — рыдала Трисс, мчась рядом. — Гони, Йеннифэр!

Не успели они еще влететь в узкие улочки пригорода, не успели миновать бегущих навстречу первых паникующих обитателей города, а Йеннифэр уже совершенно четко представила себе, что происходит впереди, знала, что в Ривии не пожар, знала, что на Ривию не напали вражеские войска. Нет! Она знала, что в Ривии бушует погром. Йеннифэр знала уже, что предчувствовала Цири, куда — и к кому — она мчится. Знала Йеннифэр и то, что не сможет ее догнать. Это было исключено. Через массу сбившегося в паникующую толпу народа, перед которой им с Трисс пришлось так резко осадить лошадей, что они лишь чудом не перелетели через конские головы, Кэль-

пи просто-напросто перемахнула. Копыта кобылы сбили при этом несколько капюшонов и шапок.

— Цири, стой!

Они и сами не заметили, как оказались уже в лабиринте улочек, забитых мечущейся и воющей толпой. С мчащейся во весь опор лошади Йеннифэр видела валяющиеся в канавах тела, видела убитых, повешенных за ноги на столбах, балках. Видела корчащегося на земле краснолюда, которого пинали ногами и били палками, видела другого, которого уродовали доньшками разбитых бутылок. Слышала рев истязающих, крики и вой истязаемых. Видела, как сомкнулась толпа над выброшенной из окна женщиной, как замелькали колья в руках обезумевших, потерявших человеческий облик людей.

Толпа густела, рев нарастал. Чародейкам показалось, что расстояние между ними и Цири уменьшается. Очередной преградой на пути Кэльпи оказалась группка растерявшихся алебардистов, которых вороная кобыла приняла за ограду и перемахнула через них, сбив с одного плоский каплан*. Остальные присели от страха.

Не сбавляя скорости, они вылетели на площадь. Здесь было черным-черно от людей. И дыма. Йеннифэр сообразила, что Цири, безошибочно ведомая пророческим инстинктом, направляется к самому ядру, в самую гущу происходящего. В самый огонь пожаров, туда, где бушевало и буйствовало убийство.

На улице, в которую они свернули, шел яростный бой. Краснолюды и эльфы защищали наваленную наспех баррикаду, обороняли уже обреченные позиции, падали и погибали под напором наваливающейся на них воющей толпы. Цири вскрикнула, прижалась к лошадиной шее. Кэльпи взвилась и перелетела над баррикадой, как гигантская черная птица.

Йеннифэр ворвалась в толпу, резко осадилась лошадь, сбив при этом нескольких человек. Ее стащили с седла прежде, чем она сумела крикнуть. Получила чем-то по спине, по крестцу, по затылку. Упала на колени, увидела волосатого типа в сапожническом фартуке, собирающегося ее пнуть.

Йеннифэр уже была по горлышко сыта такими субчиками, которые пинают.

Из ее растопыренных пальцев вырвался синий шипящий огонь, бичом прошелся по лицам, телам и рукам окружающих

* каска с широкими, опущенными вниз полями, напоминающая шляпу (capeline — фр.).

людей. Запахло горелым мясом, на мгновение сквозь общий рык и гвалт пробились рев и визги боли.

— Ведьма! Эльфья ведьма! Чародейка!

Второй тип подскочил к ней с занесенным топором. Йеннифэр ударила его огнем прямо в лицо, глазные яблоки лопнули, закипели и с шипением вылились на щеки.

Немного поредело. Кто-то схватил ее за руку, она рванулась, готовая жечь и палить, но это была Трисс.

— Бежим отсюда, Йенна... Бе... жим...

«Я уже слышала ее, слышала такой голос, — пронеслось в голове Йеннифэр, — слова, которые выговаривают губы, словно деревянные, не увлажненные даже капелькой слюны. Губы, парализованные страхом, дрожащие от охватившей паники. Я слышала ее голос. На Содденском Холме.

Когда она умирала от страха.

Сейчас она тоже умирает от страха. До конца жизни она будет умирать от страха. Потому что тот, кто однажды не переборол в себе трусости, будет умирать от страха до конца своих дней».

Пальцы, которыми Трисс вцепилась в ее рукав, были будто стальные. Йеннифэр с величайшим трудом высвободилась от их хватки.

— Хочешь — беги! — крикнула она. — Схоронись за юбка-ми твоей Ложи! Мне есть что защищать! Мне есть кого защищать! Я не оставлю Цири одну! И Геральта!

— Прочь, голодрань! С дороги, если вам шкура дорога!

Толпа, отсекающая Йеннифэр от лошади, попятилась перед молниями, вылетающими из ее глаз и рук. Йеннифэр тряхнула головой, рассыпала черные локоны. Теперь она превратилась в фурию, в ангела смерти, карающего ангела смерти с огненным мечом.

— Вон, прочь с дороги, пошли по домам, хамы! — взвизгнула она, иссекая толпу пламенным бичом. — Прочь! Иначе искромсаю огнем, как скотов!

— Это всего одна ведьма, люди! — раздался из толпы звучный металлический голос. — Единственная психованная эльфья колдунья!

— Она одна! Вторая-то сбежала! А ну-ка, ребя, живо за камнями!

— Смерть нелюдям! Горе чаровнице!

— Бей-убивай!

Первый камень просвистел у нее рядом с ухом. Второй ударил по руке. Йеннифэр покачнулась. Третий попал прямо в лицо. Боль вспыхнула огнем в глазах и накрыла все черным бархатом.

Она очнулась, застонала от боли. Оба предплечья и кисти рук разрывала боль. Она потянулась, ощущая толстый слой бинтов. Снова застонала — глухо, отчаянно. От обиды, что это не сон. И от обиды, что ничего не получилось.

— Не получилось, — сказала сидящая рядом с кроватью Тисса де Врие.

Йеннифэр хотела пить. Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь хотя бы смочил ей губы, покрытые липким налетом. Но не просила. Гордость не позволяла.

— Не получилось, — повторила Тисса де Врие. — Но не потому, что ты не старалась. Ты резала хорошо и глубоко. Поэтому я и сижу сейчас рядом. Если б это был всего лишь кукольный театрик, дурацкая и дурная демонстрация, то я могла бы лишь презирать тебя. Но ты резала глубоко. И всерьез.

Йеннифэр тупо глядела в потолок.

— Я займусь тобой, девочка. Мне кажется, дело стоит того. А ведь придется над тобой поработать, ох придется. Придется не только выпрямлять позвоночник и лопатку, но и вылечить руки. Перерезая сосуды, ты перерезала и сухожилия. А руки чародейки — серьезный инструмент, Йеннифэр.

Влага на губах. Вода.

— Будешь жить. — Голос Тисса деловой, серьезный, даже суровый. — Еще не пришло твое время. Когда придет, ты вспомнишь этот день.

Йеннифэр жадно высасывала влагу с обернутой мокрым бинтом палочки.

— Я займусь тобой, — повторила Тисса де Врие, мягко касаясь ее волос. — А теперь... Мы здесь одни. Без свидетелей. Никто не увидит, а я никому не скажу. Плачь, девочка. Выплачься. Выплачься последний раз. Потом тебе уже нельзя будет плакать. Нет зрелища более жалкого, чем плачущая чародейка.

Она очнулась, раскашлялась, отхаркнула, выплюнула кровь. Кто-то волочил ее по земле. Трисс. Она узнала по аромату духов. Неподдалеку звенели по брусчатке подковы, дрожал крик.

Йеннифэр увидела наездника в доспехах и белой накидке с красным шевроном, с высоты копейного седла охаживающего толпу кнутом. Летящие из толпы камни бессильно отскакивали от лат и забрала. Конь ржал, рвался.

Йеннифэр чувствовала, что вместо верхней губы у нее огромная картофелина. По крайней мере один передний зуб был сломан или выбит, болезненно царапал язык.

— Трисс... — еле выговорила она. — Телепортируй нас отсюда!

— Нет, Йеннифэр. — Голос у Трисс был очень спокойный. И очень холодный.

— Нас убьют.

— Нет, Йеннифэр. Я не убегу. Не спрячусь за юбки Ложи. И не бойся, не свалюсь в обморок от страха, как под Содде-ном. Я переломлю это в себе. Уже переломила!

Недалеко от начала улочки, в изломе обомшелых стен, громоздилась большая куча перегной, навоза и отбросов. Солидная была куча. Можно сказать — холм.

Толпе наконец удалось зажать и лишит подвигности рыцаря и его коня. Его со страшным грохотом повалили на землю, толпа заползла на него, будто вши, прикрыла копошащейся массой.

Трисс, втянув за собой Йеннифэр, поднялась на кучу отбросов, воздела кверху руки. Прокричала заклинание, прокричала с настоящей яростью. Так пронзительно, что толпа на долю секунды замерла и утихла.

— Нас убьют. — Йеннифэр сиюнула кровь. — Точно...

— Помоги мне! — Трисс на мгновение прервала декламацию. — Помоги мне, Йеннифэр. Пустим на них Перон Альзура...

«И прикончим пятерых-шестерых, — подумала Йеннифэр. — А потом оставшиеся разорвут нас на куски. Но хорошо, Трисс, как хочешь. Если ты не убегаешь, то не увидишь, как убегаю я».

Она присоединилась. Теперь они кричали вдвоем.

Толпа несколько мгновений таращилась на них, но быстро пришла в себя. Вокруг чародеек снова засвистели камни. Совсем рядом с виском Трисс пролетело брошенное копьё. Трисс даже не шелохнулась.

«Это вообще не действует, — подумала Йеннифэр, — наши чары не действуют совсем. Нам не удастся произнести Перон

Альзура. Утверждают, что у Альзура голос был подобен колоколу и дикция оратора. А мы пищим и бормочем, путая ритмику и слова... Нет, слишком это для нас сложно...»

Она готова была остановиться, сконцентрировать остатки сил на каком-нибудь другом заклинании, способном либо телепортировать их обеих, либо угостить напиряющий сброд — пусть даже только на секунду — чем-нибудь малоприятным. Но оказалось, что в этом нет нужды.

Небо внезапно потемнело, над городом за клубились тучи. Стало чертовски мрачно. И повеяло холодом.

— Эй, — простонала Йеннифэр, — похоже, наделали мы дел.

— Разрушительное Градобитие Меригольд, — повторила Нимуэ. — В принципе — название неформальное, это волшебство никогда не было зарегистрировано официально, потому что после Трисс повторить его не удавалось никому. По самым прозаическим причинам. У Трисс тогда был искалечен рот, и она произносила слова неразборчиво. Кроме того, злые языки утверждают, будто язык у нее заплетался от страха.

— В это, — надула губы Кондвирамурса, — как раз поверить трудно. Примеров мужества и отваги почтенной Трисс вполне достаточно. Некоторые хроники даже называют ее Бесстрашной. Но я хотела спросить о другом. Одна из версий легенды говорит, что Трисс была не одна на Ривийском Холме. Что с нею была и Йеннифэр.

Нимуэ смотрела на акварель, изображающую черный, крутой, острый как нож холм на фоне подсвеченных темно-синих туч. На вершине холма виднелась стройная женская фигурка с распростертыми руками и развевающимися волосами.

Из затягивающего поверхность озера тумана долетел ритмичный стук весел лодки Короля-Рыбака.

— Если кто-нибудь там и был с Трисс, — сказала Владычица Озера, — то не оставил отпечатка в видении художника.

— Ох, наделали мы дел, — повторила Йеннифэр. — Осторожней, Трисс!

Из клубящейся над Ривией черной тучи обрушился на город град, граненные ледяные шарики размером с куриное яйцо. Градины били так сильно, что с грохотом разваливались черепицы на крышах домов. Били так плотно, что вся площадь мгновенно покрылась их толстым слоем. Толпа забурлила, люди

падали, прикрывали головы, заползали один под другого, убежали, переворачивались, теснились в подворотнях и подъездах, жались под стенами. Не всем это удавалось. Некоторые оставались, валялись как рыбы на окрашенном темной кровью льду.

Град валил так, что дрожал и готов был вот-вот лопнуть магический щит над головами, который почти в последний момент успела выколдовать Йеннифэр. Других заклинаний она даже не пыталась выкрикивать. Знала, что сотворенное остановить невозможно, что совершенно случайно они разбудили стихию, которая должна — и вскоре иссякнет — сама.

Во всяком случае, Йеннифэр на это надеялась.

Полыхнуло, громыхнул гром. Протяжно, раскатисто. Так, что задрожала земля. Град колотил по крышам и брусчатке, вокруг летали осколки разваливающихся градин.

Небо слегка пояснело. Пробившийся сквозь тучи луч солнца хлестнул город будто плетью. Из горла Трисс вырвался не то стон, не то всхлип.

Град все еще барабанил по брусчатке, покрывая ее толстым слоем ледяных шариков, сверкающих словно бриллианты. Но градины падали уже не так плотно и заметно медленнее. Йеннифэр поняла это по тому, как изменился звук ударов о магический щит. А потом град прекратился. Сразу. Как не бывало. На площадь ворвались вооруженные люди, захрустели по льду подковы. Толпа с ревом кинулась бежать, подхлестываемая нагайками, избиваемая древками пик и обрушивающимися плащами мечами.

— Браво, Трисс, — прохрипела Йеннифэр. — Не знаю, что это было... но получилось у тебя здорово.

— Было что защищать, — прохрипела Трисс Меригольд, Героиня с Холма.

— Защищать всегда есть что. Бежим, Трисс. Пожалуй, это еще не конец.

Однако это уже был конец. Град, обрушенный чародейками на город, остудил горячие головы. Остудил настолько, что армия отважилась ударить и навести порядок. До того солдаты робели. Они знали, чем грозит нападение на озверевшую чернь, на опоенную кровью и убийством толпу, не боящуюся ничего и не отступающую ни перед чем. Однако вмешательство неук-

ротимой стихии утомило чудовищную стоглавую гидру, а армия доделала остальное.

Град нанес городу ужасный урон. И вот уже тот человек, который только что убил краснолюдскую женщину, а голову ее ребенка разможил о стену, теперь всхлипывал, теперь рыдал, теперь глотал слезы и сопли, видя то, что осталось от крыши его дома.

В Ривии воцарились мир и покой. Если б не почти двести изуродованных трупов и несколько сожженных домов, можно было бы сказать, что ничего не случилось. В районе Вязова, у самого озера Лок Эскалотт, над которым небо расцветилось изумительной дугой радуги, плакучие ивы картинно отражались в гладкой словно зеркало поверхности вод. Пели птицы, пахло влажными листьями. Все здесь выглядело вполне идиллически.

Даже лежащий в луже крови ведьмак, над которым, стоя на коленях, склонилась Цири.

Белый как мел Геральт был без сознания и лежал неподвижно, но, когда они остановились рядом, он начал кашлять, хрипеть, отплеиваться кровью. Его стало трясти, и он принялся дрожать так, что Цири не могла удержать его. Йеннифэр опустилась рядом. Трисс видела, что у нее трясутся руки. Она сама почувствовала себя слабым ребенком, у нее вдруг потемнело в глазах. Кто-то поддержал ее, не дал упасть. Она узнала Лютика.

— Это на него совсем не действует, — услышала она полный отчаяния голос Цири. — Твоя магия его вообще не лечит, Йеннифэр.

— Мы пришли... — Йеннифэр с трудом шевелила губами. — Мы пришли слишком поздно.

— Твоя магия не действует, — повторила Цири, словно не слыша. — Грош ей цена, всей твоей магии.

«Ты права, Цири, — подумала Трисс, чувствуя, как у нее перехватывает горло. — Мы умеем вызывать градобой, но не умеем отгонять смерть. Хотя, казалось бы, второе сделать легче».

— Мы послали за медиком, — хрипло сказал стоявший рядом с Лютиком краснолюд. — Но его что-то не видать...

— Поздно звать медика, — сказала Трисс, сама удивляясь спокойствию собственного голоса. — Он умирает.

Геральт снова вздрогнул, выплюнул кровь, напряжился и замер. Лютик, поддерживающий Трисс, отчаянно вздохнул, краснолюд начал ругаться. Йеннифэр застонала, лицо у нее вдруг изменилось, сморщилось и стало ужасно некрасивым.

— Нет зрелища более жалкого, чем плачущая чародейка, — резко бросила Цири. — Ты сама учила меня этому. Но сейчас ты жалка по-настоящему, Йеннифэр. Ты и твоя магия, которая ни на что не годится.

Йеннифэр не ответила. Она обеими руками держала бесильную, выскальзывающую из рук голову Геральта, ломким голосом повторяя заклинания. По ее ладоням, по щекам, по лбу ведьмака плясали синие огоньки и потрескивали искорки. Трисс знала, какой энергии требуют такие заклинания. Знала также, что эти заклинания здесь не помогут. Она была более чем уверена, что ничего не дали бы даже заклинания специализировавшихся на этом целительниц. Было слишком поздно. Чары Йеннифэр только изнуляли ее. Трисс даже удивлялась, что черноволосая чародейка так долго это выдерживает.

Она перестала удивляться, когда Йеннифэр умолкла на середине очередной магической формулы и опустила на брусчатку рядом с ведьмаком.

Один из краснолюдов снова выругался. Другой стоял, опустив голову. Лютик, все еще поддерживающий Трисс, хлюпал носом.

Вдруг резко потемнело. Поверхность озера задымилась, словно ведьмин котел, затянулась испарениями. Туман прибывал, клубился над водой, волнами наползал на берег, окутывая все густой белой млечностью, в которой затихали и умирали звуки, исчезали контуры, расплывались формы.

— А я, — медленно сказала Цири, так и не вставая с окровавленной брусчатки, — когда-то отказалась от своей Силы. Если б не отказалась, я бы сейчас его оберегала. Вылечила бы его, я знаю. Но — слишком поздно. Я отказалась и теперь ничего не могу сделать. Все получается так, будто именно я его убила.

Тишину разорвало сначала громкое ржание Кэльпи. Потом глухое восклицание Лютика.

Все остолбенели.

Из тумана возник белый единорог. Он бежал легко, воздушно, бесшумно, изящно неся свою красивую голову. В этом-

то как раз не было ничего необычного, все знали легенды, а те были едины в том, что единороги бегают легко, воздушно и бесшумно, а головы держат с только им присущим изяществом. Если что-то и было странно, так лишь то, что единорог бежал по озерной глади, а гладь даже не морщижилась.

Лютик икнул, на этот раз от изумления. Трисс почувствовала, как ее охватывает эйфория возбуждения.

Единорог зацокал копытцами по брусчатке бульвара. Тряхнул гривой. Заржал протяжно, мелодично.

— Иуарраквакс, — сказала Цири. — Я так надеялась, что ты придешь.

Единорог подошел ближе, заржал снова, скребнул копытом, сильно ударил по брусчатке. Наклонил голову. Торчащий из его выпуклого лба рог неожиданно запылал резким светом, блеском, который на мгновение развеял туман.

Цири коснулась рога.

Трисс глухо вскрикнула, видя, как глаза девушки разгораются млечным пламенем, как ее охватывает огненный ореол. Цири не слышала ее, она не слышала никого. Одной рукой она держалась за рог Иуарраквакса, другую направила на неподвижного ведьмака. Из ее пальцев заструилась лента мерцающего, горящего как лава света.

Никто не мог сказать, как долго это продолжалось. Потому что все это было нереально.

Как сон.

Единорог, почти растворяясь в густеющем тумане, заржал, ударил копытом, несколько раз мотнул головой, словно указывая на что-то рогом. Трисс взглянула. Под балдахинном свисающих над озером ивовых ветвей она увидела в воде темную тень. Лодку.

Единорог указал рогом снова. И начал быстро таять в тумане.

— Кэльпи, — сказала Цири. — Иди с ним.

Кэльпи захрапела. Задергала головой. Послушно пошла за единорогом. Подковы несколько мгновений звенели по брусчатке. Потом звук резко оборвался. Так, словно кобыла улетила, исчезла, дематериализовалась.

Лодка стояла у самого берега. В те мгновения, когда туман развеивался, Трисс четко видела ее. Это была примитивная

плоскодонка, неуклюжая и угловатая, словно огромная колода для свиней.

— Помогите мне, — сказала Цири. Голос был уверенный и решительный.

Вначале никто не понимал, о чем она говорит, какой помощи ждет. Первым сообразил Лютик. Может, потому, что знал эту легенду, когда-то читал одну из ее поэтизированных версий. Он поднял на руки все еще находящуюся без сознания Йеннифэр. И удивился, какая она маленькая и легкая. Он поклялся бы, что кто-то помогает ему нести чародейку. Он поклялся бы, что чувствует рядом со своей рукой плечо Кагыра. Уголком глаза он поймал промельк светлой косы Мильвы. Когда укладывал чародейку в лодку, мог бы поклясться, что видел поддерживающую борт руку Ангулемы.

Краснолюды подняли ведьмака, им помогала Трисс, поддерживая ему голову. Ярпен Зигрин даже заморгал, потому что несколько мгновений видел обоих братьев Дальбергов. Золтан Хивай поклялся бы, что укладывать ведьмака в лодку ему помогал Калек Страттон. Трисс Меригольд голову дала бы на отсечение, что чувствует аромат духов Нейд по прозвищу Коралл. И на протяжении нескольких ударов сердца видела в толще испарений желто-зеленые глаза Койона из Каэр Морхена.

Вот такие штучки проделывал с органами чувств туман, плотный туман над озером Эскалотт.

— Готово, Цири, — глухо сказала чародейка. — Твоя лодка ждет.

Цири откинула волосы со лба, хлопнула носом.

— Извинись перед дамами из Монтекальво, Трисс, — сказала она. — Но иначе быть не может. Я не могу остаться здесь, если Геральт и Йеннифэр уходят. Попросту не могу. Дамы из Ложи должны это понять.

— Должны.

— Ну, прощай, Трисс Меригольд. Будь здоров, Лютик. Спасибо вам всем.

— Цири, — шепнула Трисс. — Сестренка... Позволь мне уплыть с вами...

— Ты сама не знаешь, о чем просишь, Трисс.

— Быть может, когда-нибудь я тебя еще...

— Наверняка, — решительно прервала Цири.

Она вошла в лодку, которая покачнулась и тут же стала уплывать. Таять в тумане. Оставшиеся на берегу не слышали ни всплеска, не видели ни волны, ни движения воды. Словно это была не лодка, а призрак.

Совсем-совсем недолго они еще видели маленькую воздушную фигурку Цири, видели, как длинным шестом она отталкивается от дна, как подгоняет и без того быстро плывущую лодку.

А потом был лишь туман.

«Она солгала мне, — подумала Трисс. — Я больше не увижу ее. Никогда. Не увижу, потому что *Vaesse deireadh aep eigan*. Что-то кончается...»

— Что-то кончилось, — проговорил изменившимся голосом Лютик.

— Что-то начинается, — подхватил Ярпен Зигрин.

Откуда-то со стороны города послышалось громкое пение петуха.

Туман начал быстро подниматься.

Геральт открыл глаза. Его дразнила сквозь веки игра света и тени. Увидел над собой листья, калейдоскоп мерцающих на солнце листьев. Увидел тяжелые от яблок ветви.

На висках и щеках чувствовал мягкое прикосновение пальцев. Пальцев, которые знал. Которые любил до боли.

Болеет живот, грудь, болели ребра, а тесный корсет бандаж убедительно говорил о том, что город Ривия и трезубые вилы не были ночным кошмаром.

— Лежи спокойно, любимый, — мягко сказала Йеннифэр. — Лежи спокойно. Не шевелись.

— Где мы, Йен?

— Разве это важно? Мы вместе. Ты и я.

Пели птицы — зеленушки или скворцы. Пахло травами, цветами, яблоками.

— Где Цири?

— Ушла.

Она переменяла положение, мягко высвободила руку из-под его головы, прилегла рядом на траву, чтобы видеть его глаза. Она глядела на него жадно, так, словно хотела насытиться, словно хотела насмотреться про запас, на всю вечность. Он тоже смотрел, а грусть стискивала ему горло.

— Мы были с Цири в лодке, — вспомнил он. — На озере. Потом на реке. На реке с быстрым течением. В тумане...

Ее пальцы нащупали его руку, крепко сжали.

— Лежи спокойно, любимый. Лежи спокойно. Я рядом. Не важно, что случилось, не важно, где мы были. Сейчас я рядом с тобой. И уже никогда тебя не покину. Никогда.

— Я люблю тебя, Йен.

— Знаю.

— И тем не менее, — вздохнул он, — хотелось бы знать, где мы?

— Мне тоже, — сказала Йеннифэр, тихо и не сразу.

— И это, — спросил немного погодя Галахад, — конец истории?

— Ну да! — возразила Цири, потирая ступню о ступню и стирая высохший песок, прилипший к пальцам и подошвам. — Ты хочешь, чтобы повествование окончилось так? Аккурат! Я бы не хотела!

— Так что ж было дальше?

— Все было нормально, — фыркнула она. — Они поженились.

— Расскажи.

— А что тут рассказывать? Была громкая свадьба. Съехались все: Лютик, матушка Нэннеке, Иоля и Эурнэйд, Ярпен Зигрин, Весемир, Эскель... Койон, Мильва, Ангулема... И моя Мистле... И я там была. А они, то есть Геральт и Йеннифэр, завели потом собственный дом и были счастливы. Очень, очень счастливы. Все равно как в сказке. Понимаешь?

— Почему ты плачешь, о Владычица Озера?

— И вовсе я не плачу. Просто глаза слезятся от ветра. Вот и все!

Они долго молчали, глядя, как раскаленный до красноты солнечный шар касается горных вершин.

— Действительно, — нарушил наконец тишину Галахад. — Преудивительная это была история, ох удивительная. Воистину, госпожа Цири, необычен мир, из которого ты прибыла.

Цири громко засопела.

— Да, — продолжал, несколько раз откашлявшись, Галахад, слегка обескураженный ее молчанием. — Но и здесь, у нас, тоже случаются преудивительнейшие истории. Например, та, что приключилась с сэром Гавейном и Зеленым Рыцарем...

Или с моим дядей, сэром Борсом и сэром Тристаном... Понимаешь, госпожа Цири, сэр Борс и сэр Тристан однажды отправились на запад, в Тинтагель... Дорога их шла через леса дикие и опасные. Едут они, значит, едут, глядят — стоит лань белая, а рядом — дама, в черное одетая, ну прямо черней черного и во сне не увидишь. А уж такая прекрасная та дама, что прекраснее на целом свете не сыщешь, ну разве что королева Гвиневра... Узрела та дама, что возле лани стояла, рыцарей, рукой махнула и такими словами обратилась к ним...

— Галахад...

— Что?

— Замолчи.

Он закашлял, захрипел, умолк. Оба молчали, глядя на солнце. Молчали очень долго.

— Владычица Озера...

— Я же просила не называть меня так.

— Госпожа Цири...

— Слушаю.

— Поедем со мной в Камелот, а, госпожа Цири? Король Артур, вот увидишь, окажет тебе честь и уважение... Я же... Я буду тебя всегда любить и почитать...

— Немедленно поднимись с колен! Или нет. Раз уж ты там, разотри мне ступни. Страшно замерзли. Спасибо. Ты очень мил. Я же сказала — ступни! Ступни оканчиваются на щиколотках!

— Госпожа Цири...

— Я все время здесь.

— Солнце к закату клонится...

— Верно. — Цири защелкнула застёжки ботинок, встала. — Седлаем лошадей, Галахад. Есть тут неподалеку какое-нибудь место, где можно было бы переночевать? О, по твоей mine вижу, что здешние места ты знаешь не лучше меня. Но не страшно, отправляемся, а уж если придется спать под открытым небом, так лучше где-нибудь подальше, в лесу. От озера холодом тянет... Ты что так смотришь? Ага, — догадалась она, видя, как он покраснел. — Тебе мнится ночлег под ореховым кустом, на ковре из мхов? В объятиях чародейки? Послушай, малыш, у меня нет ни малейшего желания...

Она осеклась, глядя на его румянец и горящие глаза. В принципе вполне нормальное лицо. Что-то стиснуло ей желудок и все, что было ниже. И это был не голод.

«Что со мной творится? — подумала она. — Что со мной деется?»

— Не волокить! — почти крикнула она. — Седлай мерина!

Когда они уже были в седлах, она глянула на него и громко рассмеялась. Он глянул на нее, и взгляд у него был изумленный и вопрошающий.

— Нет-нет, ничего... — легко сказала она. — Мне просто кое-что пришло в голову. Ну, в путь, Галахад.

«Ковер из мхов, — подумала она, сдерживая хохот. — Под ореховым кустом. И я — в роли чародейки. Ну-ну...»

— Госпожа Цири...

— Да?

— Поедешь со мной в Камелот?

Она протянула ему руку. Он протянул ей руку. Они соединили руки, едучи бок о бок.

«К черту, — подумала она. — А почему бы и нет? Побьюсь на что угодно — в этом мире тоже найдется занятие для ведьмачки. Ибо нет такого мира, в котором не нашлось бы для ведьмачки занятия».

— Госпожа Цири...

— Давай не будем об этом сейчас. Едем.

Они ехали прямо на закат. Позади оставалась темнеющая долина. Позади оставалось озеро, озеро заколдованное, озеро голубое и гладкое, как отшлифованный сапфир. Позади оставались камни на озерном берегу. Сосны на склонах.

Это было позади.

А впереди у них было все.

Дорога без возврата

ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА*

1

Сидевшая на плече у Висенны птица что-то проскрипела, взмахнула пестрыми крылышками и, шумно взлетев, порхнула в заросли. Висенна придержала коня, прислушалась, потом осторожно двинулась вдоль лесной дорожки.

Мужчина сидел, привалившись спиной к столбу, вкопанному на развилке, и, казалось, спал. Однако, подъехав ближе, Висенна увидела, что глаза у него открыты. К тому же он был ранен. Сделанная наспех повязка на левом плече и предплечье пропиталась еще не успевшей почернеть кровью.

— Привет, парень, — проговорил раненый, выплевывая длинный стебелек. — Далеко ли путь держишь, позволь спросить?

Висенне не понравилось, что ее назвали «парнем», и она, откинув с головы капюшон, ответила:

— Спросить-то можно, да откуда вдруг такое любопытство?

— Простите, госпожа, — прищурился мужчина. — На вас мужская одежда. А что до любопытства, так оно оттуда, что развилок-то это не простой. Случилось тут со мной... любопытное приключение...

— Вижу, — прервала Висенна, глядя на полускрытое папоротниками, неестественно скрючившееся тело шагах в десяти от столба.

Мужчина проследил за ее взглядом. Потом их глаза встретились. Висенна, как бы откидывая волосы со лба, коснулась диадемы, прикрытой перевязкой из змеиной шкурки.

* Droga z której się nie wraca (польск.). Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

— Угу, — спокойно сказал раненый. — Покойник. Острые у вас глаза. Небось считаете меня разбойником, верно?

— Неверно, — сказала Висенна, не отнимая руки от диадемы.

— А... — вздохнул мужчина. — Ну да... Но...

— Твоя рана кровоточит.

— У большинства ран такое странное свойство — кровоточить, — усмехнулся раненый. У него были красивые зубы.

— Если перебинтовать одной рукой, кровоточить будет долго.

— Неужто хотите облагодетельствовать меня своей помощью?

Висенна спрыгнула с коня, прочертив каблуком мягкую землю.

— Меня зовут Висенна, — сказала она. — Я не привыкла благодетельствовать. Кроме того, не терплю, когда ко мне обращаются во множественном числе. Встать можешь?

— Могу. А надо?

— Нет.

— Висенна, — сказал мужчина, слегка приподнявшись, чтобы позволить ей развернуть повязку. — Красивое имя. Тебе кто-нибудь уже говорил, Висенна, что у тебя прекрасные волосы? Такой цвет называется медным, верно?

— Нет. Рыжим.

— Ага. Когда закончишь, подарю букет люпинов, вон тех, что растут во рву. А пока перевязываешь, расскажу, чтобы убить время, что со мной приключилось. Я, видишь ли, пришел той же дорогой, что и ты. Гляжу — на развилке столб. Вот этот самый. На столбе доска. Эй, больно.

— У большинства ран такое странное свойство — болеть. — Висенна оторвала последний слой полотна, даже не стараясь делать это мягко.

— Верно, забыл. О чем это я... Ах да. Подхожу, смотрю — на доске надпись. Каракули какие-то. Я когда-то знал лучника, который ухитрялся, прости, написать на снегу буквы покрасивше. Читаю... А это что такое, мазель? Что за камушек? А, черт побери... Такого мне видеть не доводилось.

Висенна медленно провела вдоль раны гематитом. Кровотечение тут же прекратилось. Прикрыв глаза, она схватила плечо мужчины обеими руками, крепко прижала края раны. Отняла руки — ткань срослась, осталось утолщение и пурпурная полоска.

Мужчина молчал, внимательно глядя на нее. Потом осторожно помассировал плечо, потер шрам, покрутил головой. Натянул окровавленный кусок рубашки и куртку, встал, поднял с земли меч на поясе, скрепленном застежкой в виде драконьей головы, кошель и фляжку.

— Да, повезло, что называется, — сказал он, не сводя с Висенны глаз. — Целительница в самой гуще леса, на слиянии Ины и Яруги, где скорее встретишь вурдалака или, что того хуже, пьяного в дымину лесоруба. Как насчет платы за лечение? У меня, понимаешь, временные трудности с наличными. Букета из люпинов хватит?

Висенна пропустила замечание мимо ушей. Подошла ближе к столбу, подняла голову — доска была прибита на высоте глаз мужчины.

— «Ты, который пришел с запада, — прочла она громко. — Налево пойдешь — вернешься. Направо пойдешь — вернешься. Прямо пойдешь — не вернешься». Глупости какие-то.

— То же самое подумал и я, — согласился мужчина, отряхивая с колен хвою. — Я знаю эти места. Прямо, то есть на восток, — дорога к перевалу Клатат, на купеческий тракт. И почему бы оттуда нельзя вернуться? Такие, что ль, шикарные девочки, только и ждущие, чтобы мужа заарканить? Или самогон дешевый? А может, освободилось место ипата?

— Отклоняешься от темы, Корин.

Мужчина раскрыл рот:

— Откуда ты знаешь, что меня зовут Корин?

— Сам только что сказал. Продолжай.

— Да? — Мужчина подозрительно глянул на нее. — Серьезно? Ну, возможно... Так на чем я остановился? Ага. Читаю, стало быть, и удивляюсь, какой баран придумал такую надпись. Вдруг слышу, кто-то бормочет и ворчит у меня за спиной. Оглядываюсь — бабулька, седенькая, горбатенькая. Ясное дело — с клюкой, а как же. Я ее этак вежливенько спрашиваю, что, мол, с ней? Она бормочет: «Отошшала я, лыцарь благородный, с зари росинки маковой на зубок не брала». Проверяю, и верно, у бабки только один зубок остался. Растрогался я жуть как, ну, вынимаю из кошелья хлеба краюшку, половинку вяленого леща, которого получил у рыбаков на Яруге, и даю, значит, старушенции. Она садится, мусолит рыбку, побряхтывает, косточки выплевывает. А я продолжаю рассматривать этот чудной дорожный указатель. Вдруг бабка и говорит:

«Добрый ты, лыцареньш, пособил мне, награда тебя не минует». Хотел я ей сказать, куда она может засунуть свою награду, а бабка снова: «Подойди, сынок, я тебе кой-чего на ушко шепну, важную тайну открою, как многих добрых людей от несчастья упasti, славы добиться и богатство обрести».

Висенна вздохнула, присела рядом с раненым. Нравился он ей, высокий, светловолосый, с продолговатым лицом и выдающимся вперед подбородком. Не несло от него, как обычно от мужиков, с которыми она встречалась. Она тут же отогнала назойливую мысль о том, что уж слишком долго мотается в одиночку по лесам да трактам. Мужчина продолжал:

— Ну, думаю, классический случай. Если у бабки нет склероза, а все шарики-бобики на местах, то, может, и будет с того прок для бедного солдатики. Наклоняюсь, подставляю ухо, словно дурак какой. И если б не моя реакция, получил бы прямо в кадык. Я отскочил, кровь бьет из плеча, как из дворцового фонтана, а бабка лезет с ножом, воеет, слюной брызжет. Я все еще не соображал, что дело-то серьезное. Пошел на нее вплотную, чтобы лишить преимущества, и тут чую, никакая это не старуха. Грудь твердые как камень...

Корин глянул на Висенну, чтобы проверить, не покраснела ли она. Висенна слушала с выражением вежливой заинтересованности на лице.

— Да... Ну, думаю, повалю ее, нож отниму, да куда там! Она сильная, как рысь. Чую, не удержать мне ее руки с ножом. Что делать? Оттолкнул я ее, хватъ меч... она напоролась сама.

Висенна сидела молча, положив руку на лоб, и задумчиво потирала змеиную перевязку.

— Слушай, Висенна! Я говорю как было. Знаю, что женщина, и чую себя неловко, но провалиться мне, если это была нормальная женщина. Как только она упала, тут же изменилась. Помолодела.

— Иллюзия.

— Что-что?

— Ничего. — Висенна встала, подошла к труп, лежащему в папоротниках.

— Только погляди. — Корин встал рядом. — Баба — что твой статуя в дворцовом фонтане. А была сгорбленная и сморщенная, ровно зад столетней коровы. Чтoб меня...

— Корин, — прервала Висенна. — У тебя нервы крепкие?

— Э? А при чем тут нервы? Ну, вполне, если тебя это интересует. Не жалуюсь.

Висенна сняла перевязку со лба. Драгоценный камень в диадеме полыхнул молочно-белым пламенем. Висенна встала над трупом, протянула руку, закрыла глаза, прошептала что-то непонятное. Потом резко крикнула:

— Grealghane!

Папоротники зашевелились. Корин отскочил, выхватил меч и замер в оборонительной позиции. Труп задрожал.

— Grealghane! Говори!

— Ааааааа! — вырвался из папоротников нарастающий хриплый рев.

Труп выгнулся дугой, чуть ли не взлетел, касаясь земли пятками и макушкой. Рев утих, стал прерывистым, перешел в горловое бормотание, стоны и вопли, постепенно набиравшие силу, но совершенно непонятные. Корин почувствовал, как по спине потекла холодная струйка пота, щекочущая, словно ползущая гусеница. Сжав кулаки, чтобы сдержать дрожь в предплечьях, он всей силой воли боролся с непреодолимым желанием сбежать в глубь леса.

— Огг... ннн... ннгррр... — пробормотал труп, раздирая землю ногтями и пуская кровавые пузыри, лопающиеся на губах. — Нарррр... ееегг...

— Говори!

Из протянутых рук Висенны сочился мутноватый поток света, в котором кружилась и клубилась пыль. Из папоротников взметнулись сухие листики и травинки. Труп захлебнулся, зашлюпал и вдруг заговорил, совершенно четко:

— ...развилке, в шести верстах от Ключа к югу... Не больше... По... Посылал. Кругу. Парня. Веее... гтг... лел. Велел.

— Кто? — крикнула Висенна. — Кто велел? Говори!

— Пфф... ррр... генал. Все записи, письма, амулеты. Коль... ца...

— Говори!

— ...еревале. Костец. Фре... наль. Забрать письма. Перг... гаменты. Он придет с мааааа! Ээээээ! Ннныыыы!!!

Голос задрожал, бормотание утонуло в диком вое. Корин не выдержал, бросил меч, зажмурился и, зажав уши руками, стоял так, пока не почувствовал прикосновение к плечу. Вздрыгнул всем телом.

— Конец, — сказала Висенна, отирая пот со лба. — Я тебя спрашивала, как у тебя с нервами.

— Ну и денек! — с трудом проговорил Корин. Поднял с земли меч, сунул в ножны, стараясь не глядеть на уже неподвижное тело. — Висенна?

— Слушаю.

— Пошли отсюда. Подальше от этого места.

2

Они ехали вдвоем на коне Висенны по просеке, заросшей и изрытой выбоинами и колдобинами. Девушка впереди, в седле, Корин, без седла, сзади, обхватив ее за талию. Висенна уже давно привыкла не смущаясь принимать выпадавшие ей время от времени мелкие радости, даримые судьбой, поэтому с удовольствием упиралась спиной в грудь мужчины. Оба молчали.

— Висенна, — почти через час первым решился Корин.

— Слушаю.

— Ты не только целительница. Ты из Круга?

— Да.

— Судя по тому... представлению — магистр?

— Да.

Корин отпустил ее талию и ухватился за заднюю луку седла. Висенна гневно прищурилась. Конечно, он этого видеть не мог.

— Висенна.

— Слушаю.

— Ты что-нибудь поняла из того, что она... оно... говорило?

— Немного.

Снова помолчали. Пестрокрылая птица, порхающая над ними в кронах, громко застрекотала.

— Висенна?

— Корин, будь любезен...

— А?

— Перестань болтать. Мне надо подумать.

Просека вела прямо вниз, в долину, в русло неглубокого ручья, лениво бегущего среди камней и черных стволов в пронизывающем все запахе мяты и крапивы. Конь скользил по камням, покрытым слоем ила и глины. Корин, чтобы не упасть,

снова ухватился за талию Висенны, отгоняя при этом назойливую мысль о том, что слишком уж долго он мотается в одиночку по лесам и трактам.

3

Селение было типичной деревней об одной улице, тянувшейся по склону горы вдоль тракта, — соломенной, деревянной и грязной, присевшей за кривыми заборчиками. Когда они подъехали, собаки подняли лаеж. Конь Висенны спокойно шел по середине улицы-дороги, не обращая внимания на выходивших из себя дворняг, вытягивающих истекающие пеной морды к его ногам.

Сначала не было видно никого. Потом из-за заборов, с тропинок, ведущих на гумна, появились обитатели — босые и угрюмые, вооруженные вилами, жердями и цепами. Кто-то наклонился, поднял камень.

Висенна придержала коня. Подняла руку — Корин увидел маленький золотой серповидный ножичек.

— Я — целительница, — проговорила девушка четко и звучно, хоть совсем негромко.

Кметы опустили оружие, зашептались, переглянулись: Их становилось все больше. Несколько ближайших стянули шапки.

— Как называется ваше село?

— Ключ, — долетело из толпы после минутной тишины.

— Кто над вами старший?

— Топин, милсдарыня. Вон та хата.

Прежде чем они двинулись, через строй кметов пробилась женщина с грудничком на руке.

— Госпожа... — робко прошептала она, прикасаясь к ноге Висенны. — Дочка... Вся прям-таки пылает...

Висенна соскочила с седла, коснулась головки ребенка, прикрыла глаза.

— Завтра выздоровеет. Не укутывай так тепло.

— Благодарствую, милостивая государыня... Стократ...

Топин, солтыс, был уже на дворе и в этот момент размышлял, что делать с вилами, которые держал наготове. Наконец сбросил ими со ступеней куриный помет.

— Прощения просим, — сказал он, отставляя вилы к стене хаты. — Госпожа и вы, уважаемый. Время такое неверное... Прошу входить. Приглашаю перекусить.

Вошли.

Солтысиха, таская за собой двух вцепившихся в юбку белокурых девчушек, подала яичницу, хлеб, простоквашу и скрылась в другой комнате. Висенна в отличие от Корина ела мало, сидела задумчивая и тихая. Топин вращал глазами, то и дело чесался и не переставая болтал:

— Время, грю, неверное. Неверное, грю. Беда нам, уважаемые. Мы овец на шерсть разводим, на продажу, стал быть, шерсть-то, а ныне купцов нету, приходится изводить стада, рунных овец бьем, чтоб было чего в горшок бросить. Ране-то купцы за ясписом да по камень зеленый ходили в Амелль за перевал, тама, значит, копи лежат. Тама яспис-то добывали. А как шли купцы-то, значить, и шерсть брали, платили, разное добро оставляли. Нету, грю, ноне купцов. Дажить соли нету, что приколем, в три дни съесть надеть, чтоб не попортилося.

— Обходят вас караваны? Почему? — Висенна то и дело задумчиво трогала перевязку на лбу.

— Ага, обходят, — буркнул Топин. — Закрыта дорога на Амелль-то, на перевале уселся проклятуший кость, живой души не пропустит. Ну, дык как же туды купцам-то идтить? На смерть?

Корин замер с ложкой в воздухе.

— Кость? Что за штука — кость?

— А я знаю? Говорят, кость, людоедец. На перевале, грю, вроде бы сидит.

— И не пропускает караваны?

Топин посмотрел на стены.

— Токмо некоторые. Говорят, своих. Своих, мол, пропускает.

Висенна наморщила лоб:

— То есть как — своих?

— Ну, своих, значить, — проворчал Топин и побледнел. — Людишкам из Амелли ишшо хуже, чем нам. Нас-то хоша лес малость кормит. А тамошние на голом камне сидят и токмо то и имеют, что им костьцы за яспис продают. По-разбойничьи за каждое добро платить велют, а чего им, из Амелли-то, делать? Яспис жрать не станешь?

— Что за «костьцы»? Люди?

— И люди, и враны, и еще кой-то. Разбойники это, господа. Они в Амелль возят то, что у нас забирают. По селам, бывалотко, грабили, девок портили, а кто противился, убивали, разоряли людишек. Разбойники. Одно слово — костецы.

— Сколько их? — спросил Корин.

— Кто считал, милсдарь? Села-то мы охраняем, кучкой держимся. А толку? Ночью налетят, подожгут. Уж лучше дать, чего хочут. Потому как говорят...

Топин побледнел еще больше, задрожал всем телом.

— Что говорят, Топин?

— Говорят, мол, костец, ежели его разозлить, слезет с перевалу-то и пойдет на нас, в долины.

Висенна резко поднялась. Лицо у нее изменилось. Корина протряла дрожь.

— Топин, — сказала чародейка. — Где тут ближайшая кузница? Конь мой подкову на тракте потерял.

— Дале за селом, под лесом. Тамotka и кузня есть, и конюшня.

— Хорошо. А теперь иди поспрашивай, где кто больной или раненый.

— Благодарности вам, добродейка, благодарности.

— Висенна, — проговорил Корин, как только за Топином закрылась дверь. — У твоего коня все подковы в порядке.

Друидка повернулась, молча глянула на него.

— Яспис — это, конечно, яшма, а зеленый камень — жадеит, которым славятся амелльские копи, — продолжил Корин. — Но в Амелль можно попасть только через Камлат, перевал. Дорогой, с которой нет возврата. Что там болтала покойница на развилке? Почему хотела меня уколошить?

Висенна не ответила.

— Молчишь? Не беда. И так все потихонечку проясняется. Бабулечка с развилки ждала кого-то, кто остановится перед дурной надписью, запрещающей дальнейший путь на восток. Это было первое испытание — умеет ли путник читать. Потом бабка еще раз удостоверилась — ну, кто же, как не добрый самаритянин из друидского Круга, поможет в наши времена голодной старушке? Любой другой, даю голову на отсечение, еще и посошок отнимет. Хитрющая бабенция продолжает «проверку», начинает болтать о несчастных людях, нуждающихся в помощи. Путник, вместо того чтобы попотчевать ее пинком и непотребным словом, как сделал бы обычный, серый житель

здешних мест, напряженно слушает. Да, думает бабка, это он. Друид, который намерен расправиться с бандой, терроризирующей округу. А поскольку она, несомненно, послана этой самой бандой, то хватается за нож. Ха! Висенна! Ну не умен ли я?

Висенна не ответила. Она стояла, повернув голову к окну. Видела — полупрозрачные пленки из рыбьих пузырей не были для нее помехой — пестрокрылую птицу, сидящую на вишневом кусте.

— Висенна?

— Слушаю, Корин.

— Что такое «костец»?

— Корин, — глянув на него, резко сказала Висенна, — зачем ты лезешь не в свои дела?

— Послушай. — Корин несколько не обиделся. — Я уже и так влез в твои, как ты говоришь, дела. Так уж получилось, что меня хотели зарезать вместо тебя.

— Случайно.

— Я думал, чародеи верят не в случайности, а только в магическое притяжение, сочетание событий, стечение обстоятельств и всякое такое прочее. Погляди, Висенна, что творится: мы едем на одном коне. Давай, смеха ради, продолжим это. Предлагаю тебе помощь в том деле, о цели которого догадываюсь. Отказ буду считать признаком зазнайства. Мне говорили, что вы, в Круге, сильно недооцениваете простых смертных.

— Вранье.

— Все чудесно складывается. — Корин ухмыльнулся. — Посему не будем терять времени. Едем в кузню.

4

Микула крепче ухватил прут клещами и пошебуршил им в углях.

— Дуй, Чоп! — приказал он.

Подмастерье повис на рычаге мехов. Его пухлая физиономия блестела от пота. Хоть двери и были широко распахнуты, в кузнице стояла невыносимая жара. Микула перенес прут на наковальню, несколькими сильными ударами молота расплющил конец.

Колесник Радим, сидевший на неошкуренном стволе березы, тоже потел. Расстегнул сермягу и вытащил из штанов рубаху.

— Хорошо вам говорить, Микула, — сказал он. — Для вас драка в новость. Каждый знает, что вы не всю жизнь в кузне ковали. Говорят, ране-то лбы плющили, не железо.

— Стало быть, радоваться должны, что у вас такой в селе есть, — бросил кузнец. — Повторяю: не стану я больше им в пояс кланяться. И вкалывать на них. Не пойдете со мной — пойду один либо с такими, у которых кровь, а не бурда домашняя в жилах течет. В лесу затаимся, станем их по одному брать — кого поймаем? Ну, сколько их там? Тридцать? А может, и того нет. А сел по нашей стороне перевала сколько? Наддай, Чоп!

— Я уж и так наддаю!

— Сильней!

Молот звенел по наковальне — ритмично, чуть ли не мелодично. Чоп жал на рычаг. Радим высморкался в пальцы, вытер руку о голенище.

— Хорошо вам говорить, — снова начал он. — А из Ключа-то сколько пойдет?

Кузнец опустил молот. Помолчал.

— То-то и оно, — сказал колесник. — Никто не пойдет.

— Ключ — село малое. Вы хотели порасспрашивать в Пороге и Качане.

— Спрашивал. Я ж вам говорил, как там, мол, что нам враны да оборотцы, этих мы на вилы взраз подыдем, а ежели кость на нас двинет? В лес бежать? А избы, а имущество? На плечи не подыметь. А супротив костца — не наша сила. Сами знаете.

— Откуда мне знать? Видал его кто?! — крикнул кузнец. — Может, вовсе и нет никакого костца? Только страху в задницу хотят вогнать нам, кметам. Видал его кто?

— Не болтай, Микула. — Радим наклонил голову. — Сами знаете, с купцами в охране не слабаки какие ходят, а железом увешанные, те еще резники. А вернулся кто с перевала-то? Ни один! Нет, Микула. Надо ждать, говорю вам. Даст комес из Майены помочь, тогда другое дело.

Микула отложил молот, снова сунул прут в уголки. Угрюмо сказал:

— Не придет войско из Майены. Снова они подрались меж собой. Майена с Разваном.

— За что?

— А разве поймешь, чего ради благородные друг другу морды бьют? По-моему, со скуки, дерьмо прелое! — взорвался кузнец. — Вы видали когда комеса? За что мы ему, гадюке, подати платим?

Он вырвал прут из жара, так что аж искры посыпались, крутанул в воздухе. Чоп отскочил. Микула схватил молот, саданул раз, другой, третий.

— Когда комес парня моего прогнал, я его в Круг тамошний послал, помощи просить. К друидам.

— К чародеям? — недоверчиво спросил колесник.

— К ним. Но парень еще не вернулся.

Радим покрутил головой, встал, подтянул штаны.

— Не знаю, Микула, не знаю. Не моего это ума. Но все равно одно на одно выходит. Делать надобно. Как кончите, тут же поеду. Пора мне...

Перед кузницей на дворе заржала лошадь.

Кузнец замер, подняв молот над наковальной. Колесник лязгнул зубами, побледнел. Микула почувствовал, что и у него дрожат руки, невольно вытер их о кожаный фартук. Не помогало. Он сглотнул и двинулся к выходу, в котором четко вырисовывались силуэты конных. Радим и Чоп последовали за ним, совсем рядышком, чуть сзади. Выходя, кузнец прислонил прут к столбу у дверей.

Он видел шестерых, все на конях, в стеганках, усеянных металлическими пластинами, в кольчугах, кожаных шлемах со стальными наносниками, выходящими прямыми линиями металла между огромными рубиновыми глазами, занимающими половину лица. Они сидели на конях неподвижно, как-то небрежно. Микула, перебегая взглядом от одного к другому, видел их оружие — короткие копья с широкими остриями. Мечи со странно выкованными гардами. Бердыши. Зазубренные гизармы.

Напротив входа в кузницу стояли двое. Высокий вран на сивом коне, под зеленой попоной со знаком солнца на шлеме. И второй...

— Мамочки, — шепнул Чоп за спиной у кузнеца и всхлипнул.

Второй конник был человеком в темно-зеленом вранском плаще, но из-под клювообразного шлема на них смотрели бледные, голубые — не красные — глаза. В этих глазах таилось столько беспощадной, холодной жестокости, что Микулу пронял жуткий страх, ледяным холодом проникающий во внутренности, вызывающий тошноту, стекающий по спине к ягодицам. По-прежнему стояла тишина. Кузнец слышал, как звенят мухи, кружащие над навозной кучей за забором.

Человек в шлеме с клювом заговорил первым:

— Кто из вас кузнец?

Вопрос не имел смысла, кожаный фартук и внешность Микулы выдавали его с головой. Кузнец молчал. Уловил глазами короткий жест, который бледноглазый сделал одному из вранов. Вран наклонился в седле и наотмашь махнул гизармой, которую держал посередине древка. Микула сжался, невольно вбирая голову в плечи. Однако удар был предназначен не ему. Оружие угодило Чопу в шею и врезалось укосом, глубоко, рассадив ключицу и позвонки. Паренек рухнул спиной на стену кузницы, наткнулся на столб у двери и свалился на землю у самого порога.

— Я спросил, — напомнил человек в клювообразном шлеме, не спуская с Микулы глаз. Рукой в перчатке он касался топора, висящего при седле. Два врана, стоявшие дальше остальных, высекли огонь, запалили смолистые лучины, начали раздавать их остальным. Спокойно, не спеша, шагом объезжали кузницу, тыкали факелами в соломенную кровлю.

Радим не выдержал. Прикрыл лицо руками, зашелся криком и кинулся вперед, между конями. Когда поравнялся с высоким враном, тот с размаху всадил ему копье в живот. Колесник взвыл, упал, дважды поджал и распрямил ноги. И замер.

— Ну так что, Микула, или как тебя, — сказал белоглазый. — Ты остался один. И зачем тебе было нужно? Людей будоражить, за помощью куда-то посылать? Ты думал, мы не узнаем? Дурень. В деревнях есть и такие, которые доносят, лишь бы понравиться.

Кровля кузницы трещала, стреляла грязным желтым дымом, наконец вспыхнула, рыкнула пламенем, сыпанула искрами, пахнула мощным дыханием жара.

— Твоего лакея мы взяли, он тут же сказал, куда ты его посылал. Того, что должен вернуться из Майены, мы тоже ждем, — продолжал человек в клювастом шлеме. — Да, Мику-

ла. Ты сунул свой паршивый нос куда не следовало. За это у тебя сейчас будут небольшие неприятности. Я думаю, тебя стоило бы насадить на кол. Как считаешь, тут поблизости найдется подходящий колышек? Или нет, еще лучше — мы подвесим тебя за ноги на воротах хлева и сдерем шкуру, как с угря.

— Ладно, довольно болтать, — сказал высокий вран с солнцем на шлеме и бросил факел в раскрытые двери кузницы. — Сейчас сюда сбежится вся деревня. Кончай с ним по-быстрому, забираем лошадей из конюшни и уходим. И откуда только в вас, людях, такая страсть к истязаниям, мучительству? Вдобавок — ненужному? Давай кончай с ним.

Бледноглазый не взглянул на врана. Наклонился в седле, напер конем на кузнеца.

— Влезай. — В его бледных глазах теплилась радость убийцы. — Внутрь. Некогда мне очень-то чикаться с тобой. Так хоть поджарить могу.

Микула отступил на шаг. Чувствовал спиной жар пылающей кузницы, гул падающих потолочных балок. Еще один шаг. Он споткнулся о тело Чопа и о железный прут, который парень свалил, падая.

Прут!

Микула наклонился, мгновенно схватил тяжелую железяку и, не выпрямляясь, снизу, изо всей силы, которую высвободила в нем ненависть, двинул прут прямо в грудь бледноглазому. Расплющенное в виде долота острие пробило кольчугу.

Кузнец не стал ждать, пока человек свалится. Кинулся наискосок через двор. Позади — крик, топот. Он подбежал к дровяному сараю, вцепился пальцами в ручицу, прислоненную к стене, тут же, не глядя, с полуоборота ударил. Удар пришелся по морде сивой лошади в зеленой попоне. Животное поднялось на дыбы, скинуло в пыль врана с солнцем на шлеме. Микула уклонился, короткое копьё врезалось в стену сарая, закачалось. Второй вран, выхватывая меч, натянул поводья, чтобы избежать свистящего конца ручицы. Трое следующих наступали, вереща и размахивая оружием. Микула крикнул, закружил тяжелой ручицей мельницу. Опять угодил в коня. Конь заржал и заплясал на задних ногах. Вран не удержался в седле.

Через забор, со стороны леса, вытянувшись в прыжке, перелетел конь, столкнулся с сивым в зеленой попоне. Сивый шарахнулся в сторону, рванул узду, перевернул высокого вра-

на, пытавшегося вскочить на него. Микула, не веря собственным глазам, увидел, что новый ездок раздваивается — на уродца в капюшоне, склонившегося к конской шее, и на сидящего сзади светловолосого мужчину с мечом.

Длинный острый клинок описал два полукруга, две молнии. Двух вранов смело с седел, они рухнули на землю, подняв тучи пыли. Третий, которого загнали к самому сараю, повернулся к странной паре и получил тычок под челюсть, над стальным нагрудником. Острие меча блеснуло, на мгновение выглянув с тыльной стороны шеи. Светловолосый соскользнул с коня и пробежал двор, оттесняя высокого врана от его коня. Вран вытащил меч.

Пятый вран кружил посредине двора, пытаясь сдержать пляшущего коня, косящегося на пылающую кузницу. Подняв бердыш, всадник оглядывался, колебался, наконец рывкнул, ударил коня шпорами и кинулся на уродца, вцепившегося в конскую гриву. Микула увидел, как малыш откидывает капюшон, срывает со лба перевязку, и понял свою ошибку. Девушка тряхнула рыжей гривой и крикнула что-то непонятное, протянув руку в сторону нападающего врана. Из ее пальцев вырвалась тонкая, блестящая как ртуть струйка света. Вран вылетел из седла, перевернулся в воздухе и повалился на песок. Его одежда дымилась. Конь, колотя по земле всеми четырьмя копытами, ржал, тряс головой.

Высокий вран с солнцем на шлеме, сгорбившись, медленно пятился от светловолосого к горячей кузнице, протянув обе руки — в правой меч — вперед.

Светловолосый подскочил, они сошлись раз, другой. Меч врана полетел в сторону, а сам он головой вперед повис на пронзившем его клинке. Светловолосый отступил, дернул, вырвал меч. Вран упал на колени, наклонился, зарылся лицом в землю.

Наездник, выбитый из седла молнией рыжеволосой девушкой, поднялся на четвереньки, шаря вокруг в поисках оружия. Микула немного пришел в себя от изумления, сделал два шага, поднял ручищу и опустил ее на шею врага. Хрустнула кость.

— Напрасно, — услышал он рядом.

Девушка в мужской одежде была веснушчатая и зеленоглазая. На ее лбу блестело странное украшение.

— Напрасно, — повторила она.

— Госпожа, — заикаясь, выговорил кузнец, держа свою палицу, как гвардеец алебарду. — Кузница... Спалили. Парня убили, зарезали. И Радима. Зарезали, бандиты. Госпожа...

Светловолосый перевернул ногой тело высокого врана, взглянул на него, потом подошел к Микуле, убирая меч.

— Ну, Висенна, — сказал он. — Теперь-то уж я влип не на шутку. Одно только меня беспокоит, тех ли мы порубили, кого надо.

— Ты — кузнец Микула? — спросила Висенна, поднимая голову.

— Я. А вы — из друидского Круга, милостивые государи? Из Майены?

Висенна не ответила. Она глядела на опушку леса, на бегущих к ним людей.

— Это свои, — сказал кузнец. — Из Ключа.

5

— Я уложил троих, — гремел чернобородый командир группы из Порога, потрясая насаженной торчком косой. — Троих, Микула! За девками на поля приперлись, там мы их и... Один едва ушел, коня поймал, сукин сын!

Ополченцы, столпившиеся на поляне в кругу костров, кропящих чернь ночного неба точечками искр, шумели, гудели, размахивали оружием. Микула поднял руку, призывая к тишине, чтобы выслушать очередные сообщения.

— Вчерась к нам прискакали четверо, — сказал старый, худой как жердь солтыс Качана. — За мной. Ктой-то, видать, донес, что я с вами сговорился. Успел я забраться на чердак в овине, лестницу стащил, схватил вилы, идите, кричу, курвины дети, ну, кто первый, кричу. Принялись они овин палить, уж конец бы мне пришел, да людишки не сдержались, пошли на них купой. Те — на коней и в драку. Наших двое полегло, но одного ихнего я с седла смел.

— Он жив? — спросил Микула. — Я посылал к вам, чтобы кого-нибудь живьем взять.

— Э, — махнул рукой тощий. — Не успели. Бабы схватили кипятку, подлетели первыми...

— Я всегда говорил, что в Качане горячие бабы, — буркнул кузнец, скребя затылок. — А того, который доносил?

— Нашел, — кратко ответил тощий, не вдаваясь в подробности.

— Лады. А теперь слушайте, люди. Где они сидят, мы уже знаем. Под горой, в пещерах неподалеку от чабанных шалашей. Там разбойники засели, и там мы их достанем. Сена, хвороста возьмем на возы, выкурим их как барсуков. Дорогу стволами завалим, не уйдут. Так мы с тем воня рыцарем, коего Корином кличут, обмозговали. Да и мне, сами знаете, драться не впервой. С воеводой Грозимом на вранов хаживал в часе войны, прежде чем в Ключе осесть.

Из толпы снова донеслись воинственные выкрики, но быстро утихли, заглушенные словами, сначала произнесенными тихо, неуверенно. Потом все громче. Наконец опустилась тишина.

Из-за спины Микулы выдвинулась Висенна, встала рядом с кузнецом. Она не доставала ему даже до плеча. Толпа зашумела. Микула снова поднял руки.

— Такой час пришел, — воскликнул он, — незачем дальше в тайне держать, что послал я за подмогой к друидам из Круга, когда комес из Майены отказал нам в помощи. Не в новость мне, что многие из вас криво на это смотрят.

Толпа понемногу утихла, но все еще ворчала, волновалась.

— Это мазель Висенна, — медленно произнес Микула, — из майенского Круга. На помощь к нам поспешила по первому зову. Те, что из Ключа, ее уже знают, она там людей лечила, исцеляла силой своею. Да, парни, госпожа сама-то из себя маленькая, но сила у нее могучая. Не для нашего понятия сила эта, и страшная нам, но ведь на помощь нам послужит!

Висенна не произнесла ни слова, не сделала ни одного жеста в сторону собравшихся, но скрытая мощь этой маленькой веснушчатой чародейки была невероятна. Корин с изумлением почувствовал, что его переполняет удивительный энтузиазм, что страх перед тем неведомым, которое скрывается на перевале, опасение перед неизвестным исчезает, рассеивается, перестает существовать, становится несущественным, и так будет до тех пор, пока блесит светящийся камень на лбу у Висенны.

— Как видите, — продолжал Микула, — и против этого костеца найдется способ. Не одни пойдем, не безоружные. Но для начала нам тех разбойников надобно выбить!

— Микула прав! — крикнул бородач из Порога. — Что нам чары не чары! На перевал, парни! Прикончим костеца!

Толпа рывкнула в один голос, огни костров заиграли пламенем на остриях поднятых кос, пик, секир и вил.

Корин пробился сквозь толпу, отступил к опушке, отыскал котелок, подвешенный над костерком, миску и ложку. Выскреб со дна котелка остатки подгоревшей каши со шкварками. Сел, поставил миску на колени, ел медленно, выплевывая шкурки ячменя. Спустия немного почувствовал рядом чье-то присутствие.

— Садись, Висенна, — сказал он с набитым ртом.

Продолжая есть, глядел на ее профиль, наполовину прикрытый водопадом волос, красных как кровь при свете костра. Висенна молчала, глядя на пламя.

— Эй, Висенна, чего это мы сидим словно две совы? — Корин отставил миску. — Я так не могу, мне сразу становится мучительно и холодно. Куда они упрятали свой самогон? Только что тут стоял кувшин, черт его дери. Темно, как в...

Друидка повернулась к нему. Ее глаза светились странным зеленоватым огнем. Корин умолк.

— Да. Точно, — сказал он, немного помолчав, и откашлялся. — Я — бандит. Наемный убийца. Грабитель. Вмешался, потому что люблю драки, мне все едино, с кем драться. Я знаю цену яспису, жадеиту и другим камням, которые еще попадают в копиях Амелли. Хочу их получить. Мне все равно, сколько людей завтра погибнет. Что ты еще хочешь знать? Я сам скажу, незачем пользоваться своей безделушкой, спрячь ее под змеиную шкурку. Я не намерен ничего скрывать. Ты права, я не гожусь ни для тебя, ни для твоей благородной миссии. Это все. Спокойной ночи. Я пошел спать.

Наперекор словам он не встал. Только схватил палку и несколько раз ткнул ею в тлеющие головни.

— Корин, — тихо сказала Висенна.

— Ну?

— Не уходи.

Корин опустил голову. Из березового полена в костре вырвались голубоватые фонтанчики пламени. Он взглянул на нее, но не смог выдержать взгляда необыкновенных блестящих глаз. Снова отвернулся к огню.

— Не требуй от меня слишком многого, — сказала Висенна, закутываясь в плащ. — Так уж получается, что все неестественное пробуждает страх. И отвращение.

— Висенна...

— Не прерывай. Да, Корин, люди нуждаются в нашей помощи, благодарят за нее, иногда вполне искренне, но брезгуют нами, боятся нас, не смотрят нам в глаза, сплевывают через плечо. Более умные — как, например, ты — менее искренни. Ты не исключение, Корин. От многих я уже слышала, они, мол, недостаточно достойны того, чтобы сидеть со мной за одним костром. А случается, что именно нам нужна помощь этих... нормальных. Или их общество.

Корин молчал.

— Я знаю, — продолжала Висенна, — что тебе было бы легче, будь у меня седая борода и нос крючком. Тогда отвращение ко мне не вызывало бы такого кавардака в твоей голове. Да, Корин, отвращение. Безделушка, которую я ношу на лбу, — это халцедон, ему я в немалой степени обязана своими магическими способностями. Ты прав, при помощи халцедона мне удастся читать наиболее четкие мысли. Твои — даже чересчур четкие. Не требуй, чтобы мне было по этой причине приятно. Я чародейка, ведьма, но кроме того — женщина. Я пришла сюда потому... потому что хотела тебя.

— Висенна...

— Нет, теперь уже не хочу.

Они сидели молча. Пестрокрылая птица в глубине леса, в темноте, на ветке дерева чувствовала страх. В лесу были совы.

— Что касается отвращения, — наконец проговорил Корин, — тут ты малость перебрала. Однако признаю, ты вызываешь во мне что-то вроде... беспокойства. Нельзя было позволять мне видеть то... на развилке. Тот труп, понимаешь?

— Корин, — спокойно сказала чародейка. — Когда ты у кузни всадил врану меч в горло, меня чуть было не вырвало на гриву коня. Я с трудом удержалась в седле. Но оставим наши способности в покое. Кончим беседу. Она ведет в никуда.

— Кончим, Висенна.

Чародейка плотнее закуталась в плащ. Корин подбросил в костер несколько сучьев.

— Корин?

— Да?

— Хочу, чтобы тебе было безразлично, сколько людей погибнет завтра. Людей и... тех, других. Я рассчитываю на твою помощь.

— Я помогу.

— Это еще не все. Надó что-то делать с перевалом. Я должна открыть дорогу через Кламат.

Корин указал горящим концом прутика на другие костры и лежащих вокруг них людей, спящих либо тихо переговаривающихся.

— С нашей изумительной армией, — сказал он, — все должно пройти нормально.

— Наша изумительная армия разбежится по домам, как только я перестану отуманивать их чарами, — грустно улыбнулась Висенна. — А я не стану их отуманивать. Не хочу, чтобы кто-нибудь из них погиб в борьбе не за свое дело. А костец — не их дело. Это дело касается исключительно Круга. Я должна пойти на перевал одна.

— Нет. Одна ты не пойдешь, — сказал Корин. — Пойдем вместе. Я, Висенна, с малых лет знал, когда уже пора бежать, а когда еще рановато. Знание это я совершенствовал все годы на практике и поэтому теперь считаюсь бесстрашным. Я не собираюсь подвергать сомнению мнение о себе. Тебе не надо одурманивать меня чарами. Сначала посмотрим, как этот костец выглядит. Кстати, как думаешь, что оно такое, этот костец?

Висенна наклонила голову.

— Боюсь, это смерть.

6

Они не позволили застать себя врасплох в пещерах. Ждали в седлах, неподвижные, напряженные, уставившиеся на выходящих из леса вооруженных кметов. Ветер, развевающий плащи, делал их похожими на изголодавшихся хищных птиц с встопорщенными перьями, страшных, вызывающих одновременно и уважение и страх.

— Восемнадцать, — подсчитал Корин, поднявшись на стремянах. — Все на конях. Шесть лошадей запасных. Одна телега. Микула!

Кузнец быстро перестроил свой отряд. Пикинеры и копейщики опустились на колени на опушке, уперев основания древков в землю. Лучники выбрали позиции за деревьями. Остальные отступили в гущу леса.

Один из наездников направился к ним. Подъехал близко, остановил коня, поднял над головой руку, что-то крикнул.

— Подвох, — буркнул Микула, — знаю их, сукиных сынов.

— Посмотрим, — сказал Корин, спрыгивая с седла. — Пошли.

Они медленно подошли к коннику. Вдвоем. Спустя минуту Корин заметил, что Висенна идет следом.

Наездник был оборотцем.

— Буду краток, — крикнул он, не слезая с коня. Его маленькие блестящие глазки посверкивали, наполовину скрытые в шерсти, покрывающей лицо. — Я сейчас команду группой, которую вы там видите. Девять оборотцев, пятеро людей, три врана, один эльф. Остальные погибли. Между нами возникли трения. Наш бывший командир, помыслы которого привели нас сюда, лежит в пещере связанный. Делайте с ним что хотите. Мы уходим.

— И вправду речь была короткой, — фыркнул Микула. — Вы, значит, хотите уйти, а мы хотим выпустить вам кишки. Что скажете?

Оборотец сверкнул острыми зубками, выпрямился в седле на всю высоту своего небольшого тельца.

— Ты думаешь, я предлагаю разойтись мирным путем из-за того, что испугался вас, вашей банды засранцев в соломенных лаптях? Извольте, ежели есть охота, мы проедем по вашим животам. Это наше ремесло, парень. Я знаю, чем мы рискуем. Даже если часть из нас падет, остальные пройдут. Такова жизнь.

— Телега не пройдет, — процедил Корин. — Такова жизнь.

— Это уж ваша забота.

— Что на телеге?

Оборотец сплюнул через правое плечо.

— Двадцатая часть того, что осталось в пещере. И чтобы все было ясно — если прикажете оставить телегу, согласия не дадим. Уж коли выходить из этого цирка без профита, то по крайней мере не без борьбы. Ну как? Если биться, так предпочитаю сейчас, утром, пока солнышко не начнет припекать.

— Смелый ты парень, — сказал Микула.

— В моей родне все такие.

— Отпустим вас, если сложите оружие.

Оборотец снова сплюнул, для разнообразия — через левое плечо.

— Ничего не выйдет, — буркнул он.

— Вон где у тебя болит-то, — засмеялся Корин. — Без оружия вы — мусор

— А ты что такое без оружия? — спросил карлик спокойно. — Королевич? Я ж вижу, что ты за тип. Думаешь, я слепой?

— Собираетесь завтра вернуться с оружием? — медленно спросил Микула. — Хоть за частью того, что, как ты сказал, осталось в пещере. За еще большим профитом?

— Была такая мыслишка, — ощерился оборотец. — Но после нашей краткой беседы мы решили отказаться.

— И очень правильно сделали, — вдруг сказала Висенна, выходя из-за спины Корина и встав перед конным. — Очень правильно сделали, что отказались, Кехль.

Корину почудилось, что ветер неожиданно усилился, завыл меж камнями и травами, ударил холодом. Висенна продолжала каким-то чужим металлическим голосом:

— Тот из вас, кто захочет вернуться, умрет. Я это вижу и предрекаю. Уходите немедленно. Немедленно. Сейчас же. Тот, кто попробует вернуться, умрет.

Оборотец наклонился, взглянул на чародейку. Он был немолод — шерсть почти пепельная, испещренная седыми прядками.

— Ты? Так я и думал. Я рад, что... Впрочем, не все ли равно. Я сказал, что мы не намерены сюда возвращаться. Мы присоединились к Фрегеналю ради заработка... Это кончилось. Сейчас у нас на шее Круг и целые деревни, а Фрегеналь начал бредить о власти над миром. Хватит с нас и его, и страховидла с перевала.

Он натянул поводья, повернул коня.

— Зачем я это говорю? Мы уходим. Бывайте здоровы.

Никто ему не ответил. Оборотец задержался, глянул на опушку леса, потом посмотрел на неподвижную шеренгу своих конников. Снова наклонился в седле и, заглянув в глаза Висенне, сказал:

— Я был против покушения на тебя. Теперь вижу, что верно поступал. Если скажу, что костец — смерть, ты все равно пойдешь на перевал?

— Верно.

Кехль выпрямился, прикрикнул на коня, помчался к своим. Спустя минуту конники, выстроившись в колонну и окружив телегу, двинулись к дороге. Микула уже был рядом со своими. Что-то говорил, успокаивал бородача из Порога и

других жаждущих крови и мести. Корин и Висенна молча наблюдали за проходящим мимо них отрядом. Конники ехали медленно, глядя прямо перед собой, демонстрируя спокойствие и холодное презрение. Лишь Кехль, проезжая, слегка приподнял руку в прощальном жесте, со странной гримасой посмотрев на Висенну. Потом резко пришпорил коня, помчался в голову колонны и скрылся меж деревьев.

7

Первый труп лежал у самого входа в пещеры. Задавленный, втиснутый между мешками с овсом и кучей хвороста. Коридор разветвлялся, сразу за разветвлением лежали еще двое — у одного голова была разможена ударом палицы либо обуха, второй был покрыт коркой застывшей крови из многочисленных ран. Все трое — люди.

Висенна сняла перевязку со лба. Диадема горела ярче факела, освещая мрачное чрево пещеры. Коридор вел в большую по размерам пещеру. Корин тихонько свистнул сквозь зубы.

У стен стояли сундуки, мешки и бочки, вздымались груды конской упряжи, тюки шерсти, оружие, инструменты. Несколько сундуков были разбиты и пусты. Другие — полны. Проходя, Корин видел матово-зеленые кучки яшмы, темные обломки жадеита, агата. Опапы, хризопразы и другие камни, которых не знал. На каменной почве, кое-где поблескивающей разбросанными точечками золотых, серебряных монет, лежали неряшливо брошенные связки мехов — бобровых, рысьих, лисьих, росомашьих.

Висенна, не задерживаясь ни на минуту, направилась в расположенную дальше пещеру, гораздо меньшую, мрачную. Корин последовал за ней, тоскливо оглядываясь на сундуки.

— Я здесь, — проговорила темная, неясная фигура, лежащая на куче тряпья и шкур, покрывающих землю.

Подошли. Связанный человек был невысок, лыс и толст. Огромный синяк покрывал половину лица.

Висенна тронула диадему, халцедон на мгновение разгорелся ярким светом.

— Это ни к чему, — сказал связанный. — Я тебя знаю. Только имя забыл. Знаю, что у тебя на лбу. Это ни к чему,

говору. Они напали на меня во сне, забрали перстень, уничтожили жезл. Я бессилен.

— А ты изменился, Фрегеналь, — сказала Висенна.

— Вспомнил: Висенна, — буркнул толстяк. — Ну конечно, Висенна. Не ожидал, что они пришлют тебя. Думал, будет мужчина, поэтому послал Маниссу. С мужчиной моя Манисса управилась бы запросто.

— Ан не управилась, — похвалился Корин, оглядываясь. — Хотя надо признать, покойница старалась как могла.

— Жаль.

Висенна осмотрела пещеру, уверенно направилась в угол, носком сапога перевернула камень, из ямки под ним извлекла глиняный горшочек, завязанный промасленной кожей. Разрезала ремешок своим золотым серпиком, вынула сверток пергамента. Фрегеналь злобно глядел на нее.

— Надо же, — сказал он дрожащим от ярости голосом. — Какой талант, поздравляю. Умеем отыскивать спрятанные вещи. Что еще умеем? Ворожить по бараньим кишкам? Лечить вздутие живота у телок?

Висенна просматривала лист за листом, не обращая на него внимания.

— Интересно, — проговорила она немного погодя. — Одинадцать лет назад, когда тебя изгнали из Круга, пропали страницы из Запретных Книг. Хорошо, что нашлись, к тому же обогащенные комментариями. Ишь ты, решился использовать Двойной Крест Альзура, ну-ну. Не думаю, чтобы ты забыл, как кончил Альзур. Несколько созданных им творений еще вроде бы болтаются по свету, в том числе и последнее, вий, который изуродовал его и разрушил половину Марибора, прежде чем сбежать в зареченский лес.

Она сложила несколько листов вчетверо, спрятала в карман буфастого рукава кафтана и развернула следующие.

— Ага, — наморщила она лоб. — Формула Древокорня, немного измененная. А это Треугольник в Треугольнике, способ вызвать серию мутаций и колоссальный прирост массы тела. А что же послужило исходным существом, Фрегеналь? Что это? Похоже на обычного паурака? Чего-то тут недостает, а, Фрегеналь? Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Рад, что ты заметила, — поморщился волшебник. — Обычный паурак, говоришь? Когда этот обычный паурак сой-

дет с перевала, мир онемевает от ужаса. На мгновение. А потом захлебнется криком.

— Ладно, ладно. Где недостающие заклинания?

— Нигде. Я не хотел, чтобы они попали не в те руки. Тем более в ваши. Мне известно, что Круг мечтает о власти, которую можно заполучить, зная эти заклинания. Но ничего не выйдет. Вам никогда не удастся создать что-нибудь, хотя бы наполовину столь же ужасное, как мой костец.

— Похоже, тебя били по темечку, Фрегеналь, — сказала Висенна спокойно. — И, видно, поэтому ты все еще не можешь размышлять, как положено. Кто тут говорит о создании? Твое чудовище надо уничтожить. Самым простым способом, перевернув созидальное заклинание, то есть с помощью Эффекта Зеркала. Конечно, созидальное заклинание было настроено на твой жезл, значит, надо будет перенастроить его на мой халцедон.

— Больно уж много всяких «надо будет», — буркнул толстяк. — Придется тебе здесь сидеть до Судного дня, заумная девчонка. Почему ты вдруг решила, что я выдам тебе созидальное заклинание? Смешно! Ты не вытянешь из меня ничего, ни из живого, ни из мертвого. У меня блокада. Не пялся так. Не то твой камушек лоб тебе прожжет. А ну, давай развяжи меня, занемел я весь.

— Хочешь, дам тебе пару пинков? — усмехнулся Корин. — Ускоряет кровообращение. Похоже, ты не понимаешь своего положения, дуб лысый. Сейчас сюда явятся кметы, которым здорово докучала твоя банда. Я слышал, они намерены разорвать тебя на куски четверкой лошадей. Ты когда-нибудь видел, как это делается? Сначала отрываются руки...

Фрегеналь напружинился, вытаращил глаза и попробовал плюнуть Корину на сапог, но из положения, в котором он лежал, сделать это было трудно — он лишь облизывал себе бороду.

— Вот, — фыркнул он, — вот как я испугался ваших угроз! Ничего вы мне не сделаете! Что ты себе вообразил, бродяга? Влез в самую гущу дел, которые тебе не под силу! Спроси ее, зачем она сюда явилась? Висенна, объясни ему. Похоже, он принимает тебя за благородную спасительницу угнетенных, борца за благополучие бедняков! А тут все дело в деньгах, кретин! В бо-о-ольших деньгах!

Висенна молчала. Фрегеналь напрягся, скрипнул путами и с трудом повернулся на бок, согнув ноги в коленях.

— Скажешь, не правда, — воскликнул он, — что Круг прислал тебя, чтобы ты прочистила золотую трубу, из которой перестало течь? Ведь Круг черпает доходы с добычи яшмы и жадеита и собирает дань с купцов и караванов взамен охранных амулетов, которые, как оказалось, не действуют на моего костеца!

Висенна молчала. Она не глядела на связанного. Глядела только на Корина.

— Так! — воскликнул чародей. — Ты даже не отрицаешь! Значит, об этом уже известно всем. Раньше знали только старшины, а таких соплячек, как ты, уверяли, будто Круг создан исключительно ради борьбы со Злом. Меня это не удивляет. Мир меняется, люди понемногу начинают понимать, что без волшебства и волшебников обойтись можно. Не успеете оглянуться, как станете безработными, вынужденными жить тем, что наворовали до сих пор. Ничто вас не интересует, только выгода. Потому-то вы немедленно развяжете меня. И не убеете и не осудите на смерть, ибо это потребовало бы от Круга новых расходов. А этого Круг вам не простит, дело ясное.

— Вовсе не ясное, — холодно сказала Висенна, скрестив руки на груди. — Видишь ли, Фрегеналь, такие соплячки, как я, не обращают особого внимания на преходящие блага. Какое мне дело, потеряет Круг или найдет, а то и вовсе перестанет существовать. Я всегда могу выжить хотя бы лечением вздутий у телят либо импотенции у таких грибов, как ты. Но не это важно. Важно то, что жить хочешь ты, Фрегеналь, и именно поэтому мелешь вздор. Жить хочет каждый. Поэтому сейчас, на этом вот месте, ты выдашь мне созидающее заклинание. Потом поможешь найти своего паурачьего костеца и уничтожить его. А если нет... Ну что ж, пойду в лес, подышу свежим воздухом. Потом смогу сказать в Кругу, что не уберегла тебя от разъяренных кметов.

— Ты всегда была циником. — Чародей скрежетнул зубами. — Даже тогда, в Майене. Особенно при контактах с мужчинами. Было тебе четырнадцать лет, а уже кругом говорили о твоих...

— Прекрати, Фрегеналь, — прервала друидка. — Твои речи не производят на меня никакого впечатления. На него тоже.

Он мне не любовник. Скажи, что ты согласен. И кончим игру. Ведь ты же отвернулся.

— Конечно, — прошипел он. — Идиотом меня считаешь? Жить хочет каждый.

8

Фрегеналь остановился, тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб.

— Вон за той скалой начинается ущелье. На старых картах его называли Дур-тан-Орит, Мышиный Яр. Это ворота Кламата. Здесь придется оставить лошадей. Верхов к нему незаметно не подойдешь.

— Микула, — сказала Висенна, слезая. — Подождите здесь до вечера, не больше. Если не вернусь, на перевал не ходите ни в коем случае. Возвращайтесь домой. Ты понял, Микула?

Кузнец кивнул. С ним было только четверо деревенских. Самых смелых. Остальная часть группы растаяла по дороге словно майский снег.

— Я понял, милсдарыня, — буркнул кузнец, таращась на Фрегеналь. — И все ж дивно мне, что этому окаянцу вы верите. Мне думается, кметы были правы. Башку ему свернуть надо было. Гляньте только, госпожа, на евонные свинячьи зенки, на евонную предательскую морду.

Висенна не ответила. Прикрыла глаза рукой, глядела на горы, на устье ущелья.

— Веди, Фрегеналь, — скомандовал Корин, затягивая ремень.

Гронулись.

Через полчаса увидели первую телегу. Перевернутую, разбитую. За ней вторую, со сломанным колесом. Конские скелеты. Скелет человека. Второй. Третий. Четвертый. Куча поломанных, раздробленных костей.

— Сукин ты сын, — тихо сказал Корин, глядя на череп, сквозь глазницы которого уже пробилась крапива. — Купцы, говоришь? Не знаю, что меня удерживает...

— Мы договорились... — быстро прервал Фрегеналь. — Договорились. Я сказал все, Висенна. Я вам помогаю. Веду. Мы договорились!

Корин сплюнул. Висенна взглянула на него, бледная, потом повернулась к чародею.

— Договорились. Ты поможешь нам его отыскать и уничтожить, потом иди куда хочешь. Твоя смерть не вернет к жизни тех, что тут лежат.

— Уничтожить... уничтожить... Висенна, я предупреждал тебя и повторяю еще раз: погрузи его в летаргию, парализуй, ты знаешь заклинания. Но не уничтожай. Ему цены нет. Ты всегда сможешь...

— Перестань, Фрегеналь. Об этом мы уже говорили. Веди. Пошли дальше, осторожно обходя скелеты.

— Висенна, — немного погодя шепнул Фрегеналь. — Ты понимаешь, что делаешь? Это не шутки. Сама знаешь, с Эффектом Зеркала всякое бывает. Если инверсия не сработает — вам конец. Я видел, на что он способен.

Висенна остановилась.

— Не крути. За кого ты меня принимаешь? Инверсия сработает, если...

— Если ты нас не обманул, — вставил Корин глухим от ярости голосом. — А если обманул... так, говоришь, видел, на что способен твой ублюдок? А знаешь, на что способен я? Я знаю такой удар, после которого остается одно ухо, одна щека и половина челюсти. Пережить это можно, но нельзя потом, например, играть на флейте.

— Висенна, утихомирь своего убийцу, — побледнев, с трудом проговорил Фрегеналь. — Объясни ты ему, что я просто не мог тебя обмануть, ты почувствовала бы...

— Не болтай лишнего, Фрегеналь. Веди.

Дальше снова валялись телеги. И опять скелеты: перемешанные, переплетенные, белеющие в траве ребра, торчащие меж камней берцовые кости, кошмарно ухмыляющиеся черепа. Корин молчал, стискивая рукоять меча вспотевшей рукой.

— Осторожно, — шепнул Фрегеналь. — Мы уже близко. Идите тихо.

— На каком расстоянии он реагирует? Фрегеналь, я тебя спрашиваю.

— Я дам знак.

Они пошли дальше, поглядывая на крутые склоны ущелья, покрытые уродливыми обрубками кустов, изборозжденные полосами трещин и осыпей.

— Висенна, ты его уже чувствуешь?

— Я дам знак. Жаль, не могу тебе помочь. Без жезла и перстня я ничего не могу сделать. Я бессилен. Разве что...

— Разве что...

— Вот что!!!

С приткостью, которой трудно было от него ожидать, толстяк схватил острый обломок, ударил Висенну в затылок. Друидка упала, не издав ни звука, лицом вниз. Корин замахнулся мгновенно выхваченным мечом, но чародей был невероятно ловок. Упал на четвереньки, подкатился Корину под ноги и тем же обломком саданул его по колену. Корин взвыл, упал, боль на мгновение лишила его дыхания, а потом волна тошноты хлынула из внутренностей к горлу. Фрегеналь вскочил, словно кошка, намереваясь ударить снова.

Пестрокрылая птица камнем упала сверху, чиркнув по лицу волшебника. Фрегеналь отскочил, взмахнул руками, упустил свое оружие. Корин, опершись на локоть, махнул мечом, но меч прошел мимо голени толстяка, а тот развернулся и помчался обратно, в сторону Мышьего Яра, вопя и хохоча. Корин пытался встать и догнать его, но боль затянула ему глаза туманом. Он упал, осыпая волшебника градом отвратительных ругательств.

Фрегеналь с безопасного расстояния обернулся и остановился.

— Ты, недоделанная ведьма! — зарычал он. — Ты, рыжая паскуда! Фрегеналья вздумала перехитрить? Милостиво даровать мне жизнь? Думала, я буду спокойно наблюдать, как ты его убиваешь?

Корин, не переставая ругаться, массировал колено, успокаивая пульсирующую боль. Висенна лежала неподвижно.

— Идет! — рявкнул Фрегеналь. — Смотрите! Любуйтесь, потому что уже через минуту мой костец выдавит вам глаза из черепов! Он уже идет!

Корин оглянулась. Из-за каменного навала, в каких-нибудь ста шагах от них, выглянули узловатые суставы согнутых паучьих ног. Спустя секунду через кучу камней с грохотом перевалилась по меньшей мере четырехсаженная туша, плоская, как тарелка, землисто-ржавая, шершавая, покрытая игольчатыми выступами. Какая-то смесь паука и рака. Четыре пары ног размеренно переступали, волоча тарелкообразный корпус через щебенку. Пятая, головная пара конечностей, непропорци-

онально длинных, была вооружена мощными рачьими клешнями, покрытыми рядами острых игл и роговых выступов.

«Сон, — пронеслось в голове Корина. — Кошмар! Проснуться! Проснуться! Крикнуть и проснуться. Крикнуть! Крикнуть!»

Забыв о боли в колене, он подскочил к Висенне, дернул. Волосы друидки были залиты кровью, стекающей по шее.

— Висенна... — выдавил он парализованным от страха горлом. — Висенна...

Фрегеналь разразился сумасшедшим хохотом, отразившимся эхом от стен ущелья. Смех заглушил шаги подбежавшего с топором в руке Микулы. Фрегеналь увидел кузнеца, когда было уже слишком поздно. Топор угодил ему в крестец, немного повыше бедер, и вошел по самый обух. Чародей с воплем боли рухнул на землю, пытаясь выбить оружие из рук кузнеца. Голова Фрегеняля покатилась по склону и замерла, уткнувшись лбом в один из черепов, лежавших под колесами разбитой телеги.

Корин хромал, спотыкался о камни, волоча Висенну, обесиленную и обмякшую. Микула подскочил к ним, схватил девушку, легко перекинул через плечо и побежал. Корин, хоть и освободился от груза, не поспевал за кузнецом. Глянул назад, костец двигался за ними, скрипя суставами, вытянутые клещи прочесывали редкую траву, стучали по камням.

— Микула! — отчаянно крикнул Корин.

Кузнец оглянулся, опустил Висенну на землю, подбежал к Корину, поддержал его. Они побежали рядом. Костец ускорил движение, поднимая усыпанные иглами лапы.

— Ничего не выйдет, — сопел Микула, оглядываясь. — Нам не уйти...

Подбежали к Висенне.

— Истечет кровью, — охнул Микула.

И тут Корин вспомнил. Сорвал с пояса Висенны ее кошель, вытряхнул содержимое, не обращая внимания на другие предметы, схватил ржавый, покрытый руническими знаками минерал, развел рыжие, слипшиеся от крови волосы, прижал гематит к ране. Кровь мгновенно остановилась.

— Корин!! — крикнул Микула.

Костец был близко. Расставил лапы, зубастые клещи раскрылись. Микула видел вращающиеся на столбиках глаза чудовища и скрежещущие под ними полусерповидные челюсти. Двигаясь, костец ритмично шинел: тсс, тсс, тсс...

— Корин!

Корин не ответил, что-то шептал, не отрывая гематита от раны. Микула подскочил, схватил его за плечо, оттащил от Висенны, подхватил друидку на руки. Они побежали. Костец, не переставая шипеть, поднял лапы, заскреб по камням хитиновым брюхом и резво пополз за ними следом. Микула понял, что шансов у них нет.

Со стороны Мышьего Яра галопом мчался наездник в кожаной куртке, в шлеме с бармицей из железных колец и поднятым над головой широким мечом. На косматой морде горели маленькие глазки, блестели острые зубы.

С боевым кличем Кехль ринулся на костца. Однако не успел он напасть на чудовище, как жуткие клешни защелкнулись, схватили коня игольчатыми клещами. Оборотец вылетел из седла, покатился по земле.

Костец без видимого усилия поднял коня клещами и насадил на острый шип, торчащий в передней части туловища. Серповидные челюсти сомкнулись, кровь животного хлынула на камни, из разорванного брюха вывалились на землю исходящие паром внутренности.

Микула подбежал, поднял с земли оборотца, но тот отпихнул его, схватил меч, завопил так, что заглушил предсмертный визг коня, и прыгнул на костца. С обезьяньей ловкостью проскользнул под костлявым локтем чудовища и рубанул изо всей силы, прямо по сидящему на столбике глазу. Костец зашипел, отпустил коня, раскинул лапы на стороны, захватил Кехля острыми шипами, поднял с земли, откинул в сторону, на щебень. Кехль упал на камни, выпустив меч. Костец проделал полуоборот, протянул клешни и ухватил его. Маленькое тельце повисло в воздухе.

Микула яростно рывкнул, двумя прыжками подлетел к чудовищу, размахнулся и рубанул топором по хитиновому панцирю. Корин, бросив Висенну, не раздумывая, подскочил с другой стороны, меч, который он держал обеими руками, с размаху вонзился в щель между панцирем и лапой. Нажимая грудью на рукоять, Корин воткнул острие по самую корду. Микула ахнул и ударил еще раз, панцирь треснул, вырвалась зеленая вонючая жидкость. Костец зашипел, отпустил оборотца, поднял клещи. Корин уперся ногами в землю, ухватился за рукоять меча. Попытался вытянуть. Не получилось.

— Микула! — крикнул он. — Назад!

Оба кинулись бежать, по-умному, в разные стороны. Костец растерялся, скребанул животом по камню и двинулся прямо на Висенну, которая, свесив голову меж рук, пыталась подняться на четвереньки. Над ней, быстро-быстро работая крылышками, повисла в воздухе пестрокрылая птица и кричала, кричала, кричала...

Костец был близко.

Микула и Корин прыгнули одновременно, преграждая дорогу чудовищу.

— Висенна!

— Госпожа!

Костец, не останавливаясь, растопырил лапищи.

— В сторону! — крикнула Висенна, встав на колени и поднимая руки. — Корин! В сторону!

Оба отскочили, прижались к стене ущелья.

— Nenena firefdth kerelanth! — страшно крикнула чародейка, выбрасывая руки в сторону костца. Микула увидел, как что-то неуловимое движется от нее к чудовищу. Трава стлалась по земле, а мелкие камни раскатывались по сторонам, словно разбрасываемые тяжестью огромного шара, набиравшего скорость. Из руки Висенны вырвалась ослепительно яркая зигзагообразная струя света, ударила в костца, рассыпалась по панцирю сеткой огненных язычков. Воздух разорвал оглушительный гул. Костец лопнул, извергая фонтан зеленой крови, обломков хитина, ног, внутренностей, все это взлетело на воздух, градом сыпнуло вокруг, задуднило о скалы, шелестом прошло по зарослям. Микула присел, обеими руками заслонив голову.

Было тихо. На том месте, где только что стояло чудовище, чернела и дымила круглая воронка, забрызганная зеленой жидкостью, устланная отвратительными, трудноузнаваемыми мелкими осколками.

Корин, отирая с лица зеленые пятна, помог Висенне подняться с земли. Висенна дрожала.

Микула наклонился над Кехлем. Глаза у оборотца были раскрыты. Толстая куртка из конской кожи превратилась в лохмотья, под которыми проглядывало то, что осталось от руки и плеча. Кузнец хотел что-то сказать, но не смог. Поддерживая Висенну, подошел Корин. Оборотец повернул к ним голову. Корин взглянул на его плечо и с трудом сглотнул слюну.

— Это ты, королевич? — тихо, но спокойно и отчетливо сказал Кехль. — Ты был прав... Без оружия я — мусор. А без руки? Наверно — дерьмо, а?

Спокойствие оборотца поразило Корина больше, чем вид переломанных костей, выпирающих из кошмарных ран. То, что карлик все еще был жив, казалось невероятным.

— Висенна, — шепнул Корин, умоляюще глядя на чародейку.

— Я не смогу, Корин, — ломким голосом сказала Висенна. — Этот организм, это тело... Все законы, которые им управляют, совершенно отличны от человеческих... Микула... Не прикасайся к нему...

— Ты вернулся, — шепнул Микула. — Почему?

— Потому что законы, которые нами управляют, совершенно отличны от человеческих, — сказал Кехль с гордостью в голосе, хоть уже и с явным трудом. Струйка крови вытекла у него изо рта, пачкая пепельный мех. Он отвернулся, взглянул в глаза Висенне. — Ну, рыжая ведьма! Исполняется твое пророчество... Помоги мне!

— Нет! — крикнула Висенна.

— Да, — сказал Кехль. — Так надо. Пора.

— Висенна, — изумленно выдохнул Корин. — Надеюсь, ты не собираешься...

— Отойдите! — крикнула друидка, сдерживая рыдания. — Отойдите оба!

Микула, глядя в сторону, потянул Корина за руку. Корин не сопротивлялся. Он еще увидел, как Висенна опускается перед оборотцем на колени, нежно гладит его по мохнатому лбу, касается висков. По телу Кехля прошла волна судороги, он дернулся и замер.

Висенна плакала.

9

Пестрокрылая птица, сидевшая на плече у Висенны, наклонила плоскую головку, уставилась на чародейку круглым неподвижным глазом. Конь шлепал по выбоистому тракту, небо было кобальтово-синим и чистым.

— Тюююик тююит, — проговорила пестрокрылая птица.

— Возможно, — согласилась Висенна. — Но не в этом дело. Ты меня не поняла. Впрочем, я не в претензии. Обидно, что обо всем я узнала сначала от Фрегеналя, а не от тебя, это верно. Но я ведь знаю тебя не первый день, знаю, что ты не болтлива. Думаю, если б я спросила напрямик, ты бы ответила.

— Трк, тьюик?

— Конечно. Уже давно. Но сама знаешь, как у нас: сплошные тайны, все тайное, секретное. Впрочем, дело лишь в раз-
мере. Я тоже не отказываюсь принять плату за лечение, если кто-то мне ее сует, а я знаю, что дать он может. Знаю, что за определенные услуги Крут требует высокой платы. И правильно делает. Все дорожает, а жить надо. Не в этом дело.

— Тьюииит... — Птица переступила с лапки на лапку. — Корриин.

— А ты догадлива, — горько усмехнулась Висенна, наклонив голову к птице и позволив ей легко коснуться клювом своей щеки. — Именно это меня и огорчает. Я видела, как он поглядывал на меня. Мало того, что она ведьма, вероятно, думал он, так еще и лицемерная комбинаторша, алчная и расчетливая.

— Тьюииит трк трк трк тьюииит?

Висенна повернула голову.

— Ну, не так-то уж и плохо, — буркнула она, прищуриваясь. — Ты ж понимаешь, я не девочка, мне не так просто вскрыжить голову. Хотя, честно говоря... Долговато я мотаюсь в одиночку по... Но это уже не твоя забота. Береги свой клюв.

Птица молчала, топорща перышки. Лес был все ближе, виднелась дорога, уходящая в гущу. Под покров крон.

— Слушай, — спустя минуту проговорила Висенна. — Как, по-твоему, все может выглядеть в будущем? Действительно ли возможно, что люди перестанут в нас нуждаться? Ну хотя бы в самом простом, в исцелении. Некоторый прогресс намечается. Возьмем, к примеру, траволечение, но разве можно себе представить, что кто-то справится с крупозным воспалением легких? С послеродовой лихорадкой? Со столбняком?

— Твиик твиийт.

— Также мне ответ. Теоретически возможно и то, что наш конь через минуту включится в разговор. И скажет что-нибудь умное. А что скажешь о раке? Думаешь, они оправятся и победят рак без магии?

— Тррк!

— Я тоже так думаю.

Они въехали в лес, пахнувший прохладой и влагой. Пересекли неглубокий ручей. Висенна поднялась на холм, потом спустилась вниз в вереск, доходящий до стремян, тут снова отыскала дорогу, песчанистую, заросшую. Она знала ее, ехала по ней всего три дня назад. Только в противоположную сторону.

— Что-то мне кажется, — заговорила она снова, — следовало бы все же кое-что у нас изменить. Костенеем мы, слишком крепко и некритично уцепились за традиции. Как только вернусь...

— Твиит, — прервала пестрокрылая птица.

— Что?

— Твиит.

— Что ты хочешь этим сказать? Почему нет?

— Тррррк.

— Какая надпись? На каком еще столбе?

Птица, взмахнув крылышками, сорвалась с ее плеча, отлетела, скрылась в листе.

На развилке дорог, опершись спиной о столб, сидел Корин и с наглой улыбочкой смотрел на нее. Висенна соскочила с коня, подошла ближе. Она чувствовала, что тоже улыбается, против воли, больше того, она подозревала, что улыбка эта выглядит не очень-то умно.

— Висенна! — воскликнул Корин. — Ну, признайся, ты, случаем, не одурманиваешь меня своими чарами? Понимаешь, я страшно рад нашей встрече, прямо-таки противоестественно рад! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Не иначе как чары.

— Ты меня ждал.

— Ты чертовски проницательна. Видишь ли, я проснулся ранехонько, гляжу, ты уехала. Как мило с ее стороны, подумал я, что она не стала меня будить ради такой ерунды, как краткое прощание, без которого, естественно, можно запросто обойтись. В конце концов, кто в теперешние времена прощается либо здороваются? Все это не более чем предрассудки и чудачества. Верно ведь? Ну, повернулся я на другой бок и снова уснул. Только после завтрака вспомнил, что мне ведь надо было сказать тебе кое-что важное. Поэтому сел я на отвоеванного коня и поехал напрямую.

— И что же ты намерен был мне сказать? Важное? — спросила Висенна, подходя ближе и задирая голову, чтобы глянуть в голубые глаза, которые прошлой ночью видела во сне.

Корин широко улыбнулся, показав ровные белые зубы.

— Дело деликатного свойства, — сказал он. — Так, в двух словах не изложишь. Потребуется детальные пояснения. Не знаю, успею ли до вечера.

— Ну, хотя бы начни.

— Это-то, собственно, самое сложное. Не знаю как.

— У господина Корина не хватает слов, — все еще улыбаясь, покрутила головой Висенна. — Неслыханное дело! Ну, тогда давай сначала.

— Недурная мысль. — Корин сделал вид, что решил быть серьезным. — Видишь ли, Висенна, прошло уже довольно много времени с тех пор, как я мотаюсь в одиночестве...

— По лесам и дорогам, — dokonчила чародейка, закидывая ему руки на шею.

Пестрокрылая птица, сидевшая высоко на ветке дерева, раскрыла крылышки, взмахнула ими, подняла головку и сказала:

— Трррк твиит твиит.

Висенна оторвала губы от губ Корина, взглянула на птицу, подмигнула:

— Ты была права. Это действительно дорога, с которой нет возврата. Лети, скажи им...

Она замолчала, потом махнула рукой:

— Впрочем, нет, ничего им не говори...

ЧТО-ТО КОНЧАЕТСЯ, ЧТО-ТО НАЧИНАЕТСЯ*

Всем молодоженам, но особенно двум из них.

Эта легенда, автором которой является Андреа Равикс, пылится где-то на полках в библиотеке Нимуэ...

I

Солнце протиснуло свои огненные щупальца сквозь щели в ставнях, пронизало комнату косыми, клубящимися от кружащейся пыли лучами, разлило яркие пятна по полу и покрывающим его медвежьим шкурам, слепящими разблесками заиграло на застёжках пояса Йеннифэр. Пояс Йеннифэр лежал на высоком башмаке со шнуровкой. Высокий башмак со шнуровкой покоился на белой кофточке с кружевами, а белая кофточка с кружевами лежала на черной юбке. Один черный чулок свисал с поручня кресла, вырезанного в виде головы химеры. Второго чулка и второго башмака — со шнуровкой — нигде не было видно. Геральт вздохнул. Йеннифэр обожала

* Coś Się Kończy, Coś Się Zaczyna. Перевод с польского Е.П. Вайсброта.

раздеваться быстро и размашисто. Приходила пора привыкать к этому. Другого выхода не было.

Он встал, отворил ставни, выглянул в окно. Гладкую, как зеркальное стекло, поверхность озера затягивал туман, листва прибрежных берез и ольх искрилась росой, далекие луга покрывала низкая, плотная мгла, висящая словно вуаль над самыми верхушками трав.

Йеннифэр пошевелилась под периной, что-то пробормотала. Геральт вздохнул.

— Роскошный день, Йен.

— Э-э-э? Что?

— Роскошный день. Невероятно роскошный день.

Он был удивлен: вместо того чтобы ругнуться и накрыть голову подушкой, чародейка уселась, свесив ноги, прошлась по волосам пятерней и принялась искать на постели ночнушку. Геральт знал, что ночнушка находится за спинкой кровати, там, куда Йеннифэр закинула ее вчера ночью. Но не проронил ни слова. Йеннифэр не терпела подобных замечаний.

Чародейка негромко выругалась, отбросила ногой перину, подняла руку и щелкнула пальцами. Ночнушка выпорхнула из-за спинки, размахивая оборками словно кающийся дух, всплыла прямо в ожидающую ее руку.

Геральт вздохнул.

Йеннифэр встала, подошла к нему, обняла и куснула в плечо.

Геральт вздохнул.

Перечень того, к чему приходилось привыкать, был, казалось, неисчерпаем.

— Ты хотел что-то сказать? — прищурилась чародейка.

— Нет.

— Ну и славно. Знаешь что? День действительно роскошный. Прекрасная работа.

— Работа? То есть?

Прежде чем Йеннифэр успела ответить, они услышали внизу высокий протяжный крик и свист. По берегу озера, расплескивая воду, галопом мчалась Цири на вороной кобыле. Кобыла была чистых кровей и невероятно роскошна. Геральт знал, что когда-то она принадлежала некоему полуэльфу, который составил себе представление о беловолосой ведьмочке исключительно на основании ее внешности и здорово ошибся. Цири назвала отвоеванную кобылу Кэльпи. Так островитя-

не со Скеллиге именовали грозного и зловредного морского духа, порой принимавшего облик лошади. Имя идеально подходило для кобылы. Не так давно некий хоббит, задумавший было Кэльпи скрасть, убедился в этом весьма болезненно. Хоббита звали Сэнди Фрогмортон, но после того случая к нему прилипла кличка «Кочан цветной капусты», или — короче — просто «Кочерыжка».

— Когда-нибудь она свернет себе шею, — проворчала Йеннифэр, глядя на наклонившуюся и поднявшуюся в стремених Цири, которая во весь опор мчалась в ореоле водяных брызг. — Когда-нибудь эта помешанная, твоя дочурочка, сломает себе шею.

Геральт обернулся и, не говоря ни слова, заглянул прямо в фиолетовые глаза чародейки.

— Ну, хорошо, хорошо, — улыбнулась Йеннифэр, не опуская глаза. — Прости. *Наша* помешанная дочурочка.

Она снова обняла его, крепко прижалась, снова поцеловала и снова куснула. Геральт коснулся губами ее волос и осторожно спустил ночнушку с плеч чародейки.

А потом они снова оказались в кровати, на раскиданной постели, еще теплой и пахнущей сном. И принялись взаимно искать друг друга и искали долго и очень терпеливо, а уверенность в том, что они, конечно же, найдут наверняка, наполняла их радостью и счастьем, и радость и счастье были во всем, что они делали. И хотя они так сильно отличались, они, как всегда, понимали, что эти отличия связывают намертво так же, как сработанная топором врубка связывает стропила с коньком, затес, который позволяет построить дом. И все было так же, как в первый раз, когда Геральта восхитили ее ошеломляющая нагота и бурное желание, а ее восхитили его деликатность и нежность. И так же, как в первый раз, она хотела ему об этом сказать, но он прервал ее поцелуем и ласками и отнял у нее слов всякий смысл. А позже, когда об этом хотел сказать ей он, у него перехватило дыхание, а потом счастье и блаженство обрушились на них с силой свалившегося с неба камня, и вместо ненужных слов был беззвучный крик, и мир перестал для них существовать, ибо что-то кончилось, и что-то началось, и что-то продолжалось, и была тишина, тишина и покой.

И восторг. Восхищение.

Мир понемногу приходил в себя, и снова была постель, пахнущая сном, и залитая солнцем комната, и день. День...

— Йен?

— М-м-м?

— Когда ты сказала, что день роскошный, то добавила: «Прекрасная работа». Это должно было, что ли, означать...

— Должно было, — подтвердила она, потянулась и ухватилась вытянутыми руками за углы подушки, а ее грудь при этом напряглась так, что это отозвалось в ведьмаке дрожью в нижней части спины. — Видишь ли, Геральт, такую погоду сделали мы. Вчера вечером. Я, Нэннеке, Трисс и Доррегарай. Нельзя же было рисковать, такой день просто обязан был быть роскошным...

Она осеклась, ткнула его коленом в бедро.

— Ведь сегодня же самый важный день в твоей жизни, глупышка.

II

Розрог, замок, возведенный на мысе посреди озера, нуждался в изрядном ремонте как снаружи, так и внутри, причем не со вчерашнего дня. Говоря осторожно, Розрог был развалиной, бесформенным нагромождением камней, густо поросшим плющом, вьюнком и традесканцией. Развалиной, окруженной озерами, болотами и трясинами, кишмя кишевшими лягушками, ужами и черепахами. Он был развалиной уже в то время, когда его подарили королю Хервигу. Замок Розрог и окружающая его местность были чем-то вроде пожизненного приданого, прощального презента Хервигу, двенадцать лет назад отписанного племяннику Бреннаном, с тех пор именовавшимся по сему случаю Бреннаном Добрым.

Геральт познакомился с экс-королем через Лютика, поскольку трубадур навещал Розрог частенько, пользуясь тем, что Хервиг был человеком милейшим и приветчавшим гостей хозяином. О Хервиге и его, с позволения сказать, «замке» вспомнил именно Лютик, когда все позиции из разработанного ведьмаком перечня Йеннифэр отвергла как неподходящие. О диво, с Розрогом чародейка согласилась немедленно и не крутя при этом носом.

Так и получилось, что свадьба Геральта и Йеннифэр должна была состояться в замке Розрог.

III

Вначале предполагалось, что свадьба будет скромной и неформальной, но со временем стало ясно, что такое по множеству причин невозможно. Тогда потребовался человек с организаторскими талантами. Йеннифэр, естественно, отказалась. Ей, видите ли, не пристало организовывать собственную свадьбу. Геральт и Цири, не говоря уж о Лютике, никакими способностями такого рода не отличались. Поэтому дело доверили Нэннеке, жрице и первосвященнице богини Мелитэле из Элландера. Нэннеке прибыла немедленно, прихватив с собой двух жриц, Иолу и Эурнэйд.

И дело сдвинулось с мертвой точки.

IV

— Нет, Геральт. — Нэннеке надулась и топнула ногой. — Я не беру на себя никакой ответственности ни за церемонию, ни за пиршество. Ваша развалюха, которую какой-то идиот окрестил замком, не годится никуда и ни на что. Кухня разрушена, бальная зала сойдет разве что под конюшню, а часовня... Так это вообще никакая не часовня. Ты можешь мне сказать, какого бога почитает столь любезный твоему сердцу хромоножка Хервиг?

— Насколько мне известно, никакого. Он утверждает, что религия есть мандрагора для народа.

— Так я и знала, — проговорила жрица, не скрывая презрения. — В часовне нет ни одной статуэтки, там вообще нет ничего, если не считать мышинных... какашек. К тому же здесь на сто с гаком стае вокруг ни души. Геральт, почему вы не хотите сыграть свадьбу в Венгерберге, в цивилизованном месте?

— Ты же знаешь, Йеннифэр — квартеронка, а в твоих «цивилизованных местах» на смешанные браки смотрят косо.

— О Великая Мелитэле! Что значит четвертая часть эльфийской крови? Да почти в каждом из нас есть примесь крови Старшего Народа! Идиотский предрассудок и ничего больше!

— Не я его придумал.

V

Список гостей — не очень длинный — нареченные составляли вместе, а приглашением должен был заняться Лютик. Вскоре оказалось, что трубадур список потерял, причем еще до того, как успел прочесть. Устыдившись, он не признался в содеянном и пошел другим путем: пригласил кого только мог. Конечно, Лютик знал Геральта и Йеннифер достаточно хорошо, чтобы не упустить никого существенного, однако бард не был бы собою, если б не обогатил перечень поразительным количеством гостей совершенно случайных.

Итак, явился старый Весемир из Каэр Морхена, воспитатель Геральта, на пару с ведьмаком Эскем, с которым Геральт дружил с малых лет.

Прибыл друид Мышовур в обществе загорелой блондинки по имени Фрея, которая была выше него на голову и моложе лет на сто. Им сопутствовал ярл Крах ан Крайт со Скеллиге в сопровождении сыновей Рагнара и Локи. Когда Рагнар садился на лошадь, его ноги почти касались земли, а Локи напоминал филигранного эльфа. Ничего странного в этом не было: Рагнар и Локи были братьями сводными, сыновьями разных наложниц ярла.

Явился войт Кальдемейн из Блавикена с дочкой Анникой, весьма привлекательной, но чудовищно робкой девицей.

Прибыл краснолюд Ярпен Зигрин, как ни странно, один, без команды бородатых бандитов, которых он именовал «ребята». По дороге к Ярпену присоединился эльф Хиреадан, особа хоть и не очень ясного, но, несомненно, высокого положения среди Старшего Народа, эскортируемый несколькими никому не известными молчаливыми эльфами.

Прибыла также неумолчная орава низушков, из которых Геральт знал только Даинти Бибервельта, фермера из Почечуева Лога, и — понаслышке — его ворчливую супругу Гардению. Был в группе низушков один низушек, который низушком не был, — известный предприниматель и купец Тельико Луннгревинк Леторт из Новиграда, полиморфный доплер, скрывавшийся под внешностью низушка и псевдонимом Дуду.

Явился барон Фрейксенет из Брокилона с женой, красавицей дриадой Браэнн, и пятью дочками: Моренн, Цириллой, Моной, Эитнэ и Ньюной. Моренн выглядела лет на пятнадцать, а Ньюна на пять. Все огненно-рыжие, хотя у Фрейксенета во-

лосы были черные, а у Браэнн медово-золотые. Браэнн была уже не на первом месяце беременности. Фрейксенет серьезно утверждал, что на сей-то раз, несомненно, будет сын, а ватага его рыжих дриад переглядывалась и хохотала, Браэнн же, чуть-чуть улыбаясь, добавляла, что «сына» будут звать Мелисса.

Прибыл однорукий Ярре, юный жрец и хроникер из Элландера, воспитанник Нэннеке. В принципе Ярре прибыл из-за Цири, которой здорово симпатизировал, если не сказать больше. Цири же, казалось, совершенно не обращала внимания на однорукого калеку и его неуклюжие ухаживания, что повергало в отчаяние Нэннеке, симпатизирующую Ярре.

Перечень неожиданных гостей открывал князь Агловаль из Бремервоорда, прибытие которого граничило с чудом, ибо князь и Геральт искренне не переваривали друг друга. Еще удивительнее было то, что Агловаль явился с супругой, сиреной Ш'ееназ. Ш'ееназ некогда ради князя пожертвовала своим рыбьим хвостом в пользу двух невероятно красивых ног, но известна была в основном тем, что никогда не удалялась от морского побережья, потому что суша вызывала у нее страх.

Мало кто ожидал прибытия других коронованных особ, да никто их и не приглашал. Несмотря на это, монархи прислали поздравительные адреса, подарки, послов — либо все вместе взятое. При этом короли скорее всего сговорились, поскольку послы ехали группой и по дороге успели подружиться. Рыцарь Ив представлял короля Этайна, окружной голова Суливой — короля Вензлава, сир Матольм — короля Сигизмунда, а сир Деверо — королеву Адду, бывшую упыриху.

Поездка, похоже, была веселой, ибо у Ива оказалась рассечена губа, Суливой держал руку на перевязи, Матольм прихрамывал, а Деверо так мучился с похмелья, что едва держался в седле.

Никто не приглашал золотого дракона Виллентретенмерта, ибо никто не знал, во-первых, как его приглашать, и, во-вторых, где искать. К всеобщему удивлению, дракон явился, разумеется, инкогнито, под видом и телом рыцаря Борха и гербом «Три Галки». Там, где находился Лютик, ни о каком инкогнито, само собой, не могло быть и речи, однако мало кто всерьез верил, когда поэт указывал на курчавого рыцаря и утверждал, что это дракон.

Никто также не приглашал и не ожидал колоритной братии, именовавшей себя «друзьями и сподвижниками» Лютика.

В основном это были поэты, музыканты и трубадуры, а как приложение к ним — акробат, профессиональный игрок в кости, дрессировщица крокодилов и четыре живописные девочки, из которых три очень смахивали на распутниц, а четвертая, которая на распутницу не смахивала, таковой была несомненно. Группу дополняли два пророка (из них один — лже), один резчик по мрамору, один светловолосый и вечно пьяный медиум женского полу и один рябой гном, утверждавший, что его зовут Шуттенбах.

На магическом корабле-амфибии, напоминавшем помесь лебедя с огромной подушкой, прибыли чародеи. Их было в четыре раза меньше, чем приглашали, и в два раза больше, нежели реально ожидали, поскольку «однополчане» Йеннифэр, как несла молва, не одобряли ее связь с мужчиной «вне клана», к тому же ведьмаком. Часть магов просто проигнорировала приглашение, часть отговорила недостатком времени и необходимостью присутствовать на ежегодном всемирном симпозиуме чародеев, так что на борту «Гусака на воздушной подушке», как назвал корабль далекий от лирики Крах ан Крайт, или «Лебедушки», как его же назвал далекий от техники Лютик, прибыли только Доррегарай из Воле и Радклифф из Оксенфурта.

И была Трисс Меригольд с волосами цвета октябрьского каштана.

VI

— Ты пригласил Трисс Меригольд?

— Нет, — покрутил головой ведьмак, весьма довольный тем, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть. — Не я. Подозреваю Лютика, хотя все они утверждают, что о свадьбе узнали из магических кристаллов.

— Я не желаю видеть Трисс на *моей* свадьбе!

— Почему? Это же твоя подруга.

— Не делай из меня идиотки, ведьмак! Все знают, что ты с ней спал.

— Неправда!

Йеннифэр опасно прищурила фиолетовые глаза:

— Правда!

— Неправда!

— Правда!

— Ну хорошо, — отвернулся он, — правда. И что с того?

Чародейка немного помолчала, поигрывая обсидиановой звездой, прищипленной к черной бархотке на шее...

— Ничего, — сказала она наконец. — Но я хотела, чтобы ты признался. Никогда не пытайся лгать мне, Геральт. Никогда.

VII

От стены шел запах мокрых камней и кислых сорняков, солнце освещало бурюю воду защитного рва, проявляла теплую зелень покрывавшей дно тины и яркую желтизну плавающих по поверхности кувшинок.

Замок понемногу оживал. В западном крыле кто-то хлопнул ставней и рассмеялся. Кто-то слабым голосом домогался капустного рассола. Один из гостивших в Розроге коллег Лютика, невидимый, брился, напевая:

Кабы мне бы да женицца,
Вот бы я бы был бы рад!
Я бы, значить, стал бы брицца
Каждый день пять раз подряд!

Скрипнула дверь, во двор вышел Лютик, потягиваясь и разглаживая физиономию.

— Как дела, жених? — проговорил он томным голосом. — Если намерен смыться, то сейчас самое время.

— Ранняя ты пташка, Лютик.

— Я вообще не ложился, — проямил поэт, присаживаясь рядом с ведьмаком на каменную скамеечку и откидываясь на заросшую градеканцией стену. — О боги, это была тяжкая ночь. Но ничего не поделаешь — не каждый день женятся твои друзья. Надо было как-то это отметить

— Свадебное пиршество — сегодня, — напомнил Геральт. — Выдержишь?

— Обижаешь, ведьмак!

Солнце грело, птицы верещали в кустах. От озера доносились диски и плески. Моренн, Цирилла, Эйтнэ, Мона и Ньюна, рыжие дриады, дочери Фрейксенета, купались, как обычно,

голышом в обществе Трисс Меригольд и Фрей, подружки Мышовура. Наверху, на полуразрушенных зубцах крепостной стены, вырывали друг у друга из рук подзорную трубу королевские послы: рыцарь Ив, Суливой, Матольм и Деверо.

— Хорошо хоть отмечали-то, Лютик?

— Лучше не спрашивай.

— Скандал?

— И не один.

Первый скандал, поведал поэт, возник на расовой почве. Тельико Луннгревинк Леторт в разгар веселья неожиданно заявил, что ему осточертело, как он выразился, «носить шкуру низушка». Указав пальцем на находившихся в тот момент в зале дриад, эльфов, хоббитов, сирену Ш'ееназ, краснолюдов и гнома, который утверждал, что он Персиваль Шуттенбах, доплер почел за дискриминацию тот факт, что все они могут быть собою, и только он, Тельико, вынужден наряжаться в чужие перья. И тут же принял — на минутку — свой естественный облик. Увидев это, Гардения Бибервельт грохнулась в обморок, князь Агловаль опасно подавился судакон, а с Анникой, дочкой войта Кальдемейна, случилась истерика. Ситуацию спас дракон Виллентретенмерт, который все еще выглядел рыцарем Борхом Три Галки, спокойно пояснивший доплеру, что полиморфизм, то бишь сменноформенность, есть свойство, кое обязывает. Обязывает оно, в частности, принимать формы, которые большая часть общества одобряет и считает обычным, и что все это не что иное, как нормальная вежливость по отношению к хозяевам. Доплер обвинил Виллентретенмерта в расизме, шовинизме и отсутствии элементарных понятий о предмете дискуссии. Задетый за живое Виллентретенмерт на минутку — следуя примеру доплера — принял присущую ему внешность дракона, переломав при этом часть мебели и вызвав всеобщую панику. Когда гости успокоились, разгорелся острый спор, в котором люди и нелюди осыпали друг друга примерами отсутствия терпимости и расовых предубеждений. Достаточно неожиданным моментом в дискуссии оказался голос веснушчатой Мэрле, распутницы, которая на распутницу не походила. Мэрле заявила, что весь этот спор глуп, беспредметен и не имеет отношения к истинным профессионалам, которые знать не желают, что такое предубеждения, и что она лично готова немедленно доказать сказанное за соответствующее вознаграждение, вот хотя бы с драконом

Виллентретенмертом в его естественном виде. В наступившей тишине послышался голос медиума женского полу, заявившего, что он может доказать то же самое задаром. Виллентретенмерт быстренько сменил тему, и компания принялась обсуждать более безопасные проблемы, а именно экономику, политику, охоту, рыболовство и азарт.

Остальные скандалы имели скорее дружеский характер. Мышовур, Радклифф и Доррегарай поспорили о том, кто из них силой воли заставит одновременно левитировать больше предметов. Выиграл Доррегарай, удерживавший в воздухе два стула, поднос с фруктами, супницу с супом, глобус, кошку, двух собак и Ньюну, младшую дочку Фрейксенета и Браэнн.

Потом Цирилла и Мона, две средние дочери Фрейксенета, подрались, и их пришлось выдворять из зала. Затем сцепились Рагнар и рыцарь Матольм, причем поводом к ссоре оказалась Моренн, старшая дочь Фрейксенета. Занервничавший Фрейксенет велел Браэнн запереть в комнатах всех своих рыжих барышень, а сам присоединился к состязанию под девизом «кто кого перепьет», который организовала Фрея, подруга Мышовура. Вскоре оказалось, что у Фреи невообразимая, граничащая с абсолютной, сопротивляемость алкоголю. Большинство поэтов и бардов, друзей Лютика, вскоре оказались под столом. Фрейксенет, Крах ан Крайт и войт Кальдемейн храбро боролись, но вынуждены были сдаться. Чародей Радклифф твердо держался до того момента, пока не выяснилось, что он шельмовал — у него обнаружили рог единорога. Как только оружие шельмовства отобрали, Радклифф утратил даже минимальные шансы перепить Фрею. Вскоре занятый островитянкой угол стола совершенно опустел — какое-то время с ней еще пил никому не известный бледный мужчина в старомодном камзоле. Спустя несколько минут бледный мужчина встал, покачнулся, отвесил галантный поклон и удалился, пройдя сквозь стену, как сквозь туман. Осмотр украшающих зал древних портретов позволил установить, что бледный мужчина — Виллем по прозвищу Добрый, один из бывших владельцев Розрога, получивший смертельный удар стилетом во время дружеской попойки несколько сотен лет тому назад.

Стародавний замчище скрывал в себе многочисленные тайны и пользовался в прошлом достаточно дурной славой, так что не обошлось без дальнейших событий сверхъестественного характера. Около полуночи в раскрытое окно влетел **Вам-**

пир, но краснолюд Ярпен Зигрин изгнал кровопийцу,дохнув на него смесью водки и чеснока. Все время что-то подвывало, стенало и гремело цепями, но никто не обращал на эти звуки внимания, считая, что это изгаляются Лютик и его немногие еще трезвые соратники. Однако это, по-видимому, были все же духи, ибо на ступенях обнаружилось множество эктоплазмы — некоторые из гостей поскользнулись и набили себе шишки и синяки.

Пределы приличия преступил взъерошенный и огненно-окий призрак, ущипнувший из укрытия за ягодицу сирену Ш'ееназ. Скандал удалось замять с трудом, потому что Ш'ееназ думала, что виновником был Лютик. Призрак, воспользовавшись всеобщим замешательством, бегал по залу и щипал кого ни попадя, но Нэннеке углядела его и изгнала при помощи экзорцизмов.

Нескольким гостям явилась Белая Дама, которую, если верить легенде, некогда живьем замуровали в подземельях Розрога. Однако нашлись скептики, утверждавшие, что никакая это не Белая Дама, а медиум женского полу, слонявшийся по га-тереям в поисках чего-нибудь спиртного.

Потом началось всеобщее исчезновение. Первыми исчезли рыцарь Ив и дрессировщица крокодилов. Затем сгинули Рагнар и Эурнэйд, жрица Мелитэле. Вслед за ними исчезла Гардения Бибервельт, но оказалось, что она просто пошла спать. Неожиданно выяснилось, что недостает однорукого Ярре и Иоли, второй жрицы Мелитэле. Цири, которая утверждала, что Ярре ей совершенно безразличен, проявила некоторую обеспокоенность, но тут было установлено, что Ярре вышел по нужде и свалился в неглубокий ров, где и уснул, а Иолю обнаружили под лестницей с эльфом Хиреаданом.

Замечены были также Трисс Меригольд с ведьмаком Эске-лем из Каэр Морхёна, пробиравшиеся в парковую беседку, а под утро кто-то сообщил, что из беседки выходит допллер Тельико. Все терялись в догадках: чью форму принял допллер — Трисс или Эскеля? Кто-то даже рискнул предположить, что в замке могут быть два допллера. Хотели узнать на сей счет мнение дракона Виллентретенмерта как специалиста по полиморфизму, но оказалось, что дракон исчез, а вместе с ним и распутница Мэрле.

Куда-то подевались вторая распутница и один из пророков. Неисчезнувший пророк утверждал, что он — не лже, но доказать сказанного не сумел.

Пропал след также выдающего себя за Шуттенбаха гнома, и его не отыскиали до сих пор.

— Жаль, — закончил бард, широко зевая. — Жаль, тебя при этом не было, Геральт. Отмечали, что надо!

— Ага, жаль, — буркнул ведьмак. — Но знаешь... Я не мог, потому что Йеннифэр... Сам понимаешь...

— Конечно, понимаю, — изрек Лютик. — Потому и не женюсь.

VIII

Из замковой кухни доносились звон котлов, веселый смех и песенки. Насытить всю ораву гостей оказалось делом нелегким, так как у короля Хервига никакой прислуги не было. Присутствие чародеев проблемы также не снимало, поскольку в результате консенсуса было решено питаться естественным путем и отказаться от кулинарных волшебств. Все кончилось тем, что Нэннеке загоняла на работу кого только могла. Вначале это было нелегко: те, кого жрица ухватила, в кухонных делах, как она выразилась, «не секли», а те, которые «секли», сбежали. Однако Нэннеке отыскала неожиданную подмогу в лице Гардении Бибервельт и хоббинок из ее свиты. Понятливыми и прекрасными кухарками оказались, о диво, все четыре распутницы из группы Лютика.

Со снабжением хлопот было поменьше, Фрейксенет и князь Агловаль организовали охоту и поставили к столу достаточно много крупной дичи. Браэнн и ее дочки за два часа забили кухню дикой птицей. Даже самая младшая из дриад, Ньюна, на удивление ловко управлялась с луком. Король Хервиг, обожавший рыбачество, на заре выплывал на озеро и привозил шук, судаков и огромных окуней. Обычно его сопровождал Локи, младший сын Краха ан Крайта. Локи знал толк в рыбачестве и лодках; а кроме того, бывал достижим на рассвете, поскольку, как и Хервиг, не пил.

Даинти Бибервельт, низушек, и его родственники, не без помощи доплера Тельико, занимались украшательством залы и комнат. Подметать и мыть полы загнали обоих пророков, дрессировщицу крокодилов, резчика по мрамору и неспросыхающего медиума женского полу.

Присмотр за подвалом и напитками вначале поручили Лютику и его коллегам-поэтам, но это оказалось страшной ошибкой. Поэтов бардов изгнали, а ключи передали Фрее, подружке Мышовура. Лютик и поэты целыми днями просиживали у дверей в подвальчик и пытались всколыхнуть Фрею любовными балладами, к которым, однако, у островитянки оказался столь же устойчивый иммунитет и сопротивляемость, как и к алкоголю.

Геральт, вырванный из дремы звоном копыт по камням двора, поднял голову. Из-за прильнувших к стене кустов появилась блестящая от воды Кэльпи с Цири в седле. На Цири был ее любимый черный костюм, а за спиной — меч, славный гвирх, добытый в пустынных катакомбах Кората.

Несколько секунд ведьмак и девушка молча глядели друг на друга, потом Цири тронула кобылу пяткой, подъехала ближе. Кэльпи наклонила голову, пытаясь дотянуться до ведьмака зубами, но Цири сдержала ее, резко натянув поводья.

— Значит, сегодня, — проговорила ведьмачка, не слезая с лошади. — Сегодня, Геральт.

— Сегодня, — подтвердил он, откинувшись к стене.

— Я рада, — неуверенно сказала она. — Думаю... Нет, уверена, что вы будете счастливы, и рада этому...

— Слезь, Цири. Поговорим.

Девушка покачала головой, отбросила волосы назад, за ухо. На мгновение мелькнул большой, некрасивый шрам на щеке — память о тех страшных днях. Цири отрастила волосы до плеч и зачесывала их так, чтобы скрыть шрам, но порой забывала об этом.

— Уезжаю, Геральт, — сказала она. — Сразу после торжеств.

— Слезь, Цири.

Ведьмачка прыгнула с седла, присела рядом. Геральт обнял ее. Цири прижалась к его плечу головой.

— Уезжаю.

Он молчал. Слова так и просились на язык, но не было среди тех слов ни одного, которое он мог бы считать подходящим. Нужным. И он молчал.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — медленно сказала Цири. — Ты думаешь, что я убегаю. Ты прав.

Он молчал. Он знал.

— Наконец-то, после стольких лет, вы вместе, Йен и ты... Вы заслужили счастье и покой. Дом. Но меня это пугает. Поэтому я... убегаю.

Он молчал. Он думал о том, сколько раз убегал сам.

— Отправляюсь сразу после торжеств, — повторила Цири. — Хочу снова видеть звезды над большаком, хочу насвистывать среди ночи баллады Лютика и жажду борьбы и пляски с мечом, жажду риска, жажду наслаждения, которое дает победа. И жажду одиночества. Ты меня понимаешь?

— Конечно, понимаю, Цири. Ты — моя дочь, ты — ведьмачка. Ты поступишь так, как должна поступить. Но одно я обязан тебе сказать. Одно. Ты не убежишь, хоть все время будешь убегать.

— Знаю. — Она прижалась крепче. — Я все еще надеюсь, что когда-нибудь... Если я подожду, если наберусь терпения, то и для меня когда-нибудь настанет такой прекрасный день... Такой прекрасный день... Хотя...

— Что, Цири?

— Я никогда не была красивой. А с этим шрамом...

— Цири, — не дал он ей досказать. — Ты самая прекрасная девушка в мире. Конечно, после Йен.

— Ох, Геральт...

— Если не веришь, спроси Лютика.

— Ох, Геральт.

— Куда?..

— На юг, — прервала она, отворачиваясь. — Страна еще дымит там после войны, идет восстановление, люди бьются за выживание. Им необходима защита и охрана. Я пригожусь. И еще есть пустыня Корат... есть еще Нильфгаард. Там у меня свои счета. Там еще надо кое-что подравнять, гвихиру и мне...

Она замолчала, лицо стало жестким, зеленые глаза сузились, губы искривила злая гримаса. «Помню, — подумал Геральт. — Помню». Да. Это было тогда, на скользких от крови ступенях замка Рыс-Рун, когда они дрались плечом к плечу, он и она. Волк и Кошка, две машины для убийства, нечеловечески быстрые и нечеловечески жестокие, доведенные до крайности, разъяренные, прижатые к стене. Да, тогда нильфгаардцы, смятые ужасом, отступили, преследуемые сверком и свистом их клинков, а они медленно пошли вниз, вниз по ступеням замка Рыс-Рун, скользким от крови. Пошли, поддерживая друг друга, связанные, а перед ними двигалась смерть, смерть, вопло-

тившаяся в два блестящих лезвия мечей. Холодный, спокойный Волк и сумасшедшая Кошка. Просверк мечей, крик, кровь, смерть... Да, это было тогда... Тогда.

Цири снова откинула волосы, и, скрытая раньше пепельными прядями, блеснула серебряной белизной широкая полоска у виска.

Тогда у нее поседели волосы.

— Там у меня свои счеты, — прошипела она. — За Мистле. За мою Мистле. Я отомстила за нее, но одной смерти за Мистле мало...

«Бонарт, — подумал Геральт. — Она убила его, ненавидя. Ох, Цири, Цири. Ты стоишь над пропастью, доченька. За твою Мистле мало и тысячи смертей. Берегись ненависти, Цири, она пожирает как рак».

— Береги себя, — шепнул он.

— Предпочитаю, чтобы береглись другие, — зловеще усмехнулась она. — Это гораздо важнее... По большому счету.

«Я уже никогда не увижу ее, — подумал он. — Если она уедет, я ее уже никогда не увижу».

— Увидишь, — сказала она и улыбнулась, и была это улыбка чародейки, а не ведьмачки. — Увидишь, Геральт.

Она вдруг вскочила, высокая и худощавая, как мальчишка, но ловкая, как танцовка. Одним прыжком влетела в седло.

— Йаааа, Кэльпи!!!

Из-под копыт кобылы брызнули искры, выбитые подковами.

Из-за угла стены высунулся Лютик с перевешенной через плечо лютней и двумя огромными кубками пива в руках.

— Получи и напейся, — сказал он, присаживаясь рядом. — Это поможет.

— Не знаю. Йеннифэр пообещала, что если от меня будет нести...

— Пожуешь петрушки. Пей, подкаблучник.

Долгое время они сидели молча, медленно прихлебывая из кубков. Наконец Лютик вздохнул:

— Цири уезжает, верно?

— Да.

— Я так и знал. Слушай, Геральт...

— Помолчи, Лютик.

— Ну, ну.

Они молчали снова. Из кухни тянуло ароматом жареной дичи, крепко приправленной можжевельником.

— Что-то кончается, — с трудом проговорил Геральт. — Что-то кончается, Лютик.

— Нет, — возразил поэт. — Что-то начинается.

IX

Послеобеденное время прошло под знаком всеобщего плача. Началось с эликсира красоты. Эликсир, а точнее — мазь, именуемая «феенглянцем», а на Старшей Речи — «гламарией», и изготавливаемая из мандрагоры, если ею умело пользоваться, удивительно подправляла красоту. По просьбе гостей в замке дам Трисс Меригольд приготовила достаточное количество гламарии, и дамы приступили к косметическим священнодействиям. Из-за закрытых дверей комнат доносились всхлипывания Цириллы, Моны, Эитнэ и Ньюни, которым гламарией пользоваться запретили — такой чести удостоилась лишь самая старшая дриада, Моренн. Громче всех ревела Ньюни.

Этажом выше всхлипывала Лили, дочка Даинти Бибервельта, так как оказалось, что гламария, как и большинство чар, вообще не действует на хоббиток и низушек. В саду, в кустах терновника, лил горькие слезы медиум женского полу, не знавший, что гламария приводит к мгновенному отрезвлению и сопутствующим оному явлениям, в частности, глубокой меланхолии. В западном крыле замка плакала Анника, дочка войта Кальдемейна, которая, не зная, что гламарию надлежит втирать под глаза, съела свою часть, и у нее открылся понос. Цири получила свою порцию гламарии и натерла ею Кэльпи. Кэльпи залоснилась еще крепче.

Немного поплакали также жрицы Иоля и Эурнэйд, так как Йеннифэр категорически отказалась надевать сшитое ими белое платье. Не помогло вмешательство Нэннеке. Йеннифэр сквернословила, кидалась разными предметами и заклинаниями, повторяя, что в белом она выглядит как затюканная шлюха. Нервничающая Нэннеке тоже принялась кричать, обвиняя чародейку в том, что та-де ведет себя хуже, чем три затюканные шлюхи вместе взятые. В ответ Йеннифэр пустила в дело шаровую молнию и раздолбала крышу на угловой башне, что, впро-

чем, имело свою хорошую сторону — грохот был столь ужасен, что от неожиданного шока у дочки Кальдемейна прошел понос. К счастью, не начался запор.

Снова видели Трисс Меригольд с ведьмаком Эскем из Каэр Морхена, которые, нежно обнявшись, втихую прошмыгнули в парковую беседку. На сей раз никто не сомневался в том, что это были они сами, поскольку доплер Тельико в это время пил пиво в обществе Лютика, Даинти Бибервельта и дракона Виллентретенмерта.

Несмотря на активные поиски, не удалось отыскать гнома, откликавшегося на имя Шуттенбах.

Х

— Йен...

Она выглядела изумительно. Черные, искрящиеся, схваченные золотой диадемкой волосы ниспадали блестящими волнами на плечи и высокий воротничок длинного парчового белого платья с черно-полосатыми буфастыми рукавами, стянутого в талии неимоверным количеством драпировок и лиловых ленточек.

— Цветы, не забудь о цветах, — сказала Трисс Меригольд, вся в глубоко-голубом, вручая невесте букет белых роз. — Ох, Йен, как я рада...

— Трисс, милая, — неожиданно всхлипнула Йеннифэр, и чародейки осторожно обнялись и чмокнули воздух друг у друга около ушей и бриллиантовых сережек.

— Ну, хватит нежностей, — сказала Нэннеке, разглаживая на себе складки снежно-белого одеяния жрицы. — Идем в часовню. Иоля, Эурнэйд, поддержите ей шлейф, иначе она свалится с лестницы.

Йеннифэр подошла к Геральту и рукой в белой перчатке подправила ему воротник черного, обшитого серебряными галунами кафтана. Ведьмак подал ей руку крендельком.

— Геральт, — шепнула она ему рядом с ухом, — я все еще не могу поверить...

— Йен, — ответил он тоже шепотом. — Я люблю тебя.

— Знаю.

ХІ

— Где, черт побери, Хервиг?

— Понятия не имею, — сказал Лютик, надравывая рукавом застёжки модной курточки верескового цвета. — А Цири?

— Не знаю, — поморщилась Йеннифэр и потянула носом. — Ну и воняет же от тебя петрушкой. Слушай, Лютик, ты что, решил стать вегетарианцем?

Гости сходились, понемногу заполняя просторную часовню. Агловаль, весь в церемониально-черном, вел бело-салатную Ш'ееназ, рядом с ними двигалась группа низушек и низушков в коричневом, бежевом и охряном, Ярпен Зигрин и дракон Виллентретенмерт, оба переливающиеся золотом, Фрейксенет и Доррегарай в фиолетовом, королевские послы в геральдических цветах, эльфы и дриады в зеленом и знакомые Лютика кто в чем попало, мерцающем всеми цветами радуги.

— Кто-нибудь видел Локи? — спросил Мышовур.

— Локи? — Эскель подошел, глянул на них из-за фазаньих перьев, украшающих берет. — Локи был с Хервигом на рыбалке. Я видел их в лодке на озере. Цири поехала туда, чтобы сказать, что мы начинаем.

— Давно?

— Давно.

— Чтоб их зараза взяла, сраных рыбаблей, — выругался Крах ан Крайт. — Когда у них рыба клюет, они забывают о божьем свете. Рагнар, сгоняй за ними.

— Погоди, — сказала Браэнн, стряхивая одуванчик с губокого выреза декольте. — Тут нужен кто-то побыстрее. Мона, Ньюна! Roenn'ess aen laske, va!

— Я же говорила, — фыркнула Нэннеке, — что на Хервига рассчитывать нельзя. Безответственный дурак, как и все атеисты. Кому взбрело в голову именно ему поручить роль церемониймейстера?

— Он король, — неуверенно сказал Геральт, — хоть и бывший, но король...

— Сто лет, сто лет! — неожиданно завел один из пророков, но дрессировщица крокодилов усмирила его шлепком по шее. В группке низушков закипело, кто-то выругался, кто-то отхватил тумака, Гардения Бибервельт взвизгнула, потому что доплер Тельико наступил ей на платье. Медиум женского полу принялся совершенно без причины всхлипывать.

— Еще минута, — прошипела Йеннифэр сквозь мило улыбающиеся губы, сминая букет, — еще минута — и меня хватит кондрашка. Да начинайте же, наконец. И кончайте же, наконец, поскорее.

— Не вертись, Йен, — проворчала Трисс. — Шлейф оторвешь.

— Где гном Шуттенбах? — крикнул кто-то из поэтов.

— Понятия не имеем! — хором ответили четыре распутницы.

— Так поищите же его кто-нибудь, черт побери, — крикнул Лютик. — Он обещал нарвать цветов! И как же теперь? Ни Шуттенбаха, ни цветов! И как мы выглядим, я вас спрашиваю?

У входа в часовню возникло движение, и внутрь вбежали обе высланные к озеру дриады, тонко крича, а следом за ними влетел Локи, весь в воде и тине, с кровотокащей раной на лбу.

— Локи! — крикнул Крах ан Крайт. — Что с тобой?

— Мааааа! — разревелась Ньюа.

— Que'ss aen? — Браэнн подскочила к дочерям, трясаясь и от волнения переходя на диалект брокилонских дриад. — Que'ss aen? Que suess'ss feal, saeg me?

— Он перевернул нашу лодку, — выдохнул Локи. — У самого берега. Страшное чудовище! Я ударил его веслом, но он перегрыз! Перегрыз весло!

— Кто? Что?

— Геральт! — крикнула Браэнн. — Геральт, Мона говорит, что это цинерия!

— Жиритва! — рявкнул ведьмак. — Эскель, тащи сюда мой меч!

— Моя палочка! — крикнул Доррегарай. — Радклифф! Где моя волшебная палочка?

— Цири! — закричал Локи, стирая кровь со лба. — Цири с ним бьется, с чудовищем этим!

— Дьявольщина! Цири против жиритвы не устоит! Эскель, лошадь!

— Погодите! — Йеннифэр сорвала диадему с волос и бросила на пол. — Мы телепортируем вас! Так будет скорее! Доррегарай, Трисс, Радклифф! Давайте руки...

Все умолкли, а потом громко закричали. В дверях часовни стоял король Хервиг, мокрый с головы до ног, но целый. Рядом с ним стоял молоденький парнишка в блестящих доспехах странной конструкции и с непокрытой головой. А следом за ним вошла Цири. Вся испачканная грязью, растрепанная, с

гвихиром в руке. Поперек ее щеки, от виска до подбородка, шла глубокая, отвратительная рана, сильно кровоточащая сквозь прижатый к лицу оторванный рукав рубашки.

— Цири!!!

— Я убила ее, — невнятно проговорила ведьмачка. — Я разделала ей башку.

Она покачнулась. Геральт, Эскель и Лютик подхватили ее, подняли. Цири не выпустила меч.

— Опять, — простонал поэт. — Опять она получила прямо по мордашке... Что за чертовы неудачи преследуют эту девочку...

Йеннифэр громко застонала, подбежала к Цири, оттолкнула Ярре, который со своей одной рукой только мешался. Не обращая внимания на то, что смешанная с тиной и водой кровь пачкает и портит ей платье, чародейка приложила ведьмачке пальцы к лицу и выкрикнула заклинание. Геральту почудилось, что весь замок задрожал, а солнце на секунду пригасло.

Йеннифэр отняла руку от лица Цири, и часовню заполнил вздох изумления — безобразная рана превратилась в тонюсенькую красную черточку, помеченную несколькими маленькими капельками крови. Цири повисла в держащих ее руках.

— Bravo, — проговорил Доррегарай. — Рука мастера.

— Мое восхищение, Йен, — глухо проговорила Трисс, а Нэннеке расплакалась.

Йеннифэр улыбнулась, закатила глаза и потеряла сознание. Геральт успел подхватить ее прежде, чем она опустилась на пол, обмякшая как шелковая ленточка.

XII

— Спокойнее, Геральт, — сказала Нэннеке. — Без нервов. Это сейчас пройдет. Она перетрудилась, вот и все. К тому же эмоции... Она очень любит Цири, ты же знаешь.

— Знаю. — Геральт поднял голову, поглядел на стоящего в дверях комнаты паренька в блестящих доспехах. — Послушай, сынок, возвращайся в часовню. Тут ты не нужен. Кстати, так, между нами, кто ты такой?

— Я... Я Галахад, — прошептал рыцарек. — Могу ли я... Дозволено ли мне спросить, как чувствует себя прекрасная и мужественная девушка?

— Которая? — улыбнулся ведьмак. — Есть две прекрасные, мужественные и женственные девушки. Кстати, одна из них девушка по чистой случайности. Которая тебя интересует?

— Та, что моложе, — сказал юноша, заметно покраснев. — Та, которая не колеблясь кинулась спасти Короля-Рыбака.

— Кого?

— Он имеет в виду Хервига, — вставила Нэннеке. — Жиритва напала на лодку, из которой Хервиг и Локи ловили рыбу. Цири бросилась на жиритву, а этот юноша, который случайно оказался рядом, поспешил ей на помощь.

— Ты помог Цири. — Ведьмак посмотрел на рыцарьку внимательней и доброжелательней. — Как, говоришь, тебя зовут? Я запомню.

— Галахад. А это — Авалон, замок Короля-Рыбака?

Дверь распахнулась, там стояла Йеннифэр, немного бледноватая, поддерживаемая Трисс Меригольд.

— Йен!

— Мы идем в часовню, — известила тихим голосом чародейка. — Гости заждались.

— Йен... может, отложим?

— Я стану твоей женой, даже если меня черти в ад поволочут! И стану немедленно!

— А Цири?

— Что Цири? — выглянула из-за спины Йеннифэр ведьмачка, втирая гламарию в относительно здоровую щеку. — Все в порядке, Геральт. Ерундовая царапина, я даже не почувствовала.

Галахад, скрипя и позвякивая доспехами, опустился, точнее — повалился на одно колено.

— Прекрасная дама...

Огромные глаза Цири сделались еще огромнее.

— Послушай, Цири, — сказал ведьмак. — Это рыцарь... хм... Галахад. Вы уже знакомы. Он помог тебе, когда ты дрались с жиритвой.

Цири залилась румянцем. Гламария начинала действовать, поэтому румянец был и вправду прекрасен, а шрама почти не было видно.

— Госпожа, — прошептал Галахад, — окажи мне честь. Позволь, о прекрасная, мне у стоп твоих...

— Насколько я знаю жизнь, он желает стать твоим рыцарем, Цири, — сказала Трисс Меригольд.

Ведьмачка заложила руки за спину и изящно сделала реверанс, все еще ничего не говоря.

— Гости ждут, — прервала Йеннифэр. — Галахад, ты, вижу, не только храбрый, но и галантный юноша. Ты дрался плечом к плечу с моей дочерью...

— Йен, — шепнул Геральт.

— С нашей дочерью, — поправилась Йеннифэр, — поэтому подашь ей руку во время церемонии. Цири, бегом переодевайся в платье. Геральт, причешись и заправь рубашку в брюки, она у тебя вылезла. Я хочу всех вас видеть в часовне через десять минут.

ХIII

Свадьба прошла роскошно. Дамы и девушки сообща поплакали. Церемонией руководил Хервиг, хоть и бывший, но как-никак король. Весемир из Каэр Морхена и Нэннеке сыграли роль посаженных родителей, а Трисс Меригольд и ведьмак Эскель — дружек. Галахад вел Цири, а Цири пылала не хуже пиона.

Все те, у кого были мечи, образовали шпалеру, коллеги Лютика бренчали на лютнях и гуслях и распевали песенку, специально сложенную на этот случай, причем исполнять рефрен им помогали рыжие дочери Фрейксенета и сирена Ш'ее-наз, широко известная не только шикарными ногами, но и прекрасным голосом.

Лютик произнес речь, пожелал новобрачным счастья, успехов в личной жизни, но прежде всего — удачной первой ночи, за что получил от Йеннифэр пинок по щиколотке...

Потом все устремились в тронную залу и посадили стол. Геральт и Йеннифэр, связанные по рукам шелковым шарфом, уселись на верхнем конце и улыбались оттуда, отвечая на тосты и пожелания.

Гости, в большинстве своем успевшие уже нагуляться и наобщаться прошлой ночью, вели себя сдержанно и благовоспитанно, и в течение поразительно долгого времени никто не надрался. Неожиданным исключением оказался однорукий Ярре, который быстро перебрал и не мог выносить вида Цири, горящей румянцем под умильными взглядами Галахада. Ник-

то не исчезал, если не считать Ньюны, которую, однако, вскорости отыскали под столом, спящую на собаке.

Призракам замка Розрог прошедшая ночь тоже, видимо, далась с трудом, потому что они не проявляли признаков жизни. Исключением оказался обвешанный обрывками савана скелет, случайно выглянувший из пола за спинами Агловаля, Фрейксенета и Мышовура. Однако князь, барон и друид были заняты спором о политике и призрака не заметили. Скелет, обойденный вниманием, прошелся вдоль стола и зашелкал зубами над самым ухом Трисс Меригольд. Чародейка, нежно прильнувшая к плечу Эскеля из Каэр Морхена, изящно подняла белу рученьку и щелкнула пальцами. Костями занялись собаки.

— Да сопутствует вам великая Мелитэле, дорогие! — Нэннеке поцеловала Йеннифэр и чокнулась с Геральтом. — Безобразно много времени понадобилось вам на это, но наконец-то вы вместе. Ужасно рада, и, надеюсь, Цири не возьмет с вас примера, а если отыщет себе кого-нибудь подходящего, не станет так долго тянуть.

— Похоже, — Геральт головой указал на Галахада, не отрывавшего глаз от ведьмачки, — она уже кого-то подыскала.

— Ты об этом чуде? — удивилась Нэннеке. — О нет. Тут ничего не получится. Ты как следует рассмотрел его? Нет? Ну так посмотри, что он вытворяет. Вроде бы миндальничает с Цири, а сам все время ощупывает кубки и фужеры на столе. Согласись, это не совсем нормальное поведение для влюбленного. Меня удивляет девочка, она смотрит на него, как на картинку. Ярре — другое дело. Парень разумный, выдержанный...

— Твой разумный и выдержанный Ярре только что свалился под стол, — холодно прервала Йеннифэр. — И довольно об этом, Нэннеке. Цири идет к нам.

Пепельноволосая ведьмачка села на освобожденное Хервигом место и крепко прижалась к чародейке.

— Я уезжаю, — сказала она тихо.

— Знаю, доченька.

— Галахад... Галахад едет со мной. Не знаю зачем. Но ведь не могу же я ему запретить, правда?

— Правда. Геральт, — чародейка подняла на мужа глаза, горящие теплым фиолетом, — пройдишь вдоль стола, поболтай с гостями. Можешь выпить. Один фужер. Небольшой. А мне

хотелось бы поговорить с моей... э... нашей дочерью. Как женщина с женщиной.

Ведьмак вздохнул.

За столом становилось все веселей. Компания Лютика распевала песенки, причем такие, что у Анники, дочери войта Кальдемейна, кровь прилиwała к щекам. Крепко подвыпивший дракон Виллентретенмерт обнимал еще крепче подвыпившего допплера Тельико Луннгревинка Леторта и убеждал его в том, что превращаться в князя Агловаля в целях подмены онго в ложе сирены Ш'ееназ было бы дружеской бестактностью.

Рыжие дочери Фрейксенета из кожи лезли вон, пытались понравиться королевским послам, а королевские послы всячески пытались нравиться дриадам, что в итоге приводило к всеобщему хаосу. Ярпен Зигрин, сопя вздернутым носом, вдальблывал Хиреадану, что, будучи ребенком, хотел быть эльфом. Мышовур долдонил, что правительство не удержится, а Агловаль — что совсем даже наоборот. При этом никто не знал, о каком правительстве идет речь. Хервиг повествовал Гардении Бибервельт об огромном карпе, которого вытянул на леску из одного-единственного конского волоса. Низушка сонно кивала головой, время от времени требуя от мужа, чтобы тот перестал хлестать водку.

По галереям бегали пророки и дрессировщица крокодилов, тщетно пытавшиеся отыскать гнома Шуттенбаха. Фрея, которой явно опротивели слабаки мужчины, активно пила с медиумом женского полу, причем обе очень серьезно и с чувством собственного достоинства молчали.

Геральт обходил стол, чокался, подставлял плечи под одобрительные похлопывания и щеки под поздравительные поцелуи. Наконец подошел к тому месту, где к покинутому Цири Галахадуну подсел Лютик. Галахад, уставившись на кубок поэта, говорил, а поэт шурился и делал вид, якобы сказанное его чрезвычайно интересует. Геральт остановился за ними.

— Тогда я сел в ту лодку, — говорил Галахад, — и отплыл в туман, хотя, честно говоря, сэр Лютик, сердце замирало у меня от ужаса. И признаюсь вам, я усомнился. И подумал, что вот он пришел, мой конец, сгину как пить дать в этом тумане непроглядном... И тут взошло солнце, вода запылала, как... как золото... И явился град очам моим... Авалон. Ведь это ж Авалон, правда?

— Нет, — возразил Лютик, — неправда. Это Schwemmland, что переводится как «болото, трясина»*. Пей, Галахадик.

— А замок? Это же замок Монсальват?

— Ни в коем разе. Это Розрог. Никогда я не слышал, сынок, о замке Монсальват. А уж если я о чем-то не слышал, значит, ничего такого не существует и не существовало. За здоровье молодых, сынок!

— За здоровье, сэр Лютик. Но все-таки этот король... Не Король ли он Рыбак?

— Хервиг? Точно, рыбачить любит. Раньше любил охотиться, но после того, как его охроматили в бою под Ортом, он не может ездить верхом. Только не называй его Королем-Рыбаком, Галахад. Во-первых, это звучит весьма глупо, а во-вторых, он может обидеться.

Галахад долго молчал, вертя пальцами наполовину пустой фужер. Наконец тяжело вздохнул, осмотрелся.

— Вы были правы. Это всего лишь легенда. Сказка. Фантазия. Короче говоря — ложь. Вместо Авалона обычное Болото. И никаких надежд...

— Ну-ну. — Поэт тыркнул его локтем в бок. — Не унывай, сынок. С чего бы вдруг такое уныние в голосе? И ты, и я на свадьбе, веселись, пей, пой. Ты молодой, перед тобой вся жизнь.

— Жизнь, — задумчиво повторил рыцарек. — Как это выходит, сэр Лютик: что-то начинается или что-то кончается, а?

Лютик быстро и внимательно взглянул на него. Потом ответил:

— Не знаю. А уж если я этого не знаю, то не знает никто. Вывод: ничто никогда не кончается и не начинается.

— Не понимаю.

— И не надо.

Галахад снова подумал, наморщив лоб.

— А Грааль? Как с Граалем?

— А что такое Грааль?

— Что-то такое, что все время ищут. — Галахад поднял на поэта мечтательные глаза. — Что-то самое важное. Очень важное. Без чего жизнь теряет смысл. Такое, без чего она неполна, недокончена, несовершенна.

* Лютик, конечно, напутал. Schwemmland (нем.) вовсе не «болото», а «наносная земля, наносный грунт». — *Примеч. пер.*

Поэт выпятил губы и глянул на юного рыцаря своим знаменитым взглядом, тем самым, в котором надменность была смешана с веселой доброжелательностью.

— Весь вечер ты сидел рядом с твоим Граалем, парень, — сказал он.

XIV

Около полуночи, когда гостям уже начало вполне хватать своего собственного общества, а Геральт и Йеннифэр, освобожденные от церемониала, могли наконец спокойно взглянуть друг другу в глаза, дверь с грохотом отворилась и в залу ворвался разбойник Виссинг, широко известный под прозвищем Гоп-Стоп. Росту Гоп-Стоп был около семи футов, борода свисала до пояса, а нос формой и цветом не уступал редиске. На одном плече разбойник держал свою прославленную дубинку, на другом — огромный мешок.

Геральт и Йеннифэр знали Гоп-Стопа еще по стародавним временам. Однако ни он, ни она и не думали его приглашать. Это, несомненно, была идея Лютика.

— Привет, Виссинг, — улыбнулась чародейка. — Очень мило с твоей стороны вспомнить о нас. Угощайся.

Разбойник изысканно поклонился, опираясь на Соломку, то бишь Дубинку.

— Многие лета радости и кучу детишек, — громко возвестил он. — Этого желаю вам, дорогие мои! Сто лет в счастье, да что я говорю, двести, двести, курва, лет! Двести! Ах, как же я рад, Геральт и вы, милсдарыня Йеннифэр. Я всегда верил, что вы окрутитесь, хоша вы завсегда цапались и кусались, как, к примеру, псы дворовые. Ах, курва, да что я болтаю-то!

— Привет, привет, Виссинг, — сказал ведьмак, наливая вина в самый большой кубок, какой только оказался поблизости. — Выпей за наше здоровье. Откуда явился? Говорили, ты сидишь в узилище?

— Вышел. — Гоп-Стоп одним духом выпил, глубоко вздохнул. — Вышел под этот, как так его, курва, залог. А это, дорогие, мой подарочек вам. Получайте.

— Что такое? — проворчал Геральт, глядя на огромный мешок, в котором что-то шевелилось.

— По дороге словил, — сказал Гоп-Стоп. — Надыбал это на клумбе, где стоит голая баба, из камня высеченная, ну, та, которую голуби обделали...

— Так в мешке-то что?

— А этакой, как бы сказать, дьявол. Я прихватил его для вас в подарок. У вас тут зверинец есть? Нету? Ну, так и сделайте из эво чучелу и повесьте в прихожей, вот уж будут ваши гости дивиться. Хитрая скотинка, доложу я вам, этот дьявол. Утверждает, что его Шуттенбахом кличут.

МУЗЫКАНТЫ*

ДОЛЫ

Там, где практически кончался город, за трамвайной петлей, за подземными железнодорожными путями и пестрыми квадратами огородных наделов протянулось холмистое ухабистое поле — замусоренное, изрытое, ощеренное клыками колючей проволоки, заросшее чертополохом, пыреем, полевицей, осотом и одуванчиком.

Полоса ничейной земли, фронтовая зона между каменной стеной новостроек и дальним темно-зеленым лесом, казавшимся синим сквозь дымку смога.

Люди называли это место Долами. Но то было не настоящее название.

Эта окраина всегда была пустынна, даже непоседливые детишки лишь изредка забегали сюда, по примеру родителей предпочитая для игр места, скрытые в безопасных железобетонных каньонах. Только временами, да и то у самого края, устраивались тут пьянчужки, коих атактистически тянуло к зелени. Больше на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Кошек было полно по всей округе, но Долы были их царством, неоспоримым доменом и убежищем. Оседлые псы, регулярно облаивавшие кошек по приказу хозяев, останавливались на границе пустыря и тут же удирали, поскуливая и поджимая хвосты. Они покорно принимали жестокие побои за трусость — Долы были для них страшнее боли.

* Muzykanci. Перевод с польского Е.А. Барзовой и Г.Г. Мурадян.

Людам тоже на Долах было как-то не по себе. Днем. Ибо ночью на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Таящиеся и осторожные днем, ночью кошки кружили по Долам мягким крадущимся шагом, совершали необходимую коррекцию численности местных крыс и мышей, будили жителей приграничных домов пронзительным мявом, возвещавшим любовь или кровавую драку. Ночью кошки чувствовали себя на Долах безопасно. Днем — нет.

Местные жители не любили кошек. Учítывая, что тех созданий, которых они любили и которых держали в своих каменных гнездах, у них было в обычае время от времени зверски истязать, определение «не любили» в отношении кошек обретало соответствующее мрачное звучание. Случалось, кошки размышляли, в чем кроется причина этого состояния. Взгляды разнились — большинство кошек полагало, что виной всему те мелкие, на первый взгляд незначительные мелочи, что медленно, но верно приканчивали людей и вели их к помешательству — острѐе смертоносные иголки асбеста (их люди носили в своих легких), убийственная радиация, исходящая от бетонных стен их, губительный кислый воздух, неизменно висающий над городом. Что ж удивительного, говорили кошки, если кто-то, балансирующий на краю гибели, отравленный, разъедаемый ядами и болезнями, ненавидит витальность, ловкость и силу? Если кто-то, издерганный, не знающий покоя, яростью и бешенством реагирует на теплый, пушистый, мурлычущий покой других? Нет, не было в этом ничего, чему следовало удивляться.

Следовало держаться настороже, убегать со всех ног, во всю прыть, едва заведѐв двуногий силуэт — большой или маленький. Следовало остерегаться пинка, палки, камня, собачьих клыков, автомобильных колес. Следовало вовремя распознать жестокость, скрытую за цедимым сквозь сжатые зубы «кис-кис». И только.

Были, однако, среди кошек и такие, кто полагал, что причина ненависти — в чем-то другом. Что лежит она в Давних Временах.

Давние Времена. Кошки знали о Давних Временах. Образы Давних Времен являлись на Долы ночами.

Ибо Долы не были обычным местом. Ясными лунными ночами кошкам виделись образы, доступные только их ко-

шачьему зрению. Туманные, мерцающие образы. Хороводы длинноволосых девушек вокруг странных сооружений из камня, безумные завывания и подскоки близ изувеченных тел, свисающих с деревянных опор, ряды людей в капюшонах с факелами в руках, пылающие дома с башнями, увенчанными крестами, и такие же кресты, только перевернутые, воткнутые в черную, пульсирующую землю. Костры, колья и виселицы. И черный человек, выкрикивающий слова. Слова, которые были — кошки знали — истинным именем места, называемого Долами.

Locus terribilis.

В такие ночи кошкам бывало страшно. Кошки чувствовали, как дрожит Завеса. Тогда они припадали к земле, впивались в нее когтями, открывали безгласно усаые пасти. Ждали.

И тогда раздавалась музыка. Музыка, заглушающая непокой, утишающая страх, несущая блаженство, возвещающая безопасность.

Ибо, кроме кошек, на Долах жили Музыканты.

ВЕЕАЛ

День начался как и все другие дни — холодный рассвет разогрелся и разленился теплым осенним утром, озарился в зените сполохами бабьего лета, разъяснился, потускнел и начал умирать.

Это случилось совсем неожиданно, внезапно, без предупреждения. Вееал разодрал воздух, вихрем пронесся по сорной траве, умножился эхом, отразившимся от каменных стен многоквартирных домов. Ужас вздыбил полосатую и пеструю шерсть, прижал уши, оскалил клыки.

Вееал!

Мучение и смерть!

Убийство!

Вееал!

Завеса! Завеса лопнула!

Музыка.

И успокоение.

Сирены машин нахлынули на огороды только потом. Только потом появились обезумевшие, спящие люди в белых и

голубых одеждах. Кошки смотрели из укрытия, спокойные, равнодушные. Это уже их не касалось.

Люди бегали, кричали, ругались. Люди уносили изуродованные тела убитых, и сквозь белые простыни сочились кровь. Люди в голубых одеждах отталкивали от проволочного ограждения других, тех, что подбегали со стороны жилого квартала. Кошки смотрели.

Один из людей в голубых одеждах выскочил на открытое пространство. Его вырвало. Кто-то закричал, закричал страшно. Яростно захлопали дверцы машин, потом снова взвыли сирены.

Кошки тихо мурлыкали. Кошки слушали музыку. Все это их уже не касалось.

БОРОДАВЧАТЫЙ

Захваченный в сети тонов, соединяющих и склеивающих разорванную Завесу тончайшей пряжей музыки, Бородавчатый отступал, разбрызгивая вокруг себя капельки крови, стекающей с когтей и клыков. Отступал, исчезал, пойманный клейким вяжущим веществом; в последний раз, уже из-за Завесы,дохнул он на Музыкантов ненавистью, злобой и угрозой.

Завеса срослась, затянулся последний след разрыва.

МУЗЫКАНТЫ

Музыканты сидели у покореженной, черной от копоти печи, врытой в землю.

— Удалось, — сказал Керстен. — На этот раз удалось.

— Да, — подтвердил Итка. — Но в следующий раз... Не знаю.

— Будет следующий раз, — прошептал Пасибурдук, — Итка? Будет следующий раз?

— Вне всяких сомнений, — проговорил Итка. — Ты их не знаешь? Не догадываешься, о чем они сейчас думают?

— Нет, — сказал Пасибурдук. — Не догадываюсь.

— А я догадываюсь, — проворчал Керстен. — Еще как догадываюсь, потому что знаю их. Они думают о мщении. Поэтому мы должны ее отыскать.

— Должны, — сказал Итка. — Должны ее наконец отыскать. Только она может их удержать. У нее есть с ними контакт. А когда она уже будет с нами, мы отсюда уйдем. В Бремен. К другим. Так, как велит Закон. Мы должны идти в Бремен.

ГОЛУБАЯ КОМНАТА

Голубая комната жила собственной жизнью. Дышала запахом озона и разогретого пластика, металла, эфира. Пульсировала кровью электричества, жужжащего в изолированных проводах, в маслянисто лоснящихся выключателях, клавишах и штепселях. Мигала стеклянным мерцанием экранов, множеством злых, красных детекторных глазков. Похвалялась величием хрома и никеля, важностью черного, достоинством белого. Жила.

Покоряла. Господствовала.

Деббе шевельнулась в путях ремней, распластавших ее на покрытом простыней и клеенкой столе. Ей не было больно — иглы, вбитые в череп, и зубастые бляшки, пристегнутые к ушам, уже не причиняли боли, только давил плетеный венец проводов — все это уродовало, позорно стесняло, но уже не причиняло страданий. Тусклым, остановившимся взором Деббе смотрела на герань, стоящую на подоконнике. Герань была в этой комнате единственной вещью, живущей собственной, независимой жизнью.

Не считая Изы.

Иза, склонившаяся над столом, писала быстро, мелким бирюзовым почерком покрывая страницы тетради, время от времени постукивая пальцами по клавиатуре компьютера. Деббе вслушивалась в биение Комнаты.

— Ну, маленькая, — сказала Иза, поворачиваясь. — Начинаем. Спокойно.

Щелкнул выключатель, загудели моторы, завибрировали огромные катушки, стрельнули глазами кроваво-красные огоньки. Через круглые, в клеточку, окна экранов побежали вприпрыжку светящиеся мыши. Самописцы задрожали, раскачиваясь, как

тонкие паучьи лапки, и поползли по бумажным лентам зубчатые линии.

Деббе

Иза грызла ручку, всматриваясь в ряды цифр, пугающе ровно выскакивающих на экране монитора, в графики, в прямоугольные диаграммы. Бормотала себе под нос, долго писала в тетради. Курила. Просматривала распечатки. Наконец щелкнул выключатель.

видела герань. Ощущала сухость в носу, холодящий жар, спускающийся от лба к глазам. Онемение, онемение во всем теле.

Иза просматривала распечатки. Некоторые комкала и швыряла в переполненную корзину, другие, помеченные быстрым росчерком, подкалывала и складывала в ровную стопку.

Комната жила.

— Еще раз, — сказала Иза. — Еще раз, маленькая.

Деббе

Голубой экран выколдовывал прямые и ломаные линии, аккуратными слоями громоздил колонки циферек. Самописец, плавно и спокойно колыхаясь, чертил на бумажной ленте фантастический горизонт.

Это мы. Ты должна

она удивилась, услышав этот голос. Никогда прежде она не слышала этого голоса, голоса громче, чем голос Комнаты, громче, чем пекущий жар, булькающий в ее мозгу. Иглы, которыми щетинилась ее голова, завибрировали.

Музыка! Музыка! Музыка!

Красная линия на экране подскочила вверх, самописец дернулся и нарисовал в прерванной линии три или четыре мощных зазубрины.

должна с нами в Бремен.

— Что такое, холера, — прошептала Иза, вперяась в экран. Забыв о тлеющей в пепельнице сигарете, закурила другую. Она втыкала выключатели один за другим, пытаясь совладать с обезумевшими экранами.

— Ничего не понимаю. Что происходит, маленькая?

Наконец она сделала то, что следовало. Выключила ток.

— Нееет, — протяжно сказала Деббе. — Не хочу, светловолосая. Не хочууууу!

Иза встала, погладила ее по голове и по хребту. Все линии на экране поползли вверх, а самописец дико заметался. Иза этого не видела.

— Бедная киска, — сказала она, глядя шелковистую шерстку Деббе. — Бедная киска. Если б ты только знала, как мне тебя жалко. Но ты послужишь науке, кисонька. послужишь познанию.

За плечами Изы курсор компьютера засеменил вправо, выписав ровными маленькими угловатыми буквами «Incorrect statement», и погас. Совсем.

Самописец остановился на бумажной ленте. Светящаяся мышка на круглом, в клеточку, экране пискнула последний раз и замерла.

Иза, ощутив внезапную слабость, от которой потемнело в глазах, тяжело опустилась на белый трехногий столик.

Музыка, подумала она, откуда эта...

Деббе мурлыкала проникновенно, свободно и легко, плавно и естественно подлаживаясь к гармонии набегающих отовсюду тонов. Она открывала в них себя, свое место, свое предназначение. Она чувствовала, что без нее эта музыка — неполная, увечная. Голоса, сопровождавшие аккорды, подтверждали это. *Это ты, говорили они, это ты. Поверь в себя. Это именно ты. Поверь.*

Деббе верила.

Мы, говорили голоса, это ты. Слушай нас. Слушай нашу музыку. Твою музыку. Слышишь?

Деббе слышала.

Мы ждем тебя, говорили голоса. Мы покажем тебе путь к нам. А когда ты уже будешь с нами, мы отправимся все вместе в Бремен. К другим Музыкантам. Но сначала ты должна дать им шанс. Только ты можешь это сделать. Можешь дать им шанс. Послушай. Мы расскажем тебе, что сделать, чтобы их удержать. Слушай.

Деббе слушала.

Ты сделаешь это?

Да, сказала Деббе. Сделаю.

Музыка ответила каскадом звуков.

Иза безжизненным взглядом смотрела на герань.

Смотри на меня, светловолосая, сказала Деббе. Черная буква «М» на челе кошки, знак избранницы, метка Паука-следователя, засияла и засверкала металлическим павлиньим блеском.

Смотри мне в глаза.

НЕЙМАН

— Двое, — сказала санитарка. — Их двое. Сидят в ординаторской. Речка сварила им кофе. Но они сказали, что им срочно.

— Что могло понадобиться от меня милиции? — Иза затушила недокуренную сигарету в жестяной шаткой тарелке коридорной пепельницы. — Они не говорили?

— Ничего не говорили. — Санитарка наморщила пухлое личико. — Вы же знаете, пани доктор. Они никогда ничего не говорят.

— Откуда мне знать?

— Идите, пани. Они говорят, что им срочно.

— Иду.

Их действительно было двое. Интересный блондин, косая сажень в плечах, в фирмóвой куртке, и брюнетик в темном свитере.

При виде входящей Изы оба встали. Она удивилась — жест был не повседневный даже для обычных мужчин и уж совсем неправдоподобный для милиционеров. Полицейских, мысленно поправила она себя и тут же устыдилась — устыдилась стереотипа, которому неосознанно поддалась.

— Пани доктор Пшеменца, — констатировал блондин.

— Да.

— Изабелла Пшеменца?

— Да. Садитесь, пожалуйста. Слушаю вас.

— А не, — усмехнулся блондин. — Это я слушаю.

— Я не совсем понимаю вас, пан...

— Комиссар. Это эквивалент прежнего поручика.

— Я имела в виду фамилию, не чин.

— Нейман. Анджей Нейман. А это — стажер Здыб. Прошу прощения, пани доктор. Я считал представление излишним, поскольку вы ведь со мной знакомы. Вы звонили мне по телефону. Называли мою фамилию. И чин, как вы остроумно выразились.

— Я? — еще больше удивилась Иза. — Я звонила вам по телефону? Прошу прощения, я с самого начала предполагала, что это какая-то ошибка. А теперь я уверена, что так и есть. Я никогда не звонила в милицию. Никогда. Вы меня с кем-то перепутали.

— Пани Иза, — внушительно сказал Нейман. — Очень прошу вас не усложнять мне задачу. Я занимаюсь делом об убийстве, совершенном на огородных участках имени Розы Люксембург, ныне — генерала Андерса. Вы, вероятно, слышали: трое несовершеннолетних, зарезанных при помощи серпа, косы, багра или же подобного орудия. Вы слышали? Это недалеко отсюда, в предместье.

— Слышала. Но какое это имеет отношение ко мне?

— Вы не знаете? Вы занимаетесь одной из жертв этого происшествия. Косвенной жертвой, так мы это называем. Эльжбета Грубер, девяти лет. Эта девочка, которая видела весь ход происшествия, весь процесс преступления. Она лежит в этой больнице. Я слышал, что вы ею занимаетесь.

— А, та девочка в коме... Нет, панове, это не моя пациентка. Доктор Абрамик...

— Доктор Абрамик, с которым я уже беседовал, утверждает, что вы очень интересуетесь этим случаем. Эта Грубер — она ваша родственница?

— Еще раз повторяю... Никакая она мне не родственница, я не знаю ее. Не знала даже ее фамилии...

— Пани Иза. Хватит. Толек, позволь.

Брюнетик потянулся к дипломату и вытащил маленький плоский магнитофон «Нэшнл панасоник».

— У нас, — сказал Нейман, — записываются разговоры. Ваш разговор со мной оказался записан. К сожалению, не с начала...

Против воли комиссар покраснел. Начало разговора не записалось по самым прозаическим причинам — в магнитофоне в тот момент стояла кассета с «But Seriously» Фила Колинза, переписанная с компакт-диска. Брюнетик нажал на клавишу.

— ...перебивай, Нейман, — проговорил голос Изы. — Какое тебе дело до того, кто говорит? Важнее, что говорит. А говорит вот что: нельзя тебе делать то, что задумал. Понимаешь? Нельзя. Чего ты хочешь добиться? Хочешь узнать, кто убил мальчишек на огородных участках? Могу тебе сказать, если хочешь.

— Да, — сказал голос комиссара. — Хочу. Прошу вас сказать мне, кто это сделал.

— Это сделал тот, кто прошел сквозь Завесу. Когда пронесся Вееал, Завеса лопнула, и он прошел. Когда Завеса лопается, те, что находятся поблизости, гибнут.

— Не понимаю.

— И не должен, — резко сказал голос Изы. — Вовсе и не должен понимать. Тебе следует просто принять к сведению, что я знаю, что ты намерен учинить. И еще я знаю, что этого делать нельзя. И просто делюсь с тобой этим знанием. Если ты меня не послушаешь, последствия будут ужасными.

— Минуточку, — отозвался голос Неймана. — Вы собирались мне сказать, кто...

— Уже сказала, — перебил голос Изы.

— Повторите, пожалуйста.

— А зачем тебе это? Думаешь, ты можешь что-то сделать тому, из-за Завесы? Глубоко заблуждаешься. Он вне твоей досягаемости. Но ты... Ты — в его досягаемости. Берегись.

— Вы мне угрожаете. — Это было утверждение, не вопрос.

— Да, — сказал бесстрастный голос Изы. — Угрожаю. Но это не я тебе угрожаю. Не я. Я не сумею объяснить тебе многих вещей, многих фактов, не смогу найти правильные слова. Но одно я могу... могу тебя остеречь. Не слишком ли много было уже жертв? Эти мальчишки, Эльжбета Грубер. Не делай того, что планируешь, Нейман. Не делай.

— Послушайте, пожалуйста...

— Довольно. Запомни. Нельзя тебе.

Хлопнула трубка.

— Вы мне, возможно, не поверите... — начала Иза.

— Разве мы уже не на ты? — перебил Нейман. — Жаль. Это было мило и непосредственно. Чему не поверю? Что это были не вы? Действительно, трудно было бы поверить. А теперь, пожалуйста, я слушаю. Что я планирую? Почему мне нельзя это делать?

— Не знаю. Это не я... Это был не мой голос.

— Кем вам приходится маленькая Грубер?

— Не знаю... Никем... Я...

— Кто убил детишек на огородах? — Нейман говорил тихо, не повышая голоса, но желваки на его скулах подергивались выразительно и ритмично. — Кто это был? Почему он вне моей досягаемости? Потому что он ненормальный, правда? Если я его схвачу, он отправится не в каталажку, а в больницу, такую, как эта? А может, как раз в эту? А может, он уже тут был? Что? Пани доктор?

— Не знаю! — Иза вскинула руки в невольном жесте. — Не знаю, говорю вам! Это не я звонила! Не я!

Нейман и стажер Здыб молчали.

— Я знаю, о чем вы думаете, — спокойно сказала Иза.

— Сомневаюсь.

— Вы думаете... Что, как в том анекдоте... что мы тем отличаемся от пациентов, что уходим на ночь домой...

— Bravo, — сказал Нейман без улыбки. — А теперь я слушаю.

— Я... ничего не знаю. Я не звонила...

— Пани доктор, — проговорил Нейман спокойно и ласково, словно обращаясь к ребенку. — Я знаю, что магнитофонная запись — слабое доказательство. Что вы можете все отрицать. Вы можете, как это сейчас принято, обвинить нас даже в манипуляции и фабрикация доказательств, в чем вам угодно. Но если вы и правда уходите на ночь домой заслуженно, а не только благодаря чьей-то ошибке в диагнозе, то вы представляете, какие будут последствия, когда дело раскроется. А дело раскроется прекрасно. Должно раскрыться, потому что так сложилось, что у убитых мальчишек высокопоставленные родители, и никакая сила не остановит следствие, только наоборот. Вы знаете, что тогда случится.

— Не понимаю, о чем вы.

— Это я вам расскажу. Вы думаете, что если маньяк с огорохов приходится вам родственником или кем-то близким, то вы не будете нести уголовную ответственность за его сокрытие. Возможно. Но, кроме уголовной ответственности, есть еще другая ответственность. Если окажется, что вы прикрывали маньяка-убийцу, то ни в этой больнице, ни в какой другой больнице этого направления во всем мире вам уже не работать. Спасти вас может только здравый смысл. Жду, когда пани его проявит.

— Пан... Повторяю, что я не знаю, в чем тут дело, — опустила голову Иза. — Это был не мой голос, слышите? Похожий, но не мой. Это был не мой стиль речи. Я так не говорю. Можете спросить кого вам угодно.

— Спрашивал, — сказал Нейман. — Множество людей вас узнали. Кроме того, я знаю, с какого аппарата звонили. Подумайте серьезно, пани Иза. Пожалуйста, перестаньте руководствоваться эмоциями. Мы имеем дело с убийством, со зверским убийством, убийством людей. Людей, понимаете? Вы понимаете, что этого нельзя оправдать ничем, и уж тем более заботой о благе животных. Это преступление — типичное проявление

реакции параноика, маньяка. Отомстил за кота, убил детишек, которые его мучили. А завтра он прикончит кого-нибудь, кто бьет собаку. Послезавтра порешит вас, когда вы раздавите жу-желицу на тротуаре.

— О чем вы говорите?

— Я утверждаю, что вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Потому что вам известно, кто это сделал и почему он это сделал. Потому что вы его лечили или же будете лечить и знаете, в чем состоит, я извиняюсь, задвиг вашего пациента. Это кто-то, прошу прощения, задвинутый на пункте хорошего отношения к животным.

— Пан Нейман, — сказала Иза, ее трясло, она уже не могла справиться с дрожью в руках и тяжестью в груди. — Сами вы задвинутый. Прошу прощения. Арестуйте меня. Или оставьте меня в покое.

Нейман встал. Стажер Здыб встал тоже.

— Жаль, — сказал комиссар. — Жаль, пани Иза. Если вы все же решитесь, прошу мне позвонить.

— Не на что мне решаться, — сказала Иза. — И я не знаю вашего номера.

— Ах так. — Нейман покачал головой, глядя ей в глаза. — Понял. Жаль. До свидания, пани Иза.

ХЕНЦЛЕВСКИЙ

— Пан Хенцлевский, — сказал комиссар полиции Нейман. — Мне казалось, что я имею дело с серьезным человеком...

— Эй! — Адвокат предупреждающе вскинул руки. — Не забываетесь. Мы не в комиссариате. Что вы имеете в виду, чума вас заберит?

— Видите ли, — сказал стажер Здыб, не скрывая злости. — Столько было анекдотов о милиционерах и так мало об адвокатах. А выходит, что зря.

— Еще слово, и я выставлю вас обоих за дверь, — спокойно сказал Хенцлевский. — Это что за разговорчики? Что вы себе позволяете, господа милиейские?

— Полицейские, будьте добры.

— Горе-полицейские. Убийца моего сына ходит себе на свободе, а вы тут приходите молоть всякий вздор. Ну, короче, ближе к телу. Мое время — деньги, господа.

— Слишком много вы говорите, — сказал Нейман. — Как заведетесь, так остановиться не можете. С нами говорите, а что еще печальнее — и с другими. И из-за этого рыпнулось все дело, господин адвокат.

— Что рыпнулось? Яснее, пожалуйста.

— Фамилия Пшемёнцка вам что-нибудь говорит? Доктор Пшемёнцка, из психушки.

— Нет у меня знакомых психов. Это кто такая?

— А та самая, кто знает обо всем, что мы запланировали. Не от нас. Выходит, что знает она об этом от вас. А если это так, значит, не она одна.

— Вздор, bullshit, — выпрямился Хенцлевский. — О плане знаю только я и вы двое. Я не говорил об этом никому. Это вы все ныли и охали, что не можете ничего сделать без ведома начальства. И, стало быть, вы поставили в известность начальство, а начальство скорее всего поставило в известность полгорода, в том числе и доктора Пшемёнцку, или как ее там. Quod erat demonstrandum, или что и требовалось доказать. Увы, господа. И вы ошиблись, пан Здыб. В анекдотах о милиции — довольно много правды.

— Не говорили мы никому ни о чем, — покраснел стажер. — Никому, слышите? Ни жене, ни начальству. Никому.

— Ладно, ладно. Чудес не бывает. Разве что... Эта врачиха из психушки, как вы говорите, могла вас просто подловить. Блефовать. Что она вам говорила? Когда? При каких обстоятельствах?

— Послушайте сами. Дай магнитофон, Анджей.

Они сидели, куря сигарету за сигаретой. Нейман наблюдал, как в доме напротив лысый тип с помощью нескольких дружок устанавливает на балконе огромную тарелку, с виду — вылитая спутниковая антенна. С соседнего балкона, на котором стояла ярко раскрашенная лошадка на полозьях, переползла к сборщикам пестрая морская свинка. Лысый, не выпуская тарелки, пул ее ногой. Свинка свалилась с балкона. Нейман не встал посмотреть, что с ней случилось. Это был восьмой этаж.

— Та-ак, — сказал адвокат, прослушав запись до конца. — У нее что, не все дома, у этой врачихи? Знаете этот анекдот...

— Знаем, — сказал стажер Здыб.

— Завеса. Какая завеса? И этот... веал, или как его там... Невнятица какая-то. Эта докторша... Пшесмычка?

— Пшеменца.

— Вы ее знаете? Проверяли?

— Проверяли. Молодая, без большой клинической практики, мало контактов с пациентами. Занимается какими-то исследованиями. Чем-то очень сложным, холера, это связано с волнами мозга, нейронами, не помню.

— Безумная пани доктор Франкенштейн, — скривился адвокат. — Знаете что? Я бы все это не брал в голову.

— А я наоборот, — сказал Нейман. — Скажу больше, уже взял. Пан Хенцлевский, у нас еще не все закончилось, чистка продолжается. Кто-то, может, холерно заинтересован меня подсадить. Слегка подперченная врачаха — такое же орудие провокации, как любое другое, не хуже, не лучше. Я должен это проработать.

— Вы эгоцентрик, пан Анджей, — заметил Хенцлевский. — Ваша персона в этом деле, извините, имеет мало значения.

— Будь оно так, — усмехнулся комиссар, — я бы нисколько не убивался. Но и вы, дорогой пан Хенцлевский, пожалуй, заблуждаетесь. После звонка пани доктора голову даю на отсечение, что вашего сына убил буйнопомешанный. Никакая это была не месть. Не важно, кого и для чего вы защищали во время военного положения и скольким секретарям вставили перо в зад. Вы не Пясецкий. Извините.

— Вывод? — Адвокат слегка покраснел.

— Просто как пареный веник. Если это сумасшедший, то с точки зрения закона он человек больной. Больной, понимаете, пан адвокат?

— Когда я слышу такие вещи, — вспыхнул Хенцлевский, — то у меня зубы скрежещут! Больной, сукин сын! Он моего Мачека... Больной!

— Я-то вас понимаю. У меня тоже скрежещут. Но нам ничего не удастся сделать, и это однозначно сказала та врачаха. Предположим, что она блефовала, что ничего не знает о нашем плане. Но она могла догадываться, когда меня предостерегала. Она однозначно меня предостерегала.

— Вы отыскиали в ее невнятице предостережение? И какое?

— Не притворяйтесь. Она меня предостерегала, чтобы я не пробовал взять этого психа как мороженое мясо. Я могу его арестовать, воспользовавшись нежными уговорами, на-

деть на него смирительную рубаху и передать специалистам. На лечение.

— Вы перепуганы, пан Анджей, и поэтому все неправильно понимаете. — Адвокат переплел пальцы. — Я тоже слушал эту запись. И в ней имеет кардинальное значение нечто совсем другое. Послушайте меня. Давайте поиграем. Я буду вами, а вы — вашим полковником или там инспектором полиции, как это сейчас называется, если я не ошибаюсь. Докладываю, пан инспектор полиции. Я проанализировал странный разговор с пани доктор Икс. Меня удивило, что она многократно употребляла слова, из которых следовало, что подозреваемый буйный помешанный очень опасен. Это настолько глубоко засело в моем подсознании, что, когда дело дошло до встречи лицом к лицу, у меня нервы сдали. Видя, что он на меня нападает с опасным оружием, я воспользовался служебным оружием, не переходя границ самообороны. Как? Хорошо получилось, пан инспектор? Хорошая интерпретация?

— Засуньте эту интерпретацию себе в задницу, — спокойно проговорил Нейман. — Так, разумеется, сказал бы мне мой инспектор. Господин адвокат, вы хорошо знаете, что означает необходимая самооборона в случае вооруженного полицейского, который к тому же знает, что имеет дело с человеком не вполне вменяемым. Это вам не Америка. Я не намерен идти под суд.

Адвокат задумался и больше минуты молчал.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Возможно, пан Нейман, вы действительно правы. Итак, что будем делать?

— Расторгнем соглашение.

— Ну, тут вы несколько далеко зашли, вам не кажется? Я понимаю, ни стрельба, ни какие-либо другие серьезные действия не входят в сценарий. Но псих может оказать сопротивление. Сбежать. Может споткнуться и здорово расшибиться. Я о таких случаях слышал, слышался от моих клиентов. А ргггг, знаете ли вы, сколько моих клиентов проживает в Варшаве?

— И что с того?

— А очень много с того. Мое предложение вот какое: соглашение остается в силе. Предлагаю выгодные условия. За предоставление мне возможности личного участия в акции, за удовольствие коснуться рукой и ногой убийцы моего сына я гарантирую вам поддержку очень высокопоставленных лиц на

случай дальнейших чисток в полиции, связанных с какими-либо непредвиденными осложнениями в нашем плане. Мои друзья из Варшавы, если понадобится, успокоят и пани Пшемислава от чокнутых, не бойтесь. Ну а до того, как договорились, будет конкретное финансовое вознаграждение для вас двоих.

— Трех, — сказал стажер Здыб.

— Как это, к дьяволу? — занервничал Хенцлевский. — Трех? Трое — это великое множество людей, имя им легион, блин. Зачем вам третий?

— Для достоверности рапорта. У нас так всегда делается. Бригада каменщиков. Идеи, пан адвокат, ваши, техника — наша. Мы в этом разбираемся.

— Он хоть надежный, этот третий?

— На сто процентов, или *hundred per cent*.

— Тогда пусть будет, — скривился адвокат. — Ну? Пан Нейман, надеюсь, вы удовлетворены?

— Не до конца, — сказал комиссар. — Толек? Тебе не кажется...

— Должно пройти хорошо, — проговорил стажер. — Одно только меня слегка беспокоит. Не слишком ли мы уверены, что это психически больной? Это может быть такой зеленый, гринпис, понимаете? Защитник животных. Увидел, что детишки кота мучают, и ударило его. Я читал о похожем случае, в «Пшекруе», по-моему. Они там ослепили собаку или кошку, уже не помню. Когда я об этом читал, то чувствовал, что в статье этот тип высаживает свое негодование, жалость, жажду мести. А другой мог бы высадиться иначе. Взял бы нож, топор, штакетину и отомстил бы за своего пса.

— Это то же самое выходит, — сказал Хенцлевский. — Кто так реагирует, тот явно тронутый. *Quod erat demonstrandum*.

— Это совсем не то же самое выходит, — подхватил мысль Нейман. — Задвиг на пункте животных может не квалифицироваться у психиатров. С их точки зрения этот тип будет полностью нормален, и его выслушают, когда он расскажет, как именно мы его сцапали и что мы ему тогда сделали.

— Я за свою карьеру повидал многих, кто рассказывал, что с ними происходило в милиции, — сообщил адвокат. — Но не припомню ни одного, кому бы официально поверили. А если даже и расскажет, как именно его схватили, то что? Вы предполагаете, что кто-нибудь проникнется судьбой глупой кошки?

— Может, и нет, — сказал Здыб. — А что будет, если эту кошку услышит тот, кто тут вообще ни при чем? И прибежит поглядеть, что происходит?

— Ты шутишь, Толек, — взмахнул руками Нейман. — Того, кто тут ни при чем, это как раз не заинтересует. Кому может быть дело до кошки?

— А ргорос, о кошке, — сказал Хенцлевский. — Надо какую-нибудь организовать.

— С этим не должно быть хлопот, — заявил Нейман. — Кошек полно. У детей моей соседки, к примеру, есть кот. Должен сгодиться.

ИЗА

Иза лежала спокойно, словно боялась малейшим движением вспугнуть тот отдаляющийся, неуловимый сигнал обманчивого и лживого неслучившегося оргазма. Прильнувший к ней мужчина дышал ровно, мерно, потихоньку погружаясь в дрему. Гудела сигнализация, далеко и тихо.

— Хеню, — окликнула она.

Мужчина вздрогнул, вырванный из полусна, приблизил лицо к ее обнаженной груди.

— Что, Изуня?

— Что-то со мной неладное, Хеню.

— Опять? — испугался мужчина. — Вот черт, ты должна как-то подрегулировать этот твой цикл, Иза.

— Это другое.

Мужчина выждал с минуту. Иза не продолжала.

— Что еще? — спросил он наконец.

— Хеню... Симптомом чего являются провалы в памяти?

— Почему ты спрашиваешь? С тобой такое случается?

— Последнее время — часто. Достаточно давно. После — галлюцинации. Голоса. Обман чувств.

Мужчина бросил быстрый взгляд на часы.

— Хеню.

— Слышал, — пробормотал он несколько нетерпеливо. — И что? Ты специалист. Какой твой диагноз? *Anaemia cerebri*? Начальные признаки шизофрении? Поражение лобных долей? Другое какое дерьмо? Иза, каждый психиатр обнаруживает у

себя разного рода подобные симптомы, это просто профессиональная болезнь. Должен ли я говорить тебе, как мало мы знаем о мозге, о протекающих в нем процессах? По-моему, ты просто-напросто переработала. Ты не должна проводить столько времени со своими кошками, рядом с этой аппаратурой. Знаешь ведь, насколько все это вредно: высокие частоты, поля, излучение мониторов. Брось ты это все на какое-то время, возьми отпуск. Отдохни.

Иза приподнялась на локте. Мужчина, лежа на спине, ласкал ей грудь заученным автоматическим движением. Она не любила, когда он так делает.

— Хеню.

— А?

— Я бы хотела, чтобы ты меня обследовал. На энцефалографе или с помощью изотопов.

— Можно, почему нет? Только...

— Прошу тебя.

— Ладно.

Они помолчали.

— Хеню.

— Да?

— Эльжбета Грубер. Ты ее лечишь. Что с ней на самом деле?

— Тебя это интересует? Верно, слышал. Довольно странный случай, Иза. Привезли ее в шоке, с типичными признаками кровоизлияния. Почти сразу она впала в состояние комы, и с тех пор нет ни улучшений, ни каких-либо изменений. Мы склоняемся к мнению, что на шок у нее наложился воспалительный процесс.

— *Encephalitis lethargica*?

— Ага. А почему ты спрашиваешь?

Иза отвернулась. В окно, вместе с очередным отчаянным воем сигнализации, ворвался собачий визг, нарастающий, прерывистый.

— Ноги бы такому пообрывал, — проворчал мужчина, глянув в сторону окна. — Проблемы у него на работе или дома, а высаживается на животном, быдло!

— Веесал разорвал Завесу, — спокойно проговорила Иза.

— Что?

— Веесал. Голос истязуемого зверя. Голос отчаяния, безысходности, страха, боли, превосходящей все.

— Иза?

— Крик, который не есть крик. — Иза заговорила громче: — Вееал. Вееал разорвал Завесу. Так сказала... Эля Грубер. Она это видела.

— Довольно... — простонал мужчина. — Иза! Она не могла... Девочка без сознания! О чем ты говоришь?

— Она говорила со мной. Говорила и велела мне что-то делать.

— Иза, ты действительно должна взять отпуск. — Мужчина посмотрел на нее, вздохнул. — Но прежде зайди ко мне, я тебя обследую. Это все проклятый стресс, паршивая работа, все из-за нее. Нельзя так себя выматывать, Иза.

— Хеню. — Иза села на постели. — Ты что, не понимаешь, о чем я? Эля Грубер говорила со мной. Я ее слышала. Она видела...

— Знаю, что она видела. Это, по всей вероятности, и послужило причиной шока и кровоизлияния. Она была свидетельницей убийства на огородных участках.

— Нет.

— Как — нет?

— Убийство было позже. Убийства она уже не видела. Видела... доску, что лежала на голове кота, закопанного по шею в землю. Ноги, топочущие по той доске. Глаза... Два шарика...

— Господи Иисусе! Иза! Откуда ты это... От кого?

— Мне рас... сказали.

— Кто?

— Музы... канты.

— Кто?

Иза опустила голову на подтянутые к груди колени и затряслась в плаче.

Мужчина молчал. Он думал о том, как беспомощны женщины, как сильно управляют ими их бабские эмоции, мешая работать, мешая наслаждаться жизнью. О том, какое огромное несчастье — эта феминизация целых предприятий, абсолютно неподходящих для женщин. С Изой, думал он, и правда творится неладное. Он беспокоился. С минуту. А через минуту верх взяло более важное беспокойство — что сказать жене, когда он вернется от Изы домой. В этом месяце он израсходовал уже все подходящие объяснения.

Подумал, что непременно должен обследовать Изу, снять энцефалограмму, провести анализы. Он мог бы сделать это уже во вторник, но обещал другу, что во вторник съездит к

нему на участок, поможет травить кротов. Вот черт, подумал он, забыл сегодня прихватить из больницы стрихнин.

— Возьми отпуск, Иза, — сказал он.

ГОЛУБАЯ КОМНАТА

— Марылька! — позвала Иза, глядя на пустой, покрытый белой простыней и клеенкой стол, на разбросанные провода, иглы, детекторы, кожаные ремни и прищепки.

— Марылька!

— Я здесь, пани доктор.

— Где моя кошка?

— Кошка? — удивилась лаборантка.

— Кошка, — повторила Иза. — Та, полосатая. Та, с которой я последнее время работала. Что с ней случилось?

— Как это? Ведь вы же сами...

— Что я?

— Вы мне велели ее принести... А, тут стоит клетка. Потом вы велели мне принести молока. Я и принесла, вы эту кошку накормили...

— Я?

— Да, пани доктор, вы. А потом вы отворили окно. Не помните? Кошка вскочила на подоконник. Я даже сказала тогда, что она у вас убежит. И кошка убежала. А вы...

— Что я? — Иза слышала музыку. Она потеряла ладонью лицо.

— Вы засмеялись...

Я должна, подумала Иза, должна идти к Эле Грубер.

Почему? Зачем?

Я должна идти к Эле Грубер.

Почему?

Эля Грубер зовет меня.

ДЕББЕ

Деббе бежала, то быстро-быстро перебирая лапками, то вытягиваясь в плавном прыжке. Она знала, куда бежать. Дале-

кая музыка, отдаленный зов тихой мелодии безошибочно указывали ей путь.

Она добежала до края кустов, за которыми поверхностью отравленной реки блестел асфальт. По нему, грохоча и шипя как дракон, проехал, трясясь, большой неповоротливый автобус.

Я должна с ней проститься, подумала Деббе. Пока не ушла, я должна еще с ней проститься. И остеречь. Последний раз. Интересно, где может быть Бремен?

Она отскочила.

Приближающийся автомобиль ослепил ее фарами. На мгновение она заметила красные толстые губы человека, прибавляющего газу и резко выворачивающего руль. Автомобиль дернулся в ее сторону, она почувствовала, как машину сотрясает бешенством, решимостью, жадой убийства. Увернулась в последнюю минуту, и ветер пригладил ей шерстку.

Она побежала вдоль живой изгороди, маленькая, полосатая тень.

LOCUS TERRIBILIS

Кошки были повсюду вокруг — неподвижные, с поднятыми головами, смотрели, прислушивались. Поворачивали головы за проходящей Деббе, приветствовали ее мяуканьем, почтительным прищуром глаз. Ни одна не шелохнулась, не подошла. Знак паука-преследователя на челе кошки пылал во мраке ведьмовским светом.

Она чувствовала, что это место — странное, небезопасное. Улавливала подушечками лап пульсацию земли, слышала нереальные шепчущие голоса. Минуту спустя, за завесой сквозь задрожавшую мглу, увидела... огонь и кресты, перевернутые, воткнутые...

Деббе замурлыкала в такт мелодии. Образы исчезли.

Вдалеке заметила что-то черное — остатки печки, врытой в землю, словно обугленный остов танка на поле битвы. Около печки, темные на фоне неба, три небольших силуэта. Подошла ближе.

Черный пес с кривой, согнутой лапой.

Серая крыса с длинной усатой мордочкой.

Маленький рыжеватый хомяк.

Музыканты.

ЖЕЛТАЯ КОМНАТА

— ...убежал разбойник со всех ног, — монотонно читала бабушка, — и рассказал атаману. То, что мы жилище свое потеряли, это еще не самое страшное, сказал. В доме сидит страшная ведьма, которая набросилась на меня и расцарапала мне лицо когтями. За дверью затаился человек, вооруженный ножом. Во дворе устроило себе логово черное чудище, оно меня ударило палкой. А на кровле сидел судья и кричал: «Сюда его, мерзавца, сюда!»

Мальчик засмеялся серебряным голосом. Венердина, лежавшая на кровати, свернулась в клубок, дернула ухом.

— И что дальше? Читай, бабушка!

— И это конец сказки. Разбойники убежали и никогда больше не возвращались, а пес, кот, осел и петух остались в лесной избушке и жили долго и счастливо.

— И не пошли туда... ну, туда, куда собирались?

— В Бремен? Нет. Видно, нет. Остались в избушке и там себе жили.

— А-а-а... — Мальчик задумался, грызя палец. — Жаль. Ведь они правда должны были туда пойти. Это пес придумал, когда его выгнали, потому что уже старый был. Очень это плохо. Я никогда не позволю выгнать нашу Мурку, хоть бы и будет ужасно старенькая.

Венердина подняла головку и глянула на малыша желтым, загадочным взглядом.

— Спи, Мариуш. Поздно уже.

— Да, — проговорил сонный мальчонка. — Даже когда будет совсем старая. У нас и так нет мышей. А они должны были уйти в этот Бремен. Они все были... Не забирай Мурку, бабушка. Пускай спит со мной.

— Нельзя спать с кошкой...

— А мне хочется.

ЭЛЯ ГРУБЕР

Иза потрясла головой, пробуждаясь, провела рукой по простыне. За окном было темно. Она сидела на кровати, и прикосновение поразило ее чуждостью, грубой однозначной уверенностью, что...

Не должна быть здесь.

— Ты слышишь меня? — сказала девочка, лежащая на кровати.

Иза кивнула, подтверждая то, что было невозможно. Глаза у девочки были пустые, стеклянные, по ее подбородку змейкой стекала сверкающая струйка слюны.

— Слышишь? — повторила девочка, слегка шепелявя, неловко шевеля перекошенными губами, слипшимися от белого налета.

— Да, — сказала Иза.

— Это хорошо. Я хотела с тобой попрощаться.

— Да, — прошептала Иза. — Но это ведь...

— Невозможно? Это ты хотела сказать? Не страшно. Не повезло нам, сильно нам не повезло, светловолосая. Я хочу с тобой попрощаться. Может, тебя это удивит, но... полюбила я прикосновение твоей ладони. Выслушай меня внимательно. Если сегодня ночью раздастся веесал, Завеса лопнет. Не знаю, удастся ли нам удержать... тех. Потому ты должна бежать отсюда. Что ты должна сделать? Повтори.

— Не знаю, — простонала Иза.

— Бежать должна! — выкрикнула Эля Грубер, мотая головой по подушке. — Бежать как можно дальше от Завесы! Не старайся ничего понять — верь тому, что видишь! Кажется тебе, что бредишь, что это сон, кошмар, а это будет реальность! Понимаешь?

— Нет... Не понимаю. Я... сошла с ума, да?

Девочка молчала, всматриваясь в потолок маленькими, как булавочные головки, зрачками.

— Да, — сказала она. — Все сошли с ума и уже давно. Еще одно безумие, маленькое зернышко на вершине огромной горы безумий. Этот последний веесал, которого не должно быть. Кто знает, может, это случится сегодня? Ты слушаешь меня?

— Слушаю, — сказала Иза совершенно спокойно. — Но я — психиатр. Я абсолютно точно знаю, что ты не можешь со мной говорить. Ты находишься в больнице, в состоянии комы. Это не ты. Голос, который я слышу, имитирует мой больной мозг. Это галлюцинация.

— Галлюцинация, — повторила девочка, усмехаясь.

Это судорога лицевых мышц, ну конечно, типичная судорога вследствие кровоизлияния, подумала Иза, в этом нет ниче-

го сверхъестественного. Ничего сверхъестественного, подумала она, чувствуя, как щетинятся волосы на затылке.

— Галлюцинация, говоришь, — протянула Эля Грубер. — Или то, чего в действительности не существует. Ложный образ. Так?

— Так.

— Это можно слышать. Это можно видеть. Но этого не существует, так?

— Так.

— Какие же мы с тобой разные, ты и я. Казалось бы, мой мозг развит менее твоего, но я, например, знаю — то, что я вижу и что слышу, есть. Существует. Если бы не существовало, как можно бы это увидеть? А если существует и имеет когти, клыки, жало, то надо от этого убегать, ибо оно может изувечить, сокрушить, расцарапать. Именно поэтому ты должна бежать, светловолосая. Сквозь прорвавшуюся Завесу пройдут галлюцинации. Это хорошее определение для того, что не имеет собственного облика, но взыскует его в мозгу того, кто на это смотрит. Насколько этот мозг выдерживает такое испытание. А мало какой выдерживает. Последний раз говорю: прощай, светловолосая.

Голова Эли Грубер безвольно упала набок, вперив в Изу мертвое стеклянное око.

КОТ

— Пора уже. Сейчас, — прошептал Хенцлевский.

Нейман покосился на часы. Было девять двадцать три. Когда он взглянул, последняя цифра заплясала, как скелет в мультфильме, становясь четверкой. По путям, за огородами, в глубоким, поросшем рябиной котловане гремел и гудел поезд.

— Чего мы ждем, холера? — занервничал адвокат.

Нейман вытащил из пластикового мешка толстый тюк, замотанный множеством полотенец и джутовой веревкой. Из свертка высовывался бело-чёрный кошачий лоб, с другой стороны — хвост и задние лапки.

Нейман извлек из кармана куртки пассатижи, замотанные оранжевой изоляцией.

Дальше, за беседками, Здыб, притаившийся рядом с Вендой, тяжело булькающим заложенным носом, содрогнулся от вопля, который донесся до него со стороны огородов.

— Господи! — высморкнулся Венда. — Как это ему должно быть больно...

Ощеривши белые зубы, прижавши уши, припали к земле кошки на Долах.

Музыканты, все четверо, были готовы.

ЗДЫБ

Гул поезда стих, эхом прокатившись еще по бетонным стенам блоков. И тогда чудовищный вопль со стороны огородов повторился, разорвался как граната, взлетел неправдоподобно высоко, нарастающий, рвущийся, страшный.

— Мать Божия! — вскричал Венда. — Толек! Это не кот!

Здыб дернулся, расстегивая куртку, выхватил пистолет из кобуры. Рык — это был уже рык, не вопль, оборвался, лопнул, вибрируя, как кромсаемая ножницами стальная проволока. Здыб побежал. Перескочил живую изгородь, продрался сквозь кусты крыжовника. В этот момент ночь пропорол второй крик, еще чудовищнее первого, короткий, обрывистый.

— Анджеееей! — проревел стажер.

Рванув через помидорные грядки, он налетел на полную бочку воды, оттолкнулся, как от стенки, споткнулся, упал, вскочил, поскользнулся, снова упал, инстинктивно выставив вперед руку, вдавил дуло Р-83 в мокрую землю. Позади себя слышал проклятия Венды, который наткнулся на упругую преграду проволоочной сетки.

— Анджеееей!

Снова споткнулся. Разглядел, обо что. И тогда начал кричать.

У Неймана не было головы.

Что-то ударило его в грудь. Здыб, упав на колени, задыхаясь, кричал, кричал до боли, такой же точно крик бился в его ушах. Резко дернувшись, оттолкнул от себя руку в окровавленном поплиновом рукаве, из которого торчала скользкая, гладкая, белая в окружающем мраке кость.

На газоне, на четком фоне редкой гряды подсолнухов, что сидело. Что-то, что было огромным. Огромным, как грузо-

вик. Темно-синее небо, подкрашенное далеким неоном, слегка рассветлилось за плечами сидящего на траве великана — словно это огромное нечто прорвалось сквозь небо и ночь, оставив за собой светящийся разрыв.

Очередной поезд, ворвавшийся на железнодорожный переезд, хлестнул заросли сверкающим бичом света. Здыб открыл рот и захрипел.

Сидящее на корточках на газоне горбатое чудовище с огромным, покрытым наростами брюхом, оскалившись, подняло тело Хенцлевского в корявых лапах. Фары поезда взбурлили огороды тысячью движущихся теней. Здыб хрипел.

Чудовище разинуло пасть и с хрустом, одним шелчком отгрызло Хенцлевскому голову, далеко, с размахом, отшвырнуло тело. Здыб услышал, как тело ухнуло о конструкции из гофрированной жести. Моча теплой волной стекала по его бедру. Он уже ничего не видел, но знал, чуял, что чудовище, мерно переставляя короткие лапы с огромными ступнями, идет к нему.

Здыб хрипел. Ему очень хотелось что-нибудь сделать. Хоть что-то.

Но он не мог.

КАПЛИ

Музыка, склеивающая Завесу, разрывалась, лопалась, распадалась на эластичные лоскуты. Трещина увеличивалась, с той стороны ползла клубящаяся смрадная мгла, огромные, лохматые тучи, туман, насыщенный тяжестью, как плевок сырости, мешающейся с кислотным городским смогом. На крыши, на асфальт, на оконные стекла, на автомобили падали первые редкие капли.

Падали капли желтые, шипящие при соприкосновении с металлом, протискивающиеся в щели и трещины, где падали изоляцию кабеля и грызли медь проводов.

Падали капли бурые, большие и вязкие, и там, где они падали, блекла трава, листья сворачивались в трубочки, чернели стебли и ветки.

Падали капли чернильно-черные, и там, где они падали, испарялся и плавился бетон, раскалялся кирпич, а штукатурка оплывала по стенам, как слезы.

И падали капли прозрачные, которые вовсе не были каплями.

РЕНАТА

У Ренаты Водо была безобидная причуда, чудаковатый обычай — неизменно, укладываясь в постель, она проверяла, опущена ли крышка унитаза и заперта ли дверь в ванную. Унитаз, открытый в таинственный и враждебный лабиринт каналов и труб, был угрозой — он не мог оставаться открытым, незащищенным — ведь «нечто» могло из него выйти и застигнуть спящую Ренату врасплох.

В тот вечер Рената, как обычно, опустила крышку. Проснувшись от беспокойства, обливаясь холодным потом, треща в полусне, как рыба на леске, она попыталась вспомнить, закрыла ли дверь. Дверь в ванную.

Закрыла, подумала она, засыпая. Конечно же, закрыла.

Она ошиблась. Впрочем, это не имело никакого значения.

Крышка унитаза медленно поднялась.

БАРБАРА

Барбара Мазанек панически боялась любых насекомых и червяков, но истинный, вызывающий прилив адреналина страх и пробирающее все тело дрожью отвращение пробуждали в ней уховертки — плоско-округлые, юркие, бронзовые страшилища, вооруженные похожими на щипцы клешнями на конце брюшка. Барбара глубоко верила, что эта быстро бегающая, пролезающая в каждую щель гнусность только и ждет случая, чтобы вползти ей в ухо и изнутри выжрать весь мозг. Проводя каникулы в палатке, она каждую ночь старательно засовывала в уши затычки из ваты.

В ту ночь, проснувшись от беспокойства, она невольно прижала левое ухо к подушке, а правое прикрыла плечом.

Это не имело никакого значения.

Сквозь неплотно прикрытые двери балкона грязной маслянистой волной начали просачиваться и растекаться по комнате миллиарды юрких насекомых. Глазки их светились красным, а клешни на кончиках брюшек были остры, как бритвы.

МУЗЫКАНТЫ

— Конец, — сказал Керстен. Деббе молчала, сидя неподвижно, с широко раскрытыми глазами, легонько подергивая черным кончиком хвоста.

— Конец, — повторил пес. — Итка, мы не можем ничего сделать. Ничего. Слышите? Пасибурдук, перестань, это не имеет смысла.

Хомяк перестал играть, застыл, поднял кверху черные слепые пуговицы. Такой уж он и есть, подумал Керстен, не изменишь. Все ему приходится повторять два раза. Что ж, это всего лишь хомяк.

Деббе молчала. Керстен лег, опустил морду на лапы.

— Не удалось, и нечего дальше пытаться, — сказал он. — Завеса лопнула окончательно, и на этот раз нам ее не залатать. Они прошли. Те. Оттуда. Понятно, Завеса вскорости срастется сама, но я не должен вам говорить...

— Не должен. — Итка оскалил зубы. — Не должен, Керстен.

— Кой-какие шансы еще у этого города есть. Пока Бородавчатый не перешел на эту сторону, у города есть еще шансы.

— А другие города? — отозвался неожиданно Пасибурдук. Керстен не ответил.

— А мы? — спросил крыс. — Остаемся?

— Зачем?

Итка сел, опустив заостренную мордочку.

— Итак... Согласно плану?

— Ты видишь другие решения?

Издалека, со стороны селения, донесся до них звук. Волна звука. Керстен ощетинился, а Пасибурдук съежился в рыжий шарик.

— Ты прав, Керстен, — сказал Итка. — Это конец. Уходим в Бремени. Там ждут другие.

Крыс обратился в сторону Деббе, по-прежнему сидящей недвижимо, как пушистая полосатая статуэтка.

— Деббе... Что с тобой? Не слышишь? Конец!

— Оставь ее, Итка, — заворчал Керстен.

— У тебя такой вид, — шикнул крыс на кошку, — будто тебе их жаль. Что, Деббе? Жаль их?

— Что ты можешь знать, Итка, — мяукнула тихо, неприязненно кошка. — Жаль? Может, и так, жаль мне их. Жаль мне

прикосновения их рук. Жаль мне шелеста их дыхания, когда спят. Жаль мне тепла их колен. Жаль мне нашей музыки, которая едва лишь познана, а уже утрачена. Ибо эта музыка никому не нужна, и никогда никого уже мы ею не спасем. Потому что каждую минуту, каждую секунду в тысячах мест этой планеты разносится вееал, и будет он разноситься все чаще. До самого конца. Вас тоже мне жаль. Тебя, Итка, и Керстена, и Пасибурдука. Жаль мне вас, проигравших, вынужденных бежать. И себя тоже мне жаль, ибо ведь все равно пойду я с вами, пойду как одна из вас. Хотя это не имеет никакого смысла.

— Ты ошибаешься, Деббе, — спокойно проговорил Керстен. — Мы не бежим. На этот раз нам не повезло. Но в Бремене... в Бремене ждут другие. С незапамятных времен Музыканты уходят в Бремен. А когда будет нас больше, сильнее будет и наша музыка, и когда-нибудь мы замкнем Завесу окончательно и навсегда, сделаем из нее непроходимую стену. Потому ты и ошибаешься, полагая, что наша музыка не нужна. И что ты ее потеряла. Это неправда. И ты это знаешь.

— Чувства берут в тебе верх над разумом, Деббе, — добавил Итка. — Что с того, что этот город малость обезлюдует? В конце концов, они это заслужили. А ты... думаешь о спасении единиц. Отдельных людей, тех, которых любишь? Это нерационально. Думай о биологическом виде. Единицы не имеют значения.

Кошка внезапно встала, потянулась, смерила крыса зеленым злым взглядом, в котором через секунду заиграла и заблестела кровная ненависть биологического вида. Итка даже не дрогнул. Он смотрел, как она отходит в сторону, между чертополохом и балдахинами трав, надменная, гордая и непобедимая. До конца.

— Сентиментальная идиотка, — буркнул он, когда был уверен, что кошка его уже не услышит.

— Оставь ее, — проворчал Керстен. — Ты не можешь ее понять.

— Могу, — оскалил зубы крыс. — Только не хочу. Объяснить почему, тоже не хочу. Гораздо важнее, что она с нами. Она хороший Музыкант. Керстен, может, нам лучше наконец тоже пойти?

— Пойти? — усмехнулся пес. — Зачем нам идти, если можем поехать?

ДИТЕР ВИПФЕР

Дитер Випфер протер глаза тыльной стороной ладони, силась унять дрожь, тошноту и головокружение. Вытер вспотевшие руки о штаны, ухватился за руль, тронулся с места, когда загорелся зеленый свет. Он не знал, где он. Совершенно очевидно, это не была дорога на Швецко, где он должен был находиться.

Улицы были пусты, безлюдны, как в плохом сне. Дитер Випфер прикрыл глаза, крепко зажмурился, снова открыл. «Что я тут делаю, — думал он, проезжая мимо конечной остановки трамваев, — где я? Что я тут делаю? Что со мной происходит, *verfluchte Scheisse, ich muss krank sein*. Я болен. Чем-то отравился. Надо остановиться. Нельзя мне ехать в таком состоянии. Остановиться. То, что лежало на обочине, это не мог быть труп. Я должен остановиться!»

Дитер Випфер не остановился. Он миновал конечную остановку трамваев и огородные наделы, ехал дальше по грунтовой дороге, краем ужасного пустыря, прямо в дикий лунный пейзаж. Ехал, хотя не хотел ехать. Не знал, что с ним происходит. Не мог знать.

Из-за истончившейся, дрожащей завесы Дитер Випфер видел заостренные, стройные башни костела, пылающие озерами огня. Видел деревянные опоры и свисающие с них искалеченные тела.

Das ist unmöglich!

Видел маленького черного человека, размахивающего распятием, кричащего...

Das ist unmöglich! Ich traume!

Locus terribilis!

Огромный грузовик ехал легко, сокрушая колесами шлак, выдавливая в полосах глины зубастые следы протекторов. На голубом боку мощного прицепа виднелась надпись, сделанная большими мертвенно-белыми буквами:

KUHN TEXTILTRANSPORTE GmbH

А пониже было название города:

BREMEN

ЖЕЛТАЯ КОМНАТА

Мальчик спал беспокойно, ворочался. Венердина насто-
рожила уши, напрягла слух.

То нечто, что медленно ползло по стене, не имело устой-
чивой формы — это было черное пятно, сгусток темноты, пуль-
сирующий, раздувающийся, шарящий во мраке длинными
щупальцами. Шерсть на загривке Венердины встопорщилась,
как щетка.

Чудовище, уже на подоконнике приоткрытого окна, раз-
дулось, начало затвердевать, поднимаясь на кривых конечнос-
тях. Ощетинилось колючками, задрало вверх жалающий хвост.

Кошка сменила позу. Потянулась легко, вытянула обе лап-
ки, выставила когти. Всматриваясь в чудовище широко от-
крытыми глазами, прижала уши, оскалила мордочку, обнажая
клыки.

Чудовище заколебалось.

Только попробуй, сказала Венердина. Попробуй только.
Пришел убивать спящих, попробуй показаться той, что бодр-
ствует. Любишь приносить боль и смерть? Я тоже. Ну, выхо-
ди, если осмелишься!

Чудовище не шелохнулось.

Пш-ш-шел вон, бросила кошка с презрением.

Затаившийся на подоконнике сгусток мрака, черный как
небытие, сжался, схлопнулся. И исчез.

Мальчик застонал во сне, перевернулся на другой бок. Он
дышал ровно.

Венердина любила слушать, как он дышит.

ИЗА

Эля Грубер умерла. Глаза ее были открыты, но Иза была
уверена, что она умерла. Она не слишком хорошо знала, что
делать. В этот момент отворилась дверь. Вошла санитарка.

— Боюсь, что... — начала Иза и оборвала себя.

Пухлое лицо санитарки, еще не так давно симпатично наив-
ное, изменилось. Теперь это было лицо идиотки, кретински
улыбающейся маньячки.

Санитарка, не замечая Изы, подошла к постели Эли Грубер, бессмысленным, автоматическим движением поправила подушку. Со столика, стоящего рядом, взяла стакан. Выглянула в окно, сжала стакан в кулаке. С ладони потекла струйка крови. Санитарка не обратила на это внимания, лицо даже не дрогнуло. Засучив левый рукав, осколком она рассекла себе внутреннюю сторону предплечья, резким, внезапным движением — от локтевого сгиба до самой ладони — раз, потом второй. Кровь брызнула на белый фартук, на глянцевую поверхность столика, на постель, стремительно полилась на линолеум. Санитарка затряслась от сдерживаемого смеха, подняла руку, любуясь пульсирующими волнами хлещущей крови.

— На помоооошь! — вскричала Иза, преодолевая сдавивший ей горло ужас. — Люди! На помощь! Помогите же, кто-нибудь!

— ...дииииии! — вторил ей истерический крик из коридора. — Людидииииии!

К этому крику присоединились другие — громкие, противоестественные. Иза сообразила, что на них наложился вой сирены кареты «скорой помощи». У санитарки подогнулись ноги, девушка тяжело осела на линолеум, склонила голову, зарыдала.

Иза, пытаясь, не в силах отвести взгляда от санитарки, нащупала за плечами дверную ручку, выскочила в коридор.

У батареи, опершись лбом о стену, стоял на коленях молодой врач, ей незнакомый, и рукавом утирал стекающие по лицу слезы. Он поглядел на Изу отсутствующим, испуганным взором.

— Это война, извольте видеть, — пробормотал он. — Это, наверное, бомбы с психотропным газом. Наверное, применение бактериологического оружия. Все походили с ума... Все... Это война! Надо спуститься в убежище!

Иза в недоумении попятилась. Рядом, из отделения, слышался звон и отголоски драки. Что-то тяжелое бухнуло в закрытые двери.

— Где тут убежище? — закричал врач у батареи. — Я не хочу умирать.

— Милиициияааа! — выл кто-то этажом выше. — Иисусееее! Спаситеееее!

Двери отворились, опиравшееся на них тело, забрызганное красным, выдвинулось в коридор. Огромный полуголый

небритый мужчина, вооруженный железным прутом, медленно, осторожно переступил через труп. Врач у батареи заорал, вжавшись лицом в чугунное рифление. Полуголый зашелся безумным смехом и занес прут.

Иза повернулась и бросилась по коридору, подгоняемая воплями и тупыми отголосками ударов.

Она выскочила из больницы, у самого выхода поскользнулась на жухлых листьях, с трудом удержала равновесие. Перед больницей стояла наготове «скорая», мигавшая правой фарой. Боковые дверцы были открыты, водитель лежал на сиденьях, его рука, фиолетовая в свете мигалки, безвольно свесилась наружу. Из глубины больницы доносился сумасшедший вой, крик, звон разбиваемых окон и стеклянной посуды.

На улице промелькнула машина с разбитым бампером, со сгорбленной, погнутой крышкой капота. Над городом, со стороны огородных наделов, медленно поднималось зарево, облако дыма, поднимались звуки, издали напоминающие жужжание майского жука.

Иза взглянула на небо, которое успело уже обрести цвет пурпура, пронизанного тонкими золотыми нитями. Капли упали ей на лицо. Она отерла капли и побежала.

В доме по правой стороне улицы с грохотом вылетело оконное стекло, а за ним — ребенок. Трижды перевернувшись в полете, он шлепнулся на бетон. Иза бежала. Капли — а может, слезы? — стекали по ее щекам.

Около ее «фиата» лежал мужчина в полосатой пижаме, полуопираясь о стену у ворот. Он тяжело дышал, хрипя при каждом выдохе, и ноздри орошали его кровавыми лопачущимися пузырями.

Она не могла найти в сумочке ключи. Дрожащими руками встрясла на тротуар все, что было внутри. Подняла только ключики и кошелек.

Что-то заскрежетало совсем рядом с ней, и она вздрогнула, выронив ключи. Чугунная крышка канализационного люка подскочила, упала на тротуар, и из канализации с глухим чмоканьем забила ключом кровь, смешанная с нечистотами, широко разливаясь по асфальту, вливаясь ей в туфли омерзительным теплом. Иза вскрикнула, попятилась от автомобиля, споткнулась о тело мужчины в пижаме, лопатками почувствовала стену. В черной лоснящейся бездне канализации что-то зашевелилось, плещась и булькая.

Из-за угла, воя, выбежал человек, за ним — второй, оба в сумасшедшем темпе миновали Изу, побежали дальше. Иза замерла, подняв голову. Ветер, теплый ветер, который задул внезапно, швырнул в нее ужасающим смрадом.

Из-за угла...

Иза знала это ощущение. Помнила его с детства — сон, который снился ей столько раз, что она пробуждалась с криком. Сон, в котором, парализованная, безвольная, она смотрела на двери, запертые изнутри на засов, зная, что еще мгновение — и, несмотря на засов, эти двери все равно откроются. Отворятся, а за ними окажется что-то, от чего не убежать. Что-то, что не оставляет надежды.

Сама того не сознавая, она закричала тонким, непрерывным, фальцетным визгом истязаемого животного. Внезапно она превратилась в зверька, тут, на этой темной, залитой кровью и дерьмом улице, среди асфальта, бетона, стекла, машин и электричества, среди тысяч творений цивилизации, из которых ни одно не имело в ту секунду ни малейшего значения. Внезапно она стала бобром, удавливаемым упругой проволокой силков, лисой, чью лапу крушат стальные челюсти капкана, котиком, которого добивают драгой по голове, косулей, подстреленной из обрезка, катающейся в конвульсиях отравленной крысой. Она была всеми, кого заставляли испытывать страх, и боль, и уверенность, что через миг они станут ничем, ибо ничто — суть холодные, залитые кровью, смрадные останки.

То нечто, что за углом улицы скрежетало и скребло когтями, сопровождая свои шаги тяжким, хриплым дыханием, вышло и уставилось на нее золотисто-красными, горящими огромными глазами.

Крик затих в гортани Изы придушенным хрипом. Ее сознание, разум, память и воля взорвались и лопнули, как раздавленная на мостовой электрическая лампочка.

Бородавчатый прошел сквозь разорванную Завесу.

ЗОЛОТОЙ ПОЛДЕНЬ*

*Июльский полдень золотой
Сияет так светло...*

Льюис Кэрролл,
«Алиса в Стране Чудес»**

Полдень обещал быть просто изумительным, как и большинство тех прелестных полдней, которые существуют исключительно для того, чтобы проводить их в долгом-предолгом и сладком *far niente****, пока окончательно не утомишься роскошным ничегонеделанием. Конечно, столь благодостного расположения духа и тела невозможно достичь просто так, за здорово живешь, без подготовки и без плана, а запросто развалившись где попало. Нет, дорогие мои. Это требует предварительной активности как интеллектуального, так и физического характера. Безделье, как говорится, надобно заслужить.

Поэтому, чтобы не терять ни одной из скрупулезно подсчитанных минут, из которых, как правило, и складываются эти роскошные часы, я приступил к делу, а именно: отправился в лес и вступил в него, проигнорировав установленную на опушке предостерегающую табличку «ОСТОРОЖНО: БАР-МАГЛОТ». Без губительной в таких случаях поспешности я отыскал соответствующее канонам искусства дерево и влез на оное. Затем отобрал подходящую ветвь, руководствуясь при

* *Złote popołudnie*. Перевод с польского Е.П. Вайсброта.

** Перевод Д.Г. Орловской.

*** Безделье (*ит.*).

выборе теорией о *revolutionibus orbium cœlestium**. Что, чересчур умно?

Тогда скажу проще: я выбрал ветвь, на которой в течение всей второй половины дня солнце будет пригревать мне шкурку.

Солнышко пригревало, кора дерева благоухала, птички и насекомые распевали на разные голоса свои извечные песни. Я улегся на ветке, изящно свесил хвост, положил подбородок на лапы и уже собрался было погрузиться в вышеупомянутую благостную дрему; уже готов был продемонстрировать всему миру свое безбрежное к нему безразличие, как вдруг высоко в небе заметил темную точку.

Точка быстро приближалась. Я приподнял голову. В нормальных условиях я, возможно, и не снизошел бы до того, чтобы обращать внимание на приближающиеся темные точки, поскольку в нормальных условиях такие точки чаще всего оказываются птицами. Но в Стране, в которой я временно пребывал, условия нормальными не были. Летящая по небу темная точка при ближайшем рассмотрении могла оказаться, например, роелем.

Однако статистика уже неведомо в который раз оправдала свой титул царицы наук. Правда, приближающаяся точка не была птицей в классическом этого слова понимании, однако и до роеля ей было далеко. Я вздохнул, поскольку предпочел бы роель. Роель, если только он не летит по небу вместе с вращающимся стульчиком и сидящим на нем Моцартом, есть явление преходящее и не раздражающее ушей. Радэчки же — а это был именно Радэчки — умел быть явлением многоразным, утомительным и несносным. Скажу не без ехидства: это в принципе было все, что Радэчки умел.

— А нет ли у котов аппетита на летучих мышей? — проскрипел он, накручивая круги над моей головой и моей веткой. — Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей, спрашиваю?

— Выметайся, Радэчки.

— Ах, какой ты вульгарный, Честер, хааа-хааа! Do cats eat bats?**. Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей? И нет ли, случайно, у летучих мышей аппетита на котов?

* «De revolutionibus orbium...» — название труда Коперника.

** Едят ли кошки мышек? (англ.)

— Ты явно хочешь мне что-то сказать. Давай выкладывай и удаляйся!

Радэцки уцепился коготками за ветку повыше моей, повис головой вниз и свернул перепончатые крылышки, приняв тем самым более приятную для моих глаз внешность мыши из антиподов.

— А я что-то знаю! — тонко пискнул он.

— Наконец-то! Природа безгранична в милости своей.

— Гость! — запищала мышь, изгибаясь словно акробат. — Гость посетил Страну. Наста-а-ал весё-ё-ёлый деесень! У нас гость, Честер! Настоящий гость!

— Ты видел собственными глазами?

— Нет... — Он смутился, пошевелил огромными ушами и смешно покрутил блестящей пуговкой носа. — Не видел. Но мне об этом сказал Джонни Катерпиллер.

Несколько секунд меня не покидало желание как следует и не выбирая выражений отчитать его за то, что он нарушил мою сиесту, распространяя непроверенные слухи, однако я удержался. Во-первых, у Джонни «Блю» Катерпиллера было множество изъянов, но склонность к безответственному трепу и фантазированию не входила в их число. Во-вторых, хотя гости в Стране и были явлением достаточно редким, как правило, будоражащим, однако же случались весьма регулярно. Вы не поверите, но однажды к нам даже попал инка, вконец одуревший от листьев коки или какой-то другой доколумбовой пакости. Вот с ним была потеха! Он метался по округе, приставал ко всем, что-то излагал на никому не понятном языке, кричал, плевался, брызгал слюной, угрожал всем обсидиановым ножом. Но вскоре отбыл, причем навсегда, как и все. Отбыл эффектно, жестоко и кроваво. Им занялась королева Мэб и ее свита, обожавшая именовать себя Владыками Сердец. Мы называем их просто Червями. Les Coeurs*.

— Я полетел, — неожиданно известил Радэцки, прервав мои размышления. — Лечу сообщить другим. О госте, стало быть. Ну, привет, Честер.

Я растянулся на ветке, не удостоив его ответом. Он его не заслужил. В конце концов, ведь котом был я, а он всего-навсего мышью, хоть и летучей, тщетно пытающейся выглядеть миниатюрным графом Дракулой.

* Сердца (фр.), то есть Черви (по форме символов на червонных картах).

Что может быть хуже, чем идиот в лесу?

Тот из вас, который крикнул, мол, ничто, был не прав. Есть кое-что похуже, чем идиот в лесу.

Это кое-что — идиотка в лесу.

Идиотку в лесу — внимание, внимание! — можно узнать по следующим приметам: во-первых, ее слышно на расстоянии полумили, во-вторых, каждые три-четыре шага она неуклюже подпрыгивает, напевает, разговаривает сама с собой, в-третьих, валяющиеся на тропинке шишки пытается пнуть ногой, но не попадает ни по одной.

И наконец, заметив вас, возлежащего на ветке дерева, восклицает «Ох!» и начинает на вас нахально пялиться.

— Ох! — сказала идиотка, задирая голову и нахально пялясь на меня. — Привет, котик!

Я улыбнулся, а идиотка, хоть и без того болезненно-бледная, побледнела еще больше и заложила ручки за спину. Что-бы скрыть их дрожь.

— Добрый день, сэр котик, — пробормотала она, после чего сделала книксен. Не скажу, чтобы очень уж грациозно.

— Bonjour, ma fille*, — ответил я, не переставая улыбаться. Мой французский, как вы догадываетесь, имел целью сбить идиотку с панталыку. Я еще не решил, как с ней поступить, но не мог отказать себе в удовольствии позабавиться. А сконфуженная идиотка — штука весьма забавная.

— Ou est chatte?*** — неожиданно пропищала идиотка.

Как вы, несомненно, догадались, это не была беседа. Просто первая фраза из учебника французского языка. Тем не менее — реакция любопытная.

Я поудобнее расположился на ветке. Медленно, чтобы не пугать идиотки. Я уже упоминал, что еще не решил, как поступать дальше. Конечно, я не боялся поссориться с Les Coeurs, узурпировавшими исключительное право уничтожать гостей и резко реагировавшими, если кто-то осмеливался лишить их этого права. Я, будучи котом, естественно, чихал на их исключительные права. Я чихал, кстати сказать, вообще на все права. Поэтому у меня уже случались небольшие конфликты с Les Coeurs и их королевой, рыжеволосой Мэб. Я не боялся таких конфликтов. Даже провоцировал их всякий раз, как только у меня было к тому желание. Однако сейчас я как-то осо-

* Здравствуй, девочка (фр.).

** Где моя кошка? (фр.)

бого желания не ощущал. Но свое положение на ветке поправил. В случае чего я предпочитал завершить дело одним прыжком, ибо гоняться за идиоткой по лесу у меня не было ни малейшего желания.

— Я никогда в жизни, — сказала девочка чуть дрожащим голосом, — не видела улыбающегося кота. Такого, как ты.

Я пошевелил ухом, дав ей понять, что ничего нового она мне не сказала.

— У меня есть кошка, — сообщила она. — Мою кошку зовут Дина. А как зовут тебя?

— Ты здесь гость, дорогая девочка. Так что вначале представиться должна ты.

— О, прошу прощения. — Она сделала книксен и опустила глаза. А жаль, поскольку глаза у нее темные и для человека очень красивые. — Действительно, это было невежливо. Первой должна была представиться я. Меня зовут Алиса. Алиса Лидделл. Я оказалась здесь, потому что вошла в кроличью нору. Вслед за белым кроликом с розовыми глазами. На нем была жилетка. А в жилетном кармашке — часы.

«Инка, — подумал я. — Говорит понятно, не плюется, у нее нет обсидианового ножа. Но все равно — инка».

— Покуривали травку, мисс? — спросил я вежливо. — Глотали барбитуратики? А может, набрались амфитаминчиков? Ma foi*, рановато же теперь детишки начинают.

— Не поняла ни словечка, — покрутила она головой. — Не поняла ни слова, котик, из того, что ты сказал. Ни словечка. Ни словечечка!

Она говорила странно, а одета была — только теперь я обратил внимание — еще страннее. Расклешенное платье, фартучек, воротничок с закругленными уголками, короткие рукавички с оборочками, чулочки... Да, черт побери, чулочки. И туфельки на ремешках. *Fin de siècle***, чтоб мне провалиться. Значит, наркотики и алкоголь скорее всего следовало исключить. Если, конечно, ее наряд не был костюмом. Она не могла попасть в Страну прямо с представления в школьном театре, где играла Маленькую Мисс Мафет***, сидящую на

* Ей-богу! (фр.)

** Конец столетия (фр.).

*** Маленькая Мисс Мафет. Строчка из популярного детского стишка о девочке Мафет, которая сидела на холмике и ела сыр, а тут пришел паук, уселся рядом и ужасно напугал ее.

песке рядом с пауком. Или прямо с вечеринки, которой юная труппа отмечала успех спектакля, горстями поглощая порошок. Именно это, после некоторого раздумья решил я, было наиболее вероятно.

— Тогда что же мы принимали? — спросил я. — Какое вещество позволило нам достичь особого состояния сознания? Какой препарат перенес нас в Страну Чудес? А может, мы просто неумеренно пили теплый gin and tonic?*

— Я? — покраснела она. — Я ничего не пила... То есть только один малюсенький глоточек... Ну, может, два... Или три... Но ведь на бутылочке была бумажка с надписью «Выпей меня». Это никак не могло мне повредить.

— Ну, буквально я прямо-таки слышу Дженис Джоплин**.

— Простите?

— Не важно.

— Ты хотел сказать, как тебя зовут.

— Честер. К твоим услугам.

— Честер находится в графстве Чешир, — гордо сообщила она. — Я недавно учила в школе. Значит, ты Чеширский Кот? А как ты собираешься мне услужить? Сделаешь что-нибудь приятное?

— Просто не сделаю тебе ничего неприятного, — улыбнулся я, показывая зубы и окончательно решив все-таки отправить ее в распоряжение Мэб и Les Coeurs. — Считай это услугой. И не рассчитывай на большее. До свидания.

— Хм-м-м... — замялась она. — Хорошо, сейчас я уйду... Но сначала... Скажи, что ты делаешь на дереве?

— Лежу в графстве Чешир. До свидания.

— Но я... Я не знаю, как отсюда выйти.

— Я просто хочу, чтобы ты удалилась, — пояснил я. — Потому что если ты намерена выйти совсем, то это напрасный труд, Алиса Лидделл. Отсюда выйти невозможно.

— Не поняла?

— Отсюда невозможно выйти, дурашка. Надо было смотреть на обратной стороне бумажки. Той, что была на бутылочке.

— А вот и неправда, — задиристо заявила она. — Я погуляю здесь, а потом вернусь домой. Я должна. Я хожу в школу

* джин с тоником (англ.).

** Известная американская певица (1943—1970) стиля «Rhythm and Blues». Умерла, приняв большую дозу наркотиков.

и не могу пропускать уроки. Кроме того, мама по мне соскучится. И Дина. Дина — моя кошка. Я тебе говорила? До свидания, Чеширский Кот. А не будешь ли ты настолько любезен, чтобы сказать, куда ведет эта тропинка? Куда я попаду, если пойду по ней? Там кто-нибудь живет?

— Там, — указал я легким движением головы, — живет Арчибалд Хейг, для друзей просто Арчи, он еще больше чокнутый, чем мартовский заяц. Поэтому мы и зовем его Мартовский Заяц. А вон там живет Бертран Рассел Хатта, такой же чокнутый, как любой болванщик. Именно поэтому мы так и говорим: Болванщик. Оба, как ты уже, вероятно, догадалась — не в своем уме.

— Но у меня нет желания встречаться с безумными или сумасшедшими.

— Все мы здесь не в своем уме. Я не в своем уме. Ты не в своем уме.

— Ты говоришь сплошными загадками... — начала она, и глаза у нее вдруг сделались круглыми. — Эй-эй... Что с тобой? Чеширский Кот? Не исчезай! Не исчезай, пожалуйста.

— Дорогое дитя, — мягко сказал я. — Это не я исчезаю, это твой мозг перестает функционировать, теряет способность даже к горячечному бреду. Прекращает работать. Другими словами...

Я не закончил. Как-то не мог решиться закончить, дать ей понять, что она умирает.

— Я снова вижу тебя! — торжествующе воскликнула она. — Ты снова здесь. Не делай так больше. Не исчезай так неожиданно. Это ужасно. От этого кружится голова. До свидания, Чеширский Кот.

— Прощай, Алиса Лидделл.

Забегу вперед. В тот день я уже больше не бездельничал. Выбитый из сна и вырванный из благодной дремы, я не в состоянии был восстановить предыдущий настрой. Что делать, этот мир летит в тартарары. Никакого уважения и никакого почтения уже не проявляют к спящим либо просто отдыхающим котам. Где те времена, когда пророк Магомет, намереваясь встать и отправиться в мечеть и в то же время не желая будить прикорнувшего в рукаве его одеяния кота, отрезал рукав ножом? Никто из вас, ставлю что угодно, не решился бы на столь благородный поступок. Поэтому, полагаю, никому из

вас не удастся стать пророком, бегайте вы хоть целый год из Мекки в Медину и обратно. Ну что ж, как Магомет коту, так и кот Магомету.

Раздумывал я не больше чем час. Потом — сам себе удивляюсь — слез с дерева и не очень спеша направился по узкой тропинке в сторону обиталища Арчибальда Хейга, именуемого, как я уже сказал, Мартовским Зайцем. Конечно, я мог, если б хотел, попасть к Зайцу за несколько секунд, но счел это чрезмерной любезностью, которая могла заставить Зайца подумать, будто мне что-то от него нужно. Может, немножко и было нужно, но проявлять это я не собирался.

Красные черепицы домика Зайца вскоре выстроились в охру и желтизну осенней листвы окружающих деревьев. А до моих ушей донеслась музыка. Кто-то — либо что-то — тихонько играл и напевал «Greensleeves»*. Мелодию, прекрасно сочетающуюся с временем и местом.

Во дворике перед домиком стоял накрытый чистой скатертью стол. На столе расположились блюдечки, чашечки, чайник и бутылка виски Chivas Regal. За столом сидел хозяин, Мартовский Заяц, и его гости: Болванщик, бывающий здесь почти постоянно, и Пьер Дормаус, бывающий здесь — как и вообще где-нибудь — невероятно редко. Во главе же стола сидела темноглазая Алиса Лидделл, с детской непосредственностью развалившаяся в плетеном ивовом кресле и обеими руками державшая чашку. Казалось, ее совершенно не волновал тот факт, что за five o'clock whisky and tea** присутствуют заяц с неряшливо торчащими усами, коротышка в идиотском цилиндре, жестком воротничке и бабочке в горошек, а также толстенький суслик, который, впрочем, был вовсе и не суслик, а мышь-соня, дремлющий с головой на столе.

Арчи, Мартовский Заяц, увидел меня первым.

— Гляньте-ка, кто идет, — воскликнул он, а тембр его голоса недвусмысленно указывал на то, что чай в этой компании пила только Алиса. — Кто идет-то? Уж не обманывают ли меня мои глаза? Да ведь это, я процитирую Книгу Притчей Соломоновых, благороднейшее из животных с движениями изумительными и шагами благородными.

* «Зеленые рукава», песня, популярная в средние века.

Увы, любимая моя, /Обижен горько я тобой. /Так долго я любил тебя, /Так восхищался я тобой. Перевод Григория Кружкова.

** Английский традиционный «чай в пять часов» плюс «виски».

— Где-то тайно отворили седьмую печать, — подхватил Болванщик, отхлебнув из фарфоровой чашечки что-то, что явно не было чаем. — Вы только гляньте, вот кот бледный, и ад следует за ним.

— Истинно говорю вам, — заметил я без высокопарности, подходя ближе, — вы прямо-таки кимвалы звенящие.

— Садись, Честер, — сказал Мартовский Заяц. — И налей себе. Как видишь, у нас гость. Гость как раз забавляет нас повествованием о приключениях, кои встретили его с момента прибытия в нашу Страну. Уверен, ты тоже послушаешь охотно. Позволь тебя представить.

— Мы уже знакомы.

— Ну конечно, — сказала Алиса, радужно улыбаясь. — Знакомы. Именно он указал мне дорогу к вашему прелестному домику. Это Чеширский Кот.

— Что ты там напел ребенку, Честер? — пошевелил усами Арчи. — Снова похвалялся красноречием, дабы доказать свое превосходство над другими существами? А, кот?

— У меня есть кошка, — ни к селу ни к городу сказала Алиса. — Мою кошку зовут Дина.

— Ты уже говорила.

— А этот кот, — Алиса бестактно указала на меня пальцем, — иногда исчезает, к тому же так, что остается только висящая в воздухе улыбка. Бр-р-р, кошмар.

— Ну, не говорил я? — Арчи приподнял голову и поставил торчком уши, украшенные приставшими к ним травинками и колосками пшеницы. — Похвалялся! Как всегда!

— Не судите, — проговорил Пьер Дормаус совершенно трезво, не отрывая головы от скатерти, — дабы судимы не были.

— Замолкни, мышь! — махнул лапой Мартовский Заяц. — Спи и не встревай.

— А ты продолжай, продолжай, дитя мое, — поторопил Болванщик. — Мы с удовольствием слушаем рассказ о твоих приключениях, а время торопит.

— И еще как, — буркнул я, глядя ему в глаза. Арчи пренебрежительно прыснул.

— Сегодня среда, — сказал он. — Мэб и Les Coeurs играют в свой идиотский крокет. Спорю, они еще ничего не знают о нашей гостье.

— Ты недооцениваешь Радэцки.

— Повторяю, у нас есть время. Посему используем его. Такие забавы не каждый день выпадают.

— И что же вы, если можно спросить, находите тут забавного?

— Сейчас увидишь. Ну, дорогая Алиса, рассказывай. Мы обращаемся в слух.

Алиса Лидделл обвела нас любопытным взглядом темных глаз, словно ожидая, что мы и верно во что-нибудь обратимся.

— Так на чем же я остановилась? — задумалась она, не дождавшись метаморфозы. — Ага, вспомнила. На пирожках, тех, на которых была надпись «Съешь меня», очень красиво выложенная коринками на желтом креме. Ах, какие же это были вкусные пирожки! Ну прямо-таки волшебный у них был вкус! И они в самом деле были волшебными. Стоило мне съесть кусочек, и я начала расти. Я, сами понимаете, испугалась... И быстренько откусила от другого пирожка, тоже очень вкусно. И тут же начала уменьшаться. Вот такие это были чары, ха! Я могла становиться то большой, то маленькой, могла съеживаться, могла растягиваться. Как хотела. Понимаете?

— Понимаем, — сказал Болванщик и потер руки. — Ну-с, Арчи, твоя очередь. Мы слушаем.

— Все яснее ясного, — надменно оповестил Мартовский Заяц. — У бреда просматривается явный эротический подтекст. Поедание пирожков есть выражение типично детских оральных грез, базирующихся на пока еще дремлющем сексуализме. Лизать и причмокивать не размышляя — это типичное поведение периода полового созревания, хотя, следует признать, миру известны такие индивидуумы, которые из этого возраста не вышли до самой старости. Что же до вызванного якобы съедением пирожка сокращения и растяжения — то, думаю, я не буду первооткрывателем, если напомним миф о Прокрусте и прокрустовом ложе. Речь идет о подсознательном желании приспособиться, принять участие в мистерии инициации и присовокуплению к миру взрослых. Имеется здесь также и сексуальная база. Девочка желает...

— Так вот в чем суть вашей забавы, — не спросил, а отметил я. — В психоанализе, цель которого понять, каким чудом она здесь оказалась. Сложность, однако, состоит в том, что у тебя, Арчи, все зиждется на сексуальности. Впрочем, это типично для зайцев, кроликов, ласок, куниц, нутрий и прочих

грызунов, у которых только одно на уме. Однако повторяю свой вопрос: что в этом забавного?

— Как в каждой забаве, — сказал Болванщик, — забавным является забивание скуки.

— А тот факт, что кого-то это не забавляет, ни в коей мере не доказывает, что этот кто-то есть существо высшее, — буркнул Арчи. — Не ухмыляйся, Честер, никого ты здесь не обольстишь своей ухмылкой. Когда ты наконец поймешь, что, умничай ты сколько душе угодно, никто из присутствующих не отдаст тебе божеских почестей. Мы не в Бубастисе*, а в Стране...

— Стране Волшебства? — вставила Алиса, оглядывая нас.

— Чудес, — поправил Болванщик. — Страна Волшебства — это Faërie. А здесь Wonderland. Страна Чудес.

— Семантика, — пробормотал над скатертью Дормаус. Никто не обратил на него внимания.

— Продолжай, Алиса, — поторопил Болванщик. — Что было дальше, после пирожков?

— Я, — заговорила девочка, поигрывая ручкой чашки, — очень хотела отыскать того белого кролика в жилетке, ну, того, у которого были еще перчатки и часы на цепочке. Я подумала, что если его отыщу, то, может быть, попаду и к той норе, в которую свалилась... И смогу по ней вернуться домой.

Мы молчали. Этот фрагмент не требовал пояснений. Среди нас не было никого, кто не знал бы, что такое и что символизирует черная нора, падение, долгое бесконечное падение. Не было среди нас такого, кто не знал бы, что во всей Стране нет никого, кто хотя бы издали мог напоминать белого кролика в жилетке, с часами и перчатками.

— Я шла, — тихо продолжала Алиса Лидделл, — по цветущей лужайке и вдруг поскользнулась, потому что лужайка была мокрой от росы и очень скользкой. Я упала. Сама не знаю как, но вдруг шлепнулась в море. Так я думала, потому что вода была соленой. Но это вовсе не было море. Понимаете? Это была огромная лужа слез. Потому что раньше-то я плакала, очень сильно плакала... Так как испугалась и думала, что уже никогда не найду ни того кролика, ни той норы. Все это разъяснила мне одна мышка, которая плавала в той же луже,

* Бубастис в Древнем Египте — центр культа богини Бастет, или Баст, — доисторической богини плодородия, изображаемой в виде кошки либо женщины с головой кошки.

потому что, как и я, тоже случайно попала в нее. Мы вытащили друг дружку из этой лужи, то есть немножко мышка вытащила меня, а немножко я вытащила мышку. Она, беденькая, вся была мокрая, и у нее был длинный хвостик...

Алиса замолчала, а Арчи глянул на меня с превосходством.

— Независимо от того, что думают об этом всякие там коты, — проговорил он, выставляя на всеобщее обозрение два желтых зуба, — хвост мыши есть фаллический символ. Этим объясняется, кстати сказать, панический ужас, охватывающий при виде мыши некоторых женщин.

— Нет, вы и впрямь спятили, — убежденно сказала Алиса. Никто не обратил на нее внимания.

— А соленое море, — съехидничал я, — возникшее из девичьих слез, это, разумеется, доводящая до рыданий страсть по пенису? А, Арчи?

— Именно так! Об этом пишут Фрейд и Беттельгейм. В данном случае особенно уместно привести Беттельгейма, поскольку он занимается детской психикой.

— Мы не станем, — поморщился Болванщик, наливая виски в чашки, — приводить сюда Беттельгейма. Да и Фрейд тоже пусть себе *requisat in pace**. Этой бутылки нам только-только хватит на четверых, *comme il faut***, никто нам тут больше не нужен. Рассказывай, Алиса.

— Позже... — задумалась Алиса Лидделл. — Позже я случайно натолкнулась на лакея. Но когда присмотрелась получше, оказалось, что это не лакей, а большая лягушка, выраженная в лакейскую ливрею.

— Ага! — обрадовался Мартовский Заяц. — Вот и лягушка! Земноводное влажное и склизкое, кое, будучи раздражено, раздувается, растет, увеличивается в размерах! Так чего это символ, как вам кажется? Пениса же! Вот чего!

— Ну конечно, — кивнул я. — А чего же еще-то? У тебя все ассоциируется с пенисом и задницей, Арчи.

— Вы чокнутые, — сказала Алиса. — И вульгарные.

— Конечно, — подтвердил Дормаус, поднимая голову и сонно глядя на нас. — Каждому известно. Ох, а она все еще здесь? За ней еще не пришли?

Болванщик, явно обеспокоенный, оглянулся на лес, из глубин которого долетали какие-то потрескивания и хруст. Я, буду-

* почиет в мире (англ.).

** Здесь: вполне достаточно (фр.).

чи котом, слышал эти звуки уже давно, еще прежде, чем они приблизились. Это не были Les Cœurs, это была ватага блуждающих, разыскивающих в траве, чего бы поесть.

— Да, да, Арчи. — Я и не думал успокаивать Зайца, который тоже слышал хруст и испуганно наставил уши. — Тебе надобно поспешить с психоанализом, иначе Мэб закончит его за тебя.

— Так, может, ты закончишь? — пошевелил усами Мартовский Заяц. — Ты как существо высшего порядка знаешь наизусть механизмы происходящих в психике процессов. Несомненно, знаешь, как получилось, что умирающая дочка декана колледжа Крайст-Черч, вместо того чтобы отойти в мире, не пробуждаясь от тяжелого сна, блуждает по Стране?

— Крайст-Черч? — Я сдержал удивление. — Оксфорд? Какой год?

— Тысяча восемьсот шестьдесят второй, — буркнул Арчи. — Ночь с седьмого на восьмое июля. Это важно?

— Не важно. Подытожь свой вывод. Ведь он у тебя уже готов?

— Конечно.

— Сгораю от любопытства.

Болванщик налил, Арчи отхлебнул, еще раз глянул на меня гордо, откашлялся, потер лапы.

— Здесь мы имеем дело, — начал он торжественно и высокомерно, — с типичным казусом конфликта ид, эго и супер-эго. Как известно уважаемым коллегам, в человеческой психике ид связан с тем, что опасно, инстинктивно, грозно и непонятно, что увязано с невозможностью сдержать тенденцию к бездумному удовлетворению стремления к приятному. Упомянутое бездумное подчинение инстинктивному данная особа пытается — как мы только что наблюдали — бездумно оправдать во-ображаемыми инструкциями типа «выпей меня» или «съешь меня», что — разумеется, ложно, — должно бы изображать подчинение ид контролю рационального эго. Эго же данной особы есть привитый ей викторианский принцип реальности, действительности, необходимости подчиняться наказам и запретам. Реальность есть суровое домашнее воспитание, суровая, хоть внешне цветистая реальность «Young Misses Magazine»*, единственного читателя этого ребенка.

* «Журнал для девочек» (англ.).

— Неправда! — крикнула Алиса Лидделл. — Я еще читала «Робинзона Крузо». И сэра Вальтера Скотта.

— Назло всем этим, — Заяц не обратил внимание на ее выкрик, — безрезультатно пробует возвыситься неразвитое суперэго вышеназванной и — *sit licentia verbo** — наличествующей здесь особы. Меж тем суперэго, даже зародышевое, является решающим в вопросе способности к фантазированию. Поэтому-то оно пытается перевести происходящие процессы в картины и образы. *Vivera cesse, imaginare necesses est***, если уважаемые коллеги позволят мне воспользоваться парафразой...

— Уважаемые коллеги, — сказал я, — скорее позволят себе сделать замечание, что вывод, хоть в принципе теоретически правильный, ничего не объясняет, а посему представляет собою классический случай академической болтологии.

— Не обижайся, Арчи, — неожиданно поддержал меня Болванщик. — Но Честер прав. Мы по-прежнему не знаем, каким образом Алиса оказалась здесь.

— Потому как тупые вы оба! — замахал лапами Заяц. — Я же говорю: ее занесла сюда переполненная эротизмом фантазия! Ее страхи! Возбужденные каким-то наркотиком скрытые метания...

Он осекся, уставившись на что-то у меня за спиной. Теперь и я услышал шум перьев. Услышал бы раньше, если б не его болтовня.

На столе, точнехонько между бутылкой с виски и чайником, опустился Эдгар. Эдгар — ворон здешних мест. Эдгар много летает и мало болтает. Поэтому в Стране он всем служит в основном в качестве курьера. На этот раз было так же, Эдгар держал в клюве большой конверт, украшенный разделенными короной инициалами «MR»***.

— Чертова банда, — шепнул болванщик. — Чертова банда показушников.

— Это мне? — удивилась Алиса. Эдгар кивнул головой, клювом и конвертом.

Алиса взяла было конверт, но Арчи бесцеремонно вырвал его у нее из рук и сломал печать.

* да позволено будет сказать (лат.).

** Жить не обязательно, фантазировать необходимо (лат.).

*** Мэб Королева.

— Ее королевское величество Мэб и т.д. и т.п., — прочитал он, — приглашает тебя принять участие в партии крокета, которая будет иметь место быть...

Он взглянул на нас.

— ...сегодня... — Он пошевелил усами. — Итак, они узнали. Чертов нетопыр разболтал, и они узнали.

— Чудесно! — Алиса Лидделл захлопала в ладоши. — Партия в крокет! С королевой! Можно идти? Было бы невежливо опоздать.

Болванщик громко кашлянул. Арчи повертел письмо в лапах, Дормаус захрапел. Эдгар молчал, распушив черные перья.

— Задержите ее здесь, сколько удастся, — неожиданно решил я и встал. — Я скоро вернусь.

— Не дури, Честер, — буркнул Арчи. — Ты ничего не сделаешь, даже если доберешься до места, в чем я весьма сомневаюсь. Мэб о ней знает и не позволит ей уйти. Ты ее не спасешь. Возможности, прямо сказать, нулевые.

— А может, поспорим?

Ветер времени и пространства все еще шумел у меня в ушах и ерошил шерсть, а земля, на которой я стоял, ни за что на свете не желала перестать трястись. Однако равновесие и жестокая реальность быстро и эффективно вытеснили *hoghog vasci**, сопровождавшую меня несколько последних минут. Тошнота, правда, неохотно, но отступала, глаза понемногу привыкали к Евклидовой геометрии.

Я осмотрелся.

Сад, в который я попал, был истинно английским, то есть заросшим и запущенным сверх всякой возможности. Откуда-то слева отдавало болотцем и то и дело слышалось короткое криканье, из чего я сделал вывод, что есть здесь и прудик. В глубине сада поблескивал огнями увитый плющом фасад небольшого двухэтажного дома.

В принципе я был уверен в своем, то есть в том, что попал в соответствующее место в соответствующее время. Но предпочитал удостовериться.

— Есть тут кто-нибудь, черт побери? — нетерпеливо спросил я.

* жуткая пустота (англ.).

Ждать пришлось недолго. Из тьмы возник рыжий в полоску тип. На хозяина сада он не походил, хотя усиленно старался походить. Глупцом он не был. Совершенно явно ему еще в котеночном возрасте привили немного манер и *savoir-vivre**. Увидев меня, он вежливо поздоровался, присел и охватил лапы хвостом. Да, хотел бы я увидеть кого-либо из вас, людей, так же спокойно реагирующих на появление существа из вашей мифологии. И демонологии.

— С кем имею удовольствие? — спросил я кратко и бесцеремонно.

— Рассет Фиц-Рурк Третий, ваша милость.

— Это, — движением уха я показал, что имею в виду, — разумеется, Англия.

— Разумеется.

— Оксфорд?

— Действительно.

Стало быть, я попал. Утка, которую я слышал, вероятно, плавала не в пруду, а по Темзе либо Червеллу. А башня, которую видел во время посадки, была Carfax Tower**. Проблема, однако, в том, что Carfax Tower выглядела точно так же во время моего предыдущего визита в Оксфорд, а было это в 1645 году, незадолго до битвы под Несби***. Тогда, помнится, я советовал королю Карлу бросить все к чертовой матери и бежать во Францию.

— Кто в данный момент правит Британией?

— В Англии — Мерлин из Гластонбери. В Шотландии...

— Я не о котах спрашиваю, глупец.

— Простите, ваша милость. Королева Виктория.

Повезло. Хотя, с другой стороны, баба правила шестьдесят четыре года, с 1837-го по 1901-й, так что не исключено было, что я малость перескочил либо недоскочил. Конечно, можно было напрямую спросить рыжика о дате, но это не для меня, сами понимаете. Готов признать, что я не всеведущ. Но простиж, как говорится, *über alles*****.

— Кому принадлежит дом?

* благовоспитанности (фр.).

** Башня Карфакс — башня в Оксфорде на перекрестье четырех крупных дорог.

*** Несби — городок, неподалеку от которого в битве 14 июля 1645 г. Кромвель разбил войска роялистов.

**** выше всего (нем.).

— Венере Уайтблэк... — начал он, но тут же поправился: — То есть человеческий хозяин дома — декан Генри Джордж Лидделл.

— Дети есть? Я спрашиваю не о Венере Уайтблэк, а о декане Лидделле.

— Три дочери.

— Которую зовут Алиса?

— Среднюю.

Я украдкой перевел дыхание. Рыжик тоже. Он был уверен, что я не расспрашиваю, а экзаменую.

— Весьма обязан, сэр Рассет. Удачной охоты.

— Благодарю, ваша милость.

Он не ответил пожеланием удачной охоты. Знал легенды. Знал, какого рода охоту может означать мое появление в его мире.

Я проходил сквозь ограды, сквозь стены, оклеенные кричащими обоями в цветочек, сквозь штукатурку, сквозь мебель. Я проходил сквозь голоса, шепоты, вздохи и стенания. Я прошел через освещенную living room*, в которой декан и деканша Лидделлы беседовали с худощавым сутуловатым брюнетом с буйной шевелюрой. Я отыскал лестницу, миновал две детские спальни, дышавшие молодым, здоровым сном. А около третьей спальни наткнулся на Стражницу.

— Я пришел с миром, — быстро сказал я, отступая перед предостерегающим шипением, клыками, когтями и яростью. — С миром!

Лежащая на пороге Венера Уайтблэк прижала уши, наградила меня очередной волной ненависти и тут же приняла классическую боевую позу.

— Осторожней, киска!

— Араге!** — прошипела она, не меняя стойки. — Прочь! Ни один демон не переступит порога, на котором я лежу!

— Даже такой, — нетерпеливо бросил я, — который назовет тебя Диной?

Она вздрогнула.

— Уйди с дороги, — повторил я, — Дина, кошка Алисы Лидделл.

* гостиная (англ.).

** Прочь! Вон! Изыди! (греч.).

— Ваша милость? — неуверенно взглянула она на меня. — Здесь?

— Я хочу войти. Сдвинься с порога. Нет-нет, не уходи. Войди вместе со мной.

В комнатке, в соответствии с обычаями эпохи, стояло столько мебели, сколько удалось втиснуть. Стены и здесь были оклеены обоями с чудовищным цветочным мотивом. Над комодиком висела не очень удачная графика, изображающая, если верить подписи, некую мистрис Уэст в роли Дездемоны. А на кровати лежала Алиса Лидделл без сознания, в поту и бледная как призрак. Она бредила так сильно, что в воздухе над ней я чуть ли не видел глазами воображения красные черепицы домика Зайца и слышал «Greensleeves».

— Они катались на лодке по Темзе, она, ее сестры и сэр Чарлз Лютвидж Доджсон. — Венера Уайтблэк упредила мой вопрос. — Алиса упала в воду, озябла, и у нее поднялась температура. Приходил врач, прописал разные лекарства, давали ей и из домашней аптечки. По невнимательности между лекарствами оказалась бутылочка лауданума*. И она ее выпила. С тех пор и лежит в таком вот состоянии.

Я задумался.

— А безответственный Чарлз, это тот мужчина с шевелюрой пианиста, что беседует с деканом Лидделлом? Проходя через гостиную, я воспринял излучаемые им мысли. Чувство вины.

— Да, это именно он. Друг дома. Преподаватель математики, но в остальном вполне приличный тип. И я не назвала бы его безответственным. Он не виноват в том, что произошло в лодке. Случай, от которого никто не застрахован.

— Он часто бывает рядом с Алисой?

— Часто. Она его любит. Он ее любит. Когда смотрит на нее, мурлычет. Придумывает и рассказывает малышке всяческие необыкновенные истории. Она это обожает.

— Ага, — пошевелил я ухом. — Необыкновенные истории. Фантазии. И лауданум. Ну, так мы на месте. Теперь понятно, откуда они растут. Впрочем, хватит об этом. Подумаем о девочке. Я желаю, чтобы она выздоровела. Да поскорее.

Кошка прищурила зеленые глаза и оцетинила усы, что у нас, котов, означает безбрежное изумление. Однако она быст-

* настойка опия.

ро взяла себя в лапы. И смолчала. Она знала, что спрашивать о причинах моего желания было бы крупной бестактностью. Знала также, что я не ответил бы на такой вопрос. Ни один кот не отвечает на такие вопросы. Мы всегда делаем что хотим и не привыкли объясняться.

— Я желаю, — настойчиво повторил я, — чтобы болезнь покинула мисс Алису Лидделл.

Венера присела, поморгала, пошевелила ухом.

— Это ваше право, князь, — мягко сказала она. — Я... я могу только поблагодарить... за честь. Я люблю этого ребенка.

— Это не была честь. Так что не благодари, а берись за работу.

— Я? — Она чуть не подскочила от изумления. — Я должна ее лечить? Но это же обыкновенным кошкам запрещено! Я думала, что ваша милость соблаговолите сами... К тому же я не сумела бы...

— Во-первых, в мире нет обыкновенных кошек. Во-вторых, я могу нарушать любые запреты. Настоящим — нарушаю. Берись за дело.

— Но... — Венера не спускала с меня глаз, в которых вдруг появился испуг. — Но ведь... Если я вымурлыкаю из нее болезнь, тогда я...

— Да, — сказал я пренебрежительно. — Ты умрешь вместо нее.

«Ты, кажется, любишь эту девочку, — подумал я. — Так докажи свою любовь. Может быть, ты считала, что достаточно лежать у нее на коленях, мурлыкать и позволять себя гладить? Укрепляя тем самым всеобщее мнение, что кошки — лживые создания, что они привязываются не к людям, а исключительно к месту?»

Конечно, говорить такие банальности Венере Уайтблэк было ниже моего достоинства. И совершенно излишне. За мной стояло могущество авторитета. Единственного авторитета, который принимает кот. Венера тихо мяукнула, запрыгнула Алисе на грудь, принялась сильно перебирать лапками. Я слышал тихое потрескивание коготков, цепляющихся за дамасковую ткань одеяла. Отыскав нужное место, кошка улеглась и начала громко мурлыкать. Несмотря на явное отсутствие опыта, она делала это идеально. Я прямо-таки чувствовал, как с каждым мурлыком она вытягивает из больной то, что следовало вытянуть.

Разумеется, я ей не мешал. Следил за тем, чтобы не мешал никто другой. Оказалось, правильно делал.

Дверь тихо раскрылась, и в комнату вошел бледный брюнет, Чарлз Лютвидж или Лютвидж Чарлз, я запомнил. Вошел, опустив голову, полный раскаяния и переполненный жалостью и виной. Тут же увидел лежащую на груди у Алисы Венеру Уайтблэк и сразу же решил, что есть на ком отыграться.

— Эй, ккк... кошка, — заикаясь, начал он. — Брысь! Слезай с кровати ннн... немедленно!

Он сделал два шага, глянул на кресло, на котором лежал я. И увидел меня — а может, не столько меня, сколько мою улыбку, висящую в воздухе. Не знаю, каким чудом, но увидел. И побледнел. Тряхнул головой. Протер глаза. Облизнул губы. А потом протянул ко мне руку.

— А ну, тронь, — сказал я как можно слаще. — Только тронь меня, грубиян, и всю оставшуюся жизнь ты будешь вытирать нос протезом.

— Кккто ты таааккой, — заикаясь, начал он. — Кккттто?

— Имя мне — легион, — равнодушно ответил я. — Для друзей я — Бредотиус, *princeps potestatis aeris**. Я — один из тех, которые кружат, присматриваясь, *quaerens quem devored***. На ваше счастье, охотимся мы в основном на мышей. Но на твоём месте я б не стал делать из этого поспешных и слишком далеко идущих выводов.

— Это н-н-н... — Он заикнулся, на этот раз так сильно, что у него чуть было глаза не вылезли из орбит. — Это нннее...

— Возможно, возможно, — заверил я, по-прежнему улыбаясь белозубо и острокрыло. — Стой там, где стоишь, сведи активность до минимума, и я одарю тебя здоровьем. *Parole d'honneur****. Ты понял, что я сказал, двуногий? Единственное, чем тебе разрешается шевелить, это веки и глазные яблоки. Позволяю также продолжать осторожно вдыхать и выдыхать.

— Нннооо...

— Болтать не позволяю. Замри и молчи, словно от этого зависит твоя жизнь. А она, кстати говоря, зависит.

Он понял. Стоял, потел в тишине, глядел на меня и интенсивно мыслил. Мысли у него были жутко путанные. Не ожидал

* князь Властелин воздуха — определение Сатаны.

** ищущий, чего бы съесть (лат.).

*** Слово чести (фр.).

я таких мыслей у преподавателя математики. В это время Венера Уайтблэк делала свое, а воздух аж вибрировал от магии ее мурлыканья. Алиса пошевелилась, застонала. Кошка успокоила ее, положив легко лапку на лицо. Чарлз Лютвидж Доджсон — я вспомнил, как его зовут, — вздрогнул, увидев это.

— Спокойно, — сказал я сверх ожидания мягко. — Здесь лечат. Это терапия. Наберись терпения.

Он несколько секунд присматривался ко мне.

— Ты ммм... моя собственная фантазия, — проворчал он наконец. — Бессмысленно с ттт... тобой разговаривать.

— Ну прямо-таки мои слова.

— Это, — он легким движением руки указал на кровать, — и это... ттт... терапия? Кошачья терапия?

— Угадал.

— «Though this be madness, — проговорил он, о чудо, не заикнувшись, — yet there is method in't»*.

— И это тоже прямо-таки мои слова!

Мы ждали. Наконец Венера Уайтблэк перестала мурлыкать, легла на бок, зевнула и несколько раз прошлась по шкурке розовым язычком.

— Пожалуй, конец, — неуверенно проговорила она. — Я вытянула все. Яд, болезнь и жар. Было еще что-то в костном мозге, не знаю что. Но для верности я и это тоже вытянула.

— Браво.

— Ваша милость?

— Слушаю.

— Я все еще жива.

— Не думаешь же ты, — высокомерно улыбнулся я, — что я позволю тебе умереть?

Кошка зажмурилась в немой благодарности. Чарлз Лютвидж Доджсон, уже долгое время беспокойно следивший за нашими действиями, неожиданно громко кашлянул.

— Говори, — благосклонно разрешил я, подняв на него глаза. — Только не заикайся, пожалуйста.

— Не знаю, что за ритуал здесь осуществляется, — начал он тихо, — но есть вещи на земле и небе...

— Переходи к этим вещам.

— Алиса все еще без сознания.

* «Если это и безумство, то по-своему последовательное». Шекспир. Гамлет. Акт II, сцена II. Перевод Б. Пастернака.

Ха! Он был прав. Походило на то, что операция удалась. Но только лекарям. *Medice, cura te ipsum**, подумал я. Я не торопился говорить, чувствуя на себе вопросительный взгляд кошки и беспокойный взгляд преподавателя математики. Я просчитывал различные возможности. Одной из них была: пожать плечами и удалиться. Но я уже слишком крепко ввязался в эту историю и теперь отступать не мог. Бутылка, на которую я поспорил с Зайцем, конечно, одно дело, но престиж...

Я усиленно размышлял. Мне помешали.

Чарлз Лютвидж вдруг подпрыгнул, а Венера Уайтблэк напружинилась и резко подняла голову. На выкрутасах викторианских обоев заплескала быстрая, юркая тень.

— Хааа-хааа! — запищала тень, кружась вокруг жирандолли. — А нет ли у котов аппетита на летучих мышей?

Венера прижала уши, зашипела, выгнула спину, яростно фыркнула. Радэчки предусмотрительно повис на абажуре.

— Честер! — закричал он с высоты, расправив одно крыло. — Арчи велел передать, чтобы ты поспешил! Дело скверно! *Les Coeurs* забрали девочку! Поспеш, Честер!

Я выругался очень грубо, но по-египетски, так что никто не понял. Кинул взгляд на Алису. Она дышала спокойно, на ее лице появилось что-то вроде румянца. Но, черт побери, она так и не приходила в себя!

— Она все еще видит сон, — открыл Америку Чарлз Лютвидж Доджсон. — И боюсь, это не ее сон.

— Я тоже боюсь, — глянул я ему в глаза. — Но сейчас не время теоретизировать. Необходимо вырвать ее из горячки прежде, чем дело примет необратимый характер. Радэчки! Где сейчас девочка?

— На лужайке Страны Чудес! — проскрипел Радэчки. — На крокетном поле. С Мэб и *Les Coeurs*!

— Летим!

— Летите! — Венера Уайтблэк выпустила когти. — А я буду здесь ее сторожить.

— Минутку. — Чарлз Лютвидж потер лоб. — Я не все понимаю... Не знаю, куда и зачем вы собираетесь лететь, но... Пожалуй, без меня вы не обойдетесь... Именно я должен приду-

* Врач, исцелился сам (лат.).

мать окончание этой истории. А чтобы это сделать... *By Jove!** Я должен пойти с вами.

— Да ты шутишь, — фыркнул я. — Сам не знаешь, что говоришь.

— Знаю! Это моя собственная фантазия.

— Уже нет.

На обратном пути *hoggor vaswi* был еще паршивее. Потому что я спешил. Бывает, при таких перемещениях спешка оказывается губительной. Небольшая ошибка в расчетах — и ты попадешь во Флоренцию в 1348 году во время эпидемии Черной Смерти. Или в Париж, в ночь с 23 на 24 августа 1572 года**.

Но мне повезло. Я попал туда, куда следовало.

Болванщик не ошибался и не преувеличивал, назвав всю эту паскудную червонную банду показушниками. Они все делали с эффектом и ради эффекта. Всегда. Так было и на сей раз.

Расположившийся между акациями газон неудачно прикидывался крокетным полем. Эффекта ради на нем установили полукруглые воротца, которые на крокетном жаргоне именовались *акches*. *Les Coeurs* в количестве около десяти держали в руках реквизит: молотки, или *mallets*, а на травке валялось что-то, долженствовавшее изображать шары, но выглядевшее прямо-таки свернувшимися в клубок ежами. Тон в шайке задавала, разумеется, огненноволосая Мэб, выраженная в карминовый атлас и крикливую бижутерию. Повышенным голосом и властными жестами она указывала *Les Coeurs* места, которые те должны занять. При этом одну руку она держала на плече Алисы Лидделл. Девочка посматривала на королеву и подготовку к игре с живым интересом и пылающими щеками. Совершенно определенно она не понимала, что готовится не игра, а экзекуция. Причем не простая, а показушно-эффектная.

Мое неожиданное появление вызвало — как обычно — легкое замешательство и шумок среди *Les Coeurs*, которое, однако, Мэб быстро пресекла.

— Сожалею, Честер, — сказала она холодно, сминая уни-
занными перстнями пальцами оборки на плече Алисы. — Весь-

* Клянусь Юпитером! (лат.)

** Варфоломеевская ночь.

ма сожалею, но у нас уже полный комплект игроков. Между прочим, именно поэтому тебе и не выслали приглашения.

— Не беда, — зевнул я, демонстрируя резцы, клыки, пре-моляры и моляры, в общей сложности всю кучу дентина и зубной эмали, — не беда, ваше величество, я в любом случае вынужден был бы отклонить приглашение. Я не охотник до крокета, предпочитаю другие игры и забавы. Что же касается комплекта игроков, то, думаю, есть у вас и запасные?

— А тебе какое дело до того, — прищурилась Мэб, — что у нас есть, а чего нету?

— Я, видите ли, вынужден забрать у вас мисс Лидделл. Надеюсь, тем самым не испорчу вам забавы?

— Ага. — Мэб, слабо имитируя улыбку, ответила мне демонстрацией части набора зубов. — Ага. Понимаю. Но поясни ты мне, почему наши извечные споры касательно гегемонии должны состоять во взаимном изъятии игрушек? Мы что, дети? Разве нельзя, предварительно условившись о времени и месте, решить то, что решить следует? Ты можешь мне это объяснить, Честер?

— Мэб, — ответил я. — Если у тебя возникло желание дискутировать, то назови время и место. Заблаговременно, конечно. Сегодня я не в настроении учинять диспуты. К тому же игроки томятся. Поэтому я забираю мисс Лидделл и исчезаю. Не буду навязываться.

— Какого хрена, — Мэб, когда нервничала, всегда начинала говорить на каком-то чудовищном арго, — и на кой фиг тебе этот ребенок, чертов кот? Почему он тебе так сильно нужен? А может, дело вовсе не в ребенке? А? Ну-ка, ответь мне?

— Во-первых, я не терплю вопроса «почему». А во-вторых, у меня нет желания дискутировать. Это относится также к ответу на твой вопрос. Иди сюда, Алиса.

— И не думай пошевелиться, пигалица. — Мэб стиснула пальцами плечо Алисы, и лицо девочки сморщилось и побледнело от боли. По выражению ее темных глаз я сделал вывод, что она, пожалуй, начала понимать, в какие игры здесь играют.

— Ваше величество, — я осмотрелся и увидел, что Les Coeurs начинают понемногу окружать меня, — соблаговолите снять прелестную ручку с плеча этого ребенка. Незамедлительно. Соизвольте, ваше величество, также проинструктировать своих

холуев, чтобы они отошли на предусмотренное протоколом расстояние.

— Серьезно? — Мэб продемонстрировала оставшуюся часть зубного набора. — А ежели не соизволю, то что, можно спросить?

— Спросить можно. Тогда, рыжая шельма, я тоже поведу себя не протокольно. Повеваю внутренности у всей вашей... закаканной банды.

На этом и закончился треп. Les Coeurs просто-напросто накинудись на меня, не ожидая, пока прозвучит приказ Мэб, а ее унизанная перстнями рука закончит властный жест. Кинулись на меня все, сколько их было. Кучей.

Но я был к этому готов. Полетели клочья с их украшенных карточными символами курточек. Полетели клочья с них самих. И с меня тоже, но в значительно меньшем количестве. Я перевалился на спину. Это несколько снизило мою маневренность, но зато теперь я мог кроить из них лапшу и задними лапами тоже... Усилия понемногу начали давать результат — несколько Les Coeurs, крепко помеченных моими когтями и клыками, кинулись в постыдное бегство, отмахнувшись от воплей Мэб, которая незатейливыми словами приказывала им, что именно и из какого места им должно у меня вырвать.

— Да кто вообще с вами считается? — неожиданно разоралась Алиса, внося в суматоху совершенно новые нотки. — Вы — колода карт! Всего-то-навсего колода карт!

— Да-а-а??? — взвыла Мэб, бурно тормоша ее. — Да что ты говоришь?!

Один из ее команды, кудрявый паренек со знаком тref на груди, обеими руками ухватил меня за хвост. Терпеть не могу такой фамильярности, поэтому незамедлительно оторвал ему голову. Но другие уже сидели на мне и работали кулаками, каблуками и крокетными молотками, при этом усиленно дыша. Злые они были как хрен с перцем. Но и я тоже был зол. Через минуту вокруг меня стало несколько просторней, и я мог перейти от войны позиционной к маневренной. Травка уже была здорово червонной и чертовски скользкой.

Алиса изо всей силы пнула Мэб в голень. Ее королевское величество изысканно матюгнулась и с размаху ударила девочку по лицу. Та упала, свалившись на одного из Les Coeurs, который в этот момент как раз пытался встать. Прежде чем он скинул с себя Алису, я выпарал ему один глаз. А у того,

который пытался помешать мне, выцарапал два. Двое оставшихся дали дёру, и я смог встать.

— Ну, милая Queen of Hearts*? Может быть, достаточно на сегодня? — выговорил я, слизывая кровь с носа и усов. — Может, dokonчим в другой раз, предварительно условившись о месте и времени?

Мэб наградила меня таким «букетиком», в котором определение «полосатый курвин сын» было самым мягким, хоть и наиболее часто повторявшимся. Она совершенно явно не намерена была откладывать конфликт на другой раз. Несколько Les Coeurs уже остыли от первоначального шока и готовились к новому нападению. А я был очень утомлен, и у меня, вне всяких сомнений, было сломано ребро. Я заслонил собою Алису.

Мэб триумфально взвизгнула. Кусты акаций неожиданно расступились, словно воды Красного моря. И оттуда, распаленный ором и галдежом Les Coeurs, трусцой выбежал Брандашмыг, точнее, солидно подросший экземпляр Брандашмыга. Злопастного Брандашмыга.

— Шляпу прикажу из тебя сшить, Честер, — рявкнула Мэб, указывая Бармаглоту, на кого тому следует кинуться. — Если от тебя останется достаточно меха на шляпу!

Я — кот. У меня девять жизней. Однако не знаю, говорил ли я вам, что восемь я уже использовал?

— Беги, Алиса! — прошипел я. — Беги!

Но Алиса Лидделл даже не пошевелилась, парализованная страхом. Я не очень удивился.

Брандашмыг рванул когтями траву, словно собирался выкопать станцию метрополитена или туннель под Монбланом. Вздрыгнул черно-рыжую шерсть, из-за чего сделался почти в два раза больше, хотя и без того был достаточно велик. Мускулы у него под шкурой налились и заиграли Девятую Симфонию, глазницы загорелись адским пламенем. Пасть он раскрыл так, что я невольно возгордился. И бросился на меня.

Я яростно защищался. Выдал из себя все, что мог. Но он был крупнее и чертовски силен. Прежде чем я наконец сумел скинуть его с себя и отбросить, он крепенько поработал надо мной.

Я едва держался на лапах. Кровь заливала глаза и застывала на боках, а острый конец одного из сломанных ребер уси-

* Королева Сердец (англ.).

ленно пытался найти что-то в моем правом легком. Алиса кричала так, что в ушах звенело. А Брандашмыг с размаху вытер яйца о траву, пошевелил остатками ушей, глянул на меня из-под разорванных век и поверх кровоточащего носоклюва. Снова раззявил пасть и тут же совершенно неожиданно захлопнул ее. Вместо того чтобы опять кинуться на меня и добить, он словно зачарованный стал вдруг тихим. Не хуже бычьей задницы.

Я инстинктивно обернулся, и, говорю вам, последний раз я видел нечто подобное в «Рождении нации» Гриффита*. Из-за деревьев ко мне шла помощь. Но это не была US Cavalry** или ку-клукс-клан. А был это мой знакомый, некто Чарлз Лютвидж Доджсон. Выглядел он, поверьте, не хуже святого Георгия на картине Карпаччо, а вооружен был мечом ворпальным, рассыпающим ослепительные мигблистальные зайчики.

Хливкие шорьки /пырялись по навё/ и хрюкотали зелюки /как мюмзики в мовё/.

Вы не поверите, но Брандашмыг сбежал первым. Следом за его поджатым хвостом кинулись в бегство те из Les Cœurs, которые еще владели ногами. А последней покинула поле боя королева Мэб, орошая слезами атласное платье. Я же все видел как сквозь наполненный свекольным отваром аквариум. А минутой позже...

Поклянитесь, что не станете смеяться.

Минутой позже я увидел белого кролика с розовыми глазами, глядящего на циферблат часов, которые он вынул из жилетного кармана. А потом я свалился в черную бездонную нору.

Падение длилось долго.

Я — кот. Я всегда падаю на четыре лапы. Даже если этого и не помню.

— Ах, — неожиданно сказал Чарлз Лютвидж Доджсон, опершись локтем об ивовую корзинку с пирожками. — Знакомо ли тебе, Чеширский Кот, роскошное ощущение сонливости, сопутствующее пробуждению в летнее утро, когда воздух наполнен пением птиц, живительный ветерок веет в раскрытое окно, а ты, лежа с полуприкрытыми глазами, видишь, словно все еще во сне, лениво покачивающиеся зеленые веточки, поверхность воды, покрытую золотой рябью? Ах, поверь мне, Котик,

* Фильм Дэйва Уорка Гриффита, созданный в 1915 году.

** Конница США.

это блаженство, граничащее с глубокой тоской, блаженство, наполняющее глаза слезами, словно прекрасная картина или стихотворение.

Вы не поверите. Он не заикнулся ни разу.

Пикник развивался своим чередом. Алиса Лидделл и ее сестры шумно играли на берегу Темзы, поочередно входя на причаленную лодку и поочередно соскакивая с нее. Если при этом одной из них случалось шлепнуться в мелководье у берега, она заразительно пищала и высоко поднимала платице. Тогда сидящий рядом со мной Чарлз Лютвидж Доджсон слегка оживал и слегка румянился.

— Так долго я любил тебя... — замурлыкал я в усы, приходя к выводу, что в словах Мартовского Зайца было много правды.

— Не понял?

— «Зеленые рукава». Но не будем об этом. Знаешь что, дорогой Чарлз? Опиши-ка все это. Сказка, как видно на прилагаемой иллюстрации, постепенно здорово разрослась и полна весьма курьезных фигур. Самое время это описать. Тем более что начало-то уже положено.

Он молчал. И не отрывал глаз от радостно пищавшей Алисы Лидделл, поднимавшей подол платица так, что можно было увидеть трусики.

— Полжизни нас разделяют, — вдруг сказал он тихо. — Дитя с безоблачным челом и удивленным взглядом. Пусть изменилось все кругом и мы с тобой не рядом... Тебя я вижу лишь во сне, не слышен смех твой милый, ты выросла и обо мне, наверное, забыла.

— Я б рекомендовал лучше писать прозой, — не выдержал я. — Поэзия плохо идет на рынке.

— Да-да, конечно, — согласился он. — Я думаю, она уже не вспомнит обо мне в годы грядущей юности.

Я взглянул на него и слегка поморщился, а он сказал:

— Ты не мог бы... хм-м-м... побольше материализоваться? Твоя усмешка, висящая в пустоте, нервирует, знаешь ли.

— Сегодня, дорогой Чарлз, я не могу ни в чем тебе отказать. Я слишком многим тебе обязан.

— Не надо об этом, — смущенно сказал он, отводя глаза. — Любой на моем месте... Не мог же я допустить, чтобы ее... и тебя... убила моя собственная фантазия.

— Благодарю, что не допустил. Ну а так, между нами, откуда, о гордость кавалерии и пехоты, ты взял меч суропадный и зайчиков миглотарных?

— Откуда взял... что?

— Пустяки, Чарльз. Мы отклонились от темы.

— Книжка, описывающая все это? — Он снова задумался. — Не знаю. Поверь, не знаю, смогу ли...

— Ты б смог. У твоей фантазии сила, способная ребра крушить.

— Хм-м-м. — Он сделал такое движение, словно собирался меня погладить, но вовремя раздумал. — Хм-м-м, как знать? Может, ей... понравилась бы такая книжка? Кроме того, колледж платит скудно, парочка фунтов на стороне не помешала бы... Конечно, издавать пришлось бы под псевдонимом. Мое положение преподавателя...

— Тебе необходим приличный *nom de plume**, Чарльз, — зевнул я. — И не только из-за колледжских властей. Твоя родовая фамилия не годится на обложку. Она звучит так, словно кто-то, умирающий от пневмоторакса легких, диктует завещание.

— Невероятно. — Он изобразил возмущение. — Может, у тебя есть какое-нибудь предложение? Что-нибудь такое, что звучит лучше?

— Есть. Уильям Блэйк.

— Смеешься.

— Тогда Эмилия Бронте.

На этот раз он умолк и долго не говорил ни слова. Девочки Лидделл отыскиали на берегу ракушки беззубок. Радостным восклицаниям не было конца.

— Ты спишь, Чеширский Кот?

— Стараюсь уснуть.

— Ну, спи, спи, ночной тигр. Не стану мешать.

— Я лежу на рукаве твоего сюртука. Что будет, если ты захочешь подняться?

— Отрежу рукав, — улыбнулся он.

Мы долго молчали, глядя на Темзу, на которой плавали утки и чомги.

— Литература... — неожиданно проговорил Чарльз Лютвидж, у которого был такой вид, словно его неожиданно разбудили

* псевдоним (фр.).

ранним утром. — Литература — искусство мертвое. Грядет век двадцатый, а он будет веком изображения.

— Ты имеешь в виду забаву, придуманную Луи Жаком Манде Дагером?

— Да, — подтвердил он. — Именно фотографику я имею в виду. Литература — фантазия, а стало быть, ложь. Писатель обманывает читателя, влача его по бездорожьям собственного воображения. Обманывает двусмысленностью и многосмысленностью.

— Фотографика, значит, не двусмысленна? Даже такая, которая изображает двенадцатилетнюю девочку в достаточно двусмысленном, далеко идущем дезабилье? Лежащую на шезлонге в достаточно двусмысленной позе?

Он покраснел.

— Стыдиться нечего, — снова пошевелил я хвостом. — Все мы обожаем прекрасное. Меня тоже, дорогой Чарлз Лютвидж, привлекают юные кошечки. Если б я увлекался фотографией, как ты, я б тоже не стал искать других моделей. А на правила хорошего тона плюнь!

— Я никогда никому не ппп... показывал этих фотографий. — Он неожиданно опять начал заикаться. — И никогда не ппп... покажу. Хотя следует тебе знать, был такой ммм... момент, когда я возлагал на фотографику определенные надежды... Финансового характера.

Я усмехнулся. Могу поспорить, что он не понял моей улыбки. Не знал, о чем я подумал... Не знал, что я видел, когда летел вниз по черной шахте кроличьей норы. А видел я и знал, в частности, что через сто тридцать лет, в июле 1966 года, четыре его фотографии, изображающие девочек одиннадцати—тринадцати лет в романтическом и возбуждающем воображение викторианском белье и двусмысленных, но эротически убедительных позах, пойдут с молотка в Сотби и будут проданы за сорок восемь тысяч пятьсот фунтов стерлингов. Недурная сумма за четыре клочка обработанной колотипической техникой бумаги.

Но говорить об этом было бессмысленно.

Я услышал шум крыльев. На ближней вербе уселся Эдгар. И призывно закаркал. Напрасно. Я и сам знал, что уже пора.

— Пора кончать пикник, — встал я. — Прощай, Чарлз.

Он не удивился.

— Ты можешь идти? Твои раны...

— Я — кот.

— Совсем было запомнил. Ты же Чеширский Кот. Когда-нибудь еще встретимся? Как думаешь?

Я не ответил.

— Встретимся когда-нибудь? — повторил он.

— Никогда, — ответил за меня Эдгар.

Вот в принципе, дорогие мои, и конец. Так что надо закругляться.

Когда я вернулся в Страну, полдень золотился вовсю: ведь время у нас течет несколько по-иному, нежели у вас. Однако к Зайцу и Болванщику я не пошел, чтобы распить вместе выигранную на спор бутылку и похвастаться очередным — после упрямого Шекспира — успехом в направлении судеб мировой литературы. Не пошел и к Мэб, чтобы попробовать уладить конфликт при помощи банальной, но наспигованной комплиментами беседы. А пошел я в лес, чтобы полежать на ветке, зализать раны и отогреть на солнце шубку.

Табличку с надписью «ОСТОРОЖНО: БАРМАГЛОТ» кто-то сломал и закинул в кусты. Скорее всего сделал это сам Бармаглот, который поступает так довольно часто, ибо обожает застигать посетителей врасплох, а табличка с предостережением сводит на нет эффект неожиданности.

Но ветка была там, где я ее и оставил. Я забрался на нее. Изящно свесил хвост. Улегся, предварительно проверив, не крутятся ли где-нибудь поблизости Радэчки.

Пригревало солнышко. В глушобе туктумов весело перепыривались хливые шорьки, хлопотали пелицапли, мюмзики и зелюки смуело выблуживали что-то на дальней гажайке, но что именно, я не разглядел. Слишком велико было расстояние.

Стоял золотой полдень.

Было прекрасно и чуточку меланхолично. Как всегда у нас.

Впрочем, вы прочитаете об этом сами. В оригинале. Либо в одном из переводов.

Ведь их так много.

MALADIE*

*Вижу зеркальный туннель, переливчатый, жуткий,
Сквозь подземелие снов моих как бы пробитый,
Где никогда не ступала на гулкие плиты
Чья-то нога... Где ни весен, ни зим... Промежутки.*

*Вижу зеркальную небыль, исход или — что же? —
Где вместо солнца, как будто дозорные, свечи —
К тайне причастны. Где нету конца, ибо Нечто
Проистекает само из себя, множит множа.*

Болеслав Лесьмян

Бретань, сколько я себя помню, ассоциируется у меня с изморосью и шумом волн, набегающих на рваный каменистый пляж. Цвета той Бретани, которую я помню, — серое и белое. Ну и конечно, аквамарин, а как же иначе-то.

Я плотнее укутался плащом, тронул коня шпорами и послал его к дюнам. Мельчайшие капли — слишком мелкие, чтобы впитываться, — плотно оседали на ткани плаща, на гриве коня, туманным паром убивали блеск металлических частей упряжи и экипировки. Горизонт выплевывал тяжелые серо-белые клубы туч, накатывающих на сушу.

Я поднялся на покрытый пучками жесткой серой травы холм. И тут увидел ее, темную на фоне неба, неподвижную, застывшую статую.

* Maladie. Перевод с польского Е.П. Вайсброта.

Подъехал ближе. Конь тяжело ступал по песку, затаенно-му лишь тонкой пленкой влаги, тут же лопавшейся под копытами.

Она сидела на сивой лошади, по-дамски, окутанная темно-серой ниспадающей на спину лошади накидкой. Капюшон был откинут назад, светлые влажные волосы кудрявились, слипшись на лбу. Неподвижная, она глядела на меня спокойными, казалось, задумчивыми глазами. Они источали спокойствие. Ее лошадь тряхнула головой. Звякнула упряжь.

— Бог в помощь, рыцарь, — проговорила всадница, опережая меня. Голос был спокойный, сдержанный.

— И тебе, госпожа.

У нее было милое овальное лицо, красивые полные губы, над правой бровью то ли родимое пятнышко, то ли маленький шрамик в виде опрокинутого полумесяца. Я осмотрелся. Вокруг были только дюны. Никаких признаков сопровождающей ее свиты, слуг или повозки. Она была одна.

Как и я.

Она последовала глазами за моим взглядом, улыбнулась и сказала, как бы подтверждая:

— Я одна. Ждала тебя, рыцарь.

Так. Она ждала меня. Интересно. Я, например, понятия не имел, кто она такая. И не думал застать здесь никого, кто мог бы меня ожидать. Во всяком случае, так мне казалось.

— Ну что ж, — сказала она. Ее лицо дышало покоем и холодом. — Трогаемся, рыцарь. Я — Бранвен из Корнуолла.

Нет, она не из Корнуолла. И — не бретонка.

Есть причины, из-за которых мне порой случается не помнить того, что происходило даже в недалеком прошлом. Бывают у меня черные провалы в памяти. Бывает и наоборот: временами помнится такое, чего — я почти уверен в этом — никогда не было. Станные дела порой творятся с моей головой. Иногда я ошибаюсь. Но ирландский акцент, акцент обитателей Тары и Темаирских гор, я не перепутал бы ни с каким иным. Никогда.

Я мог ей это сказать. Но не сказал.

Я наклонил голову, рукой в перчатке коснулся кольчуги на груди. Представляться не стал. Имел на то право. Перевернутый щит у моего колена был явным знаком того, что я желаю сохранить incognito. Рыцарский обычай уже приобретал характер повсеместно признаваемой нормы. Нельзя сказать,

чтобы эти нормы были очень уж разумны, если учесть, что рыцарский обычай становился все более дурашливым и невероятно причудливым.

— Трогаемся, — повторила она, направив лошадь вниз, в седловинку между холмиками дюн с торчащей словно щетина травой. Я последовал за ней, догнал, мы поехали рядом, бок о бок. Иногда я даже немного опережал ее — со стороны могло показаться, что веду именно я. Мне это было без разницы. Направление в принципе было правильным.

Ведь море было позади. За нами.

Мы не разговаривали. Бранвен, которой хотелось, чтобы ее считали корнуоллкой, несколько раз поворачивалась и поглядывала на меня. Казалось, хотела что-то спросить. Но не спрашивала. Я был ей благодарен. Вряд ли я на многое смог бы ответить. Я тоже молчал и размышлял — если так можно назвать процесс тяжелого труда, имеющего целью как-то упорядочить в мозгу картины и факты.

Чувствовал я себя отвратно, по-настоящему отвратно.

Из задумчивости меня вырвал приглушенный вскрик Бранвен и вид зубатого острия перед самой грудью. Я поднял голову. Острие принадлежало рогатине, которую держал дылда в фетровом шутовском колпаке и рваной кольчуге, второй, с паскудной угрюмой мордой, держал лошадь Бранвен за узду у самого мундштука. Третий, стоявший в нескольких шагах позади них, целился в меня из самострела. Будь я, черт побери, Папой Римским, я б под страхом отлучения запретил изготавливать самострелы.

— Спокойно, рыцарь, — сказал самострельщик, целясь прямо мне в грудь. — Я тя не убью. Ежели не придется. Но ежели ты тронешь меч, то придется.

— Нам нужна жратва, теплая одежда и малость грошей, — сообщил угрюмый. — Ваша кровь нам ни к чему.

— Мы не дикари какие, — проговорил мужчина в смешном колпаке. — Мы честные профессиональные разбойники. У нас свои принципы.

— Наверно, отбираете у богатых, отдаете бедным? — спросил я.

Тот, что в смешном колпаке, широко усмехнулся, аж показались десны. У него были черные блестящие волосы и смуглое лицо южанина, заросшее многодневной щетиной.

— Так-то уж далеко наша порядочность не заходит, — сказал он. — Мы отбираем у всех подряд. Но поскольку сами-то мы бедные, то выходит одно на одно. Граф Оргил разогнал дружину, отпустил нас. До часу до времени, пока мы не пристанем к кому другому, жить-то надо. Как считаешь?

— И чего ты ему толкуешь, Бек де Корбен? — встрял угрюмый. — Чего, говорю, толкуешь? Он же насмехается над нами, оскорбить хочет.

— Я выше этого, — заносчиво бросил Бек де Корбен. — Пропускаю помимо ушей. Ну, рыцарь, не трать времени. Отвязывай вьюки и кидай сюды, на дорогу. А рядышком пушай прилягет твой мешочек. И плащ. Заметь, мы не требуем ни коня, ни доспехов. Знаем границу-то.

— К сожалению, — проговорил угрюмый, омерзительно шурясь, — вынуждены одолжить у тебя и дамочку. На некоторое время.

— Ах да, совсем было запямятовал. — Бек де Корбен опять ощерился. — И впрямь нужна нам эта невеста. Сам понимаешь, рыцарь, безлюдье, одиночество... Уж и забыл, как голая баба выглядит.

— А я вот не могу забыть, — сказал самострельщик. — Каждую ночь, как только глаза прикрою, так и вижу.

Вероятно, я, сам того не ведая, улыбнулся, потому что Бек де Корбен резким движением сунул мне рогатину к лицу, а самострельщик быстро поднес оружие к щеке.

— Нет, — вдруг сказала Бранвен. — Нет, не надо.

Я взглянул на нее. Она постепенно бледнела, начиная с подбородка к губам. Но голос был по-прежнему спокойный, холодный, сдержанный.

— Не надо. Не хочу, чтобы ты погиб из-за меня, рыцарь. Да еще мне и синяков наставят, и одежду испоганят. В конце концов, что тут особенного... Не так уж много они и требуют.

Я удивился не больше, чем разбойники. Можно было догадаться раньше. То, что я принимал за холод, сдержанность, непоколебимое спокойствие, было попросту отрешенностью. Мне такое было знакомо.

— Брось им свои тюки, — продолжала Бранвен, еще сильнее бледнея. — И поезжай. Пожалуйста. В нескольких стае отсюда, на развилке, стоит крест. Дождешься там. Думаю, долго это не протянется.

— Не каждый день встречаешь таких рассудительных дамочек, — сказал Бек де Корбен, опуская рогатину.

— Не смотри на меня так, — шепнула Бранвен. Несомненно, что-то наверняка было в моем лице, а ведь мне казалось, что я неплохо владею собой.

Я отвел руку назад, прикидываясь, будто развязываю ремень выюков, незаметно вынул правую ногу из стремени. Хватанул коня шпорой и двинул Бека де Корбена в морду так, что он отлетел назад, балансируя рогатиной, словно плясун на канате. Вытягивая меч, я наклонил голову, и нацеленная в мое горло стрела звякнула по чаше шлема и соскользнула. Я ударил угрюмого сверху хорошим классическим синистром, а прыжок коня позволил легче вырвать клинок из его черепа. Все вовсе не так уж и трудно, если знаешь, как это делается.

Если б Бек де Корбен хотел, он вполне мог удрать в дюны. Но он не хотел. Он думал, что, прежде чем я успею завернуть коня, он сможет всадить мне рогатину в спину. Он ошибался.

Я с размаху хлопбыстнул его по рукам, вцепившимся в древко, и еще раз — по животу. Хотел-то я ниже, но не получилось. Идеальных людей не бывает.

Самострельщик тоже оказался не из трусливых: вместо того чтобы убежать, он снова натянул тетиву и попробовал прицелиться. Сдержав коня, я ухватил меч посередине клинка и метнул. Нормально! Он упал, да так удачно, что не пришлось спешиваться, чтобы подобрать оружие.

Бранвен, склонив голову к конской гриве, плакала, давилась слезами. Я не проронил ни слова, не пошевелился. Понятия не имею, что надо делать, когда женщина плачет. Один бард, с которым я познакомился в Динасе, в Гвинелде, утверждал, что в этом случае правильнее всего — тоже расплакаться. Не знаю, то ли он шутил, то ли говорил серьезно.

Я старательно протер клинок. У меня под седлом всегда есть тряпица, чтобы протирать меч в подобных случаях. Пока протираешь клинок, руки успокаиваются.

Бек де Корбен хрипел, стонал и всячески старался умереть. Можно было слезть с коня и добить его, но я чувствовал себя не лучшим образом. Да и ему не очень-то сочувствовал. Жизнь — жестокая штука. Мне, сколько я себя помню, тоже никто не сочувствовал. Во всяком случае, так мне казалось.

Я снял шлем, кольчужный наголовник и шапочку. Совершенно мокрую. Черт побери, я вспотел как мышь в родильной

горячке. Чувствовал себя отвратно. Веки словно свинцом налиты, плечи и локти начинали ныть и болезненно неметь. Плач Бранвен доходил до меня как сквозь стену из бревен, щели между которыми плотно прошпаклеваны мхом. В голове билась и звенела тупая, перекатывающаяся боль.

Как я попал на эти дюны? Откуда прибыл и куда направляюсь? Бранвен... Я где-то уже слышал это имя. Но не мог... никак не мог вспомнить где...

Одеревеневшими пальцами я дотронулся до утолщения на голове, до старого шрама, оставшегося после того страшного удара, который рассадил мне череп и вдавил в него прогнувшиеся края разрубленного шлема.

Неудивительно, подумал я, что при такой штуковине на голове я порой ощущаю страшную пустоту в мозгу. Неудивительно, что черный коридор моих снов, где-то далеко оканчивающийся едва уловимым мутноватым светом, ухитрится вести меня и наяву.

Хлюпанье носом и покашливание Бранвен дали мне понять, что все кончилось. В горле першило.

— Едем? — спросил я намеренно сухо и твердо, чтобы прикрыть слабость.

— Да, — ответила она так же сухо. Протерла глаза тыльной стороной ладони. — Рыцарь?

— Слушаю тебя, госпожа.

— Ты презираешь меня, верно?

— Неверно.

Она резко отвернулась, направила лошадь по тропке меж холмов, к скалам. Я последовал за ней. Чувствовал я себя отвратно.

И ощущал запах яблок.

Я не люблю запертых ворот, опущенных решеток, поднятых разводных мостов. Не люблю стоять дурень дурнем перед смердящим рвом. Ненавижу надирать глотку, отвечая невнятно кричащим из-за частокола и амбразур кнехтам, не понимая, то ли они меня кроют непотребными словами, то ли насмеваются, то ли спрашивают, как зовут.

Я ненавижу сообщать имя, когда мне не хочется его сообщать.

На этот раз все устроилось как нельзя лучше: ворота были открыты, решетка поднята, а опирающиеся на алебарды кнех-

ты не шибко усердны. Еще лучше было то, что человек в бархате, встретивший нас во дворе, поздоровался с Бранвен и удовольствовался несколькими ее словами, меня ни о чем спрашивать не стал. Он галантно подал Бранвен руку и придержал стремя, галантно отвел взгляд, когда, слезая, она показала из-под юбки лодыжку и колено, галантно дал понять, что нам надлежит проследовать за ним.

Замок был ужасающе мрачен и пуст. Словно вымер. Было холодно, а черные, давно погасшие каминные делали, казалось, тьму еще мрачнее. Мы ждали, я и Бранвен, в огромной холодной зале, среди косых полос света, падающих сквозь стрельчатые окна. Ждали недолго. Скрипнули низкие двери.

Сейчас, подумал я, а мысль взметнулась под черепом белым холодным пламенем, являя на мгновение длинную, бесконечную глубь черного коридора. Сейчас, подумал я. Сейчас она войдет.

Она вошла.

Изольда.

Меня аж что-то дернуло, когда она вошла, засветилась белизной в мрачном обрамлении двери. Хотите верьте, хотите нет, на первый взгляд ее невозможно было отличить от той, ирландской Изольды, от моей родственницы, от Златокудрой Изольды из Ата-Клиат, дочери Диармуйда Мак Кеарбайлла, короля Тары. Лишь если приглядеться, становилась видна разница — волосы чуточку темнее и не завивающиеся в локоны. Глаза зеленые, не синие, более округлые, без того неповторимого миндалевидного разреза. Другое выражение губ. И руки.

Руки у нее действительно были прекрасны. Думаю, она привыкла к тому, что их белизну сравнивают с алебастром либо слоновой костью, однако у меня белизна и гладкость ее рук ассоциировались с горящими в полумраке, разъяренными до прозрачности свечами в гластонберийском «Стеклянном Храме» Инис Витрин.

Бранвен глубоко присела в реверансе. Я опустил на одно колено, наклонил голову и обеими руками протянул Изольде меч в ножнах. Того требовал обычай: я как бы отдавал меч в ее распоряжение. Что бы это ни означало.

Она ответила легким наклоном головы, подошла, коснулась меча кончиками тонких пальцев. Теперь можно было встать. Церемониал разрешал. Я передал меч мужчине в бархате. Того требовал обычай.

— Приветствую тебя в замке Карэ, — сказала Изольда. — Госпожа...

— Бранвен из Корнуолла. А это мой спутник...

М-да, любопытно, подумал я.

— ...рыцарь Моргольт из Ольстера.

О Луг и Лир! Я вспомнил. Бранвен из Тары! Ну конечно! А позже — Бранвен из Тинтагеля. Она. Конечно, она.

Изольда молча смотрела на нас. Наконец, сложив свои прекрасные белые руки, хрустнула пальцами.

— Вы от нее? — тихо спросила она. — Из Корнуолла? Как добрались? Я каждый день высматриваю корабль и знаю, что он еще не прибыл к нашим берегам.

Бранвен молчала. И я, конечно, тоже не знал, что ответить.

— Говорите, — сказала Изольда. — Когда приплывет корабль, которого мы ждем? Кто будет у него на борту? Каким будет цвет паруса, под которым к нам прибудет корабль из Тинтагеля? Белым? Или черным?

Бранвен не отвечала. Изольда Белорукая кивнула в знак того, что понимает.

Я ей позавидовал.

— Тристан из Линессе, мой супруг и господин, — сказала Изольда, — тяжело ранен. Когда он бился с графом Эстультом л'Оргилом и его наемниками, ему лянцей пробили бедро. Рана изнуряет его... и не заживает... Никак...

Голос Изольды надломился, прелестные руки задрожали.

— Много дней Тристана бьет лихорадка. Он часто бредит, теряет сознание, никого не узнает. Поэтому я постоянно нахожусь при нем, ухаживаю, лечу, пытаюсь смягчить его страдания. Однако моя неловкость и неумение вынудили Тристана послать моего брата в Тинтагель. Вероятно, мой супруг считает, что в Корнуолле легче найти хороших врачей.

Мы молчали. Я и Бранвен.

— Однако от моего брата все еще нет вестей, все еще не видно паруса его корабля, — продолжала Изольда Белорукая. — И вот вдруг, вместо той, которую ждет Тристан, являешься ты, Бранвен. Что привело тебя к нему? Тебя, служанку и наперсницу Златокудрой королевы из Тинтагеля? Может, ты привезла чудодейственный эликсир?

Бранвен побледнела. Я почувствовал неожиданный укол жалости. Потому что по сравнению с Изольдой — стройной, высокой, такой воздушной и преисполненной достоинства, та-

инственной и невыразимо прекрасной — Бранвен выглядела простой ирландской крестьянкой, круглолицей, грубоватой, крутобедрой, с все еще беспорядочно курчавящимися после дождя льняными волосами. Хотите верьте, хотите нет — мне было ее жаль.

— Однажды Тристан уже принял из твоих рук магический напиток, Бранвен, — продолжала Изольда. — Напиток, который все еще действует и медленно убивает его. Тогда, на корабле, Тристан принял из твоих рук смерть. Так, может, теперь ты прибыла, чтобы дать ему жизнь? Если так — поспеши. Времени осталось мало. Очень мало.

Бранвен не дрогнула. Лицо у нее было неподвижным, словно у восковой куклы. Их глаза — ее и Изольды, — пылающие огнем и силой, встретились, скрестились. Я чувствовал напряжение, потрескивающее как скручиваемый из пеньки канат. Вопреки моим ожиданиям сильнее оказалась Изольда.

— Госпожа Изольда, — Бранвен упала на колени, склонила голову, — ты вправе ненавидеть меня. Но я не прошу твоего прощения, не перед тобой я провинилась. Тебя я прошу только о милости. Я хочу увидеть его, прекрасная Изольда Белорукая. Я хочу увидеть Тристана.

В глазах Изольды светилась печаль. Только печаль. Голос был тихий, мягкий, спокойный.

— Хорошо, — сказала она. — Ты увидишь его, хотя я поклялась не допустить, чтобы его коснулись чужие глаза и руки. Особенно — ее руки. Руки корнуоллки.

— Она может ведь и не приплыть из Тинтагеля, — прошептала Бранвен, так и не поднявшись с колен.

— Встань, пожалуйста. — Изольда Белорукая подняла голову, и в ее глазах сверкнули влажные бриллианты. — Говоришь, может не приплыть? А я... Я бы босиком побежала по снегу, по терниям, по раскаленным угольям, если бы... Если бы он только позвал меня. Но он не зовет, хоть и знает об этом. Он призывает ту, которая может ведь и не приплыть. Наша жизнь, Бранвен, не устает насмехаться над нами!

Бранвен поднялась с колен. Ее глаза — я ясно видел это — тоже наполнились бриллиантами. Эх, женщины...

— Так иди же к нему, милая Бранвен, — с горечью в голосе сказала Изольда. — Иди и принеси ему то, что я вижу в твоих глазах. Но приготовься к самому худшему. Потому что, когда ты опустишься на колени у его ложа, Тристан бросит

тебе в лицо имя, которое не будет твоим именем. Он бросит его тебе в лицо как укор, как обвинение. Иди. Слуги укажут тебе дорогу.

Я остался с ней наедине, с Изольдой Белорукой, когда Бранвен вышла вслед за слугой. Наедине, если не считать капеллана с блестящей тонзурой, склонившегося над молитвенной скамеечкой и бормочущего себе под нос латинскую белиберду. Раньше я его не замечал. Да и был ли он тут все это время? А, черт с ним. Он мне не мешал.

Изольда, все еще машинально ломающая свои белые руки, внимательно глядела на меня. Я искал в ее глазах враждебность и ненависть. Ведь она не могла не знать. Когда выходят замуж за ходячую легенду, то узнают эту легенду в самых мельчайших деталях. А меня, черт побери, мелким не назовешь.

Она смотрела на меня, и что-то странное было в ее взгляде. Потом, подобрав почти невесомое платье у узких бедер, она присела на резное кресло, стиснув пальцы белых рук на подлокотниках.

— Сядь рядом, — сказала она. — Моргольт из Ольстера.

Я сел.

О моем поединке с Тристаном из Лионессе кружит множество невероятных, от начала до конца вымышленных историй. В одной меня даже превратили в дракона, которого Тристан победил, формально завоевав тем самым право на Изольду Златокудрую. Хорошо придумано, да? И романтично, и его оправдывает. Действительно, на моем щите был намалеван черный дракон. Наверно, отсюда и пошла выдумка? Потому что ведь любой знает, в действительности драконов в Ирландии нет со времен Кухулина.

Другая байка утверждает, будто бой проходил в Корнуолле, еще до того как Тристан познал Изольду. Это неправда. Выдумка менестрелей. Действительно, король Диармуйд посылал меня к Марку в Тинтагель. Я бывал там не раз и действительно крепко грызся за дань, положенную Диармуйду от корнуоллца хрен его знает по какому поводу. Я политикой не интересовался.

Но в то время ни разу не встречал Тристана.

Не встретил я его и когда он в первый раз побывал в Ирландии. Познакомился с ним лишь при его втором посещении, когда он заявился просить для Корнуолла руки Златокудрой. Марк, сын Мейхриона, кузен Великого Артура, пожелал сде-

лать нашу Изольду владычицей Тинтагеля. Двор Диармуйда, как всегда в таких случаях, разделился на тех, кто поддержал такое породнение, и тех, кто был против. Среди последних был и я. Честно говоря, я понятия не имел, в чем там было дело. Я уже говорил, что у меня не было склонностей ни к политике, ни к интригам. В принципе мне было без разницы, за кого выдадут Изольду. Но я любил и умел драться.

План, насколько я его понимал, был прост, его и интригой-то не назовешь. Требовалось сорвать Марку сватовство, не допустить до породнения с Тинтагелем. Чего проще: уколошить посла, и вся недолга. Я выбрал момент, зацепил и оскорбил Тристана, ну и он меня вызвал. Он меня, понимаете? Не наоборот.

Мы дрались в Дун-Лаогайре, на берегу Залива. Я думал, управлюсь с ним запросто. На первый взгляд я раза в два превышал его весом и по меньшей мере двукратно опытом. Во всяком случае, так мне казалось.

Свою ошибку я понял при первой же стычке, когда наши копы разлетелись в щепки. У меня чуть было крестец не переломился, с такой силой он пригвоздил меня к луке седла, еще малость — и повалил бы вместе с конем. Когда он развернулся и, отказавшись от другого копы, выхватил меч, я обрадовался: копы — такое оружие, что при капельке счастья и хорошем верховом коне ловкий мальчишка может разделить даже умелого рыцаря. Меч — другое дело, меч — оружие справедливое. Во всяком случае, так мне кажется.

Ну, постучали мы малость друг друга по щитам. Он сильный был, ровно бык, сильнее, чем я полагал. Дрался классически — декстер, синистр, верх-низ, раз за разом, очень быстро, и это не позволяло мне использовать преимущества опыта, навязать ему мой, не столь классический стиль. Понемногу он стал меня утомлять, поэтому при первой же оказии я не рыцарски рубанул его по бедру, под нижний край щита, украшенного поднявшимся на задние лапы львом Лионессе.

Бились бы мы пешими, он бы на ногах не устоял. Но мы бились верхом. Он даже внимания не обратил, что исходит кровью, словно кабан, поливает красным седло, попону, песок. Люди, которые там были, орали как сумасшедшие. Я был уверен, что кровоток свое возьмет, а поскольку и я был близок к пределу, я налетел на него резко, нетерпеливо и неосторожно, чтобы покончить с боем. И ошибся. Подсознательно я дер-

жал щит низко, думая, что он ответит мне таким же самым скверным предательским нижним ударом. И тут что-то полыхнуло у меня в глазах. Что было дальше — не знаю.

Не знаю. Не знаю, что было дальше, подумал я, глядя на белые руки Изольды. Возможно ли такое? Или была только та вспышка, в Дун-Лаогайре, мрачный коридор и сразу после этого серо-белое побережье и замок Карэ?

Возможно ли такое?

И тут же, как готовый ответ, как неопровержимое доказательство, как неоспоримый аргумент, всплыли картины, явились лица, имена, слова, краски и запахи. В них было все, каждый, самый коротенький денек. И зимние дни, краткие, туманно просвечивающие сквозь рыбы пузыри в окнах, и весенние, теплые, пахнущие дождем и исходящей паром землей. Дни летние, долгие и жаркие, желтые от солнца и подсолнухов. Дни осенние, покрытые многоцветной мозаикой склоны в Эмайн-Маха. И все, что случилось в те дни, — походы, бои, переходы, торжества, женщины, снова битвы, снова пиры и снова женщины. Огни Бельтайна и дымы Самайна. Все. Все, что произошло с того боя в Дун-Лаогайре до этого иссеченного морсящим дождем дня на армориканском побережье.

Все это было. Было. Случилось. Поэтому я никак не мог понять, почему мне только чудилось, будто все это мне лишь казалось...

Не важно.

Несущественно.

Я тяжело вздохнул. Воспоминания утомили меня. Я чувствовал себя почти таким же измотанным, как тогда, во время боя. И как тогда, чувствовал боль в затылке, тяжесть рук. Шрам на голове пульсировал, рвал вызывающей ярость болью.

Изольда Белорукая, уже давно глядевшая в окно на затянутый тучами горизонт, медленно повернулась ко мне.

— Зачем ты прибыл сюда, Моргольт из Ольстера?

Что ответить? Я не хотел, чтобы черный провал в памяти выдал меня. Какой смысл рассказывать о бесконечном мрачном коридоре? Приходилось прибегнуть к рыцарскому обычаю, повсеместно принятому и считавшемуся нормой. Я встал.

— Я здесь в твоём распоряжении, госпожа Изольда, — сказал я, чопорно поклонившись. Такой поклон я подглядел у Кэя в Камелоте, он всегда казался мне элегантным и достой-

ным подражания. — Я прибыл, чтобы выполнять любой твой приказ. Распоряжайся моей жизнью, госпожа Изольда.

— Боюсь, — сказала она тихо, — уже слишком поздно.

Я видел слезу, тоненькую, блестящую струйку, сбегаящую от уголка ее глаза, приостанавливающуюся во впадинке у крылышка носа.

Едва уловимо пахло яблоками.

К ужину Изольда не вышла. Мы, я и Бранвен, ужинали одни, если не считать капеллана с блестящей тонзурой. Впрочем, он нам не мешал. Пробормотав краткую молитву и осенив стол крестом, он занялся поглощением того, что было подано. Я вскоре вообще перестал его замечать. Словно б он был тут постоянно. Всегда.

— Бранвен?

— Да, Моргольт?

— Откуда ты меня знаешь?

— Помню по Ирландии, по двору Диамуйда. Хорошо помню. Вряд ли помнишь меня ты. Не думаю. Тогда ты не обращал на меня внимания, хотя, сегодня я уже могу признаться, я всячески старалась сделать так, чтобы ты меня заметил. Это понятно. Там, где блещет Изольда, других не замечают.

— Нет, Бранвен. Я тебя помню. А сегодня не узнал, потому что...

— Почему?

— Тогда, в Таре... ты всегда улыбалась.

Молчание.

— Бранвен...

— Да, Моргольт?

— Как с Тристаном?

— Скверно. Рана гноится, не хочет заживать. Начинается гангрена. Это страшно.

— А он...

— Пока верит — живет. А он верит.

— Во что?

— В нее.

Молчание.

— Бранвен...

— Да, Моргольт?

— А Изольда Златокудрая... Королева... действительно приплывет сюда из Тинтагеля?

— Не знаю. Но он верит.

Молчание.

— Моргольт...

— Да, Бранвен?

— Я сказала Тристану, что ты здесь. Он хочет тебя увидеть.

Завтра.

— Хорошо.

Молчание.

— Моргольт...

— Да, Бранвен?

— Тогда, на дюнах...

— Это ничего не значило.

— Значило. Пожалуйста, постарайся понять. Я не хотела, не могла допустить, чтобы ты погиб. Не могла допустить, чтобы стрела из самострела, дурной кусок деревяшки и железа, пережерил... Я не могла этого допустить. Любой ценой, даже ценой твоего презрения. А там... в дюнах... Цена, которую они требовали, показалась мне не слишком высокой. Видишь ли, Моргольт...

— Бранвен... Пожалуйста, хватит. Достаточно.

— Мне уже доводилось платить собой.

— Бранвен. Ни слова больше. Прошу тебя.

Она коснулась моей руки, и ее прикосновение, хотите верьте, хотите нет, было словно красный шар солнца, восходящего после долгой и холодной ночи, словно аромат яблок, словно напор мчащегося в атаку коня. Она заглянула мне в глаза, и ее взгляд был словно шелест тронутых ветром флажков, словно музыка, словно прикосновение мягкого меха к щекам. Бранвен, хохотушка Бранвен из Тары. Серьезная, спокойная и печальная Бранвен из Корнуолла, со знающими все глазами. А может, в вине, которое мы пили, было что-то такое? Как в том, которое Тристан и Златокудрая выпили на море?

— Бранвен...

— Да?

— Нет, ничего. Просто я хотел услышать звук твоего имени.

Молчание.

Шум моря, монотонный и глухой, в нем шепотки, настойчивые, повторяющиеся, нестерпимо упорные.

Молчание.

— Моргольт...

— Тристан...

А он изменился. Тогда, в Ата-Клиат, это был мальчишка, веселый паренек с глазами мечтателя, всегда и неизменно с одной и той же милой улыбочкой, вызывавшей у девушек и дам спазмы внизу живота. Всегда эта улыбка, даже когда мы рубились мечами в Дун-Лаогайре. А теперь... Теперь лицо было серое, исхудавшее, сморщенное, изборожденное поблескивающими струйками пота. Запавшие от мучений глаза обведены черным.

И от него несло. Несло болезнью. Смертью. Страхом.

— Ты жив, ирландец?

— Я жив, Тристан.

— Когда тебя уносили с поля, говорили, что ты мертв. У тебя...

— У меня была разрублена голова и мозги наружу, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало естественно и равнодушно.

— Чудеса. Кто-то молился за тебя, Моргольт.

— Скорее всего — нет, — пожал я плечами.

— Предначертания судьбы неисповедимы, — наморщил он лоб. — Ты и Бранвен... Живы оба... А я... В дурной схватке... получил копьем в пах, острое вышло навывлет, и дровко сломалось. Не иначе, что-то отщепилось от него, поэтому рана так печет. Кара Божья. Кара за все мои прегрешения. За тебя, за Бранвен. А главное... за Изольду...

Он снова поморщился, скривил рот. Я знал, которую Изольду он имел в виду. Мне вдруг сделалось ужасно обидно. В его гримасе было все. Ее глаза, обведенные синими крутами, выламывание пальцев белых рук, горечь в голосе. Как же часто, подумал я, ей приходилось видеть все это. Неожиданный, невольный изгиб губ, когда он говорил: «Изольда» и не мог добавить «Златокудрая». Мне было жаль ее, вышедшую замуж за живую легенду. Зачем она согласилась? Ведь она, дочь Хозля из Арморики, могла заполучить в мужа любого. Стоило только пожелать. Зачем она согласилась выйти за Тристана? Зачем согласилась служить ему, оставаясь для него лишь именем, пустым звуком? Неужто не слышала ничего о нем и о корнуоллке? А может, ей казалось, что все это пустяки, не имеющие

никакого значения? Может, думала, что Тристан ничем не отличается от других парней из дружины Артура, таких, как Гавейн, Гахерис, Ламорак или Бедивер, которые положили начало идиотской моде любить одну, спать с другой, а в жены брать третью, и все было нормально, никто не обижался?

— Моргольт...

— Я здесь, Тристан.

— Я послал Каэрдина в Тинтагель. Корабль...

— Вестей все еще нет.

— Только она... — шепнул он. — Только она может меня спасти. Я — на пределе. Ее глаза, ее руки, один только ее вид и звук ее голоса... Другого спасения для меня уже нет. Поэтому... если она будет на палубе, Каэрдин должен поставить...

— Я знаю.

Он молчал, глядя в потолок и тяжело дыша.

— Моргольт... Она... она придет? Помнит ли?

— Не знаю, Тристан, — сказал я и тут же пожалел о сказанном. Черт побери, что мне мешало горячо и убедительно подтвердить? Неужели и от него я должен скрывать свое неведение?

Тристан отвернулся к стене.

— Я погубил эту любовь, — простонал он. — Уничтожил ее, и за это проклятие пало на наши головы. Из-за этого я умираю и не могу даже умереть, веря, что Изольда примчится на мой призыв. Пусть даже поздно, но приплывет.

— Не надо так, Тристан.

— Надо. Всею виной я сам. А может, моя треклятая судьба? Может, с самого начала я был осужден на это? Я, зачатый в любви и трагедии? Ты знаешь, что Бланшефлёр родила меня в отчаянии, боли у нее начались, когда ей принесли известие о смерти Ривалена. Она не пережила родов. Не знаю, то ли при последнем вздохе она, то ли позже Фойтенант... Кто дал мне имя, имя, которое словно погибель, словно проклятие... Словно приговор. *La tristesse**. Причина и следствие. *La tristesse*, обволакивающая меня как туман... такой же туман, какой затянул устье Лифле, когда...

Он замолчал, бессознательно водя руками по укрывающим его мехам.

— Все, все, что я делал, оборачивалось против меня. Поставь себя на мое место, Моргольт. Вообрази, что ты прибы-

* Грусть, печаль (фр.).

ваешь в Ирландию, там встречаешь девушку... С первого взгляда, с первой встречи ваших глаз ты чувствуешь, что сердце пытается выломать тебе ребра, а руки дрожат. Всю ночь ты не в состоянии прилечь, бродишь, кипишь от волнения, дрожишь, думаешь только об одном — чтобы завтра снова увидеть ее. И что? Вместо радости — *la tristesse*...

Я молчал. Я не понимал, о чем он.

— А потом, — продолжал Тристан, — первый разговор. Первое касание рук, которое сотрясает тебя словно удар копьем на турнире. Первая улыбка, ее улыбка, из-за которой... Ах, Моргольт! Что бы ты сделал, будь ты на моем месте?

Не знаю, что бы я сделал, будь я на его месте. Потому что я никогда не был на его месте. Потому что, клянусь Лугом и Лиром, никогда не испытывал ничего подобного. Никогда.

— Я знаю, чего бы ты не сделал, — сказал Тристан, прикрыв глаза. — Ты не подсунил бы ее Марку, не возбудил бы в нем интерес, болтая о ней без конца в его присутствии. Ты не поплыл бы за нею в Ирландию под чужим именем. Не дал бы погибнуть зародившейся тогда любви. Тогда, еще тогда, не на корабле. Бранвен терзается из-за истории с магическим напитком. Напиток тут совершенно ни при чем. Когда она поднялась на корабль, она уже была моей. Моргольт... Если б не я, а ты взошел с ней на тот корабль, разве поплыл бы ты в Тинтагель? Разве отдал бы Изольду Марку? Наверняка нет. Ты скорее всего убежал бы с ней на край света, в Бретань, Аравию, в Гиперборею, на самый *Ultima Thule**. Моргольт? Я прав?

— Ты утомлен, Тристан. Тебе необходимо уснуть. Отдохни.

— Стерегите... корабль...

— Хорошо, Тристан. Хорошо. Тебе что-нибудь надо? При-
слать... Белорукую?

Он поморщился:

— Нет.

Мы стоим на стене замка. Мы с Бранвен. Моросит, как обычно в Бретани. Ветер усиливается, развеивает волосы Бранвен, облепляет платьем ее бедра. Порывы ветра глушат на наших губах слова.

Никаких признаков паруса.

* «Крайняя Фула» — край света (Вергилий, «Георгики») (лат.).

Я смотрю на Бранвен. Клянусь Лугом, как мне радостно смотреть на нее. Я мог бы смотреть на нее бесконечно. И подумать только, что, когда она стояла напротив Изольды, она казалась мне некрасивой. Не иначе как у меня на глазах были бельма.

— Бранвен...

— Слушаю тебя, Моргольт.

— Ты ожидала меня на пляже. Ты знала, что...

— Да.

— Откуда?

— А ты не знаешь?

— Нет. Не знаю... не помню... Бранвен, хватит загадок. Это не для моей головы. Не для моей разбитой головы.

— Легенда не может окончиться без нас. Без нашего участия. Твоего и моего. Не знаю почему, но мы важны, необходимы в этой истории. В истории о большой любви, которая как водоворот затягивает все и вся. Разве ты не знаешь, Моргольт из Ольстера, об этом, разве не понимаешь, как могущественна сила чувств? Сила, способная изменить порядок вещей? Ты этого не чувствуешь?

— Бранвен... Не понимаю. Здесь, в замке Карэ...

— Что-то случится. Что-то такое, что зависит только от нас. И поэтому мы здесь. Мы обязаны здесь быть независимо от нашей воли. Поэтому я знала, что ты появишься на пляже... Поэтому не могла допустить, чтобы ты погиб в дюнах...

Не знаю, что меня заставило это сделать. Может, ее слова, может, неожиданное воспоминание о глазах Златокудрой. Может, что-то, о чем я забыл, бредя по длинному, бесконечному, темному коридору. Но я сделал это не раздумывая.

Я обнял ее.

Она прильнула ко мне, покорно и охотно, а я подумал, что действительно чувство может быть могучей силой. Но не менее могуче его долгое, мучительное и непреодолимое отсутствие.

Это длилось всего минуту. Во всяком случае, так мне казалось. Бранвен понемногу высвобождалась из моих объятий, отвернулась, порыв ветра разметал ее волосы.

— От нас многое зависит, Моргольт. От тебя и от меня. Я боюсь.

— Чего?

— Моря. И ладьи без руля.

- С тобой рядом я, Бранвен.
- Будь со мной рядом, Моргольт.

Сегодня другой вечер. Совершенно другой. Не знаю, где Бранвен. Быть может, вместе с Изольдой бодрствует у ложа Тристана, который опять лежит в беспамятстве и мечется в жару. Мечется и шепчет: «Изольда...» Изольда Белорукая знает, что не ее призывает Тристан, но вздрагивает, услышав свое имя. И ломает пальцы белых рук. Бранвен там, рядом, в ее глазах блестят влажные бриллианты. Бранвен... Как жаль, что... А, дьявольщина!

А я... Я пью с капелланом. Не знаю, откуда тут взялся капеллан. Может, был всегда?

Мы пьем. Пьем быстро. И много. Я знаю — мне это вредно. Я не должен пить. Моей разбитой голове от этого только хуже. Если я перепью, у меня начинаются галлюцинации. Головные боли. Иногда я теряю сознание. К счастью, редко.

Ну что ж. Мы пьем. Мне необходимо, чертовщина какая-то, заглушить в себе беспокойство. Забыть о дрожащих руках. О замке Карэ... О глазах Бранвен, полных ужаса перед неизвестным. Я хочу заглушить в себе вой ветра, шум волн, покачивание палубы под ногами. Хочу заглушить в себе то, чего не помню.

И преследующий меня аромат яблок.

Мы пьем, капеллан и я. Между нами дубовый стол, уже крепко заляпанный вином. Между нами не только стол.

- Пей, поп.
- Бог с тобой, сын мой.
- Я тебе не сын.

Как и многие другие, после битвы под Баденом я ношу на латах крест, но я не поддаюсь мистицизму, как это случилось со многими другими. Свое отношение к религии я бы назвал безразличным. К любым ее проявлениям. Куст, который в Гластонбери якобы посадил Иосиф Аримафейский, для меня ничем не отличается от сотен других кустов, разве только тем, что он кривее да облезлей других. Само аббатство, о котором Артуровы парни говорят с благоговейной серьезностью, во мне особого умиления не вызывает, хоть, признаюсь, оно прекрасно сочетается с лесом, холмами и озером. А то, что там постоянно дубасят по колоколам, помогает найти дорогу в тумане, а туман в аббатстве вечно стоит такой, что...

У римской религии, которая, правду сказать, довольно широко расплозлась по миру, у нас, на островах, особых шансов прижиться нет. У нас — в Ирландии, Корнуолле или Уэльсе — то и дело сталкиваешься с вещами и явлениями, существование которых монахи упорно отрицают. Любой дурак видел у нас эльфов, корриганов, лепрехунов, *sidhe*, ха, даже *bean sidhe*. Но ангела, насколько мне известно, не видел никто. За исключением Борса из Каниса, которому якобы лично явился сам архангел Гавриил то ли перед каким-то боем, то ли во время боя. Но Борс — болван и враль, кто ему поверит.

Монахи вещают о чудесах, которые как будто бы совершал их Христос. Будем откровенны — по сравнению с тем, на что способны Вивьена Озерная, Моргана-Чародейка либо Моргауза, жена Лота Оркнейского, не говоря уж о Мерлине, Христу похвалиться нечем. Серьезная, профессиональная магия — это нечто! Уверяю вас. Чародей или друид вызывают к себе уважение и почтение. Мерлин, можете мне поверить, никогда не опустился бы до того, чтобы похвалиться бессмысленным хождением по воде аки посуху. Если вообще в таком хождении есть хоть кроха правды. Слишком часто я прихватывал монахов на вранье, чтобы верить во все, что они плетут. Может, думаете, я не люблю монахов? Не совсем так. Любовь тут ни при чем. Просто мы друг друга не понимаем. Они говорят «Троицын день», я слышу «Бельтайн». Они говорят «Святая Бригида», я думаю «Бригитт из Киль-Дара». Мы друг друга не понимаем. Не то чтобы я всерьез считал, будто друиды многим лучше монахов. Нет. Но друиды-то наши. И были всегда. А монахи — приبلуды. Как вот этот мой попик, мой сегодняшний напарник за столом. Одному черту ведомо, как и откуда его занесло сюда, в Арморику. Городит странные слова, и акцент у него какой-то странный, то ль аквитанский, то ль галльский. А, хрен с ним.

— Пей, поп.

А у нас, в Ирландии, голову дам на отсечение, христианство будет делом временным. Мы, ирландцы, плохо поддаемся их римскому, неуступчивому и яростному, фанатизму, для этого мы слишком трезвы, слишком добродушны. Наш Остров — это форпост Запада, это Последний Берег. За нами уже близко лежат Старые Земли — Хай-Бразиль, Ис, Эмайн-Маха, Майнистр-Тейтреах, Беаг-Аранн. Именно они, как и столетия назад, так и сегодня, владеют умами людей, они, а не крест, не

латинская литургия... Впрочем, мы, ирландцы, терпимы. Пусть каждый верит во что хочет. В мире, слышал я, уже начинают поднимать головы разные группы христиан. У нас это невозможно. Все я могу себе представить, но чтобы, к примеру, Ольстер стал ареной религиозных беспорядков... Поверить не могу.

— Пей, поп.

Пей, ибо кто знает, не ждет ли тебя завтра тяжелый день. Может, уже завтра придет тебе срок отрабатывать все, что ты выжрал и выхлебал сегодня. Потому как тот, которому предстоит отойти, должен отойти торжественно, в сиянии и блеске ритуала. Помирать легче, когда рядом кто-то совершает ритуал, все равно, нудит ли *Requiem aeternam**, дымит ли вонючим кадилом, воеет или колотит мечом по щиту. Так отходить легче. И какая, черт побери, разница, куда отходишь, в рай ли, в пекло, или в Тир-Нан — Страну Молодости. Всегда отходишь во тьму. Уж мне-то кое-что об этом известно. Отходишь в мрачный, бесконечный коридор.

— Твой господин кончается, поп.

— Сэр Тристан? Я молюсь за него.

— Чуда ждешь?

— Все в руке Божией.

— Нет, не все.

— Богохульствуешь, сын мой.

— Я тебе не сын. Я сын Фланна Кернаха Мак Катайра, которого датчане зарубили в бою на берегах реки Шаннон. Это, поп, была смерть, достойная мужчины. Фланн, умирая, не стонал: «Изольда, Изольда». Фланн, умирая, рассмеялся и окрестил ярла викингов такими словами, что тот битых три молитвы не мог хайла закрыть от изумления.

— Умирать, сын мой, должно с именем Господним на устах. Кроме того, погибать в бою легче, отмечу, нежели догорать в ложе, терзаемым *la maladie***. Борьба с *la maladie* — это борьба в одиночестве. Тяжко в одиночку бороться, еще тяжелее умирать в одиночестве.

— *La maladie*? Плетешь, поп. Он отделался бы от этой раны так же напеваючи, как от той, которая... Но тогда, в Ирлан-

* Начальные слова католической заупокойной молитвы («*Requiem aeternam dona eis, Domine et lux perpetua luceat eis*» — «Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им») (лат.).

** болезнь, недуг; но и — страсть (фр.).

дий, он был полон жизни, надежды, а сейчас надежда вытекла из него вместе с больной, зловонной кровью. Пропади ОНА пропадом! Если б он мог перестать о НЕЙ думать, если б забыл об этой треклятой любви...

— Любовь, сын мой, тоже от Бога.

— Как же! Все только и болтают о любви и дивятся, откуда такая берется. Тристан и Изольда... Сказать тебе, поп, откуда взялась их любовь, или как там это называется? Сказать тебе, что их соединило? Это был я, Моргольт. Прежде чем Тристан раздолбал мне черепушку, я саданул его в бедро и на несколько недель приковал к ложу. А он, едва очухался, затащил в то ложе Златокудрую. Любой здоровый мужик поступил бы так же, случись ему оказия и время. А потом менестрели распевали о «Лесе Моруа» и обнаруженном меж ними обнаженном мече. Ерунда все это. Не верю. Сам видишь, поп, откуда взялась их любовь: не от Бога, а от Моргольта. И потому столько она и стоит, любовь-то. Эта твоя *la maladie*.

— Кошунствуешь. Говоришь о вещах, коих не понимаешь. Лучше б замолк.

Я не хватанул его меж глаз оловянным кубком, который пытался смять в кулаке. Удивляетесь почему? Так я вам скажу — потому что он был прав. Я действительно не понимал.

Как я мог понимать? Я не был зачат в несчастье, рожденный в трагедии. Фланн и моя мать зачали меня на сене и наверняка получили от этого уйму простой, здоровой радости. Нарекая меня, они не вкладывали в мое имя никакого скрытого значения. Назвали меня так, чтобы было легко кликнуть: «Моргольт, ужинать!», «Моргольт, где ты, сучье семя!», «Принеси воды, Моргольт!» *La tristesse*? Хрен, а не *la tristesse*.

Разве при таком имени можно мечтать? Играть на арфе? Посвящать возлюбленной все мысли, все дневные дела, а по ночам бродить по комнате, не в силах уснуть? Ерунда. При таком имени можно хлестать пиво и вино, а потом блевать под стол. Разбивать носы кулаком. Разваливать головы мечом или топором иль самому получать по кумполу. Любовь? Такие, которых зовут Моргольтами, запросто задирают бабе юбку и оттрахивают за милую душу, а потом засыпают или, ежели в них ни с того ни с сего что-то разыграет, говорят: «Фу! Ну, ты девка хоть куда, Мэри О'Коннел, так и сожрал бы всю тебя с превеликим удовольствием, в особенности твои сиськи». Ищите хоть три дня и три ночи, а не отыщете в этом и следа *la tristesse*.

Даже следа. Ну и что с того, что я люблю пялиться на Бранвен? Мало ли на что я люблю пялиться?

— Пей, поп. И наливай, не теряй времени зря, чего ты там бурчишь?

— Все в руке Божией, *sicut in coelo et in terris, amen**.

— Может, все и *in coelo*, да наверняка не все *in terris*.

— Кошунствуешь, сын мой. *Save**!*

— Чем пугаешь-то? Гроном с ясного неба?

— Я тебя не пугаю. Я боюсь за тебя. Отвергая Бога, ты отвергаешь надежду. Надежду на то, что не потеряешь того, что обретишь. Надежду выбрать верное, правильное решение, когда придет час выбора. Надежду на то, что не окажешься в тот момент беззащитным.

— Жизнь, поп, с Богом ли, без него ль, с надеждой или без, это дорога без конца и без начала, дорога, которая ведет по скользкому краешку гигантской жестяной воронки. Большинство людей не замечает, что ходит по круту, бесчисленное множество раз проходя мимо одной и той же точки на скользком, узком краешке. Но есть такие, которым случается оступиться. Упасть. И тогда конец им, они никогда уже не возвратятся на этот краешек, не продолжат своего бесконечного кругового движения. Будут скользить, опускаться вниз до тех пор, пока все не встретится у выхода из воронки, в самом узком ее месте. Встретятся, но только на мгновение, потому что дальше, под воронкой, их ждет бездна, пучина, пропасть. И этот подмываемый волнами замок на скале как раз такое место и есть. Отверстие воронки. Тебе это понятно, поп?

— Нет. Однако полагаю, что ты и сам-то не понимаешь причину моего непонимания.

— К черту причину, да и следствие, *sicut in coelo et in terris*. Пей, поп.

Мы пили до поздней ночи. Капеллан перенес обильное возлияние на удивление хорошо. Со мной было хуже. Я упился, говорю вам, жутчайшим образом. Заглушил в себе... все...

Во всяком случае, так мне казалось...

Сегодня море свинцовое. Сегодня море злое. Я чувствую его гнев и уважаю его. Я понимаю Бранвен, понимаю ее страх. Но причин не понимаю. И ее слов тоже.

* все, что в небесах и на земле, аминь (*лат.*).

** Берегись (*лат.*).

Сегодня замок пуст и ужасающе тих. Тристана треплет ли-
хоманка. Изольда и Бранвен — у него. Я, Моргольт из Ольсте-
ра, стою на стене замка и гляжу на море.

Никаких признаков паруса.

Когда она вошла, я не спал. И не удивился. Все было так,
словно я этого ждал. Странная встреча на побережье, поезд-
ка через дюны и поля, дурной инцидент с Беком де Корбе-
ном и его друзьями, вечер при свечах, тепло ее тела, когда я
обнимал ее на стенах замка, а прежде всего аура любви и
смерти, заполняющая Карэ, — все это сблизило нас, связало.
Я уже начал ловить себя на мысли, что мне трудно будет рас-
статься...

С Бранвен.

Она не произнесла ни слова. Отстегнула брошь, скрепляю-
щую накидку на плече, опустила на пол тяжелую ткань. Быст-
ро скинула рубашку, прямую, из грубого полотна, такую, какие
и по сей день носят ирландские девушки. Повернулась боком,
освещенная красноватыми отблесками огня, ползающего по
поленьям в камине и следящего за ней пылающими зрачками
углей.

Так же молча я подвинулся, уступая ей место рядом. Она
медленно легла, отвернула голову. Я накрыл ее мехом. Мы
молчали. Оба. Я и Бранвен. Лежали неподвижно и глядели на
бегающие по потолку тени.

— Я не могла уснуть, — сказала она. — Море...

— Знаю. Я тоже слышу его.

— Я боюсь, Моргольт.

— Я рядом.

— Будь рядом...

Я обнял ее как только мог ласково, нежно. Она обхватила
мне шею руками, прижалась лицом к щеке, обожгла горячим
дыханием. Я прикасался к ней осторожно, борясь с ликую-
щим желанием прижать крепче, жадной грубой, жадной лас-
ки, так, словно касался перьев сокола, ноздрей пугливого коня.
Я касался ее волос, шеи, плеч, ее полных, изумительной фор-
мы грудей с маленькими сосочками. Касался ее бедер, кото-
рые, подумать только, совсем недавно казались мне слишком
крутыми, а оказались изумительно округлыми. Касался ее глад-
ких ляжек, ее женственности, места, которое не называют, ибо
даже в мыслях я не осмелился бы у нее назвать его так, как

привык. Одним из ирландских, валлийских или саксонских слов. Потому что это было бы все равно что Стоунхендж называть грудой камней. Все равно что Гластонбери-Тор называть пригорком.

Она дрожала, нетерпеливо поддавалась моим ладоням, управляла ими движениями тела. Она домогалась, требовала неммым языком, бурным прерывистым дыханием. Она умоляла меня своей минутной податливостью, мягкой и теплой, чтобы через мгновение напрячься, застыть вибрирующим бриллиантом.

— Люби меня, Моргольт, — шепнула она. — Люби меня.

Она была отважна, ненасытна, нетерпелива. Но, беззащитная и беспомощная в моих руках, вынуждена была подчиниться моей спокойной, осторожной, сдержанной любви. Моей. Такой, какой жаждал я. Такой, какой хотел для нее я. Потому что в той любви, которую пыталась мне навязать она, я ощущал страх, жертвенность и самоотречение, а я не хотел, чтобы она боялась, чтобы жертвовала ради меня чем-либо, чтобы отрекалась от чего бы то ни было. И поставил на своем.

Во всяком случае, так мне казалось.

Я чувствовал, как замок дрожит в медленном ритме бьющихся о скалу волн.

— Бранвен...

Она прижалась ко мне, жаркая, а у ее пота был аромат мокрых перьев.

— Моргольт... Как хорошо...

— Что, Бранвен?

— Как хорошо жить.

Мы долго молчали. А потом я задал вопрос. Тот, который не должен был задавать:

— Бранвен... А она... А Изольда приплывет сюда из Тинтагеля?

— Не знаю.

— Не знаешь? Ты? Ее наперсница? Ты, которая...

Я замолчал.

О Луг и Лир, что же я за кретин, подумал я. Что за идиотский болван...

— Не мучайся, — сказала она. — Спроси меня об этом.

— О чем?

— О первой ночи Изольды и короля Марка.

— Ах, об этом? Представь себе, мне это неинтересно.

— Думаю, ты лжешь.

Я не ответил. Она была права.

— Все было так, как говорят баллады, — сказала она тихо. — Как только погасли свечи, мы ловко поменялись с Изольдой в ложе Марка. Не знаю, было ли это и вправду так уж необходимо. Марк был настолько очарован Златокудрой, что не стал бы ее укорять, узнав, что она уже не... Не настолько он был мелочен. Но случилось так, как случилось. Всему виной мои угрызения совести. За то, что произошло на корабле. Я считала, что во всем виновна я и напиток, который я им подала. Я убедила себя в своей виновности и хотела расплатиться за нее. Только потом стало ясно, что Изольда и Тристан... были вместе еще в Ата-Клиате. Что я ни в чем не была повинна.

— Ну хорошо, Бранвен, хорошо. Детали ни к чему.

— Нет. Выслушай до конца. Выслушай то, о чем баллады молчат. Изольда приказала мне немедленно, как только я докажу ее девственность, выскользнуть из ложа и снова обменяться с нею местами. Может, боялась разоблачения, может, просто не хотела, чтобы я слишком привыкла к королю. Кто знает? Они с Тристаном были в соседнем покое, занятые только собою. Она высвободилась из его объятий и отправилась к корнуоллцу, нагая, даже волос не поправила. А я осталась нагая... с Тристаном. До самого утра. Сама не знаю, как и почему.

Я молчал.

— Это еще не все, — сказала она, повернув голову к огню в камине. — Потом были медовые месяцы, во время которых корнуоллец ни на шаг не отходил от Изольды. Конечно, Тристан не мог приблизиться к ней. А ко мне мог. Не вдаваясь в детали: эти несколько месяцев я любила его. Самозабвенно. Я знаю, ты удивляешься. Да, верно, соединила нас исключительно постель, с помощью которой Тристан — это мне было ясно даже тогда — пытался заглушить в себе любовь к Изольде, ревность к Марку, чувство вины. Я для него была всего лишь инструментом. То, что я об этом знала, мне, поверь, не помогло...

— Бранвен...

— Потерпи. Еще не все. Медовые месяцы миновали. Марк возобновил обычные королевские занятия, а Изольде представилась масса возможностей. Тристан же... Тристан вообще

перестал меня замечать. Мало того, начал избегать. А я сходила с ума от любви.

Она замолчала, отыскала мою руку, стиснула ее.

— Я сделала несколько попыток забыть о нем, — сказала она, уставившись в потолок. — В Тинтагеле было полно молодых и простодушных рыцарей. Ничего из этого не получилось. Однажды утром я вышла в лодке на море... И, отплыв достаточно далеко от берега, выпрыгнула.

— Бранвен, — сказал я, обнимая ее так крепко, чтобы объятием подавить сотрясающую ее дрожь. — Это прошлое. Забудь о нем. Ты, как и многие другие, ворвалась в водоворот их любви. Любви, которая сделала несчастными их самих, а для других была просто убийственна. Ведь и я... Я получил по голове, хоть только прикоснулся к их любви, даже не зная о ней. В Дун-Лаогайре Тристан победил меня, хотя я был сильнее и гораздо опытнее. Потому что тогда он бился за Изольду, за свою любовь. Я не знал об этом, получил по голове и, как и ты, обязан жизнью тем, кто был поблизости и счел возможным прийти мне на помощь. Спаси. Вытащить из бездонной пропасти. И нас спасли, тебя и меня. Мы живы, и черт с ним, с остальным.

Она подсунула мне руку под голову, провела ладонью по волосам, коснулась рубца, идущего от темени до уха. Я поморщился. Волосы у меня на шраме растут в удивительных направлениях, и прикосновение порой бывает невыносимо болезненным.

— Водоворот их любви, — шепнула она. — Нас засосал водоворот их любви. Тебя и меня. Но действительно ли нас спасли? А может, мы погружаемся в бездну вместе с ними? Что ждет нас, Моргольт? Море? Ладья без руля?

— Бранвен...

— Люби меня, Моргольт. Море помнит о нас, слышишь?

• Но пока мы здесь, пока еще не окончилась легенда...

— Бранвен...

— Люби меня, Моргольт.

Я старался быть нежным. Старался быть ласковым. Старался быть одновременно Тристаном, королем Марком и всеми простодушными рыцарями Тинтагеля одновременно. Из клубка желаний, которые были во мне, я оставил только одно — хотел, чтобы она забыла. Забыла обо всем. Старался, чтобы в

моих объятиях она помнила только обо мне. Я старался. Хотите верить, хотите нет.

Впустую.

Во всяком случае, так мне казалось.

Никаких признаков паруса. Море...

У моря цвет глаз Бранвен.

Я мечусь по комнате, словно волк в клетке. Сердце колотится так, будто хочет выломать ребра. Что-то стискивает мне диафрагму и глотку, что-то странное, что сидит во мне. Я в одежде кидаюсь на ложе. К черту! Я зажмуриваюсь и вижу золотые искры. Чувствую аромат яблок. Бранвен. Запах перьев сокола, сидящего у меня на рукавице, когда я возвращаюсь с охоты. Золотые искры. Я вижу ее лицо. Вижу изгиб ее щеки, небольшой, чуть курносый нос. Округлость плеча. Я вижу ее... Я несу ее...

Я несу ее на внутренней поверхности век.

— Моргольт...

— Ты не спишь?

— Нет. Не могу... Море не дает мне уснуть.

— Я рядом, Бранвен.

— Надолго ли? Сколько времени нам осталось?

— Бранвен...

— Завтра... завтра придет корабль из Тинтагеля.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Молчание.

— Моргольт...

— Да, Бранвен?

— Мы связаны. Пригвождены к этому колесу пыток, прикованы цепями, поглощены водоворотом. Завтра здесь, в Карэ, цепь разорвется. Я знала об этом в тот момент, когда встретила тебя на побережье. Когда оказалось, что ты жив. Когда оказалось, что и я живу. Но мы живем не для себя, уже нет, мы — всего лишь крупницы судеб Тристана из Лионессе и Златокудрой Изольды с Зеленого Острова. А здесь, в замке Карэ, мы оказались только для того, чтобы тут же потерять друг друга. Единственное, что нас соединяет, — это легенда о любви. Не наша легенда. Легенда, в которой мы играем непонятные нам

самим роли. Которая, возможно, об этих ролях даже не упомянет, а если и упомянет, то исказит их, вложит нам в уста не произнесенные нами слова, припишет не совершенные нами действия. Нас нет, Моргольт, но есть легенда, которая подходит к концу.

— Нет, Бранвен, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо, уверенно и решительно. — Нельзя так говорить. Печаль — вот что диктует тебе эти слова. Ибо правда то, что Тристан из Лионессе умирает, и даже если Златокудрая плывет на корабле, идущем из Тинтагеля, боюсь, она может приплыть слишком поздно. И хоть меня тоже гнетет эта мысль, я никогда не соглашусь с тем, что его легенда — единственное, что нас объединяет. Ни за что не соглашусь сейчас, когда лежу рядом с тобой, когда держу тебя в руках. В этот момент для меня нет ни Тристана, ни легенды, ни замка Карэ. Есть только мы. Ты и я.

— И я обнимаю тебя, Моргольт. Во всяком случае, так мне кажется. Но я-то знаю, что нас нет. Есть только легенда. Что с нами будет? Что ждет нас завтра? Какое решение нам придется принимать? Что с нами будет?

— Будет так, как решит судьба. Случай. Вся эта легенда, к которой мы все время так упорно возвращаемся, о которой так упорно говорим, — дело случая. Ряды случайностей. Если б не слепой рок, легенды могло бы и не быть. Тогда, в Дун-Лаогайре, ты только подумай, Бранвен, если б не слепой рок... Ведь тогда он, а не я, мог...

Я осекся, испуганный неожиданной мыслью. Пораженный словом, которое просилось на язык.

— Моргольт, — шепнула Бранвен. — Рок уже сделал с нами все, что мог. Остальное теперь не должно быть делом случая. Мы больше не подчиняемся случаю. То, что кончается, кончится и для нас. Потому что возможно...

— Что, Бранвен?

— Может, тогда, в Дун-Лаогайре...

— Бранвен?!

— Может, твоя рана была смертельна? Может, я... утонула в Море Сабрины?

— Но ведь мы живы, Бранвен!

— Ты уверен? Как мы появились на том побережье, одновременно, ты и я? Ты это помнишь? Тебе не кажется, что нас привела туда ладья без руля? Та самая, которая некогда при-

гнала Тристана к устью реки Лифле? Возникающая из тумана ладья из Авалона... ладья, пахнувшая яблоками? Ладья, на которую нам повелели сесть, потому что легенда не может оборваться без нас, без нашего участия? Потому что именно мы, ты и я, и никто больше, должны закончить эту легенду?! А когда мы ее закончим, то вернемся на берег, там нас будет ожидать ладья без руля, и нам придется сесть в нее и уплыть, раствориться в тумане? А, Моргольт?

— Мы живем, Бранвен.

— Ты уверен?

— Я прикасаюсь к тебе. Ты существуешь. Ты лежишь в моих объятиях. Ты прекрасная, теплая, у тебя гладкая кожа. Ты пахнешь так, как пахнет сокол, сидящий у меня на перчатке, когда я возвращаюсь с охоты, а дождь шумит на листьях берез. Ты существуешь, Бранвен.

— Я прикасаюсь к тебе, Моргольт. Ты здесь. Ты теплый, и так сильно бьется твое сердце. Ты пахнешь солью. Ты существуешь.

— А значит... мы живем, Бранвен. Ты и я.

Она улыбнулась. Я не видел этого. Почувствовал по движению губ, прижавшихся к моему плечу.

Позже, глубокой ночью, лежа неподвижно, с плечом, онемевшим от тяжести ее головы, не желая спугнуть ее тревожного сна, я вслушивался в шум моря. Впервые в жизни этот шум, будто ноющий зуб, беспокоил меня, мешал, не давал уснуть. Я боялся. Я боялся моря. Я, ирландец, выросший на побережье, с колыбели освоившийся с шумом прибоя. Море шумело, а я в шуме его слышал пение затопленного Иса. Слышал приглушенный бой колоколов Лионессе, поглощенного волнами. А позже, уже во сне, видел швыряемую волнами ладью без руля, ладью с высоко задранном носом и мачтой, украшенной гирляндами цветов.

Я чувствовал аромат яблок.

— Милостивая Бранвен... — Молоденький слуга задыхался, с трудом ловил ртом воздух. — Госпожа Изольда призывает тебя в комнату сэра Тристана. Тебя и сэра Моргольта из Ольстера. Поспешите, господи.

— Что случилось? Тристан...

— Нет, господи. Не то. Но...

— Говори, мальчик.

— Корабль из Тинтагеля... Возвращается сэр Каэрдин. Прибыл гонец с полуострова. Уже видно...

— Какого цвета паруса?

— Неизвестно. Корабль слишком далеко. За мысом.

Взошло солнце.

Когда мы вошли, Изольда Белорукая стояла спиной к окну, полуоткрытому, освещенному розблесками, играющими в стеклах, забранных в свицовые рамки. Вся она светилась неестественным, туманным, отраженным светом. Тристан дышал тяжело, отрывисто, неровно. Его лицо блестело от пота. Глаза закрыты.

Изольда взглянула на нас. Лицо у нее сморщилось, его исказили две глубокие морщины, прорытые гримасой по обеим сторонам рта.

— Он едва жив, — сказала она. — Он бредит.

Бранвен указала на окно:

— Корабль...

— Слишком далеко, Бранвен. Он только-только обогнул мыс... Слишком далеко...

Бранвен взглянула на Тристана и вздохнула. Я знал, о чем она подумала.

Нет. Не знал.

Слышал.

Хотите верьте, хотите нет, я слышал их мысли. Мысли Бранвен, беспокойные и полные страха, вспененные словно морская волна в прибрежных скалах. Мысли Изольды, мягкие, дрожащие, рвущиеся и испуганные, как стиснутая в руке птица. Мысли Тристана, беспорядочные, рваные будто клочья тумана.

«Все, — думала Изольда, — все мы с тобой рядом, Тристан... Бранвен из Корнуолла — Владычица Водорослей. Моргольт из Ольстера — Решение. И я, любящая тебя, Тристан, любящая все сильнее с каждой минутой, уходящей минутой, понемногу отбирающей тебя у меня. Отбирающей у меня тебя независимо от цвета парусов корабля, который плывет к берегам Бретани. Тристан...»

«Изольда, — думал Тристан. — Изольда. Почему они не глядят в окно? Почему глядят на меня? Почему не говорят мне, какого цвета парус? Мне так необходимо это знать, ведь мне так необходимо... Сейчас, немедленно, иначе я...»

«Он уснет, — думала Бранвен. — Уснет и уже никогда не проснется. Он уже там, откуда одинаково далеко и от освещенной солнцем поверхности моря, и от зеленых водорослей, покрывающих дно. В том месте, в котором прекращают борьбу. А потом — покой. Только покой».

«Тристан, — думала Изольда, — теперь я знаю, что была с тобой счастлива. Несмотря ни на что. Несмотря на то что ты так редко называл меня по имени. Обычно ты говорил мне: «Госпожа». Ты так старался меня не ранить. Так старался, столько вкладывал в это усилий, что именно этим старанием и этими усилиями ранил меня сильнее всего. И все-таки я была счастлива. Ты дал мне счастье. Ты дал мне золотые искры, сверкающие под веками. Тристан...»

Бранвен смотрела в окно. На корабль, выходящий из-за мыса. «Скорее, — думала Бранвен. — Скорее, Каэрдин. Ближе к ветру. Не важно, под каким парусом, ближе к ветру, Каэрдин. Приди, Каэрдин, приди на помощь. Спаси нас, Каэрдин...»

Но ветер, который трое суток дул, студил и хлестал дождем, утих. Выглянуло солнце.

«Они все здесь, — думал Тристан. — Белорукая Изольда, Бранвен, Моргольт... И теперь я... Изольда, моя Изольда... Какие паруса у корабля... Какого цвета...»

«Мы словно стебли травы, прилипающие к краю плаща, когда идешь по лугу, — думала Изольда. — Все мы — стебли травы на твоём плаще, Тристан. Сейчас ты встряхнешь плащом, и мы освободимся... и нас подхватит ветер. Не заставляй меня смотреть на эти паруса, Тристан, супруг мой. Ну, пожалуйста, не заставляй».

«Жаль, — думал Тристан, — как жаль, что я не познал тебя раньше. Почему тогда судьба закинула меня именно в Ирландию? Ведь от Лионессе к Арморике было ближе... Я мог познать тебя раньше... Как жаль, что я не смог тебя любить... Как жаль... Какие паруса у корабля? Как жаль... Я хотел бы любить тебя, госпожа. Моя добрая Изольда Белорукая... Но я не могу... Не могу...»

Бранвен повернулась лицом к гобелену, рыдания сотрясали ее плечи. Значит, слышала и она.

Я обнял ее. Клянусь всеми тритонами Лира, я проклинал свою медвежью неловкость, свои сучковатые лапы и потрескавшиеся подушечки пальцев, словно рыбацкие крючки цеп-

ляющиеся за шелк. Но Бранвен, падая ко мне в руки, наполнила собою все, исправила ошибки, закруглила углы — как волна, которая размывает и оглаживает изрытый копытами песок на пляже. Мы вдруг стали единым целым. Вдруг я понял, что не могу ее потерять. Ни за что. Ни за что...

Поверх ее прижавшейся к моему плечу головы я видел окно. Море. И корабль.

«Ты можешь проявить ко мне любовь, Тристан, — думала Изольда. — Прежде чем я тебя потеряю, прояви ее. Единственный раз. Я так хочу этого. Не принуждай меня смотреть на паруса этого корабля. Не проси, чтобы я сказала, какого они цвета. Не заставляй меня сыграть в твоей легенде роль, которую я играть не хочу...»

«Я не могу, — думал Тристан. — Не могу... Изольда Златокудрая... Как мне холодно... Как мне чудовищно холодно... Изольда... Изольда... Моя Изольда...»

«Это не мое имя, — подумала Изольда. — Это не мое имя». — Это не мое имя! — крикнула она.

Тристан раскрыл глаза, обвел взглядом комнату, поворачивая голову на подушках.

— Госпожа... — прошептал он свистящим шепотом. — Бранвен... Моргольт...

— Мы здесь. Все, — очень тихо сказала Изольда.

«Нет, — подумал Тристан. — Здесь нет Изольды... А значит... все так, словно нет никого».

— Госпожа...

— Не заставляй меня... — шепнула она.

— Госпожа... Прошу... Я прошу...

— Не заставляй меня смотреть на паруса, Тристан. Не принуждай меня сказать тебе...

— Я прошу... — напрягся он. — Прошу...

И тогда он сказал. Иначе. Бранвен вздрогнула в моих объятиях.

— Прошу тебя, Изольда.

Она улыбнулась.

— Я хотела изменить ход легенды, — очень спокойно сказала она. — Что за сумасбродство. Легенду изменить невозможно. Изменить нельзя ничего. Ну, почти ничего...

Она осеклась, взглянула на меня, на Бранвен... Мы все еще обнимали друг друга на фоне вышитой на гобелене ябло-

ни Авалона. И улыбнулась. Я знал, что никогда не забуду этой улыбки.

Медленно, очень медленно она подошла к окну, остановилась, развела руки, уперлась ими в стрельчатый проем.

— Изольда, — простонал Тристан. — Какие.. Какие...

— Белые, — сказала она. — Белые, Тристан. Белые, как снег. Прощай.

Она повернулась. Не глядя на него, не глядя на нас, на Бранвен и меня. Она вышла из комнаты. В тот момент, когда она выходила, я перестал слышать ее мысли. Слышал только шум моря.

— Белые! — воскликнул Тристан. — Изольда Златокудрая! Наконец-то...

Голос угас у него в горле как задутый огонек каганка. Бранвен крикнула. Я подбежал к ложу. Тристан шевелил губами. Пытался приподняться. Я придержал его, легким нажимом руки заставил опуститься на подушки.

— Изольда, — шепнул он. — Изольда, Изольда...

— Лежи, Тристан. Не вставай.

Он улыбнулся. Клянусь Лугом, я знал, что никогда не смогу забыть этой улыбки.

— Изольда... Я должен увидеть сам...

— Лежи, Тристан...

— ...эти пару...

Бранвен, стоявшая у окна, там, где только что стояла Изольда Белорукая, громко всхлипнула.

— Моргольт! Этот корабль...

— Я знаю, — сказал я. — Знаю, Бранвен...

Она повернулась:

— Он умер.

— Что?

— Тристан умер. Только что. Это конец, Бранвен.

Я глянул в окно. Корабль был уже ближе, но все еще слишком далеко.

Слишком далеко, чтобы можно было разглядеть цвет парусов.

Я встретил их в большой зале, той самой, в которой нас встречала Изольда Белорукая. В зале, в которой я отдал ей свой меч, попросив, чтобы она пожелала распоряжаться моей жизнью. Что бы это ни означало.

Я искал Изольду и капеллана, а нашёл их.

Их было четверо.

Один валлийский друид по имени Гвирддиддуг, сообразительный старикан, когда-то сказал мне, что намерения человека, пусть даже не знаю как хитро скрываемые, всегда выдают две вещи: глаза и дрожание рук. Я внимательно взглянул в глаза и на руки рыцарей, стоявших в большой зале.

— Я — сэр Мариадок, — сказал самый высокий из них. На тунике у него красовался герб: на перерезанном пополам наискось красно-голубом поле две чёрные кабаньи головы, изукрашенные серебром. — А эти добрые рыцари — Гвиндолин, Андред и Дегу ап Овейн. Мы прибыли из Корнуолла. У нас поручение к сэру Тристану из Лионессе. Веди нас к нему, сэр рыцарь.

— Вы опоздали, — сказал я.

— Кто ты, господин? — нахмурился Мариадок. — Я тебя не знаю.

В этот момент вошла Бранвен. Лицо Мариадока сморщилось, злоба и ненависть выползли на него, извиваясь словно змеи.

— Мариадок?

— Бранвен!

— Гвиндолин, Андред, Дегу? Вот уж не думала, что еще когда-нибудь вас встречу. Говорили, что Тристан и Горвенал прикончили вас тогда в Лесу Моруа.

Мариадок зловеще усмехнулся:

— Пути судьбы неисповедимы. Я тоже не думал когда-нибудь еще увидеть тебя, Бранвен. Тем более здесь. Ну, ведите нас к Тристану. Наше дело не терпит отлагательства.

— Что за спешка?

— Ведите к Тристану, — гневно повторил Мариадок. — У нас к нему дело. Не к его челядникам и не к сводницам королевы Корнуолла.

— Откуда ты прибыл, Мариадок?

— Из Тинтагеля, как сказал.

— Интересно, — усмехнулась Бранвен. — Корабль-то еще не подошел к берегу. Но он уже близко. Хочешь знать, под каким парусом плывет?

— Не хочу, — спокойно ответил Мариадок.

— Вы опоздали. — Бранвен все еще загоразивала собою дверь, опершись о стену. — Тристан из Лионессе мертв. Умер только что.

Выражение глаз Мариадока не изменилось ни на миг. Я понял, что он уже знал. И понял все. Свет, который я видел в конце темного коридора, разгорался все ярче.

— Уходите отсюда, — буркнул он, положив руку на оголовье меча, — покиньте замок. Немедленно.

— Как вы сюда попали? — ухмыльнувшись, спросила Бранвен. — Случайно, не приплыли ли в ладье без руля? С черной рваной тряпкой вместо паруса? С волчьей мордой, прибитой к задранному носу ладьи? Зачем вы здесь? Кто вас прислал?

— Уйди с дороги, утопленница. Не препятствуй. Можешь пожалеть.

Лицо у Бранвен было спокойным. Но на этот раз это не было спокойствие отчаяния и бессилия, холод отчаянного, бесчувственного безразличия. На сей раз это был покой непоколебимой железной воли. Нет, я не мог ее потерять. Ни за что.

Ни за что? А легенда?

Я чувствовал аромат яблок.

— Странные у тебя глаза, Мариадок, — неожиданно проговорила Бранвен. — Глаза, не привыкшие к дневному свету.

— Прочь с дороги.

— Нет. Я не уйду. Сначала ответь мне на вопрос. Вопрос, который звучит так: зачем вы здесь?

Мариадок не пошевелился. Он глядел на меня.

— Не будет легенды о великой любви, — сказал он, но я знал, что говорит вовсе не он. — Не нужна и вредна была бы такая легенда. Ненужным безумием был бы склеп из берилла и куст боярышника, выросший из него, чтобы охватить ветвями другой склеп, из халцедона. Мы не желаем, чтобы существовали такие склепы. Мы не желаем, чтобы история Тристана и Изольды проросла в людях, чтобы была образцом и примером, чтобы когда-либо повторилась. Мы не допустим, чтобы где бы то ни было, когда бы то ни было юные люди говорили друг другу: «Мы — как Тристан и Изольда».

Бранвен молчала.

— Мы не допустим, чтобы нечто такое, как любовь этих двух, мutila в будущем умы, которым предначертаны высшие свершения. Чтобы ослабляла руки, задача которых — крушить и убивать. Чтобы смягчала характеры, которые должны держать власть в стальных тисках. А прежде всего, Бранвен, мы не допустим, чтобы то, что связывало Тристана и Изольду, вошло в легенду как торжествующая любовь, преодолевающая

преграды, соединяющая любовников даже после их смерти. Поэтому Изольда из Корнуолла должна умереть далеко отсюда, обычной смертью во время родов, выдав на свет очередного потомка короля Марка. Тристан же, если до нашего прибытия не успел по-подлому скрыться, должен упокоиться на дне морском с камнем на шее. Либо сгореть. О да, будет гораздо лучше, если он сгорит. От затонувшего Лионессе на поверхности остались только вершины Силли, а от Тристана не должно остаться ничего. И замок Карэ должен сгореть вместе с ним. Сейчас, немедленно, пока корабль из Тинтагеля еще не выплыл из залива. И так будет. Вместо бериллового склепа — вонючее пепелище. Вместо прелестной легенды — безобразная правда. Правда о самолюбивом ослеплении, о марше по трупам, об истоптанных чувствах других людей, о причиненном им вреде и несправедливости. Что скажешь, Бранвен? Ты намерена встать на пути у нас, бойцов за правое дело? Повторяю — прочь с дороги. Против тебя мы ничего не имеем. Мы не намерены тебя ликвидировать. Да и зачем? Ты свою роль сыграла, не очень достойную роль, можешь идти прочь, возвращайся на побережье. Там тебя ждут. То же касается и тебя, рыцарь... Как тебя зовут?

Я глядел в их глаза и на их руки и думал, что старый Гвирдиддуг не сказал ничего нового. Да, действительно, глаза и руки выдавали их с головой. Потому что в глазах у них была жестокость и решимость, а в руках — мечи. А вот у меня не было меча. Я вручил его Изольде Белорукой. Ну что ж, подумал я, ничего не поделаешь. В конце концов, что тут такого — погибнуть в бою? Впервой мне, что ли?

Я — Моргольт! Тот, кто принимает решение!

— Твое имя? — повторил Мариадок.

— Тристан, — сказал я.

Капеллан появился неведомо откуда, выскочил, словно пак из-под земли. Кряхтя от напряжения, кинул мне через всю залу большой двуручный меч. Мариадок поднял свой для удара, прыгнул ко мне. На мгновение оба меча были наверху — Мариадоков и тот, что летел к моим протянутым рукам.казалось, я не могу его опередить. Но я смог.

Я ударил его под мышку, изо всей силы, с полуоборота, острое прошло укосом точно по линии, разделяющей цвета на его гербе. Я развернулся в другую сторону, опустил меч, и Мариадок сполз с клинка под ноги другим трем, уже бегущим

ко мне. Андрес споткнулся о тело, так что я мог бы запросто разрубить ему голову пополам. И разрубил.

Гвиндолин и Дегу кинулись на меня с двух сторон, я скользнул между ними с вытянутым мечом, крутясь словно волчок. Им пришлось отскочить, их клинки были на добрый локоть короче. Присев, я рубанул Гвиндолина в бедро, почувствовал, как острое скрежетнуло по кости и разрубило ее. Дегу замахнулся, напав сбоку, но поскользнулся на крови, упал на одно колено. В его глазах был ужас и мольба, но я не искал в себе жалости. И не нашел. Тычок двуручным мечом, нанесенный с малого расстояния, парировать невозможно. Если отскочить не удастся, клинок входит в тело на две трети длины, по две железные зарубки, которые на нем специально делают. И он вошел.

Хотите верьте, хотите нет, ни один из четверых не крикнул. А я... Я не чувствовал в себе ничего. Совершенно ничего.

Я кинул меч на пол.

— Моргольт! — подбежала Бранвен, прижалась ко мне, все еще дрожа от постепенно угасающего возбуждения.

— Все хорошо, девочка. Всему конец, — сказал я, глядя ее по голове, но при этом не сводил глаз с капеллана, опустившегося на колени рядом с умирающим Гвиндолином.

— Благодарю, поп, за меч.

Капеллан поднял голову и глянул мне в глаза. Откуда он взялся? Или был здесь все время? А если был тут все время... то кто он такой? Кто он такой, черт побери?

— Все в руке Божией, — сказал он и снова склонился к Гвиндолину, — *et lux perpetua luceat eis*.

И все-таки он не убедил меня. Не убедит меня ни первым, ни вторым утверждением. В конце-то концов, я был Моргольт-ом. А вечный свет? Мне известно, как выглядит такой свет. Я знал это лучше его. Капеллана.

Позже мы отыскиали Изольду.

В ванне, прижавшуюся лицом к стене. Педантичная, аккуратная Изольда Белорукая не могла сделать этого где попало. Нет. Только на каменном полу, рядом с канавкой для стока воды. Теперь эта канавка по всей длине поблескивала темным застывшим кармином.

Она перерезала себе вены на обеих руках. Умело, так, что спасти ее было невозможно, даже найди мы ее раньше. Вдоль

всего предплечья, по внутренней стороне. И добавила поперек, на сгибах локтей. Крестом.

Руки были еще белее, чем обычно.

И тогда, хотите верьте, хотите нет, я понял, что пахнущая яблоками ладья без руля отходит от берега. Без нас. Без Бранвен из Корнуолла. Без Моргольта из Ольстера. Без нас. Но не пустая.

Прощай, Изольда. Прощай навсегда. В Тир-Нан-Оге ли, или в Авалоне навечно останется белизна твоих рук.

Прощай, Изольда.

Мы покинули Карэ прежде, чем туда явился Каэрдин. Нам не хотелось разговаривать с ним. С ним или с кем-либо еще, кто мог быть на борту корабля, приплывшего из Корнуолла, из Тинтагеля. Для нас легенда уже завершилась. Нас не интересовало, что сделают с нею и из нее менестрели.

Снова похмурило, моросил мелкий дождик. Нормально. Для Бретани. Нас ждала дорога. Дорога через дюны к каменистому пляжу. Я не хотел думать, что будет дальше. Это не имело значения.

— Я люблю тебя, Моргольт, — сказала Бранвен, не глядя на меня. — Я люблю тебя, хочешь ты того или нет. Хочу я того или нет. Это — как болезнь. Как немощь, которая отбирает у меня возможность свободного выбора, которая затягивает меня в бездну. Я затерялась в тебе, Моргольт, никогда уже не отыщу, не отыщу себя такой, какой была. А если ты ответишь чувством на мое чувство, то затеряешься тоже, пропадешь, погрузишься в пучину и никогда, никогда уже не отыщешь бывшего Моргольта. Поэтому подумай как следует, прежде чем ответить.

Корабль стоял у каменной набережной. Что-то выгружали. Кто-то кричал и ругался по-валлийски, подгоняя грузчиков. Сворачивали паруса. Паруса...

— Страшная болезнь — любовь, — продолжала Бранвен, тоже разглядывая паруса корабля. — *La maladie*, как говорят южане, из глубин материка *La maladie d'espoir*, болезнь надежды. Самолюбивое ослепление, причиняющее вред всем окружающим. Я люблю тебя, Моргольт, в самолюбивом ослеплении. Меня не волнует судьба других, которых я невольно могу впутать в свою любовь, обидеть, растоптать. Разве это не страшно? А если ты

ответишь чувством на мое чувство... Подумай как следует, Моргольт, прежде чем ответить.

Паруса...

— Мы как Тристан и Изольда, — сказала Бранвен, и ее голос опасно надломился. — *La maladie*... Что с нами будет, Моргольт? Что с нами станется? Неужели и нас окончательно и навечно соединит лишь куст боярышника или шиповника, который вырастет из бериллового склепа, чтобы охватить своими побегами другой склеп, тот, что из халцедона? Стоит ли? Моргольт, хорошенько подумай, прежде чем мне ответишь.

Я не намерен был задумываться. Уверен, Бранвен знала об этом. Я видел это в ее глазах, когда она взглянула на меня.

Она знала: мы присланы в Карэ, чтобы спасти легенду. И мы сделали это. Самым верным образом.

Начиная новую.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Бранвен, — сказал я, глядя на паруса. — Ведь я чувствую то же. Это страшная болезнь. Страшная, неизлечимая *la maladie*. Я знаю, что ты чувствуешь, потому что я тоже заболел, девочка.

Бранвен улыбнулась, а мне показалось, будто солнце прорвалось сквозь низкие тучи. Такой была ее улыбка, хотите верьте, хотите нет.

Я тронул коня шпорами.

— И назло здоровым, Бранвен?

Паруса были грязные.

Во всяком случае, так мне казалось.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА

5

ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА

497

МУЗЫКАНТЫ

563

ЗОЛОТОЙ ПОЛДЕНЬ

597

MALADIE

628

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

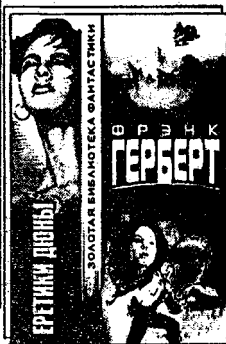
Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии

«Золотая библиотека фантастики»

опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

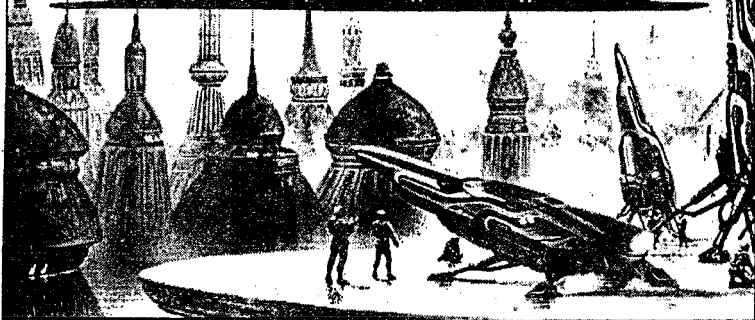
«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитан Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — **«ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!**

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сапковский Анджей
Владычица Озера
Дорога без возврата

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян, Н.И. Эристави

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Андре́й Сапко́вский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

ISBN 5-17-004963-3

9 785170 049639

Андре́й
Сапко́вский

Владычица Озера
Дорога без возврата